

Юрий ПОМИНОВ

НЕЗАМЕНИМЫЕ

Книга о людях XX и XXI веков

(очерки и интервью)

г. Павлодар

2025 год

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Каз.)
П55

Поминов Ю.Д.

П55 Незаменимые. Книга о людях 20-го и 21 веков (очерки и интервью). – Павлодар: ТОО «Дом печати», 2025 – 512 с.

ISBN 978-601-7614-33-1

Герои этой книги – яркие личности, которые состоялись в избранных ими профессиях, внесли огромный вклад в экономику, культуру, образование советской поры и современного Казахстана, оставили о себе добрую память.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Спасибо моим друзьям, которые помогли издать эту книгу.

ISBN 978-601-7614-33-1

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Каз.)

ISBN 978-601-7614-33-1

© Поминов Ю.Д., 2025
© Павлодар, ТОО «Дом печати», 2025

ГЕРОИ ЭТОЙ КНИГИ

Борис Васильевич Исаев – государственный и общественный деятель, поэт, публицист.

Махмет Каирбаевич Каирбаев – фронтовик, Герой Советского Союза, государственный и общественный деятель.

Сергей Павлович Шевченко – журналист, писатель, педагог, краевед.

Оралбек Кожанович Кожанов – государственный и общественный деятель.

Наум Григорьевич Шафер – учёный-филолог, композитор, музыковед.

Аби Саркыншакович Саркыншаков – почётный железнодорожник СССР, почётный гражданин Павлодарской области и города Павлодара.

Борис Алексеевич Веселов – строитель, почётный гражданин Павлодарской области.

Аманжол Базарбаевич Аубакиров – строитель, почётный гражданин Павлодара.

Иван Васильевич Лагутин – фронтовик, художник, краевед.

Владимир Романович Гундарев – поэт, редактор, журналист.

Виктор Гаврилович Семерьянов – поэт, журналист.

Сапарбек Султанович Беркетов – руководитель уникальных производств, почётный гражданин Павлодарской области и города Павлодара.

Евгений Григорьевич Азаров – строитель, государственный и общественный деятель, почётный гражданин Павлодарской области и города Павлодара.

Валентина Васильевна Шершнёва – государственный и общественный деятель, почётный гражданин Павлодарской области.

Леонид Константинович Полежаев – государственный и общественный деятель, почётный гражданин Павлодарской области.

Вера Дмитриевна Болтина – архивист, почётный гражданин Павлодарской области.

Людмила Васильевна Шевелёва – архивист.

Моилжан Сулейменович Канаев – ветеран сельскохозяйственного производства, общественный деятель.

Виктор Фёдорович Поликарпов – художник, почётный гражданин Павлодарской области и города Павлодара.

Николай Александрович Миллер – хлебороб, предприниматель, почётный гражданин Павлодарской области.

Анатолий Филиппович Главацкий – технолог мукомольной промышленности, предприниматель, обладатель знака «За заслуги перед областью».

Александр Анатольевич Касицын – руководитель уникального сельхозпредприятия, общественный деятель.

Сергей Александрович Горбунов – журналист, писатель, почётный гражданин города Павлодара.

Андрей Геннадьевич Челноков – председатель Союза журналистов Новосибирской области.

Даулет Коканович Закарьянов – ветеран государственной службы.

Юрий Петрович Пашинцев – хирург.

Ольга Николаевна Григорьева – поэт, журналист, исследователь жизни и творчества А.И. Цветаевой.

Александр Дмитриевич Поминов – поэт, журналист.

* * *

Пока эта книга готовилась к печати, не стало Е.Г. Азарова и А.Ф. Главацкого. А так хотелось им её подарить...

ВОЗВРАЩАЮ ДОЛГИ

К этой книге я шёл многие годы – можно сказать, всю свою журналистскую жизнь. Подводя итоги сделанному в профессии, скажу о том, что считаю в ней главным: это люди, которых она мне подарила. Именно подарила, ведь все они – яркие, самобытные, неординарные личности, состоявшие в разных сферах. Очень достойные люди, доверившие мне, журналисту, истории своих судеб. И мы со многими из них становились близки на годы и годы.

Государственный и общественный деятель Борис Васильевич Исаев (он же – поэт Василий Луков); филолог, музыковед, создатель уникальной коллекции грампластинок мирового значения Наум Григорьевич Шафер (он же – композитор Нами Гитин); почётный железнодорожник СССР, отдавший служению отрасли более 60 лет, возглавлявший самое крупное в СССР Павлодарское отделение железной дороги Аби Саркыншаков; хлебороб номер один в Павлодарском Прииртышье Николай Александрович Миллер; художник, автор уникальных серий графических работ Виктор Фёдорович Поликарпов; строители союзного масштаба Борис Алексеевич Веселов и Аманжол Базарбаевич Аубакиров; хранители истории, архивисты Вера Дмитриевна Болтина и Людмила Васильевна Шевелёва; один из главных создателей Павлодарского телевидения, журналист, писатель Сергей Павлович Шевченко; поэт и редактор Владимир Романович Гундарев; председатель Союза журналистов Новосибирской области Андрей Геннадьевич Челноков...

Не стану называть всех, скажу лишь, что каждый из героев этой книги – герой в полном смысле этого слова нашего советского и уже нового времени. Среди них и мой брат Александр Дмитриевич – журналист и поэт, чья драматическая судьба также стала отражением драм ушедшей эпохи, и моя жена, поэт, журналист Ольга Григорьева, организатор единственного в мире музея Анастасии Цветаевой...

Этой книгой я возвращаю свои долги её героям: во многом благодаря им я стал тем, кем стал... И все они, столь много сделавшие в своих жизнях, так или иначе олицетворяли мощь советской эпохи, заложили своим трудом основу суверенного Казахстана – экономическую, социальную, культурную. Все они заслуживают того, чтобы остаться в истории былых и новых времён.

Юрий ПОМИНОВ.

Борис Исаев:

«ЖИТЬ СТОИТ!»

*Биография жизни короче,
Но не раб человек у судьбы,
Мир безумен, жесток и порочен,
Если сдашься ему без борьбы!*

Василий Луков.

Свою биографию Борис Васильевич Исаев иногда называл блестяще проклятой. И в этой, казалось бы, несопоставимости двух слов была своя логика. А в одном из программных его стихотворений рефреном звучало: «Жить стоит!» И этому принципу он следовал всю жизнь, как бы она ни складывалась.

Впервые я, начинающий журналист, оказался в его кабинете – первого секретаря обкома партии – 45 лет назад, а последнюю четверть века мы общались и даже дружили. У меня накопилось целое «исаевское досье», я не раз писал о нём. И теперь пытаюсь собрать и переосмыслить всё написанное заново.

Вот одна из первых наших обстоятельных бесед – очно-заочных. Я набросал тогда перечень вопросов и попросил Бориса Васильевича ответить на них письменно. А потом мы не раз продолжали это интервью.

– Вы – коренной казахстанец. А как вообще Исаевы оказались здесь? Кто были ваши родители, знаете ли что-нибудь о своих более далёких предках? Может быть, есть какие-то семейные предания, легенды?

– Моя биография типично советская. Предки мои попали в Казахстан, как и большинство русских, в период столыпинских реформ, на рубеже XIX и XX веков, а наша историческая родина – Тульская губерния. Предки – крестьяне. Осели в нынешней Северо-Казахстанской

области, в селе Пресновка Соколовского района (в советские годы там располагался совхоз «Лесной»).

Дед по отцу считался середняком. У него, кроме моего отца, было ещё два сына и две дочери. Моего старшего брата мать родила в селе в 1929 году, а я родился уже в Петропавловске в 1932 голодном году, куда переехали деды и родители. Как-то им удалось перебраться в город в период коллективизации... Дед стал работать на сапоговаляльной фабрике, но вскоре погиб там в результате несчастного случая: затянуло в ременную трансмиссию. Опыта-то у него для такой работы не было.

Другой дед ещё раньше в основном жил в городе, работал кровельщиком и жестянщиком.

Отец мой окончил четыре класса церковно-приходской школы и пятый класс вечерней школы в городе. Его специальное образование – курсы счетоводов, по тем временам он считался грамотным человеком и перед Великой Отечественной войной занимал пост главного бухгалтера Петропавловского элеватора.

В начале войны его призвали в армию, и он погиб на фронте. Нас у матери осталось четверо, она всю войну проработала на разгрузке железнодорожных вагонов. Оставшись вдовой в тридцать с небольшим лет, замуж больше не вышла. Умерла в возрасте 90 лет.

Во время войны и некоторое время после неё мы жили крайне бедно, так как работал один старший брат – на оборонном заводе. Я несколько лет жил у сестры матери в Акмолинской области, где и школу окончил.

Самая главная семейная традиция – мы все книгочеи. Отец читал вслух матери: она была практически безграмотна. Ну и мы подслушивали, ещё не умея читать. Но с пяти лет я уже читал самостоятельно. Любят читать и мои дочери. А вот внуки уже не все.

Прочёл практически всю русскую, советскую и зарубежную классику. В последнее время читаю современную русскую прозу и поэзию. С грустью констатирую, что почти ничего не могу порекомендовать из современной литературы дочерям и внукам...

– Самые яркие впечатления ваших детства и юности? Почему вы выбрали именно мореходку? Что она значила для вашей дальнейшей жизни, чему научила?

– Видимо, так устроен человек, что все его самые яркие впечатления – из детства, какое бы тяжёлое оно ни было. Нашу биографию пе-

репахала война. И люди потом сравнивали: как было до и после войны. Сам я пережил голод, холод, был безотцовщиной...

С детства люблю «тихую» рыбалку – с удочкой, чтобы поплавок «танцевал»! И не важно, каких размеров рыбёшка тогда клевала – пескарики, окуньки или плотвички.

Купание с пацанами в речках, озерах, старицах да и любых лужах... Лес и степи... Впервые верхом на лошади... Поездки на быках за сеном и за дровами. Школа. А у меня их было аж семь. Первая любовь...

Почему выбрал мореходку? Книги: Жюль Верна, Станюковича, Сергеева-Ценского, «Два капитана» Каверина, других авторов... Романтика юности, а с другой стороны, проза жизни. Конечно, хотелось стать писателем или журналистом, учиться в МГУ или в Литературном институте, но стипендии там маленькие, и помощи ждать было не от кого. А в мореходке – всё на полном государственном обеспечении. Тогда было три высших мореходных училища: в Ленинграде, в Одессе и во Владивостоке. Конечно, всю жизнь заочно был влюблён в Питер. Но, хотя в то время был и не очень большой конкурс, всё же оставалось опасение, что в Европе труднее будет попасть в курсанты. Конечно, если бы был уверен, что окончу школу с медалью, то подал бы документы в Ленинградскую мореходку. Аттестат высылался после остальных документов, и можно было бы ещё успеть переиграть, но я подумал, что, возможно, судьба – ехать на Дальний Восток. Так оно в конце концов и оказалось. У меня зрение было хуже, чем требовалось для будущего штурмана, и я оказался на судоремонтном факультете...

Какую колоссальную роль в нашей жизни играет случай! Вот война, ведь это тоже в конце концов случай в жизни людей и государства. Из-за войны я попал в село Журавлевку, где встретил свою будущую жену, которая тоже по воле случая попала туда. Да и наше рождение – это тоже результат случайной встречи наших родителей. Сталин издал в марте 1944 года указ об образовании специальных военных и гражданских училищ, в том числе и мореходных. После окончания училища я начал работать в Находке, но дальневосточный климат оказался неподходящим для здоровья жены, и надо было уезжать. Жена хотела к родителям, которые в это время жили в Караганде. Вот эта цепь случайностей привела к тому, что я с морским образованием вернулся в Казахстан. Три момента тут сыграли судьбоносную роль: Сталин, война, жена! В дальнейшем больше играла роль закономерность, но и

случай участвовал в моем приезде в Павлодар, перемещении в Алматы и возвращении вновь в Павлодар.

В Казахстане решающую роль в моей судьбе сыграл Д.А. Кунаев... Но, чтобы закончить тему мореходки, скажу, что быть капитаном дальнего плавания — это не для меня, ибо, как оказалось, я по характеру домосед и всё равно ходил бы по морям-океанам недолго. Моряки ведь месяцами не бывают на берегу, неделями с ходового мостика ничего не видно, кроме океанских волн, и такая жизнь длится годами.

— Расскажите о жизни в Караганде, особенностях того времени. Как и почему вы стали директором завода? Почему вам удалось там сделать то, что не удавалось другим?

— В Караганде прожил 18 лет. Там состоялся как руководитель. Работа на заводах сыграла значительную роль в моей биографии, особенно когда стал директором Карагандинского завода отопительного оборудования — крупнейшего завода в Караганде и отрасли. Попал туда в тяжелейшее для предприятия время: завод систематически не выполнял план. Три литейных цеха с тяжёлыми условиями труда. Загазованность, запыленность, нехватка кадров, большой брак чугунного литья (в год выплавлялось 100 тысяч тонн чугуна).

Как завод стал самым передовым в отрасли — отдельный разговор. Я думаю, что был прав первый секретарь Карагандинского обкома партии Василий Кузьмич Акулинцев, сказавший: «Если бы Исаев не был директором именно этого завода, другая ему была бы цена». Считаю завод основой всей дальнейшей карьеры.

И опять случай (я не попал на партийную работу сразу после окончания Высшей партийной школы при ЦК КПСС) сыграл положительную роль в трудовой биографии. Работа на этом заводе способствовала развитию организаторских способностей, которые откуда-то попали в мои гены. Первые год-два было тяжело и мне, и членам моей семьи.

— Считаете ли первую встречу с Кунаевым судьбоносной для себя? Как потом складывались ваши взаимоотношения (утверждение первым секретарем Карагандинского горкома и так далее)?

— Вот тут судьба свела нас с Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым. Неудовлетворительная работа завода, постоянный дефицит отопительных радиаторов вели к невыполнению планов строительства жилья и других объектов в Казахстане, Средней Азии, и партийные и государственные органы были озабочены этой постоянной «болячкой». Кунаев при посещении Караганды жёстко критиковал горком партии

за неудовлетворительную работу завода. И когда мы начали выполнять план, он выразил желание его посетить.

Было это 10 июня 1970 года, в день моего рождения. Это посещение и сыграло «роковую» роль в моей дальнейшей судьбе. Димаш Ахмедович, как говорится, положил глаз на меня. Ему тогда было 58 лет, и глаз у него был ого-го какой острый!

Поэтому, когда встал вопрос о кандидатуре на должность первого секретаря Карагандинского горкома партии и обком представил три кандидатуры (меня в этом списке не было, ведь я не был до этого ни секретарём райкома, ни отраслевым секретарём горкома), Кунаев отклонил все предложенные кандидатуры и неожиданно для обкома назвал мою фамилию, указав, что не следует оставлять на хозяйственной работе человека, с отличием окончившего ВПШ и проявившего высокие деловые качества на производстве. Выбор первого секретаря ЦК обсуждению не подлежал.

В горкоме я нажимал на выполнение плана, и в городе практически не было отстающих промышленных и других предприятий, выполнялись планы по капитальному строительству жилья, вводу объектов.

Проработал в горкоме менее четырех лет и в возрасте 43 лет, миная должности второго секретаря или председателя облисполкома, был рекомендован на должность первого секретаря Павлодарского обкома партии. Конечно, кандидатуры на такие должности обсуждались в аппарате и в бюро ЦК Компартии Казахстана, утверждались в ЦК КПСС, но решающий голос был за Кунаевым. Кстати, в ЦК КПСС для рекомендации на должность первого секретаря обкома направлялись личные дела семи человек, и в случае, если первый по списку по какой-либо причине не проходил, рассматривался следующий...

– Первое «пришествие» в Павлодар. Можно ли считать эти годы лучшей, самой интересной и плодотворной порой в вашей жизни? Что особенно помнится из тех лет?

– Конечно, работа в Павлодарской области – пик трудовой биографии, и мне кажется, что удалось проявить свои деловые качества в полной мере. Мне тогда было, повторяю, 43 года. Чувствовал поддержку со стороны республиканского ЦК и ЦК КПСС. Был избран депутатом Верховного Совета СССР. Эти годы (1976-1981) были периодом наибольшего развития области. Бурно развивался ЭТЭК – Экибастузский топливно-энергетический комплекс, строились крупнейшие угольные разрезы и электростанции, объекты стройиндустрии, железнодорожно-

го транспорта, других отраслей народного хозяйства, торговли, здравоохранения, образования, культуры, коммунальные объекты и большое количество жилья. Рос не только промышленный Экибастуз, в эти годы в два с лишним раза возросли мощности на Ермаковском ферросплавном заводе, вошли в строй новые цеха на тракторном и судоремонтном, на химзаводе, вступил в строй нефтеперерабатывающий. Были построены новый пивоваренный и рыбоперерабатывающий заводы, швейная фабрика. Строительная база области была самой мощной в республике. Гордостью павлодарцев стали Дворец культуры тракторостроителей, Дворец пионеров, Главпочтамт и железнодорожный вокзал, плавательные бассейны и другие спортивные сооружения, крытый рынок и новый ЦУМ, Дом быта и другие объекты. В Павлодаре ежегодно вводилось в строй до 250 тысяч квадратных метров жилья, а в области – до 500 тысяч.

В эти годы наивысшее развитие получило сельское хозяйство области. Посевные площади составляли не менее трех миллионов гектаров в год, в том числе до двух миллионов – зерновых культур. Ежегодно вводилось в строй до семи тысяч гектаров земель регулярного орошения. Строились новые животноводческие комплексы, птицефабрики и свинофермы. Ежегодно возрастало поголовье всех видов скота, возводились в селах Дома культуры, детские сады, жилые дома. Область была в первых рядах по благоустройству и озеленению в республике, да и в Союзе.

Только за 1976-1981 годы в Павлодаре было высажено более 65 тысяч крупномерных сосен с комом земли, а сеянцами – более 200 тысяч. Большое количество дорог и тротуаров покрывалось асфальтом, особенно тогда, когда появилась возможность выпускать битум на нефтеперерабатывающем заводе.

Большое развитие получили физкультура и спорт, художественная самодеятельность. Дети и молодёжь росли под крылом пионерской организации и комсомола. Практически не было безработных, наркоманов. Я не припомню громких уголовных дел.

То время в стране названо застоем. Видимо, это имело место, но меньше всего относилось к нашей области.

Таких показателей в развитии экономики и культуры область не имела ни до, ни после «застойных» лет!

И хотя жили не очень богато, а скорее бедно, жизнь была предсказуема, все имели работу, многие – благоустроенные квартиры, люди не

испытывали трудностей с охраной здоровья, получением образования, могли позволить себе поехать в другие города страны.

Воздушный транспорт соединял все города республики, за билетами на самолёты и поезда были длинные очереди, а по Иртышу ходили грузовые и пассажирские теплоходы. Многие люди тогда были счастливы...

– Как вы сейчас расцениваете ваше неожиданное освобождение с поста первого секретаря обкома? Или оно не было для вас неожиданным? Сильно ли переживали? Ощущалось ли это как жизненная катастрофа, крушение надежд? Как вы справились со всем этим?

– Дослужившись до значительных высот в служебной карьере, я практически не встречал фактов политической борьбы, интриг и несправедливых гонений. До партийной работы всегда сопротивлялся, когда меня выдвигали на новую должность. Конечно, правила игры того времени не позволяли выступать с критикой первых лиц. Но и упрекнуть меня в подхалимаже никто не мог, это, видимо, и сыграло свою роль при моём освобождении от должности первого секретаря обкома.

В ЦК КПСС не назвали причин освобождения, сказали, что очень уж переживать не стоит: «Собак на тебя же не навешали!» Конечно, на такой должности, когда ты на виду у начальства и у масс, всегда можно найти какие-либо «грешки» или упущения. Но если бы что-то серьезное инкриминировали, то потом не назначили бы председателем Комитета народного контроля республики, членом правительства. Но переживал я, не скрою, сильно, потому что сделано было немало, и здоровье позволяло добиваться хороших результатов в перспективе. Область шла впереди других. Но, хотя меня и «подстрелили на взлете», больше обидно было за государство и партию, которые так неэкономно относятся к кадрам такого уровня. Я не запаниковал и в дальнейшем доказал, что со мной поступили несправедливо.

За работу в органах народного контроля я один среди председателей республиканских комитетов был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Устоять помогла закалка, полученная в годы войны, работа на заводах, особенно в должности директора одного из самых отстающих в стране, опыт превращения его в передовой. Никаких «мохнатых рук» у меня не было. И Димаш Кунаев, поняв свою ошибку, когда послушал каких-то «шептунов», потом вновь выдвинул меня на очень ответственную работу – председателем республиканского Комитета народного контроля.

– Где вам вообще лучше жилось: в столице, Павлодаре, Караганде? Какой из этих городов вам роднее и ближе?

– Так получилось, что где бы я ни работал, всегда был доволен своей работой, поэтому мне было комфортно и в Караганде, где я прожил 18 лет, и в Алматы, и, конечно, в Павлодаре, где я больше всего «наследил», а точнее, оставил след.

– Кто ваши учителя в жизни? Кто вас по ней двигал? Кому вы особенно благодарны за науку? Что вообще повлияло на становление характера, личности Бориса Исаева?

– В детстве отец был главным авторитетом. Сам жил строго и нас воспитывал, не позволяя и малейшей разболтанности. Были (хотя и не много) хорошие учителя. Начиная с училища, постоянно жил в каком-либо коллективе. А коллектив – самый эффективный воспитатель. С молодости я на глазах у людей. Кроме родителей, большую роль в жизни сыграли книги, а потом необходимость быть образцом для других.

А еще больший «прокурор» (больше, наверное, не бывает) в нашей семье – моя супруга. Её родители – ленинградцы – тоже были образцовыми коммунистами. Как-то так получилось, что вокруг меня всегда оказывались люди, тянущие вверх, а не вниз, не мирившиеся с самыми маленькими «колючками» в моём характере.

– Почему вы вновь решили вернуться в Павлодар? Не было ли сожаления, ведь вы не раз потом говорили: я вернулся в другой город, другую область?

– Мне очень нравилось жить в столице, но не нравилось суетиться в столичных кругах, я не из «паркетных шаркунов». Всё же, видно, на роду мне написано жить и работать в областном центре... Были и другие субъективные и объективные причины. В это время ликвидировали органы народного контроля. От предложенного мне крупного поста в правительстве я отказался. Павлодарцы просили меня вернуться в область, где в это время разгоралась междоусобица, которая привела к отставке двух первых секретарей обкома. После меня в области затормозились темпы роста, и мне хотелось продолжить то, что не успел в первый период пребывания здесь. Но в это время расформировали Союз, разогнали КПСС, государство и народ были испорчены в годы правления Брежнева и Черненко, горбачёвской перестройкой, а область – происходящей склокой... Правильно говорится, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку...

– Что из сделанного вами в вашей жизни считаете наиболее важным, значительным?

– То, что в представленном времени и пространстве состоялся как сын, муж, отец, как человек и работник, как товарищ, друг. Предъявлял жёсткие требования к людям, стремясь поднять их человеческую и профессиональную планку, никого несправедливо не наказывал, не снимал с работы, никого не унижал и никому не мстил. Был для подчиненных строгим «батькой». И врагов много не нажил.

– В первой книге Нурсултана Назарбаева «Без правых и левых» есть его признательные добрые строки и о вас. Раньше вам довольно часто приходилось быть рядом с ним, расскажите о ваших взаимоотношениях.

– С Назарбаевым я познакомился в Караганде, когда он был ещё секретарем парткома Карметкомбината. Когда я стал первым секретарём обкома, а он секретарём ЦК Компартии Казахстана по промышленности, был тесно связан с ним по работе. Отношения были вполне товарищескими – вплоть до разгона Советов.

– Вы сами выдвигали людей на руководящие посты. Чем вы при этом руководствовались, часто ли ошибались? Что говорили себе в таких случаях, если уже ничего нельзя было исправить?

– Я с самого начала своей трудовой деятельности выращивал кадры. Тогда действовал принцип подбора по деловым и политическим признакам. Была система подбора, расстановки и воспитания кадров. И, надо признать, эта система в целом работала эффективно. Была номенклатура, был резерв на выдвижение. Партийные и государственные органы следили за кадрами, замечали и отмечали способных руководителей. Конечно, был и субъективный фактор при выдвижении на более высокую должность, но рано или поздно незаслуженно попавший на ответственный пост человек получал объективную оценку от соответствующего органа. Я, правда, перескочил несколько должностей, но это было скорее исключением, чем правилом.

Теперь модно заступать на новую должность, привозя с собой свою команду, но я никогда не делал этого. Были ли ошибки? Да, конечно, но не так много. Когда я второй раз приехал в область, с удовлетворением обнаружил, что те, кого я «посеял» более девяти лет назад, «проросли». Работай и веди себя правильно, и твоя карьера может сложиться благополучно – так было в советское время. Субъективизм стал проявляться в большей степени в последние годы, когда в стране правили «старцы».

– Были в вашей жизни вообще какие-то крупные ошибки, о которых вы теперь жалеете?

– Вряд ли кому-то удалось прожить, не сделав ошибок. Люди меняются, меняются оценки событий. Все любят поговорить, особенно про начальство. Перемыли и мои кости, но очень уж сильно не ругали.

Самые горькие ошибки – это предательство людей, которым верил; их было не много, но жизнь с большинством из них рассчиталась с лихвой. А для меня они давно не существуют. На судьбу грех жаловаться – всё же в жизни удалось достичь многого.

– Какие качества в людях цените больше всего? Какие – не приемлете?

– Как я уже говорил, больше всего я не прощаю предательства. Не люблю лгунов, людей необязательных, беспардонных, любящих унижать других. Поэтому ценю верность, искренность, обязательность, порядочность. Ценю, когда люди не забывают добро, сделанное для них.

– Кто ваши друзья и почему?

– Таких, как в детстве или в студенческие годы – закадычных, почти не осталось. По работе были и есть хорошие товарищи. Но немало и тех, кто отдалился, как только изменилось мое служебное положение. Дружба ведь более прочное чувство, чем, например, любовь, которая может быть невзаимной, несчастной. А дружба не бывает односторонней: «Я с тобой дружу, а ты со мной нет». Истинных друзей бывает меньше, чем пальцев на одной руке.

– Ваше представление о счастье?

– Говорят: счастье – это когда тебя понимают. Но это слишком мало для счастья. Кто-то говорил, что счастье – это не судьба (как, впрочем, и любовь), а талант. Нельзя сделать людей счастливыми, но можно развить в них способность ощущать счастье, если эта способность есть в зародыше. Одни помнят из всей жизни только плохое и считают себя несчастными, а другие, у которых плохого было не меньше, помнят только хорошее, и это и есть настоящие счастливицы, как бы мало радости ни давала им жизнь. Разве не было несчастных принцев и счастливых нищих? Счастье многогранно. Оно существует во времени и в пространстве. Есть миг счастья, бывает счастливый день, месяц, год. Есть счастье в любимой работе. В любви, в семейной жизни, в детях, в здоровье и в смерти. И с неба манна не валится, надо прикладывать усилия и выстрадать своё счастье и счастье других людей.

– У вас нелёгкий характер, который, на мой взгляд, не только помогал вам, но и вредил в жизни. И тем не менее вы, похоже, не меняетесь. Что вы можете сказать по этому поводу, как оцениваете свой характер, свою натуру?

– Характер во многом определяется генами. Но и воспитывается – средой, самим человеком. Вот японцы считают, что надо примиряться с ситуациями, ограничивать себя в развлечениях, находить возможность выполнить установленные правила, а причиной несчастья считать самого себя. А Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил, что жить в нравственном отношении надо так, как если бы ты должен был умереть сегодня, а работать так, как если бы был бессмертен. А преуспеть в жизни – это значит прожить спокойно, не суесясь, что редко кому удастся. Очень важно оставаться порядочным человеком, всегда выбирать путь на абсолютную правдивость. И это только кажется трудным – на самом деле этот путь самый лёгкий, самый перспективный. На таком пути не будет серьёзных претензий к самому себе. Я всегда старался говорить всем одно и то же, чтобы не попасть впросак, чтобы не обвинили во лжи. Замечательно сказано, что человек – это рыцарь на распутье. И ничего так не разлагает человека, как незаслуженные блага, незаработанные почести.

Но до сих пор в цене те, что лезут в глаза начальству, ловкачи, которым не хватает способностей, но хватает хитрости, чтобы понять слабости начальства и им потакать. Руководитель должен быть решительным, ведь руководить – это принимать решения. Поэтому надо знать, хотеть, уметь успевать, получать результат. Творчески подходить к любому делу, быть способным на самоотдачу, быть социально справедливым. И уж, конечно, повезло, если ты здоров, талантлив и храбр. Характер проявляется в поступках, в делах. Что значит – нелёгкий характер? Видимо, слишком прямой, требовательный, не дающий поблажек ни себе, ни другим...

Мало кто знал, что я в душе лирический поэт и не очень люблю публичное внимание. Впрочем, говорят, с годами мой характер стал мягче.

– Мне в общих чертах известна романтическая история ваших взаимоотношений с женой Ириной Валерьяновной. Может быть, расскажете что-то о вашем «почтовом романе», хотя бы кратко? О дочерях и внуках – что сочтете нужным.

– Мы женаты уже 48 лет (прожили вместе более шестидесяти, – Ю.П.). Учились несколько лет в одной школе, потом разъехались на

пять лет. Но, видимо, нам было суждено быть вместе. А «почтовый роман» – 100 моих писем в течение одного года из Владивостока в Караганду, каждое из которых размером в половину школьной тетрадки. Конечно, такой натиск она не выдержала, покой я её нарушил, голову заморочил. И через шесть лет после разлуки мы встретились и образовали дружную семью, состоящую теперь из двух дочерей, четырёх внуков и двух правнуков! (Теперь правнуков больше, – Ю.П.)

Дочерей воспитали вроде неплохо, обе получили высшее образование. Теперь им живётся трудно, как всему их поколению, не закаленному жизнью, оказавшемуся в нынешнем «первобытном капитализме». Мне кажется, что дети и внуки своими бедами рассчитываются за наши счастливые времена. Дочерей мы держали в строгости, не баловали, о чём я теперь говорю с некоторым сожалением.

– Как и почему Борис Васильевич Исаев стал Василием Луковым? Это один человек или в чём-то всё же разные? Кажется, в последнее время Лукову пишется хуже... Почему?

– Луковым я стал и случайно, и закономерно. В училище был редактором сатирической газеты «Полундра!», баловался стишками. Вообще в юности мечтал стать писателем или журналистом. Но о том, что начну систематически заниматься сочинением стихов, никогда и подумать не мог.

Когда рухнул Союз, когда стало казаться, что жизнь прожита зря (а это совпало по времени с уходом на пенсию), тут-то всё накопленное – гордость и обиды за себя и наше положение, куда я причисляю фронтовиков, тружеников тыла и нас – детей войны, вылилось в первую книжку стихов «Возвращение к себе». Она получилась – как крик, всплеск эмоций. И вот уже десять лет я испытываю сладкие муки, мучаюсь в поисках свежих рифм, содержания и форм своих сочинений.

Обычно в серьёзном возрасте пишут прозу, мемуары, а я вот никак не перейду к большим формам. Беспокойный характер, эмоциональное восприятие жизни, бурных событий нашего времени (да к тому же я по гороскопу Близнец) разделили меня на Исаева и Лукова. Конечно, это цельная личность. Биография, гены – это Исаев, а стихи – это Луков. Я и сам иногда читаю свои книжки и думаю, что это написал кто-то другой.

Я думаю, что рассказ, повесть или роман, пьеса пишутся по составленному плану, там герои действуют по воле автора, события рассчитаны. А стихи появляются как бы ниоткуда. Мучает какая-нибудь мысль, потом появляется первая строчка, определяющая форму стихотворе-

ния, но совершенно неизвестно – какая будет вторая и чем всё кончится. Если есть начало, то легче всего пишется часов в пять утра, видимо, всю ночь в мозгах шли какие-то процессы. В последнее время лирических строк меньше, чем гражданских. Уже на новую книжку есть материал, но нет средств на её издание.

– **Вы накануне своего 70-летия (эта беседа состоялась почти двадцать лет назад, – Ю.П.). О чём больше всего думается, что вспоминается? Сожалеете ли о чём-то? Мечтаете?**

– О чём думаю, о чём сожалею? Я об этом сказал в своих стихах и газетных статьях, большинство из которых публиковались в вашей газете.

Действительность не вызывает оптимизма. Я уже писал, что человек деградирует на фоне технического прогресса. Это хорошо видно на культуре, а ведь только искусство оставляет вещественные памятники цивилизации. Архитектура (хотя постройки всё же разрушаются), картины, книги, ноты, скульптуры, что ещё? Классика, шедевры остаются в веках. Архивы. Научные открытия. Но вчерашняя наука быстро стареет. Производственные объекты, предметы – всё это исчезает во времени.

Возможно, в сегодняшней науке и есть гении, но в мировом искусстве что-то их не видно. По-моему, литература и искусство переживают глубокий кризис. В русской литературе вошли в моду ерофеевы, аксёновы, лимоновы и другие специалисты по ненормативной лексике, в скульптуре – церетели, на эстраде – сукачевы, моисеевы, титомиры и так далее. А девицы находятся в переходном периоде – от «голопупия» к «голопопию»...

Сожалею, что с карты мира исчезло государство Советский Союз, а экономика стран СНГ откинулась на десятилетия назад.

Завидую телеведущим Сенкевичу, Крылову и Дроздову – они весь свет объездили, а я мог посетить только Болгарию, Венгрию, Чехословакию и ГДР. Теперь-то можно в любую страну поехать – были бы «баксы».

Сожалею, что не жил в девятнадцатом веке, в стране гениальных поэтов, писателей, художников, в стране настоящих патриотов, настоящих мужчин и обаятельных женщин. Таковых почти не осталось: измелчал народец.

Сожалею, что история наша опять пошла по кривому пути. Во главе бывших советских республик – бывшие генсеки и другие «партайгеноссы», «кинувшие» своё население.

«От вождей добра не жди – под себя гребут вожди!» – сказал поэт Василий Луков, и я с ним согласен. Ну да, в советские времена мы были «равнобедными», а теперь появились богатые, «новые», олигархи – они-то комфортно сегодня себя чувствуют. Ни одна страна СНГ не ставит в центр своих задач народ, бедных, безработных.

А что же народ? Молчит, привык глядеть начальству в рот. А общество, за редким исключением, находится в этот переходный период от социализма к капитализму на стадии «пофигизма», когда всем всё до лампочки, всё «пофигу», «моя хата с краю»...

Более-менее активные бывшие специалисты, доценты с кандидатами подались в «челноки», «комки», «шабашники», побежали «за бугор», а большая часть «гегемона» просто обнищала.

Жаль, что жизнь, а точнее молодость, коротка...

– Может быть, я забыл что-то важное... Спросите об этом сами себя – и ответьте.

– Хотелось побольше поговорить о моей журналистской деятельности, о стихах, но это отдельная и большая тема.

Как начинаются стихи, как трудно пишутся стихи, как продолжают-ся стихи: читайте Лукова стихи.

* * *

Эта наша беседа состоялась в 2002 году, и она, мне кажется, достаточно полно представляет Бориса Васильевича Исаева – человека и гражданина, государственного и общественного деятеля. Об Исаеве (Лукове) поэте и публицисте мы ещё поговорим. А пока – некоторые факты его биографии.

Можно сказать, что они совпали во второй половине 70-х – начале 80-х годов прошлого века: область, находившаяся на подъёме, и её первый руководитель – энергичный, обладающий обширными знаниями, опытом, политической волей, способный на нестандартные решения.

Исаев как раз таким и был. В нём было столько энергии, что его водитель однажды заметил: «Ну, думаю, стену обкома партии собой проломит, если вдруг промахнётся мимо двери!»

Справедливости ради надо сказать, что в обкоме Исаева считали закрытым, нелюдимым, малообщительным и не то чтобы не любили, но побаивались. Хотя, будучи строгим и требовательным, он никому и никогда не устраивал разносов, не копил обид, не собирал компроматов. Он годы спустя скажет мне, что эта его некоторая «партийная закрытость» – отстранённость от аппарата обкома – была одной из форм

самозащиты. И ещё признается, что на самом деле он человек чувствительный, по его собственному выражению – «тонкокорый». Такой вот человеческий парадокс.

Он был неординарный партийный секретарь, не вписывался в правила игры, царившие на вершине партийного Олимпа, что в конечном счёте стоило ему партийной карьеры, но об этом чуть позже. Тут же уместно вспомнить – как он работал, развязывал сложные хозяйственные узлы, как нестандартно мыслил.

В числе его методов работы был принцип «сжигания мостов», то есть принятия решений, не оставлявших путей к отступлению. Так, он, заступив на пост первого секретаря обкома, сказал, что очередной праздник Октябрьской революции будет проведён во Дворце культуры тракторостроителей – и с долгостроем, тянувшимся годы, было покончено.

Исаевские «чистые пятницы» можно было бы назвать чистым волюнтаризмом. Как это так – выпроваживать после обеда, в последний рабочий день недели, персонал городских учреждений на уборку прилегающих территорий! И были, конечно, недовольные, сомневающиеся. Но с первым секретарём обкома, да ещё таким – не поспоришь. Поэтому выходили, убирали. И не один год сосны, тоже под партийным нажимом, сажали, названные потом «исаевскими». Так из «Павлодыра» наш Павлодар становился одним из самых чистых и благоустроенных городов республики и тогдашнего Союза. И как хорошо, что благодаря последователям Исаева эта традиция – держать город в чистоте, благоустраивать и украшать его (одна набережная Иртыша чего стоит!) – жива и продолжается.

А вот как тогда решал Б.В. Исаев экономические проблемы, выходящие за пределы компетенции региона и республики. Он сделал своими союзниками журналистов центральных газет, собрав в Павлодаре Всесоюзную журналистскую летучку. Сам выступил перед её участниками, обозначив наиболее значимые сложности формирования динамично развивающегося территориально-производственного комплекса, назвав при этом и главные претензии к союзным ведомствам. Участникам летучки показали крупнейшие предприятия Павлодара, Экибастуза, Ермака (ныне Аксу). После этого Павлодарская область с её проблемами «прописалась» на страницах ведущих газет Советского Союза – «Правды», «Известий», «Комсомольской правды», с их тиражами в 12-15 миллионов экземпляров каждая. Писали об области «Социали-

стическая индустрия», «Сельская жизнь», «Труд» и другие издания. Реагировать же на критику, тем более в центральных изданиях, союзные министерства были просто обязаны. И это был никакой не пиар области всесоюзного масштаба, а эффективный способ решения проблем.

Те исаевские годы стали едва ли не самыми результативными за всю историю области, превратив её в один из наиболее развитых промышленных регионов республики и страны. Очень многое было сделано и в жилищном строительстве, социальной сфере, а также в развитии сельского хозяйства. В этой отрасли Б.В. Исаев, кроме всего прочего, считал приоритетным развитие орошаемого земледелия, позволяющего в разы увеличить продуктивность пашни и на качественно новой кормовой базе развивать животноводство.

Но тогда всё или почти всё решала Москва. И от неё зависело – будут ли выделены немалые бюджетные деньги на развитие орошения. Будучи по делам в столице, Борис Васильевич попросился на приём к Председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину. Рассказав о делах в области, напомнил главе правительства о его визите на Павлодарщину в пик ветровой эрозии, когда тому в поле по щиколотку занесло песком ботинки. А.Н. Косыгин оживился, сказал, что помнит тот случай, стал расспрашивать о нынешнем положении дел в сельском хозяйстве. Тогда Исаев и сказал, что без масштабного орошения, для которого есть все предпосылки – водные источники, ровный рельеф местности, кардинальных перемен не достичь. Но нужны деньги. И Косыгин сказал, что область их получит.

Так Павлодарская область стала годы спустя одной из самых орошаемых в Казахстане. Площади регулярного орошения превысили 80 тысяч гектаров. Жаль, конечно, что в пору экономической разлухи 90-х годов очень многое из достигнутого в мелиорации было безвозвратно потеряно. Но хорошо то, что широкомасштабная программа развития регулярного орошения – вновь в приоритетах у нынешнего руководства области.

* * *

У нас были очень доверительные отношения с Борисом Васильевичем, и он однажды рассказал, что стало причиной его неожиданного освобождения с поста первого секретаря обкома.

Произошло это на съезде КПСС, когда первым секретарям обкомов впервые позволили взять с собой и своих жён. Была в их числе и супруга Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаева Зух-

ра Шариповна, к которой он относился с большим пиететом. И надо же такому случиться, что у неё как раз в эти дни был день рождения, на который она пригласила жён первых секретарей казахстанских обкомов партии. И все пришли, кроме супруги Бориса Васильевича Ирины Валерьяновны. Воспитанная в строгих семейно-партийных правилах, она решила не идти, не будучи знакомой с супругой первого лица республики. А Борис Васильевич не настоял. И его, чья кандидатура уже была в списке будущих членов ЦК КПСС, подверг критике на общем собрании делегации Казахстана по какому-то незначительному поводу Д.А. Кунаев. Следом исчезла фамилия Исаева из списка членов ЦК КПСС от Казахстана, а вскоре и сам он лишился должности.

Надо полагать, неуважение к супруге Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, член Политбюро ЦК КПСС расценил и как неуважение к себе, и как неблагодарность своего выдвиженца. И хотя назначил годы спустя на должность председателя Комитета народного контроля республики, влиятельную по тем временам, до конца его не простил. Потому что в своих мемуарах, выдержавших несколько изданий, Д.А. Кунаев, называя сотни фамилий тех, с кем ему довелось работать – от бригадиров тракторных бригад, директоров совхозов и председателей колхозов – до крупных руководителей, включая и первых секретарей обкомов, ни разу не упоминает Б.В. Исаева.

Словом, должности он тогда лишился, как бы ни судачили злые языки, не за какие-то прегрешения, не за злосчастный особняк на четыре квартиры (по нынешним временам более чем скромные), в одной из которых поселилась и его семья, а потому что «не вписался»: не гнул спины перед вышестоящими, ни перед кем не расшаркивался, во главу угла ставил дело, проявляя независимость и неуступчивость... Об этом, может, и не стоило бы говорить, но ведь и республика потеряла немало, лишившись на годы одного из самых энергичных и результативных руководителей региона.

В Павлодар Борис Васильевич вернулся, потому что его попросили об этом сами павлодарцы. И хотя стоявший тогда во главе республики Н.А. Назарбаев предлагал ему министерскую должность в столице, Исаев решил снова поехать в город и область, ставшие ему родными. Но наступили уже другие времена, и на посту первого секретаря обкома партии, а затем председателя областного Совета депутатов Борис Васильевич проработает уже недолго. Однажды с горечью и досадой посетует: «Был главнокомандующим, а стал главноуговаривающим...»

Ещё и поэтому свою биографию он иногда с иронией называл «блестяще проклятой» – достиг в ней немалых высот, а в итоге пошла под откос великая страна, которой он служил всю свою жизнь.

Он не нажил никаких материальных богатств на всех своих высоких постах и доживал свой век на скромную пенсию.

* * *

Во второй приход Б.В. Исаева в область я был его подчинённым – не напрямую, а опосредованно – как редактор областной партийной газеты. Но я был также членом бюро обкома партии (как буду потом говорить – последнего бюро последнего обкома: при нас Компартии не станет) и мог напрямую общаться с первым секретарём. Не стану называть наши тогдашние отношения близкими. На одной из встреч в узком кругу за дастарханом, устроенным Б.В. Исаевым по случаю 1 Мая в недрах обкома, в спецкабинете, где обедали члены бюро обкома (я, правда, не ходил туда до этого ни разу), когда мне дали слово, заметил, что редактор временами может быть и в оппозиции первому секретарю, для его же пользы. Исаев такую постановку вопроса не принял и на первых порах относился ко мне настороженно и даже как-то публично выговаривал на областном партхозактиве по не очень существенно поводу, что некоторые приняли за опалу с будущими оргвыводами. Но в дальнейшем наши отношения перешли во вполне доверительные, особенно после трудных для Бориса Васильевича времён, когда наши местные оппозиционеры обвинили его в пособничестве ГКЧП. На самом деле этого не было, чему я сам стал свидетелем. Мы обсуждали постановления ГКЧП в узком кругу, и было скорее непонимание: что происходит и что на самом деле будет? И я вёл в газете твёрдую линию, направленную если не в защиту первого секретаря обкома, то уж точно не на его шельмование и оголтелую критику, чем вызывал недовольство у определённой части местной оппозиции.

Вскоре Компартия канула в небытие, а затем – Советы депутатов. И Борис Васильевич, возглавлявший областной Совет депутатов, остался не у дел. А наши с ним отношения стали только крепнуть. Он регулярно печатал в «Звезде Прииртышья» свои стихи, статьи и даже разного рода агитки в подписную кампанию.

Одну агитку помню до сих пор. Тогда наступило время всеобщего дефицита, в том числе сахара, и местным хозяйствам было предписано сеять сахарную свёклу, чтобы после сбора урожая отправить её на переработку и получить взамен какое-то количество сахара. В первый

год в этом деле отличился совхоз «Заря», на что Б.В. Исаев отозвался стихом-агиткой:

*Есть у нас совхоз «Заря»,
Свёклу сеял он не зря:
Тяжеск труд – сладка зарплата –
По мешку песка на брата!
Сделай сам себе скорей
Сладкий сахар –
Свёклу сей!*

Из этой затеи, впрочем, ничего не вышло, хотя уже в новые времена в области активно дебатировалась идея строительства сахарного завода. Оказалось, сахарная свёкла у нас растёт не хуже, чем на юге Казахстана, и по выходу чистого сахара даже превосходит южную. Но и тут до дела пока что не дошло.

Когда мы стали тесно общаться, я напомнил Борису Васильевичу про нашу первую и единственную встречу в его первый приход в область первым секретарём обкома партии. Он тогда, вникая в суть главных проблем села, обратил внимание на то, что во время уборки урожая значительная часть комбайнов остаётся на приколе. Не десятки и даже не сотни, а до полутора тысяч зерноуборочных машин (из примерно восьми тысяч имеющихся) простаивает в страдное время на машинных дворах. А уборка зерновых затягивается до непогоды, при этом область недобирает часть урожая.

И тогда Исаев, привыкший решать проблемы кардинально, надумал выдвинуть лозунг «Каждому комбайну – хозяина!». Проблема была действительно в том, что многие из них постоянных хозяев не имели, и во время уборки за штурвал их становились не только штатные механизаторы, которых в эту пору не хватало (шла уборка силосных культур, заканчивался сенокос, были другие работы), но и люди иных профессий – водители, некоторые конторские работники, учителя школ, заведующие сельскими клубами и т. д. Были среди них, кстати, и женщины. Вот всю эту дополнительную «армию» и намеревался сделать постоянной первый секретарь обкома: закрепить за каждым комбайн не только на одну уборку, но и на будущее. Чтобы сам постоянный хозяин после жатвы ставил его на хранение, готовил летом к работе, обихаживал и берёг.

Но нужна была соответствующая массово-политическая кампания под девизом «Каждому комбайну – хозяина!». И мне выпала честь стать

её, как тогда выражались, застрельщиком. Что тоже было не совсем по правилам. Ведь первый секретарь мог вызвать редактора, поставить ему задачу – и вперёд! Но нет: он хотел сам изложить суть своей идеи тому, кто «в теме» и сможет точно донести её до масс в обстоятельной статье. А затем уже обком партии примет соответствующее постановление, поставит задачи и т. д. И газете плюс: её публикацию поддержит обком партии.

Редактор С.П. Шевченко повёл к Исаеву меня – тогда корреспондента сельхозотдела «Звезды Прииртышья». И первый секретарь обкома увлечённо рассказывал о самой проблеме и о путях её решения. Мы просидели в его кабинете, наверное, с полчаса, чем вызвали неудовольствие других визитёров, ожидавших аудиенции: как можно было отнимать у Бориса Васильевича столько его драгоценного времени? На что С.П. Шевченко отвечал: это не мы, а он уделил нам столько внимания, сколько посчитал нужным.

Статью я написал, потом полгода, если не больше, вёл эту тему в газете. И постановление обком принял, правда, без ссылки на нашу публикацию. А проблема, пусть и не полностью, начала решаться. Но после ухода Исаева некому стало её дальше двигать, и каждую осень опять не хватало комбайнёров. На уборку при хороших урожаях их везли к нам отовсюду за тысячи километров.

Мне же мои тогдашние труды «аукнулись» премией Союза журналистов Казахстана: за цикл статей «Каждому комбайну – хозяина» и «Качество хлебного колоса» – о выращивании сильных и твёрдых сортов пшеницы. Это были премии для молодых журналистов – всего две на республику – за публикации на русском и казахском языках. Первая, очень дорогая для меня профессиональная награда – около 230 рублей, полтора моих должностных оклада.

Когда я годы спустя напомнил Борису Васильевичу о том, что и он способствовал моему профессиональному становлению, услышал в ответ: «Извини, не помню. То, как хотел решить проблему, помню, а тебя нет» Я не обижался: тоже ведь не помню многих, с кем меня когда-то сводила судьба.

* * *

Борис Исаев стал Василием Луковым, как он сам говорил в нашей давней беседе, когда рухнул Союз и стало казаться, что жизнь прожита зря (а это совпало по времени с уходом Б.В. Исаева на пенсию). Всё накопленное за шестьдесят с лишним лет – и гордость за сделанное,

и обида за себя и свое поколение – вдруг начало выливаться в стихи. Происходило это, кстати, на моих глазах, и я был, наверное, едва ли не самым ярким критиком поэзии Василия Лукова. Но, почувствовав в нем истинный творческий дар, изменил своё мнение и убедил подготовить первую книгу стихов, попросив написать к ней предисловие известного поэта, главного редактора журнала «Нива» Владимира Романовича Гундарева. С нашей с ним легкой руки Василий Луков шагнул в казахстанскую и российскую поэзию: четыре его поэтические книги изданы в нашей республике и одна – в Москве. Он их дарил мне с трогательными надписями: «Вдохновителю и организатору рождения поэта Василия Лукова», «Крёстному отцу Василия Лукова», «Ю.Д. Поминову – подельнику Б.В. Исаева и наперснику В. Лукова – с глубоким почтением».

Как поэт мне гораздо ближе Луков-лирик, нежели Луков-обличитель, но справедливости ради отмечу, что у читателей находит благодарный отклик и его гражданская поэзия. Поэтому было бы вообще неправильно как-то делить его стихотворное творчество: Исаев (и человек, и поэт) таков, каков он есть, и другим уже не будет.

В книге «Я не завидую потомкам», которую мы вместе готовили к изданию, обширно представлена и его газетная публицистика. Большая часть этих статей публиковалась в разное время в «Звезде Прииртышья», и мне приходилось готовить их к печати. Последнее часто оказывалось не столь уж простой задачей: как в жизни, так и в творчестве Борис Васильевич нередко избыточен, его бывает «слишком много». Не берусь судить – хорошо это или плохо, но это одно из характерных свойств его человеческой натуры. Ф.М. Достоевский говорил по этому поводу: «Широк русский человек, я бы сузил». Так и в исаевских материалах почти всегда и всего очень много: фактов, аргументов, эмоций, публицистической заострённости.

Обсуждая перед отправкой в печать тот или иной его материал, мы нередко спорили: я обращал внимание на вышесказанное, на некоторые формулировки, а он в ответ парировал: «Ну и что, зато написанное оцарапает сознание читателя, а значит, не останется незамеченным... Это же хорошо!» И в самом деле: у одних написанное Исаевым вызывало недовольство, у других – горячее одобрение, но его всегда читали. Пусть это и приносило подчас неприятности мне как редактору...

Исаеву до всего было дело, ему всё было интересно, что хорошо видно и на примере упомянутой книги. Вот лишь некоторые темы,

которые его волновали. Как идут реформы в экономике, почему они не приводят к желаемым результатам, и что надо делать властям для изменения ситуации? Почему бедствует наше многострадальное сельское хозяйство? Почему власть зачастую столь цинична по отношению к своим согражданам, и особенно к пенсионерам? При этом автор не только бичует, спорит, но и убеждает, предлагает пути решения. Вот он после долгого перерыва съездил в Москву, осмотрел там всё хозяйским глазом, оценил коммунальное и прочее состояние нашей бывшей столицы, скрупулёзно подсчитал стоимость основных товаров и услуг и пишет обо всём об этом, сравнивая: а что у нас?

Не только стихам, но и его публицистике присущи ясность мысли, точность слова, образность, афористичность.

Вот, например: «Не надо стесняться обнажать болячки, ибо правильный диагноз – полдороги к исцелению». Или – по другому поводу: «Партия была арматурой в железобетоне социалистического строя». «Пофигизм» – это анабиоз и немота обманутого населения». «Из паркетных генералов маршалов не бывает».

А это – о сути первых рыночных реформ, то есть о том, что случилось со всеми нами – большинством населения:

*«Коварно обКУПОНили,
Безжалостно обПИКали,
Нахально обреформили
И до смерти обСИКали...»*

ПИКи, если кто забыл, – это приватизационные инвестиционные купоны, которые должны были сделать нас собственниками казахстанских предприятий, СИКи – это те социальные индивидуальные коды, без которых каждый из нас тогда не мог обойтись.

Б.В. Исаев, конечно, реалист и на богатом собственном житейском опыте хорошо знает, что бытие определяет сознание. Однако же, если так можно выразиться, «духовная часть» его публицистики значительно перевешивает «материальную».

Почему молодёжь перестала заниматься спортом? Почему в нашей жизни всё больший вес имеет религия, а наука, наоборот, оттесняется на обочину общественного прогресса? С едкой иронией пишет автор о засилье серости и пошлости на телевидении, особенно всякого рода ток-шоу, разгуле дешевой эстрады, стремящейся «от голопупия к голопопию». И вот его горький, но справедливый вывод о влиянии теле-

видения на сознание людей: «Телевизор – черная дыра, высасывающая умы и души».

У автора болит душа за судьбу русского языка и литературы. Он перечитал в толстых журналах произведения наиболее популярных литераторов за несколько лет и заключает: «Из нынешней литературы как будто душу вынули!» Можно ли сказать лучше?! И далее: «Да и вся культура после распада Союза как бы «присела», потеряла «знак качества». И вряд ли кто опять-таки станет спорить по этому поводу с автором.

О засорении русского языка: «Удивительное распространение получило словосочетание «как бы»... Оно соответствует нашему неустойчивому состоянию, переходному периоду из одного общественного строя в другой, названия которому ещё не придумано. «Как бы» живём, в «как бы» демократическом и «как бы» правовом государстве. Прислушайтесь к говорящим в эфире – они к месту и не к месту употребляют эти два словечка. Это сродни положению между утверждением и отрицанием...» Очень верно подмечено и блестяще точно выражено!

Вряд ли кого оставят равнодушными размышления Б.В. Исаева о судьбе русских женщин и их роли в нашей жизни. Это своего рода гимн женщине – жене, сестре, матери (замечу здесь, что, на мой взгляд, и в поэзии В. Лукова – Б. Исаева строки о женщинах и о любви – одни из лучших в его творчестве).

Б.В. Исаев в жизни часто шёл и поступал «не как все». То же он делает и в публицистике, ломая стереотипы, нарушая каноны, смешивая жанры. Его творческая дерзость, кажется, не знает пределов. Ему мало того, что происходит в его доме, городе, стране, он предлагает собственную модель оптимального мироустройства – на все времена. Это своего рода пирамида, в основании которой всё лучшее, что было и есть в социализме и капитализме (эти достижения – фундамент, или основание), национальная терпимость (стены) и идеология гуманизма – как вершина («Я – за партию гуманистов!»).

Да, далеко не со всем, что пишет Б.В. Исаев, можно согласиться. Но это и не обязательно. Вот и в его книгах кому-то что-то может сильно не понравиться. Главное – его публицистические раздумья о разных сторонах нашего бытия не оставляют людей равнодушными. Своей жизнью и судьбой он заслужил право писать, о чём пишет, и так, как он пишет. В одной из газетных статей он ещё раз так объясняет свою гражданскую позицию: «Я не состою ни в каких партиях и откровен-

но говорю и пишу о том, что, с моей точки зрения, у нас делается не так. Я – патриот своей страны. Родился, живу на этой земле и, видимо, останусь в ней, когда срок подойдёт...»

«Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан...» Б.В. Исаев прежде всего стал Гражданином и остаётся им, о чём красноречиво свидетельствует и его газетная публицистика. Собранная под обложкой одной книги, она оказывается удивительно современной, звучит с новой силой, а потому обретает вторую и – хочется в это верить – долгую жизнь. А поэтическое творчество Василия Лукова, убеждённое, доставляло и доставляет немало радости поклонникам его стихов.

* * *

Борис Васильевич прожил долгую жизнь, которую ему продлевали те, кто оставался рядом с ним долгие годы. Среди таких был Боранбай Каирбекович Скаков – когда-то его подчинённый, заведующий отделом административных органов обкома, потом просто товарищ, не оставлявший его никогда.

Мне довелось однажды сопровождать Бориса Васильевича в Новосибирск, где ему предстояла сложная операция на открытом сердце с его остановкой, каких в Казахстане тогда почти не делали. Мы ехали туда целый день, о многом говорили, он читал свои новые стихи. И ни слова не было сказано о предстоящей операции с непредсказуемым итогом. Это к тому, что он был действительно стойким, мужественным человеком. И та операция надолго продлила его дни.

В последние годы они очень близко сошлись с предпринимателем, человеком многих талантов Анатолием Филипповичем Главацким, который сердечно опекал Бориса Васильевича и его семью. Они по-настоящему сдружились, регулярно виделись и практически ежедневно общались по телефону. Мы с Анатолием Филипповичем предлагали Борису Васильевичу издать ещё одну книгу публицистики – из его газетных статей, и она была практически готова. Но он не захотел. Решил: уже сказал всё, что хотел сказать. Я бы только добавил к этому: и сделал всё, предназначенное мужчине.

И в завершение – дорогие для меня извлечения из его стихов.

*Биография жизни короче,
Но не раб человек у судьбы.
Мир безумен, жесток и порочен,
Если сдашься ему без борьбы.*

* * *

*Позади – гнилой застой,
Впереди – мираж.
То ли строить храм святой,
То ли рыть блиндаж.*

* * *

*Мы самый читающий в мире
И самый нетрезвый народ.
Кто жил в коммунальной квартире,
Тот самый большой патриот.*

* * *

*Мир помнит Трою и Отрар,
Другие города.
А я влюбился в Павлодар,
Похоже, навсегда!*

* * *

*За окном бормочет дождик,
Листья падают, шуриша...
Я до круглой даты дожил,
Пригорюнилась душа...*

* * *

*Придумал кто-то этот бред:
«Людей незаменимых нет!»
Скажу, прожив немало лет:
«Есть те, кому замены нет!»*

* * *

*Подумай, пред тем, как уйти на тот свет,
У гроба на крышке багажника нет.
Богатство, что нажил, с собой не возмёшь,
Раздай перед тем, как в Эдем попадёшь...*

Случалось, Василий Луков в стихах хулиганил, при этом очень талантливо. Обещая, к примеру, помочь учёным разгадать некие тайны мироздания «опусом этим – охальника и эрудита», то есть его стихом.

Или вот о себе – в двух лицах, подражая великому поэту:

*В. Луков – «самых честных правил» –
Б.В. Исаева прославил.
Обрёк до гробовой доски
Кропать статьи, слагать стишки.*

А это строки, приуроченные к его собственному 85-летию:

*Я разменял последнюю пятёрку –
«Финита ля комедия, месье!»
Французскую вот эту поговорку
Впишите в моё с Луковым досье.
...Цените жизнь, другой уже не будет,
Мужскую дружбу, женскую любовь.
Меня потомки строго не осудят:
Есть алиби – три тома стихов!
Мне год за три зачтут на небесах,
Когда мой труд измерят на весах...*

Самые поздние свои строки он иронично называл «последним оргазмом мозга». А с его уходом ушла целая эпоха.

ВЫСОТЫ МАХМЕТА КАИРБАЕВА

В Москве издательство «Молодая гвардия» выпустило в серии «ЖЗЛ» («Жизнь замечательных людей») книгу Мурата Каирбаева о его отце Махмете Каирбаевиче Каирбаеве – Герое Советского Союза, общественном и государственном деятеле. Сын много лет собирал сведения о своих предках, биографии отца, и эта книга – уже третья. В ней наиболее полно представлена история рода Каирбаевых, жизнь и судьба его отца-Героя.

Знай свои корни

У казахов есть изречение: кто не знает корней своего рода, тот ничего не знает. С этой народной мудрости начинает своё повествование об отце его благодарный сын, отдавая дань уважения предкам, родовые земли которых простирались вдоль горного массива Кылмурза, на левобережье Иртыша, северо-западе Семипалатинской губернии.

Имя одного из них – Кабзоллы из рода найман было особо почитаемо у соплеменников: за образованность, справедливость, умение вести дела и поставить себя. В 1874 году он в числе двадцати представителей родов Среднего жуза под предводительством Кунанбая – отца Абая – совершил хадж в Мекку. Надо ли говорить о том, сколь долгим, трудным, небезопасным был тогда путь к святыням ислама?

Но к первым двадцати паломникам присоединилось потом ещё около ста представителей Младшего жуза. Разрешение же на выезд паломников за пределы Российской Империи было выписано на имя инициатора хаджа Кунанбая.

Благополучно преодолевших тяготы долгого путешествия казахов радушно приняли шейхи Мекки и Медины. В Мекке для них выделили землю для обустройства постоянного двора, который они соорудили на собственные средства, оформив документы на Кунабая. На фасаде была сделана надпись о том, что «такия» (постоялый двор имел форму юрты) может стать пристанищем для других паломников-соплеменников.

После хаджа у Кабзоллы родился младший сын Мукатай, и в честь этого события отец построил в родном ауле мечеть, в которой обучал молодёжь богословию и арабскому языку. Мукатаю он дал домашнее образование, привил навыки к самообразованию. Личная библиотека Кабзоллы хаджи насчитывала не один десяток книг, в том числе особо ценных, привезённых из хаджа. Десятилетия спустя эта библиотека общим весом полтора центнера будет сдана в утиль разъездным агентом по заготовке утильсырья, а внуку Каирбаю попытка отстоять принадлежавшие деду книги аукнется двумя дополнительными статьями Уголовного кодекса – за хранение запрещённой религиозной литературы и попытку нанесения телесных повреждений тому самому агенту. Было это в печально известном 1937 году. Помимо прочего, последний факт свидетельствует о том, что дед хорошо воспитал внука, раз тот вступился за, может быть, самое дорогое из имущества, что у него оставалось, – полученные в наследство книги.

Каирбай был первенцем сына Кабзоллы – Мукатая и к тому же первым внуком Кабзоллы, поэтому по степным обычаям воспитывался в семье деда, отец же относился к нему, как к младшему брату.

Жила семья из четырёх сыновей и внука в достатке. Их хозяйство в ауле Кылмурза состояло из 80-100 лошадей, 7-10 верблюдов, 10-12 дойных коров, 100-150 овец.

Казалось, и будущей семье внука Каирбая уготовано вполне благополучное будущее. Однако наступил 1917 год.

Когда отец – «враг народа»

Книга Мурата Каирбаева хороша ещё тем, что ёмко представляет трагические страницы истории, на фоне которых складывались не менее трагические судьбы Каирбаевых-старших – отца и его близких. Железным катком по территории, населяемой казахами, прокатилась насильственная коллективизация, абсолютно не учитывающая особенности организации жизни и быта скотоводов. Коллективизация привела к страшному голоду, когда вымирали целые аулы, а оставшиеся в живых

бежали во все концы света: российскую Сибирь, Китай, Афганистан, Иран... Но невосполнимый урон скотоводству был нанесён ещё в первые послереволюционные годы, когда всего за несколько лет поголовье скота уменьшилось в разы из-за политической неразберихи, реквизиций (гражданская война шла и здесь), разрухи, болезней животных. А уже завершила разор коллективизация, после которой Казахстан лишился половины коренного населения.

В семье Каирбая радости чередовались с горестями. Плохо, что семейство практически лишилось скота, зато хорошо, что два сына родились – Ахмет, а затем Махмет. Надо было как-то приспособливаться к новым реалиям жизни. Не смог пережить лихую годину отец Каирбая Мукатай, умерший в 1932 году. Три его брата переселяются в Кемеровскую область и начинают работать на угольных шахтах. Погибает во время пожара родной брат Каирбая Мансур вместе с женой. А сам Каирбай с женой устраивается на работу в систему потребкооперации в Семиярке. Его деловитость и добросовестность вскоре были замечены и оценены, ему дают рекомендацию для вступления в партию, выдвигают делегатом на пленум Крайпотребсоюза.

Это – июль 1937 года, а уже осенью эта командировка станет ещё одним пунктом обвинения при возбуждении на него уголовного дела. По нему проходили, кроме Каирбая, ещё шесть человек: три члена товарищества по обработке земли, два сторожа – электростанции и прокуратуры и агент кооператива «Союзшерсть». Арестовывало их районное ведомство НКВД, оно же вело следствие, а судила – так называемая «тройка», которая пощады не знала.

Каирбая обвинили в том, что «состоял членом контрнационал-фашистской организации, проводил вредительскую деятельность в системе Бескарагайского райпотребсоюза, сознательно срывал снабжение населения продуктами...» И далее в том же духе. Приговор – расстрел. Вынесли его 23 октября 1937 года, а привели в исполнение (есть соответствующий акт) 25 октября того же года.

Во время ареста Каирбая его супруга Малике была на последней стадии беременности. Родив дочь, оставляет её на попечение сыновей, едет в Семипалатинск, добиваясь встречи с мужем. Ей в этом отказывают, сообщая, что он осуждён на десять лет без права переписки. Так оформлялись расстрельные приговоры невинным людям в 1937-1938 годах. Пытавшимся хоть что-то узнать о судьбе близких говорили: осуждён на такой-то срок без права переписки, а годы спустя сообща-

ли, что заключённый умер от болезни (наскоро придуманной) в лагере. Такое извещение получит и супруга Каирбая в 1943 году, когда оба их сына уже будут на фронте.

Нам, сегодняшним, не просто сложно – невозможно представить себе, каково было близким тех, кого объявляли «врагами народа». Мало того, что в случае с Каирбаем его семья лишилась единственного кормильца, она ещё оказывалась в «зоне отчуждения» – её избегали; того же Махмета лишали заслуженных им знаков отличия за высокую успеваемость в школе, не сразу, а лишь в десятом классе приняли в комсомол... Они – члены семьи «врага народа» – становились изгоями всюду...

Остаётся лишь удивляться тому, как смог поступить в учительский институт в Семипалатинске сын «врага народа» Махмет Каирбаев, вернее, как его могли зачислить (знаний-то у него вполне доставало). И не может не вызывать уважения решимость матери и старшего брата, кормильца семьи Ахмета, настоявших на учёбе Махмета.

«Двойной оклад – тройная смерть»

Всего несколько месяцев продолжалось полуголодное учение будущего педагога. Институт был закрыт, поскольку здание его, как и подходящие другие, отдавали под эвакогоспитали. Махмет с двумя однокурсниками пристроился к обозу земляков, оказавшихся в Семипалатинске, и 180 километров до дома прошёл зимой пешком (места на санях для него не было – везти согласились лишь его чемодан).

Конечно, просился на фронт, дважды подавал заявления, но призывал только летом 1942 года, когда подошёл возраст. После ускоренных (шестимесячных) курсов Подольского артиллерийского училища, передислоцированного в Бухару, Махмету сразу присваивают звание лейтенанта, на ступень выше положенного, и как отличника оставляют преподавателем. Он же рвётся на фронт, подаёт рапорт за рапортом... И, конечно, переживает, опасаясь недоверия, – он ведь сын «врага народа».

С апреля 1943 года он на Калининском, а затем Прибалтийском фронтах. Фронтвой путь артиллериста Махмета Каирбаева описан, вошёл в энциклопедии, посвящённые Героям Советского Союза, и другие книги. Но автор книги Мурат Каирбаев изучил фронтовую биографию отца скрупулёзно и досконально, не забыв никого из его однополчан, от рядовых до командующих фронтами.

Всю войну командир взвода, а затем батареи Махмет Каирбаев воевал в составе истребительно-противотанкового артиллерийского пол-

ка. На фронте этим частям придавалось особое значение: рядовые и командиры получали повышенные оклады, а за каждый подбитый танк полагалась премия. Эти льготы фронтовые стреловые комментировали так: «Двойной оклад – тройная смерть» или «Длинный ствол – большой оклад – короткая смерть».

В августе 1944 года командир батареи 712-го истребительного полка старший лейтенант Махмет Каирбаев, которому не исполнилось ещё 20 лет, получил приказ: с 15 бойцами помочь одной из батарей полка, оказавшейся в окружении. Пробивались к ней с боями. Командование этой батареей, оставшейся без офицеров, Каирбаев принял на себя и с оставшимися артиллеристами отразил семь атак противника, включая танковые, для чего и сам становился к единственному из трёх уцелевших орудий, уничтожив три танка. Все они действительно стояли на смерть в том бою, девять из пятнадцати шедших на задание добровольцев погибли, включая порученца командира батареи.

Лишь на четвёртые сутки группа Каирбаева вместе со спасённой пушкой присоединилась к полку – их уже не чаяли увидеть живыми.

За этот бой Махмет Каирбаев был удостоен звания Героя Советского Союза. И тут нужны некоторые пояснения. Хотя «отец народов» И.В. Сталин и произнёс когда-то известную фразу «Сын за отца не отвечает», по негласным неписаным правилам не полагалось сыну «врага народа» становиться Героем СССР. Именно поэтому командир полка Г.Г. Мельников настоял, чтобы Каирбаев написал в анкете об отце – «осужден за растрату». А командующий артиллерией Первого Прибалтийского фронта генерал-полковник Н.М. Хлебников смог отстоять кандидатуру будущего Героя перед «смершевцами», сославшись на всё ту же формулу Верховного Главнокомандующего. Об этом он сам рассказал Каирбаеву три с лишним десятка лет спустя, когда они встретились на месте былых боёв под Шяуляем... А в 1944 году представление утвердил и командующий фронтом генерал армии И.Х. Баграмян.

После окончания войны молодого боевого офицера, награждённого, кроме Звезды Героя, орденами Ленина (он автоматически полагался к Звезде), Александра Невского, Отечественной войны первой и второй степеней, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Японией» и другими, ждало блестящее будущее на ниве военной службы. Он был без вступительных экзаменов зачислен в Артиллерийскую академию имени Дзержинского. Первый послевоенный набор её командного состава полностью состоял из артиллеристов – Героев Советского Союза.

Занятия начинались осенью, появилась возможность побывать дома, где, казалось, вся Семиярка вышла встречать земляка-Героя, за исключением, правда, должностных лиц, опасавшихся, «как бы чего не вышло». Сам же он, получивший на фронте печальное известие о кончине отца, твёрдо решил по возвращении в Москву прояснить его судьбу.

Сыновье мужество

Осенью 1945 года Махмет Каирбаев пишет заявление на имя наркома НКВД СССР Л.П. Берии, в котором ходатайствует о пересмотре дела отца и снятии с него судимости, прилагая при этом официальную справку о фронтовых наградах (без этого заявление не принимали), сообщая о трёх ранениях и добавляя, что старший брат – Ахмет – тоже воевал, имеет боевые награды и дважды ранен. Пока из Москвы в Алма-Ату, а затем в Павлодар шло дело отца, его сына-Героя без объяснения причин отчислили из академии, под роспись ознакомив с приказом, и откомандировали «для дальнейшего прохождения службы в должности командира батареи стрелкового полка Степного военного округа». Три месяца пробыл в стенах академии Махмет и никогда потом в многочисленных анкетах свою учёбу в ней не отражал.

Заключение по делу отца будет датировано 28 февраля 1946 года. Вывод: Каирбай Мукатаев осуждён «тройкой» НКВД правильно, приговор приведён в исполнение. А посему решение оставлено в силе, но, учитывая особые заслуги одного его сына перед Родиной и фронтовые заслуги другого, возможно ходатайствовать перед Особым совещанием при НКВД СССР о реабилитации обоих сыновей.

Непонятно, почему надо было реабилитировать сыновей «врага народа», они ведь не были осуждены. Надо полагать, числились в недрах все-сильного НКВД и члены его семьи? Разумеется, никаких подробностей, которые фигурируют в деле отца, Махмету не сообщат. И впервые он прочитает его в 1986 году. Но и до того не оставит попыток восстановить честное имя отца. Пока в 1956 году президиум Павлодарского областного суда не отменит приговор «тройки» – не за отсутствием вины, а всего лишь за недоказанностью обвинения. Но сыну не дадут решения суда, где сообщается и о высшей мере, а только устно уведомят о посмертной реабилитации. Старшему же брату Ахмету объявят под роспись, что их отец умер в местах заключения от крупозного воспаления лёгких.

Времена были такие, что и в 1957 году Павлодарский обком партии тщательно изучал уголовное дело репрессированного Каирбая Муката-

ева (уже к тому времени решением суда реабилитированного) с единственной целью – убедиться в возможности допуска к партийной работе его сына – Героя Советского Союза, давно хорошо зарекомендовавшего себя на руководящих советских должностях. И лишь в 1986 году Махмет Каирбаевич узнает, наконец, правду о судьбе отца.

В труде – как в бою

Так можно с полным основанием охарактеризовать мирную жизнь М.К. Каирбаева – человека-труженика, разделившего с земляками-современниками всё, что выпало на их долю. И возрождение подорванного войной села, и освоение целины, и бурный подъём индустрии в Павлодарском Прииртышье. Ко всему этому Каирбаев-руководитель, проявивший себя в ряде районов, а также на областном уровне, как принято говорить, лично причастен. О чём свидетельствуют его многочисленные награды за труд, в числе которых четыре ордена Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской Революции, медали.

И об этом тоже хорошо рассказывается в книге его сына. О том, например, как молодой офицер «умыкнул» невесту (с её согласия, конечно), оставившую ради него учёбу в медицинском институте. Сабира стала его надёжной спутницей в жизни, настоящей опорой, матерью троих сыновей и двух дочерей.

Первая дочь, Сауле, родится в 1947 году, а в 1949 – сын Мухтар. Его, трёхмесячного, мать будет прикрывать своим телом, когда жителей Семиярки, в которой они жили, отправят в низину Иртыша, где для них были разложены солдатские матрасы. Перед этим предупредили: нельзя смотреть в сторону Иртыша и вверх – это чревато потерей зрения. В тот день на Семипалатинском ядерном полигоне испытывали очередную бомбу – её сбрасывали с самолёта и взрывали в воздухе. За ней были ещё более мощные – водородная, термоядерная и другие. Всего 116 наземных взрывов, а затем начались подземные. Они сорок лет производились на полигоне, для которого отторгли огромную территорию на границе трёх областей – Павлодарской, Семипалатинской и Карагандинской. Живших на этих просторах людей – целыми аулами – переселили на новые места жительства, за пределы территории полигона.

Семья отца Махмета вынужденно оставила родные места ещё раньше, во время голодных лет начала тридцатых годов, когда лишена была скота. А теперь и родные места предков, их могилы становились для них на десятилетия недоступными. И только уже будучи одним из ру-

ководителей области, Махмет Каирбаев лично познакомится с командованием полигона и сможет побывать с близкими на развалинах жилища предков и их могилах.

А в далёкие послевоенные годы ему нужно было заново определяться в жизни. Получил предложение занять должность заведующего отделом социального обеспечения Бескарагайского райисполкома – беспокойную и хлопотную. Много приходилось ездить по сёлам и аулам, вникать в нужды людей. Стал узнаваемым – своим человеком – в районе.

Дальше была работа заместителем председателя Лозовского райисполкома. Здесь он, помимо прочего, много занимался организацией работы МТС – машинно-тракторных станций, которые помогали слабосильным местным хозяйствам проводить посевную и уборочную кампании. Они сыграли большую роль в подъёме целинных и залежных земель. Среди других забот было благоустройство райцентра, где высаживались деревья, был разбит фруктовый сад, оборудован стадион. А заместитель председателя райисполкома возглавил сборную по волейболу района. У них с Сабирой было уже четверо детей.

Новая должность – председатель Кагановичского райисполкома с центром в селе Ермак (ныне горд Аксу). На эту новую – номенклатурную – должность его должен был утвердить ЦК Компартии Казахстана. И рассматривалось это утверждение в аппарате ЦК около шести месяцев. Над Героем Советского Союза, коммунистом, уже успешно проявившем себя на руководящих постах, всё ещё витала тень отца – «врага народа».

Как бы там ни было, в ноябре 1954 года он приступил к своим новым обязанностям. Зима, морозы, бураны, проблемы с зимовкой скота... И чрезвычайная ситуация в только что созданном целинном совхозе «Пограничник», где из-за проблем с обустройством быта первоцелинники объявили о невыходе на работу. Председатель райисполкома решил разобраться в случившемся сам. И не один, а с журналистом областной газеты «Қызыл ту» Азилханом Нуршаиховым (в редакцию поступила жалоба от первоцелинников).

Дорога предстояла неблизкая – порядка сорока километров, ехать надо было на служебном транспорте – кошеве, запряжённой парой лошадей. Председатель райисполкома лично экипировал у себя дома журналиста: переобул в валенки супруги (благо, у него оказались ступни небольшой величины), поверх пальто надел овчинный тулуп, выдал тёплые меховые голицы вместо рукавиц. Перед тем как тронуться в

путь, загрузили в кошеву мешок муки, тушку мороженого барана, сливочное масло, два мешка свежего хлеба и два ящика водки.

На месте сразу подъехали к столовой, выгрузили продукты, за исключением водки. Повара получили задание срочно готовить обед. А сами отправились в контору, где все кабинеты были нараспашку и накурено – хоть топор вешай. Беспорядок председатель райисполкома обратил в шутку, заметив: разве, мол, так встречают гостей? Попросил проветрить помещение и пригласил всех в кабинет директора.

Большинство первоцелинников ещё не успели снять военную форму. Они, служившие на Дальнем Востоке, прибыли сюда по комсомольским путёвкам поднимать целину. Поэтому, кстати, и совхоз получил название «Пограничник». Молодые, горячие, горластые, они не хотели мириться с царившими в только что созданном хозяйстве неорганизованностью, плохим питанием, неустроенностью. И все свои претензии вываливали председателю райисполкома в ходе начавшегося нервного разговора. Его остановил сам Махмет, когда ему подали знак от двери, означавший, что в столовой всё готово. «Сытый голодного не разумеет!» – сказал он и предложил всем продолжить «разбор полётов» в столовой.

Он только там снял верхнюю одежду, и пограничники, конечно, были впечатлены Звездой Героя приехавшего к ним представителя района. Тут и водку поднесли. Махмет поднял тост за наступающий День Советской Армии и Флота и добавил: больше перебоев с продуктами питания не будет, а все остальные проблемы, поднятые во время недавнего разговора, будут постепенно сняты. В ответном тосте пограничники пообещали впредь демаршей не устраивать, а случившееся считать недоразумением. И доказали своё обещание делом: вырастили в тот год хороший урожай, заготовили сена в достатке, посадили большой сад и начали посадку лесополос. Забегая вперёд, скажем, что со временем целинный совхоз «Пограничник» станет одним из лучших хозяйств района. Будут также созданы другие целинные совхозы – имени Куйбышева и «Саргамысский».

Через два с половиной года коммунисты соседнего Куйбышевского района откажут первому секретарю райкома в доверии, а на его пост изберут М.К. Каирбаева. С этим районом будут связаны десять лет его последующей жизни. В нём он оставит о себе добрую память. Хотя и там пришлось пройти через непростые испытания.

1958 год. Поднятая целина в первый раз принесла Казахстану, и Павлодарской области в том числе, рекордный урожай. Область была

награждена за него орденом Ленина. А в следующем году проверками оказались выявлены приписки якобы сданного хлеба – 15 миллионов пудов, или 240 тысяч тонн. Полетели головы: были освобождены от должности первый секретарь обкома, другие руководители областного уровня и районов. А некоторые угодили под суд и получили тюремные сроки. Между тем вина их была лишь в том, что они включили в отчётные данные о сдаче хлеба государству и те самые объёмы, которые действительно были выращены и убраны, но не сохранены. Просто не было хранилищ для намолоченного хлеба, который не успевали вывозить в другие регионы страны, поэтому он остался лежать на открытых земляных площадках и к весне был испорчен. По-хорошему ответственность за пропавший хлеб должны были разделить высшие руководители СССР, по требованию которых, и в первую очередь тогдашнего главы государства Н.С. Хрущёва, целина осваивалась методом штурма и натиска. Не жалели ни техники, ни других ресурсов, сагитировали десятки тысяч людей осваивать новые земли, а о хранилищах не позаботились.

Первый секретарь Куйбышевского райкома партии М.К. Каирбаев тоже получил взыскание по партийной линии, но всего лишь «за недостаточную требовательность в работе». Таким лёгким оно стало потому, что, по отчётным данным, в этом районе комиссия приписанных объёмов хлеба не выявила. Но часть его и здесь была испорчена.

А затем пошли неурожайные годы один за другим. И не только традиционные в этом краю засухи стали тому причиной. Были распаханы отвальным способом огромные массивы лёгких по механическому составу земель, что привело к массовой эрозии почв, пыльным бурям и резкому падению урожайности. Всё это увидел побывавший с рабочей поездкой в области Алексей Николаевич Косыгин – тогда первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Во многом благодаря ему в этих краях появится новая, плоскорезная почвообрабатывающая техника.

Ещё до этого визита в Целинограде состоялся первый краевой слёт передовиков, на котором был и М.К. Каирбаев, посетивший затем Шортандинскую сельскохозяйственную станцию, познакомился с её директором Александром Ивановичем Бараевым, которого назовут позднее главным агрономом целины за разработку почвозащитной системы земледелия. Группа учёных во главе с ним, среди которых и директор Павлодарской опытной станции по защите почв от эрозии

Георгий Григорьевич Берестовский, будут удостоены самой высокой в СССР Ленинской премии. А между А.И. Бараевым и М.К. Каирбаевым установятся доверительные отношения, что очень помогало руководителю района в будущем – уходить от шаблонов в работе с землёй, повышать культуру земледелия. В районе выросли в те годы отличные кадры бригадиров, агрономов, руководителей совхозов, которым также посвящены добрые слова в книге.

На этом своём посту Махмет Каирбаевич пробыл больше, чем кто-либо другой из первых секретарей райкомов партии той поры в Павлодарской области. Район при нём получил большое развитие: в земледелии, животноводстве, социальной сфере. Совхозы располагали современной техникой, ремонтными мастерскими, типовыми животноводческими помещениями, выполняли планы производства зерна, молока, мяса, шерсти. На центральных усадьбах хозяйств были выстроены новые школы, детские сады, Дома культуры и клубы, действовали фельдшерско-акушерские пункты.

Вполне заслуженным стало выдвижение М.К. Каирбаева на новую высокую должность – второго секретаря Павлодарского обкома партии. Её он занимал с начала 1968 и почти до конца 1976 года, когда был избран председателем Павлодарского облисполкома. И проработал на этом посту до мая 1982 года. Эти четырнадцать лет стали периодом бурного развития региона – Павлодар-Экибастузского территориально-производственного комплекса, как его стали называть в директивных документах СССР. Именно в те годы были построены крупнейшие предприятия, выдвинувшие Павлодарскую область в одну из наиболее индустриально развитых. Вот далеко не полный их перечень: павлодарские тракторный, алюминиевый и нефтеперерабатывающий заводы и здесь же, в Павлодаре, предприятия энергетики, Ермаковская (ныне Аксуская) ГРЭС, крупнейший в СССР Ермаковский завод ферросплавов, уникальный канал «Иртыш-Караганда»... Бурно развивался ЭТЭК – Экибастузский топливно-энергетический комплекс, где были созданы крупнейший железнодорожный узел, самый мощный в мире угольный разрез «Богатырь», на котором добывалось до 50 и более миллионов тонн угля в год, построена самая крупная в СССР на восток от Урала Экибастузская ГРЭС-1.

Вся область в те годы стала огромной строительной площадкой. Ежегодно вводилось до 500 тысяч квадратных метров жилья, десятки школ, детских садов и других социальных объектов. В Павлодаре появились такие знаковые объекты, как Дворец культуры тракторостро-

ителей, Дворец пионеров, новый железнодорожный вокзал. Неузнаваемо изменился областной центр, превратившийся в современный, светлый город с собственным обликом.

Ни в партийных секретарях, ни в облизполкоме Махмет Каирбаевич не засиживался в кабинетах. Его можно было видеть и на трассе строившегося канала «Иртыш-Караганда», и на строительных площадках Экибастуза, и на предприятиях города и области. А особенной его заботой было село, его руководящие кадры: этих людей он всегда замечал и поддерживал. Таких, например, как председатель колхоза имени 30-летия Казахской ССР Яков Германович Геринг, создавший уникальное хозяйство, в котором орошалось подземными водами пять тысяч гектаров земель. Сельское хозяйство получило в те годы ускоренное развитие. Павлодарская область стала одним из флагманов орошаемого земледелия в республике, особенно после сдачи в эксплуатацию канала «Иртыш-Караганда». Строитель его Л.К. Полежаев тоже получал в те годы очень важную поддержку от М.К. Каирбаева. Леонид Константинович, многие годы возглавлявший позднее Омскую область в качестве её губернатора, напишет вступительную статью к книге его сына, в которой назовёт Махмета Каирбаевича своим наставником и учителем.

На посту председателя облизполкома М.К. Каирбаев оказался однажды перед очень непростым выбором. В то время они двое – первый секретарь обкома партии Б.В. Исаев и он – несли персональную ответственность перед руководством республики за выполнение всех планов, и особенно по поставкам молока, мяса и хлеба. И вот коллизия: самый конец года, а для выполнения плана по закупкам молока не хватает 0,2 процента.

М.К. Каирбаев пригласил начальника областного статистического управления Н.П. Волкова и спросил – всё ли сданное государству молоко учтено? А если это так, что можно сделать, чтобы не было в этих отчётах ничтожно позорных 0,2 процента? Тот ответил: всё проверено-перепроверено, и это известно многим работникам его ведомства. Не хватало для нужных ста процентов каких-то 400 тонн – это однодневная дойка в масштабах области.

Судили-рядили, просидели до глубокой ночи. Отчёт можно было, конечно, подправить, а недостающие 400 тонн перекрыть производством продукции в новом году. «Останемся честными», – сказал председатель облизполкома, отпуская подчинённого, тоже, кстати, фронтовика-артиллериста, с которым у них сложились доверительные отношения.

А на следующий день М.К. Каирбаеву позвонил первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаев и выразил своё неудовольствие: мол, не смог найти во всей области одной капли молока... А Махмет Каирбаевич и после этого неприятного разговора не пожалел о принятом накануне решении. Он всегда старался быть честным – и с другими людьми, и перед самим собой.

В книге – не десятки даже, а сотни имён тех, с кем довелось работать М.К. Каирбаеву. С благодарностью он вспоминал тогдашних первых секретарей обкома партии И.М. Бурова и Б.В. Исаева: они вместе очень многое сделали на этой земле и оставили о себе добрую память, как и другие коллеги Махмета Каирбаевича – руководители крупнейших предприятий истроек, директора совхозов и председатели колхозов, начальники областных управлений и многие другие, чьи имена названы в книге.

Фронтовое братство

Куда бы ни бросала судьба Махмета Каирбаевича, он никогда не забывал о своём фронтовом прошлом и боевых товарищах. С некоторыми наладил переписку. В 1965 году страна впервые торжественно отмечала День Победы. Старший лейтенант запаса М.К. Каирбаев был приглашён на праздничные торжества в Москву. 9 Мая на Красной площади состоялся военный парад, а затем торжественный приём, устроенный министром обороны СССР Р.Я. Малиновским. Во время обеда, проходившего в Кремле, к казахстанской делегации подошёл с рюмкой в руке Г.К. Жуков. Само его появление на торжественном собрании накануне, а теперь и на этом приёме произвело настоящий фурор. На собрании его встретили овацией. А тут вот он, совсем рядом – маршал Победы, как его неофициально называли, с которым чокнулся и Махмет Каирбаев, осушив свою рюмку до дна.

В 1969 году состоялась неожиданная и очень радостная встреча с командиром полка Георгием Григорьевичем Мельниковым. Его называли в полку «Батей». Он, живший после выхода в отставку в Воронеже, сам разыскал командира пятой батареи Каирбаева и побывал у него в гостях в Павлодаре. Уезжал командир полка от бывшего своего подчинённого с подарком – чапаном, расшитым в национальном стиле, который ему по казахскому обычаю накинули на плечи в доме у Каирбаевых. К сожалению, эта встреча фронтовых побратимов стала последней, вскоре Г.Г. Мельников скончался. А Махмет Каирбаевич позд-

нее помог сыну командира Анатолию, военному юристу, служившему в Казахстане, перевестись в Павлодар, устроиться на работу по специальности и часто общался с ним.

В 1975, юбилейном году М.К. Каирбаев возглавил казахстанскую делегацию, отправившуюся на торжества в Москву. Об этом ему сообщил командующий Среднеазиатским военным округом Н.Г. Лященко. Махмет Каирбаевич знал лично всех командующих этим округом – Героев Советского Союза П.Г. Лушева, Д.Т. Язова – впоследствии Маршала Советского Союза.

В Литве три с лишним десятилетия спустя после освобождения советскими войсками города Шяуляя был воздвигнут памятник героям-освободителям. В этих местах в 1944 году насмерть стояла и батарея старшего лейтенанта Каирбаева, бойцы которой не дрогнули перед фашистскими танками. Махмет Каирбаевич также получил приглашение на это торжество и выступил на открытии мемориала, вспомнив своих боевых товарищей, поблагодарив правительство Литвы за память о воинах-победителях.

На торжествах присутствовал и генерал-полковник Н.М. Хлебников – командующий артиллерией фронта, отстоявший награждение командира батареи Каирбаева Звездой Героя Советского Союза. Они встретились, тепло пообщались, вспомнили общее фронтовое прошлое. Николай Михайлович был впечатлён мирной биографией однополчанина.

Из этой поездки М.К. Каирбаев вернулся с лентой почётного гражданина города Шяуляя. Литовцы сохранили в музее Вильнюса единственную уцелевшую пушку батареи Каирбаева. Учащиеся одной из литовских школ ещё с 60-х годов наладили переписку с ним.

Но память бывает и недолговечной. После обретения бывшими советскими республиками независимости окажется ненужной Литве и легендарная пушка ЗИС-3 батареи Махмета Каирбаева – это было оружие Героя Советского Союза старшины С.И. Горшкова. Павлодарский областной совет ветеранов смог договориться с должностными лицами в Литве о передаче пушки на родину командира батареи. За это непростое дело взялся один из первых павлодарских предпринимателей, сын фронтовика Кенес Жумабеков. Он снарядил в Литву самолёт ЯК-40, но возникли проблемы с таможей, и павлодарцы вернулись ни с чем. Тем временем дирекция литовского музея уже договорилась о продаже этого орудия местному покупателю. К. Жумабекову удалось наладить

контакт с бизнесменами Литвы и вывезти оружие на «КамАЗе» в разобранном виде. Принимал ценный груз М.К. Каирбаев в полковничьей форме с непокрытой головой. Теперь эта пушка – экспонат областного краеведческого музея имени Г.Н. Потанина.

В 1980 году в Москве отмечалось 35-летие Победы. М.К. Каирбаев принял участие в этих торжествах и пригласил на встречу парторга их 712-го полка Александра Васильевича Пантелеева, жившего в Подмосковье, и комсорга Павла Николаевича Орлова; он единственный из артиллеристов имел звание капитан-лейтенанта и носил морскую форму. Позже М.К. Каирбаев побывает у него в гостях в Таллинне. А московская встреча стала очень трогательной, незабываемой и завершилась праздничным дастарханом с национальными блюдами. Его накрыла супруга Махмета Каирбаева Сабира Амировна в московской гостинице, где они остановились. Были, конечно, и традиционные «сто грамм». Товарищи по оружию дали наказ однополчанину дожить до 50-летия Победы. И он этот их наказ выполнит.

Уже после выхода на пенсию он совершил поездку к однополчанам в Таллинн и Ленинград, где встретился со старшим техником полка Игорем Николаевичем Шаповаловым (он гостил до этого в Павлодаре у Каирбаевых) и с командиром огневого взвода батареи Дмитрием Фёдоровичем Васильевым. Майские праздники супруги Каирбаевы провели в кругу его боевых друзей. Когда они посещали Пискарьёвское кладбище, стали участниками церемонии возложения цветов к мемориальному комплексу защитникам Ленинграда (оба боевых товарища М.К. Каирбаева были коренными ленинградцами, имели многочисленные награды). Махмет Каирбаевич попал в поле зрения председателя Ленгорисполкома Л.Н. Зайкова. Тот поручил выяснить, кто этот человек со Звездой Героя. После чего М.К. Каирбаев с супругой получили приглашение на приём, устроенный Л.Н. Зайковым в честь Дня Победы. Глава города сказал тёплые слова в адрес ветерана-казахстанца и вручил ему медаль «В память 250-летия Ленинграда».

Ещё раньше, бывая в подмосковном санатории, М.К. Каирбаев едва ли не все свои отпускные дни проводил в стенах Подольского Центрального архива Министерства обороны СССР. Здесь с помощью архивистов он установил весь боевой путь своего 712-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка. И об этом тоже повествуют страницы недавно вышедшей книги его сына.

Есть в ней и трогательная история о встрече М.К. Каирбаева с боевым знаменем полка, которую ему устроили в Павлодаре на областной комсомольской конференции. Эта идея родилась в обкоме комсомола, обратились за содействием в ЦК ВЛКСМ, оттуда в Министерство обороны СССР. И знамя полка было доставлено в Павлодар двумя офицерами, установлено на специальной подставке на сцене. Находившийся в президиуме конференции посевший Герой Советского Союза подошёл, опустился на одно колено, поцеловал и замер, склонив голову. А весь зал аплодировал ему стоя.

Махмет Каирбаевич выполнил наказ своих однополчан: 9 Мая 1995 года возложил живые цветы к подножию памятника Воинам-победителям в сквере Славы города Павлодара. А через год с небольшим он тихо ушёл из жизни дома, в кругу своих родных.

* * *

Павлодарцы, и не только они, хранят память о своём выдающемся земляке – Герое и патриоте, великом труженике. В Павлодаре есть улица Каирбаева, установлен бюст Героя в сквере Славы областного центра, его имя носят детско-юношеская школа и кадетский корпус... Полковник Махмет Каирбаев навечно зачислен в списки личного состава пушечной батареи одной из воинских частей Казахстана. На мраморных плитах Музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве золотом высечены имена всех Героев Советского Союза – участников войны 1941-1945 годов, где увековечено и имя Героя СССР из Павлодарского Прииртышья Махмета Каирбаева. И это далеко не все почести, которых он удостоен.

Великое дело совершил его сын Мурат Махметович Каирбаев, не одно десятилетие собиравший материалы для книг об отце. И в этой, изданной в престижной серии «ЖЗЛ», он обессмертил не только имя отца-Героя, но и весь свой род, запечатлел время, выпавшее на их долю – родных и сотен других людей, живших в ту эпоху.

Книга «Махмет Каирбаев» вышла большим тиражом – десять тысяч экземпляров – и по решению автора поступит во все регионы республики: в библиотеки, советы ветеранов, другие общественные организации. Она ещё и бесценный учебник жизни для потомков творцов Великой Победы.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Сын японского шпиона

Почему одним людям удаётся в жизни почти всё, а другим не удаётся почти ничего? Что нужно для того, чтобы твоя жизнь состоялась и потом не было, по определению известного литературного героя, «мучительно больно за бесцельно прожитые годы»?

Точных рецептов, конечно, нет, хотя при желании можно вывести некие общие закономерности, которые способствуют достижению жизненного успеха. В этом ряду прежде всего наверняка должны быть и благополучная семья, и нормальное детство, и возможность учиться – всё то, что позволяет каждому уже в начале жизни ощущать себя нормальным человеком среди других людей, ни в чём не ущемленным по сравнению с ними. И, наоборот, травмы, нанесённые в детстве, особенно психические, нередко имеют самые тяжкие последствия, а иногда – ломают человеку всю жизнь.

Плохо, когда сын растёт без отца. А каково ему в стране, где «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее», если его отец – «враг народа», «японский шпион»? Мальчишке всего десять лет, он знает, что его отец – сильный, очень добрый, самый лучший... Как хорошо он всем им вечерами читал при свете керосиновой лампы... Чтение вслух при всей семье было чем-то вроде праздника. Отец столько знал и столько умел, с ним было так хорошо и так спокойно... И вот – враг, шпион... Как можно было поверить? И как не поверить: суд, приговор – десять лет без права переписки.

Сын не поверил. И несколько лет спустя, чуть повзрослев, вступил в переписку с... Берией. С тем самым, Лаврентием Павловичем – самым

главным во всеильном НКВД. Писал не единожды. Через какое-то время после очередного письма мать вызывали для бесед в «органы». Приходила испуганная, заплаканная: «Христом Богом прошу тебя, не пиши больше...»

Страшные были времена. И странные. Когда сын «врага народа» заболел тяжелой формой костного туберкулеза, ему дали направление на лечение в один из специализированных детских санаториев на берегу Черного моря. И опять всё было правильно: первое в мире государство рабочих и крестьян карало врагов народа, но «сын за отца не отвечает», сказал сам Сталин, и сына «японского шпиона» лечили за счёт того же государства.

Почти три года провел он в этом санатории: всё время в гипсе – полный покой и полная неподвижность. Даже для взрослого человека это труднопереносимые муки, а каково ребенку, для которого бегать так же естественно, как птице летать? Когда выписали, учиться ходить пришлось заново, на костылях. Врачи особо предписывали: никаких лыж, коньков, никакого велосипеда...

Он мог погибнуть дважды в те годы. Во-первых, если бы ещё на год задержался в санатории (а врачи на этом настаивали), а во-вторых, если бы прислушался к их наставлениям по части покоя. Дело в том, что вскоре после того, как мать забрала его домой, началась война, Крым захватили немцы, и весь персонал вместе с больными детьми был уничтожен. И ещё, как впоследствии оказалось, их всех неправильно лечили: в движении и только в движении (с помощью специальных гимнастических упражнений) было единственное спасение страдающих тяжёлым недугом мальчишек. А покой и неподвижность вели их к верной инвалидности и гибели.

Его спасла обыкновенная обида – выиграло самолюбие... С год он терпел и дома предписанный режим. А однажды... Друзья-приятели играли в футбол, он стоял на краю поля, как обычно, опершись на костыли. Мяч подкатился прямо к ногам, он не удержался – пнул, но неловко и сам упал. Кто-то засмеялся... А он, взбешенный и обиженный до глубины души, доскавав домой, тут же изрубил на мелкие куски и костыли, и тутор – специальный корсет, который разрешалось снимать только на ночь.

Шла война. На скромную материну зарплату было не прожить. Пришлось самому впрягаться в мужскую работу – пахал землю, косил сено, скирдовал... О болезнях некогда было думать, сначала ещё прихрамывал, а затем окреп, заматерел: по скошенной стерне ходил босиком – и хоть бы что...

У него есть собственные записки о той тяжелейшей поре. В Петропавловск, где они жили, эшелонами прибывали эвакуированные, которых подселяли в жилища горожан. И к ним определили семью из Москвы: профессора, его дочь-студентку и слепую мать, согнувшуюся от старости, не выпускавшую из рук палки-костыльки. Делиться с ними пришлось всем самым элементарным, начиная от ложки и тарелки.

Хлеб стали выдавать по карточкам: шестьсот граммов на работающего и четыреста – на иждивенца. Позднее он напишет рассказ о том, как девочка-семиклассница из их школы повесится, потеряв карточки на семью, в которой были ещё мать и младший брат.

Семья Шевченко выжила во многом благодаря корове, которую им завещал умерший в деревне дед Матвей. Своя корова – Красуля – это было в те годы настоящее богатство. Но с ней пришли и новые заботы: если летом её можно было пасти в окрестностях Петропавловска, подкармливать зеленью с огорода, на зиму требовался запас сена. Сенокос семье выделили в пятнадцати километрах от города. Научился косить травы ручной косой-литовкой, но сено ещё нужно было доставить; и кроме как на той же Красуле, не на чем. Загодя стал готовить телегу и сбрую. Знакомый кузнец выковал две оси, Сергей сам приспособил к ним колёса от ручных тележек, приладил лёгкие дробины (оглобли)... И вот корова запряжена – под дугой и с хомутом на шее. Красуля оказалась понятливой – не стала артачиться, вывезла всё заготовленное её хозяином сено.

Перезимовали эту зиму... А осенью 1943 года всем классом косили по снегу литовками неубранную пшеницу в одном из колхозов. Из неё же готовили невкусное, но горячее варево. За хлебом по карточкам приходилось простаивать по полсутки и больше. Наградой становился на семью из трёх человек полтора килограммовый кирпич серого, плохо пропечённого хлеба. Иногда с небольшим довеском, и тогда его можно было съесть самому по пути домой или, что случалось очень нечасто, отщипнуть крохотный кусочек корочки и долго сосать его во рту, как конфетку.

Объединяла, спланивала людей, напишет много позже в своих воспоминаниях Сергей Павлович, общая беда и общая цель – Победа, ради которой переносили все тяготы и невзгоды.

В войну всем хватило лиха. Сыну «врага народа» приходилось тяжелее: ещё не вступив в самостоятельную жизнь, не успев в ней ничего сделать, уже был виноват перед всеми. Виноват без какой бы то ни было вины. Ему нельзя было быть комсомольцем. Значит, ты в стороне

от стольких интересных, кипучих дел, которых так требует, так жаждет твоя энергичная натура...

Ему много чего было нельзя... Ему ничего не давалось, как многим другим, просто так. Может, потому он так рано и повзрослел, усвоив для себя простую и жестокую правду: ему не на кого рассчитывать, не откуда ждать помощи, скорее, наоборот – надо быть готовым к тому, что многое будет против него. Что иногда надо жить и действовать не только благодаря чему-то, но и несмотря ни на что и даже вопреки чему-то. Вряд ли он сформулировал свою жизненную позицию именно так в те молодые годы. Но то, что уже тогда, столько пережив, интуитивно определил для себя примерно такую систему координат, это точно. В противном случае его жизнь сложилась бы совсем иначе. Если бы сложилась вообще...

Учитель

Учителем он стал не сразу. В победном сорок пятом окончил вечернюю школу рабочей молодежи, получил аттестат и рванул за своей первой любовью в Киев. Поступил в институт киноинженеров, попал в нехорошую компанию, куролесил... Как побитая собака, бежал домой, так и не объяснившись в любви со своей симпатией. До Петропавловска добирался девять суток – голодный, оборванный, без единой копейки – на крышах вагонов.

В сорок шестом поехал учительствовать в глухое дальнее село. А уже через год его (двадцатилетнего!) назначают директором школы-семилетки, всё в той же глухомани. Мать чуть не силой повела новоиспеченного директора на барахолку, чтобы купить пусть не новый, но мало-мальски приличный костюм. А сын заметил старушку, продававшую солидные книги с тисненым золотым обрезом. Уехал без костюма, зато с 80 томами дореволюционной Энциклопедии Брокгауза и Эфрона. Время не только глухое и бескнижное, но и голодное... Книги стали его спасением, его университетами в деревенской глуши: сперва просто глотал, потом перечитывал, штудировал, конспектировал... Выписывал новые – откуда только можно было.

Подбрасывала жизненного материала и деревня, с её бытом, нравами, неповторимыми характерами. Чего стоил один председатель сельсовета в неизменном сталинском кителе и обязательных галифе. С народом на собраниях он изъяснялся витиевато-изысканно. Например, так: «Из сидящей здесь массы вытекло мнение...» Или вот ещё: «Как

будем голосовать: персонально или за каждого в отдельности?» Всё это тоже впитывалось, откладывалось в тайниках памяти.

Выпускные экзамены в Омском педагогическом институте сдал за один год, экстерном, почти без напряжения. Его заметили. Уже в 23 года – инспектор школ облоно. Карьера – головокружительная: под его началом фактически все школы области... Но голова не кружится, ведь жизнь только начинается, ещё столько предстоит сделать. Через год, в 24, начинает читать лекции в Петропавловском пединституте. Довелось даже учить вчерашнего представителя «органов», в своё время прорабатывавшего мать за строптивого сына, вступившего в переписку с Берией. Студент-заочник, человек уже в годах, узнавал старого знакомого на лекциях, опускал глаза. В первые мгновения у молодого преподавателя если и возникала некая мстительная радость, желания отомстить не было. Отца его, конечно же, реабилитируют, но позже.

Стал проректором института. Уже создана семья, двое сыновей. Жизнь складывалась вполне спокойная, размеренная. И тут, в 34 года, он делает то, что потом не раз будет делать, – всё круто меняет. Многие из тех, кто хорошо его знал, называли этот шаг безрассудным. В 1960 году в Петропавловске открывается студия телевидения, и он уходит туда главным редактором. Зачем? Наверно, стало скучно, захотелось новых ощущений – есть люди, которые плохо переносят размеренное течение бытия.

Журналист

В октябре 1997 года Сергею Павловичу Шевченко исполнилось 70 лет. Ровно половина (даже чуть больше) жизни была отдана журналистике: радио и телевидению, газете, книгам и фильмам.

В Павлодаре он с 1965 года. Был среди тех, кто стоял у истоков создания студии телевидения в нашем городе. В то время здесь не оказалось ни одного человека, знакомого со спецификой нового дела. На должности с экзотично звучащими тогда названиями – телеоператор, режиссер, ассистент, диктор – пробовали всех желающих. Те, кого брали, готовы были работать сутками бесплатно. День, когда вышла в эфир первая телепередача, стал настоящим праздником и для работников телевидения, и для горожан. Это было почти чудо: местное телевидение пришло в Павлодар раньше московского. Дикторов, тележурналистов узнавали на улицах, они были популярны, как кинозвезды.

Павлодарская телестудия вскоре стала одной из лучших в Казахстане. Здесь первыми среди областных телестудий начали использовать

передвижную телевизионную станцию, видеозапись, цветное изображение. И во всём этом, как принято говорить, есть прямая заслуга С.П. Шевченко. Многие мэтры павлодарской тележурналистики называют его своим учителем и дружили с ним после ухода с телевидения. И сам он считал ту пору прекраснейшей полосой своей жизни.

А потом, когда всё на телевидении было налажено и работало как часы, в его судьбе вновь происходит крутой поворот.

На этот раз он ушел в областную газету «Звезда Прииртышья». То были не лучшие для неё времена: прежний редактор оставил газету не по своей воле, а по настоянию её журналистов, и нового здесь встречали без особого энтузиазма. Скорее, с некоторым скепсисом. Мы, газетчики, считали себя, если можно так выразиться, первыми среди равных, относясь к тем же телевизионщикам с некоторой долей превосходства. Вряд ли у нас были на то основания, но, наверное, не погрешу против истины, если скажу, что то же самое думали про себя и про нас, газетчиков, тележурналисты – разумеется, с точностью до наоборот... И вот нам присылают чужака... Ну руководил телевидением, ну книжки пишет, но что он смыслит в газетном деле? А он и не скрывал, что не знает технологии производства газеты, не боялся в этом признаваться, первое время во всём полагался на своего верного зама Петра Арсентьевича Побережникова.

Время было по-партийному строгое, как после шутили остряки – расцвет застоя; газета, само собой, находилась в жестких партийных рамках, но все мы как-то очень быстро почувствовали, что в редакции стало полегче дышать. Не переоценивая сделанного в те годы, могу сказать, что именно тогда в «Звезде Прииртышья» вновь утвердилась атмосфера открытости, известного свободомыслия, журналистского товарищества.

В то время у нас был очень сильный творческий состав: много писали Юрий Ковхаев, Владимир Воронов, Петр Побережников, Павел Лефлер, Павел Оноприенко; уже утвердились в редакции Виктор Семейрянов, Геннадий Бабин, Людмила Гришина, заявляла о себе молодая журналистская поросль. И каждый – со своим норовом... Шевченко как-то очень органично влился в нашу контору (так мы любовно-иронично именовали редакцию), быстро стал своим. Он был доступен, открыт, дружелюбен. Мог, не читая, подписать аналитический материал размером с газетную страницу, а на недоуменный взгляд автора пояснить: «Ну ты же профессор в этом деле, что же я тебя перепроверять буду?»

Как-то так повелось издавна, что редактор газеты вроде не считался журналистом. Он, конечно, шеф, должен где-то представлять, давать задания (иногда – нагоняи), читать и подписывать материалы... Но писать самому ему как бы не обязательно. Ведь хорошо это вообще мало у кого получается, а плохо писать вроде неудобно – всё же редактор. Шевченко писал. Нечасто, но заметно. Некоторые наши газетные авторитеты кривились: это, мол, не журналистика, а какие-то проповеди, литературщина. А он продолжал делать то, что считал нужным, и стал лауреатом премии Союза журналистов СССР за цикл своих публикаций. А эти премии просто так не давались – тем более редакторам газет из глубокой провинции.

Редакторская ноша никогда не была лёгкой – это нервная, изматывающая должность. А он умудрялся, делая газету, писать статьи и очерки для журналов, сценарии для фильмов, книги. Каждая полоса его жизни так или иначе отразилась в книгах. Первую он написал в больнице: его деятельная натура бунтовала против размеренного больничного быта. Это была повесть «Пушки грохотали далеко» – о мальчишеском военном детстве. Он рискнул прийти с ней к самому Ивану Шухову – земляку, с которым познакомился и отчасти подружился несколько лет назад. Шухов уже тогда был почти канонизированным классиком и редактором «Простора», имевшего всесоюзную известность. «Ишь чего захотел – сразу в «Простор», – проворчал Иван Петрович. Вызвал одного из сотрудников и в присутствии наглеца-автора дал тому наказ: пострже посмотреть повесть. Тот же вместо ожидаемой уничижительной критики написал... рекомендацию в одно из алма-атинских издательств с предложением напечатать книгу. Рецензентом был Иван Щеголихин – известный казахстанский писатель, впоследствии депутат Сената республиканского парламента.

В издательстве сделали всё, чтобы навеки отбить у начинающего литератора охоту братья за ручку. Беспардонно вмешивались в текст, уродовали его, выбросили лучшую главу – о том, как повесилась девочка, у которой украли в войну хлебные карточки на всю её семью. «Советские пионерки не вешаются», – поучал молодого автора редактор. И страшил: «Не хочешь пожертвовать главой – в таком случае вылетит из плана вместе с ней вся твоя книжка».

Так его «учили» жить. А он всё равно писал: вышли повесть в «Просторе» «Сегодня вы увидите», навеянная его телевизионными буднями; отдельной книжкой – роман «Наследство», где частично прочитыва-

лось институтское и военное прошлое. Начались большие дела в Экибастузе – формирование ЭТЭКа – крупнейшего в СССР топливно-энергетического комплекса, и он с головой ушёл в работу: архивы, поездки, встречи с людьми. Работал как одержимый. Его документальная книга «Экибастуз» выдержала два массовых издания. Конечно, со временем он, наверное, что-то в ней написал иначе, но и позднее никто другой ничего лучше, значительнее об истории этого города, его бурном взлете не написал.

Перестройку Шевченко встретил с радостью, принял её всем сердцем, жадно впитывал в себя новости, радовался переменам (откуда ему, да и всем нам, было знать, куда нас заведут её архитекторы...), снова взялся за книжку, писал урывками, до изнеможения. Небывалый случай: первая её часть вышла в «Просторе», когда вторая ещё была в работе... Потом книга выйдет отдельным изданием под заголовком «Да вершится», получит массу искренних доброжелательных откликов. Ему писали письма об этой книжке даже совсем незнакомые люди.

В биографических очерках о людях такого ранга, как С.П. Шевченко, обычно принято называть и высокие правительственные награды, коих они в свое время были удостоены. Я лишен возможности использовать этот испытанный прием выпячивания достоинств своего героя. Ни одного ордена Шевченко не получил. Знаков трудовой доблести немало: «Отличник народного просвещения», «Отличник телевидения и радио СССР», лауреат премии Союза журналистов СССР, бесчисленные Почётные грамоты. Даже знак «Шахтерская Слава» – за пропаганду ЭТЭКа – есть. А в разрядки на ордена не попал.

В чем причина? При своей неординарности он нередко не вписывался в ряды номенклатуры. Власти с ним считались, но до конца «своим» не признавали.

А было и такое – в разгар перестройки в редакцию «Звезды Прииртышья» пришла разрядка представить кандидатуру на присвоение звания «Заслуженный работник культуры Казахской ССР». Собрался «ареопаг» – редактор, заместители, секретарь партбюро, председатель месткома. Решение было единодушным: учитывая заслуги редактора, предстоящее его 60-летие, звание ему и присвоить. Не согласился с таким решением только один человек, сам редактор, посчитав, что это с его стороны будет нескромным.

Почётное звание присвоили другому журналисту редакции, который, надо сказать, благородства шефа не оценил.

Пенсионер

Каково человеку на пенсии, особенно ушедшему с престижной, высокой должности, знает лишь тот, кто уже проделал сей путь. Не надо быть ясновидцем, чтобы предположить: не очень хорошо, неуютно, одиноко. И в самом деле: ещё вчера был нужен всем, а теперь не нужен никому. То не хватало дня, а теперь весь день нечем себя занять...

Шевченко счастливо избежал участи большинства стареющих – вечно брюзжащих, всем недовольных, жалующихся. У него на всё это не было времени. Как и раньше, он каждый вечер составлял список неотложных дел на завтра, вечером следующего дня вычеркивал выполненные пункты и добавлял новые. Иногда сердился на себя: «Да что это я, в самом деле, с этим дурацким списком, кто меня гонит?» Потом, поразмыслив, приходил к выводу, что привычки менять поздно, и снова брался за карандаш.

Чем же так занят был на заслуженном отдыхе пенсионер бывшего союзного значения С.П. Шевченко? Тем же, чем и раньше. Писал статьи и очерки, стал лауреатом премии областной организации Союза журналистов за материалы, опубликованные в «Звезде Прииртышья». Кроме того, по праву считался одним из самых активных соборов республиканской газеты «Сельская новь». Два года еженедельно вёл занятия в придуманной и организованной им школе-студии для литературно одарённой молодежи и на областной студии прекрасную авторскую телепередачу «Зеленая лампа» – о вечных ценностях нашей жизни... Создавал музей на заводе «Октябрь».

А ещё написал пять книг. В их числе уже знакомые павлодарскому читателю «Зимние каникулы», «Завод и время», «Тлеген су» – «Желанная вода» – об истории создания канала «Иртыш-Караганда» и людях, здесь работающих.

К своему 70-летнему юбилею С.П. Шевченко выпустил книгу «Уходя, оглянуться» – сборник рассказов и очерков, своего рода творческий отчёт писателя перед земляками. Особенно хороши в ней, на мой взгляд, новеллы о близких – они художественно насыщены, по-человечески проникновенны.

Поэт Виктор Семерьянов откликнулся на выход сборника доброжелательно-ироничным четверостишием:

*Уходить – это, блин, не вернуться,
И пришлось пессимизм охладить.
Зря назвал: «Уходя, оглянуться».
Оглянулся – зачем уходить?*

И он не ушел. Опять удивил. Начал работать в Доме-музее Павла Васильева. Как оказалось – не без умысла: буквально за год родилась его новая книга – «Будет вам помилованье, люди...». Это совершенно новый жанр для Шевченко – книга литературоведческая... Напомнил о себе, оказался востребованным опыт преподавания литературы в пединституте; что же касается творческой формы автора, то в ней он, похоже, остаётся всегда...

Во всяком случае, в аннотации к этой книге, вышедшей в Астане, говорится: «В книге Сергея Шевченко есть редкое сочетание – скрупулёзный, тщательно выписанный документ эпохи переплетается с тонкими и глубокими наблюдениями и раздумьями над художественной стихией поэтического дарования Павла Васильева».

Кстати говоря, редкий случай: столичное издательство само нашло автора, заинтересовавшись главой из новой книги, напечатанной в «Казахстанской правде». Вторым изданием книга «Будет вам помилованье, люди...» вышла в Павлодаре к 90-летию со дня рождения Павла Васильева. Кроме того, к этой дате был выпущен сборник избранных произведений поэта, составленный С.П. Шевченко. Он же написал предисловие к сборнику.

Итого позади десяток книг, полтора десятка сценариев, по которым сняты документальные фильмы, не одна сотня статей, очерков и других материалов в газетах и журналах. А ещё десятки людей, которым он помог найти свое место в жизни, обрести себя в журналистике и не только в ней.

В жизни ему всего было отмерено полной мерой – и счастья, и несчастья. Порой судьба обходилась с ним очень круто, но он выстоял. Один из лучших его рассказов называется «Сопrotивление материала». Это трагическая история о доброте и мужестве, о силе человеческого духа. И хотя всякое сравнение хромает, я бы рискнул соотнести вполне состоявшуюся жизнь Сергея Павловича с этим научным термином. Стойко переносить удары судьбы, в любых обстоятельствах оставаться самим собой, по-мужски делать свое дело – ведь это тоже «сопротивление материала».

* * *

Что ещё можно сказать о Сергее Павловиче Шевченко. Наверное, то ещё, что он был человеком щедрой души, всегда поддерживал талантливых людей, никогда никому не завидовал. Ценил и любил жизнь в её разных проявлениях. Одно время был заядлым дачником, а на пен-

сии стал искусным виноделом. Любил собирать дома нас, близких ему людей, на застолья в узком кругу. И каждый мог отведать как блюда, приготовленные его супругой и верным другом Еленой Фёдоровной, так и его эксклюзивные напитки. Мне лично больше всего по душе пришлась его крепчайшая сорокаградусная «Бурьяновка». А были ещё любимые женщинами вина и настойки. Он как будто завещал нас друг другу на этих званых обедах.

Меня Сергей Павлович из корреспондентов сразу выдвинул в заместители редактора, а уходя на пенсию, рекомендовал и в редакторы. Поддерживал мои литературные опусы, рекомендовал их в журнал «Простор», знакомил с его ведущими сотрудниками. И я с тех пор не прерываю связи с «Простором».

Великое дело сделали павлодарские архивистки В.Д. Болтина и Л.В. Шевелёва, выпустившие в серии «Имена, вошедшие в историю» объёмную, добротную книгу «Сергей Шевченко: редкой породы человек».

Я же дважды виноват перед Сергеем Павловичем, с которым мы многие годы общались и дружили. Ему предстояла сложная операция по удалению аневризмы аорты брюшной полости. Он уезжал в Алматы, где её должны были делать, и зашёл ко мне в редакцию попрощаться. Не знаю, предчувствовал ли он близкую кончину или просто посчитал нужным зайти, но мне, как всегда, было некогда, и нормального разговора у нас с ним не получилось. Я выразился в том смысле, что не стоит нам прощаться, вот вернётся он, и тогда уже посидим как следует. Он вдруг как будто смутился, что вообще-то было ему несвойственно, и сразу ушёл. А через недолгое время мы встречали его тело в запаянном гробу в аэропорту.

Я и потом захаживал к Елене Фёдоровне, которая ненадолго пережила Сергея Павловича. И однажды она предложила мне забрать его архивы. Я же не знал, что мне делать с собственными бумажными завалами, и уклонился от её просьбы, о чём не раз потом пожалел. Вряд ли что-то из этого, безусловно, ценного наследства Сергея Павловича сохранилось. К сожалению, бывают в жизни ошибки, которые уже не исправить. Пусть останутся хотя бы мои благодарные страницы в этой книге, ему посвящённые.

ДОСТОЙНАЯ БИОГРАФИЯ

Его биография – пример того, что может сделать в жизни человек благодаря трудолюбию, упорству, преданности делу, постоянному желанию самосовершенствоваться. Мальчишка из простой сельской семьи стал не просто руководителем, а, без всякого преувеличения, государственным и общественным деятелем. Состоялся как крупная личность... И хотя Оралбек Кожанов в особых рекомендациях не нуждается, нелишне будет напомнить некоторые вехи его биографии.

Начало

Как провожали на фронт отца, Оралбек не помнит, зато навсегда осталось в его памяти то время, когда отец после ранения приезжал домой на побывку. Не долечившись, он вновь ушёл на фронт, и детская память сохранила всё: и товарный поезд, увозивший отца, и то, как отец всё махал рукой маленькому сыну, бегущему за вагоном...

К счастью, отец вернулся и навсегда стал для сына главным авторитетом в жизни, даже тогда, когда Оралбек уже сам руководил целым районом...

Отец был великим тружеником, мастеровым человеком, знал кузнечное и плотницкое дело, и сына сызмальства приучал к труду. Так что довелось Оралбеку в детстве и скот пасти, и на сенокосе работать, а когда повзрослел, вместе с отцом нанимался на лето изготавливать кирпич-сырец (саман). Более тяжёлой физической работы Оралбек с тех пор не знал. Сами месили босыми ногами замес из глины, потом формовали заготовки... Главное орудие труда – лопата... Урабаты-

вался часто так, что вечером ноги не держали – засыпал, едва успев лечь...

Но это была и школа жизни – на все времена... Отец же не только учил сына трудиться, но и думал о его будущем: по его настоянию Оралбек после окончания сельской семилетки перебрался в город, где стал учиться сначала в педучилище, потом в межсовхозной школе на курсах овцеводов. Закончил среднюю школу и решил стать зоотехником.

Поступил в Семипалатинский зооветеринарный институт, чтобы быть поближе к дому. Это был осознанный выбор, поэтому и учился с охотой, подружился со спортом. Получил спортивные разряды по баскетболу и волейболу, преуспел в вольной борьбе, заняв на республиканских межвузовских соревнованиях второе место. Может быть, именно с той поры в нём сохранились какая-то особая подтянутость, молодцеватость. Спорт всю жизнь помогал ему выдерживать большие нагрузки – и физические, и психологические.

На последнем курсе женился: Марьям также училась в институте на зоотехника. Вместе получили направление на работу в одно из отделений совхоза «Шакат» Павлодарского района. Получили первое в жизни жильё, и хотя имущества у молодых супругов не было почти никакого, жили не тужили, осваивались. Повезло ещё и в том, что директором «Шаката» в ту пору был Вахап Бекович Сыздыков – фронтовик, человек с сильным характером и большим жизненным опытом. Работать рядом с таким руководителем – лучшая школа для молодого специалиста. Правила же Сыздыкова были, по сути, очень просты: живи честно, добросовестно делай своё дело, будь среди людей...

Видимо, неплохим учеником оказался недавний выпускник вуза, если его вскоре назначили главным зоотехником целинного совхоза «Михайловский».

В «Михайловском»

Мы с Кожановыми жили на одной улице, носящей имя Абая. Дома наши стояли чуть ли не напротив, наискосок... Сам я те времена и Кожанова помню не очень хорошо, а больше – супругу Оралбека Кожановича Марьям – стройную, статную красавицу, которая преподавала у нас в школе... Помню немного его родителей, живших с молодыми, и детей... А Оралбек работал вместе с моим отцом – в ту пору председателем рабочего комитета совхоза, и, конечно, им приходилось сжи-

вать за одним дастарханом. Чаше, я думаю, у нас, потому что в нашей знаменитой бане перебивала чуть ли не половина совхоза. А знаменита баня была тем, что топились по-чёрному, то есть дым из её печи выходил не через трубу, а через двери... Поскольку в ту пору настоящей бани в совхозе ещё не было, а приспособленный под неё вагончик не устраивал моего отца, страстного парильщика, он вместе с друзьями и соорудил (как говорил – «по-фронтовому») «сибирский вариант»: вырыли яму в огороде, сделали стены из пласта и пластяную крышу, державшуюся на берёзовых жердях... Словом, редкую субботу у нас не было гостей... И как-то, когда мы с Оралбеком Кожановичем оказались вместе в сауне, он мне напомнил про нашу баню по-чёрному. Я её тоже хорошо помню: отец иногда брал меня с собой в первый пар, когда всё в бане дышало нестерпимым жаром. С тех пор и сам люблю баню.

«Михайловский» в те годы был уже довольно крупным хозяйством: свыше трёх тысяч голов крупного рогатого скота, шесть тысяч овец, 600 лошадей, полторы тысячи свиней. И забот у молодого зоотехника хватало, тем более что приходилось заниматься проектами (их в пору назвать прожектами), от которых у него кругом шла голова: то рождался почин быстро накормить народ кроличьим мясом, и пришлось немало хлебнуть горя с кроликами... То «голубую целину» осваивали – разводили повсеместно уток, независимо от того, есть для этого возможности или нет. И всё это отвлекало от больших забот, связанных с «большим» животноводством.

Случалось, прорабатывали главного зоотехника в районе за невыполнение плана, чуть однажды с работы не сняли... Он говорил мне позднее: это мой отец за него вступился: сказал на партийном собрании, что не раз видел главного зоотехника на ранних утренних дойках, на летних выпасах, зимой – на фермах, что его хорошо приняли животноводы и считаются с ним.

Но то было и хорошее время – обретения опыта, самоутверждения... Помню, мы, тогда ещё пацанва, восторженно рассказывали друг другу услышанное от кого-то из взрослых – как Оралбек (в совхозе его звали Урал-бек) бросил через себя кого-то из мужиков, усомнившегося в его борцовских качествах... Мы решили, что он самбист... Я, повзрослев, думал, что всё это – легенды... Но пройдут годы, и Оралбек Кожанович напишет в своей книге «Всё начинается с дорог», что всё примерно так и было, только приём был из вольной борьбы...

Кого только не заносило на целину, и все приносили свой опыт жизни, обычаи, традиции. Первоцелинников принимали на постой в свои скромные жилища казахстанские семьи из аулов Жанатан и Жолтаптык, которые станут отделениями «Михайловского». Приезжали и обосновывались на постоянное место жительства русские, украинцы, немцы, белорусы, молдаване. О ком-то вспоминает Оралбек в упоминавшейся книге: одноглазом конюхе, знатоке лошадей Володе Ганже, его соседу деде Челноке, о моём отце-фронтовике, человеке с характером.

Первый директор совхоза Стефан Васильевич Карпанёв говорил мало, но дело знал. Местные казахи признали его своим за общительность и простоту. Не чурался и застолий. Но если кто-то из его участников опаздывал утром на работу, сам приезжал к нему домой опохмелиться. Это была своего рода воспитательная мера: хозяйки, хотя бы раз столкнувшиеся с подобным, старались потом после совместных с директором гулянок выпроваживать мужей на работу чуть свет.

Однажды молодому зоотехнику, оставшемуся «на хозяйстве» за отсутствующего директора, пришлось принимать высокое начальство: первого секретаря Железинского райкома партии Е.Е. Соколова и председателя облисполкома Ж.Д. Джангозина. Делами в совхозе они остались довольны, но их надо было ещё и накормить. Приготовили дома бешбармак. Соколов был направлен Москвой из Белоруссии на освоение целины, местных традиций не знал, в гости ни к кому не ходил и к себе никого не приглашал. Тут же ему деваться некуда было: он сам сопровождал большого начальника.

Принесли большое блюдо с положенными в таких случаях долями сваренного барана, и отец Кожанова по казахскому обычаю начал его на глазах гостей резать. А Джангозин по тому же обычаю положил на тарелку перед Соколовым деликатесную кость с мясом. Пояснил, что бешбармак в переводе на русский – пять пальцев, и едят его руками. И тут же подал пример, взяв с блюда первую долю главного казахского угощения. Так отец Оралбека и председатель облисполкома преподали своеобразный урок гостеприимства партийному секретарю.

Е.Е. Соколова вскоре переведут в Москву, в аппарат ЦК КПСС, он сделает большую партийную карьеру: станет первым секретарём Брестского обкома партии, а затем ЦК Компартии Белоруссии. И тогда они ещё раз встретятся с Оралбеком Кожановичем, но об этом чуть позже.

Работа в целинном совхозе, по угодьям которого в несколько десятков километров от края до края приходилось колесить по большей части на лошадях (как в кошеве, запряжённой парой лошадей, так, пусть и нечасто, верхом), осталась навсегда светлой полосой жизни.

Дела в животноводческой отрасли хозяйства шли на лад, рос авторитет молодого специалиста, и он в 28 лет был назначен заместителем председателя Железинского райисполкома по сельскому хозяйству.

В Железинке и Баянауле

Работа на новом посту требовала новых знаний, более широкого кругозора, умения работать с людьми, в том числе директорами совхозов – признанными в районе авторитетами. У них – немногословного и никогда не повышающего голоса на подчинённых, но всегда добивающегося высоких показателей директора «Железинского» Э.Т. Айхлера; нестандартного, выбивающегося из общего ряда директора «Мирного» Ф.А. Грушина; фронтовика, скромного, деликатного А.Ш. Шарипова и других – было чему поучиться, как и у руководителей района – первого секретаря райкома партии С.И. Старусева и председателя райисполкома Д.А. Асанова – фронтовиков, обладавших непререкаемым авторитетом. Оралбек подал заявление в аспирантуру Омского сельхозинститута, готовился к сдаче кандидатского минимума. Район в ту пору уверенно шёл в гору, свою лепту в общее дело вносил и зампредрайисполкома, курирующий сельское хозяйство. В 1970 году он был назначен начальником Баянаульского райсельхозуправления.

Годы, отданные Баянаулу, навсегда запомнились Оралбеку Кожановичу как очень важная пора в жизни. Тут многое сошлось: уже был накоплен немалый опыт, и сил хватало, и желания работать – хоть отбавляй. Да и край сам по себе особый – родина многих выдающихся людей: ученых, литераторов, деятелей культуры и искусства.

Баянаульцев отличают особое чувство собственного достоинства, уважение к предкам, истории родного края. Район всегда славился народными умельцами, скотоводами, охотниками. Но и принимали тут из приезжих далеко не всех, а лишь тех, кто мог работать сам, ценить всё то, чем славен этот край, чтить его традиции.

Оралбек не только пришелся тут ко двору, но и быстро стал своим. Много ездил, узнавал людей, их заботы, любил подолгу беседовать с аксакалами. В те годы здесь росли табуны и отары, развивалось земледелие. Мне самому, тогда ещё молодому журналисту, приходилось не

раз писать об успехах здешних чабанов и земледельцев совхозов «Южный», «Баянаульский», «Жосалинский», имени 40-летия Октября, имени Сатпаева. В том числе и об уникальном опыте реализации эдильбаевских ягнят на мясо в год их рождения. А одним из инициаторов этого во всех смыслах выгодного дела стал как раз Оралбек Кожанович, обосновавший его высокую экономическую эффективность и защитивший по этой теме в 1975 году кандидатскую диссертацию.

Баянаульский становился в те годы одним из самых крупных животноводческих районов области. Здесь очень умело использовали благоприятные погодные условия для практически круглогодичного выпаса не только лошадей, но и мясосальных эдильбаевских овец, чьё мясо всегда пользовалось особым спросом, а также мясной казахской белоголовой породы крупного рогатого скота. В совхозе имени Сатпаева, над которым шефствовал Институт экспериментальной биологии Академии наук республики, успешно работали с породой овец-архаромериносов. Баянаульские чабаны и табунщики были признанными мастерами животноводческой отрасли.

Кроме того, хозяйства сеяли зерновые и фуражные культуры. Здешний совхоз имени 21 съезда КПСС соперничал по объёмам производства зерна с крупными хозяйствами Иртышского и Железинского районов.

Баянаул с его уникальными природными богатствами, его людьми навсегда останется в сердце растущего руководителя. Учился и рос он здесь и как человек с широким кругозором. Когда была объявлена подписка на двухсоттомное издание Библиотеки всемирной литературы, он подписался на него и поставил перед собой цель прочитать каждую книгу и сделать из неё выписки для памяти до того, как поступит следующая. Так приобщался к высотам мировой литературы и общественной мысли.

Баянаулу было отдано пять лет. Благодарная память сохранила имена людей, с которыми работал в ту пору: Канат Болатович Даржуманов, Михаил Егорович Предеха, Михаил Павлович Юрьев, Балтабай Нажмиденов и многие, многие другие...

В Экибастузе

После Баянаула Оралбек Кожанович работал заместителем начальника облсельхозуправления, а затем десять лет – первым секретарём Экибастузского райкома партии. Обделённый плодородными

землями, обширный по территории, с разбросанными по бескрайней степи не слишком обустроенными сёлами и аулами, преимущественно животноводческий, Экибастузский район требовал столько сил и внимания, что его первому руководителю порой не хватало ни дня, ни ночи... А хозяйства района между тем обязаны были в значительной мере обеспечивать потребности Экибастуза – центра стремительного развивающегося топливно-энергетического комплекса – ЭТЭКа. Здесь строились в ту пору крупнейшие угольный разрез «Богатырь», тепловая станция ГРЭС-1, создавался мощный железнодорожный узел. Город рос, росло население, активно развивалась, преображалась и его сельская зона.

На пост первого секретаря О.К. Кожанова благословил Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д.К. Кунаев. Напутствовал тепло, по-отечески, посоветовал больше быть на местах, знать настроение людей, не путать требовательность с грубостью.

Уже в первые годы он побывал в каждом населённом пункте района, разбросанного на сотни километров; добирался до самых отдалённых ферм и отгонных участков, знал в лицо и по именам не только руководителей хозяйств и специалистов, но и механизаторов и животноводов. Старался не только вести людей за собой, но и сам учиться у них.

Так, например, многое почерпнул в одном из самых крупных хозяйств – совхозе «Экибастузский», который возглавлял Жамбул Аймульдин. Здесь сумели создать высокопродуктивное племенное стадо крупного рогатого скота казахской белоголовой породы, приносящее значительный доход. Кроме того, успешно развивали овцеводство, поголовье овец достигло 30 тысяч. А от каждой сотни овцематок получали почти по сотне ягнят. За выдающиеся достижения в коневодстве табунщик хозяйства Кали Каленов был удостоен в те годы звания Героя Социалистического Труда.

Мне тоже довелось побывать в этом хозяйстве на стыке 70-х и 80-х годов, во время уборки урожая, когда здесь сеяли больше десяти тысяч гектаров зерновых и получали в среднем свыше десяти центнеров с гектара. Отличный для здешних небогатых плодородием земель результат.

Уверенно шли в гору совхозы «Аккольский» и «Байет», которыми руководили Абылхак Тугельбаев и Елеман Жакенов. На таких людей опирался первый секретарь райкома, продвигал их опыт. И сам применял нестандартные подходы к решению насущных проблем.

В те годы хозяйства района развивали и молочное животноводство. Но продуктивность дойного стада не отвечала потребностям быстро растущего Экибастуза. И тогда Оралбек Кожанович решил обратиться к Е.Е. Соколову – когда-то первому секретарю Железинского райкома партии, а теперь – Первому секретарю ЦК Компартии Белоруссии. Напомнил о себе и попросил помочь в приобретении тысячи высокопродуктивных белорусских тёлочек симментальской породы. Е.Е. Соколов пообещал. В Минском аэропорту Кожанова встретила машина, его устроили в гостиницу, а уже следующим утром он оказался в кабинете первого руководителя республики. Посланца Казахстана тот встретил приветливо, вспомнили целину, Казахстан, общих знакомых.

Оговоренная партия высокопродуктивного скота вскоре была доставлена в Экибастуз. А вместе с ней прибыла группа сопровождения, которая проконсультировала местных специалистов об особенностях породы, условиях содержания и других тонкостях. Так Белоруссия внесла свой вклад в создание молочной зоны вокруг индустриального Экибастуза.

Добрые отношения сложились у О.К. Кожанова с руководителями крупнейших предприятий города – генеральным директором объединения «Экибастузуголь», Героем Социалистического Труда С.П. Куржеем и сменившим его на этом посту В.В. Каландаришвили, управляющими строительными трестами, которые помогали селу углем, стройматериалами, возводили нужные сельчанам объекты.

Во многом благодаря настойчивости первого секретаря райкома строились дороги с твёрдым покрытием, грейдеры, «закольцевавшие» почти весь район, включая глубинку. Это позволило наладить надёжное регулярное автобусное движение. В совхозах «Олентинский», «Комсомольский», «Байет», «Экибастузский» в те годы были построены типовые школы, Дома культуры, бани.

Шагнуло вперёд и производство: поголовье крупного рогатого скота выросло с 18 до 26 тысяч, овец – со 125 до 150 тысяч, лошадей – с пяти до 6,5 тысячи. Расширились площади поливного земледелия за счёт вод канала «Иртыш-Караганда». С руководителем управления этой животворной водной артерии А.И. Баталовым у О.К. Кожанова на многие годы сложились самые добрые отношения.

Вот как об этом рассказывал сам Алексей Иванович: «С Оралбеком Кожановичем мы близко сошлись, когда он был избран первым секретарём Экибастузского райкома партии. Район новому руководителю

достался не из простых: отдалённый, огромный по территории, не блиставший показателями. И Кожанову за годы его секретарства удалось сделать для развития района очень многое.

Но я хочу сказать о другом – о том, как нестандартно он мыслил, как принимал решения, каким был человеком. Потому что со временем наши отношения из служебных переросли в товарищеские, а затем и в дружеские. Хотя начинались они, по сути, с конфликта.

Заступив на пост первого секретаря райкома, Оралбек Кожанович стал приглашать к себе руководителей крупных коллективов для знакомства. И мне тоже была назначена аудиенция – на десять часов утра. Я приехал вовремя, жду, меня не зовут. И я уехал к себе в Шидерты. Хотя, наверное, мог бы и подождать. Но такой уж я человек – не терплю необязательности в работе и отношениях.

Через какое-то время звонит Кожанов: в чём дело, почему уехал, не дождавшись встречи? Я, отвечаю, привык ценить и своё, и чужое время и не могу сидеть в приёмных. Оралбек Кожанович, конечно, обиделся... Но, приехав к нам на партийное собрание и увидев, что к назначенному часу все 500 коммунистов на месте (а их надо было собрать со всей трассы канала в две сотни километров), понял, что и он был не прав. И в дальнейшем мы всегда работали рука об руку.

Помню, как много трудов нам стоило пробить строительство больницы в Шидертах. Я даже собкора газеты «Правда» по Казахстану Михаила Полторанина подтянул, чтобы сдвинуть этот вопрос с мёртвой точки.

И когда мы эту больницу строили, первый секретарь райкома, у которого и без этого забот всегда хватало, по три-четыре раза в неделю приезжал в Шидерты и лично контролировал ход работ, помогал, когда было нужно. Хотя мог бы перепоручить контроль за этой стройкой председателю райисполкома или одному из секретарей райкома.

Мне часто приходилось наблюдать Оралбека Кожановича вблизи, на заседаниях бюро райкома партии, членом которого я состоял все десять лет, пока он у нас работал. Он был требовательным руководителем, уже прошедшим хорошую школу; мог, если надо, жёстко спросить, мог эмоционально отреагировать на разгильдяйство и безответственность, но никогда не рубил сплеча, не унижал людей. И оставил о себе добрую память в районе. Хотя не могу умолчать и о том, что четырёхэтажная красавица-больница на 150 мест, которая работала на всю округу, была

бездарно и бессовестно разорена и растащена по кирпичику в пору наступившего через несколько лет хаоса.

Оралбек Кожанович был образованным, широко мыслящим человеком, очень много читал. Мы с ним практически ровесники, но он и меня самого образовывал, по-хорошему воспитывал, сглаживал резкие углы моего характера. За что я ему тоже очень благодарен.

Отношения же наши с тех пор никогда не прерывались. Я знал, что всегда могу зайти к нему или позвонить по любому вопросу и всегда встречу реальное человеческое участие и поддержку.

А однажды и он обратился ко мне за помощью. Это было в начале 90-х годов теперь уже прошлого века. Распался Советский Союз, ушла в прошлое КПСС, рвались экономические и хозяйственные связи между бывшими братскими республиками и предприятиями. О.К. Кожанов – председатель облисполкома, первое лицо в области.

И в это время прекращаются поставки сибирской нефти по нефтепроводу из Омска на Павлодарский нефтеперерабатывающий завод. Кожанов просит меня поехать с ним в Омск и решить вопрос с поставкой нефти там, где главой администрации области Леонид Константинович Полежаев, с которым мы сошлись и подружились на строительстве канала «Иртыш-Караганда».

«Да какое я имею отношение к заводу и к нефти!» – говорю Оралбеку Кожановичу. «Надо помочь и области, и всей республике, Алексей Иванович, – отвечает Кожанов, – а вы же с Полежаевым, можно сказать, друзья».

Едем в Омск, от границы нас сопровождают их гаишники на машинах с мигалками. И Леонид Константинович встречает как дорогих гостей. И вопрос вроде решается... Но, оказывается, последнее слово за Тюменью. Летим в сопровождении Л.К. Полежаева туда, встречаемся с их главой области Юрием Шафраником, и Полежаев его тоже просит помочь...

Межгосударственный, по сути, вопрос, который должны были решать правительства Казахстана и России... Но чем больше я живу на этом свете, тем больше убеждаюсь: чаще всего всё решают человеческие отношения. И вот уже сидим за столом, выпиваем, они трое общаются, а я, вроде как между делом, деликатно интересуюсь у Шафраника: «Ну, а нефть-то ваша пойдёт к нам?» – «Уже пошла!» – отвечает Шафраник. Потом он приезжал к нам в область уже официально – заключать договор о сотрудничестве, где фигурировали не только по-

ставки нефти. Но рассказал я этот случай лишь для того, чтобы подчеркнуть, как нестандартно мог решать сложнейшие проблемы Оралбек Кожанович.

Наши взаимоотношения и дружба продолжались и после того, как он оставил по возрасту свои высокие посты и создал фонд К.И. Сатпаева. Управление каналом при этом всемерно помогало – и организационно, и финансами... Фонд сделал очень многое для популяризации наследия К.И. Сатпаева, которого мне посчастливилось однажды увидеть в Москве и слышать его блестящую речь на совещании по вопросам строительства канала «Иртыш-Караганда». Фонд К.И. Сатпаева, созданный Кожановым, издал серию уникальных книг, в том числе и с нашим участием.

Наконец, именно благодаря авторитету в республике и деятельному участию Оралбека Кожановича мы, строители и эксплуатационники канала, смогли добиться того, что не удавалось сделать многие годы: каналу «Иртыш-Караганда» было присвоено имя Каныша Имантаевича Сатпаева, внёсшего огромный вклад в создание этого выдающегося гидротехнического проекта.

Годы же работы и дружбы с О.К. Кожановым я всегда вспоминаю и буду вспоминать с благодарностью как подарок судьбы».

Жизнь – состоялась

После Экибастуза была работа на областном уровне: председатель областного агропромышленного комитета, первый заместитель председателя облисполкома, председатель облисполкома, первый заместитель главы областной администрации и акима области.

То были тяжелейшие времена для всех: распад СССР, экономический кризис, первые шаги суверенного Казахстана в очень непростых условиях. Приходилось заниматься всем, что подбрасывала жизнь, действовать в экстремальных ситуациях, часто идти методом проб и ошибок... Больно было видеть, как рушится то, на что потрачены десятилетия труда, в том числе и его труда. Задача была – сохранить то, что ещё можно сохранить, приспособить прежний хозяйственный механизм к работе в новых условиях. Что-то удавалось, а что-то нет... Некоторые не выдерживали и уходили – кто на работу попроще, кто – в бизнес. Он же нёс свою нелёгкую ношу до наступления пенсионного возраста...

После перевода в Павлодар около года ему пришлось жить без квартиры. Дел – невпроворот. Когда работал в Экибастузе и возвращался

домой из дальней поездки, жена, открывая дверь, показывала на часы. А теперь стала показывать на календарь, потому что приезжал раз-два в месяц. Работать тогда очень часто приходилось без выходных.

Из масштабно сделанного в те годы – «Программа-53», принятая по инициативе тогдашнего первого секретаря обкома партии Ю.А. Мещерякова. Суть её в том, что крупные промышленные предприятия на постоянной основе закреплялись за крупными хозяйствами, помогали им в развитии производственной и социальной сферы, за свой счёт строили животноводческие помещения, жильё, коммунальные сети, другие объекты первой необходимости. А совхозы-колхозы должны были резко увеличить производство животноводческой продукции и потом рассчитаться с шефами мясом: по сто килограммов за каждую тысячу вложенных рублей. Очень многое по этой программе удалось сделать, но многое было и потеряно во время разора села в девяностых годах.

Тогда же вступили в строй новый Павлодарский молкомбинат, цех заменителя цельного молока на заводе молочных консервов, рыбопитомник.

Кризис 90-х больше всего ударил по селу. Чтобы остановить его развал, пытались развивать интеграцию промышленных предприятий с совхозами и колхозами. На самый смелый эксперимент пошли в Экибастузском районе, где ещё раньше заложил основу для таких отношений О.К. Кожанов. Промышленные гиганты «Экибастузуголь», «Экибастуэнерго», обладавшие мощными финансовыми и материальными ресурсами, приняли на свой баланс семь совхозов. Но даже такая опека не спасла эти хозяйства. А вот опыт сотрудничества Экибастуза и Успенского района оказался более успешным. Главным правилом, которым руководствовался во все времена О.К. Кожанов, хорошо знавший село, его нужды и беды, был принцип «не навреди».

Тут будет уместно сослаться на ещё одно авторитетное мнение.

Вспоминает Евгений Григорьевич Азаров: «С Оралбеком Кожановичем мы были знакомы давно, но более близко сошлись, работая заместителями председателя облисполкома, где он курировал сельское хозяйство, а я строительство и промышленность. Оралбек Кожанович прошёл к тому времени солидную хозяйственную и руководящую школу: главный зоотехник совхоза, заместитель председателя райисполкома по селу, начальник райсельхозуправления, первый секретарь райкома партии, начальник областных сельскохозяйственных структур. И, конечно, сельское хозяйство области он знал как никто другой. Ещё и

поэтому его авторитет среди «сельхозников» региона был очень высок. Именно в ту пору – конца 70-80-х годов, до начала развала СССР, сельское хозяйство, набрав высокий темп, развивалось очень динамично. В чём, конечно, была заслуга и моего собрата по облисполкому Оралбека Кожанова – человека не просто знающего, профессионально хорошо подготовленного, но и очень беспокойного.

Он очень много занимался самообразованием: не просто читал книги из Библиотеки всемирной литературы, насчитывающей две сотни томов, но и делал из них выписки. Он защитил кандидатскую диссертацию, основанную на реальных новшествах, применяемых баянаульскими овцеводами. Стал одним из главных инициаторов этого новшества – внедрения зимнего окота овец, позволявшего реализовывать на мясо валушков уже в год их рождения.

Конечно же, он был личностью, патриотом родного края и республики. Мне всегда казалось, что я очень хорошо его знаю. Но однажды он мне открылся совершенно по-новому. Как-то мы ехали с ним вдвоём, он сам был за рулём и сказал, что хочет заехать на кладбище, где похоронен отец. Там Оралбек Кожанович остановился около довольно скромного, без всяких излишеств, захоронения, опустился на колени и стал негромко читать молитву. И простоял на коленях, пока не закончил читать.

Я знал, насколько трепетно относился Оралбек Кожанович к родителям, и в особенности к отцу-фронтовику, мудрому, много познавшему в жизни человеку. Но этот его поступок – такое искреннее, без всяких прикрас почтение – дороже всяких словесных излияний и признаний. После всего увиденного он стал мне гораздо дороже и ближе как человек».

* * *

После выхода на пенсию О.К. Кожанову можно было бы и передохнуть. Но он всегда был общественным человеком и со свойственными ему неравнодушием и энергией взялся за организацию общественного фонда «Историко-географическое общество имени К.И. Сатпаева». Во многом на его плечи легла подготовка к празднованию столетнего юбилея нашего знатного земляка: изданы книги, посвящённые Канышу Имантаевичу, проведено множество мероприятий самого разного уровня. По его инициативе в ПГУ имени Торайгырова ежегодно проводятся Сатпаевские научно-практические конференции. Фондом издана серия книг – о водных ресурсах области, её минеральных ресурсах, переиздана книга о географических названиях сёл области.

Украшением Павлодара стала главная мусульманская мечеть, носящая имя Машхура Жусупа Копеева. Оралбек Кожанович возглавлял на общественных началах попечительский совет во время её строительства и очень многое сделал для того, чтобы она быстрее распахнула свои двери.

Выполнил сыновний долг – совершил хадж в Мекку. Это была заветная мечта отца, который даже бредил ею перед смертью...

Написал уже упоминавшуюся книгу о себе и своём времени «Всё начинается с дорог», в которой искренне, с уважением и любовью рассказал не только о себе и своих близких, но и о десятках других людей, с которыми его свела судьба. Почти о каждом у него нашлось доброе слово.

Книга «Орнаменты мыслей моих», переведённая с подстрочника на русский язык Виктором Семерьяновым, – совсем другого плана: это плод многолетних размышлений автора о смысле жизни, её ценностях, человеческих пороках и добродетелях – его мысли, изложенные в короткой, афористичной форме.

Кроме того, он автор и составитель книги «К.И. Сатпаев – в памяти современников», автор книги о знаменитом борце Кажымукане и фотоальбома о природных красотах Баянаула с его собственными снимками.

Жизнь Оралбека Кожановича во всех ипостасях состоялась. Он был государственным человеком в лучшем смысле этого слова и оставил о себе добрую память.

ДОМ ШАФЕРА

Наум Григорьевич Шафер и Наталья Михайловна Капустина... Когда я размышляю об их жизни, то вспоминаю не новую, в общем, формулу: судьба – это характер человека плюс обстоятельства, в коих ему выпадает оказываться. Чем больше узнаю этих людей, тем больше убеждаюсь в том, что «формула судьбы» – правило по-своему универсальное, всеобъемлющее...

История наших с ними добрых отношений, выросших со временем в настоящую дружбу, начиналась с долгих бесед в их малогабаритной трёхкомнатной квартирке. Я задумал газетную серию «Истории любви», в которой хотел рассказать о семьях знаковых павлодарских пар. И так уж получилось, что одними из немногих согласившихся оказались Наум Григорьевич и Наталья Михайловна. Не побоялись доверить мне их удивительные судьбы. Рассказы эти растянулись на несколько вечеров, и я скоро понял, что они не вписываются в рамки заданной темы – оказались куда значительнее, важнее, интереснее.

Вглядимся и мы в их жизни, ставшие позднее одной, столько в себя вместившей.

* * *

Шаферы жили в Бессарабии. Благодатный, Богом отмеченный край, в котором нашли пристанище еврейские семьи, определенные на жительство в черте оседлости, а еще болгарские и греческие, оказавшиеся, как это часто бывает, за пределами исторической родины... Были, конечно, и русские. А жили все «под румынами» – так тогда здесь говорили, потому что тяготились румынским господством. Помимо всего

прочего, насаждался румынский язык, и перед войной десятилетний Наум вполне сносно мог изъясняться на нём, а также на русском и двух «еврейских» – идише и иврите.

Потом в Бессарабию вошла Красная Армия. Тот день стал настоящим праздником для большинства здешних жителей – с советской властью связывались надежды на избавление от румынского гнёта, на лучшую жизнь. Люди высыпали на улицы городка, приветствуя советские танки. Наума молодой парень-танкист подхватил на броню... Домой мальчишка бежал без памяти от счастья и гордости.

А 13 июня 1941 года в их дом пришли двое военных из НКВД и милиционер и, ничего не объясняя, распорядились: готовьтесь к переезду, на сборы два часа, с собой брать лишь самое необходимое... Таким образом «подняли» не только их – и русских, и греков, и болгар. Наум решил, что в числе самого необходимого должны быть патефон и пластинки, подаренные десять лет назад отцу и матери в день свадьбы. На них были музыкальные произведения Глинки, Римского-Корсакова, Верди, песни в исполнении Петра Лещенко, Александра Вертинского, Фёдора Шаляпина, танцевальная музыка. «Не положено», – сказал один военный и стал отбирать пластинки. Но пацан вцепился в них мёртвой хваткой и поднял вой. «Оставь его, – примирительно сказал милиционер, – пусть везёт». (Те три десятка пластинок, которые зазвучат лишь после войны, навсегда остались у Наума Григорьевича, но об этом речь впереди.) Обоз со спецпереселенцами растянулся на несколько километров. Через какое-то время к семье присоединился и отец, накануне отправившийся в командировку в Кишинев. На душе у всех отлегло – будь что будет, но теперь хотя бы все вместе.

Людей с их нехитрым скарбом погрузили в товарные вагоны, и эшелоны двинулись на восток. Куда – никто не знал. И хотя многие понимали, что в воздухе пахнет войной, задавали (чаще – сами себе) горестные вопросы: почему увозят, если только что освободили, что будет с домами и нажитым добром, что будет впереди?

В Челябинске, ночью, открыли двери товарняков и людей, как скот, отсортировали: женщин, стариков и детей оставили, а трудоспособных мужчин и парней загнали в товарняк, стоявший напротив... Когда оба эшелона, почти одновременно, тронулись в разные стороны, какие-то женщины заголосили, завыли, а все остальные оцепенели, не веря, что так с людьми могут поступать люди.

Мужчин отправили на лесоповал. И большинство из них оттуда уже не вернулись. Не готовые к сверхтяжёлому труду, непривычные к суровому здешнему климату, попавшие в нечеловеческие условия, они умирали, испытывая двойные муки, не зная, что стало с их близкими.

А близкие оказались в Казахстане, в Акмолинской области, в так называемом «тридцать первом поселке». Можно сказать, им еще повезло – тут уже стояли бараки, сооруженные их предшественниками, которым пришлось обживаться на голом месте. Так вместе оказались «классово чуждые элементы» – баи и басмачи; всякого рода ссыльные, проходящие перековку; спецпереселенцы: молдаване, туркмены, таджики, узбеки, евреи, поляки, болгары, греки, русские... Кого тут только не было. По иронии судьбы у поселка было второе, вполне оправданное название – Интернациональный, а расположенный здесь же колхоз именовался «Новый быт».

Шаферы и другие депортированные из Бессарабии семьи не считались врагами советской власти (они, впрочем, таковыми никогда и не были). Им жилось полегче, чем тем же депортированным немцам и чеченцам. Всех спецпереселенцев «приписали» к этому посёлку, запретили им свободно перемещаться по стране, обязали регулярно отмечаться в комендатуре. Это продолжалось лет десять. Наум, уже учась в КазГУ, на первых курсах всё ещё ходил в Алма-Ате на отметку в комендатуру.

А тогда Шаферам опять повезло больше, чем другим. Отыскался глава семьи. Его, правда, было трудно узнать – чуть живой, в лохмотьях, с отмороженными и ампутированными пальцами ног... Его пытали, выгоняя в одних носках на мороз... Приписывали «буржуазный образ жизни» с мифическими восемнадцатью (!) слугами в доме и миллионную взятку то ли бывшим, то ли уже новым властям... Страх перед столь чудовищными обвинениями оказался сильнее страха перед мучителями – это отца и спасло: он ничего не признал. А его возвращение спасло семью – без него они, может быть, и не выжили бы.

Конечно, насильственная депортация была для семьи несчастьем, сравнимым с трагедией. Но одна бесчеловечная акция уберегла её от другой – ещё более страшной. Фашисты, захватившие Бессарабию через несколько месяцев, сначала загнали в гетто, а затем уничтожили поголовно всех евреев, волею случая оставшихся здесь. Гримасы судьбы – что тут ещё скажешь.

...Жили Шаферы – как все: недоедали, мерзли, тосковали по оставленной родине. Семья была достаточно образованной – в ней чтили

веру, ценили книгу, любили музыку. Бабушка была глубоко верующей, но она, еврейка, пела преимущественно русские песни, если можно так их назвать, – народно-церковные. (Наум Григорьевич напел мне одну из них – это трудно пересказать, надо слушать.) Отец играл на скрипке, мать – на фортепьяно... Наум лет с четырех знал буквы и начинал читать, в пять – уже распевал «Как много девушек хороших...».

В «31-м поселке» он продолжал учиться в школе, где был приличный уровень преподавания. Среди его обитателей нашлось немало толковых учителей. Книжный голод, конечно, давал о себе знать. Наума выручал некто Калеткин. Большой и добродушный русский дядька снабжал мальчишку книгами из своей чудом уцелевшей библиотеки (когда его депортировали, он не взял с собой ничего – только книги), тем самым выделяя из всей ребятни.

Вскоре Наум стал «мальчиком напрокат». Среди бессарабских спецпереселенцев было немало представителей местечковой интеллигенции. Они собирались вечерами то в одном, то в другом бараке, и Наум им читал, а вернее... пел Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Джамбула. Не только стихи, но и прозу – то речитативом, то нараспев, то на всем знакомую, то на им самим по ходу чтения сочиненную мелодию. «Евгения Онегина» – на мотив всё тех же «Девушек хороших» из популярных в ту пору «Веселых ребят». Некрасовское «Душно без счастья и воли, ночь бесконечно длинна...» – на мелодию песни «Тучи над городом встали...» или «Синенький скромный платочек».

Это была сплошная импровизация. Как-то ему попался сборник Джамбула. И он тоже весь его перепел своим бессарабским слушателям. Для них, русских и греков, евреев и болгар, лишенных отчего дома, книг, привычного образа жизни и общения, этот мальчик, не то читающий, не то поющий при жировой коптюшке (тогда и зрение посадил), был напоминанием о «той жизни», о родине. Он был для них как свет в окошке... Даже когда пел Джамбула: «При родной советской власти Сталин всем принёс нам счастье – малышам и старикам...»

«Вот это и есть культ личности, – скажет мне позднее Наум Григорьевич, – когда тринадцатилетний полуголодный мальчишка при коптилке поёт такие строки – сам, добровольно».

Много чего ещё было в той его жизни. И неудавшийся побег на фронт с другими пацанами – боялись, что войну без них закончат... Работал в колхозе подпаском, сенокосильщиком, писарем в конторе... Житье-бытье на колхозном постоялом дворе в Акмолинске. Раиса Иса-

ковна Горешник – преподавательница в музыкальной школе, которая обучала его игре на фортепьяно, а тренировался (иначе не скажешь) он дома на балалайке – других инструментов в семье не было...

Пережили депортацию, войну пережили, голод, лишения. Надо было жить дальше...

Наверное, есть всё же какие-то неведомые небесные силы, которые сводят людей...

Казалось бы, их пути никоим образом не могли пересечься. Он родился в Бессарабии, а она – в Казахстане. Он собирался учиться в Москве, а её путь лежал в Алма-Ату...

Правда, и общее в их судьбах тоже было. Он – из семьи спецпереселенцев и к тому же еврей... Она – дочь «врага народа», или, вернее говоря, вредителя. Отца-фельдшера (впоследствии руководителя крупнейшего совхоза, заслуженного человека, орденосца) обвинили в том, что он заражал скот сибирской язвой, ящуром... И посадили – без всякого суда. Потом, правда, освободили: Лаврентий Павлович Берия, заменив на посту Николая Ивановича Ежова, частично «исправлял» допущенные тем перегибы.

Она любила своего отца, он был ее кумиром, идеалом... Но она никогда не связывала его несправедливый арест (об этом в доме не говорили) с именем Сталина. Их семья была по всем статьям советская. Во втором классе «несознательные» одноклассники-мальчишки доводили её до слез обидной частушкой-дразнилкой:

*Коммунары, коммунары Сатаны –
На троих одни штаны.
Один носит, другой просит,
Третий в очередь стоит...*

Но как бы ни расходились их дороги, им суждено было встретиться в Алма-Ате. Правда, для этого надо было, чтобы Наума провалили на экзаменах в МГУ. («Может, и хорошо, что провалили, – скажет он мне десятилетия спустя, – может, тем самым уберегли меня от ещё больших неприятностей – уехал ведь без спросу, хотя не имел права... А это было чревато...») А Наталья Капустина должна была с отличием окончить педучилище в Усть-Каменогорске и выбрать тот самый филфак КазГУ, куда устремился через год после московской попытки Наум.

«Конкурс в том, 1950 году был просто невероятный», – вспоминает Наталья Михайловна. Зачисляли следующим образом. Таких, как она, с

отличием окончивших училища, и медалистов – без экзаменов. Кстати говоря, её бы и в МГУ приняли без экзаменов – просто не было денег, чтобы туда доехать. Ещё один знак судьбы – он оттуда уехал, а она не поехала. Отличников набралось 19 человек. Зачислили также шестерых «блатных» – детей высокопоставленных родителей, для которых устанавливалась какая-то негласная квота. 25 счастливчиков стали студентами. Этот статус давал право на посещение лекций, место в общежитии и стипендию.

Ещё четырнадцать человек (немедалистов и некраснодипломников) сдали вступительные экзамены на «отлично» и были зачислены кандидатами. Эти не имели права на общежитие и стипендию, но могли посещать лекции и бесплатно сдавать сессионные экзамены и зачёты. Ещё шесть человек, среди которых оказался и Наум, получили на экзаменах по одной четверке. Они стали экстерниками и не имели права ни на общежитие, ни на стипендию, ни на посещение лекций... Зато могли сдавать экзамены, но... только за деньги.

«Что за бред?» – спросит нынешний дотошный читатель. Ну хорошо – без стипендии и общежития, но на лекции-то почему нельзя ходить? А дело в том, что маленькие, тесные аудитории не вмещали всех желающих – народу туда набивалось, как килек в консервную банку. И назначались даже специальные дежурные, которые вылавливали экстерников и выдворяли их из аудитории. Что, кстати, было сопряжено со многими неудобствами – студенты сидели и стояли так тесно, что требовались известные усилия для того, чтобы выдворяемый мог выбраться на свет божий.

Шафера выпроваживали несколько раз. А однажды он сказал: «Не выйду! Хотите – выносите, но буду сопротивляться!» И его оставили в покое. Потом он станет кандидатом в студенты, а уже где-то к концу третьего курса студентом – благодаря своему усердию и естественному отсеvu среди двух первых категорий обучающихся. И тот самый «контролер», что вылавливал его на лекциях для выдворения, теперь будет преследовать за их пропуски. У пропусков лекций были свои причины – об этом чуть позже. А пока ещё о тех двоих, кого свела судьба.

Они вели достаточно разный образ жизни. Она – «стопроцентная» студентка, активистка-общественница... Он – странноватый «тихушник», далеко не спортсмен, больше сам по себе... Словом, далеко не герой её романа. Ей нравятся высокие, красивые, статные... Как отец... Ну и, конечно, умные, сильные, способные на поступок... Куда до них

Шаферу! Он вообще не охоч до большинства дел, в которых она заводи́ла – всех этих походов, соревнований, культмассовых затей вроде групповых хождений в драмтеатр «под стипендию». Хотя она стремится «охватить» и его тоже. «Нельзя уклоняться от коллектива»... Но он человек занятой, дорожит своим временем, у него есть какая-то другая жизнь... С большей или меньшей охотой он откликается лишь на мероприятия, так или иначе связанные с музыкой – этой давней его любовью и страстью.

* * *

В Акмолинске, ещё до университета, он окончил музыкальную школу, много занимался самообразованием, пытался (и не без успеха) сочинительствовать – у него уже были собственные песни, романсы, другие музыкальные произведения, даже за оперу брался. Факультетской самодеятельностью руководил артист столичного оперного театра Владимир Мельцанский, он хорошо относился к Шаферу и, поддавшись на его уговоры, включил его песни и музыку в конкурсный концерт. А в жюри конкурса оказался Евгений Брусиловский. Он похвалил самодеятельный оркестр за два вальса: молодцы, мол, и первый, хорошо известный, прилично исполнили, и второй, весьма оригинальный, где-то отыскивали... Стоявший рядом Шафер осмелился сказать, что автор второго вальса – он. Брусиловский обернулся и отреагировал так: «Не скромничайте, молодой человек, первый вальс тоже ваш!» Тем самым он хотел сказать, что быть этого не может – первым вальсом были «Амурские волны».

С той поры начались их удивительные, ни на что не похожие отношения, их дружба. Хотя, казалось бы, о какой дружбе может идти речь? Брусиловский – музыкальный Бог в храме искусства, а Шафер, если можно так сказать, скромный прихожанин в нём. Но что-то такое разглядел в нескладном самоучке Евгений Григорьевич, раз выделил и при всей своей сверхзанятости стал заниматься с Шафером у себя дома, бесплатно. Наверное, его удивляла (и отчасти забавляла) не только бесспорная одарённость неожиданного ученика, но и его дерзость, в хорошем смысле слова дилетантское нахальство, с которым он, имея за плечами лишь музыкальную школу, брался за сочинительство не одних песен и романсов, но и весьма сложных музыкальных вещей, смешивая при этом стили, нарушая каноны...

Наверное, Брусиловского умиляло то, что практические навыки у немолодого «вундеркинда», с опаской сядившегося за фортепьяно, без-

надёжно отставали от его «внутреннего музыкального голоса», за которым угадывалась несомненная одаренность.

В их отношениях было много необычного. Как, впрочем, и в самих занятиях. Шафер приходил, они садились и начинали... разговаривать. О чём? Да о чём угодно – о жизни, о последних событиях, часто о литературе. Как-то Шафер выразился в том смысле, что он никогда не поставит Гончарова рядом с Тургеневым... И Брусиловский дал ему задание... прочитать Гончарова. А потом с дотошностью «экзаменовал» его по каждому прочитанному тому – наравне с музыкальной частью урока. Кстати, на неё, эту самую музыкальную часть, как правило, оставалось минут двадцать, в лучшем случае – тридцать, от отведенного часа.

Эти их встречи-разговоры-занятия продолжались полтора года. А однажды Брусиловский заявил: «К следующему занятию сделаете то-то и то-то, а ещё принесете мне справку об отчислении из университета...» Маэстро-учитель тем самым хотел сказать ученику: хватит размениваться, главным делом его жизни должна стать музыка, а всё, что этому мешает, надо решительно отсечь. Он пояснил, что ближайшие полгода Науму необходимо основательно, изо дня в день, заниматься, потому что потом он должен будет учиться в Свердловской консерватории, где по его, Брусиловского, просьбе Шаферу зарезервировано место...

То, что предлагал Брусиловский, было невероятно, в это было невозможно поверить. Ведь у Шафера за плечами оставались лишь музыкальная школа да много лет самоучительства... Но ведь это говорил сам Брусиловский!

А Шафер не знал: радоваться или печалиться? Да, он любил музыку и уже не мог без неё жить, а тут ещё и такой шанс... Но и литературу, филологию он тоже любил, прикипел к факультету... Позади почти четыре года учебы: экстерник-кандидат-студент, полуголодное существование, уже близок финиш... В консерватории надо будет тянуться ещё четыре года... На что жить? А вдруг из этой затеи ничего не выйдет? Стоит ли так рисковать?

Больше он к Брусиловскому не пошёл. И не звонил. Было стыдно – ведь Брусиловский поступил великодушно и человечно. И было страшно – что ему мог сказать Шафер при встрече, какие привести доводы? Наверное, всё-таки надо было попробовать объясниться... И случай представился... Как-то Наум увидел Евгения Григорьевича в гастрономе. Сперва поразился: Брусиловский, стоящий в очереди за колбасой, –

это было, по его представлению, подобно тому, как если бы Бог пошел вместе со всеми мыться в баню... Опять испугался: вдруг заметит – и спрятался за спину будущей супруги...

От той поры остался у Шафера псевдоним – Нами Гитин, которым обозначено авторство немалого количества сочинённых им песен и других музыкальных произведений. Псевдоним придумал Брусиловский. Нами – так звала Наума мать, а её собственное имя было Гита.

Много лет спустя Наум Григорьевич, уже вполне благополучный кандидат филологических наук, доцент вуза, осмелился напомнить Брусиловскому о своём существовании. Шафер продолжал заниматься музыкой, и у него как-то исподволь, вдруг родилась мелодия на «Зимнюю дорогу» Пушкина. Он записал её и послал Брусиловскому. Тот ничего не ответил. Приехав по делам в Алма-Ату, Шафер позвонил ему и, робея, спросил: получил ли Евгений Григорьевич его сочинение и что о нём думает? Брусиловский, никак не выразив своего удивления (все же прошло почти 15 лет), слегка заикаясь (такие знакомые Шаферу интонации!), сказал: «Я знаю много произведений на эту тему... Ваше мне ближе всех остальных». Шафер слушал затаив дыхание, только успел подумать: «Если позовет снова, скажу: бросаю всё и возвращаюсь к вам, Евгений Григорьевич!»

Брусиловский чуть помолчал и, не повышая голоса, сказал, будто зная, о чём подумал его ученик: «Знаете, какой из человеческих пороков я считаю главным? Нет, не предательство, а самопредательство...» И повесил трубку.

То были тяжёлые времена для самого Брусиловского. Ему довелось пережить предательство со стороны близких ему людей. Были другие проблемы... Вскоре он уехал в Москву.

– Я понимаю теперь, почему он так говорил, почему не захотел со мной встретиться, – заново переживая случившееся, объяснял мне Наум Григорьевич, – дело не только в том, что я отошёл от него как ученик. Он вкладывал в меня душу, а я не сумел это оценить... Эти наши великолепные беседы обо всём – он доверял мне, говорил, как с равным... А я сбежал... Наверное, это больше чем предательство... Наверное, он чувствовал себя обманутым, обкраденным... Но тогда поправить уже ничего было нельзя.

Пройдут ещё годы, и Наум Григорьевич напишет документальный роман «День Брусиловского», назвав его важнейшей своей книгой.

Как сходятся, становятся близкими совершенно чужие люди? Какие силы приводят в движение механизмы взаимных симпатий? Где на самом деле совершаются браки – на небесах или на земле?

Наум и Наталья шли навстречу друг другу долго. Даже чисто дружескими их отношения стали далеко не сразу.

Впервые он так или иначе обратил на себя общее и её внимание, когда его выдворяли из аудитории и когда затем заявил запомнившееся всем: «Не выйду – хоть выносите!» Потом как-то на занятиях громил «Руслана и Людмилу». Тема звучала примерно так: «Относительно народности поэмы Пушкина...» (Конечно, тут проглядывало подражание Сталину – «Относительно марксизма в языкознании».) И тем не менее это было неожиданно, дерзко. Преподаватель Татьяна Владимировна Поссе профессионально «разложила» крушителя авторитетов, однако поставила «отлично» – за самостоятельность мышления.

Случалось, они засиживались вдвоём в публичной библиотеке до её закрытия, и волей-неволей домой в общежитие приходилось идти вместе.

Она приобщала его к общественной жизни, а он тащил ее в оперу. Она, памятуя о наказе отца («Столица – сама по себе университет, там – театры, музеи, выставки!»), не противилась. По пути он напевал ей свои песни, и, по правде говоря, они ей были куда понятней и ближе, чем поющие на сцене Руслан и Людмила. После одного из первых спектаклей она простодушно заметила, что опера очень статична, нет почти никакого действия, поют на разные голоса, не всё понятно.

– Да что ты понимаешь! – негодовал в ответ он. – Только дурак, приходя в оперу, следит за действием, прислушивается к отдельным голосам... Ты слушай их слияние, воспринимай музыку! И потом – какое тебе надо движение? Если певец будет бегать по сцене, как он возьмет нужную ноту? Запомни раз и навсегда: у Глинки статичная музыкальная драматургия не только оправдана, но и необходима.

Никакие её возражения в расчет не брались. В ответ звучало железное:

– Будем ходить на «Руслана и Людмилу» до тех пор, пока ты сама не сможешь воспроизвести основные мелодии Глинки!

По прошествии стольких лет они спорили передо мной – сколько раз слушали эту оперу: 15 или 8 раз, и остановились на том, что ходили, пока её не перестали ставить.

...Ночная южная темень... Редкие фонари... На улицах ни души... Он напевает ей арию Руслана. Потом они на два голоса заводят «О

поле, поле! Кто тебя усеял мёртвыми костями?» Если она ошибалась в полутонах, он тут же беспощадно поправлял её. Такими были их возвращения из оперного театра.

Ещё ходили в кино, где перед сеансом обязательно играл оркестр. Там они слушали казахские мелодии, учились понимать и воспринимать кюи Курмангазы.

Ни о какой любви и речи не было. Наоборот, они поверяли друг другу свои сердечные тайны. «Он был моей лучшей подружкой», – смеясь, признавалась Наталья Михайловна.

Но что-то такое уже витало в воздухе, количество их встреч переплавлялось в качество... И однажды это случилось. Они вошли в трамвай, стояли на задней площадке, вокруг толпился народ... Он как будто решил: «Я хочу тебе что-то сказать...» Она сразу всё поняла: «Может, потом, не здесь...» – «Нет, здесь и сейчас!»

И было признание.

Она не обрадовалась – расстроилась. «Такая чистая, светлая была дружба, – подумала с сожалением и досадой, – и вот на тебе...» (Он признавался мне, что в такую идиллическую дружбу и не верил, считал, что вообще-то подобные отношения должны естественным образом развиваться.) Она не знала, как теперь вести себя, что делать. В её планы отнюдь не входило связывать с ним всю свою жизнь. Он не отвечал её романтическому идеалу гипотетического супруга, ей вполне хватало их бескорыстной дружбы...

Его признание выбило её из колеи, смешало планы, посеяло душевное расстройство. «Я ведь не могу сказать сама себе, что люблю его, – размышляла она наедине с собой, – может быть, я просто привязана к нему, но ведь это ещё не любовь...»

Именно в это время около неё появился парень – как раз из тех, кто вроде бы соответствовал её представлениям о мужской красоте. Спортсмен, секретарь комитета комсомола из института физкультуры... Приходил с розами – высокий, статный; когда они входили в трамвай, все расступались – такой они были видной парой. Скоро он заговорил с ней о своих чувствах, а она с ним всё время – о Шаффере... Пыталась бывать в других компаниях... Но без Наума ей везде было невыносимо скучно. И она поняла, что искать никого не надо, всё уже найдено. Вышло почти как у Пушкина: «Пришла пора – она влюбилась...».

Перед самым распределением они поженились.

* * *

Как у круглой отличницы, у Натальи было право выбора будущего места работы. Они взяли направление в Восточно-Казахстанскую область, пришли в облоно. Заведующим оказался бывший директор педучилища, которое она оканчивала, так что вполне могла здесь и преподавать. Но они с Наумом были неисправимые романтики, патриоты, люди с гипертрофированным чувством долга (я пишу это без всякой иронии – такими они были на самом деле). Когда Наталья увидела, какой ажиотаж творится вокруг распределения, сказала: «Нами, давай поедем туда, куда никто не хочет ехать!» И он без колебаний согласился: как и она, считал невозможным начинать самостоятельную жизнь с города; по их глубокому убеждению, это было просто неприлично: не для того их государство учило, чтобы они прохлаждались в областном центре; ехать следовало в самую что ни на есть глушь, туда, где труднее всего, и там сеять «разумное, доброе, вечное».

...К началу учебного года они оказались в затерянном в горах селе Малороссийка, рядом с которым находился уже почти выработанный золотоносный рудник Жумба. Ей 22, ему 24 года. Поселили их сначала в пришкольной библиотеке, а потом во времянке. Одна комнатуха, большую часть которой занимала русская печка. Была ещё лавка, поставили кровать, стол и раскладушку для Наташиной младшей сестры – там, где она жила, не было школы.

Жили – как получалось. Молодая супруга научилась заводить тесто и печь хлеб, подмазывать глиной с коровяком земляной пол... Супруг зимними вечерами, когда прогорала печь, забирался на крышу и прикрывал трубу мешком с золой, чтобы тепло не вытягивало. Окрестное население жило натуральным хозяйством – на всём своём. Для учителей это было плохо: продавать им что-то соседи стеснялись, а брать бесплатно не могли сами учителя.

Приспосабливались... Когда кончались «снопы» колючего кустарника, служившего топливом, выменивали их у местных казахов на плиточный чай... Местным дояркам полагалось молоко в качестве премии, а у всех и без того дома были коровы, вот одна и согласилась продать учительше свои премиальные 90 литров... Наталья каждый день ходила к ней на ферму с бидоном.

Вряд ли они тешили себя иллюзиями относительно уровня знаний у своих будущих учеников. Но реальность превзошла все ожидания – в большинстве своём школьники оказались чудовищно безграмотными.

И в первой четверти у себя в шестом классе Наталья «дала» по русскому языку стопроцентную неуспеваемость. Был жуткий скандал, её разбирали на педсовете, директор сказал: «Такое ЧП случилось впервые за 75-летнюю историю школы». Приезжал разбираться представитель района, Наталью чуть было не исключили из комсомола. (Это её-то, комсомолку и патриотку до мозга гостей... Однажды у них в студенческом общежитии случился пожар, всем велено было немедленно оставить комнаты. Единственное, что она прихватила, убегая, был... комсомольский билет...) Наталье повезло – за неё вступился районный прокурор... Когда спустя какое-то время после этих бурных событий директор школы спрашивал: «Ну как там ваши шестиклассники?» – она отвечала: «Уже лучше – теперь на «двойки» пишут». – «Вы что, издеваетесь?» – обижался директор.

У неё не было ни тени сомнения, что она поступает правильно. Это не было с её стороны ни вредностью, ни высокомерием. Просто она, будучи по жизни максималисткой, и дело своё делала так же истово. Скоро и ученики её полюбили. Ходили в драмкружок, который организовали Шафер и Капустина. Но молодым учителям и этого было мало. Они жаждали просветить и взрослое население Малороссийки – отправлялись на ферму читать лекции дояркам и скотникам.

Зимой село зачастую оказывалось отрезанным от всего мира, почту возили редко. Иногда односельчане могли видеть молодых учителей, бредущих со стороны почты с мешками. В мешках были книги, на которые они тратили большую часть своих зарплат. Книги стояли в их времянке на лавке, и первое время хозяева даже брали их только в перчатках, чтобы не так быстро стиралось золотое тиснение обложек. Другим бесценным богатством в их первом совместном доме были пластинки. Их насчитывалось уже около сотни. Был и патефон, который отец вручил Науму в качестве свадебного подарка. И на Новый год, при свете керосинки, в этой богом забытой, засыпанной до крыши снегом времянке звучали романсы Глинки и инструментальные пьесы Шопена, ковбойские песни, мелодии Дунаевского и популярные «5 минут» из только что вышедшей на экраны «Карнавальная ночь» Эльдара Рязанова.

Надо ли было им ехать в «эту Тмутаракань» с их университетскими дипломами, с их уровнем знаний? Ведь это всё равно что использовать нынешний современный компьютер как простую печатную машинку. Но эти вопросы – из нашего прагматичного сегодня. А они тогда ду-

мали иначе. И даже сама постановка вопроса «надо ли ехать?» – была бы воспринята ими как безнравственная. Таким было их поколение – в большинстве своём. И не только их. Были в нашей отечественной истории и земские врачи, и сельские учителя, достаточно образованные люди, сменившие города на «эту самую Тмутаракань». И Лев Николаевич Толстой, помимо «Войны и мира» и «Анны Карениной», писал детские книжки для чтения, на которых все мы учились, а ещё создавал и содержал сельские школы... Как и его современник Антон Павлович Чехов.

Они ничуть не жалеют о тех двух годах, проведённых в Малороссии и Жумбе. Да, они были наивны, но помыслы их были чисты. Кроме всего прочего, они там познавали жизнь, становились педагогами, учились жить среди людей. Там родилась их дочь Лиза. Там Наум наконец закончил свою оперу. Там были их молодость, их любовь, продолжение их личностного становления.

* * *

Кандидатскую диссертацию Наум Григорьевич защищал по Бруно Ясенскому.

До этого ему пришлось оставить первую избранную им тему «Проблема художественной формы в эстетике Льва Толстого». Умерла его научный руководитель – Татьяна Владимировна Поссе. Дочь известного русского издателя, дружившего с Чеховым, Короленко, Толстым, она была для них и учителем, и нравственным ориентиром, и советчиком. Вытащить тему без неё стало проблематичным, и потом – всё равно требовался руководитель. От второй предложенной темы Шафер отказался сам и выбрал Бруно Ясенского.

Фактически это было первое исследование творчества Бруно Ясенского в Советском Союзе. Талантливый писатель, он и личностью был замечательной. Свой последний роман «Заговор равнодушных» – об опасности фашизма, культа личности – Ясенский писал по горячим следам событий, происходящих в Европе накануне Второй мировой войны... В Советском Союзе искал убежища... Он писал, когда его пришли арестовывать, и успел сунуть рукопись в карман халата, в котором сидел и который с готовностью скинул, когда его взяли обыскивать... Жена писателя успела закопать рукопись в саду до того, как сама была арестована. Бруно Ясенский погиб в бериевских застенках, а жена спустя два десятилетия откопала его роман, восстановила рукопись. Благодаря ей мир смог прочитать эту пророческую вещь Ясенского.

Шафера и сам роман, и судьба автора просто потрясли. Ясенский был ему интересен и с литературоведческой точки зрения – как мастер сюжета и интриги, блестящей композиции... А кому сегодня не известен эпитафия к «Заговору равнодушных», ставший своего рода девизом для целого поколения людей: «Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство».

Желание написать работу по Ясенскому было огромным. Но оно натолкнулось на неодолимую преграду – диссертанту обязательно требовался руководитель, а специалистов по творчеству этого писателя не было, да и быть не могло – роман только вышел.

И тогда Шафер попросил помощи у Мухтара Ауэзова. Это особая история – о том, как они познакомились. Была встреча в университете с писателем, на которой он рассказывал о трудностях перевода романа Абая с казахского на русский язык. Они делали это вместе с известным советским писателем Леонидом Соболевым. Но перевод этот решительно не устраивал Мухтара Омаровича, потому что никак не удавалось в полной мере передать все тонкости и нюансы казахскоязычного текста. И он говорил тогда об этом не с тревогой даже, а с сердечной болью, едва ли не со слезами на глазах. Наверное, это вообще вряд ли возможно сделать, учитывая особенности, своеобразие, образный строй казахского языка.

Но случился на той встрече и очень неприятный для М.О. Ауэзова инцидент. Один из присутствующих на встрече в довольно грубой форме высказался о романе, заявив, что ему и вовсе не следует писать. То были очень непростые времена для Мухтара Омаровича, подвергавшегося не только недостойной критике, в том числе и за этот роман, но и настоящей травле.

Зал будто оцепенел. И тогда встал студент Шафер, извинился перед Ауэзовым за всех остальных присутствующих. Но и этого посчитал недостаточным и потом написал ему небольшое письмо со словами уважения и поддержки. Эти два поступка очень тронули Мухтара Омаровича, чему также есть свидетельства. А Наум Шафер с одним из однокурсников временами сбегал с лекций, чего никогда прежде не делал, чтобы послушать лекции М.О. Ауэзова на казахском отделении филологического факультета. А тот, заметив их, иногда стал говорить и на

русском языке, чтобы им было понятнее, о чём идёт речь. И они даже познакомились с Шафером лично.

Из Алма-Аты М.О. Ауэзову, над которым нависала реальная угроза ареста, пришлось тайно бежать в Москву, где его приютили, смогли помочь и найти работу его друзья-литераторы и не только они. Позднее он вернулся в Алма-Ату. А годы спустя к нему обратился за помощью Н.Г. Шафер.

Ауэзов поговорил с академиком Сильченко, которому оппонировал на защите его докторской диссертации, посвящённой Абаю, и с которым был дружен. Тот согласился стать номинальным руководителем, то есть соблюсти форму... Ничего иного Шаферу и не требовалось – он увлечённо работал над темой, собирал материалы и свидетельства, много ездил по стране. Познакомился в те годы и не раз встречался с Юрием Домбровским, автором знаменитого романа «Факультет ненужных вещей», который увидит свет только в годы перестройки.

В 1965 году Наум Григорьевич защитил диссертацию и стал кандидатом филологических наук.

* * *

Махатма Ганди как-то высказал мысль о том, что нельзя человека считать полноценным, если он хотя бы небольшое время не отсидел в тюрьме.

В этом самом смысле Наум Григорьевич Шафер может себя считать полноценным абсолютно – он посидел и в тюрьме, и в колонии...

Это случилось в Павлодаре, куда семейство Шафера переехало из Целинограда и где он спокойно работал на филфаке местного пединститута. Получили квартиру в новом доме над магазином с символическим названием «Счастье», подрастала дочь, завязывались интересные знакомства, замаячила впереди реальная перспектива докторской... А тема её звучала так: «Русская гражданская поэзия за 100 лет». Неосведомлённому человеку это мало о чём говорит, а специалисту понятно: гражданская – суть оппозиционная... Но ведь за 100 лет... Какой тут может быть криминал?

По мере поиска и подбора материалов соискателю стали попадаться и те, что не относились напрямую к вышеозначенной теме, но отчасти обязывали диссертанта знать и эти первоисточники.

Так в его доме оказались «Раковый корпус» и «Крохотки» Солженицына, «Автобиография» Евтушенко, опубликованная на Западе и получившая скандальную известность у нас в стране, повесть «Говорит

Москва» Даниэля, «Письмо старому другу» Варлама Шаламова, записи песен Высоцкого и Галича... Там были ещё «Повесть непогашенной луны» Пильняка, поэма «По праву памяти» Твардовского...

Шафером заинтересовались в «органах» (после доноса на него от одного из близких ему людей) и, придя однажды с обыском, всё это и многое другое изыали... Между тем Шафер не был ни диссидентом, ни антисоветчиком.

– Не вёл я этой борьбы, – говорил он мне, – я должен, просто обязан был, исходя из профессиональной добросовестности, прочитать того же «Доктора Живаго», а уже потом ругать... Моя вина лишь в том, что я преждевременно прочитал то, что затем вошло в университетскую программу. Я даже следователю, который вёл моё «дело», сказал: «Я вам клянусь, что когда-нибудь я это опубликую». Речь шла о «Песне об антисемитах» Высоцкого. Так это впоследствии и окажется – Наум Григорьевич станет первым публикатором её текста в одном из московских журналов...

То, что делали «органы» с Шафером, было произволом в чистом виде. Не могли этого не понимать и организаторы его «дела» – всё же на дворе были не сталинские времена, и неприличная история получила нежелательную огласку...

Как раз в ту пору в Павлодаре гремел театр режиссёра Кузенкова, ставший в городе не только настоящим культурным центром, но и своего рода рупором гражданственности. И вот в по-новому прочтенном театром «Клопе» Маяковского, при полном зале, актёр Олег Афанасьев, играющий Присыпкина, произносит действительно имевшуюся в пьесе фразу: «За шаферами нужен глаз да глаз!» В зале начинаются смешки и аплодисменты. Автор пьесы имел в виду жуликоватых шаферов на свадьбе, а многие из сидящих в зале вольно или невольно думали о вполне реальном Науме Шафере, попавшем в «нехорошую историю». Но Афанасьеву и этого второго плана было мало, и дальше он, случалось, скороговоркой нёс чудовищную отсебятину: «А как за ними уследишь, когда один в Целинограде, а другой в Павлодаре?» Тут уже ни о какой двусмысленности и речи быть не могло. И, кстати сказать, самому Науму Григорьевичу, жившему под столь пристальным вниманием «органов», подобные «шалости» отнюдь не доставляли удовольствия. Скорее, наоборот.

Не легче приходилось и родному брату Шафера – Лазарю, жившему в Целинограде. Они были больше чем братья, они были духовно

близкими людьми. Лазарь тоже пострадал, лишился преподавательской работы, таскал кирпичи на стройке. Его чуть не посадили...

Наума Шафера сажать, похоже, не собирались... Его хотели попугать, повоспитывать... Даже с работы не уволили – как был, так и оставался доцентом кафедры русской и зарубежной литературы пединститута. Дело хотя и состряпали, но закрыли. Взамен требовалось публичное покаяние: осознал, мол, свои ошибки, сделаю выводы и больше не буду совать свой нос куда не следует. Проводивший с ним напутственную беседу высокий прокурорский чин напоследок чуть ли не приобнял: мол, веди себя как надо, и всё будет хорошо.

А предстоял Шаферу так называемый общественный прогон. Он должен был на собрании интеллигенции города выслушать строгую товарищескую критику и выступить с ответной покаянной речью. И хотя он что-то подобное обещал прокурору, слабо себе представлял, как это будет делать. И на собрание пришел не в лучшем виде – подавленный, сам не свой...

...Лето 1971 года. Актальный зал пединститута... Коллеги-преподаватели, студенты, директора школ... Зал полон. Тон задаёт один из чинов системы образования: «В то время, когда мировой империализм, эти зарубежные шавки... У нас в городе... доцент Шафер...»

Это «шавки – Шафер» било по ушам, ввинчивалось в мозг, слышать это ему было невыносимо...

Встал коллега, с которым вместе работали. «Да, Шафер не сделал того-то, того-то и того-то... Но ведь мог сделать!» Это «мог сделать» рефреном звучало во всей его пустопорожней речи.

Конечно же, Шафер не выдержал – не мог всего этого терпеть. Поднявшись на трибуну, спросил, а помнят ли сидящие в зале, какое время на дворе? И о сути дела тоже сказал: он должен был знать, как профессиональный филолог, все те источники, которые у него нашли. Они собраны с научной целью. В этом нет ничего предвзятого, скорее, наоборот – он не был бы профессионалом, отказавшись от возможности ознакомиться с источниками подобного рода. Знал бы Шафер, во что ему обойдется его принципиальность!

– Ну вот он и показал своё истинное лицо, – раздался в зале голос прокурора.

Так Шафер из свидетеля стал обвиняемым. А инкриминировали ему «систематическое распространение клеветнических измышлений о советском государственном строе». Ни больше ни меньше.

И всё же он не верил, что его посадят. Даже когда, вызвав на очередную беседу к следователю, его задержали... Когда стригли наголо... Когда брали отпечатки пальцев...

Всё вышло совсем как в известном еврейском анекдоте. «Вы знаете того Рабиновича, который живёт напротив тюрьмы?» – «Да, а что?» – «Да ничего. Просто теперь он живёт напротив своего дома». Павлодарская тюрьма (старая, ещё дореволюционная), где держали до суда Шафера, находилась наискосок от его дома, на углу тогдашних улиц Лермонтова и Ленина. Наталья Михайловна в первые дни приходила в дом по улице Дзержинского и из окон верхних этажей смотрела на стены и крышу тюрьмы, где сидел муж, наивно надеясь его увидеть.

Солженицын в «Архипелаге» хорошо описал душевное смятение человека, неожиданно попадающего в тюрьму: ощущение растерянности, беспомощности, униженности. Всё это было и с Шафером, хотя он попал в «привилегированную» камеру на четырех человек, где был деревянный (!) пол, а в зарешечённое окно проглядывал кусочек неба... Сюда доносились звуки уличной жизни. Вместе с Шафером в камере были подследственные – милиционер и следователь, а ещё бывший директор крупного совхоза, фронтовик-орденоносец Ахметжанов, который тут же взял над ним шефство. Заставлял делать зарядку, учил играть в шахматы, всё время тормошил... Но шок не проходил, не было никаких известий от жены, в голову лезла всякая чушь, иногда жить не хотелось...

Поддержкой и опорой, настоящим спасением для него стало письмо от жены. Её, как оказалось, к нему просто не допускали, и то письмо тоже было нелегальным. Письмо сохранилось, и с согласия Натальи Михайловны и Наума Григорьевича я привожу его с небольшими сокращениями.

«...Пишу тебе от страшной тоски по тебе. А когда ты сможешь прочитать – неизвестно. Я не могу не говорить с тобой. Вот уже вторую ночь без тебя. Мысли будят во сне. Днём не могу заснуть. Голову распирают мысли, вернее, обрывки их, ни одну не могу додумать до конца, не могу связать их воедино. Кажется, разум покидает меня.

Сегодня меня разбудил твой голос. Ты буквально в двух шагах сказал: «Наташа!» – и так громко, в то же время тревожно и нежно, как будто что-то хотел мне сказать необычно важное.

Родной мой, я знаю: ты зовешь меня, как я тебя. Я хоть могу плакать, так как никто не видит. И реву уже третий день, да ещё по нескольку раз.

Хожу на свидание с тобой, гляжу на эти глухие белые стены, так равнодушно вбирающие в себя любые мольбы, любые крики. Я посылаю тебе сквозь них лучи своей любви, частицы своего тепла.

Мужайся, милый, крепись! Страшно то, что случилось. Но я знаю чистоту твоего сердца, доброту твоих помыслов, верю в тебя и буду верить. Никто не в состоянии отнять тебя у меня.

Я буду теперь вдвойне, за тебя и себя, радоваться солнцу, которое скрылось от тебя, дышать прохладой, любоваться небом и звёздами, нашей улицей. Но на что бы я ни посмотрела – слёзы застилают глаза. Вижу тебя, слышу тебя. Сердце терзает мысль, что ты сейчас этого не видишь.

Вспоминай нас с Лисичкой (это дочь, – Ю.П.). Она слушается меня и тебя. Все твои распоряжения выполняет. Играет. Как ты там без бумаги, без книг, без музыки? Есть ли хоть люди возле?

Я склеила твои фотокарточки. Ношу их с собой. К ним прикасалась твоя рука, по ним я вижу твоё состояние, твоё волнение.

Соберу тебе посылку. Один раз в месяц! Это ужасно!

Не могу ни есть, ни спать. С трудом дала уроки. «Что случилось?» – задают мне вопрос. Видимо, несчастный вид смущает людей. Но я заставляю себя держаться так, что никто не узнает. Главное сейчас – держаться. Пусть хранит твои силы моя любовь к тебе. Целую тебя.

Будь мужествен и хладнокровен на суде. Не признавай вины, которую тебе приписывают. Береги здоровье и силы. Вижусь с тобой во сне.

Целую крепко.

Ната».

Он потом ответил ей: благодаря твоему письму я выжил...

И был суд. Прокурор просил пять лет с лишением права преподавания... Наталья Михайловна тоже выступала на суде, говорила о муже, что он честный человек, советский человек... Ему дали полтора года – с отбыванием срока в колонии общего режима.

Из них три месяца он пробыл в павлодарской тюрьме: месяц до суда и два после. Последние два сидел уже в другой камере, человек на тридцать, с уголовниками. Его самым большим желанием здесь было – вернуться в прежнюю камеру. Не домой – об этом даже не думалось, а в ту камеру на четверых, с деревянным полом и зарешечённым окном, в котором проглядывало небо. Он с тоской вспоминал, как они просыпались там, свои долгие беседы с Ахметжановым, игру с ним в шахматы...

Потом он поймёт, что есть тюрьмы и камеры похуже павлодарских, пройдёт через целиноградскую и джамбульскую тюрьмы. Именно последняя оказалась худшей из всех, в ней было меньше всего порядка, особенно по ночам, когда зэки-уголовники рвали и жгли одеяла – так варили чифир; пили водку, которую им доставляли прямо в камеру. Но и в тюрьмах среди зэков были разные люди. В этом он тоже смог убедиться.

А новый, 1972 год Шафер встретил уже в Жанатасском лагере, где отбывали срок водители, совершившие аварии с человеческими жертвами, воры-карманники, сектанты. Тут тоже случалось всякое, особенно на первых порах. И смертью грозили... Наивный человек, он пожаловался, когда с него в первый же день сняли только что выданное лагерное обмундирование... Но – обошлось. А потом он и вовсе стал личностью в зоне весьма известной, по-своему авторитетной...

Наум Григорьевич надеялся, что в колонии ему найдётся работа, так сказать, по профилю: в библиотеке, клубе... В школе, наконец: там была вечерняя, в которой он вполне бы мог преподавать и литературу, и русский язык, и историю... Увы, его статья не предусматривала такой возможности. Зато государство позаботилось о том, чтобы дать зэку – кандидату филологических наук – рабочую профессию каменщика. На стройке он работал и до этого, но подсобником. А для того, чтобы сдать на второй разряд каменщика, требовалось выложить стену для туалета. Курс теории Шафер освоил быстро, теперь следовало подтвердить свои знания на практике. Стенку он сложил – вроде ничего. Пришли утром на объект – она развалилась. Назревал скандал... Положение спас бригадир, хорошо осведомлённый о других талантах Шафера. Выматерился и сказал: «Давайте сложим этому говняжьему профессору стенку!» Когда пришла комиссия, ей лишь оставалось подтвердить, что одним каменщиком второго разряда в колонии стало больше. А Наум Григорьевич всю жизнь хранил выданное ему удостоверение.

Первое время зэки относились к нему настороженно. Живет как-то наособицу, все свободное время что-то пишет... «Ты не оперу ли строчишь?» – прямо интересовались некоторые, подозревая его в доносительстве. «Посмотрите сами, – отвечал он, – все мои бумаги в тумбочке». Те его тетради сохранились и много лет служили ему. Это были разработки лекций по русской литературе XIX века, конспекты критических работ, стихи... Тютчев, Некрасов, Писарев, Гейне, Салтыков-Щедрин... Жена исправно снабжала его журналами и книгами...

Как-то к нему обратился зэк – бывший водитель: «Вижу, ты грамотный, проверь!» Это была кассационная жалоба – страниц на пятнадцать. «Этого никто читать не будет», – поглядев, сказал ему Шафер. «Почему?» – «Слишком длинно, непонятно». – «Да чего там длинно, – обиделся зэк, – я только половину описал...» Шафер взялся всё изложить сам и составил бумагу настолько толково, выделив суть и те моменты, которые не учёл суд, что дело вскоре было пересмотрено, и осужденному скостили срок наполовину.

С тех пор от «заказчиков» отбоя не стало. Писал он не только жалобы, но и любовные письма... Последних было, пожалуй, даже больше. Изредка они адресовались жёнам, а чаще – бывшим возлюбленным; «заочницам», с которыми зэки знакомились по переписке. Далеко не все из адресаток оказывались легковёрны, прямо заявляя: «Не верю, что это писал ты сам!» – «У нас тут школа, библиотека, – продолжал с помощью Шафера вешать лапшу на уши далёкой возлюбленной зэк-проныра, – я учусь, работаю над собой, развиваюсь».

Когда Шафер, отбыв свой срок от звонка до звонка, освобождался, зэки не только радовались за него, но и сокрушались: «Жалко, мало тебе дали – кто нам теперь будет жалобы и письма писать?»

Но всё это потом вспоминалось с улыбкой. А тогда... Тогда время как будто останавливалось. Он жил от её письма до её письма (число их ограничивалось), от её приезда до её приезда. Однажды жена едва не замерзла, приехав к нему на свидание. Ушла в город за покупками, а возвращаясь, уже в сумерках, попала в сильнейший буран и заблудилась – колония была в нескольких километрах от Жанатаса, автобусы туда не ходили. «Видно, Бог меня тогда вёл», – скажет она позднее.

Меня интересовало: как оценивал Наум Григорьевич всё, что случилось с ним тогда, в 1971-м. Ясно, что был не виновен, ясно, что в отношении него был допущен произвол... Но ведь не мог же не понимать, упорствуя, что рискует не только собственной карьерой (в хорошем смысле слова – не за горами была уже докторская, продвижение по службе и т. д.), но и судьбой семьи – жены и дочери, которых любил, но обрекал на страдания... Чего добился в конце концов, кому что доказал? На 18 лет (и каких лет – горы мог свернуть!) оказался отлучён от любимого дела. Жена полтора года тянулась одна на 120 учительских рублей, деля их на него и себя с дочерью...

Наум Григорьевич отвечал мне так. Он никогда не считал и не считает себя героем и отдаёт себе отчет в том, что его несговорчивость и

арест обернулись лишениями для него и его близких. Но человек всегда должен поступать в соответствии со своей натурой. В противном случае он подвергает себя нечеловеческим мукам совести, обрекает себя на постоянные страдания. Примерно так высказался Лион Фейхтвангер, и Наум Григорьевич был с ним вполне солидарен.

* * *

Отбыв срок, Шафер наивно полагал, что его счёты с государством покончены и теперь он спокойно может вернуться на прежнюю работу. Ведь судебное решение никаких ограничений по этой части не предусматривало. Но всё время почему-то оказывалось, что вакантных мест, даже преподавательских, для кандидата наук в родном вузе нет. Стал подавать документы в другие вузы – та же история... С большим трудом устроился в Жезказганский пединститут, где ему создали соответствующую обстановку, после чего пришлось уволиться... Нет, открыто нигде не говорили, что в его услугах система высшего образования больше не нуждается. Просто работы ему не находилось...

Конечно же, он скоро понял, в чём причина. Писал, просил пересмотреть судебное решение... Ведь никто из большого числа свидетелей, проходивших по его делу, не показал, что он собирал те злополучные материалы с антисоветской целью. Он обращался во все мыслимые инстанции в Казахстане (вплоть до Кунаева). Писал сменявшим друг друга генеральным прокурорам, начиная от Руденко... Писал Брежневу... Он был уже достаточно известен – участвовал в международных конференциях, выпустил книгу о Дунаевском. Но ответы приходили одни и те же: вы осуждены правильно... И только в разгар перестройки, в 1989 году, когда отменили статью, по которой он был осужден, в областной прокуратуре сказали: пишите заявление.

Он был реабилитирован. Потом ему пришлось снова доказывать, что он кандидат наук, объяснять, добиваться...

Наум Григорьевич благодарен Рахимберды Жакияновичу Аликову, Каламкас Баймурзовне Кудериной, Кларе Ахметовне Иреновой, Виктору Дмитриевичу Белозерову, которые не только осмелились принять опального доцента на работу в вечернюю школу, но и всячески способствовали его научным изысканиям. Они так перекраивали расписание, что какое-то время у Шафера в занятиях был «перегруз», а затем образовывались «окна», так нужные ему для поездок – не менее четырёх раз в год. Между прочим, тот же Аликов прекрасно знал, с кем имеет дело: он был и на том общественном прогоне, где обсуж-

дали Шафера, и на его суде. Так что и в те времена мир был не без добрых людей.

А занимался в те годы Шафер своим любимым Дунаевским.

– Почему именно он? – допытывался я у Наума Григорьевича.

– На него лучше всего отзывается моё сердце, – сказал Шафер. – У меня есть ощущение, что его музыка рождается от утренней зари, от звёзд, от весеннего ветра... Она так же прекрасна и естественна, как сама природа.

Дунаевского он знал с пяти лет... Уже тогда всюю распевал «Как много девушек хороших...», «Широка страна моя родная», мелодии из фильма «Дети капитана Гранта». И потом шёл по жизни вместе с Дунаевским – разучивал его песни в университете, читал о нём лекции. Наум Григорьевич читал, а Наталья Михайловна организовывала музыкальное сопровождение – сначала с помощью патефона, затем – радиолы. В Акмолинской области они объехали «с Дунаевским» десятки сёл.

Он ездил по стране и собирал о Дунаевском всё, что можно было найти. Вскоре почувствовал, что вышедшие в свет книги о композиторе (кроме отличного сборника воспоминаний о нём) неглубоки, поверхностны, идеологизированы, и сам взялся за книгу о композиторе. Книга вышла в одном из московских издательств под названием «Дунаевский сегодня».

В журнале «Дружба народов» была опубликована подготовленная Шафером переписка композитора с Людмилой Головиной-Райнль. Это настоящий роман в письмах, соответствующий всем канонам жанра. Опубликовав лишь часть переписки, журнал анонсировал её полное издание в своём ежегодном популярном приложении. К сожалению, из-за нехватки средств выпуск приложения, где из года в год публиковались лучшие произведения писателей из всех республик бывшего Союза, так и не возобновился.

В шести номерах журнала «Простор» публиковались собранные Шафером письма Дунаевского к Р.П. Рыськиной, с его вступительной статьёй «Дунаевский в Казахстане». Журналу «Нива», издававшемуся в Астане, были переданы Наумом Григорьевичем и опубликованы письма Дунаевского к Л.Г. Вытчиковой.

Фирмой «Большой зал» была выпущена пластинка «Исаак Дунаевский в гостях у Михаила Булгакова». К этой пластинке Наум Григорьевич шёл 15 лет... Он ещё до выхода в свет дневников жены писате-

ля Елены Сергеевны выяснил, что Дунаевский был частым гостем в доме у Булгаковых, играл у них, притом не только песни и музыку из оперетт, но и салонные пьесы, утончённые вещи... Среди булгаковедов считалось, что канонический вариант либретто «Рашель» следует искать в архиве композитора Глиэра. Шафер доказал, что это не так. В архиве Дунаевского он обнаружил этот вариант и опубликовал его в своей книге «Дунаевский сегодня». А затем по архивным источникам выпустил книгу оперных либретто Булгакова с предисловием и обширными комментариями. Это уникальный труд – фактически готовая докторская диссертация... Но Шафер был увлечён совсем не этим: «Вы понимаете, я уверен, что Дунаевский и Булгаков стали очень близки друг другу... Я думаю, что некоторые страницы «Мастера и Маргариты» написаны под влиянием Дунаевского... Конечно, пока это только версия, но впору опять браться за книгу – «Булгаков и Дунаевский»...

Тема «Дунаевский и Шафер» – неисчерпаема. Ни в бывшем Союзе, ни в мире нет, пожалуй, другого человека, который бы столь добросовестно, глубоко, системно исследовал жизнь и творчество композитора. Наум Григорьевич так сильно прикипел к нему потому, что считает его творчество уникальным. Он считает, что Дунаевский, используя средства серьёзной, классической музыки, создавал лёгкие музыкальные произведения; фактически – он один из прародителей советской массовой песни. Это феноменально, говорил Наум Григорьевич, что, оставаясь верными специфике лёгкого жанра, эти его музыкальные произведения одновременно являются элитарными и массовыми.

Справедливости ради замечу, что творчеством любимого композитора интересы Шафера не исчерпывались. До самых своих преклонных лет он продолжал преподавать в стенах пединститута, ставшего университетом, и еще новом инновационном университете. Он вернулся туда после реабилитации. Он – собиратель и исследователь авторской песни, выпустил уникальную пластинку «Кирпичики», где есть и две его собственные песни. Он помогал готовить к изданию один из томов собрания сочинений Михаила Булгакова. Он участвовал в международных конференциях, читал лекции в Санкт-Петербурге... Поддерживал местных литераторов. Иногда эта поддержка принимала и такие формы: он покупал тоненькие сборники павлодарских поэтов и прозаиков и, приезжая по делам в Москву, Санкт-Петербург, передавал их в ведущие российские библиотеки. Он был убеждён, что без этих книжек современный литературный процесс объективно не может считаться полным...

* * *

Когда-то, уже давно, в гостях у Наума Григорьевича и Натальи Михайловны оказалась их давняя знакомая. Пожилая, не очень хорошо видящая, она подслеповато прищурилась и спросила:

— А вы что, так при библиотеке и живёте? Квартину вам так и не дали?

Простим ей свойственную возрасту рассеянность. Наверное, в её памяти просто отпечатался тот факт, что когда-то в их биографии было и такое... Но подобный вопрос мог задать и любой другой попавший к ним впервые человек. Всё свободное пространство от пола до потолка в их небольшой двухкомнатной квартирке занимали стеллажи с книгами и пластинками. Для других вещей здесь просто не оставалось места — я сам это видел.

Их библиотека и фонотека уникальны и насчитывают 27 тысяч виниловых пластинок и более двадцати тысяч книг, подшивок газет и журналов (некоторые — с 20-х годов прошлого века). Их Шафер учитывал так: одна подшивка приравнивается к одной единице хранения, то есть к книге.

О качестве их книжного собрания в какой-то мере можно судить по такому факту. В свой первый приезд в Павлодар к ним в гости пришел Евгений Евтушенко. Пили чай, разговаривали. Немного поспорили: Наум Григорьевич сказал уважаемому им поэту, что напрасно тот переделывает свои старые стихи, объясняя, например, это тем, что он знает теперь о Ленине то, чего не знал прежде. «Думаете теперь иначе — напишите другие, — говорил ему Шафер, — а те, прежние, оставьте как есть...» Может быть, немолодой филолог и не убедил немолодого литератора (они почти ровесники), но удивил уж точно... Наверное, никогда ещё Евгению Александровичу, не обделённому ни славой, ни почитателями, не предъявляли столь уникального домашнего собрания его сочинений: в одном этом доме набралось без малого полсотни его книжек... Надо, впрочем, отдать должное и поэту: подписал тогда все до единой.

А ещё Наум Григорьевич и Наталья Михайловна подарили Евтушенко не один десяток газетных вырезок, собранных ими почти за полвека. Все они о поэте или о его творчестве. Там была и давняя публикация в «Комсомольской правде» «Куда ведёт хлестаковщина?». Когда-то они боялись, что после неё поэт может покончить с собой, и даже писали ему свои ободряющие письма...

Как-то в их квартире случилась «маленькая» неприятность – часть стеллажей с книгами обрушилась. Хорошо, что хозяина в этот момент не оказалось рядом – он вполне мог быть погребен под ними. Книги уже нигде не помещались, хозяева тысячами раздавали: в библиотеку для незрячих, в колонию, в редакцию местной газеты...

* * *

Фонотека, собранная Шафером, и вовсе уникальна, бесценна. Ему были одинаково дороги в ней и три десятка пластинок из их дома в Бессарабии, которые он отстоял совсем мальчишкой, и те уникальные экземпляры, которых не отыщешь в архивах студий звукозаписи и в лучших частных коллекциях. Я попросил его назвать те пластинки из детства, что уже больше полвека с ним. Это русские бытовые песни («Крутится, вертится шарф голубой...», «Кирпичики»), романсы Глинки, музыка Римского-Корсакова и танцевальная музыка, эмигрантские песни...

Что же до коллекции в целом, то в ней – музыкальные произведения всех стран и народов в своих лучших образцах. Имеются в виду не только республики бывшего Союза, а страны всех континентов. Шафер не ставил целью собрать в своём доме всех выдающихся исполнителей, но исполняемые ими музыка и песни у него есть, некоторые даже в разных вариантах. В первую очередь речь идет о грампластинках. Наум Григорьевич сердился, когда ему говорил, что это «инструмент» ненадежный, недолговечный, свое отживший. «Есть пластинки, которые я проигрывал не менее тысячи раз, – убеждал он меня, – а они ничуть не износились. Просто с пластинкой надо уметь обращаться, и она будет служить вечно! Некоторые эстеты, музыкальные гурманы не любят пластинку за «шип»... Но это либо «заезженные» экземпляры, либо естественный «шип», который нисколько не мешает восприятию мелодии, скорее, наоборот – придает звучанию особый аромат, особое очарование... Назовите мне любое произведение любого автора до 70-х годов – наверняка оно у меня есть», – завершил свою «лекцию» Наум Григорьевич.

Каюсь, я провел эксперимент: попросил отыскать песню, которую пели мои родители, – «Называют меня некрасивою...» и другую – народную – «На улице дождик». Обе были найдены в полминуты. Мой спутник, смущаясь, спросил, нет ли романса «Только раз бывает в жизни встреча...» – «В каком исполнении желаете?» – уточнил хозяин. В коллекции оказалось больше двух десятков его исполнителей.

Как-то пришли к нему с редактором журнала «Нива», поэтом В.Р. Гундаревым, и тот попросил у Н.Г. Шафера какой-то пасодобль. Пишу «какой-то», потому что впервые слышу это слово. Само собой, пасодобль нашёлся. Владимир Романович постеснялся (а я не догадался) поинтересоваться своей «Деревенькой» – песней на его слова, записанной на пластинках в разных вариациях. Конечно же, они в коллекциях тоже были.

«Фонотека в фонотеке» Шафера содержит триста пластинок с произведениями Дунаевского – это все, что издавались, и, кроме того, другие пластинки из личной коллекции композитора, переданные Науму Григорьевичу его сыном. За одной из пластинок с двумя записями песен Дунаевского из фильма «Весёлые ребята» Шафер гонялся полвека.

Подобной частной музыкальной коллекции не было в бывшем Советском Союзе. Второе такое частное собрание музыкальных произведений, записанное на пластинках, не найти во всём мире. Его хозяин в достаточно юном возрасте (а ему исполнилось тогда лет пятнадцать-шестнадцать) поставил перед собой заведомо недостижимую цель – собрать образцы лучших музыкальных произведений всех времён и народов. И самое удивительное то, что ему каким-то образом удалось выполнить эту невыполнимую задачу. «В основном, – уточнял он в нашем давнем разговоре, – примерно к пятидесяти годам, то есть где-то за тридцать пять лет».

Да, как ни кощунственно это прозвучит, оказывается, вся мировая музыкальная культура вполне умещалась в 52-метровой трёхкомнатной квартире.

Всего на самодельных стеллажах, которыми были заставлены не только стены, но и всё свободное пространство квартиры, а также и просто на полу (не хватало места!) разместилось более двадцати тысяч пластинок. В том числе десять тысяч бьющихся, которые не выпускались к тому времени уже больше тридцати лет. Кроме бывших советских заводов и студий грамзаписи – Апрелевской, Ленинградской, Рижской, Ташкентской – здесь были представлены пластинки всех других существующих в мире студий, фабрик, заводов, фирм. В коллекции пластинки, которым не менее ста лет, и выпущенные сравнительно недавно.

Мне посчастливилось подержать в руках, ощутив её благородную тяжесть, пластинку, выпущенную в начале двадцатого века французской фирмой «Пате» (откуда потом пошло и само слово патефон). А

потом мы с Наумом Григорьевичем и Натальей Михайловной слушали прекрасно сохранившуюся (почти сто лет прошло!) мелодию русско-славянского танца, и я видел, как преображались их лица, каким восторгом они были наполнены. Для меня самого открытием стало и то, что эта старая пластинка имеет 90 (а не 78, 45 или 33) оборотов в минуту, а иглолка на ней устанавливается у центра и движется по мере проигрывания к краю пластинки, а не наоборот, к чему мы все привыкли. Запись музыки на ней осуществлялась ещё так называемым механическим способом, который впоследствии был заменен более совершенным и прогрессивным электрическим.

А потом мы слушали одну из первых отечественных казахских пластинок, выпущенную в 1936 году. Это был күй «Кенес» в исполнении Жаппаса Каламбаева и Лухмана Мухитова...

Мы слушали «Однозвучно гремит колокольчик» в исполнении хора Донских казаков под управлением Сергея Жарова – эту песню, которая никого не оставит равнодушным. «Вы чувствуете, как они умирают без Родины, вы ведь знаете, что хор в полном составе эмигрировал из России вскоре после революции», – комментировал Наум Григорьевич. Откуда мне было знать об этом...

Бьющиеся пластинки, составляющие почти половину шаферовской коллекции, имеют особенную ценность. И вот почему – просвещал меня Наум Григорьевич. Эти пластинки начали выпускаться в советской России с 1918 года, когда запись велась механическим способом. С 1932 по 1969 год музыку записывали уже электрическим способом. И лишь потом появились небьющиеся пластинки. Так вот, только с 1932 по 1969 год на бьющихся пластинках в Советском Союзе выпущено 48 тысяч записей – музыкальных произведений, спектаклей, стихов, речей... Многие из них поистине уникальны, бесценны. Они хранят реальные «голоса» инструментов, живые голоса исполнителей. Но музыкальный слух иных эстетствующих меломанов коробит «шип», издаваемый старыми пластинками при проигрывании (Шаферу он, напротив, нисколько не мешал). Отчасти поэтому, а отчасти из-за того, что бьющиеся пластинки попросту хрупки, и реставрируются записанные на них произведения. Дело это, бесспорно, нужное, благородное, но при реставрации в погоне за чистотой звучания зачастую стремятся во что бы то ни стало избавиться и от того самого «шипа». И вот тут, по мнению Наума Григорьевича, происходят непоправимые вещи, по сути – катастрофа. Он называл это потерей тембровой окраски исполнения, в

результате чего ослабевает, теряется мощь, сила звучания, объемность музыкального произведения. В подтверждение Наум Григорьевич проиграл мне оригинального, а затем «отреставрированного» Шаляпина – «Из-за острова на стрежень», и это действительно как земля и небо. «Долгоиграющие – небьющиеся пластинки – безусловно гениальное изобретение, – убеждал меня Шафер, – и я совсем не против прогресса, но только когда на них записывают современных исполнителей, а не копируют прежние записи, уродуя их».

Наум Григорьевич сердился, когда о пластинках говорили неуважительно, и всегда спорил с теми, кто утверждал, будто они недолговечны и быстро изнашиваются. «Пластинка быстро погибает от небрежного хранения и неправильного употребления. А когда её правильно хранишь, по-человечески с ней обращаешься, она будет служить вечно. Некоторые эстеты меня уверяют: мол, проиграешь её 50 раз – и всё, испорчена... А я свои пластинки слушаю уже пятьдесят лет – и они до сих пор в прекрасном состоянии».

Это – чистая правда. И эти старые пластинки на самом деле живут. Кстати, и патефоны действуют. Они звучали в их доме и на многочисленных музыкальных встречах, устраиваемых Наумом Григорьевичем и Натальей Михайловной. Одна беда – патефонных иголок оставалось совсем мало. И взять их тогда было негде. Наум Григорьевич очень сокрушался из-за этого. Проблема решилась неожиданным образом.

Однажды мы пришли в Дом Шафера с сыном Димой, а Наум Григорьевич, проиграв несколько мелодий по его выбору, поделился с нами этой своей бедой: иголки давно стали таким же раритетом, как патефоны. И – поразительная вещь – Диме удалось найти возможность изготовить их в Азербайджане, где сохранилась необходимая технологическая оснастка. Когда мы принесли Науму Григорьевичу 700 новых иголок, он был просто счастлив. Теперь их можно было не экономить!

А Дима, кстати, выпустил в Омске лазерный диск с записями церковных песнопений вековой давности, сохранившихся в коллекции Шафера, и их современного исполнения Омским казачьим хором.

Но пора вернуться к судьбе самой коллекции. Оставалась нерешённой самая главная проблема – её сохранность. Однажды Н.Г. Шафер заходил к министру культуры Казахстана, завел было речь о судьбе коллекции, но тот лишь развел руками: «Нет денег». Между тем никаких денег Наум Григорьевич не требовал (хотя и они бы не помешали) – речь шла о сохранении уникальной музыкальной сокровищницы

в принципе. Иные власть предержащие персоны на этот счёт высказывались примерно так: «Ну заберём мы её, а что потом с ней делать?» Но задача как раз и состояла в том, чтобы сохранить это, без всяких оговорок, национальное достояние. А уж в том, что применение десяткам разделов коллекции найдется, не было никакого сомнения.

Уже отыскивалось немало желающих приобрести раритетный фонд: москвичи с охотой взяли бы пластинки Дунаевского, Израиль давно интересовался частью коллекции, представляющей еврейскую музыкальную культуру, местный музей имени Бухар жырау выразил готовность забрать произведения казахского народного творчества и отечественных композиторов... Государственный музей Глинки из Москвы «заявил» список из почти 300 записей, которых у него нет, а у Шафера они были... Находились коллекционеры, готовые заплатить немалые деньги, лишь бы заполучить какие-то шаферовские пластинки. Клара Эльберт, директор Русской библиотеки в Иерусалиме, предлагала за часть коллекции пять тысяч долларов – сумму немыслимую для всегда живущей сверхскромно семьи. Но Шаферу нужно было совсем другое: оставить потомкам в наследство коллекцию в целостности и сохранности целиком. Да и сам он без неё не смог бы жить, потому что она давно стала частью его самого.

Может быть, самый заманчивый вариант предлагал начинавший когда-то карьеру в Павлодарской области омский губернатор Л.К. Полежаев. Прослышав об уникальной коллекции, он прислал Н.Г. Шаферу официальное письмо: готовы принять и вас, и её. Для коллекции найдется место в музее, владельцу будет выделена квартира, Омский государственный университет готов взять его на работу.

В Павлодар приезжали посланцы Полежаева из главного управления культуры Омской области, возили Шафера в Омск. Но и Наум Григорьевич, и Наталья Михайловна давно прикипели душой к Павлодару и никуда не хотели уезжать отсюда, если бы не коллекция.

И тут забили тревогу павлодарские журналисты, пошли ходоки от общественности к городским властям. «Перезревшую» проблему принял близко к сердцу аким Павлодара Николай Иванович Чмых. Побывав в гостях у Наума Григорьевича и Натальи Михайловны, он лично убедился в том, какого богатства может лишиться Павлодар.

Вскоре родилась идея создать в нашем городе уникальное учреждение – Дом Шафера. Нашлось помещение в центре города, его капитально отремонтировали, предусмотрев под одной крышей поме-

щения для коллекции пластинок, библиотеки, актового зала для мероприятий, служебного кабинета (его у Шафера отродясь не водилось) и несколько комнат, где стали жить Наум Григорьевич и Наталья Михайловна.

Что и говорить, это был нестандартный шаг, достойный детища Шафера... У Дома Шафера появился небольшой штат, который работал под методическим руководством Наума Григорьевича. На специальных стеллажах разместились пластинки, книги, журналы, подшивки газет. Появилась возможность завершить работу по описанию коллекции, систематизации на специальных карточках.

Редкий день в этом доме не бывало гостей, ведь коллекция стала одной из особых культурных достопримечательностей Павлодара. Экскурсии, лекции, тематические занятия для студентов и школьников... Музыкальные вечера для горожан, встречи с интересными людьми – поэтами, певцами, музыкантами... Небольшой актовый зал во время таких мероприятий, как правило, оказывался переполнен. Был случай, когда сам хозяин дома так и не смог пробиться вперёд, чтобы произнести приветственное слово. А его коллекция, которой по праву может гордиться не только Павлодар, но и весь Казахстан, остаётся открытой для истинных ценителей музыки и, хочется верить, ещё долго будет служить людям, даря им радость.

* * *

Вернёмся ещё раз к этому уникальному собранию мировой музыки.

Коллекция Шафера уникальна прежде всего тем, что она всеобъемлюща, всеохватна. В этом её главная, однако не единственная ценность. Потому что в ней есть и подлинные жемчужины (о чём уже говорилось и ещё будет идти речь), а также то, что Шафер называл «коллекциями в коллекции». Таких также не один десяток, в том числе и тех, которым позавидует любой истинный ценитель музыки, слова, а тем более любой истинный коллекционер. И хотя, по собственному утверждению Наума Григорьевича, он коллекционировал музыку, а не исполнителей, их он коллекционировал тоже. Среди тех, кто представлен в его собрании пластинок наиболее полно, Лемешев («Он у меня практически весь», – заметил Шафер), Виноградов, Александрович... И другие «серьезные» исполнители (есть у коллекционеров такое определение) – Шаляпин, Обухова, Максакова, Давыдова, Козловский, Михайлов. Представители «серьезной» эстрады – Бунчиков, Нечаев, Утесов, Шульженко, Бернес. Шафер равнодушен и к авторской песне, в его

коллекции бардов – Окуджава и Высоцкий, Галич и Визбор, Татьяна и Сергей Никитины...

А ещё он собрал гигантское количество литературных записей. Теперь уже, наверное, мало кто помнит, что в своё время на пластинках издавались записи чеховских спектаклей «Три сестры», «Дядя Ваня» и «Вишневый сад», спектакли по пьесам Островского, Льва Толстого... Всё это тоже есть у Шафера – и «Воскресение» с участием Качалова, и «Анна Каренина», и весь роман «Евгений Онегин». А ещё отрывки литературных произведений в исполнении Москвина, Тарханова, Ливанова, Массалитиновой, Журавлева, Яхонтова... Эстрадные спектакли (например, с участием Аркадия Райкина), отечественная поэзия в авторском исполнении...

Огромное собрание речей политвождей: Ленина-Сталина-Калинина-Луначарского-Коллонтай-Хрущева-Брежнева...

Мы как-то вместе слушали одно из выступлений Сталина. 1937 год. Уничтожены все, кто мог составить какую-то оппозицию Сталину. «В основном» построен социализм, принята сталинская Конституция. Умиротворенностью и благодушием, чувством исполненного долга дышит его речь перед избирателями. «Ласковое ворчание сытого зверя, напившегося сладкой крови и облизывающего губы...» Этот комментарий Наума Григорьевича записан им на обложке пластинки и датирован 1984 годом. Кстати, всего в коллекции полтора десятка пластинок с речами Сталина. Есть такие, где его речь – на нескольких пластинках, с продолжением. Наум Григорьевич поставил мне одну такую, где были увековечены лишь аплодисменты товарищу Сталину.

Шаферовские пластинки хранят голоса Юрия Левитана и Юрия Гагарина... Вволнованная речь первого космонавта на Красной площади начинается с обращения: «Дорогой Никита Сергеевич!» Это на одной пластинке, а на другой, вышедшей позднее, всё то же, но без «дорогого Никиты Сергеевича». Так «подправляли» в своё время историю. И теперь, впрочем, без конца подправляют...

А ещё на его пластинках звучат голоса животных и птиц, колокольные звоны, театральные шумы (есть, оказывается, и такие грамзаписи, воспроизводящие шум идущего поезда и шелест дождя, летнюю грозу и артобстрел...).

Шафер записал и хранит четырнадцать спектаклей гремевшего в шестидесятые годы в Павлодаре кузнецовского театра. Но это, правда, на магнитофонной пленке. Всего у него свыше полутора тысяч бобин и

кассет с магнитофонными записями. И хотя он ценил их меньше, потому что, в отличие от пластинок, они не вечны, это тоже целое богатство.

Все деньги, которые получал Наум Григорьевич, уходили на пластинки и книги, а жили на зарплату Натальи Михайловны. Шафер вёл обширную переписку со многими коллекционерами, обменивался пластинками с ними. И, в частности, через Польшу получал пластинки ведущих мировых студий грамзаписи. Любую поездку использовал для пополнения коллекции. Очень многие, к кому он обращался, смотрели на него как на чудака и без сожаления, а подчас и с охотой расставались со своим бывшим «имуществом»: кому нужна эта рухлядь, особенно бьющиеся патефонные пластинки?

В коллекции Шафера есть пластинки, выпущенные им самим, о чём уже шла речь. Но не грех и повторить... Одна из них – «Дунаевский в гостях у Булгакова» – составлена из разысканных Наумом Григорьевичем и практически неизвестных ранее фортепианных произведений композитора. В эту пластинку включено музыкальное произведение и самого Булгакова, которое считалось потерянным. Это полька, напетая писателем для оперы «Рашель», – над ней он работал с Дунаевским.

Вторая пластинка – «Кирпичики» – представляет популярный в своё время городской романс. Главным исполнителем здесь выступил Андрей Корчевский. На этой пластинке есть две песни и самого Шафера – Нами Гитина. С «Кирпичиками» была такая история. Записывалась эта пластинка на Алма-Атинской студии звукозаписи, выпускал её Апрелевский завод грампластинок, а свой номер дала Петербургская студия звукозаписи, потому что завод фактически уже прекратил выпуск подобных изделий... Словом, это было своего рода историческое событие – «Кирпичиками» заканчивалась эра виниловых пластинок.

Позднее вышли два лазерных диска с записями музыкальных произведений Наума Григорьевича, но об этом чуть позже.

Впрочем, можно ещё долго рассказывать, как создавалась коллекция. Но куда важнее ответить на вопрос – для чего?

Никогда эта пламенная страсть не была для Шафера самоцелью, никогда его бесценное богатство не лежало мёртвым грузом... К этой, без преувеличения, сокровищнице музыкальной культуры приобщались не десятки и не сотни даже, а тысячи людей. И напрямую, в его сначала целиноградской, а после павлодарской квартире, и в различных аудиториях, где звучал его патефон, и в театральных залах, где шли спектакли в музыкальном оформлении, подготовленном с помощью шаферовской

коллекции, и у радиоприемников и телеэкранов, когда транслировались передачи, которые он прямо или косвенно помогал готовить...

В их доме хранятся уникальные человеческие документы: журналы посещений и стенгазеты, запечатлевшие лишь малую толику жизни «кружка любителей музыки», действовавшего в шестидесятых годах в Целинограде. Шафер читал в местном пединституте курс русской литературы, а на общественных началах вёл со студентами этот самый кружок. Два раза в неделю по два часа. Кружок стал для многих вторым университетом: молодые люди учились слушать и воспринимать музыку Шостаковича и Моцарта, Чайковского и Дунаевского... Слушали стихи Ахматовой и Кирсанова, прозу Паустовского... Газета «Мелодия», которую они выпускали, «затмила» общепединститутскую, и по этой причине Шаферу рекомендовали свою снять. Кстати говоря, такой же кружок вёл в Целиноградском педучилище его брат Лазарь.

Когда Шафер отбывал срок в колонии, многие «кружковцы» писали ему в зону о том, что теперь, разъехавшись после окончания вуза по стране, сами ведут подобные кружки, советовались, как лучше построить занятия... Как они помогли ему тогда, эти письма!

Он и сам писал в эти трудные годы жене, составляя для неё, помимо всего прочего, уроки музыкального образования. Из зоны он задавал ей задания на дом, где значились Глинка, Бетховен, старинные романсы, Лемешев, Валентина Левко, джазовая музыка и даже... частушки. Наталья Михайловна всегда была ему не только женой, но и настоящим другом. В том же Целинограде они вместе вели народный университет культуры, где на её долю приходилось не самое лёгкое – организация занятий, оповещение слушателей, явка, материальное обеспечение, то бишь доставка к месту лекции патефона или проигрывателя с пластинками из их собственной квартиры. И ученицей она оказалась великолепной, пройдя в отсутствие отбывавшего срок супруга ещё один курс музыкального образования.

Иной раз ей не удавалось отыскать нужную пластинку (коллекция уже тогда была достаточно обширна), и тогда зэк-муж подробно инструктировал «слушательницу» и на этот счёт... Семь лет занималась Наталья Михайловна по его лекциям и составленным им программам, а затем сама вела не один год в Павлодаре (разумеется, на тех же общественных началах) музыкальные занятия со школьниками.

А сколько самых невероятных историй, связанных с коллекцией, они могут рассказать! В 1965 году в Целиноград приехал всемирно

известный лирический тенор Михаил Александрович. Организаторы концертов привели его домой к Шаферу. После всего увиденного тот, слегка смущаясь, спросил: «А нет ли у вас канторского пения?» Вряд ли он рассчитывал на положительный ответ – откуда здесь могли быть древние еврейские молитвы? Но оказалось, эти мелодии у Шафера есть. Александрович увёз их с собой, а когда спустя какое-то время эмигрировал в Канаду, то уже располагал вполне готовым репертуаром для своих выступлений подобного рода. Хорошо ещё, что об этой истории не проводали «органы», иначе Шаферу на суде впаяли бы и злонамеренное распространение чуждой нам музыки.

Уже много лет назад в Павлодаре была с концертами Елена Камбурова. Шафер решил подарить ей на память магнитофонную кассету с записями её ранних песен. Одну из них она поёт на пару с Иосифом Кобзоном. Камбурова была просто поражена, поскольку напрочь забыла об этом факте своей биографии. Прослушав «Вальс Февральской революции», редкий, практически неизвестный, она затем включила его в программу собственных концертов.

Однажды о Наталье Михайловне Капустиной написала всесоюзная «Учительская газета». И некая учительница из Горького лично явилась к ним домой, дабы удостовериться: неужели у них с Наумом Григорьевичем всё так и есть, неужели они правда так живут? Неделю прожила у них дома, Шафер день и ночь записывал ей на магнитофон пригласившиеся музыкальные вещи (помимо прочего, ей для уроков истории понадобился лающий голос Гитлера – отыскался и он), а ещё тринадцать кассет дописал после отъезда и отправил уже вдогонку.

Подобных историй не перечесть. У бессребреника Шафера десятилетиями «пасса» весь Павлодар – преподаватели-музыковеды, студенты музучилища, исполнители, театральные режиссёры, многочисленные знакомые, малознакомые и совсем незнакомые люди. А он никому не мог отказать и уж тем более брать деньги. Хотя та же перезапись требовала средств и буквально пожирала время.

Впервые готовя эти заметки к печати, я попросил Наума Григорьевича перечислить – что он «писал» в последнее время. «Вчера целый день переписывал оперу Вагнера «Тристан и Изольда». Родственникам хорошей знакомой понадобилась запись, где главную партию исполняет знаменитая норвежская певица Кирстен Флагстад. Это пять пластинок, десять сторон, по полчаса каждая... Повезли эту запись в Санкт-Петербург. Самое удивительное, что граммофонная версия опе-

ры в этом исполнении (запись 40-х годов) была выпущена именно в Ленинграде, в 1968 году. Но вот там её не смогли отыскать...»

Среди других заявок у Шафера числились: песни и романсы в исполнении Вертинского, ранний рок, музыка Скрябина, мелодии арабских стран... И, наконец... тувинское горловое пение (понадобилось же кому-то!). И всё это в коллекции было, но время, время...

Каюсь, приобщился и я к сонму страждущих припасть к шаферовскому роднику. Наум Григорьевич несколько раз предлагал мне составить список любимых мелодий, которые он готов мне переписать. Я сначала отнекивался, потом долго составлял список... Думаю, он ужаснулся от этой мешанины авторов, стилей, жанров – там были, например, вальсы Хачатуряна и Свиридова, песни Френкеля, Окуджавы и Галича, «Матушка, что во поле пыльно» и даже «Ванька-ключник, злой разлучник» – песня, отрывок из которой я слышал всего один раз и то в нетрезвом исполнении, но, правда, от близкого мне человека... Поразительно, но заказ мой был в точности исполнен... И я, далеко не меломан и музыкально малообразованный человек, очень горжусь этим необычайным подарком. Это – любимая моя кассета.

В коллекции Шафера 400 пластинок – и бьющихся, и долгоиграющих, имеющих прямое отношение к Дунаевскому. От самых первых записей с его мелодиями до самых поздних. Часть пластинок передана Науму Григорьевичу сыном Дунаевского Евгением – они из личной коллекции самого Исаака Осиповича, он держал их в руках, слушал.

Наум Григорьевич показал (и проиграл) одну из пластинок, запечатлевших мелодии Дунаевского. Не совсем обычна история её появления на свет, да и «прописалась» она в этом доме отнюдь не запросто. Пластинка эта была выпущена немецкой фирмой «Полидор» – её французским филиалом – вскоре после того, как фильм «Веселые ребята», музыку к которому написал Дунаевский, был показан на одном из международных кинофестивалей. Так вот, немцы умудрились издать «Марш веселых ребят» и «Сердце, тебе не хочется покоя» на полгода раньше нас, притом на французском языке. Когда об этом узнал Дунаевский, то был раздосадован тем, что у него даже не попросили нот, а сделали собственную аранжировку. И Леонид Утесов, который исполняет мелодии в фильме, остался этим фактом недоволен, о чём сам говорил много позднее Шаферу.

И вот Наум Григорьевич узнаёт о том, что известный коллекционер Л. Волков-Ланнит распродаёт свою коллекцию, где есть и эта

пластинка – предмет давнего вожеления Шафера. Конечно же, он отправился к Волкову. Тот психологически рассчитал всё очень точно и мигом его раскусил: этот торговаться не умеет и не будет. «Если я вам скажу сто рублей, вы ведь всё равно не уйдете...» Это было минимум впятеро дороже каталожной стоимости и практически месячная зарплата Шафера. Конечно, он заплатил, хотя сам отдавал пластинки другим коллекционерам всегда бесплатно (в том числе и уникальные, часть из которых затем утекла за рубеж). А где-то через год при очередной встрече напомнил Волкову-Ланниту известную поговорку про сто рублей и сто друзей. Тот невозмутимо парировал: «Скажите спасибо, что я не запросил тысячу...» Так создавалась коллекция.

* * *

Каким образом Наум Григорьевич умудрялся управляться со своим огромным «музыкальным хозяйством»? Очень просто. «Адреса» очень многих пластинок он знал на память. А на разного рода непредвиденные случаи у него была специальная картотека. Отыскать с её помощью любую нужную пластинку для него не составляло никакого труда. В коллекции, повторюсь, два с лишним десятка вариантов исполнения романса «Только раз бывает в жизни встреча». Но и это не рекорд: «Очи черные» представлены в коллекции почти сотней вариантов исполнения.

Вот в таких и некоторых других «сложных» случаях без картотеки никак не обойтись. В ней пятьсот тысяч карточек. Это никакая не ошибка: в его картотеке действительно полмиллиона карточек. Немыслимо огромное количество. Можете посчитать сами объём проделанной работы: даже если заполнять каждый день (без праздников и выходных) по сто карточек, то на это потребуется около четырнадцати лет. А он всё это делал сам, без чьей-либо помощи.

Почему пластинок двадцать семь тысяч, а карточек полмиллиона? Всё очень просто. Во-первых, на некоторых пластинках может быть до десяти произведений, а, во-вторых, на одну пластинку чаще всего приходится заполнять сразу несколько карточек: по композиторам, исполнителям.

* * *

В новые времена уникальная коллекция стала прорастать уникальными проектами разного рода. В числе таких был и альбом «Мой старый патефон».

В этом альбоме три диска с записями как музыкальных классиков, так и произведений более лёгкого жанра, бытовой музыки, популярных среди самых широких слоёв населения.

Это и самые первые записи 1934 года музыкальных произведений Исаака Дунаевского к кинофильму «Весёлые ребята», о которых уже шла речь.

Благодаря тому, что в коллекции Н.Г. Шафера сохранились пластинки с первыми записями казахских мелодий, появилась возможность представить их в этом сборнике. Это мелодии «Кок шолак» в исполнении Кенена Азербаетова, «Две ласточки» на музыку Евгения Брусиловского в исполнении Куляш Байсейитовой, «Ласточка» на музыку Ахмета Жубанова в исполнении Розы Джамановой, «Шолпан» на стихи павлодарского поэта Н. Шакенова в исполнении братьев Ришата и Муслима Абдуллиных. Одну из таких уникальных сохранившихся пластинок Н.Г. Шафер презентовал в Астане в патефонном исполнении Президенту страны Н.А. Назарбаеву.

В альбом вошли произведения и самого Н.Г. Шафера, который писал музыку с юности под псевдонимом Нами Гитин. Это мелодии «Мой старый патефон» и «Вечерний вальс», написанный в 1947 году в Акмолинске и не раз звучавший по республиканскому радио. А в 2007 году партитура «Вальса» для эстрадно-симфонического оркестра была выпущена издательством «Композитор» Санкт-Петербурга.

Эру патефонной музыки нельзя представить без выдающихся исполнителей Фёдора Шаляпина, Энрико Карузо, Сергея Лемешева, Петра Лещенко, Леонида Утёсова, Розы Баглановой, Клавдии Шульженко, чьи голоса из фонотеки Дома-музея Шафера также звучат в альбоме.

Творчество народной любимицы, певицы Розы Баглановой представлено уникальными записями популярных песен из кинофильмов «Вратарь», «Цирк», «Новый дом», где звучит музыка Исаака Дунаевского. Но в новом альбоме звучат также песни «Если Волга разольётся», «Сон приходит на порог» и «Пути-дороги» на казахском языке, восстановленные с магнитофонных записей из домашнего архива Н.Г. Шафера.

Среди других «изюминок» альбома – песни в исполнении одного из первых казахстанских бардов Виктора Мильто, танцевальная сюита «Балерина» (музыка М. Коллен), а также голос Николая Рубана – кумира любителей оперетт, записанный Н.Г. Шафером в московской квартире исполнителя.

Словом, истинных ценителей музыки ожидало в этом альбоме немало приятных мгновений и открытий. Ведь сохранённые и возвращённые нам мелодии ушедших эпох помогают лучше понять то время и тех людей, ещё раз встретиться с прекрасным миром музыки.

А предисловие к дискам «Мой старый патефон» написал сам Наум Григорьевич. Вот оно: «Чем мы обязаны патефону? Пожалуй, после изобретения книгопечатания самое значительное изобретение человечества – это запечатлённый звук. Никакая нотная фиксация музыкального произведения не в состоянии передать стиль его исполнения: это под силу только искусству запечатлённого звука. Никакое талантливое описание тембра голоса выдающегося оратора, политического деятеля или знаменитого писателя никогда не передаст индивидуальность речевых интонаций: это опять-таки под силу только запечатлённому звуку. От фонографа, граммофона и патефона тянутся нити к современным новейшим средствам, при помощи которых фиксируются на вечные времена звук и изображение. Благодаря этому чуду каждая эпоха предстаёт перед нами во всём многоцветьи своих неповторимых красок.

Чем мы обязаны патефонной пластинке? Прежде всего тем, что задолго до появления магнитных лент, лазерных дисков и прочих современных носителей звука она сохранила для нас в документально звучащем виде тончайшие нюансы прошедшего времени. Ведь если музыка является зеркальным отражением душевных качеств человеческой личности, то пластинка запечатлела не только конкретное произведение, но и эстетические вкусы, и нравственные наклонности общества на определённом этапе его развития.

Хотя в программу данного комплекта дисков включены некоторые образцы «серьёзной» классики, главный упор сделан всё же на бытовую музыку, поскольку она наиболее популярна среди широких слоёв населения. Слушайте и размышляйте... Не слишком ли мы сегодня увлеклись модернистическими течениями, сложными звуко сочетаниями, которые изгнали из нашей народной и «лёгкой» классической музыки её душевность и красоту? Ведь музыкальная культура прежних лет, запечатлённая на патефонных пластинках, помогала нам когда-то ярче жить, смелее действовать, глубже чувствовать... И хочется верить, что патефонная пластинка и сегодня поможет нам найти те нравственные ориентиры, которые неизбежно связаны с подлинным расцветом многосторонней человеческой личности».

* * *

Когда берёшься перечислять сделанное Н.Г. Шафером, не перестаёшь удивляться: как это было возможно? Вот лишь часть – в добавление к сказанному.

Он – автор более трёхсот музыкальных произведений, в том числе оперы «Печорин», первый публикатор драматургических произведений М. Булгакова «Пётр Великий», «Рашель» и многих его либретто, уникальных записей на грампластинке «Исаак Дунаевский в гостях у Михаила Булгакова», книги «Дунаевский в гостях у Булгакова». Им подготовлен и выпущен лазерный диск «Надежды свет», а это первый опыт антологии еврейской песни на русском языке.

Ещё о книгах... Он писал их сам, подчас самые неожиданные. Так, в дополнение к вышедшей в Москве «Дунаевский сегодня» и трёхтому писем И. Дунаевского «Когда душа говорит творчеством», изданному в Астане, вдруг появляется книга «Друзья мои собаки». Как раз в ту пору шла острая дискуссия о том, как бороться с бродячими собаками, и автор выступил таким образом в их защиту. У них самих, кстати, всегда жили дома прилудные собаки и кошки (число последних могло доходить до десятка). Я стал однажды свидетелем того, как Наум Григорьевич выгуливал здорового пса, который тащил хозяина за собой так, что нельзя было понять – кто кого выгуливает.

Многие творческие люди считали Н.Г. Шафера своим наставником: он писал о творчестве Виктора Семерьянова, Бориса Исаева, Сергея Горбунова, написал вступительную статью к одной из моих книг. А Ольге Григорьевой посвятил целый цикл эссе из семи статей под названием «Доверчивые тетради». Его щедрой души, казалось, хватало на всех.

Наум Григорьевич прожил долгую жизнь. В последние годы уже почти не видел, но продолжал работать. А Наталья Михайловна ему читала. Мы повидались с ними незадолго до его кончины, душевно пообщались.

Провожать Наума Григорьевича в последний путь вышел весь просвещённый Павлодар. Очень многим нашлось что сказать на прощании с ним. И возникало ощущение, что у каждого из нас был свой Шафер – так он выстраивал отношения с людьми.

Свою коллекцию он завещал городу. Дом Шафера продолжает работать – служит и будет служить людям.

«ЖИЗНЬ МОЯ – ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»

Так назовёт одну из своих книг
Аби Саркыншаков. И не без
основания...

Очень часто детство определяет всю дальнейшую судьбу человека. Так было и у Аби Саркыншакова. Он рос на затерянном в казахстанских просторах крошечном железнодорожном разъезде в Кызыл-Ординской области. Точно таким, какой описан у Чингиза Айтматова в «Буранном полустанке», – здесь даже поезда почти не останавливались, и жили всего несколько семей железнодорожников.

У него был шанс стать агрономом, журналистом... Но всё-таки он стал железнодорожником. Учиться поехал в Ташкент. Там было в ту пору 15 институтов, он выбрал в институте инженеров железнодорожного транспорта факультет эксплуатации железных дорог. Его – потому что здесь была самая высокая стипендия. А это для него и его немолодых, неграмотных и далеко не богатых родителей имело не последнее значение.

Поступить-то поступил, а как учиться, если занятия велись на русском языке, а он окончил казахскую школу? Так что первое время Аби было очень нелегко, но русским он занимался очень усердно (к нему даже специального преподавателя прикрепили) и постепенно освоил его. Втянулся в студенческую жизнь, выполнял комсомольские поручения, занимался спортом, писал заметки в институтскую многотиражку «За сталинские кадры».

И вот в кармане диплом инженера по эксплуатации железных дорог и направление – на станцию Павлодар. 1956 год. В то время, конечно, и Ташкент был не тем, каким он стал позднее. А что говорить о Павлода-

ре? Деревня деревней. Песок, пыль, одноэтажные домишки, саманушки, почти нет зелени...

Выделялся лишь шестнадцатиквартирный – первый многоэтажный (в три этажа!) дом в городе. Областные и республиканские газеты публиковали снимки строения, неизменно сопровожда подписями такого содержания: растёт, благоустраивается и хорошеет наш Павлодар...

Аби прямо с поезда пошел в отдел кадров, представился. Сказали: есть инженерные должности. А он попросился стрелочником – хотел начать с первой рабочей профессии... Назначили дежурным по парку станции Павлодар.

Как же он мерз в свои первые павлодарские зимы! Он ведь был южанином, да и учился в Ташкенте, где зимой вполне можно было обойтись без теплого пальто и шапки. А тут ветра, бураны, морозы за тридцать и даже в сорок градусов. На работе еще ничего, а дома, ночью... Домом был то один, то другой списанный вагон с печкой-буржуйкой. Пока топшишь – терпимо, а перестал – через час холод до костей пробирает. К холоду он, кажется, так и не смог привыкнуть...

А в остальном жизнь шла своим чередом. Быстро продвигался по службе: дежурный по станции, инженер станции, поездной диспетчер. Кругом было много молодежи, его уже знали, избрали секретарем комсомольской организации... Как-то мы с ним просматривали сохранившиеся с тех лет (1957-1958 годы) протоколы комсомольских собраний. На каком-то из них основательно чехвостили нарушителей трудовой дисциплины. И один из выступавших дословно высказался так: «Можем ли мы доверять таким комсомольцам в то время, когда американские империалисты развязали гонку вооружений и готовятся развязать новую мировую войну?» Вот как ставились вопросы. До оргвыводов тогда дело, правда, не дошло... А секретаря комсомольской организации со временем избрали членом бюро обкома комсомола.

В 1960-м Аби Саркыншакова назначили начальником станции Павлодар. И было в ту пору самому молодому в Казахстане начальнику на такой должности 26 лет. Еще через девять лет – с начала 1969 года – он первый заместитель начальника Павлодарского отделения дороги, с 1975-го – начальник отделения. На этой должности он пробыл больше 20 лет: пришёл в 41 год, а оставил её уже после своего шестидесятилетия.

То есть всю свою жизнь Аби Саркыншаков проработал на одном месте, в Павлодарском отделении железной дороги. Редкий, наверное, исключительный случай для кадровых железнодорожников.

* * *

Помимо всего прочего, жизнь измеряется тем, что человек успел в ней повидать, что успел сделать. И в этом смысле ему тоже повезло. Рос и развивался, меняясь буквально на глазах, город. Несколько настоящих технических революций пережило и некогда провинциальное, захудалое отделение железной дороги. Сначала это происходило с участием Аби, а потом – под его непосредственным руководством.

На стыке шестидесятых и семидесятых годов все мировые информационные агентства облетела сенсационная новость: в Советском Союзе выпущен последний паровоз. В чем сенсация? А в том, что переход с паровозной тяги на тепловозную в стране с такой протяженностью дорог, с такими пространствами сам по себе означал техническую революцию.

Первые три тепловоза марки ТЭ-3 прибыли в Павлодарское локомотивное депо в марте 1961 года. А вместе с паровозами уходили в прошлое грязь, неуют, сутолока... Тепловозы оказались вчетверо производительнее своих старших братьев и наполовину быстрее в скорости.

Теперь это неблизкая история, а для Саркыншакова – один из ярких эпизодов его жизни, как, впрочем, позднее и электрификация одного из самых напряженных участков Экибастуз – Целиноград, замена тепловозов электровозами.

Быстро строили второй главный железнодорожный путь на участке Целиноград – Павлодар, а фактически заодно реконструировали и обустроивали всё сложное железнодорожное хозяйство...

Потом был ЭТЭК – Экибастузский топливно-энергетический комплекс – особая строка в биографии Саркыншакова. Ведь не только угольщики, но и железнодорожники обеспечивали невиданные темпы развития угледобычи. Вот лишь некоторые цифры.

В конце декабря 1954 года в Экибастузе на едва отстроенном угольном разрезе был загружен и первый состав железнодорожных вагонов.

В середине следующего года добыли первую миллионную тонну, через два года – десятимиллионную. В 1965-м добывали уже более 12 миллионов тонн угля в год. После сдачи в 1970 году в эксплуатацию разреза «Богатырь» объемы добычи резко возросли.

В октябре 1978 года добыта 500-миллионная тонна экибастузского угля. К этому рубежу горняки шли 24 года. А миллиардная будет отгружена всего через семь лет.

Ко всему этому павлодарские железнодорожники имеют самое прямое отношение: весь экибастузский уголь грузился в вагоны и отправ-

лялся по железной дороге на 22 тепловые электростанции Казахстана, Урала, Сибири... Это была трудная, иногда на пределе сил, высокопрофессиональная работа. Объем отправляемых грузов в 1984 году составлял около 97 миллионов тонн, в 1985-м – свыше 99 миллионов, в 1986-м превосходили стомиллионный рубеж погрузки. Везили, разумеется, не только уголь, но и ферросплавы, нефтепродукты, глинозём, тракторы и сельхозмашины, строительные материалы. Хотя главным грузом оставался всё-таки уголь.

Чтобы понятнее было, с какими объёмами отправления грузов приходилось иметь дело, Аби Саркыншакович как-то показал мне задание Министерства путей сообщения СССР на суточную погрузку, утвержденное министром Н.С. Конаревым для железных дорог страны. Так вот, в феврале 1987 года Павлодарское отделение с заданием на суточную погрузку в 351 тысячу тонн было на 12-м месте в Союзе среди всех железных дорог (не отделений – дорог!). А позади него было еще целых двадцать дорог, включая такие крупные, как Средне-Азиатская, Восточно-Сибирская, Белорусская, Красноярская, Горьковская, Западно-Сибирская и многие другие.

Подсчитано: за первые тридцать лет своего существования Павлодарское отделение железной дороги увеличило грузооборот в 12 раз, а объёмы отправления грузов – в 90. То есть отгрузка в среднем ежегодно вырастала втрое. Таких темпов прироста не знало ни одно отделение дороги в бывшем Союзе.

Теперь уже мало кто помнит, что в своё время ставилась задача довести добычу угля в Экибастузе к 1990 году до 170 миллионов тонн в год и построить здесь и в районе Балхаша четыре ГРЭС. В этой связи наши железнодорожники поднимали вопрос о строительстве третьего технологического пути на участке Экибастуз – Целиноград, а также о сооружении второго железнодорожного моста через Иртыш в Павлодаре.

Для Саркыншакова ЭТЭК – время пиковых нагрузок, постоянного поиска нестандартных путей выхода из сверхсложных ситуаций, время удивительных технологических находок, настоящих открытий. Именно тогда зарождались и обретали большую жизнь кольцевые маршруты для угольных эшелонов, движение экибастузских тяжеловесников, технологическое содружество угольщиков, железнодорожников и энергетиков под девизом «уголь – вагон – энергия». Тогда прогремела по всей стране затеянная в Павлодаре операция «Ритм». Благодаря ей получил всесоюзную известность казахстанский журналист Гадильбек Шалахметов,

ставший впоследствии пресс-секретарем Президента Н.А. Назарбаева, а затем возглавивший международную телерадиокомпанию «Мир».

О каждом из этих блестящих (осуществленных!) проектов можно написать отдельную книгу. Здесь же вспомним короткой строкой лишь о тяжеловесах.

Большие возможности для вождения тяжеловесных составов открылись с внедрением тепловозной и особенно электровозной тяги. Весьма благоприятствовал этому и рельеф местности – большей частью равнинный, без крутых подъемов и спусков. Уже в начале 1981 года на электрифицированных участках от Экибастуза до Тобола железнодорожники ввели в обращение поезда весом до шести тысяч тонн – почти наполовину тяжелее обычного. Получилось. Чуть позднее провели составы в десять с половиной и двенадцать тысяч тонн. И снова удача. Уже на следующий год тяжеловесные составы в восемь-девять тысяч тонн с углем и бокситами стали едва ли не обычным делом.

– Но мы почувствовали, что можно наращивать вес составов, – вспоминал А.С. Саркыншаков, – и в сентябре 1983 года решили сформировать сверхтяжеловесный поезд, равного которому еще не было за всю историю железных дорог не только в Союзе, но и в мире. Тяжеловес в 15124 тонны преодолел расстояние в 922 километра от Экибастуза до Тобола за 22 часа 45 минут. Поезд, в котором было 162 вагона, растянулся на 2364 метра. Это примерно три нормальных грузовых состава. Виртуозно сработали тогда машинисты – как музыканты в хорошем оркестре!

– Конечно, рекорды не были самоцелью, – уточнял Аби Саркыншакович, – мы стремились оптимизировать угольные потоки из Экибастуза. И благодаря слаженности действий с партнерами, массовому внедрению тяжеловесов добивались этого. В 1981 году Целинной железной дорогой (а большая часть перевозок на ней ложилась на Павлодарское отделение) было проведено 75 тысяч тяжеловесных составов, в следующем – 82 тысячи, в 1983 – около 98 тысяч, а в 1984 – более ста тысяч. В общей сложности это свыше 180 миллионов тонн дополнительно перевезенных грузов... Мы подружились с учеными Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта и в дальнейшем работали в тесном контакте с ними, провели в Павлодаре выездное занятие секции научно-технического общества железнодорожного транспорта страны по обмену опытом вождения тяжеловесов.

Результатом сотрудничества с учеными стала проводка в апреле 1984 года поезда-гиганта с углем весом 30220 тонн. Потом замахну-

лись на 40 тысяч – и потерпели неудачу... Тяжеловес нормально прошел почти весь путь, а на станции Оленты часть вагонов сошла с рельсов. Это ЧП могло похоронить все дальнейшие эксперименты. У министра путей сообщения Н.С. Конарева хватило мудрости и смелости поступить иначе. В его телеграмме-распоряжении, которую сохранил А.С. Саркыншаков, говорилось: «Случай считать исключительным, произошедшим во время уникального эксперимента; продолжить подобные эксперименты по вождению поездов весом 20-25-30-40 тыс. тонн; выбрать наиболее приемлемый вариант...»

Так что министры тоже бывают разные... С Николаем Семёновичем Конаревым, доктором технических наук, академиком, Саркыншаков поддерживал отношения до самой его кончины, хотя по службе они уже никак не были связаны...

20 февраля 1986 года в Экибастузе был сформирован состав из 440 вагонов длиной около шести с половиной километров и весом 43407 тонн. Его вели четыре локомотива. Он без всяких задержек преодолел 300-километровый участок до Целинограда. Об этом сообщили почти все центральные газеты, телевидение и радио.

Комментируя итоги эксперимента, его научный руководитель, член-корреспондент АН СССР, ректор Московского института инженеров транспорта, доктор технических наук В. Иноземцев сказал в интервью одной из газет:

– Локомотивные бригады показали высокий профессионализм. Они успешно испытали новейшую технологию вождения супертяжеловесов... Подобные рейсы дают основания для разработки супертяжеловесных полигонов.

А министр путей сообщения СССР Н.С. Конарев говорил об этом достижении на 27-м съезде КПСС, делегатом которого стал и А.С. Саркыншаков.

* * *

Было время, когда Саркыншаков проводил в Экибастузе времени больше, чем в Павлодаре. В таких случаях его выручал специальный салон-вагон, который служил ему и средством передвижения, и местом для рабочих совещаний, и гостиницей.

Тут, наверно, нужны некоторые пояснения.

Такой салон-вагон полагался ему как начальнику крупнейшего отделения железной дороги. Но вагон Саркыншакову достался особый – в своем роде уникальный. Он был изготовлен в конце прошлого или

начале нынешнего века для российского императора Николая Второго. Затем, по некоторым сведениям, стал одним из вагонов, закрепленных за И.В. Сталиным. Потом на нем ездил один из министров путей сообщения, а когда стали выпускаться новые вагоны особого назначения, «ветеран» достался А.С. Саркыншакову.

Вагон имел просторный отсек для совещаний, комнаты отдыха, душевую, пищеблок, дорогую отделку и т. д. Особой была и его конструкция: он имел вдвое больше колесных пар, снабженных пружинными рессорами, смещенный книзу центр тяжести, бронированные днище, стены и потолок (даже между стекол опускались бронированные пластины). И весил он 98 тонн – в два раза больше обычного пассажирского вагона. Это был вагон-невалышка, вагон – ванька-встанька, который при любых нештатных ситуациях мог превратиться в неприступную крепость и ни при каких обстоятельствах не должен был опрокидываться... А еще он отлично держал тепло, что было тоже немаловажно в наши суровые зимы.

Не один год вагон служил Саркыншакову верой и правдой. Позднее стал одним из экспонатов железнодорожного музея под открытым небом, который задумал создать Аби Саркыншакович.

* * *

Памятные вехи... Сколько их у него было... Какие-то скрыты от стороннего глаза, о них знают лишь немногие. А какие-то – на виду. О них не мешает вспомнить. Те, кто давно живут в Павлодаре, помнят, сколько радости детворе доставляла детская железная дорога, построенная и открытая в 1979 году, к 25-летию отделения дороги. Среди тех, кто стал «локомотивом» этой стройки, был и Аби Саркыншакович. Чего греха таить, имел он при этом и «корыстный» расчет – знал, что не только местом развлечения станет детская железная дорога, но и поможет десяткам мальчишек и девчонок выбрать главное дело в жизни. Для этого, кстати, оборудовали и специальные классы, где занимались в две смены до 600 и более школьников. Затем была открыта детская железная дорога в Экибастузе.

В 1981-м в Павлодаре был создан железнодорожный техникум. А предшествовали этому следующие события. Весной 1980 года А.С. Саркыншакову довелось отчитываться на бюро ЦК Компартии Казахстана. Вёл бюро Первый секретарь ЦК, член Политбюро ЦК КПСС Д.А. Кунаев. Выступление начальника отделения дороги слушал внимательно, заинтересованно. Среди прочих «постановочных» вопросов Саркыншаков упомянул о том, что действующее железнодорожное училище не

справляется с подготовкой кадров для отделения дороги – желательно иметь свой техникум... Меньше чем через полтора года техникум принял первых 120 учащихся. Когда отмечали его десятилетие, на очном и заочном отделениях их было уже почти 1200. По уровню оснащённости Павлодарский железнодорожный техникум мог потягаться и с иным вузом. Все годы своей работы Аби Саркыншакович считал его детищем отделения дороги, помогал, чем только мог. И не только техникуму, но и специализированному профтехучилищу, железнодорожным школам. Очень жаль, что и две детские железные дороги, и даже техникум, а впоследствии колледж – всё это теперь в прошлом, хотя проблема кадров для железнодорожной отрасли стоит очень остро.

* * *

Еще одна веха – железнодорожный вокзал в Павлодаре. С прежним, вторым по счету, построенным в 1956 году, они с Саркыншаковым были как бы одногодками, ведь именно в том году новоиспеченный инженер начал в отделении дороги свою карьеру. Двадцать лет пролетело, пришла пора подумать о здании нового пассажирского вокзала, который бы соответствовал новому облику города.

В 1977 году вбили первый колышек на месте будущей стройки, а осенью 1981-го сдали вокзальный комплекс в эксплуатацию. Кто скажет, что наш железнодорожный вокзал плох? Классно поработали трансстроевцы – они и сегодня вполне могут гордиться этим своим объектом. Помогали предприятия города и области, поддерживали власти. А Саркыншакову запомнилось, как удалось спасти уникальную, единственную в городе дубовую рощицу, посаженную самими железнодорожниками на привокзальной площади еще в 1959 году. Над ней нависала реальная угроза вырубки – по проекту через рощу должна была проходить к новому зданию нитка водопровода. Ругались, спорили, однако нашли решение – пустили нитку в обход. Всегда бы так решалась судьба зеленых насаждений...

В 1988 году сдали новый железнодорожный вокзал в Экибастузе – тоже не худшее здание в городе. И тоже веха. А фирменный поезд «Баянаул» сообщением Павлодар – Алматы – ещё одна тогдашняя инициатива А.С. Саркыншакова – разве не веха? Каких трудов это стоило...

А как не вспомнить про санаторий-профилакторий! Саркыншаков считал совершенно ненормальным, что отделение дороги – одно из крупнейших в стране – не имело своего профилактория. В какие только двери он не стучался, куда только не писал... Даже мандат делегата съез-

да КПСС использовал – как таран... Не помогло... Выход нашли такой: построили пионерский лагерь – самый крупный в отрасли. На его базе и развернулись. Отстроили спальный корпус, грязелечебницу, наладили отпуск всех лечебных процедур, начали разливать свою минеральную воду, имеющую лечебные свойства. Со временем туда поехали отдыхать не только павлодарские железнодорожники. Но и этого социально-лечебного комплекса со временем не стало: железной дороге было предписано правительством отказаться от «непрофильных активов».

...Да, железная дорога тогда – это не только рельсы, вагоны, локомотивы. Комплекс социальных объектов, которыми располагало Павлодарское отделение во времена Саркыншакова, насчитывал сотни многоэтажных жилых домов, на его балансе было 27 детских садов, одиннадцать школ, профтехучилище, техникум, две больницы и две поликлиники... А еще Дворец культуры, бани, фельдшерско-акушерские пункты, тепличный комплекс, подсобный цех... Всего, кажется, и не перечислить... Особенно большой рывок был сделан в строительстве жилья, детских дошкольных учреждений. Проблема с жильём для железнодорожников была к 1995 году практически решена, а ведь тогда здесь работали около 18 тысяч человек. Детских садов понастроили с запасом. И каких садов – с улучшенными условиями содержания детей, бассейнами... Всё это социальное хозяйство служило, служит и будет служить людям. Не одним железнодорожникам. И это лучший прижизненный памятник Саркыншакова самому себе.

* * *

Он всегда был общественным человеком. Охотно выполнял комсомольские поручения в институте и на станции Павлодар. В 24 года стал депутатом городского Совета – самым молодым в его составе. Был членом горкома и обкома партии, членом бюро обкома партии. Избирался депутатом областного Совета многих созывов и депутатом областного маслихата. Его членство и депутатство никогда не было простым приложением к должности – он всегда всерьёз и с охотой работал в секциях и комиссиях, считая это своим долгом перед теми, кто его выдвинул или избрал...

Он был делегатом XXVII съезда КПСС от Павлодарской области. Что бы теперь ни говорили о той партии, а на свои форумы она действительно направляла лучших людей страны. Из руководителей-производственников среди делегатов того съезда оказалось лишь трое – А.С. Саркыншаков, генеральный директор «Экибастуэнерго» Б.Г. Нуржанов и директор сельхозобъединения «Черноярское»

В.М. Симонов. Делегатом на съезд от Павлодарской области был также избран Олжас Сулейменов.

Съезд больше всего запомнился Аби Саркыншаковичу тем, что он собрал вместе огромное количество людей, известных подчас не только всей стране, но и всему миру: пять тысяч делегатов, делегации из 152 стран...

В перерывах между заседаниями можно было встретиться с Фиделем Кастро и Тодором Живковым, Эрихом Хонеккером и Николаем Чаушеску... Были тут Янош Кадар, Войцех Ярузельский, Бабрак Кармаль... Многих давно нет в живых, причем судьба иных сложилась весьма трагично.

Саркыншакова больше привлекали свои – те, с кем и не был лично знаком, но кого хорошо знал. Например, по книгам, к которым тянулся с детства. Подходил к Чингизу Айтматову, Расулу Гамзатову, Александру Чаковскому, Сергею Михалкову, Георгию Маркову, Егору Исаеву. Все они – знаковые люди того времени – также были делегатами съезда. Довелось ему пообщаться с прославленным летчиком, трижды Героем Советского Союза Иваном Никитовичем Кожедубом.

Запомнилась встреча с министром путей сообщения СССР Николаем Семеновичем Конаревым, который после очередного съездовского дня принимал в министерстве делегатов-железнодорожников. Для Аби Саркыншаковича это была вдвойне приятная встреча: министр знал его лично и вообще немало сделал для развития Павлодарского отделения Целинной железной дороги. А ещё эта встреча стала памятна тем, что на ней присутствовал летчик-космонавт Виктор Петрович Савиных, как оказалось, бывший железнодорожник.

Космонавты – делегаты съезда Валентина Терешкова, Георгий Береговой, Алексей Елисеев, Николай Рукавишников, Петр Климук, Владимир Шаталов оставили у Саркыншакова впечатление людей скромных, эрудированных, напрочь лишенных высокомерия. А после посещения Звездного городка чувство уважения к ним только усилилось.

Навсегда осталась в его памяти встреча в Центральном доме литераторов с писателями и поэтами – делегатами съезда. Аби Саркыншакович всегда с трепетом относился к хорошей книге, а тут ему довелось послушать, как читают свои стихи Роберт Рождественский и Николай Доризо, Евгений Долматовский и Андрей Дементьев, Олжас Сулейменов, Александр Межиров и Егор Исаев... На другом вечере его просто покорила своими песнями и музыкой обаятельнейшая Александра Пах-

мутова, перед делегатами также выступили Ян Френкель, Давид Тухманов, Андрей Эшпай, Микаэл Таривердиев, Андрей Петров...

Ни одного вечера он тогда не оставался в гостинице – обошел многие музеи, побывал в театрах. И тот съезд, помимо всего прочего, остался в его памяти как праздник общения, праздник встречи с той Москвой, какую он до этого почти не знал...

* * *

Кто-то очень верно подметил: часы тянутся, дни бегут, а годы летят... Вот так и Аби Саркыншакович будто и не заметил, как пролетели сорок с лишним лет, проведенных им на Павлодарском отделении железной дороги. Сколько всего было за эти годы!

О важнейших вехах в становлении и развитии отделения дороги рассказывается в книге Саркыншакова «40 памятных лет». Правда, о нём самом в этой книге сказано немного – больше о сугубо производственных делах и о людях, которые немало сделали для развития этой отрасли в Павлодарской области.

Судьба сводила его с очень разными людьми. Например, в начале своей железнодорожной карьеры довелось встречаться с бывшим главой союзного правительства Г.М. Маленковым, сосланным в Экибастуз. Там он работал директором ТЭЦ, а Саркыншакову по роду службы приходилось иметь дело с грузами для ТЭЦ и её железнодорожным хозяйством. Ему запомнилась такая черта в Маленкове: никогда не забывал поблагодарить за любую, казалось бы, самую мелкую услугу. В случае острой производственной необходимости Маленков направлял на то или иное предприятие своего представителя с запиской – и ему, как правило, не отказывали. Уезжали из Экибастуза Маленковы тоже на поезде. Г.М. Маленков попросил железнодорожников выделить ему два больших контейнера – как оказалось, для книг.

В своё время открыли А.С. Саркыншакова поддержка Д.А. Кунаева на бюро ЦК Компартии Казахстана. И обстановка, в которой проходил отчет начальника отделения дороги, и заинтересованное участие в обсуждении вопроса самого Динмухаммеда Ахмедовича, его расспросы и дальнейшая поддержка – это был и своего рода урок, пример для подражания.

Не раз пересекались пути А.С. Саркыншакова и Н.А. Назарбаева. В бытность Нурсултана Абишевича секретарем ЦК Компартии Казахстана по промышленности Саркыншаков показывал ему, как куратору отрасли, своё железнодорожное хозяйство, локомотивное депо станции Павлодар, другие объекты. Н.А. Назарбаев не забыл той поездки, и ког-

да им в дальнейшем приходилось встречаться – на XXVII съезде КПСС, XVII съезде Компартии Казахстана, во время поездок Президента Казахстана по области – он интересовался делами железнодорожников. А.С. Саркыншаков присутствовал на присяге первого Президента республики при его вступлении в должность 10 декабря 1991 года.

За время работы Саркыншакова в области сменилось семь первых секретарей обкома партии, один глава областной администрации и два акима области. И со всеми ему удавалось находить общий язык, потому что во главу угла он всегда ставил дело.

У него были отличные отношения с начальниками Западно-Сибирской и Южно-Уральской железных дорог А.К. Бородачом, В.И. Старостенко, И.П. Воробьевым, начальниками Новосибирского, Омского, Алтайского, Петропавловского отделений дорог (в разные годы) В.Ф. Зайко, П.Ф. Мысыком, И.И. Батаниным, Р.А. Бикбавовым, С.М. Пожарским, В.А. Регером, В.Н. Териховым и другими. Многие из них приехали в Павлодар на его шестидесятилетие. О коллегах-казахстанцах и говорить не приходится – почти все они давно признали старшинство Саркыншакова.

После распада Союза именно личные контакты, прежняя дружба помогали ему решать проблемы, перед которыми подчас оказывались бессильны власти регионов и даже правительства.

* * *

В 1996 году он оставил пост начальника Павлодарского отделения, но не расстался с железной дорогой, став генеральным советником Министерства транспорта и коммуникаций республики, а впоследствии – членом консультативного совета АО «Қазақстан темір жолы». Он оставил после себя прекрасное наследство: техническая оснащенность предприятий дороги, уровень развития социальной сферы имеют запас прочности на многие годы вперед.

Одна из уже упоминавшейся его книг называется «Жизнь моя – железная дорога». Так оно и есть. Железной дороге он отдал больше шестидесяти лет жизни и служил ей до конца дней. А их общий «железнодорожный стаж» с женой Толеурыз Садвокасовой, которая тоже всё время работала в этой отрасли, «зашкаливает» за 100 лет. Дочь Гаухар окончила Академию транспорта и коммуникаций и тоже трудится на железной дороге.

У него были все основания считать свою жизнь вполне удавшейся, а себя – счастливым человеком, состоявшимся в профессии, достой-

ным главой семьи, отцом, дедом и прадедом. Ему очень много удалось сделать, он не обделен наградами, среди которых советские ордена «Знак Почета», Октябрьской Революции и Ленина, многие медали. Он – заслуженный работник транспорта республики, почетный железнодорожник СССР. Есть и награды суверенного Казахстана – ордена «Құрмет» и «Парасат». Вполне заслуживал звания Героя Труда, о чём ходатайствовали и его коллеги-ветераны, и руководство региона. Остаётся сожалеть, что они не были услышаны. Ведь он, оставив пост, продолжал служить родной отрасли и республике.

Проблемы железной дороги он воспринимал как свои личные и неустанно писал о них в республиканских изданиях, местных газетах.

Благодаря Аби Саркыншаковичу была сохранена обширная библиотека, созданная в своё время при Павлодарском отделении железной дороги, – единственная из подобных существовавших в советское время в республике.

За последние десятилетия на территории области осуществлены при активнейшем участии А.С. Саркыншакова уникальные проекты. Построена железная дорога Аксу – Дегелен, на открытии которой присутствовал Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, назвавший Аби Саркыншаковича своим другом.

Много лет добивался А.С. Саркыншаков электрификации участка Астана – Павлодар. Осуществилась и эта его давняя мечта. При его активном содействии стал курсировать между Астаной и Павлодаром современный, комфортабельный скоростной электропоезд.

Благодаря Аби Саркыншакову в Павлодаре появились уникальные исторические объекты – «вагон Победы», найденный на одной из станций, изношенный до ветхости. На таких ехали на фронт и с фронта солдаты. Он был реставрирован силами павлодарских железнодорожников. Как и установленный на перроне железнодорожного вокзала старый паровоз, где-то найденный Саркыншаковым и обновлённый на предприятиях дороги.

Не один год пробивал Аби Саркыншакович создание в Экибастузе вагоностроительного завода, который стал выпускать современные грузовые вагоны для отрасли. Он также содействовал открытию предприятия по выпуску дефицитных в республике колёсных пар, стрелочных переводов, железнодорожных рельсов и другого крайне нужного оборудования для отрасли.

А ещё он был широко образованным человеком, всегда много читал – как на родном ему казахском, так и на русском языке. У него была одна из лучших домашних библиотек в городе. А его обширный железнодорожный архив ещё ожидает своих исследователей.

Мы с ним тесно общались более трёх десятилетий, подготовили к изданию четыре его книги: «40 памятных лет», «Люди и встречи», «Жизнь моя – железная дорога», «Я вам расскажу». На первую тепло отозвался письмом бывший министр путей сообщения СССР Н.С. Конарев:

«Дорогой Аби!

С большой радостью получил твою замечательную книгу... Молодец! Если бы каждый начальник отделения, начальник дороги и даже министр последовал твоему примеру, то железнодорожный транспорт получил бы мощную артерию жизненно важной информации и для истории, и для воспитания молодого поколения.

Что особенно важно в твоей книге? Это добрая память о людях, событиях и свершениях. Я не нашел в ней ни единого недоброго слова о руководителях дороги, республики, страны или министерства. Это говорит о высокой культуре автора, о его порядочности и природном такте, спасибо тебе за всех, о ком вспомнил и рассказал людям.

Прочтя книгу, я вспомнил то созидательное время конца 70-х и 80-х годов уходящего столетия, когда шла активная работа всей страны Советов по дальнейшему освоению целины, угольных месторождений Экибастуза, строительству новых электростанций, каналов, железных дорог, предприятий черной и цветной металлургии, машиностроения, приборостроения, атомной энергетики, освоению новых сырьевых баз и, конечно, объектов по освоению космоса.

Это было время великих преобразований, и я рад, что во всём этом мы с тобой оставили свой конкретный след. Большим достоинством книги является и то, что автор на первый план поставил задачу показать роль простых тружеников Казахстана, их самоотверженный труд, переходящий в настоящий подвиг!

Я не могу забыть, как мы форсированным темпом строили вторые железнодорожные пути, электрифицировали линии на таких важнейших направлениях, как Целиноград – Экибастуз – Павлодар; Мойнты – Чу; на Кзыл-Ординском ходу; Целиноград – Кокчетав... Всего не перечсть...

А сколько было сделано в области совершенствования технологии во всех производственных процессах железных дорог! Стоит только упомянуть о создании новой технологии вождения тяжеловесных поездов, ставшей достоянием всей страны и мировой практики! Ведь это была настоящая эпопея – симфония труда!

Жилье, школы, детские сады, интернаты, дома отдыха, профилактории, Дворцы культуры, вокзалы, сельскохозяйственные комплексы! И над всем этим возвышается образ великих людей того времени как Казахстана, так и всего Советского Союза!

И очень хорошо, что есть такой человек, как Аби Саркыншаков, который не только вспомнил то время, но честно воздал должное этим людям, доведя до сведения своих современников всю правду.

Твою книгу прочли все члены моей семьи, и они тебе благодарны за доброе слово обо мне – одном из тех, кто всей душой и сердцем старался быть максимально полезным социалистическому Отечеству!

В конце своей книги ты пишешь о том, что у тебя много друзей за пределами Казахстана и что ты этим гордишься как патриот Казахстана – это верно. И подтверждением этого является тот факт, что автор этого письма – твой настоящий, искренний друг.

Ты пишешь, что такое богатство – иметь много друзей – тебе дала твоя работа – железная дорога. Она мне тоже дала много друзей, среди которых Аби Саркыншаков в первом ряду!

Я часто говорю: лучшие люди страны – из железнодорожной семьи! И твоя книга – яркое подтверждение сказанному!

А поэтому служи железной дороге столько, сколько духа хватит!

Желаю тебе здоровья, счастья и всяческого благополучия!

Обнимаю тебя, твой друг Н. Конарев.

04.09.96 года, г. Москва».

* * *

Я был одним из последних, с кем разговаривал Аби Саркыншакович за несколько дней до своей кончины. И говорили мы о содержании очередной его статьи для «Звезды Прииртышья». Я выполнил его последнюю волю: статья вышла в свет, хотя ему уже не суждено было её увидеть.

Говорят, что незаменимых людей не бывает. Но это не так: никто и никогда не заменит нам, его современникам, Аби Саркыншаковича Саркыншакова.

СТРОИТЕЛЬ СОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Павлодар никогда не был обделён яркими, талантливыми людьми. В их числе и блестящие руководители, организаторы производства – истинно государственные люди советского времени. Но и среди таких выделяется своей биографией, огромными заслугами перед областью строитель Борис Алексеевич Веселов.

Когда я попросил его вспомнить что-то светлое из детства, он ответил: «Детства у меня, можно сказать, не было, – и пояснил: – Была война, голод и холод, полунищенское существование... Отец ушёл на фронт на второй день войны и вернулся лишь в 1945, когда она закончилась».

Борису тогда было 12 лет, старшему брату Владимиру – 14.

Мать поднимала их одна. Отец умер в 1947 году, практически на руках у Бориса, которому исполнилось в ту пору 14 лет. И никогда ему не забыть тех трагических часов... 1947 год... По воспоминаниям Б.А. Веселова, в чём-то он был даже хуже военных лет: всеобщая разруха, лишения, всё тот же голод. Борис с отцом поехали за продуктами. Отец был знатный на всю округу портной, а рассчитывались с ним за работу кто чем мог. На этот раз была картошка – килограммов двадцать. Отец пересыпал её в специальную сумку и нёс её сам, повесив на плечо. На станцию, чтобы ехать к себе в Иваново, пришли вечером, а поезд ожидался только утром. И они сели в попутный товарняк – двери в одном из пустых вагонов были открыты.

Ранним утром, ещё только солнце всходило, дремавшего Бориса словно что-то толкнуло. Он сразу понял – с отцом происходит неладное. Но что он мог сделать? Так вместе с умирающим отцом и ехал... В Иваново товарняк на вокзале не остановился, и лишь на сортировочной станции Борис смог спрыгнуть и, крикнув стрелочникам: «Папа умер!» – побежал домой. И бежал 13 километров, не останавливаясь. А потом вместе с матерью – обратно. Мать как была босиком – так и бежала. На сортировочной им сказали, что отца увезла «скорая», и они думали, что ещё есть надежда... Но в больнице услышали: отец в море.

Когда Борис в тот же день снова оказался дома, стоять он уже не мог. Так перегрузил ноги, что, пытаясь встать, падал...

Так что можно понять горькие слова Бориса Алексеевича о том, что детства у него не было... Но как ни тяжело им троим приходилось, а матери особенно, оба брата выучились: младший закончил коммунально-строительный техникум, старший – художественное, а позднее – авиационное училище.

Борис в техникуме занимался спортом, стал даже чемпионом Ивановской области по лыжным гонкам, перворазрядником, имел разряд и по стрельбе. Уверен – стал бы и мастером, но работать после техникума пришлось в Ашхабаде, а там какие могут быть лыжи?

В Ашхабад он попал по спецнабору Министерства внутренних дел СССР – взяли всего десятерых из 160 выпускников. Так Борис оказался в составе Туркменского военно-строительного отряда. Свою роль сыграло при этом, вероятно, и то, что диплом он защитил на отлично и физически был хорошо развит. Борис попал в роту, которая восстанавливала (а по сути отстраивала заново) объекты «по линии МВД», пострадавшие после разрушительного землетрясения 1948 года в Туркменистане, унесшего жизни десятков тысяч человек. Этими объектами стали пограничные заставы, комендатуры.

Когда эта работа была закончена, роту расформировали. Борис рвался домой, но его, человека военного, направили в Павлодар. Ехал с молодой женой через Ташкент, Акмолу. Новый, 1956 год встретили в поезде, а утром 1 января были в Павлодаре.

* * *

Тот Павлодар произвёл на уже кое-что повидавшего в жизни молодого строителя-лейтенанта удручающее впечатление. Во-первых, был дикий мороз – минус 42 градуса, а он в шинели, хромовых сапогах. В магазинах – шаром покати, жить негде. Но как-то надо было устраи-

ваться... Сняли крохотную комнатку. Отыскал управление «Павлодарстрой», располагавшееся на территории, где впоследствии был завод столовых приборов, в составленных буквой П «телячьих» вагонах, которые отапливались «буржуйками».

Здесь он проработал с 1956 по 1960 год прорабом, старшим прорабом, начальником участка. Затем был назначен главным инженером строительного управления №12 и вскоре возглавил это управление.

За скупыми строчками послужного списка – жизнь, которую трудно себе представить нынешнему поколению. Но эта жизнь – Бориса Веселова и других тогдашних строителей: Василия Андреевича Шапкина, Павла Васильевича Латышева, Исаака Борисовича Капустянского, Петра Павловича Богатова, Михаила Михайловича Полякова, Иосифа Семёновича Демидовича, Григория Яковлевича Голкова, Александра Васильевича Ломова, Валентина Александровича Абрамовича, Анатолия Устиновича Воробьёва – дала начало нынешнему индустриальному Павлодару.

Наш город той поры был одной большой деревней: почти сплошь одноэтажный, убогий, состоящий большей частью из приземистых мазанок. В домашнем архиве Бориса Алексеевича сохранился снимок городской улицы, запечатлевший эту картину.

Весной и летом, особенно в пору ненастья, городишко утопал в грязи. Летом его заносило пылью. Автобусного движения ещё не было, но можно было доехать куда надо на извозчике. Не было никаких коммунальных сетей, канализации, телефонной связи. Не было водопровода. Воду черпали из Иртыша и развозили на лошадях бочками, продавали по 50 копеек за ведро. А когда по улице Ленина проложили первый водопровод, водовозы-частники, теряя доход, стали выводить его из строя. И власти вынуждены были организовать охрану водопроводных колонок.

Самым заметным, значительным зданием в Павлодаре был трёхэтажный шестнадцатиквартирный дом, построенный, кстати, из кирпича разобранного православного собора.

И вот этот провинциальный, захудалый городишко предстояло превратить в индустриальный центр с развитой социальной инфраструктурой. Мало кто знает, что первыми помощниками вышеназванных организаторов строительства нового Павлодара и, без преувеличения, главной рабочей силой тогдашних ударныхстроек стали ээки – заключённые люди, отбывающие сроки на стройках народного хозяйства.

Павлодар застраивался тогда так называемыми строительными районами, и каждый из них становился, по сути, большой зоной. Первый строительный район, куда зачислили прорабом лейтенанта Бориса Веселова, застраивал Северную промышленную зону города. Вся эта строительная площадка и строящаяся ТЭЦ-2 были окружены колючей проволокой, за которой и работал «спецконтингент».

Борис Алексеевич рассказывает, что жили зэки в палатках, даже зимой, и выполняли практически все общестроительные работы. Верховодили в двух тогдашних колониях, которые называли зонами, воры в законе. Сами они не работали, но «зоны держали», обеспечивая в них свой порядок, что, в общем-то, устраивало и строительное начальство, для которого главным было выполнение поставленных задач, то есть сдача объектов в срок.

Борис Алексеевич застал те времена, когда действовала система так называемых зачётов: при выполнении, а особенно перевыполнении норм выработки срок отсидки зэку сокращался: день за два или даже три. А поскольку многие сидели либо безвинно, либо за мелкие проступки (сроки же отсидки огромные – 10-15 и даже 25 лет), люди готовы были рвать жилы, чтобы как можно быстрее покинуть ненавистную зону... Именно поэтому главными ударниками труда на первых главных павлодарских стройках были именно зэки. «Само собой, и приписки случались, но, по справедливости говоря, – вспоминал Борис Алексеевич, – зэки трудились тогда на стройках выше всяких похвал, требовали работы, позволяющей им добиться самого высокого зачёта – 1:3».

А когда систему зачётов отменили и стимула не стало, зэки потеряли интерес к работе. К тому же со временем и «спецконтингент» на стройку пошёл совсем другой – ворьё, шпана, уголовники, которые работать не умели и не хотели, а потому прежней ценности для строек не представляли. Скорее, наоборот.

Обо всём этом можно было бы не писать. Но эта неприглядная страница истории становления индустриального Павлодара много лет замалчивалась. Вряд ли когда-нибудь поставят памятник первостроителям нового Павлодара – зэкам. Но мы, сегодняшние жители, должны знать: в том, что было создано в те годы в Павлодаре, есть немалая доля подневольного труда этих людей. По прикидкам Б.А. Веселова, их насчитывалось на тогдашних стройках Павлодара до десяти тысяч. Они начинали строить тракторный (тогда ещё комбайновый), химический, нефтеперерабатывающий заводы и другие объекты.

И, чтобы уже закончить эту тему, приведу еще одно воспоминание Б.А. Веселова. В строительстве объектов первой очереди Павлодарского алюминиевого завода также принимал участие «спецконтингент». Его привлекли как раз тогда, когда власти поняли, что никаким образом, призывами к молодёжи ехать на великие стройки коммунизма прорех в строительстве не закрыть. И тогда Веселов решил убрать арку на въезде к объекту, провозглашавшую, что это Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

Все тогдашние главные стройки в Павлодаре курировало всемогущее Министерство внутренних дел СССР – государство в государстве. Даже снабжение в строительных районах было своё, закрытое для других горожан. И те нередко обращались к имевшим доступ с просьбой прикупить чего-нибудь дефицитного для своих семей в магазинах «Павлодарстроя», поражавших ассортиментом продуктов по сравнению с обычными городскими.

* * *

Первый строительный район, в котором, напомним, Б.А. Веселов прошёл путь от прораба до начальника стройуправления №12, создавал базу строительной индустрии – комбинаты по изготовлению железобетонных изделий, а также деревообрабатывающий комбинат, ремонтно-механический завод, котельную, мебельную фабрику.

Уже в 1960 году город располагал годовыми мощностями: по выпуску сборного железобетона – на 53 тысячи кубометров, обожженного кирпича – на 50 миллионов штук, силикатного кирпича – на 110 миллионов, изделий крупнопанельного домостроения – на 35 тысяч квадратных метров.

Со временем Павлодар создал одну из лучших в республике баз стройиндустрии, и здешний железобетон шёл на другие стройки республики и даже на строительство БАМа – Байкало-Амурской магистрали.

А в ту пору, когда всё только начиналось, строительных материалов и конструкций не было. Их везли из городов Сибири – Новосибирска, Красноярска, Ангарска и других.

Город испытывал острейшую нехватку жилья. Специалисты аппарата управления жили сначала в наскоро построенных бараках, потом начали застраивать двухэтажными сборными домами Аллюминстрой. А управление, в котором работал Б.А. Веселов, стало возводить первые крупнопанельные дома. Эту технологию павлодарцы освоили одними из первых в Казахстане и со временем возводили такое жильё небыва-

лыми темпами. Так, бригада Василия Бузова построила шестидесяти-квартирный жилой дом всего за месяц.

* * *

С 1961 по 1962 год Б.А. Веселов – начальник строительного управления №4, которое начинает сооружение будущего тракторного (в то время комбайнового) завода. Тогда были заложены фундаменты основных цехов, введен ряд объектов вспомогательного назначения. Построены ремонтно-литейный цех, цех нестандартизированного оборудования и другие объекты.

В 1962 году управление строительства «Павлодарстрой» и трест «Алюминстрой» были объединены в трест «Павлодарпромстрой». Б.А. Веселов возглавил самое крупное управление №1 этого треста, которое возводило алюминиевый завод, и руководил им до 1969 года. Одной из главных строек той поры стал этот завод. В 1964 году первая очередь завода была введена в эксплуатацию, и отсюда ушёл на дальнейшую переработку первый эшелон с павлодарским глинозёмом. За пуск первой очереди завода Б.А. Веселова наградили орденом Трудового Красного Знамени.

На строительстве алюминиевого завода Борис Алексеевич работал до вывода предприятия на полную проектную мощность.

Чего только не было за эти годы! И опять Борис Алексеевич вспоминает добрым словом заключённых, которые буквально спасли стройку на её первом этапе. Потом им на смену пришли условно освобождённые. Их амнистировали, но с условием, что они отработают оставшуюся часть срока на важнейших стройках народного хозяйства. Из них формировали целые бригады, которые трудились выше всяких похвал, а некоторые даже были впоследствии отмечены государственными наградами за участие в строительстве алюминиевого завода.

О важности Павлодарского алюминиевого можно судить и по такому факту: чтобы ознакомиться с ходом строительства на месте, в Павлодар приезжал с большой свитой Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. У Б.А. Веселова сохранился снимок, на котором он ведёт за собой по стройке всю эту внушительную делегацию.

Забегая вперёд, скажу, что почти все крупнейшие павлодарские предприятия, строившиеся в ту пору в Павлодаре и области (алюминиевый, тракторный, химический, нефтеперерабатывающий, ферросплавный заводы), были союзного значения, сооружались по специальным постановлениям Правительства СССР. А потому оставались на

контроле и в ЦК КПСС, и в Совете Министров СССР. Не только местное начальство и строители отвечали за них головой, но и союзные министры. Важно было и то, что каждое постановление Совмина СССР сопровождалось приложением о выделении материально-технических ресурсов – металла, механизмов, транспорта. В те годы в Павлодар приезжали и председатель Госплана СССР Н. Байбаков, и руководители министерств. Как-то на Павлодарский алюминиевый завод приехал десант сразу из пяти союзных министерств, среди которых были министры П.Ф. Ломако (Минцветмет), Н.В. Голдин (Минтяжстрой), Н.А. Щелоков (МВД) и другие. Они сопровождали А.Н. Косыгина.

«Обсуждали ход строительства, докладывал в том числе и я, – вспоминал Б.А. Веселов, – сказал также о проблемах, разного рода сложностях... Косыгин вдруг спрашивает меня: «А кроме перечисленного, у вас есть ещё какие-то просьбы?» – «Мне по стройкам не на чем ездить», – отвечаю. Он даёт поручение помощнику: «Выделить «Волгу» и «УАЗ». Поручение было выполнено буквально через несколько дней. Я послал водителя в Горький, чтобы он пригнал машину. И угодил в журнал «Крокодил»: вот, мол, большой начальник не мог дожидаться, пока персональную «Волгу» ему доставят, водителя срочно командировал. Потом, кажется, в обкоме партии ответ сочиняли, но меня даже не наказали».

...Возвращаясь к Павлодарскому алюминиевому заводу, скажем: в том, что завод в бытность СССР многие годы был лучшим в отрасли, есть безусловная заслуга тех, кто его таким построил. В том числе тогдашнего начальника генподрядного управления №1 Бориса Алексеевича Веселова. А сам он был рад позднее тому обстоятельству, что завод и теперь работает как часы, развивается, добавив к действующему производству новое – электролизное, благодаря которому у Казахстана есть собственный алюминий.

* * *

В 1969 году Б.А. Веселов получил новое назначение – стал управляющим трестом «Павлодарпромстрой». Трест и его подразделения продолжили строительство промышленных объектов города.

В 1971 году постановлением Правительства СССР был создан трест «Павлодартракторострой», возглавил который Борис Алексеевич. Главная задача нового крупного строительного объединения читалась уже в его названии. К 1977 году строительство тракторного завода было в основном завершено: введены в эксплуатацию цехи – чугунолитейный,

сталелитейные №№ 1 и 2, кузнечный цех. Одновременно велось строительство нефтеперерабатывающего завода.

Б.А. Веселов показывал мне снимок – панораму строительства тракторного завода, по которой можно судить о грандиозном размахе этой стройки. Многие здешние объекты были просто уникальны. Например, сталелитейные и чугунолитейные цехи были сооружены в двух уровнях. И когда их увидел тогдашний министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения И.Ф. Сеницын, то назвал их настоящими дворцами по сравнению с теми, в которых работали волгоградские тракторостроители.

Нелишним будет напомнить, что на Павлодарском тракторном заводе руками строителей, монтажников, других специалистов были созданы мощности по выпуску более 50 тысяч тракторов в год. В годы пиковых нагрузок здесь работало более двадцати тысяч человек, а всего с конвейера завода сошло свыше 700 тысяч тракторов, которые работали на всей территории СССР – от Дальнего Востока до Прибалтики и от Севера до Средней Азии. Шли они и за границу. И, конечно, болела душа у первостроителя тракторного, когда завод стал разваливаться, а затем и вовсе прекратил своё существование.

В 1977 году в связи с уменьшением объема работ на тракторном заводе и резким увеличением их на строительстве нефтеперерабатывающего трест «Павлодартракторострой» сменил вывеску на «Павлодарнефтестрой», а затем был создан укрупнённый трест «Павлодарпромстрой», принявший под своё крыло «Нефтестрой», «Павлодархимстрой». Руководить объединённым трестом было доверено опять же Б.А. Веселову. До 1979 года трест завершил первую очередь строительства нефтеперерабатывающего завода с объемами переработки шесть миллионов тонн нефти в год.

Это было событие союзного значения. Газета «Правда» вышла 19 января 1979 года с фоторепортажем на первой странице, посвящённом пуску первой очереди завода, и приветствием Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева коллективам нефтепереработчиков, строителей, монтажников, всем участникам строительства и освоения первых мощностей предприятия. За строительство и ввод в эксплуатацию нефтеперерабатывающего завода Борис Алексеевич стал лауреатом премии Совета Министров СССР.

Параллельно подразделения треста строили новые объекты на павлодарских алюминиевом и химическом заводах, ввели несколько школ в Павлодаре.

Знакомясь с послужным списком Б.А. Веселова, невольно обращаешь внимание на то, что строительные управления и тресты, которыми он руководил, всё время бросали на прорыв, на самые главные объекты.

– Время такое было, – пояснял Борис Алексеевич, – мы все тогда так работали: не считались со временем, ничего не боялись, понимали значение того, что мы делали, чувствовали свою ответственность.

– И неужели никогда не срывали сроков, всё и всегда сдавали в срок?

– Нет, конечно, всякое бывало. Если мы «вели» одновременно несколько крупных объектов и я видел, что где-то мы точно не успеваем, то уже со второго полугодия группировал главные силы на объектах, которые сдать могли. И сдавали! И ещё: все директивные стройки обязательно подкреплялись ресурсами. Та же Москва нас не только контролировала, но и помогала. Как и наши партийные и советские органы. Первый секретарь обкома партии Борис Васильевич Исаев сам объезжал стройки и предприятия, я ездил с ним – показывал, рассказывал, если надо, просил помощи и получал её. Стройкам постоянно оказывали помощь другие руководители партийных и советских органов – председатель облисполкома Махмет Каирбаевич Каирбаев, заместители председателя облисполкома Евгений Григорьевич Азаров, Евгений Иннокентьевич Гордов, секретарь обкома партии Михаил Матвеевич Макеев, председатель горисполкома, а затем заместитель председателя облисполкома Александр Васильевич Рюмкин и другие. Так что, можно сказать, работали мы в одной упряжке.

* * *

Крупное строительство, которое велось в Павлодаре более 40 лет, способствовало формированию целой плеяды крупных руководителей. В их числе были Леонид Давыдович Бродский, Николай Иванович Чмых, Владимир Львович Гольбрах, Валентин Александрович Абрамович, Юрий Михайлович Калугин, Александр Владимирович Гальченко, Алексей Иванович Кустов, Артур Никандрович Холодов, Виталий Дмитриевич Мезько, Иван Григорьевич Кочерида, Михаил Михайлович Кушнир. Достигнутые в строительстве успехи были невозможны без самого активного участия монтажных организаций и заказчиков. Неоценим вклад в общее дело руководителей В.П. Киселя, Н.А. Ермакова, А.В. Смирницкого, В.В. Овцынова, В.М. Язепова, Н.П. Шабрата, В.В. Троцкого и многих, многих других.

Но особое место среди них занимал Александр Васильевич Ломов, начинавший свою карьеру в городе главным инженером третьего строительного района, а затем возглавлявший трест «Павлодарпромстрой» и главк «Главпавлодарстрой».

Павлодару очень повезло в том, что этот человек оказался здесь именно в пору бурного развития города. Борис Алексеевич считает его едва ли не самой яркой личностью среди павлодарских строителей. Ломов был немногословен, обладал железной волей, жёстко вёл дело; если требовалось, все рычаги управления стройкой брал на себя. И почти всегда обеспечивал тем самым успех дела. Можно сказать, они совпали – Ломов и его время; Александр Васильевич вынужден был жить и действовать в предлагаемых жёстких обстоятельствах, не боялся брать на себя ответственность. Именно благодаря уму, воле, твердости характера, упорству, с которыми он шёл к достижению цели, в Павлодаре за сравнительно короткое время была создана крупнейшая и мощнейшая строительно-монтажная индустрия. Так или иначе А.В. Ломов причастен буквально ко всем стройкам тех лет и тем объектам города, которые и ныне служат людям: заводам и фабрикам, объектам соцкультбыта, жилым домам. Всего просто не перечислить.

Работать рядом с Ломовым было непросто. Но те, кто, как Б.А. Веселов, принимали его стиль работы и те нагрузки, что приходилось нести, и сами вырастали в крупных руководителей. Борис Алексеевич был одним из тех, кого А.В. Ломов, по сути, вёл за собой. Назначал руководителем крупнейших генподрядных стройуправлений, трестов, которыми до этого руководил сам.

Вполне заслуженным было назначение А.В. Ломова министром строительства Казахской ССР, хотя работа на этом посту принесла ему и немало горечи. Когда ЦК Компартии Казахстана затеял реконструкцию в системе управления строительством, которая предусматривала переход с трехзвенной (министерство – главк – трест) на двухзвенную систему (министерство – трест), Ломов категорически возражал, доказывая, что это нарушит сложившуюся гибкую и эффективную систему управления. Свою позицию он отстаивал на всех уровнях, а когда его не послушали, у него достало мужества оставить должность министра. Жизнь подтвердила его правоту, но было уже поздно...

В Павлодаре теперь есть улица А.В. Ломова – одна из тех, что приобрела свой современный вид благодаря его усилиям.

* * *

В 1979 году А.В. Ломова сменил на посту начальник «Главпавлодарстроя» Б.А. Веселов. В состав главка входили крупнейшие тресты «Павлодарпромстрой», «Ермакферросплавстрой», «Павлодаржилстрой», домостроительный комбинат, «Спецстрой», «Стройдеталь». По сути говоря – целая армия строителей, насчитывающая около 13 тысяч человек, плюс к этому было ещё восемь тысяч в коллективах субподрядчиков. Это была настолько отмобилизованная армия, что ей были по плечу задачи любой сложности.

Взять хотя бы объекты уже упоминавшегося нефтеперерабатывающего завода. Здесь было смонтировано 19 тысяч тонн труб, а на уникальной установке ЛК6-У – 55 тысяч единиц запорной аппаратуры.

Перед пуском НПЗ на нём работало одновременно 130 дипломированных сварщиков высокой квалификации, которых сюда везли из самых разных уголков страны – от Владивостока и Магадана до Прибалтики.

А на строительстве установки КТ-1 павлодарцы опережали по темпам работ москвичей (в столице строили такую же одновременно с павлодарской).

О качестве работ можно судить по такому факту: Павлодарский нефтеперерабатывающий завод стал лучшим в стране по глубине переработки нефти.

Уникальные работы были выполнены на Ермаковском ферросплавном заводе, где ввели цех №6 с четырьмя печами мощностью 92 тысячи тонн ферросплавов каждая. Это были на то время самые мощные печи в мире.

Уникальной стала и работа по установке стелл-трёхгранников в парке Победы.

Трест «Павлодаржилстрой» и домостроительный комбинат вводили ежегодно до 180-200 тысяч квадратных метров жилья (часть из них в Экибастузе и Ермаке). Ежегодно строили три-четыре школы и до десяти детских садов.

А ещё главком был сформирован в те годы трест «КазахБАМстрой» и отправлен на БАМ эшелон строителей. Павлодарцами построен целый жилой посёлок Новая Чара на БАМе со всеми производственными, социальными объектами и железнодорожным вокзалом – лучшим на БАМе.

В личной биографии Б.А. Веселова есть такой факт. В день его рождения дома собрались гости и ждали виновника торжества чуть не до

полуночи. А он в это время готовил к отправке специальный строительный поезд на БАМ из 72 вагонов с техникой, оборудованием, стройматериалами...

Без малого десять лет возглавлял главк Б.А. Веселов. Это была пора крупнейшего разворота всех видов строительства в Павлодаре и Ермаке (ныне Аксу). И пик его производственной карьеры, которой можно по праву гордиться.

* * *

В 1986 году произошёл серьёзный поворот в его судьбе: главк был упразднён... Это было ошибкой правительства, исправить которую уже не удалось.

Трудно даже представить, что творилось в душе Б.А. Веселова – человека, прошедшего в Павлодаре путь от прораба до начальника крупнейшего главка, когда он, оставшись последним его работником, должен был поставить свою подпись под документами о ликвидации... Рушилось то, что он и его коллеги-строители создавали десятилетиями, то, что отлично работало и могло работать дальше. Наверное, те его чувства сравнимы с чувствами человека, которому предстояло разрушить свой собственный дом. Это стало самой главной потерей в его жизни, и он ничего не смог с этим поделать... Борис Алексеевич был направлен в создаваемый областной агропромышленный комитет – первым заместителем председателя, курирующим капитальное строительство.

Одновременно он возглавил объединение «Павлодарагропромстрой», в состав которого вошли тресты «Сельстрой-5», «Сельстрой-19», «Колхозстрой» и трест «Агропромстрой» №1. И хотя размах строительства был несопоставим с «Главпавлодарстроевским», работы хватало и тут, и сделано было немало. В Павлодаре построили новый и реконструировали старый гормолзаводы, ввели крупное овощехранилище на четыре тысячи тонн картофеля. Реконструировали гормолзаводы в Экибастузе и Ермаке. Построили и ввели в эксплуатацию первую очередь свинокомплекса, рассчитанную на 54 тысячи свиней. Расширили мощности на Ермаковской бройлерной фабрике и сдали первую очередь Экибастузской птицефабрики. Плюс к этому ежегодно строили животноводческие комплексы и фермы. И конечно – школы, детские сады, клубы, жилые дома на селе, а также центральные котельные, теплосети, водопроводы.

За работу в «Павлодарагропромстрое» Б.А. Веселов – к тому времени лауреат премии Совета Министров СССР, обладатель трёх орденов

(Трудового Красного Знамени и двух – «Знак Почёта») и нескольких медалей – получил и свой последний выговор по партийной линии. Правда, им он гордился не меньше, чем орденом.

Дело было так. Делегация руководящих работников республики побывала в Канаде, где увидела там сенохранилища, в которых грубые корма, хранившиеся под навесами, лучше сохраняли свои питательные качества. Подобные объекты партийным решением было предписано повсеместно строить и у нас. Когда руководитель «Павлодарагропромстроя», которому и предстояло воплощать «новаторскую» идею в жизнь, обсчитал объёмы работ, примерные затраты, сразу понял – идея неосуществима. Выходило, что на другие сельские объекты – производственные, социальные – ресурсов почти не остаётся. Пришёл к первому секретарю обкома, доложил свои расчёты и доводы: что же мы, мол, будем застраивать сёла сенохранилищами в ущерб всему остальному строительству? И услышал в ответ фразу, потрясшую его до глубины души: у меня, дескать, всего один партбилет, и рассчитывать с ним из-за ваших сомнений я не намерен.

Сенохранилище сельские строители всё же построили – одно-единственное, в совхозе «Заря» Павлодарского района. Его спустя какое-то время за ненадобностью разобрали. А выговор коммунисту Б.А. Веселову вклеили сразу, ведь партийное поручение он, по сути, проигнорировал. Зато построил другие нужные селу объекты. Потому-то и гордится тем давним партийным выговором.

* * *

Общий строительный стаж Бориса Алексеевича превышал 40 лет. И почти вся его жизнь была отдана Павлодару.

Уехать отсюда он хотел лишь однажды. Когда в 1957 году строительные подразделения были убраны из системы МВД СССР и он был демобилизован, засобиравшись в Иваново: там дом, мать, друзья... Остановил его Григорий Яковлевич Голков: «Ты нужен здесь, тут такие дела начинаются, такие перспективы!» – «Да мне даже жить негде», – отвечал в сердцах Веселов. «Скоро новый дом сдаётся – будет тебе квартира». Слово своё Голков сдержал. Веселов остался и никогда об этом не пожалел. «Это мой город, – говорил он не раз, – здесь всё моё, родное!» «Моё» – означало в данном случае и то, что это построено им и его товарищами. Ещё и поэтому, наверное, Веселов отказывался от разного рода лестных предложений, которые ему в разное время делались, – возглавить республиканский главк, занять другие руководящие должности.

Можно понять, как болела его душа, когда в пору развала экономики стала рушиться строительная отрасль – его любимое детище... Останавливались предприятия, которые он строил... Но он также радовался каждому новому объекту, появлявшемуся в городе, – будь то новые производства, преображённая набережная, православный храм или мусульманская мечеть, Ледовый дворец или другие здания, украсившие Павлодар.

Когда годы назад я готовил этот материал, Б.А. Веселов просил не забыть никого из строителей-ветеранов, оставивших свой добрый след в истории Павлодара. В их числе, кроме тех, что уже были названы: Зейнекен Кабдуалиевич Кабдуалиев, Пётр Фёдорович Радецкий, Вячеслав Петрович Стефанский, Юрий Михайлович Шевченко, Александр Кондратьевич Кандлин, Юрий Алексеевич Кирпичев, Виталий Дмитриевич Мезько, который, кстати, сохранив потенциал и кадры, успешно работал в строительстве и в новые времена. Называл также известную в области фирму «Стальмонтаж», которую возглавляет представитель нового поколения строителей Александр Алексеевич Терентьев. И ещё вспомнил знаменитых павлодарских бригадиров-строителей – Николая Васильевича Меньшикова, Антонину Фёдоровну Рябушкину, Александра Васильевича Андропова, уже упоминавшегося Василия Фёдоровича Бузова.

Ни один объект не мог появиться без архитекторов и проектировщиков, специалистов и организаторов высокого класса – Георгия Владимировича Гальченко, Юрия Владимировича Наумова, Марата Зейнекеновича Кабдуалиева. Отличный генплан Павлодара был разработан с участием наших специалистов институтом «Ленгипрогор».

«Жаль, что нельзя назвать всех», – сокрушался Борис Алексеевич. Выйдя на пенсию, он нашёл дело по душе: сад-огород, который содержался в идеальном порядке. Тут всего было немало: одного винограда Веселовы возделывали восемь сортов. Цвели под окнами их дома розы, радовала глаз сочная зелень огорода. Такой уж это был человек: за что бы он ни брался, всё и всегда делал с душой. Может, поэтому ему и удалось так много сделать...

Мы познакомились по-настоящему с Борисом Алексеевичем, когда он уже был на пенсии. Но была у меня, начинающего журналиста «Звезды Прииртышья», встреча с ним – начальником «Главпавлодарстроя». Мне дали задание подготовить критический материал для главной республиканской газеты «Казахстанская правда», с которой я

начинал сотрудничать. Речь шла об очень нужном Павлодару картофелехранилище, строительство которого затягивалось. Я сильно комплексовал: и тема не моя, и разговор надо было вести со «строительным генералом». Кто я и кто он? Захочет ли вообще говорить или отошлёт к кому-то из подчинённых?

Повезло: договорился с его помощником, который составлял для нашей газеты кроссворды, и мы были знакомы. Встречу мне назначили на восемь утра, и она оказалась очень плодотворной. Борис Алексеевич принял меня как равного, по полочкам разложил туманную для меня проблему. Осталось только внятно изложить всё на бумаге, что я и сделал, заслужив одобрительную оценку в газете, сотрудничеством с которой дорожил. Ещё и приличный гонорар заплатили.

В моей журналистской биографии было немало встреч с большими людьми. И я не раз убеждался: истинные профессионалы, видя искреннюю заинтересованность журналиста, всегда отзывались разговором по существу, отвечали на вопросы, стараясь разъяснить суть дела, помочь. Добиться сегодня журналисту местной прессы встречи с руководителем крупного бизнеса куда сложнее, даже просто связаться с ним по телефону. Потому ещё, наверное, что тогда мы были, по сути, союзниками с людьми дела, а сегодня журналисты зачастую – обслуживающий персонал.

Мне в советские времена посчастливилось узнать столько людей, подобных Борису Алексеевичу, а с кем-то и подружиться, что грех сетовать на журналистскую судьбу.

Огромной заслугой Бориса Алексеевича стало создание ветеранской организации строителей – единственной такой в республике. В годы жесточайшего экономического кризиса, когда едва ли не полностью остановились стройки и не у дел оказались тысячи строителей, именно он стал инициатором и деятельным участником формирования новой общественной организации. И она остаётся сегодня одной из самых массовых и активных в областной ветеранской организации. А на всех проводимых ею мероприятиях звучит имя человека из плеяды первостроителей Павлодара – Бориса Алексеевича Веселова.

ОДНАЖДЫ И НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Аманжол Аубакиров родился в победном 1945 году в селе Северное Иртышского района, на самом краю области. Семья Аубакировых была даже по сельским меркам большая – пятеро сыновей и пять дочерей. Аманжол – старший, первый помощник родителям, опора всем младшим. Закончив в Северном среднюю школу, хотел стать военным и даже комиссию прошёл. Подумывал ещё о факультете физвоспитания...

Отец хотел видеть сына ветврачом: во-первых, при родителях будет, а во-вторых, профессия на селе очень нужная, и без куска хлеба никогда не останешься... Аманжол выбрал профессию инженера-строителя и никогда об этом не жалел.

Во время учёбы в Павлодарском индустриальном институте трижды ездил в стройотряд, в том числе дважды – командиром.

– Стройотряд дал мне очень многое, – вспоминал Аманжол Базарбаевич, – и в профессиональном плане – как будущему строителю, и как будущему руководителю. Именно там проявились лидерские качества, организаторские способности. Благодаря стройотряду я пришёл на производство не зелёным юнцом, а достаточно подготовленным к работе человеком. Мне ведь и до этого приходилось общаться, решать вопросы с совхозными прорабами, специалистами и даже с руководителями хозяйств. Это была отличная школа. И объекты мы строили очень солидные: коровники, кошары, жилые дома. Приходилось и саман месить самим, и другую тяжёлую работу делать. Но и зарабатывали, конечно, неплохо. Я уже в ту пору не просил у родителей де-

нег, а сам помогал им поднимать младших братьев и сестёр. Никогда не забуду адреса моих стройотрядов – сёла Захаровка и Славяновка в Железинском районе и совхоз «Чапаевский» в Майском. Мы, кстати, не только работали, но и пионерские лагеря создавали при стройотрядах, спортивные соревнования организовывали, концерты ставили, что тоже было хорошим, нужным делом.

Главным образом за работу в стройотряде студент А. Аубакиров получил свою первую, очень дорогую для него государственную награду – медаль «За освоение целинных и залежных земель».

Во время учёбы Аманжол активно занимался велоспортом, выполнил норму кандидата в мастера спорта. Мог бы и мастером стать, но летом приходилось выбирать между спортом и стройотрядом...

После окончания института начал работать на Павлодарском комбинате железобетонных изделий номер три (ЖБИ-3). Его директор Михаил Михайлович Глазков, сам прошедший по всем ступеням строительной профессии, от рабочего-бетонщика до первого руководителя, был отличным специалистом и организатором, пользовался на предприятии непререкаемым авторитетом.

Глазков быстро «положил глаз» на Аубакирова и однажды пригласил его для серьёзного мужского разговора.

– Ты уж давай как-то определяйся, – сказал Михаил Михайлович, – что для тебя важнее: велосипед или работа? Я вижу, ты парень работающий, хваткий, я имею на тебя большие виды, хочу обкатать по всем цехам. Или всю жизнь в мастерях ходить хочешь?

– Так я, выиграв в 1971 году первенство области, «завязал» с велосипедом, – вспоминал Аманжол Базарбаевич. – А до этого директору ЖБИ всё время присылали из спорткомитета города бумаги: мол, просим отпустить Аубакирова на соревнования...

М.М. Глазков слово сдержал: за пять лет «провёл» молодого специалиста по всем подразделениям комбината: был он и мастером отдела технического контроля, и мастером смены, инженером-технологом, начальником полигона, старшим инженером-технологом комбината. А затем директор доверил Аубакирову руководство новым третьим цехом – самым крупным на комбинате.

Аманжол Базарбаевич во время нашей беседы не раз говорил мне, что ему всю жизнь везло на учителей. И одним из первых он всегда считал Михаила Михайловича Глазкова, который возглавил впоследствии трест «Стройдеталь» «Главпавлодарстроя». В подчинении у него

были все комбинаты ЖБИ, деревообрабатывающий комбинат (ДОК), другие предприятия.

Хорошо характеризует Глазкова – не только как руководителя, но и как человека – такой факт. На ЖБИ-3 Аманжол познакомился с будущей супругой – крановщицей Светланой. Когда молодые объявили родителям о своём желании пожениться, благословения ни с той, ни с другой стороны не получили. Об этом узнал Глазков, пригласил Аманжолу и сказал, что поможет организовать комсомольскую свадьбу, а родители тоже никуда не денутся – со временем одумаются, не враги же они собственным детям.

Свадьбу отгуляли в кафе «Молодёжное». Потом поехали к Аубакировым и отметили событие там – да так, что за несколько «заходов» 13 баранов съели. Оттуда отправились на Алтай, где жили родные Светланы, и скромно, но душевно отпраздновали там. С тех пор жили всю жизнь душа в душу.

* * *

В 1974 году в неполные 30 лет Аманжол Базарбаевич был назначен главным инженером комбината производственных предприятий треста «Павлодартрансстрой». Это был трест союзного подчинения, в котором он проработал до 1988 года.

– Мне и тут повезло, – рассказывал А.Б. Аубакиров, – потому что в 1975 году трест возглавил Алексей Васильевич Шапошников – авторитетнейший строитель, неординарный человек, умница и эрудит, блестящий организатор. К нам он приехал из Самарканда, где строил один из знаковых для республики объектов. Шапошников назначал меня потом директором комбината производственных предприятий, заместителем управляющего, главным инженером треста. Работа с Алексеем Васильевичем была прекрасной школой, за что я ему очень благодарен. Мы с тех пор не переставали общаться, хотя он перебрался в Россию. Этот человек очень много сделал для нашей области. В тресте была слабая база стройиндустрии, он поднял её на новый уровень, капитально отстроил. Большое развитие получили строительно-монтажные поезда. Трудно даже просто перечислить все объекты, возведённые в области «Павлодартрансстроем».

Среди них – электрификация железнодорожного участка от Целинограда до Экибастуза; подъездные пути к Экибастузским ГРЭС-1 и ГРЭС-2, разрезам «Богатырь», «Восточный», «Майкубенский». Для основного заказчика треста – Министерства путей сообщения СССР –

был выполнен огромный объём работ по развитию Экибастузского железнодорожного узла, ставшего в те годы самым крупным в СССР по отправлению грузов. А Павлодарское отделение дороги также стало по этому показателю самым крупным в СССР: отсюда отправлялось в год свыше ста миллионов тонн грузов, в том числе свыше 90 миллионов – экибастузского угля.

Трестом были построены вагоноремонтные депо в Павлодаре и Экибастузе, уникальный пункт подготовки полувагонов длиной в 550 метров в Экибастузе. Мощное развитие получили станции «Экибастуз-1» и «Экибастуз-2», построены мотор-вагонное и локомотивное депо.

Как иногда подчёркивал бывший начальник Павлодарского отделения железной дороги А.С. Саркыншаков, также имевший самое прямое отношение к этому техническому прорыву, в Экибастузе в ту пору был создан такой запас технической мощности, которого здешнему железнодорожному хозяйству хватит ещё на полвека, надо лишь поддерживать его в нормальном состоянии.

Так тогда работали транспортные строители! Благодаря их профессионализму, трудолюбию, упорству в Павлодарском отделении железной дороги была полностью снята проблема обеспечения железнодорожников благоустроенным жильём, а их детей – детскими садами и яслями. Огромная заслуга во всём этом и тогдашнего начальника отделения дороги, почётного железнодорожника СССР А.С. Саркыншакова, с которым А.Б. Аубакирова много лет связывали добрые отношения.

В системе транспортного строительства Аманжол Базарбаевич проработал более 15 лет. Помимо уже названного, он также строил и вводил в эксплуатацию железнодорожные пути Ермаковского завода ферросплавов, железнодорожную линию Малиновое Озеро – Локоть на территории Российской Федерации, промышленные и социальные объекты на ней.

* * *

– Почти весь 1981 год я «просидел» на павлодарском вокзале, – вспоминал А.Б. Аубакиров.

«Просидел» на самом деле означает находился там едва ли не безвылазно. Первый секретарь обкома партии Б.В. Исаев поставил в апреле задачу – сдать объект к 7 ноября, и транстроевцы её выполнили. На последнем этапе, рассказывал мне Аманжол Базарбаевич, снарядили из Павлодара пассажирский самолёт (ЯК-40 или АН-24), удалив из него

сиденья, чтобы срочно доставить из дальней дали недостающее оборудование.

– Ввели мы вокзал классно, – с гордостью говорил Аманжол Базарбаевич, – состоялся торжественный митинг. Здание шикарное, все службы работают, кассы открыты. Вечером заказали банкет в вокзальном ресторане и отметили сдачу объекта.

Работа А.Б. Аубакирова по обеспечению ввода в эксплуатацию Павлодарского железнодорожного вокзала была отмечена серебряной медалью ВДНХ СССР. А работа в «Павлодартрансстрое», который Аманжол Базарбаевич возглавлял по 1988 год, стала важнейшей страницей его строительной биографии. В 1986 году он был награждён орденом «Знак Почёта».

* * *

В 1988 году А.Б. Аубакиров был избран председателем Павлодарского горисполкома. Его довольно долго держали в резерве, и, он считал, это пошло ему на пользу: если бы выдвинули раньше, ему пришлось бы куда тяжелее. А 15 лет в «Павлодартрансстрое», из которых он полтора года был его руководителем, стали таким университетом жизни, после которого в горисполкоме, несмотря на то, что должность эта сверххлопотная, ему работалось сравнительно комфортно. За плечами был не только собственный опыт организации огромного строительного хозяйства, планирования и управления, общения с людьми самого высокого уровня, но и глубокое знание всего городского хозяйства, коммуникаций, «узких» мест. Несложно ему было находить общий язык с руководителями предприятий Павлодара – он знал их лично, вместе с ними работал, обеспечивал развитие промышленных гигантов города и области. Хорошие отношения сложились с первыми секретарями горкома и обкома партии – Е.Д. Байтеряковым и Ю.А. Мещеряковым, председателем облисполкома Ж.Б. Исаковым и его первым заместителем Е.Г. Азаровым, который в своё время сам работал председателем Павлодарского горисполкома и потому лучше, чем кто-либо, мог понять коллегу.

Созидателем назвал Аубакирова Евгений Григорьевич в опубликованном в «Звезде Прииртышья» материале к 60-летию Аманжолу Базарбаевича. Вспомнил, например, о том, как в пору его работы на комбинате производственных предприятий был освоен выпуск объемных блок-комнат, благодаря чему из них, как из деталей детского конструктора, монтировались многоквартирные дома. Их квартал и сегодня можно ви-

деть на Лесозаводе. Уже тогда, подчёркивает Е.Г. Азаров, Аубакиров проявлял интерес к новым технологиям и твёрдую волю при их внедрении.

В бытность председателем горисполкома Аманжолом Базарбаевичем также было сделано для города очень много: расширены очистные сооружения, проведён крупнейший ремонт магистральных водоводов, увеличены мощности Павлодарских ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, проложена трамвайная линия по улице Кутузова до Усольского и Дачного микрорайонов. Небывалыми темпами велось жилищное строительство, ежегодно вводилось в эксплуатацию до четырёх с половиной тысяч квартир. Это рекорд для Павлодара – больше здесь не строил никто и никогда.

Председателем горисполкома А.Б. Аубакиров проработал около трёх лет. И дела у него шли хорошо, несмотря на то, что кризисные явления в экономике уже давали о себе знать. Но не они, а человеческий фактор стал причиной ухода председателя горисполкома со своего поста. Его глубоко возмутили «административные игры», в результате которых были отправлены в отставку два заместителя председателя облисполкома, ещё совсем недавно назначенные на свои посты сессией областного Совета народных депутатов и вполне справлявшиеся со своими обязанностями. И тогда сам Аубакиров в знак протеста также подал в отставку на сессии областного Совета. Кажется, это была первая в области публичная добровольная отставка, в чём тоже проявились характер Аманжолы Базарбаевича, его принципиальность и неприятие какой бы то ни было несправедливости.

На сессии городского Совета депутаты не согласились с его решением об отставке. Но Аубакиров был непреклонен. В том же 1991 году он вернётся во власть – уже первым заместителем председателя облисполкома. Эту должность ему предложит председатель областного Совета народных депутатов Б.В. Исаев, с которым у Аубакирова состоится прямой мужской разговор. Дело в том, что за его кандидатуру высказались многие руководители крупнейших промышленных и строительных организаций, а руководитель области их услышал. И Аубакиров согласится. А уйдя через несколько лет в отставку, будет снова работать с А.В. Шапошниковым – его первым заместителем в тресте «Павлодарэнергострой».

* * *

В первых шагах председателя облисполкома Аманжол Базарбаевич пережил кардинальную реформу власти – введение института глав областных администраций. И в бытность главой А.А. Жабагина, а затем

сменившего его Д.К. Ахметова Аубакиров работал заместителем главы областной администрации.

Один из памятных эпизодов тех лет – строительство второго энергоблока Экибастузской ГРЭС-2, которое курировал А.Б. Аубакиров, или, как он сам выражается, «плотно сидел на блоке». Тут уместно будет заметить, что и Экибастузскую ГРЭС-1, и Экибастузскую ГРЭС-2 строила, без преувеличения, вся наша бывшая страна – СССР, а ввод каждого из восьми энергоблоков на первой станции и первого на второй становился событием союзного значения. Сотни организаций, учреждений, предприятий так или иначе были завязаны на этих объектах: проектировали, изготавливали и комплектовали оборудование, доставляли его подчас за тысячи километров, строили, монтировали...

Здесь же предстояло впервые построить и ввести энергоблок в условиях суверенитета Казахстана, когда нехватка ощущалась уже во всём: в деньгах, квалифицированных специалистах, оборудовании. Всё приходилось «выбивать», притом через Москву, а строителей, монтажников, наладчиков везли из всех уголков бывшего Союза. Аубакирову приходилось быть и снабженцем, и финансистом, и парторгом. Хорошо помогал ему в Алма-Ате, тогда ещё столице, бывший секретарь Павлодарского обкома партии Н.Ф. Красносельский, работавший к тому времени заместителем министра экономики.

И второй блок Экибастузской ГРЭС-2 был построен. На пуск приехал президент Н.А. Назарбаев, инициатор его возведения. А.Б. Аубакиров находился рядом с ним у пульта управления. И такой примерно шёл меж ними разговор.

Аубакиров: «Вот эта кнопка...»

Назарбаев: «Мне сказали, что может не включиться...»

Аубакиров: «Включится!»

Блок был запущен в эксплуатацию, и в ознаменование этого действительно выдающегося события тот декабрьский день указом президента был объявлен Днём энергетика.

Пуск энергоблока стал не только звёздным часом А.Б. Аубакирова (хотя во время празднеств по этому поводу он был несправедливо отеснён на задворки события), но и впоследствии послужил поводом для его ухода с поста заместителя главы областной администрации. Министерство энергетики согласовало с премьер-министром решение: наградить особо отличившихся участников строительства второго энергоблока ГРЭС-2 легковыми автомобилями. Среди них оказал-

ся и А.Б. Аубакиров. Впоследствии же дело повернули так, что это (и не только ему) поставили награждённым в вину. Хотя решение было подписано главой обладминистрации и согласовано с тогдашним премьер-министром А.С. Терещенко. Аубакиров не стал ни защищаться, ни оправдываться. Защитить его должны были другие, но у них, наверное, не хватило духу. И власть лишилась одного из самых опытных и преданных делу управленцев. Конечно же, Аубакирову было обидно – обошлись с ним несправедливо, но держался он, как всегда, твёрдо, тем более что никакой вины за собой не чувствовал.

Потом опять работал в «Энергострое» – заместителем генерального директора. А затем девять лет возглавлял управление транспортного контроля по Павлодарской области Министерства транспорта и коммуникаций республики. И на этом посту также сделал немало, превратив управление в одно из лучших в Казахстане.

* * *

Мне посчастливилось быть на чествовании Аманжолы Базарбаевича в связи с достижением им пенсионного возраста. Поздравить его приехали председатель транспортного контроля Минтранскома республики А.Н. Барменкулов, коллеги из Астаны, Караганды, других регионов. Выступали также соратники А.Б. Аубакирова – люди, с которыми он много лет работал: А.Ф. Половников, Е.Г. Азаров, О.К. Кожанов, В.Ф. Герасименко, Б.А. Веселов, А.С. Саркыншаков и многие другие. Сколько замечательных слов прозвучало в тот вечер – ещё и потому, что позади у всех этих людей было столько замечательных общих дел. Они, как и сам юбиляр, – живая история региона, ставшего одним из самых индустриально развитых в республике. Заместитель акима области В.Ф. Вербняк за большой личный вклад в развитие региона вручил А.Б. Аубакирову знаки «За заслуги перед областью» и «Почётный строитель Республики Казахстан».

А ещё до этого чествования инициативная группа заслуженных людей обратилась к руководству Павлодара с предложением присвоить А.Б. Аубакирову звание «Почётный гражданин города Павлодара». Письмо подписали председатель облпотребсоюза А.А. Аманжолов, директор Павлодарского филиала АО «Национальная компания «Қазақстан темір жолы» Е.Ш. Жидилов, начальник департамента архитектуры и градостроительства области М.З. Кабдуалиев, ветераны-руководители, коллеги-строители. Аналогичное ходатайство от имени коллектива транспортных строителей направил акиму города Б.С. Демеуову председатель ассоциации «Иртыштрансстрой» М.А. Зыков.

Есть в этих документах и такие строки: «Аманжол Базарбаевич всегда служил примером высокой дисциплинированности, трудолюбия, порядочности, требовательности к себе и подчинённым... Не одно поколение хороших специалистов выросло под его руководством, своим примером он воспитывал новую смену достойных строителей...»

Депутаты Павлодарского городского маслихата поддержали предложение о присвоении А.Б. Аубакирову звания «Почётный гражданин города Павлодара».

* * *

К сказанному остаётся добавить, что Аманжол Базарбаевич был отличным семьянином: мужем, отцом, дедом. Они с супругой Светланой Иосифовной вырастили троих достойных детей.

В свои уже немолодые годы А.Б. Аубакиров всегда находился в хорошей форме, чему способствовали и немалые хлопоты по содержанию собственного дома, садово-огородные заботы. Любил охоту, рыбалку.

Его страстью на многие годы стал волейбол. В 1992 году в недрах Павлодарской областной администрации родился волейбольный клуб ветеранов. Инициатором создания команды и её первым капитаном стал тогдашний руководитель аппарата администрации Мейрам Магжанович Сергазин.

Забывая о должностях, сходились в острых схватках глава области Асыгат Жабагин (впоследствии министр и вице-премьер правительства), его заместители Юрий Иванович Лавриненко (впоследствии министр, мажилисмен), Оралбек Кожанов (в прошлом председатель облисполкома), Александр Сергеевич Павлов (впоследствии руководитель налоговой службы республики, министр и вице-премьер правительства), Аманжол Базарбаевич Аубакиров, а также известные в области руководители Канат Болатович Даржуманов, Ринат Мифтахович Гафуров и другие. Всем им приходилось много работать, иногда конфликтовать друг с другом, а игра помогала снять напряжение и служебные недоразумения, по-своему спланивала.

Шло время, на смену по тем или иным причинам выбывшим ветеранам приходили новые и, как правило, надолго оставались в клубе. Через него за 25 лет прошло более 50 человек. И в нём неизменно играл все эти годы ставший капитаном команды Аманжол Аубакиров.

Клуб пополнялся не только ветеранами госслужбы и бывшими руководителями предприятий, но и ветеранами волейбольного спорта, что

повышало и класс игры команды. Со временем поднялись на республиканский уровень, участвуя в турнирах, которые проходили в Алматы и Астане, Караганде, Талдыкоргане и Темиртау.

Завязались контакты с ветеранами трёх приграничных российских регионов – Омской, Новосибирской областей и Алтайского края, где павлодарцы также не раз занимали призовые места на проводившихся турнирах. Во многом благодаря настойчивости капитана, при поддержке спонсоров команда по приглашению Совета ветеранов волейбола России принимала участие в чемпионатах ветеранских волейбольных команд, проходивших на Чукотке и в Анапе. У клуба есть фирменный знак и гимн, где одна из строк звучит рефреном: «Команде нашей быть и быть!»

Мне однажды пришлось побывать на межрегиональном турнире в Павлодаре с участием ветеранов волейбола из Омска и Новосибирска. Какие это были яркие, незабываемые игры! И какое общение по итогам состязаний, на котором сибиряки, помимо прочего, приобщились к традициям истинно казахского гостеприимства. Вёл дастархан с присущей ему энергией и знанием дела А.Б. Аубакиров. А сибиряки в своих ответных словах благодарили павлодарцев как за организацию турнира, так и за дастархан, незабываемое общение.

* * *

На всех своих высоких постах и при больших возможностях Аманжол Базарбаевич ничего не прибрал к рукам и не «прихватизировал».

Рассказывал мне однажды, как враз становились богатыми первые лица регионов в начале 90-х годов. Президент республики Н.А. Назарбаев прямо говорил им в узком кругу: сегодня вы акимы, а завтра, лишившись должностей, останетесь ни с чем. Берите там у себя всё, что сможете, и живите. Многие брали, в том числе и у нас в области, и стали вскоре не просто богатыми, а очень богатыми людьми. И не только сами, но и ближайшая их родня.

Аубакиров же создал крестьянское хозяйство в своём родном селе, спасая заброшенные здешние земли и давая работу землякам-односельчанам. Выращивал хлеб. Случались урожаи и неурожаи. Не разбогател, зато сохранил совесть и честь. Всегда говорил то, что думал, даже на, казалось бы, ритуальных встречах ветеранов с руководством области. До конца дней своих оставался самим собой – человеком с характером и твёрдыми жизненными принципами.

ВЕК

ИВАНА ЛАГУТИНА

Иван Васильевич Лагутин – знаковое имя для Павлодара. Фронтовик, художник, краевед, много сделавший вместе с Д.П. Багаевым для развития областного историко-краеведческого музея имени Г.Н. Потанина. Именно И.В. Лагутину мы обязаны больше чем кому-нибудь рождением Павлодарского художественного музея. Он оставил нам книгу воспоминаний о своей полной событиями и встречами с выдающимися людьми жизни. Но она невелика по объёму, фрагментарна, и поэтому группа энтузиастов, и прежде всего известный павлодарский строитель и меценат С.П. Гарин, друживший с И.В. Лагутиным и опекавший его на склоне лет, решили увековечить память о нём в обстоятельной книге с новыми интересными сведениями и воспоминаниями тех, кому довелось общаться с Иваном Васильевичем.

За создание этого, без преувеличения, фундаментального труда взялись Вера Дмитриевна Болтина и Людмила Васильевна Шевелёва, всю жизнь посвятившие архивному делу, авторы многих уникальных книг по истории Павлодарского Прииртышья, сами хорошо знавшие И.В. Лагутина.

Пролистаем страницы этой книги.

* * *

И.В. Лагутин родился в 1913 году и прожил более века. Его жизнь вместила все драматические события века прошлого и страницы нашей новейшей истории. И эта жизнь читается теперь в книге, как увлекательный роман.

Отец его Василий Иванович был известным на всю округу портным. Мать Пелагея Васильевна – из семьи священнослужителей. Её

деда лишили священнического сана и сослали в Сибирь за то, что он отказался предать анафеме декабристов, хотевших усовершенствовать систему правления и всей жизни в России.

В 20-е годы прошлого века родители И.В. Лагутина бежали от голода из Центральной России в Сибирь, добравшись до Песчаного. А тут тоже – недород, голод, эпидемия – сначала тифа, потом холеры.

Их сын помнит Гражданскую войну и то, что отец служил телефонистом в дивизии В.И. Чапаева.

Песчаное Ваня принял всей душой, сразу полюбил. И даже когда самому пришлось воевать на Великой Отечественной войне, вспоминал иртышские плёсы, покосы на лугах со стогами сена; как сгребал на быках, запряжённых в грабли, скошенную взрослыми траву.

В Песчаном ещё до революции было больше сотни дворов, церковь, поселковое мужское училище, две мельницы, кожевенный завод, питейное заведение. Здесь проводились торговые ярмарки. Есть сведения о том, что была и казачья школа – смешанная, для девочек и для мальчиков.

В Песчаном Ваня закончил начальную школу, позднее не раз вспоминал учивших его в ней талантливых педагогов супругов Радиных. Потом учился в Коряковской школе крестьянской молодёжи (ШКМ) и жил в интернате при ней.

В эти годы – 1926-1929 – судьба подарила ему встречу с художником Виктором Павловичем Батуриным. Тот заприметил тягу мальчика к рисованию и стал давать ему уроки на дому.

Авторы-составители книги предоставляют её читателям возможность узнать о судьбе этого нерядового человека. Как он, крестьянский сын, смог добраться до Москвы и устроиться в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, готовившее живописцев. Как голодал, ходил оборванным, не получая ни от кого помощи. Учась на втором курсе, сумел продать за 15 рублей свой пейзаж, понравившийся владельцу магазина. В первый раз досыта наелся, купил карандашей, красок, кистей и бумаги. И только потом – рубаху и штаны и починил сапоги.

Стал известным художником, участвовал в трёх выставках художников-передвижников в конце 19-го и начале 20-го века. Его картины экспонировались на всероссийских и международных выставках. А две картины – «Рубка леса» и «Горный пейзаж» – хранятся в Третьяковской галерее.

В.П. Батурин работал художником-декоратором Большого театра, расписывал церкви в Москве, отделывал дорогие особняки в разных стилях.

Был дружен со Львом Львовичем Толстым – сыном Л.Н. Толстого, бывал у них в Ясной Поляне, переписывался со Львом Львовичем, хранил его письма и подаренное им ружьё.

Когда в 1914 году Россия вступила в войну с Германией, это поломало всю дальнейшую жизнь Виктора Павловича. Уже состоявшийся художник был мобилизован для организации закупок пропитания для армии. Принимал закупленный скот, формировал из него гурты (партии) и отправлял по назначению. И «по наследству» перешёл от одной власти к другой, советской, пока не оказался в 1919 году в Песчаном, потом в Павлодаре, занимаясь всё тем же, даже мясным складом заведовал. Один из руководителей большевистской власти, узнав случайно, что Батурин художник, дал ему работу по специальности. Но прокормить она не могла, и Виктор Павлович брался за любую работу. Писал декорации для городского театра, клуба водников и даже вывески для магазинов.

Ваня Лагутин приходил к нему домой после школьных занятий почти каждый день и считал эти уроки не только живописи, но и жизни для себя судьбоносными. Много позже он напишет: «В.П. Батурин – это огромный человеческий айсберг в «житейском мире», это глыба, яркая личность. Павлодару повезло, что он жил и творил в нашем городе». А нам, добавлю уже от себя, повезло в том, что создатели книги открыли её будущим читателям новые станицы жизни не только самого Ивана Васильевича, но и тех замечательных людей, с которыми его сводила судьба. Среди учеников В.П. Батурина был и будущий поэт, воспевавший, как никто другой, Иртыш, нашу степь, быт степняков и казачества, Павел Васильев.

В Павлодаре В.П. Батурин познакомился и подружился с Д.П. Багачевым, благодаря которому мы можем видеть на фотопортрете, как выглядел этот художник и незаурядный человек. Он уехал из Павлодара в 1930 году, а умер в 1938-м, в 77 лет.

* * *

Ещё одна судьбоносная встреча произошла у И.В. Лагутина в Алма-Ате. Как одного из успешных выпускников ШКМ его направили в столицу республики, где он поступил на рабфак только что открывшегося Казахского сельскохозяйственного института, в котором читал лекции

А.В. Чаянов. И вновь авторы книги дают нам возможность познакомиться с высокой и трагической судьбой этого выдающегося человека.

Александр Васильевич был учёным-экономистом с мировым именем, крупнейшим теоретиком и организатором сельскохозяйственной кооперации, основателем междисциплинарного крестьяноведения – науки о природе и сущности крестьянства, социальным антропологом. Ему принадлежит термин «моральная экономика», который уже сам по себе о многом говорит.

Все эти сведения о нём, а также другие факты биографии приводятся в этой книге, посвящённой И.В. Лагутину, для которого наставничество Чаянова стало путеводной звездой в жизни.

Александр Васильевич был не только признанным учёным, но и талантливым литератором, издавал книги, по которым ставились спектакли, и был даже в начале прошлого века снят фильм по его сценарию. Доктор наук, профессор А.В. Чаянов заведовал кафедрой в Сельскохозяйственной академии, а со временем возглавил созданный им же первый в России институт экономики сельского хозяйства.

А.В. Чаянова заметил В.И. Ленин, в библиотеке которого было семь его книг, и ввёл в состав первого Госплана Советской России. Он и дальше работал в руководящих советских организациях, участвовал в комиссии, разработавшей переход от грабительской продразвёрстки на селе к продналогу, облегчившему жизнь крестьянству, и к НЭПу – новой экономической политике в стране. Возглавлял НИИ сельскохозяйственной экономики и политики.

Одним из главных направлений в исследованиях Александра Васильевича была сельскохозяйственная кооперация. Под его началом разрабатывались модели будущих агрокомбинатов, оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий, различных форм кооперации.

Но когда И.В. Сталин объявил о ликвидации кулачества и о переходе к сплошной коллективизации, что кардинально противоречило идеям А.В. Чаянова о кооперации на селе, теории учёного и члена первого Советского правительства были тем же Сталиным подвергнуты жёсткой критике.

Следом – политические процессы – по делу так называемой «Трудовой крестьянской партии». Но А.В. Чаянов всегда был далёк от политики, и его никак не могли «пристегнуть» ни к одной партии. И тогда следователи обвинили его в «возрождении неонароднической теории». А главной уликой стала одна из научно-фантастических книг учёного.

Участники мифической «Трудовой крестьянской партии» получили во внесудебном порядке разные сроки заключения, а Чаянова несколько лет продержали в тюрьме, и под постоянными допросами, давлением он, как и многие другие, оговорил себя. Даже в заключении он продолжал работать и в Бутырской тюрьме написал в одной тетради (на разных страницах её листов) заметки об истории западно-европейской гравюры и экономический трактат о внутрихозяйственном транспорте.

Забегая вперёд, скажем: из-за того, что взгляды А.В. Чаянова были объявлены антимарксистскими, заодно отправили в лагеря его жену, где она провела с небольшими перерывами 18 лет. А его после четырёх лет отсидки в Бутырской тюрьме сослали в Алма-Ату. Там он работал в Сельскохозяйственном институте, организовал и редактировал ежегодник деятельности этого вуза, писал пьесы, вёл большую общественную работу среди студентов. Читал лекции на разные темы, организовывал лектории. Оформлять некоторые из этих мероприятий помогал его студент Ваня Лагутин, с которым они встречались и в неформальной обстановке. Однажды учитель показал ученику одну из своих тюремных рукописей, с грустью заметив, что вряд ли увидит её изданной. Это была работа об истории западно-европейской гравюры, которую А.В. Чаянов написал на английском языке.

Учёного приглашали для консультаций и помощи в Наркомат земледелия. Но надвигалась новая волна репрессий. Четыре дня в Алма-Атинском сельхозинституте шло собрание по выявлению «врагов народа». В результате приняли резолюцию, в которой к тем, кто вёл «разлагающую работу», причислили и А.В. Чаянова. Он оказался в сталинском расстрельном списке, был приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере «социальной защиты» и в тот же день расстрелян. Ему было 46 лет. Конечно, позднее и сам он, и его жена были реабилитированы.

Для И.В. Лагутина Александр Васильевич Чаянов стал не только человеком, обогатившим его профессиональные знания, но и повлиявшим на его мировоззрение, определившим морально-нравственные установки на всю жизнь.

Заканчивая рассказ об Алма-Атинском периоде жизни И.В. Лагутина, создатели книги пишут, что там он закончил рабфак и три курса плодовоовощного факультета. Тогда же брал уроки живописи и рисования у художника-этнографа Н.Г. Хлудова.

Время было голодное, И.В. Лагутин вспоминал, что на практике в Каскелене они с однокурсниками ловили воробьёв, сами их ощипывали и просили хозяйку, у которой жили, их сварить. А та удивлялась: «Это что, мышата, что ли?»

Этот раздел книги уникален ещё и тем, что авторы сумели по запросу в Государственный архив республики получить неизвестные нам сведения о жизни и смерти А.В. Чаянова.

И.В. Лагутин никогда не забывал о своих встречах с А.В. Чаяновым и уже в перестроечные годы, когда в Москве готовились отметить его столетие, написал письмо президенту ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук) А.А. Никонову, добившемуся реабилитации А.В. Чаянова. Его тоже приводят авторы книги, как и ответ академика А.А. Никонова. В письме – воспоминания Ивана Васильевича о встречах с учёным, скромном быте А.В. Чаянова, его лекциях в институте, цикле лекций-концертов, посвящённых казахской музыке (в чём его поддерживали многое сделавший для её сохранения и развития композитор Е. Брусиловский и певица К. Байсеитова). А Ваня Лагутин участвовал в работе музыкального лектория как художник-оформитель. Он слушал рассказы А.В. Чаянова о школах изобразительного искусства. Учёный попросил своего молодого помощника и воспитанника написать портрет выдающегося учёного В.Р. Вильямса для собрания в честь его юбилейной даты. Речь А.В. Чаянова на этом мероприятии также поставят ему в вину на собрании-судилище, выявлявшем «врагов народа».

В письме академику А.А. Никонову И.В. Лагутин напишет: «Александр Васильевич Чаянов остаётся для меня самой яркой личностью из всех, с кем мне приходилось общаться и в юности, и во всей моей жизни».

Это письмо президент ВАСХНИЛ дал прочитать сыну А.В. Чаянова, который прислал полное благодарности письмо И.В. Лагутину. А в докладе А.А. Никонова на собрании в честь юбилея выдающегося учёного прозвучали фрагменты воспоминаний его благодарного воспитанника.

* * *

Учёбу в институте Иван Васильевич оставил вынужденно, из-за болезни. В 1935/1936 учебном году преподавал математические дисциплины в Песчанской неполной школе. А затем их же – в средней школе города Рославля Смоленской области.

Ещё в Песчаном он познакомился с Евдокией Трифоновой, и они поженились. О её непростой судьбе есть отдельный подробный рассказ в книге, и мы к нему ещё вернёмся.

В 1939 году Иван Лагутин был призван в армию. У них с Евдокией уже родился сын Виктор, и одной ей с ним пришлось позднее очень нелегко. Служить новобранцу довелось в Ленинграде, в городе Пушкине, и это тоже был своего рода подарок судьбы, потому что он там продолжил занятия в кружке живописи при Ленинградском Доме Красной Армии.

Дальше – война: сначала участвовал в финской кампании, а затем, после небольшой передышки, в Великой Отечественной. Воевал на Ленинградском фронте, не раз мог погибнуть. В жестоких боях на Карельском перешейке погибла половина их батальона. Приходилось выходить из окружения, находясь по самую шею в ледяной воде, что Ивану аукнется в будущем. Прошёл курсы военных метеорологов-химиков. Оказался в Северной Осетии, только что освобождённой от немцев. И почти всегда и везде, при любой возможности Лагутин не переставал заниматься рисованием. Эти его свидетельства фронтового быта, к счастью, удалось сохранить.

* * *

В марте 1945 года И.В. Лагутин был по состоянию здоровья демобилизован. Долечивался в Семипалатинске и Павлодаре, куда были эвакуированы и его жена с ребёнком. Тогда же познакомился с основателем и первым директором областного историко-краеведческого музея Д.П. Багаевым, который стал ему верным другом, во многом определившим всю его дальнейшую жизнь. Дмитрий Поликарпович пригласил Лагутина на работу в качестве художника.

Авторы-составители книги В.Д. Болтина и Л.В. Шевелёва подробно, с интересными деталями рассказывают о том времени, о трудностях, с которыми этим двум энтузиастам приходилось сталкиваться. Именно они стояли у истоков создания этого музея в условиях нехватки всего и вся. Благодаря их неустанным трудам он постепенно становился на ноги, превращаясь в одно из самых общественно значимых учреждений города.

Начинался музей с двух экспозиций, ставших затем отделами, – «Развитие жизни на Земле» и «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.». И все последующие годы музей пополнялся экспонатами, которые находили сами работники, и передавали земляки. Наконечник

стрелы каменного века, привезённый колхозниками одного из районов; ядро от осадного орудия из Ямышева; пистолет конца 18-го века; осколок метеорита...

И уже тогда, в 1948 году, прошла первая областная выставка изобразительного искусства, на которой было представлено более 500 работ. В том числе станковая живопись и десятки альбомных зарисовок И.В. Лагутина, а также стенд с лучшими фотоснимками Д.П. Багаева. Они всё время работали вместе, во всём поддерживая друг друга. Даже в Баянаул не раз выезжали вместе для сбора экспонатов, гербария местных трав. Записывали воспоминания и устные предания старожилов этого края. Трудно даже просто перечислить всё, что им удавалось сделать. Но поскольку в двух других фундаментальных книгах, посвящённых Д.П. Багаеву, В.Д. Болтина и Л.В. Шевелёва уже подробно рассказывали о его трудах – создателя музея, собирателя и исследователя, фотомастера, оставившего блестящую фотолетопись края, – дореволюционного периода и советской поры до середины 50-х годов прошлого века, – напомним о том, чем приходилось заниматься в те годы И.В. Лагутину.

В 1949 году в музее был открыт отдел природы. И после запроса Географического общества СССР Иван Васильевич взял на себя обязательства вести в области фенологические наблюдения и держать постоянную связь с обществом. При этом обширные обязанности в музее он совмещал с педагогической деятельностью в средней школе №15 и городском Доме пионеров – учил школьников основам фотографии, живописи и рисунка. Читал лекции о краеведении и охране археологических памятников. Обследовал с другими энтузиастами берег Иртыша в поисках останков ископаемых животных. Он запомнил, как это делали в конце 20-х годов московские учёные, работавшие на Гусином перелёте и собравшие большую коллекцию таких экспонатов.

Со временем И.В. Лагутин – не только художник и оформитель музея, но также историк, археолог, краевед, скульптор, фотограф. В разделе «История области досоветского периода» – уже несколько его макетов и муляжей. В промышленном разделе – его макет экибастузского угольного разреза, в разделе сельского хозяйства – плакат, на котором крестьянин пашет сохой.

Визитной карточкой музея стала созданная И.В. Лагутиным инсталляция: казахская женщина в традиционном наряде за размолот муки на каменных жерновах. «Теперь в музее появилась хозяйка!» – так отреагировал Д.П. Багаев на новый экспонат.

В 1956 году в Павлодаре было создано областное объединение художников, в которое вошли П. Величко, М. Колмогоров, И. Лопатин, З. Соболева, И. Лагутин, Ж. Серикбаев и другие, чьи работы теперь хранятся в областном художественном музее.

Состоялся слёт мастеров народного творчества, на котором 75 участников представили 140 своих работ. И.В. Лагутин подготовил для выставки скульптуру девушки-казашки в свадебном наряде.

Музей посетил автор эпопеи «Путь Абая» Мухтар Ауэзов, оставив отзыв со словами благодарности в адрес его создателей, особенно отметив роль Д.П. Багаева. А Дмитрий Поликарпович умер на рабочем месте 23 июля 1958 года, за минуту до этого разместив на стене очередной экспонат. Директором музея вполне ожидаемо был назначен его сподвижник и друг И.В. Лагутин.

* * *

Иван Васильевич стал достойным продолжателем их общего дела. В книге говорится о неустанном поиске новых экспонатов, оформлении новых экспозиций, организации выставок местных художников, мастеров народных промыслов, фотографов. Директор музея делал для того, чтобы они состоялись, больше, чем кто-либо другой.

В 1959 году Павлодарскому областному историко-краеведческому музею было присвоено имя Григория Николаевича Потанина – географа, этнографа, публициста.

И.В. Лагутин добился передачи музею водяной мельницы 18-го века, находившейся на берегу солёного Ямышевского озера. Она обветшала и могла окончательно разрушиться, а теперь стала ещё одним экспонатом.

Ивану Васильевичу принадлежит заслуга в приобретении копии первого проектного плана застройки Павлодара и других ценных документов, среди которых и высочайшее повеление «О возведении Коряковской станицы Сибирского линейного казачьего войска на степень заштатного города», названного Павлодаром. В нём разрешалось селиться не только русским разночинцам, но и крестьянам и мусульманам – казахам и татарам.

Появился стенд, посвящённый Д.П. Багаеву. Всё время шла поисковая работа с выездами в Баянаул, Ермак (ныне Аксу), Майский район. Создавались новые отделы в дополнение к уже существующим, в том числе был организован художественный отдел – прообраз будущего художественного музея. В экспозициях находили отражение знаковые

объекты индустрии, создаваемые в Павлодаре, история освоения целины и борьбы с ветровой эрозией. Продолжался сбор материалов об участии павлодарцев в Великой Отечественной войне – на её фронтах и в тылу.

К столетию В.П. Батурина благодаря неустанным трудам И.В. Лагутина удалось собрать девять его подлинных картин.

Все, кто приезжал в Павлодар: и должностные лица разного уровня, и писатели, и деятели культуры, – обязательно посещали музей. Сделал это и поэт Ярослав Смеляков, друг Павла Васильева, захотевший побывать в его родном городе. Заходил он и в редакцию «Звезды Прииртышья», выезжал с её журналистом В. Вороновым в сельский район. Оставил благодарные строки о музее, а редакции прислал журнал «Новый мир» со своими стихами, которые напечатала газета.

Музеем уже давно было тесно в стенах бывшего небольшого дома купца Сорокина, и директор, обивавший до этого пороги руководящих кабинетов, пишет письмо министру культуры СССР Е.А. Фурцевой с просьбой о строительстве нового здания для музея. К сожалению, дальнейшая судьба этого обращения неизвестна. А дело с мёртвой точки так и не сдвинулось. Но хорошо уже то, что увенчалась успехом переписка с республиканскими структурами о создании при музее художественного отдела.

Среди сохранившихся документов – переписка с директором Палеонтологического института Академии наук СССР Ю. Орловым, который руководил первыми раскопками на Гусином перелёте и создал впечатляющую экспозицию доисторических животных на основе найденных в Павлодаре их останков.

По запросу комиссии по охране природы Академии наук СССР, попросившей собрать сведения о памятниках неживой природы, директор музея сообщал: это участок соснового бора в горах Баянаула, заросли чёрной ольхи у озера Торайгыр, пещера со следами древних её обитателей и живописные скалы, участок берега Иртыша «Гусиный перелёт», где были найдены многочисленные останки животных гиппарионовой фауны – жирафов, оленей, антилоп, носорогов, мастодонтов, страусов, черепах и других видов.

О музее много писали в те годы журналисты «Павлодарской правды», названной позднее «Звездой Прииртышья», – В. Кокашинский, ставший впоследствии одним из ведущих журналистов «Литературной газеты», С. Музалевский, Д. Приймак и другие. Часто выступал с за-

метками и статьями в местной прессе и директор музея. По его инициативе в соавторстве с заведующим архивным отделом при облисполкоме Ю.А. Юхановым и художником-краеведом В.А. Критининым был выпущен первый путеводитель для туристов и краеведов – «По Павлодарскому Прииртышью». И.В. Лагутин и его коллеги содействовали открытию музея К.И. Сатпаева в Баянауле.

Жизнь в краеведческом музее была ключом. Помимо многочисленных прямых обязанностей, связанных с поисковой работой, созданием новых экспозиций, проведением экскурсий, делали и многое другое – выходили в школы и трудовые коллективы, вели большую просветительскую работу. И всё это есть в книге.

Очень много было сделано для сохранения памяти о павлодарцах, воевавших в 314-й стрелковой дивизии под Ленинградом. Один из её полков был сформирован только из наших земляков. И эта поисковая работа, которую начинали Иван Васильевич с коллегами, продолжается до сих пор. Ему мы обязаны копиями первых павлодарских газет «Голос степи» и «Свободная степь». А сам он напишет о редакторе первой советской газеты «Объединение», от которой ведёт свою историю «Звезда Прииртышья», – П.З. Ермакове.

И.В. Лагутин направил письмо в Ленинград, в библиотеку имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, с просьбой прислать копию постановления Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака «О возврате земель бывшим их владельцам» (надо полагать, тех, что были реквизированы советской властью), чтобы использовать её в одной из экспозиций. Ведь подразделения Колчака захватывали и Павлодар, и это тоже часть нашей истории.

* * *

И.В. Лагутин не один год вынашивал идею создать в Павлодаре художественную галерею или даже художественный музей. Он становился одним из главных организаторов и непременным участником художественных выставок в стенах музея и за его пределами. Не раз озвучивал эту идею на различных мероприятиях, писал письма в местные и республиканские инстанции.

И вот уже директор Казахской государственной художественной галереи пишет начальнику областного управления культуры, что они готовы безвозмездно передать в Павлодар часть произведений живописи, скульптуры, графики, если в городе будет создан художественный музей или хотя бы такой отдел при краеведческом музее. И.В. Лагутин

пишет министру культуры республики, что такой отдел в музее уже создан, и решено часть работ с недавней павлодарской художественной выставки передать для будущей художественной галереи, просит дать согласие на передачу ей экспонатов из республиканской галереи. Всё было согласовано, дары пришли в Павлодар, за что И.В. Лагутин сердечно благодарит письмом директора Казахской государственной художественной галереи Л.Г. Плахотную, деятельно поддержавшую павлодарцев.

В 1961 году городские власти приняли решение об организации картинной галереи в Павлодаре. Для этого планировалось предоставить правое крыло первого этажа управления «Павлодарстрой» и три комнаты в подвале строящегося здания на улице Фрунзе напротив Первомайского сквера. Однако ещё несколько лет выставки экспонировались в краеведческом музее, где работал художественный отдел. И первое время там было всего около двух десятков произведений живописи, графики и скульптуры, в том числе и работа В.П. Багурина.

И только в сентябре 1964 года на базе этого отдела благодаря неустанным трудам И.В. Лагутина был, наконец, создан Павлодарский художественный музей – первый областной в Казахстане. Иван Васильевич стал первым его директором, оставаясь при этом директором историко-краеведческого музея.

Новый музей был открыт на общественных началах и начал работать на Втором Павлодаре, во временном помещении, вблизи средней школы №12. А официальное его открытие состоялось 18 декабря 1965 года – на первом этаже пятиэтажного жилого дома по улице 1 Мая, 11. Он занимал площадь около 300 квадратных метров. Ещё до этого И.В. Лагутин передал свои полномочия искусствоведу В.А. Фрейману. А хранителем фондов была назначена К.И. Величко. Организатор и первый руководитель музея не утратил связи с ним, оставаясь членом совета музея.

Остаётся только удивляться тому, как он везде успевал и как ему всё удавалось. Ведь он был также одним из инициаторов и организаторов создания турбазы «Баянаул». С увлечением разрабатывал маршруты походов, в том числе всесоюзных. Давал всесторонние консультации по краеведению, много лет сам водил туристические группы по живописным местам Баянаульского природного парка. И, конечно, запечатлел в своих работах его красоты. По полному праву называл себя повивальной бабкой художественного музея и турбазы «Баянаул». Баянаул

он любил трепетно, как и родной Иртыш и его пойму. Участвовал в слётах инструкторов по туризму и краеведов. Писал статьи в газетах, и местные журналисты много писали о делах музея.

Много лет Иван Васильевич добивался от областных властей реконструкции и расширения историко-краеведческого музея, давно не вмещавшего всё новые и новые экспонаты. Ему всякий раз отвечали: нет возможности. Получив однажды очередной отказ, он заявил: «Тогда я слагаю с себя полномочия директора!» – и ушёл на давно заслуженный отдых из ставшего ему родным домом музея, которому он беззаветно служил двадцать лет.

* * *

В этой книге много открытий, неизвестных фактов и сведений, которые удалось добыть её создателям В.Д. Болтиной и Л.В. Шевелёвой. Одна из таких страниц – история жизни верной спутницы Ивана Васильевича, его супруги Евдокии Васильевны, в девичестве Трифоновой. Немало ей пришлось пережить в детстве, училась, как и её будущий муж, в школе крестьянской молодёжи, только в Черноречке, потом в техникуме механизации сельского хозяйства, по окончании которого получила специальность техника-механика.

Познакомились они в Песчаном (вот уж действительно судьбоносное место для И.В. Лагутина). А поженились позднее в Рославле Смоленской области. Вскоре появился и первенец – Виктор. А когда мужа призвали на армейскую службу, она до окончания Великой Отечественной войны оставалась с ребёнком на руках, продолжая работать.

После начала войны Евдокию отправили в эвакуацию с заданием сопровождать целый тракторный парк Рославльской МТС до станции Киреевка. Ехали эшелоном с 8 июля по 12 сентября. Каково ей пришлось эти восемь недель – только она знает.

После прибытия в Павлодар получила назначение механиком в Осьмерыжскую машинно-тракторную станцию (МТС), которая находилась в Песчаном. Там она, помимо других своих обязанностей, преподавала на курсах трактористов при МТС, по графику в ночное время дежурила на станции с шести вечера до шести утра и потом сразу выходила на работу. И поскольку уже зарекомендовала себя грамотным специалистом и хорошим организатором, меньше чем через год была переведена инженером в областной земельный отдел.

В 1947 году на базе областного земельного отдела создаётся областное сельскохозяйственное управление, в котором она – зональный инженер и

инженер по топливу. Она курировала по этой части все МТС области: согласовывала лимиты на получение топлива; контролировала выполнение планов ремонта тракторов, комбайнов и сельхозмашин, работу грузовых машин и передвижных МТС; проводила проверки правильности записей в таблицах производственно-финансовых планов МТС. Была также членом комиссии, созданной для оформления документов по выдвижению работников на отраслевые и государственные награды.

Следующая её должность – старший инженер по эксплуатации и ремонту машинно-тракторного парка. Готовила хозяйства области к участию во Всесоюзных сельскохозяйственных выставках и сама была их участницей в 1955, 1957 и 1958 годах. В 1967 году – участница ВДНХ СССР (Выставки достижений народного хозяйства) в Москве.

В облсельхозуправлении Евдокия Васильевна проработала до выхода на пенсию. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За трудовое отличие», «За освоение целинных и залежных земель». Избиралась народным заседателем суда и депутатом Павлодарского горсовета.

А ещё они с Иваном Васильевичем воспитали двоих замечательных сыновей. Старший Виктор после окончания горного факультета Томского политехнического института стал одним из признанных в России специалистов по борьбе с подземными пожарами на угольных шахтах. Прошёл путь от инженера горно-спасательной станции до заместителя начальника горно-спасательной службы Кузбасса. Защитил кандидатскую диссертацию, возглавил Российский НИИ горно-спасательного дела Центрального штаба военизированных горно-спасательных частей угольной промышленности. Автор более 50 научных публикаций и более 80 изобретений. За мужество и высокий профессионализм при ликвидации аварий на угольных шахтах удостоен почётного звания «Заслуженный спасатель Российской Федерации». К сожалению, он рано ушёл из жизни.

Младший сын Сергей родился через 15 лет после Виктора. Закончил Бакинское высшее военно-морское училище. Стал офицером-подводником, капитаном первого ранга.

Достойные родители воспитали достойных сыновей, которыми можно только гордиться.

* * *

Трагична судьба отца Евдокии Васильевны Василия Дмитриевича Трифонова, подробности которой удалось отыскать в архивах области, Алматы и Москвы создателям книги.

Получив трёхклассное образование, он, участник Первой мировой войны, на ней дослужился до офицерского чина. После революции 1917 года сочувствовал большевикам и в 1920 году вступил в партию. Служил в Туркестане, был командиром роты и батальона, комендантом города Верного (ныне Алматы) и комендантом города Намангана. После ранения лечился и служил на командирских должностях (в том числе командиром взвода офицеров) в частях особого назначения (ЧОН) в Семипалатинске и Павлодаре.

В архивных документах тридцатых годов значится: Василий Дмитриевич – председатель Песчанского сельского Совета, заново принят в партию (в то время проходила так называемая «партийная чистка»), председательствует на заседании партийной ячейки. И вдруг – исключение из партии – «за растраниживание (непонятно чего, – Ю.П.) и игнорирование распоряжений вышестоящих органов». Это февраль-март 1933 года. А уже в следующем году рекомендован парторганизацией колхоза «Новый путь» в новый состав сельского Совета.

В книге фигурирует акт проверки райкома партии, послуживший обвинительным «документом» для будущей участи В.Д. Трифонова. В нём говорится о том, что председатель Песчанского сельского Совета «при вступлении в партию скрыл свою службу в царской армии в офицерских чинах до капитана включительно» и служил у Колчака в офицерских чинах. Тут надо, пожалуй, оговориться: если службу в царской армии ещё как-то можно было вменить в вину красному командиру (хотя таких в то время были сотни и тысячи), то непонятно, когда и как он мог оказаться у Колчака (разве что был мобилизован, но никаких сведений на этот счёт нет). А дальше в акте – обвинения во вредительской деятельности: «Работал председателем Украинского сельсовета, выдавал кулакам фиктивные справки, как беднякам». И решение: «За обман партии и связь с кулаками из рядов ВКП (б) Трифонова исключить и привлечь к судебной ответственности. Арестован. Поставить вопрос перед Павлодарским РК ВКП(б) о привлечении к партийной ответственности членов партии, давших Трифонову рекомендации при вступлении в партию».

В районе шла настоящая свистопляска по выявлению «врагов народа». Ведь там «обнаружили троцкистско-зиновьевскую контрреволюционную группу». Во всех колхозах и совхозах, МТС на собраниях с участием 5320 человек заклеили «врагов народа» и их «преступные

замыслы». Хотя в личных разговорах люди говорили совсем другое – их слова тоже приводят авторы книги. А на собрании районного партийно-хозяйственного актива отмечалось: «В Песчанском совхозе половина совхоза кулаков, которые проводят троцкистскую агитацию на второй ферме, а Выдрин (директор совхоза, – Ю.П.) даже не поинтересовался, за что арестовывают у него людей».

Это И.В. Сталин объявил в то время об обострении классовой борьбы и решительном наступлении на врагов советской власти – от уголовников и до сих пор не раскрытых кулаков до затаившихся противников власти во всех сферах. И на места были спущены цифры – сколько следовало осудить по двум категориям: по первой – расстрелять, а по второй – отправить в лагеря на длительные сроки. Чтобы впредь никто не то что сказать, но и помыслить не мог против власти большевиков.

Судила тройка – внесудебный орган с функциями последней инстанции: начальник областного управления НКВД, первый секретарь обкома и областной прокурор, не особенно вникая в суть дела. В.Д. Трифонова признали виновным в систематической контрреволюционной пропаганде и приговорили к десятилетнему сроку в исправительно-трудовом лагере. И больше дочь о судьбе отца ничего не знала, говорили, что умер в лагере.

В 1984 году президиум Павлодарского областного суда по протесту областной прокуратуры на постановление тройки УНКВД по Восточно-Казахстанской области (куда с 1932 по 1938 год входила территория Павлодарского Прииртышья) от 27 ноября 1937 года отменил указанное постановление в отношении В.Д. Трифонова, уголовное дело прекратил, а его самого реабилитировал посмертно. Рассмотрение дела показало, что он отрицал обвинение в контрреволюционной пропаганде, и ни одного факта контрреволюционных его высказываний свидетелями не приводилось.

Решением бюро Павлодарского обкома партии В.Д. Трифонов был восстановлен в партии посмертно, как необоснованно исключённый в годы массовых репрессий.

* * *

Не одна страница книги посвящена друзьям Ивана Васильевича, для каждого из которых он находит свои, особые слова. Вот о Д.П. Багаеве и его снимках: «Девиз – жизненно значимое через объектив... Дмитрий Поликарпович проявлял внимание ко всему необычному – «из

ряда вон», открывал местные таланты... Он всегда был занят, всегда что-то делал, над чем-то трудился... Духовное наследие Д.П. Багаева – достояние общенародное».

Среди близких друзей И.В. Лагутина были фронтовики Георгий Гаврилович Крамаренко, Вячеслав Владимирович Шарапов, а также Жамкен Серикбаев. Воспитанник детского дома Жамкен по совету Д.П. Багаева поступил в Алма-Атинское художественное училище и стал первым профессиональным художником из павлодарской казахской молодёжи. В.В. Шарапов много лет проработал начальником спасательной станции в Павлодаре, был автором уникальных работ, которые вырезал из дерева. Своими учителями он считал Д.П. Багаева и И.В. Лагутина. Его работы экспонировались на выставках, одну из которых организовал Иван Васильевич в музее. В.В. Шарапов раздаривал свои деревянные скульптуры друзьям и знакомым. Написал интересную книгу воспоминаний, рассказов и очерков под названием «Жизнь – словно миг».

Учеником И.В. Лагутина считает себя известный казахстанский художник В.Ф. Поликарпов.

В книге также приводятся статьи Д.П. Багаева и И.В. Лагутина в местных газетах, открывавшие павлодарцам неизвестные им страницы жизни предшественников. Среди них Павел Васильев – «поэт с удесятёрённым чувством жизни», редактор первой советской газеты в Павлодаре П.З. Ермаков, учитель Н.Е. Алексеев и другие. А статьи о Ямышевском озере и Ямышевской крепости и сегодня читаются с неубывающим интересом. Приводится отрывок из книги И.В. Лагутина «Река времён».

Хорошо, что авторы книги нашли и опубликовали многочисленные статьи из «Павлодарской правды», предшественницы «Звезды Прииртышья», и других газет, посвящённые музеям, в которых работал Иван Васильевич, и ему самому. Их авторы – Д. Приймак, Б. Машрапов, Т. Карандашова, О. Григорьева, Э. Соколкин, Г. Шарапова, С. Горбунов, Г. Беспалова, З. Бутэрус, Е. Дубовая, М. Хусаинова и другие, рассказывая о его судьбе, заново открывают читателю многочисленные таланты и достоинства этой знаковой для потомков личности.

Особая роль в появлении книги принадлежит известному павлодарскому строителю и меценату Сергею Петровичу Гарину, много лет дружившему с Иваном Васильевичем, организовывавшему выставки его работ и опекавшему художника до самой кончины.

* * *

Бывают встречи, которые помнятся всю жизнь. Даже одна-единственная...

Павлодарская художница Галина Яковлевна Беспалова решила устроить у себя дома званый ужин для узкого круга, в который, спасибо ей, и меня почему-то включила, пообещав сюрприз.

Сюрпризом оказался Иван Васильевич Лагутин – живая легенда Павлодара, с которым мы, к сожалению, знакомы не были. Повод для нашего сбора с его участием был, если не ошибаюсь, такой: Галина Яковлевна написала портрет Ивана Васильевича и презентовала его нам.

Она же представила меня И.В. Лагутину. Его рукопожатие было тёплым и дружеским – располагающим. И ещё он сказал, что читает в «Звезде Прииртышья» мои «Записки редактора», добавив: это хорошо и правильно, что я их пишу.

Надо ли говорить о том, что сам он стал настоящим украшением того вечера, на котором говорили о творчестве и о жизни, о важном и не очень. Иван Васильевич, казалось бы, не предпринимая никаких усилий, всегда оставался в центре внимания. Меня завораживала его речь – неспешная, выверенная, образная, он говорил на таком русском языке, какой мало где можно было услышать. Жаль, подробности тогдашних разговоров выветрились из памяти, ведь с той поры прошло много лет.

Зато остались в памяти два эпизода, вошедшие позднее в мои книги. Было, конечно, и застолье, а когда стали разливать спиртное, предложили и ему. Иван Васильевич, как бы раздумывая, посмотрел на крошечную рюмку, стоявшую перед ним, и не без сомнения сказал:

– Ну разве что...

– Чуть-чуть... – подхватил я.

– Нет, – отвечал он, – это будет уже слишком... Как раз будет – разве что...

Капельку всё же выпил. А я до сих пор помню это его определение – «разве что...».

За столом тек разговор, как это бывает, в разные стороны, и Ивану Васильевичу всегда оказывалось что сказать.

Вспомнили почему-то известнейшего павлодарского закройщика и портного Ивана Антоновича Климчука, отца музыкального педагога, пианистки Веры Ивановны Поликарповой, обшивавшего много лет всю павлодарскую элиту.

Иван Васильевич, как бы между прочим, сказал:

– Как же, как же, – пауза, – знавал...

Все заинтересованно ждали, что последует дальше. И услышали:

– Спинку ему в бане потёр!

И стол отозвался дружным смехом – никто из нас не ожидал такого продолжения.

Всем нам очень повезло в тот вечер – оказаться рядом со столь незаурядным человеком, человеком многих талантов, блестящим рассказчиком и собеседником.

Помню я и юбилейную выставку, устроенную в областном художественном музее к столетию Ивана Васильевича. Он сидел в кресле, как и подобает патриарху, внимая поздравлениям и принимая цветы и подарки. Хорошо, что такую встречу с ним, по сути, прощальную, организовали, показали его работы. Жаль, что он на ней, если не ошибаюсь, не говорил. Не захотел или организаторы решили побережь его – не знаю. Если честно, не понравился мне поток желающих увековечить себя на снимке рядом с ним – живой историей города.

...Есть теория рукопожатий, по которой мы можем оказаться рядом с теми, кто нам очень дорог, но жил задолго до нас. Я поясню: у моей бабушки, Марии Петровны, родившейся ещё в девятнадцатом веке и дожившей, как и Иван Васильевич, почти до ста лет, тульские корни. Она – современница Льва Толстого. И мне всегда хотелось думать, что она в своём раннем детстве могла его видеть. Вряд ли это так: она – из крестьянской семьи, а он граф, и жили их семьи далеко друг от друга. Но мне всё равно греет душу тот факт, что моя бабушка – современница и землячка великого писателя.

К чему я это? А к тому, что первую выучку Иван Васильевич Лагутин проходил в Павлодаре у художника Виктора Павловича Батурина, чьи работы есть и в Третьяковской галерее, а сам он бывал в Ясной Поляне у Льва Толстого, дружил с его сыном Львом Львовичем и наверняка общался со Львом Николаевичем. А это значит, что и И.В. Лагутин – через В.П. Батурина – в одном рукопожатии от Л. Толстого. А все мы, знавшие Ивана Васильевича, в двух рукопожатиях от него же. Нам, современникам И.В. Лагутина, повезло ещё и в этом.

* * *

22 июля 2013 года Иван Васильевич Лагутин отмечал своё столетие. Накануне в областном художественном музее, у истоков создания которого он стоял, была организована большая выставка его работ. По-

здравить художника, уважаемого человека, почётного гражданина Павлодара, награждённого орденом «Парасат» («Достоинство»), пришли представители органов власти, общественности, друзья и коллеги.

Иван Васильевич однажды сказал: «Необходимо оставаться человеком с большой буквы в продолжение всей жизни, среди всех превратностей судьбы, и в счастье, и в несчастье, в скорби и радости, богатстве и бедности, в здравии и болезни, в тишине и буре душевной». Именно так прожил свой век он сам и завещал эти правила нам.

«Смотреть надо не с высоты прожитых лет, а с глубины», – сказал тем, кто пришёл в художественный музей поздравить его со столетним юбилеем.

Создатели книги В.Д. Болтина и Л.В. Шевелёва именно этим принципом руководствовались при её подготовке. И всем тем, у кого она окажется в руках, повезло стать свидетелями уникальной судьбы её главного героя И.В. Лагутина, страниц истории, выпавших на его долю, и судеб многих людей, с которыми ему довелось встречаться и которые оставили неизгладимый след в его жизни.

«ВСЁ, ЧТО МОГУ, Я НА СЕБЯ БЕРУ!»

Мы были знакомы с Владимиром Романовичем Гундаревым без малого 25 лет и больше 20 лет по-настоящему дружили. И при этом не наберётся, наверное, в общей сложности и месяца, проведенного нами вместе. Что нисколько не мешало нам дружить и (пусть это и покажется кому-то высокопарным) чувствовать друг друга на расстоянии.

Все эти годы главным делом жизни Владимира Романовича был журнал «Нива», когда-то им самим придуманный, выпестованный, переживший разные времена и умерший вскоре после неожиданной кончины его создателя. Сам оставаясь в тени, В.Р. Гундарев был в ту пору, пожалуй, главным собирателем литературных сил республики. «Нива», рассчитанная в своё время лишь на творческие силы Северного и Центрального Казахстана и читательскую аудиторию этих регионов, со временем завоевала всеказахстанскую известность. А потом журнал хорошо узнали и в России. Обзоры каждого номера «Нивы» регулярно публиковала «Литературная газета».

Мне давно хотелось написать о Гундареве. Но так уж выходило, что наши не слишком частые встречи либо не оставляли времени для спокойных и обстоятельных бесед, либо сам он деликатно, но решительно уклонялся от разговора о себе. Пока однажды, опубликовав в «Ниве» мой очередной очерк, как показалось тогда, даже с некоторым вызовом, спросил: а вот о нём мне очерк написать слабо?

И тогда я пустился на небольшую хитрость: составил перечень вопросов и отправил ему, попросив ответить на них письменно. Так родилась эта беседа, которую, впрочем, правильней было бы назвать вос-

поминаниями Владимира Гундарева о детстве, его размышлениями о собственных жизни и творчестве.

Мы договорились с ним, что будем общаться, как и в жизни, на ты. И еще я попросил Владимира Романовича по возможности проиллюстрировать ответы на вопросы и выдержками из его стихов.

– Все мы родом из детства. Каким было твоё? Расскажи о родителях, ярких впечатлениях детства.

– Я – человек деревенский. И не стыжусь этого. Родился 19 июля 1944 года, как говорила моя мама, на восходе солнца. И мне кажется, что этот нежный утренний свет, несмотря на все жизненные передрыги, сохранился в моей душе до сих пор, он и помогает мне всё преодолевать. Родом я из глухих сибирских краев, из Кыштовского района Новосибирской области, который на северо-западе граничит с Томской областью, а на юго-западе – с Омской. От райцентра до железной дороги – 160 километров.

*Здесь березовый свет,
журавлей на болотах рыданье,
Рыжий колос у ржи,
бирюзовые очи у льна.
Вдоль угрюмых урманов,
возле топких озер Васюганья
Протянулась полоской
родная моя сторона.
Простоватой крестьянкой
притулилась у Тары неловко,
Не прельщая красой
и лукаво к себе не маня.
Но всему вопреки
неказистая вроде б – Кыштовка
Год от года дороже,
прекрасней столиц для меня.
Тяготенья земное –
в нём, Кыштовка, твоё притяженье –
Эту властную силу
я всегда ощущаю вдали.
И, старея, к тебе
я свое убыстряю движенье –
Тут и мама моя
стала горстью родимой земли...*

Это уже из стихов последних лет, когда я попытался выразить свое трепетное отношение, свою любовь к этому краю.

Вообще-то родился я в селе Большеречье, но затем отец Роман Тимофеевич вернулся в свою родную деревню Ядрышниково, где жили его родители, младший брат и две старших сестры. Отец был старше мамы на десять лет. Ей было девятнадцать, когда она родила первенца – меня. Отец по тем временам был грамотным человеком – окончил 7 классов, у мамы же за плечами всего два класса. Отец уже повидал мир, жил и работал на Дальнем Востоке, в Амурской области, где жили тогда его родственники, их и сейчас там много. Отец был болезненным, перенёс много операций, поэтому и на фронт его не взяли. В Большеречье он был начальником сельской почты, а когда переехали в Ядрышниково, стал вместе с мамой работать в колхозе – пчеловодом на пасеке, а мама ему помогала. Можно сказать, что на пасеке я и рос. До сих пор тепло вспоминаю это время.

Послевоенное детство, как и у всех из моего поколения, было тяжёлым. Досыта никогда не ели. С весны до поздней осени мы, ребята, переходили на «подножный корм» – дикий лук и чеснок, ягоды (земляника, клубника, малина, смородина, костяника, черемуха, боярка, шиповник, рябина, клюква, брусника), грибы, рвали в лесу медунки, так называемые «пучки», «шкерды» (очищали их стебли и ели), на берегах озёр лакомились молодым камышом. В общем, знали множество съедобных трав. По весне зорили в колках сорочьи гнёзда и пекли на костре или выпивали сырыми яйца. Этим и набивали животы. Но есть всё равно хотелось. Главное – мало было хлеба. Да и картошки не вдоволь. Весной, когда на огороде сходил снег, мы собирали оставшиеся и созревшие клубеньки, мама их очищала от кожуры, смешивала эту серую массу и жарила нам на железной печурке драники. Вкусноты необыкновенной!

Немного подросток, лет с 6-7 приистрастился к рыбалке. Самодельными удочками (лески из волос конского хвоста) рыбачил на речке Таре, где ловил пескарей, ершей, чебаков, ельцов, окунишек, и на многочисленных озёрах, где водились караси и гольяны. Увлечение карасями у меня сохранилось до сей поры. В рыбалке я был удачлив. К тому же это была весомая прибавка к столу. Мама всегда радовалась, когда я возвращался с добычей. Этому умению меня научил мой крестный дядя Саня, он был сторожем на пасеке, мы с ним там ночевали, а раненько уходили рыбачить на озеро Конопляное – в километре от пасеки. По

ведру карасей иногда притаскивали! Из всех снастей я признавал только удочки. Кстати, о дяде Сане у меня есть стихи «Всё может быть...». Приведу такие строки:

*...И только сторож пасеки колхозной
(Был одноногим дядя Саня наш)
Считался человеком несерьёзным,
Внося в беседы эти ералаи.
Был весел он, философ деревенский,
Мастак затеять безобидный спор,
То острое словцо вдруг вставит веско
Он в простодушный сельский разговор,
В глазах скрывая синие сполохи,
Невозмутимый сохраняя вид,
Такое сказанёт, что дружный хохот
Раскатами в деревне загремит.
То, новостью внезапной ошарашив,
С три короба, придумщик, наплетёт,
Потом, поправив ногу-деревяшку,
Опять сигарку новую свернёт.
Любил он повторять одно и то же,
Ладонью припечатывая в такт:
«Всё может быть,
лишь быть того не может,
Чего уже не может быть никак»...*

Ну и так далее.

Колхоз — он и для детворы колхоз. Сызмальства мы стали помогать старшим. Сажали и копали картошку, во время сенокоса (а всё тогда делалось вручную и на конской тяге) на лошадях возили копны. Женщины косами-литовками косили траву, а мы, мальцы, когда трава в рядках подсохнет, граблями переворачивали сено. В общем, дел и нам хватало. В уборку, когда подросли, были копнильщиками на уборочных агрегатах, помогали обмолачивать рожь, горох, рвали лён-долгунец. Зарабатывали первые трудовни, на которые по итогам колхозного года мало что причиталось. Впрочем, речь сейчас не об этом. Просто мы не были тогда белоручками и в меру сил помогали родителям...

Да, забыл сказать, что деликатесами для нас, детей, были брюква (особенно пареная), репа и кормовой турнепс. Хлеб же мама пекла в печи ржаной, да и то смешивала муку с тёртой картошкой. Вот та-

кие ковриги и насыщали наши голодные рты. Белого – пшеничного – хлеба мы (через три года после меня родился брат Михаил) не видели. Такой хлеб ела только семья моего родного дяди Трофима (он работал в МТС бригадиром тракторной бригады), жившая в доме-пятистенке моего деда Тимофея Кондратьевича рядом с нашей неказистой избой. Иной раз, когда голод давал о себе знать, я стоял у высоких тесовых ворот этого крепкого двора и клянчил: «Тетя Лена, откложите лавота (так я произносил слово «ворота»), дайте мне хлеба». Жена дяди Трофима выходила, открывала с щеколды калитку и выносила мне душистый пшеничный ломоть. Многое из той поры стёрлось в памяти, а вот это попрошайничество осталось (вообще-то хлеб досыта мы стали есть где-то с 54-55 года, когда началось освоение целины).

Дед Тимофей (бывший мельник, а потом плотник, и очень умелый), мягко говоря, был скуповат и прижимист, под стать ему была бабушка Евпроксия (умерла в 1957 году). Кстати говоря, дед был рыжебород, курил трубку, больше молчал, чем говорил, на нас, внуков, внимания не обращал. Породы он был крепкой, прожил до 86 лет, правда, трубку уже не курил, но стопочку-другую (когда я приезжал в деревню в гости, уже став журналистом) вместе со мной выпивал. Под конец жизни он подобрел ко мне и охотно со мной общался, хотя говорил по-прежнему мало. Наверное, что-то от деда Тимофея (его звали в деревне «дед Тима-к») передалось и мне. Во всяком случае, курение трубки. А вот дожить до его лет – об этом и мечтать нечего.

Отрадой той поры для меня была пасека. Я любил там бывать, с любопытством наблюдал за таинственной для меня жизнью пчёл, укусов их не боялся (хотя бывало, что пчёлы и жалили меня), любил густой и тяжёлый аромат раскинувшегося рядом с пасекой белого поля цветущей гречихи, с которой пчёлы собирали тягучий нектар. А когда отец качал мёд, я помогал крутить ручку медогонки, а потом с удовольствием ел «ошурки» – срезанные с рамки верхние части запечатанных пчёлами восковых сот. Однако не был падок на мёд, особого пристрастия к нему не испытывал – в отличие от брата Мишки, который мог съесть этого лакомства довольно много. Пожалуй, именно на пасеке, в прекрасном уединении, я научился общаться с природой, полюбил ее.

О том времени у меня есть написанные ещё в молодости стихи «Слово об отце». Приведу несколько строф:

*В душе пора не запорошена,
Её я снова повторяю:
Вот смеха катятся горошины,
С отцом опять я говорю.
В лохматых каплях клевер розовый,
Мы на траве лежим с отцом.
И день – белесый и берёзовый,
К нам прикасается лицом.
Синичка рядом тонко тенькает,
Спешат куда-то муравьи.
Моё сердчишко бьётся птенчиком
От неосознанной любви...*

Когда я писал эти и последующие строки, то видел перед собой пашку и её окрестности.

– **Где и как ты учился? Твои воспоминания, связанные со школой.**

– В родной деревне Ядрышниково я окончил школу-четырёхлетку, а потом стал учиться в семилетке – в соседней деревне Заливино, где жил брат моей матери дядя Алексей, бывший фронтовик. Было одно неудобство – наши деревни находились друг от друга всего в трёх километрах, но их разделяла река Тара. Переправиться на другой берег можно было только на лодке. С этим же постоянно возникали проблемы. Весной и осенью по этой причине не каждый день прибежишь из школы домой, приходилось обитать у дяди Алексея. Да и зимой – в морозы и снегопады – тоже дома появляешься один-два раза в неделю. Вот и жил я у дяди Алексея, принося для питания в тощем мешочке – «сидоре» – не то что съесть, а так, что было – ковригу хлеба да шмат сала. Тетя Маруся – жена дяди Алексея – относилась ко мне по-доброму, всем, что было на столе для своих, кормила и меня.

С одежкой и обувкой в то время тоже худо было. Много лет спустя, когда меня на родине узнали как поэта, учитель литературы и русского языка в семилетке Леонид Павлович Полукеев рассказывал моей однокласснице Светлане Масловой, с которой мы потом учились в средней школе в Кыштовке (мать Светланы – родная сестра Полукеева): «Никогда не забуду 1 сентября 1955 года. К нам тогда в пятый класс из деревни Ядрышниково пришли несколько учеников. И вот – торжественная линейка. Каждый обут, одет – насколько позволяли возможности родителей. Смотрю – и глазам своим не верю: один вихрастый мальчишка стоит в этом строю... босиком! Это был Володька Гундарев».

Я любил школу, любил учиться. Ровно успевал по всем предметам. Но особенно любил литературу и русский язык. Читал запоем (я и сейчас постоянно учусь, правда, больше забываю, чем оставляю в памяти). И Леонид Павлович всячески поощрял мою тягу к знаниям, мой интерес к литературе. Уже тогда я сочинял стихи. Леониду Павловичу я признателен за поддержку. Многим я обязан и своему первому учителю, бывшему фронтовику Михаилу Федоровичу Чебыкину. Михаил Федорович учил меня с первого по четвёртый класс и был расположен ко мне.

Через год, где-то с шестого класса, из нашей деревни только один я учился в семилетке, остальные мои сверстники и сверстницы по разным причинам бросили учёбу.

В 1958 году я сдавал экзамены за седьмой класс. Только сдал первый экзамен (по математике, получил пятерку), как 2 июня, на Троицу, умер (в 42 года) мой отец. После его похорон я пришёл, зарёванный, на письменный экзамен по русскому языку и литературе. Директор школы предложил: «Мы тебя освобождаем от дальнейших экзаменов, поставим тебе тройки, согласен?» Но я отказался. Сказал, что буду сдавать. Пишу сочинение, а слёзы каплют на тетрадные листы... Всё же написал. Получил пятерку. На отлично сдал и последний экзамен.

После смерти отца (нас у мамы осталось четверо – кроме меня и Мишки, две сестрёнки: шестилетняя Вера и годовалая Наташка) надо было помогать матери. И я лето работал в колхозе прицепщиком на тракторе у дяди Трофима (к тому времени он стал уже рядовым механизатором). Были не только дневные смены, но и ночные, особенно трудные для меня. Ничего, привык, втянулся. Даже трактором ДТ-54 научился управлять.

Это время тоже запечатлелось в стихотворных строчках:

*А пчёлы брали мед в гречишнике,
Гудели в желтой мгле акаций.
И мне в четырнадцать мальчишеских
Пришлось отчаянно мужаться.
Мгновенно кончились все праздники,
Мне тяжелее час от часа –
В июньский день на тихой пасеке
Отец скончался...
И плакал я от горя страшного,
Как плачут дети, враз взрослея.
Стал неожиданно за старшего
В своей потерянной семье я...*

Вполне возможно, что впоследствии я бы стал механизатором, а то, глядишь, и бригадиром... Но мне хотелось учиться. Уговорил маму отпустить меня 1 сентября в восьмой класс. Средняя школа находилась в райцентре, в 25 километрах от нашей деревни. Значит, в Кыштовке надо было определяться к кому-нибудь на квартиру. Слава Богу, жил не у чужих людей, – у дальних родственников со стороны отца, но всё равно не дома... У меня всегда глаза на мокром месте, когда я смотрю фильм по рассказу Валентина Распутина «Уроки французского». Это и обо мне тоже. Во всяком случае, в отдельных эпизодах узнаю себя, да и окружающая обстановка, дух времени – соответствуют тому, что пережил и перечувствовал я.

В средней школе мне очень повезло с преподавателем литературы. Раиса Павловна Рассказова сыграла большую роль в моей судьбе, всячески поощряла моё увлечение стихотворчеством, относилась ко мне... ну... как к близкому человеку, переживала за меня и поддерживала, воодушевляла. И я сам всегда впоследствии испытывал к ней теплые, прямо-таки родственные чувства. Она тогда даже мои сердечные тайны знала. Да и потом, спустя годы, догадывалась, что я всегда любил одну свою одноклассницу. К сожалению, тогда без взаимности. Мы до сих пор с Раисой Павловной в дружеских отношениях. Нынче ей исполняется 75 лет... А пять лет назад она отмечала свой 70-летний юбилей. Как раз в те дни моя младшая дочь Ассоль защищала в медицинском институте кандидатскую диссертацию. И всё же я рванул на юбилей учительницы. Из всех её бывших учеников я был единственным, кто приехал издалека, даже из другого государства.

Вообще о детстве, о взрослении, о трудной и прекрасной поре жизни можно рассказывать долго и много. Ведь именно там истоки всего. И хорошего, и плохого.

Что касается ярких впечатлений детства, то о некоторых из них я уже рассказывал. К этому добавлю, что когда я пришёл «первый раз в первый класс», то сразу же любимой книгой стал букварь (до школы я читать не умел), я полюбил моих учителей, которых назвал выше, я был ошеломлён, когда стал понимать и чувствовать неброскую красоту природы. Об одном из ярких впечатлений детства можно узнать из стихотворения «Потрясающие события». Вот его начало:

*Не помню, в каком году –
возможно, в пятьдесят первом,
Однажды по нашей деревне*

*полуторка пронеслась.
Шарахались куры и гуси,
в испуге теряя перья,
Но лихо летела машина,
разбрызгивая грязь.
А мы, пацаны босые,
на это чудо глазели,
Затем, подвернув штанины,
за ней припустили вмиг.
И пузырились наши
рубахи из бумазеи,
Мы ликовали: отныне
в колхозе есть грузовик!..*

– Первые ростки творчества: как, откуда, почему? Когда ты понял, что – поэт?

– Я был таким же, как все деревенские мальчишки, и всё-таки внутри что-то необъяснимое меня будоражило и томило. В школе я сразу же полюбил стихи, чувствуя в них какое-то волшебство. И мне самому захотелось сочинять, придумывать. Кажется, во втором классе у меня получилось примерно такое: «Вытаращив глаза, бежит по дороге коза». Смешно? С этого всё и началось. Мне понравилось рифмовать. Уже в семилетке мое пристрастие к стихам ни для кого не было секретом. А когда учился в средней школе, писал много, меня все называли поэтом, я уже тогда мечтал стать журналистом и писателем. С восьмого класса я стал своим человеком в редакции районной газеты «Колхозный путь». Сначала писал короткие заметки, а уже весной 1959 года было опубликовано мое первое стихотворение. Невозможно передать, что я испытывал, когда увидел напечатанными в газете свои стихи. С тех пор и пошло... Редакция районки стала для меня родным домом, по существу моей первой и главной в жизни газетой. Она дала мне путь в литературу. Поэт ли я – трудно сказать, но стремление им стать не давало мне покоя. Никогда не забуду такой случай. Ещё был жив отец (кажется, это было незадолго до его кончины). Мы сидели за столом, обедали, и я вдруг брякнул: «Папа, а я хочу быть поэтом». Он так посмотрел на меня пронзительно, такую боль я увидел в его голубых глазах, что осёкся. Отец ничего не сказал. Но уже потом, когда его не стало, я понял, что таил его взгляд. Отец наверняка чувствовал: жить ему осталось мало (год назад в Новосибирске ему сделали сложную

операцию, вырезали одно легкое и от второго часть отрезали), а мне придётся бросить школу и идти работать в колхоз... «В лучшем случае ты станешь трактористом, надо помогать матери растить младших. Вот тебе и вся поэзия...» Этот отцовский взгляд я чувствую и поныне... Я очень любил отца. И до сих пор для меня он очень дорог, я постоянно ощущаю его взгляд – но уже строгий и требовательный. Много лет спустя я написал стихи, в которых есть такие строки:

*И каждый раз, когда моя дорога
К порогу дома отчего вернётся, –
Отец с портрета сразу глянет строго,
А мама в грудь мою лицом уткнётся.
За худенькие плечи обнимая,
Оцепенею от гнетущей боли:
«Какая же ты маленькая, мама!
Как высохла от горькой вдовьей доли...
Становишься всё меньше...
Что тут скажешь? –
Так облако под ярким солнцем тает.
В какой-то миг – представить страшно даже –
Неужто и совсем тебя не станет?..
И всё, что с нею связано, – то свято,
И дорожу я этим беспредельно.
А мама улыбнется виновато:
«И как тебя я нынче проглядела?
Ведь глаз с дороги не сводила прямо,
И всё из рук валилось, право слово,
Как чуяла, что ты без телеграммы
Заявишься домой внезапно снова».
И хлопочет оживленно рядом,
И снедью стол уставит предо мною.
А я, отцовским пригвожденный взглядом,
Стою, не смея сесть к нему спиною.
И спазмы перехватывают горло:
«Ну что, отец, ты душу мне тревожишь?
И смотришь на меня с немым укором,
Ведь ты теперь меня уже моложе,
А я всё старше буду год от года.
Такое предназначено судьбою.*

*Я без тебя одолевал невзгоды,
Ну в чем же я повинен пред тобою?
Ведь я над жизнью матери не властен,
От хвори уберечь её не в силах...
Пусть не всегда
был путь мой прям и ясен,
И ветром по земле меня носило
Из края в край,
Но на дорогах трудных
Я не подвёл, ничем не опозорив
Тебя и мать.
Так было и так будет,
Покуда надо мною светят зори...»*

Извини за длинное самоцитирование, не удержался... Заканчиваются эти очень важные для меня стихи такими строчками:

*...И чтобы о давно ушедших память
Забвения травой не зарастала,
Нас честными отцовскими глазами
Оценивает время непрестанно.*

По складу души я лирик, всё, что меня тогда окружало, требовало выхода. Чувства, бушевавшие меня, хотелось выразить «складно», своими словами. Так было в начале творческого пути, так и осталось...

Мама – Мария Егоровна – после смерти отца тридцать с лишним лет работала на ферме телятницей, имела немало поощрений и наград, в их числе орден Трудовой Славы третьей степени... Умерла в 1995 году, через два месяца после своего семидесятилетия... Брат и сестрёнки в своё время (каждый в разные годы и по отдельности) жили у меня в Целинограде, но потом всё-таки по разным причинам вернулись в деревню, в сельской местности живут и сейчас. А вот у меня судьба сложилась иначе. Вопреки и наперекор обстоятельствам я шёл к своей цели. Знаешь ли, отцовский взгляд меня подталкивал. Отец, как мне представляется, был и остаётся моим ангелом-хранителем. За последние годы он меня трижды спасал от смерти. Теперь всё – «лимит» исчерпан... А ещё, наверное, и данный мне какой-то божий дар не давал смириться, подталкивал вперёд.

– Как вообще пишутся стихи? Что первично: мысль, образ, тема, ритм, настроение?

– Ну, на это я затрудняюсь тебе ответить толково и вразумительно, ибо «тайна сия велика есть». Стихи пишутся и рождаются по-разному, чаще всего стихийно, когда поступит толчок извне, может быть, свыше. Это называют вдохновением. Хотя можно себя и заставить писать стихи. Такое у меня тоже часто бывало. Работаешь-работаешь, пересиливаешь себя, ломаешь преграды, а потом увлечёшься – и вдохновение накатило.

А что первично: мысль, образ, тема, настроение? Правил тут нет. Опять же случается по-разному. То вдруг зацепит тебя внезапно возникшая мысль, показавшаяся тебе интересной, нетривиальной, то появится зримый образ, или сразу же в мозгу вспыхнет строчка, от неё и начинаешь «танцевать», мгновенно отключаясь от окружающего тебя мира. Всё это сугубо индивидуально. Нередко озарение приходит в совершенно неподходящей ситуации. Это может быть и на шумной улице, в грохочущем поезде или в переполненном автобусе. А то и ночью строчка приснится... Первично всё-таки Слово... Спроси у своей жены, поэтессы Ольги Григорьевой. Думаю, она ответит то же самое.

Сказывается и настроение. Многие стихи окрашены настроением автора. Оно может быть всяким. В зависимости от него и тональность стихов.

Вот сравни:

*Ах, какое настроенье у меня! –
Словно радостью внезапно наградили.
Я иду по бело-синей кромке дня.
И белы деревья, как на негативе.
И дома белы на улице, взгляни:
Облаченные в сугробы изваянья,
Низко крыши нахлобучили они,
Погруженные в свои воспоминанья...*

Это относительно ранний Гундарев.

*Всё так же, как весной,
Бывает в октябре,
Когда в тиши лесной
Стоят деревья голы.
Березы на заре
Блестят, как в серебре,
Но морок пеленой
Окутывает доли.*

*И дождик проливной
Из низких облаков,
И в речке предо мной
Опять набухло русло.
И стайки воробьев
Сухой находят кров.
Всё так же, как весной.
...Лишь только грустно.*

Это написано уже в годы зрелости.

А вот строфа из «поздней» лирики:

*Даже долгая жизнь всё равно коротка,
А ведь я ещё даже и не жил.
И тебя, мимолетно коснувшись виска,
Слишком мало ласкал я и нежил...*

Или вот:

*...Теперь же мне под шестьдесят.
Но ясен мой беспечный взгляд,
В душе я молод – ты со мною!
И что оставшийся мне путь,
Коль силы распирают грудь
И осень кажется весною!*

Эти строчки взяты из стихов, выплеснувшихся уже нынче, в 2002 году. Пожалуй, вне зависимости от возраста многое в стихах определяет именно настроение. Но к этому нужны еще умственные и прочие способности.

– **Кто поэт, а кто нет? Как это определить?**

– Всё это субъективно. Ведь существует тонкая и невидимая грань, по одну сторону которой поэзия, а по другую – её подобие. Если по большому счёту, то я боюсь причислить себя к поэтам (хотя хочется верить, что это так). Если же я действительно поэт, то, пожалуй, довольно средний. Ну уж какой есть. Выше головы не прыгнешь. Вообще-то по неуловимым признакам можно отличить поэта от графомана, настоящую поэзию от умелого версификаторства – труднее. Критерии, конечно, есть, но пользоваться ими сложно. Внешние признаки поэзии ещё не всё, чтобы окончательно определиться и дать оценку автору. Нужно еще и чувствовать нутром.

– **Как родилась «Деревенька»? Как стала песней? Вспомни истории, связанные с «Деревенькой».**

– Как родилась «Деревенька»? Понимаешь, меня всегда тянуло домой, то есть на родину. Но в молодые годы далеко не каждый год удавалось провести свой отпуск в деревне. Это уже позже, став постарше и пока жива была мама, я старался навещать ее ежегодно. Так вот, зимой 1971 года я так затосковал по родине, что спасу нет. Чтобы облегчить душу, в один присест, примерно за час, написал стихи «Деревня моя деревянная». А потом и ещё большой цикл стихов об этом, в том числе и с такими «программными» строчками:

*...Не франтоваты, не парадны,
Походки ваши не легки,
Вы угловаты и нескладны,
Мои родные земляки.
Иваны, Марьи и Семёны
Ждут свой черёд, светло тихи.
Входи, деревня, поименно
В мои сыновние стихи...*

Впоследствии этот цикл составил основу моего первого сборника стихов «Деревня моя деревянная», вышедшего в 1973 году.

Как раз в ту пору началась повальная кампания по уничтожению так называемых «неперспективных» деревень. И мои стихи были как раз стихийным, неосознанным протестом против этого варварства. Кстати, под этот нож чуть не попала и моя любимая деревня Ядрышниково. Ее спасло чудо – появление песни «Деревенька моя». История её возникновения любопытная. Сначала стихи «Деревня моя деревянная» были опубликованы в областной газете «Целиноградская правда», потом я их отправил в одну из новосибирских газет. Там-то, видимо, они и попали на глаза композитору Николаю Кудрину, он искал слова, чтобы написать песню о деревне. Мои стихи пришлись ему по душе, он и создал песню «Деревенька моя», взяв из стихов только три наиболее подходящих, «поющих» строфы. Естественно, об этом я не знал и не ведал. Как потом выяснилось, первым исполнителем «Деревеньки» был самодеятельный ансамбль «Ватаalinka», которым руководил Н. Кудрин. Ансамбль пел её в Кремлёвском Дворце съездов на заключительном концерте Всероссийского фестиваля народной песни. Потом её стал исполнять Сибирский народный хор, а солисткой была заслуженная артистка России Галина Меркулова (с ней я был раньше знаком и даже немного влюблен в неё). Кстати, несколько лет спустя Сибирский народный хор приезжал к нам в Целиноград, и эта песня звучала в моём

присутствии на концерте во Дворце целинников. Не скрою, мне было приятно, когда объявили, что автор стихов находится в зале. Пришлось встать... Но это было потом...

В 1973 году «Деревенька моя» зазвучала по Всесоюзному радио в исполнении заслуженной артистки России Нины Пантелеевой и вокального квартета «Улыбка». Тогда-то я впервые услышал эту песню. Правда, автором слов значился И. Гундарев. Осенью того же года я был на лечении в Алуште, увидел афиши, что выступает Нина Пантелеева, пошёл на концерт. Вовсе не думал, что для изысканной курортной публики она будет петь «Деревеньку». А она спела... В антракте я набрался смелости и пошёл за кулисы, чтобы познакомиться с певицей. Встрече Нина Пантелеева обрадовалась (мы потом долго с ней переписывались), порывисто меня обняла: «А мы с Николаем Кудриным найти вас не можем... Вы знаете, Володенька, какой это замечательный шлягер!» Она дала мне адрес композитора, пообещала, вернувшись в Москву, прийти на радио и исправить ошибку в моих инициалах (слово она сдержала). Я написал в Новосибирск Николаю Михайловичу, так мы с Кудриным заочно познакомились. Даже написали ещё одну песню – о Сибири, но она такого звучания, как «Деревенька», не получила. К сожалению, с Николаем Михайловичем встретиться нам так и не удалось, а несколько лет назад композитор Кудрин, ставший народным артистом России, умер...

«Деревенька моя» стала звучать и на Центральном телевидении – в исполнении народной артистки России Ольги Воронец, да и вообще – к моей неожиданности – стала в народе очень популярной, в том числе и в застольях, чуть ли не наравне с «Шумел камыш».

Удивительно, но эта песня живёт и сейчас, вот уже 30 лет. (Добавлю от себя, живёт до сих пор – спустя больше десяти лет после кончины Владимира Романовича, – Ю.П.)

Между прочим, Ольга Воронец однажды зимой, уже в восьмидесятые годы, была с концертами в моём родном Кыштовском районе. Там её на руках носили. Мне об этом написала бывшая учительница Раиса Павловна Рассказова. А тут сразу же у меня выпала командировка в Москву. Уже в последний день перед отъездом в Целиноград я пересилил свою застенчивость и позвонил Ольге Воронец (номер телефона у меня был), представился, услышал её восторженный, но простуженный голос: «Вы знаете, как меня приняли на вашей родине! Хотя морозы были под сорок градусов, но мне было так тепло! На одном

из концертов была ваша младшая сестра, мне её показали. Познакомилась я и с вашей учительницей. Правда, маму вашу не видела, до её деревни мы не смогли доехать. Но когда я увидела эту природу, то поняла, что стихи о деревеньке могли родиться только здесь... И всё же я в Сибири простыла, только вернулась оттуда, сейчас сильно гриппую. Через день-два я буду готова пригласить вас, Володя, в гости». Я поблагодарил Ольгу Борисовну и сказал, что, к сожалению, ночью улетаю. Встретимся в следующий раз... Но так и не получилось.

«Деревеньку» я слышал многократно в прекрасном исполнении и замечательных солистов, и разных коллективов. Но особенно был расстроен, когда приехал в родительский дом, вечером мама собрала гостей-односельчан, а потом они после рюмки-другой вдруг переглянулись и запели «Деревеньку». И столько в их непоставленных голосах было искренности, душевности, что на моих глазах выступили слёзы. Испытать такое – счастье. Это высшая награда для автора от земляков. Это моими словами они выражали свою любовь к родной стороне.

– **Правда ли, что ты живёшь на доходы от своей «Деревеньки»?**

– Да, ещё в семидесятые годы мои московские друзья пустили шутку: «Гундарев – последний русский помещик. Он до сих пор живёт на доходы от своей «Деревеньки». Действительно, если бы в те годы собрать все отчисления, которые я получал за исполнение песни через Всесоюзное агентство охраны авторских прав, в том числе и за рубежом, то на эту «ренту» вполне можно было купить «Жигули». Я же эти гонорары, разумеется, растранижил – не скопидом, не в деда-мельника пошёл. Правда, потом, по причине раздела Советского Союза, гонорары за «Деревеньку» иссякли, но недавно в сфере оплаты за «труды праведные» произошли изменения, и я получил из России за исполнение «Деревеньки» еще тысячу рублей. Однако «последним русским помещиком» меня уже не назовешь – появились новые помещики. Я им в подметки не гожусь.

– **Есть ли у читателя Гундарева любимые строки поэта Гундарева?**

– Ну и вопросы у тебя, Юрий Дмитриевич... Стихи и книги – это те же дети. Не мною это сказано, но я совершенно с этим согласен. И все они одинаково дороги, даже неудачные. Ведь каждая строчка выстрадана, прошла через сердце. Конечно, со временем к каким-то стихам охладеваешь, но ни от чего из написанного я не отказываюсь. В них вся моя жизнь. Совершенства в стихах, пожалуй, добиться не удалось, к

тому же оценивать собственные стихи невероятно трудно, восторгаться ими я не могу, но и в обиду их не дам. Назвать любимые стихи – не знаю, не получится, но главные, важные – есть. Хотя бы вот эти:

*Когда легко мне что-то удаётся
И чувствую, что двигаюсь вперёд,
То в спину мне язвительно несётся:
«Он слишком много на себя берёт!»
Когда же, пересилив злые беды,
Я становлюсь сильнее, наоборот, –
Злословят с толку сбитые соседи:
«Он слишком много на себя берёт».
Когда я ошибаюсь, не безгрешен,
Советчиков не ставя ни во грош, –
«Друзья» такое выскажут при встрече:
«Ты слишком много на себя берёшь.
Чтоб шею не свернуть,
ты помни меру,
не зарывайся, мы к тебе с добром.
Живи спокойно,
Вот как мы, к примеру,
Мы лишнего на плечи не берём».
Да, я живу, делами перегружен.
Пусть у меня не та, как прежде, стать,
Но если я ещё кому-то нужен,
Я на себя не стану меньше брать.
Вновь пред собою ставлю «сверхзадачу».
Пусть говорят:
«Не приведёт к добру»,
Но если я ещё хоть что-то значу –
Всё, что могу,
Я на себя беру!*

Возможно, стихи не очень удачны, но в них моё кредо.

– **Кто твои поэтические учителя и любимые поэты?**

– На этот вопрос можно отвечать бесконечно. Если же ответ сформировать кратко, то моим коллективным поэтическим учителем стала русская классика. Что касается любимых поэтов, то их тоже немало. Стоит открыть любую книгу в моей домашней библиотеке, и в сборнике даже не очень знаменитого поэта, а то и вовсе малоизвестного,

можно найти прекрасные классические строки, которыми можно восторгаться. Ведь в историю поэзии можно войти и одним стихотворением, даже одной строчкой. В детстве и юности я очень любил Есенина и Маяковского (и сейчас люблю), Пушкина, естественно, тоже почитал, но всю глубину его гения постиг значительно позже, с возрастом. Надо самому иметь отношение к творчеству, чтобы понять и оценить всё величие Пушкина, «поэта на все времена». Я часто обращаюсь к его творениям. Недавно снова перечитал его десятитомник. Пушкин велик в каждой строчке, в том числе в исторических исследованиях, публицистике, письмах... Не представляю русскую поэзию без Лермонтова, Тютчева, Баратынского, Некрасова, Блока... Любимы мною А. Твардовский, П. Васильев, Н. Рубцов, Ю. Кузнецов, В. Соколов, Н. Тряпкин, В. Федоров... Можно ограничиться этим? А то ещё придется назвать не менее трех-четырёх десятков фамилий.

– **Как ты оказался в Казахстане, чем здесь занимался?**

– Как я оказался в Казахстане... Судьба... В сентябре 1960 года, в шестнадцать лет, я уехал из Кыштовки в Кемерово, к дяде Александру, брату отца. Так сложились жизненные обстоятельства, что немного запутался. А тут ещё и несчастная любовь... Добрые люди помогли получить паспорт, я вырвался из колхозного «крепостного права». В общем, уехал. В Кемерово пришёл на студию телевидения, сначала сотрудничал внештатно, видно, показал себя, меня взяли в штат младшим редактором последних известий. Писал тексты к телесюжетам, даже очерки делал. Параллельно учился в вечерней школе. Был активным комсомольцем. Тогда много говорилось о целине. В марте 1961 года Акмолинск был переименован в Целиноград, тема целины зазвучала с новой силой, и я решил поехать в Казахстан. Написал письмо в Целинный крайком комсомола, но, не дожидаясь ответа, махнул в Целиноград, наивно считая, что там без меня не обойдутся. Короче говоря, в конце мая я уже был в Целинограде (мне не было ещё семнадцати). Много всякого пережил-перенёс. Но опять мне повезло на добрых людей. С газетой «Молодой целинник» не получилось. И я появился на Целинном краевом радио. Несколько месяцев был внештатным корреспондентом, жил только на гонораре, а 1 сентября меня зачислили в штат.

Моим наставником и учителем стал Моисей Михайлович Гольдберг, он что-то увидел во мне, поддержал. Я многим ему обязан. Мы дружим все эти годы, до нынешней поры. В марте 1963 года я стал членом

Союза журналистов СССР – одним из самых молодых в стране, ибо у меня уже был необходимый профессиональный стаж. Получилось так, что это я без Целинограда не смог обойтись.

Осенью того же года меня призвали в ряды Советской Армии. Служил три года в Бакинском округе ПВО. Часто публиковался в окружной газете «На страже», в других газетах и даже в журналах. Два армейских года был инструктором политотдела по комсомольской работе. После службы мне предложили три варианта: поступать во Львовское высшее военно-политическое училище; идти работать в штате окружной газеты; остаться на сверхсрочную службу в вышестоящем политотделе. Но я вернулся в Целиноград, где меня ждали, и стал работать на областном радио редактором молодёжной радиостанции «Товарищ». Здесь поэтическим творчеством я стал заниматься уже целеустремленно. И в ноябре 1970 года меня пригласили на работу литературным консультантом Целиноградского межобластного отделения Союза писателей Казахстана. Целых двадцать лет я учился сам и учил других. Это были плодотворные годы. Я написал и выпустил полтора десятка поэтических сборников и художественно-документальных книг. А заметил меня и перетащил к себе тогдашний ответсекретарь отделения Союза писателей, поэт и прозаик Нургожа Уразов, за что я признателен ему. В 1978 году меня приняли в ряды Союза писателей СССР – в 34 года, что по тем временам тоже было редкостью.

Правда, о периоде литконсультантства у меня есть грустные стихи:

*Ты рукописи должен разбирать:
Оценивать стихи,
вникать в рассказы
И радоваться каждой
яркой фразе,
Но вспоминай
и про свою тетрадь.
А там листы пугающе чисты,
Как осенью пусты
Поля и чащи,
Тебе сюда б заглядывать почаще,
Но беззаботен почему-то ты...
А заканчивается стихотворение так:
А спохватился:
цель-то далека.*

*Намереньями
долго жил благими.
И ускользает от тебя строка,
Твои стихи –
Написаны другими.*

Хотя, если честно, эти упреки справедливее отнести не к тому времени, а к периоду работы в «Ниве».

– **Можно ли считать «Ниву» главным делом твоей жизни?**

– Как бы там ни было, несмотря на это откровенное признание, я действительно считаю «Ниву» главным делом своей жизни. Ты знаешь, я не мистик, но склонен считать, что был голос свыше. А репродуктором, передатчиком этого повеления стал писатель Алексей Борисович Дебольский, который в августе 1990 года предложил мне взяться за издание регионального литературно-художественного журнала – на северные и центральные области Казахстана. Уверял, что у меня получится. Я и взялся... 17 апреля 2002 года исполнилось 11 лет со дня выхода первого номера «Нивы». Вот уже второй год журнал выходит ежемесячно. Он стал не только всеказахстанским, «Ниву» хорошо знают и за пределами республики, прежде всего в России... Да, журнал – главное дело моей жизни. Мне кажется так. Я этим живу. Журнал и любовь – для меня всё.

– **Главные достижения журнала за все годы его существования?**

– О главных достижениях журнала за эти годы мне трудно судить. Я пристрастен, мне дорого в «Ниве» всё. Думаю, что ты, как многолетний автор и член редсовета журнала, можешь сделать это лучше меня и объективнее.

– **Какая «Нива» тебе больше по душе – старая или новая?**

– Конечно, прежнюю «Ниву» не сравнить с нынешней. Я тогда отдавал ей всего себя без остатка, отдаю и сейчас. Прежде она доставляла мне очень много хлопот и огорчений, на каждый номер приходилось выколачивать деньги, идти на поклон. Ты это не хуже меня знаешь, сам помогал мне в поиске средств. Правда, тогда я был бедным, беззащитным, но полномочным хозяином журнала. Сейчас ситуация несколько иная. Мне надо считаться с мнением учредителя и издателя «Нивы» – ОАО «Республиканская газета «Казахстанская правда», зато нет финансовых проблем. Главное – «Казправда» спасла журнал, когда он фактически находился на грани закрытия. Благодаря этому «Нива» не только сохранилась, но и возродилась, обрела новое лицо. Так что

спасибо Анатолию Гурскому и Валерию Михайлову, они взяли «Ниву», может быть, ради меня, а ещё и учитывая нужность этого журнала.

Что же касается моих амбиций и честолюбия – то это мне, полагаю, не присуще. Собственную линию в журнале я выдерживаю. В целом мне доверяют. Остальное можно пережить.

– Можно ли считать годы руководства «Нивой» вычеркнутыми из жизни поэта Гундарева? Не писалось или руки не доходили?

– Я просто не представляю, чем бы я занимался, если бы у меня не было «Нивы». Ведь поэзия, литературное творчество в целом всегда были своеобразным приложением к моей обычной жизни и деятельности, хотя и занимали в судьбе видное место. Я же не был поэтом в чистом виде, жил не только литературным трудом. И кто меня сегодня знает как поэта?

В общем, я не могу считать годы руководства «Нивой» вычеркнутыми из жизни поэта Гундарева. Да, в эти годы я стихов писал меньше, чем прежде. Но ведь и возраст подошёл, когда «лета к суровой прозе клонят». Не то что не писалось, просто времени не было. И потом: есть изречение, что хороший поэт в год должен писать не больше 10-12 стихов. Это меня утешало. Раньше я писал значительно больше. Потом стал писать меньше 10-12 в год, всего несколько. Следовательно, я – хороший поэт (шучу). К тому же всплески вдохновения у меня бывали и в минувшие годы. Приходит озарение и сейчас. К тому же я занимался документальной прозой, кроме того, переводил с казахского прозу – повести и рассказы. И потом – разве плохо, если поэт руководит журналом, именно литературным журналом, отдавая ему свои знания, опыт, умение, мастерство? О чём ещё мечтать в наше время? Слава богу, что у меня получилось именно так. В молодости мне помогали, теперь я должен помогать другим.

– Какую пору (периоды) своей жизни считаешь лучшими и почему?

– Прошедшую жизнь я не делю на периоды. Они все взаимосвязаны, один перетекает в последующий. И всё прожитое является для меня единым, цельным лучшим периодом, надо ценить то, что было, поскольку впереди у меня практически ничего не осталось, а будущее для меня – это, извини, могила, смерть. И произойти это может в любой момент. «Любовь и смерть приходят навсегда» – есть у меня такая строчка...

– Самые грустные события твоей жизни...

– Самые грустные события моей жизни... Это, конечно, смерть отца и матери, близких, друзей. Я уже очень многих дорогих мне людей потерял. Невольно вспоминается чья-то строчка: «Наша жизнь – это музей, где висят портреты друзей»... Но довольны о печальном.

– **Самые радостные...**

– Радостных событий тоже было много в моей жизни. Это любовь. Рождение детей и внуков. Что касается творчества, то это первые опубликованные стихи, первая книга... Первый номер журнала «Нива». Достаточно?

– **В чём, по-твоему, смысл жизни?**

– В поисках ответа на вопрос «В чём смысл жизни» человечество бьётся не одно тысячелетие. Лучшие умы теряются в догадках. Если ответить примитивно, то смысл жизни в самой жизни, надо просто жить, радоваться каждому мгновению, но при этом не быть растением, а стремиться к чему-то важному, недостижимому, идеальному, делать добро другим людям, даже зная, что добро, как правило, наказуемо. Да, вспомнились собственные две строчки: «И хочется до сладких слёз любить, чтоб целый мир обрадовать любовью». Даже в этом.

– **Твоё представление о счастье?**

– У каждого своя формула счастья. Помнишь, в одном старом фильме прозвучала из уст подростка очень глубокая фраза: «Счастье – это когда тебя понимают». В этом особый смысл. Для меня счастье – заниматься любимым делом, любить самому и быть любимым. Всё это у меня есть. Так что я человек счастливый.

– **Расскажи о семье, детях и внуках.**

– Так, семья... Я дважды был женат. Дочь от первого брака – Ирина – родилась в сентябре 1963 года, окончила Ленинградский политехнический институт, инженер-механик, живёт в Питере. Занимается художественной фотографией. Её сыну – моему первому внуку Андрею 13 лет.

Вторая жена – Раиса, по профессии инженер-строитель. У нас с ней дочь Ассоль, 1968 года рождения, кандидат медицинских наук. У неё двое детей. Роману – 12 лет, Виталине – 3 года.

– **Близкие люди знают, что ты вспыльчив. Всегда был таким, или жизнь испортила? Сильно ли мешает тебе это в жизни?**

– Ты не можешь без каверзных вопросов... Отвечу – как на духу. Да, по натуре я эмоциональный, импульсивный. Вспыльчивый, это верно. Пожалуй, всегда был таким. Могу легко взорваться, но отходчив и

незлопамятен. Правда, после инфаркта я изменился, стал сдерживать свои эмоции, контролировать себя, относиться ко всему философски. Теперь мне это удастся, хотя изредка всё же срываюсь. Но не на работе. Я и в самом деле стал другим, более сдержанным и выдержанным. «Учитесь властвовать собой» – пожелание мудрых. Следовать ему трудно, но возможно.

– Не была ли ошибкой идея создания газеты «Столичный проспект»? Всё равно ведь никому ничего не доказал, а сколько сил и здоровья потерял...

– На создание газеты «Столичный проспект» я был вынужден пойти, чтобы сохранить «Ниву», поскольку уже тогда, в 1994 году, оказался в тисках серьёзных финансовых проблем. Когда мне предложили взяться за выпуск газеты, я поставил условие: если основной учредитель возьмёт на себя и материальные заботы по журналу, на что получил согласие. Хотя на практике трудности с финансированием и газеты, и журнала продолжались, из-за чего летом 1998 года «Столичный проспект» пришлось закрыть. Но газета за четыре года свою роль сыграла – она была острой, принципиальной, многие люди обращались в «Столичный проспект» как в последнюю инстанцию. А это очень важно.

Я никому ничего не собирался доказывать, хотя действительно истратил много сил и здоровья. Но через газету я проводил и отстаивал собственную гражданскую позицию, своё видение актуальных проблем. Только в «Столичном проспекте» я мог опубликовать то, что считал необходимым, существенным. Хотя это мне и выходило боком. Зато голос мой был услышан.

– Кто твои друзья и почему?

– Много друзей не бывает... В дружбе мне повезло. Правда, мне всегда казалось, что друзья мне давали и делали для меня больше, чем я для них. Но тут уж ничего не поделаешь. Мой самый давний друг, так сказать, закадычный – это известный ныне тележурналист Дукеш Баимбетов. Мы с ним познакомились еще в юности, в 1961 году, когда он работал диктором радио. И вот дружим уже свыше сорока лет. Это настоящая дружба, крепкая, выдержавшая все испытания. За эти годы у нас была всего одна размолвка. В молодые лета. Два больших друга у меня на родине – Михаил Рассказов и Леонид Гяммер. В начале семидесятых стал моим другом авиатор Николай Федоров (ныне он живёт в Крыму, но ежегодно приезжает сюда). О нём у меня есть стихи «Восходящие потоки».

К прискорбию, некоторые мои друзья уже ушли в мир иной. Это журналисты Владимир Дроздов, Виталий Криницкий, Геннадий Терец, Борис Гавриленко.

Из оставшихся надёжных друзей могу назвать и поэта Владимира Шестерикова, и тебя, Юрий Дмитриевич. Ещё мои друзья – журналисты Людмила Леева и Лариса Черезова. Это основной дружеский круг. Есть и много добрых приятелей.

А почему – сказать не могу. Не анализировал. Мне по душе крылатая фраза Михаила Светлова: «Дружба – понятие круглосуточное». Этому стремлюсь следовать.

– В твоих стихах с одинаковой пронзительной силой звучат как российские, так и казахстанские мотивы... Гундарев – русский поэт в Казахстане или казахстанский в России? Где теперь твоя родина?

– Сложный вопрос... И ответить на него не так-то просто. Казахстан для меня стал второй родиной. Но и без первой, подлинной, я не могу. Впрочем, об этом я написал в 1994 году:

*Могло ль в кошмарном сне присниться,
Что стало горькой явью дня:
Теперь Россия – заграница
Для россиянина меня.
«Да что же приключилось с сыном, –
Понять моя не может мать, –
Что иностранным гражданином
Ему втемяшилось вдруг стать?
Ведь не в Америку уехал –
А в том краю, что сердцу мил.
Неужто кто-то ради смеха
Такое людям учинил?»
Нет, не постигнет разум здравый
Враз изменившийся уклад,
Ведь суверенные державы
Не ставят гражданам презрад.
А что у нас? – Единым махом
Воздвигнут был водораздел.
Теперь для омского казаха
И Казахстан – иной предел.
Теперь из каждого аула*

*Иль отдалённого села
Добраться легче до Стамбула,
Чем до Кургана иль Орла.
Ну разве было неизбежным
Вполне обычное сейчас:
Всё то, что в ближнем зарубежье, –
Подальше дальнего для нас?
А если вдруг проехать сможем
Отсель в какой-нибудь Сургут,
То рэкетиры из таможен
Нас будто липку обдерут.
Так вышло: я родился русским.
И значит, мне вменить в вину,
Что вёл страну имперским курсом,
Осваивая целину,
(Пустив под Вологдой и Курском
Деревни многие ко дну)?
Гораздо все сложнее и... проще:
Мне одинаково нужны
Сибирские леса и рощи,
И даль ишимской стороны.
И это – в сердце, в этом – счастье,
Навеки соединено,
Не разделить его на части –
Ведь сердце у меня одно.*

Такой ответ тебя устраивает? И вообще – я не та фигура, чтобы гадать: русский ли я поэт в Казахстане или казахстанский в России.

– **Как ты оцениваешь современный литературный процесс в Казахстане? Что радует в нём и что огорчает?**

– Что касается современного литературного процесса в Казахстане, то я могу в какой-то степени судить лишь о русской литературе. И ничего утешительного сказать не могу. Во-первых, государству сегодня литература не нужна. Фактически это вещь в себе. Существует – хорошо. Нет её – тоже ладно. Для русской литературы есть Россия. И каждый русскоязычный поэт и прозаик варится в собственном соку. Издательское дело преимущественно стало частным. Из русских писателей остались те, что были раньше. Изредка они издаются. Мощного свежего притока нет. Об этом можно судить по «Ниве» и «Простору». (Кстати,

«Простор» мне очень дорог, ведь в этом журнале я часто публиковался в прежние годы. Трудности, выпавшие на долю «Простора», я тоже принимаю близко к сердцу. Наши журналы не конкуренты, а собраты.) Хотя изредка талантливые имена возникают. Правда, появилась возможность издавать книги за собственный счёт или находить богатого спонсора. Талантливому поэту или прозаику в этом не везёт. В основном хлынул серый и мутный графоманский поток. В большинстве своём никакого отношения к истинной литературе эти книги не имеют. Очень редко в «навозной куче» макулатуры появляются жемчужины. Хорошо, что они есть. Но этого мало для того, чтобы говорить об успешном развитии русской литературы в Казахстане. Об этом ты знаешь не хуже меня.

– Через твои руки проходит огромное количество графоманских текстов. Как ты со всем этим справляешься, не возникает ли отвращение к печатному слову?

– Конечно, раньше через мои руки проходило огромное количество графоманских изделий. Сейчас меньше, потому что эту обузу берут на себя в основном сотрудники журнала.

Редакция – своеобразная веялка. В одну сторону летит полова, мякина, шелуха, в другую – чистые зёрна. А отвращения к печатному слову нет. Я сочувствую каждому пишущему. В том числе и графоманам. Ведь они не виноваты в том, что природа обделила их талантом... Отвращение у меня к непечатному слову.

– «Поэт в России больше, чем поэт», – сказал когда-то Евтушенко. А кто сегодня поэт в Казахстане?

– Я думаю, что формула Евтушенко была справедливой и верной для того времени, для советского периода. Нынче ситуация совершенно иная. Теперь и в России поэт меньше, чем поэт. То же самое и у нас в Казахстане.

Кто у нас в республике... Не буду касаться казахских собратьев по перу... Да всё те же поэты, что и были: Валерий Михайлов, Юрий Грунин, Любовь Шашкова, Надежда Чернова, Валерий Антонов, Бахытжан Канапьянов, Владимир Шестериков, Виктор Семерьянов, Ольга Григорьева, Ольга Шиленко, Сагин-Гирей... Ещё с десятков фамилий можно перечислить. К сожалению, поэтическое слово ныне девальвировалось. Будем надеяться, что появятся новые яркие имена на литературном небосклоне.

* * *

Такие ответы я получил от Владимира Романовича в 2002 году...

Когда я читал его рукопись, она ещё хранила терпкий, резкий аромат табака... И мне легко было представить самого бородатого Гунда-

рева в тёмных очках, внешне невозмутимого, ироничного, аппетитно посасывающего свою любимую трубку.

Наверное, я бы мог что-то добавить к сказанному им и от себя. Например, то, что он трудоголик, что у него поразительное чутьё на талантливых людей, благодаря чему очень многие из них смогли публично заявить о себе со страниц «Нивы». Я бы мог припомнить о его привычках и некоторых чудачествах... Но я не буду этого делать: Владимир Романович исчерпывающе ответил на мои многочисленные вопросы, за что я ему благодарен.

Гундарев мог бы считать свою судьбу вполне удавшейся, даже если бы в ней «случилась» одна-единственная «Деревенька», ставшая народной. А он еще создал журнал, без которого нельзя было представить тогдашний литературный процесс в Казахстане. Чего всё это стоило – знает только он сам.

Журнал забирал все его силы. Лишь в 2001 году он опубликовал в «Ниве» (второй раз за десять лет) подборку своих стихов. Там было и такое четверостишие, которое можно считать жизненным кредо Гундарева:

*За счастье, за удачу,
За всё, что по плечу, –
Сполна плачу и плачу,
Плачу и плачу.*

Я от души пожелал тогда Владимиру Романовичу и его любимому детищу долгих лет жизни. А в том, что они будут плодотворными, я нисколько не сомневался.

Вместо послесловия

Бывают в жизни встречи – как подарки судьбы. Именно такой стала для меня встреча с Владимиром Романовичем Гундаревым, когда он впервые приехал в Павлодар, чтобы организовать подписку на только созданный им журнал, и предложил мне войти в состав его редколлегии. Было это в самом начале 90-х годов прошлого века.

Мы с ним ходили по присутственным местам, встречали нас по-разному, но стоило мне напомнить, что со мной автор той самой «Деревеньки», как лица у многих сразу расцветивались улыбками, и поддержка журналу была обеспечена.

Тогда же я признался Владимиру Романовичу в том, что много лет считал «Деревеньку» народной песней. Когда у нас дома собирались

гости, и застолье достигало градуса, после которого душа требует песен, мой отец-фронтовик, начисто лишенный как голоса, так и какого бы то ни было певческого таланта, зычным голосом затягивал либо про трёх танкистов, которые «выпили по триста, а четвертый выпил восемьсот», либо «деревня моя, деревенька-колхозница» (он пел именно так – «колхозница»).

Пройдёт какое-то время, я напишу «Записки об отце», которые предназначались не для печати, а для семейного чтения, и дам их почитать В.Р. Гундареву, не особенно рассчитывая на сколько-нибудь значительный отзыв. И вдруг узнаю от него, что эти «Записки», казавшиеся мне сугубо личными, уже поставлены в очередной номер журнала. Я был к этому совершенно не готов и поражён словами В.Р. Гундарева о том, что я написал не только о своём отце, а в каком-то смысле обо всех наших отцах, не только победивших, но и, по счастью, уцелевших в той страшной войне. Очень тепло отозвался о тех «Записках» филолог и музыковед Н.Г. Шафер, чьим мнением я всегда дорожил.

С тех пор всё, что я писал и считал достойным журнальной публикации, отдавал только в «Ниву»: свои очерки и «блётки», рассказы и путевые заметки о поездках в США и Японию. Долго-долго подступался к «Хронике смутного времени» и, написав первую книгу, в больших сомнениях, не без душевного трепета передавал Володе (мы с ним уже давно перешли на ты) почти 800-страничный набор. Сказать, что я переживал, – ничего не сказать... Я ведь знал – насколько он загружен и как бывает по-редакторски строг и даже безжалостен... Как он отнесётся к хронике событий конца восьмидесятых и начала девяностых, о которых очень многим, наоборот, хочется забыть? Не покажутся ли ему эти записки малоинтересными и местечковыми? Владимир Романович не просто поддержал эту книгу, он написал к ней доброжелательное предисловие и в течение трёх лет печатал в «Ниве» из номера в номер «Хронику смутного времени» – все три книги, а также благожелательные отзывы о ней. Что, впрочем, не мешало ему время от времени иронизировать надо мной: вот, мол, есть авторы и даже члены редколлегии, что килограммовые рукописи шлют, а подписку на «Ниву» в своей области проваливают... Мы уже договорились о публикации очередной, четвёртой книги, начиная с первого номера «Нивы» в 2013 году. К 1 сентября я собирался отправить ему набор, а 25 августа 2012 года Владимира Романовича не стало... Новый редактор печатать эту книгу отказался, а через год и журнал ушёл в прошлое.

Я потерял одного из самых близких и дорогих людей. Он был мне не только другом, счастливо обрётённым в годы, когда друзей обычно уже не заводят, не только собратом по перу и по мироощущению, но и, без преувеличения, старшим братом. Он нередко бывал у меня в доме, его знали и любили мои близкие; а я бывал в его доме и на его знаменитой даче (пока она была ещё цела), где он жил с весны до осени каждое лето... А уж в «Ниве» мне приходилось бывать бесчисленное множество раз – по всем её четырем адресам...

Помню удивительную атмосферу «Нивы» первых лет и её первых сотрудников: милую, интеллигентную Людмилу Григорьевну Помыткину – ответсекретаря; заведующего отделом публицистики – скромного, немногословного Александра Ивановича Шафоростова; распространителя журнала, ведающего также всеми его хозяйственными делами, бывшего авиатора Николая Фёдорова (отчество, к сожалению, запаматовал); секретаря редакции – обаятельнейшую Раису Александровну... Друзей журнала, штатников и нештатников – Валерия Гука и Людмилу Лееву из «Акмолинской правды», Владимира Ивановича Бойко из пресс-службы сначала городского акимата, а затем Сената Парламента... Часто заглядывали на огонёк один из первых учителей В.Р. Гундарева – «вечный» Моисей Михайлович Гольдберг и друг Владимира Романовича ещё целинной поры – известный казахстанский журналист Дукеш Баимбетов... В «Ниве» и издающейся в ту пору при ней газете начинал юный Дима Глухих – ныне авторитетный работник пресс-службы правительства... Кого только тогда, да и потом в редакции не бывало! А «основоположники» буквально горели своим новым большим делом. В редакции вечно стоял дым коромыслом – и в переносном, и в прямом смысле – от всегдашней редакторской трубки. Сам Владимир Романович говорил, что он проповедует в редакции «режим демократической диктатуры»...

Меня уже во время нашей первой встречи он приятно удивил открытостью, искренностью, деликатностью и ещё какой-то, если можно так сказать, непорочностью... Он ведь уже тогда был известный поэт, сложился как личность и вполне мог заниматься своими литературными делами. Но он даже свою любимую поэзию оставил почти на целое десятилетие и всё своё время посвящал только журналу...

Первые годы существовала традиция – отмечать дружеским застольем каждую годовщину журнала. И я тоже на них бывал. Праздновали скромно, но весело, вскладчину: говорили тосты, танцевали и пели, общались – это было настоящее пиршество духа... Тогда же в «Ниве»

родилась шутка: «Пасха... Скоро Поминов приедет...» Или – наоборот: «Поминов приехал... Скоро Пасха...» Это потому, что день рождения «Нивы» часто совпадал с главным православным праздником...

Мало кто знает – каких трудов стоила «Нива» её создателю и главному редактору. Если желающих печататься в ней было хоть отбавляй, то денег на издание (за исключением недолгого времени, когда журнал находился под «крышей» «Казахстанской правды») постоянно не хватало. Подписка покрывала лишь часть издательских расходов, а госзаказа даже в последние годы хватало в лучшем случае на полгода, спонсоров было не так уж много. Нередко журнал месяцами печатался в долг, под честное слово редактора, а зарплату он, случалось, своим немногочисленным сотрудникам платил из... собственной пенсии, возвращая личные потери (не всегда в полном объеме), когда деньги у журнала появлялись. Финансовые проблемы отравляли ему существование, были вечной головной болью, добивали и без того не слишком здоровое сердце, которое в конце концов не выдержало... Хотя были, конечно, и другие жизненные коллизии, не добавлявшие оптимизма, душевного и физического здоровья.

И тем не менее я не погрешу против истины, если скажу, что те двадцать лет, что Владимир Романович отдал «Ниве», были едва ли не лучшей порой его жизни. Журнал, его любимое детище, приобрёл не только всеказахстанскую, но и российскую, а с созданием электронной версии – мировую известность, его читателями стали тысячи людей в десятках стран. «Нива» была удостоена мировых наград за качество, получать которые В.Р. Гундарев ездил в Париж, Нью-Йорк, Лондон. Это он – мальчик из глухой сибирской деревни, начинавший свою трудовую биографию прицепщиком... О своей малой родине он, кстати, никогда не забывал и ездил туда при любой возможности, почти каждый год.

Редактор «Нивы» все эти годы, повторю, был, пожалуй, едва ли не главным собирателем литературных сил в Казахстане, месяц за месяцем, год за годом формировал своим журналом, который он нёс по жизни, как крест, новый культурный слой людей...

Его заслуги признаны не только в Казахстане, где «русский сын казахского народа» был награждён орденом «Құрмет» и пятью медалями, республиканской премией имени Павла Васильева и другими литературными наградами, но и в России, отметившей его медалью Пушкина (чем он очень гордился). Он также был членом-корреспондентом Российской академии поэзии.

Важно и то, что в последние годы мы вновь услышали голос поэта Владимира Гундарева. У него как будто второе дыхание открылось: одна за другой стали выходить книги – «Я живу на планете любви», «Свет родины, свет любви», «Душа стремится к небесам», «Без пяти двенадцать»... Поэзия его обрела мудрость и глубину, но в ней была и такая свежесть чувств, которой могли молодые позавидовать.

Много времени и сил он отдавал переводам – с казахского, украинского, туркменского... И его переводили – на казахский, украинский, немецкий, корейский, словацкий, французский, испанский, португальский...

Он всегда много работал, никогда не признавал выходных. Один из самых близких его друзей Александр Юрьевич Тараков вспоминал, как они познакомились. Дело было в Наурыз, и он засомневался – стоит ли беспокоить человека в праздник? «Да Романыч всегда на работе!» – успокоили его. Так и оказалось: для В.Р. Гундарева не существовало в этом смысле ни выходных, ни праздников. В такие дни ему, наоборот, лучше работалось – меньше отвлекали...

Нельзя не сказать и о том, что Владимир Романович был жёстким и последовательным поборником чистоты русского языка. Это подтверждают и строки его последнего поэтического сборника. Я знаю, как он решительно возвращал авторам «Нивы» тексты, где вместо буквы «ё» была «е», заявляя: «Не знаю, как вы, а мы букву «ё» давно реабилитировали!»

Когда я писал эти строки, прошло уже 40 дней со времени кончины Владимира Романовича. И не было ни одного дня, чтобы я не вспоминал о нём...

Когда-то, находясь несколько дней в Павлодаре, он написал и подарил мне шуточные как будто стихи:

*Помни, Поминов, меня
И в жару, и в злую стужу,
И когда я занедужу,
Не виня и не кляня,
Помни, Поминов, меня!
Помни, Поминов, меня.
И когда я стопку выпью,
Крикну лебедем или выпью
На заре ль, к исходу дня –
Помни, Поминов, меня!
Помни, Поминов, меня*

*И когда с похмелья буду,
Перебью с утра посуду
И не сяду на коня –
Помни, Поминов, меня!
Помни, Поминов, меня!
И когда уйду я – тоже.
(Все в твоей мы власти, Боже!) –
Память о былом храня,
Помни, Поминов, меня!*

Это стихотворение он включил в одну из своих книг, но почему-то без предпоследнего куплета, где «И когда с похмелья буду...» Я, не удержавшись, спросил: «У тебя что, полного текста не было – у меня бы спросил». И он, слегка смущаясь, что вообще-то было ему не свойственно, объяснил: «Там в одном четверостишье «рюмку выпью», в другом – «с похмелья буду...». Подумают ещё, что я горький пьяница...»

Кстати, о выпивке. Я помню времена, когда в хорошей компании он мог основательно «принять на грудь», притом не пьянея. И был у него даже свой фирменный способ, больше предназначенный для дам, когда он выпивал рюмку «с локотка», действительно пристраивая её на локоть и как-то очень ловко затем опрокидывая в рот, не расплескав ни капли. Но после перенесённого инфаркта стал ограничивать себя. Врачи установили ему норму – не больше ста граммов в день. Он завел себе специальную рюмку-мерку, в половину такого объема, и тянул одну, а потом другую всё застолье. Даже на президентские приёмы с ней ходил, требуя, чтобы ему наливали дважды и вровень с краями, как раньше говорили, всклень. И выпивал свои сто граммов. Не больше, но и не меньше. Я потом даже «блёстку» об этом написал. Тот стих родился у него под настроение, наверное, в шутку. А получилось, как бывает у настоящих поэтов, всерьёз.

Помню тебя, Владимир Романович, и всегда буду помнить... И уверен, буду помнить не только я...

Это было написано в октябре 2012 года для одного из последних номеров «Нивы», который приурочили к годовщине со дня кончины его редактора. Но у меня оставался ещё один долг перед моим литературным собратом, дорогим мне человеком.

Приезжая в Павлодар, В.Р. Гундарев, случалось, останавливался у нас дома. Так было и в его последний приезд в декабре 2011 года.

Романыч пребывал в благодушном состоянии и рассказал нам с Ольгой Григорьевой немало интересного о своей жизни – того, что не рассказывал другим. Мне, попыхивая трубкой, добавил: может, мол, напишешь когда-нибудь, чтобы не пропало бесследно.

Вот они, эти его истории, в моём изложении...

ЦЕЛИНОГРАДСКИЕ БЫЛИ ОТ ГУНДАРЕВА

Комитет помощи

Когда-то я работал корреспондентом Целиноградского областного радио. Там мы организовали комитет помощи молодым одиноким женщинам и вдовам (последних на самом деле не было ни одной), состоявший, само собой, из одних мужчин. Я был избран его генеральным директором. Любой из членов комитета мог составить заявление от имени любой «обездоленной» девицы или женщины, обычно шутиwego или фривольного содержания, а я накладывал резолюцию: «Такому-то или такому-то оказать такой-то или такой-то посильную мужскую помощь». Иногда с пояснениями. Жалею теперь, что эта «деловая переписка» не сохранилась.

Кворум есть!

Конечно же, мы частенько выпивали на радио. Поводы всегда находились, и даже отсутствие повода могло стать поводом выпить. Но всё время на наши запланированные или экспромт-пирушки кто-нибудь опаздывал. И тогда мы решили избрать одного из самых надёжных «Кворумом на постоянной основе», чтобы впредь уже никого из опаздывающих не дожидаться.

В очередной раз собрались, кого-то нет, и я строго спрашиваю:

– Кворум есть?

– Я здесь! – скромно отзывается избранный.

Кто-то ещё не в курсе и в недоумении – о чём речь? А я отзываюсь:

– Ну что ж, тогда можно начинать!

Краткость – как сестра выпивки

Краткость, известно, сестра таланта и, как говорили у нас на радио, тёща гонорара. На наших пирушках временами утомляла необходимость тостов, которые кое у кого могли затягиваться. И тогда мы решили выработать раз и навсегда одну, максимально короткую, исчерпывающую формулу на этот счёт.

Раньше, когда все тосты уже были сказаны, следовало однотипное:

– Есть предложение!

И ответный возглас:

– Нет возражений!

Мы решили, что и это слишком длинно – два последних слова в обоих случаях лишние. И тогда если кто-то возвещал:

– Есть! – все уже понимали, о чём речь, и тут же следовал ответ: – Нет!

Это и был призыв выпить.

Орденосец Гундарев

Когда Л.И. Брежнева в очередной раз наградили – на этот раз орденом Победы – я вырезал его из журнала «Огонёк», где был напечатан парадный портрет Генсека со Звёздами Героя и с этим орденом, наклеил на картон. Нашёл ещё где-то иллюстрацию знака маршала Войска Польского, сделал с ним то же самое. И, пришивив первый и второй к своему парадному плащу, появился в таком виде на радио. Конечно, произвёл фурор, но могли и с работы турнуть...

Как уходит и возвращается голос

Какие только хохмы мы тогда не устраивали! Так, у меня однажды «вдруг» голос пропал, накануне партсобрания, которое должно было снять (или оставить) партийный выговор, объявленный мне раньше за моральное разложение. Я ушёл от первой жены, а она написала на меня заявление первому секретарю Целиноградского крайкома партии Кручине. Ну и вклеили мне выговор по принципу: жене изменил – может изменить и Родине. Не хотелось мне опять оправдываться, хоть я уже и развёлся с женой.

И вот день молчу, другой... Ко мне обращаются, а я только руками развожу или жестами показываю: что, мол, поделаешь, если голос пропал? Иногда в ответ записки пишу.

Мы иногда обедали в ресторане «Север» – я и там молчу. Ребята надо мной издеваются, даже официантка им выговаривала: что же вы так себя ведёте с несчастным глухонемым?

И вот партсобрание... Я и там молчу... Сняли выговор, после чего наутро у меня и голос прорезался.

Но годы спустя судьба на мне отыгралась за тот мой давний розыгрыш. Я тогда вступил в СНЕК – Союз народного единства Казахстана

на – была такая партия, оппонирующая власти. Я должен был выступить на съезде этой партии. А у меня накануне голос пропал. Я лечил его всеми возможными способами, но не очень успешно – не говорю, а сиплю.

Выступать же всё равно надо. Стою перед микрофоном и пытаюсь объясниться: мол, пили вчера чай и кое-что ещё, отсюда голос такой. В зале смешки, аплодисменты, даже присутствующий на съезде Н.А. Назарбаев оторвался от лежавших перед ним листков, встрепенулся, заулыбался. А ко мне – хотите верьте, хотите нет – тут же голос вернулся!

Без денег и в порванных штанах

Хрущёвские времена, целина, областное радио, комсомол с его лозунгом: «Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым!». Хрущёв обещал, что наше поколение будет через двадцать лет жить при коммунизме, и мы ему, скорее, верили... И – чудо из чудес: меня за хорошую работу по освещению весеннего сева премируют путёвкой в Крым, в Международный молодёжно-комсомольский лагерь «Спутник» в Гурзуфе. А там, кроме нас, советских, ещё и поляки, венгры, немцы из ГДР и даже французы и американцы. С одной американкой мы там задружили слегка, но о ней чуть позже...

Замечательно мы там время проводили. Кроме разного рода мероприятий, поездок по Крыму (даже в знаменитый «Артек» съездили), отдых, купание в море... А рядом, в санатории Министерства обороны СССР, отдыхал Ю.А. Гагарин с семьёй. Он был в то время, наверное, самым знаменитым и узнаваемым в мире человеком, ему нельзя было никуда выйти – его тут же облепляли люди. И его пригласили к нам в «Спутник». Он выступал перед нами и так хорошо говорил, что возникало ощущение, будто разговаривал с каждым из нас. Невероятного обаяния человек!

Но надо же было и нам как-то отдариться за эту замечательную встречу. И только на нас двоих с моим земляком-целиноградцем оказались подаренные нам значки с эмблемой «Спутника», которые мы им с женой подарили. Я был так горд этим обстоятельством!

В лагере была одна американка, говорившая по-русски. Звали её Констанция, но она мне сказала, что для меня она Кони. Я тут же в неё влюбился, мы подолгу гуляли вдвоём, разговаривали, я угощал её вином, не задумываясь о состоянии моего более чем скромного бюджета

та. Впрочем, отношения наши оставались сугубо платоническими – и потому что я был совсем молод, и потому, может быть, что они уехали раньше, а мы ещё оставались, пробыв там в общей сложности целых три недели.

Романтические отношения с Кони сыграли со мной плохую шутку: я остался почти без денег, а ещё умудрился единственные штаны порвать, и поэтому ходил, прикрываясь на людях газеткой. Оставшихся денег мне хватало только до Симферополя. Пошёл там на радио: ребята вроде сочувствуют, но говорят, что надо идти к председателю. Зашёл к нему, он в ответ: «Ты знаешь, сколько к нам таких, как ты, нуждающихся после отдыха в Крыму приходят за помощью?» Потом стал расспрашивать и, услышав, что я делаю молодёжную программу на Целиноградском радио, посоветовал обратиться в обком комсомола. Чаем меня на радио, спасибо коллегам, напоили, подкормили тем, что нашлось, а то я уже оголодал.

Пошёл в обком, жду там секретаря, прикрывая газеткой разорванную штанину. дождался, рассказал и ему свою историю. Нормальный оказался парень: ладно, говорит, раз целинник, да к тому же из самого Целинограда, дадим тебе 30 рублей, а ваш обком комсомола потом вернёт. Тридцать-то рублей на билет хватит?

Выхожу из его кабинета задом: как бы не увидел, что у меня брючина разорвана, и бегом на вокзал. Купил билет до Целинограда, соседками оказались две девушки-еврейки, сёстры. Я сразу хвост распустил – молодой, кудрявый, почти гусар. «А ты чего, – спрашивают, – газеткой всё прикрываешься?» Объяснил... «Ну так снимай, зашьём! Да ладно, не стесняйся, мы не смотрим!» И брюки зашили, и кормили до Москвы, и в поезд до Целинограда там посадили... Никогда не забуду тех девчонок!

Дома я, само собой, молчок про то, как деньги в Крыму прогулял и потом занимал. А из Симферополя пришёл запрос в наш обком комсомола на возврат той тридцатки. Её у меня из зарплаты вычли, и, надо отдать должное нашим «обкомовцам», они на нашем радио никого в детали этой финансовой операции не посвятили.

А история с Кони-американкой имела продолжение. Я ушёл служить в армию, став уже членом Союза журналистов, публиковался в окружной военной газете. Было всё это в Азербайджане. И однажды вызывает меня «особист» нашей части и начинает, как бы между прочим, исподволь, расспрашивать: где успел побывать, может быть, с

иностранцами общался? Ну, я ему – как на духу – и про Международный лагерь, и про Констанцию: мол, даже влюблён был и даже переписывался... «А не хотел бы возобновить отношения?» – спрашивает. «Да какие отношения, я ведь женат уже, и как честный человек... Да и как я ей напишу из армии, у меня и адреса нет...» – «А мы тебе дадим» – «Да теперь-то она мне зачем?» – «Ну, ты, видим, человек надёжный, тебе можно сказать: у нас есть подозрение, что она на их разведку работает».

Ну, я написал, а ответа нет. Особист потом сказал, что она в Посольстве Швеции в Москве работает, и в моих услугах «они» больше не нуждаются.

Это ж надо только представить себе – как «они» за нами следили. И я даже понял, как: у меня сосед был по комнате, из Львова, который каждой ночью куда-то уходил. Я же ему всё рассказывал – и про Кони тоже...

Ещё одним сыном быть не могу, а племянником согласен!

Есть у меня строки:

«Русский сын казахского народа –

Неспроста меня так нарекли».

А также стихотворение, посвящённое моему старшему другу и наставнику-еврею Моисею Гольдбергу, в котором я выражаю сыновьи чувства ему и его народу. Над обоими стихами всласть поиздевался в своих стихотворных пародиях поэт, прозаик, редактор «Простора» Валерий Михайлов. Я на него не в обиде: и пародии талантливы, и стихи, надо полагать, были неплохи, раз высекли ещё и новые поэтические искры.

Но после двух этих моих стихов последовала неожиданная реакция коллеги – корейского журналиста. Ты же, говорит, в Южной Корее был, хорошо написал о корейцах, печатаешь их в своём журнале, так что вполне можешь считать себя и сыном корейского народа. На что я ему отвечал: ну нет, не могу я без конца разбрасываться званием сына, но согласен быть племянником корейского народа.

* * *

Ну вот, Владимир Романович, выполнил, наконец, этот твой, теперь уже давний, наказ. Помню тебя, как ты когда-то предсказывал («Помни, Поминов, меня!»), и всегда буду помнить. Мне тебя очень не хватает, и никто и никогда мне тебя не заменит.

«ПОКА ЛЮБОВЬ ЖИВЁТ ВО МНЕ...»

*И я, обласканный и битый,
Добро изведавший и зло,
Дивлюсь – о, сколько же событий
При мне, верней, по мне прошло!*
Виктор СЕМЕРЬЯНОВ.

Скорбная весть о том, что не стало Виктора Гавриловича Семерьянова, застала меня вдали от дома. Правда, не только я, но и многие другие, кто хотел, не смогли проводить его в последний путь: хоронили нашего коллегу и друга по закону, диктуемому коронавирусом.

Теперь нам остаётся помнить о нём. А помнить есть что. Вот и я решил посвятить ему прощальное слово. И поскольку сам Виктор Гаврилович не слишком распространялся о перипетиях своей биографии, я подумал, что лучше всего рассказать о его жизни будет строками из его же стихов. Взял двухтомник «Я живу в Казахстане», изданный в 2021 году. И вот читаю...

«Мальчишкой рыжим детство бежит, запыхавшись, ко мне...»

«Детство прошло на Алтае – в голодное и холодное военное лихолетье: «Жили-были отец да мама, а потом лишь мама да мы...» «Отец и старший брат мой Фёдор лежать остались у Днепра...» А «мы» – это два сына и дочь, которых мать поднимала одна. «Я бегал мальчишкой худым и оборванным, щипал для дома лебеду», – напишет Виктор Гаврилович много лет спустя. Лебеда была вместо щавеля. Из этой сорной, по весне сочной травы (кто теперь помнит об этом?) варили тогда «витаминный суп».

Дети вместе с матерью работали в колхозе.

*Работник» был с меня едва ли,
И всё ж рубаха – солона.
Вот так меня формировали
Колхоз, да мама, да страна.*

Выживали – как могли:

«Взвалив на плечи с шишками мешок, я за сестрой тащился по дороге...» Зачем сосновые шишки? Дров не хватало – ими топили: *«Жгли шишки от темна и до темна – мы маму от войны отогревали».*

Прошли годы, целая жизнь, и поэт напишет:

*Теперь, когда мне шишки ставит жизнь,
Не церемонясь ставит, не жалея,
Я говорю себе: «Держись!» –
Носил ты шишки и потяжелее.*

Вот так уроки жизни переплавляются в поэзию. А в памяти по-прежнему живо детство:

*Я вдруг увидел вечер зимний
и домик в снежной стороне.
Стучит, стучит машинка «Зингер»,
а мама клонится над ней...*

И дальше – через несколько строк:

*А мама шила гимнастёрки
солдатам, шедшим на войну.*

Днём работала в колхозе, а ночами шила... К ней, матери, поэт возвращается в стихах очень часто:

*Повторяла мама
В простоте своей:
«Не копи ты денег,
А копи друзей...»*

И этому материнскому завету он будет верен всю жизнь. Как будет помнить оставшуюся от отца гармошку, на которой стал играть:

*Лишь после пришла на отца похоронка,
И позже пришлось мне отца заменить.*

Не только в доме заменил отца, но и как деревенского гармониста: *«Отцовской гармошкой был знаменит...»*

И первое пробуждение чувств – тоже из военного детства:

*Это – где-то очень отдалённо,
Это – где-то в памяти моей –
Девочка по имени Алёна,
Речка под названием Алей...*

«Видно, есть такие вехи в жизни, позабыть которые нельзя...»

Выбор у деревенской пацанвы, пережившей военное лихолетье, был невелик: оставаться в колхозной упряжке, без особых перспектив из

неё выпрячся, или «ремеслуха» (фабрично-заводское обучение). Но ему повезло: он поступил в Семипалатинское речное училище, а затем в техникум речного транспорта, о чём никогда не пожалел. Наоборот, всегда гордился тем, что он речник, что ходил по Иртышу матросом, а впоследствии и капитаном небольших судов. И поэтических строк, посвящённых той поре жизни – далеко не простой, но полной романтики, настоящего мужского труда, высокого смысла – у Семерьянова, наверное, больше, чем каких-либо других.

*Здесь буйны и сильны,
как буйволы, буксиры...*

Они у него – живые, как люди: *«пофыркивают, сопят»*.

И тут же – старый бакенщик:

*Мой друг те звёзды зажигает,
он их всю ночь оберегает...
А утром, ласковым и ясным,
зарю увидев из окна,
встаёт Иван Иванович Маслов,
гасить уходит бакена.
Он глубину реки измерит,
чтоб не попал никто в беду.
И капитаны наши верят,
что здесь всегда они пройдут!*

Вот о буднях речников:

*Да, мы кочевники по сути –
Всю жизнь с волнами да ветрами...
Но где бы ни были, повсюду
находят нас радиограммы...
И вот однажды сообщают –
родился сын у рулевого.
Что он здоров, малыш чудесный,
что дали сыну имя Саня.
И вечером в каюте тесной
мы песни пели и плясали...*

А вот о своём маневровом катере – опять как о живом:

*Катерочек ходит гордо –
непокорный и упрямый,
он такой и в непогоду...
Под разгрузку баржи ставит*

*и порожняки отводит...
Катерочек ходит важно.
У него забот по горло:
ждут на рейде с хлебом баржи...*

Вот – корабли судоремзавода:

*Неповоротливые в робах,
вы все тут, как богатыри...*

А один из старших – котельщик:

*Твой дед, упрямый и неробкий,
кувалдой – милая, пошла! –
вгонял в борта, как в жизнь, заклёпки...*

И сразу видишь его – этого рабочего человека.

Когда-то рабочих-речников собирал утром в цеха заводской гудок.

Ему тоже посвящены благодарные строки:

*Я до сих пор с почтеньем вспоминаю,
как много лет меня из года в год
он поднимал утрами на завод.
Я плыл со всеми речкою одной
и выплывал у самой проходной.
Пускай тогда считали салажонком,
работы мне не поручали тонкой,
но просто так итанов не протирал –
то клапаны в моторах притирал...
Тому – подай, другому – пособи:
короче – в рейс готовил корабли.*

Но вот он, чему-то научившись, уже в экипаже:

*Смущённый сходишь ты по трапу.
И не приметен твой приход,
Но лишь тебя машинным храпом
встречает старый теплоход.
Пройдёт в далёких рейдах месяц.
На перекатах Иртыша
привыкнешь ты со всеми вместе,
ветрами буйными дыша,
разматывать буксир колючий,
крутить штурвала колесо
и, вахту сдав, в тиши каюты
писать домой: всё хорошо –*

*что здесь тебе за брата каждый:
твоя беда – его беда...
Так я сюда пришёл однажды,
чтоб всё запомнить навсегда.*

Не просто запомнить, но и рассказать о своих тогдашних чувствах, о рабочем братстве, о признательности тем людям и тем судам, которые для поэта – как люди, со своими характерами, заслугами, причудами. И поэтому продолжает сниться ему, давно сошедшему на берег:

*Ну что же он снится и снится,
тот маленький катер во сне...*

На нём он плавал когда-то матросом.

«Инструментом стало мне перо...»

Бросив в 1959 году якорь в Павлодаре, как напишет позже сам о себе Виктор Гаврилович, он, уже начинавший писать стихи, однажды насмелился послать их в областную газету, тогда «Павлодарскую правду». Их, к его удивлению и радости, напечатали – с тёплым напутствием Сергея Музалевского, опекавшего молодых поэтов в созданном им литературном объединении. Музалевский же перетащил Семерьянова в газету, правда, не сразу, а после того, как тот пару лет проработал на телевидении. И с тех пор, с 1971 года по 2001-й, тридцать лет, Виктор Гаврилович не изменял «Звезде Прииртышья».

Начало 70-х годов... Газета идёт в ногу со временем, публикует, помимо прочего, целевые полосы: «Планы партии – планы народа», «Соревнованию – могучие крылья». А Семерьянов, пусть и нечасто, выдаёт из командировок нечто необычное – лирические репортажи, посвящённые героям того времени – выдающимся земледельцам: бригадиру-целиннику Тимофею Волкову, агроному Михаилу Трусову, другим известным людям. Это была, по сути, новая форма повествования о человеке, его трудах и заботах. И они, эти стихотворные рассказы, дышали поэзией.

Я знаю, как тронут был таким репортажем Михаил Иванович Трусов – хлебороб Божьей милостью, Герой Социалистического Труда; он бережно хранил газету со стихами, не забывал поздравлять автора с Новым годом и Днём печати. А когда трагически оборвалась жизнь Михаила Ивановича, Виктор Гаврилович откликнулся на эту скорбную весть новыми проникновенными строками:

*Храню листок, тетрадного короче –
Письмо с последним дружеским приветом...*

Там есть и такие очень точные слова: *«Растить хлеба талант даётся свыше...»*

Вот он рядом с комбайнёром на хлебном поле:

*На мостике стою,
Как на подмостках!
И никакой я вовсе не поэт,
А просто твой товарищ и помощник.*

Особая часть творчества Виктора Семерьянова – посвящения друзьям: Сергею Музалевскому, Сергею Шевченко, Жанаталапу Нуркенову, Петру Побережникову, Науму Шаферу, ветерану флота Павлу Ульянову, поэту Эдуарду Барсукову, врачам В. Потехину, Н. Оникко и В. Аладову.

Из посвящения С. Музалевскому: оба они *«бессребреники, мечтатели, работаги, честны, прямы...»* И дальше:

*Мы писали о том, что думали,
выступали не мельтеша.
И твою звезду, и звезду мою
зажигали у Иртыша...
Мы всё те же – страны рабочие,
мы всё те же певцы степей.
Только чувства, они разборчивей,
только строчки, они скупей.*

Всё правильно: зрелость пришла.

Сам я тронут тем, что есть у него и мне посвящённые строки. Виктор Гаврилович откликнулся в них на мои грустные размышления в газете «Свидание с родиной» – о незавидной судьбе села, в котором я вырос:

*На душе и печаль, и обида...
Ах, какая случилась беда –
Атлантида моя, Атлантида,
Потерял я тебя навсегда.*

Запомнились нам, его коллегам, шуточные строки, в которых он откликнулся на введение Казахстаном собственной валюты:

*Я люблю вино и бражку,
пошататься по пурге.
А ещё люблю казашку,
у которой есть тенге.*

Казашка потом трансформировалась в «Кульпашку»: Кульпаш Кобырова работала у нас в газете, затем блистала на «Хабаре».

Мы много лет работали с Виктором Гавриловичем в одной связке: я – редактором, он – ответственным секретарём, затем первым заместителем редактора. Пережили вместе трудные времена разора, безденежья и всё же смогли – все вместе, с тогдашним коллективом – поставить газету на рыночные рельсы, сделать её практически самоокупаемой. И в этом была немалая заслуга Семерьянова, курировавшего, помимо прочего, рекламный отдел газеты.

«Привет тебе, альма-матер, Московский литинститут!»

Особая веха в жизни Виктора Гавриловича – учёба в этом единственном в своём роде институте, из стен которого вышли многие замечательные поэты и писатели. Непросто ему там приходилось:

*Мне тоже на семинарах
сбивали юную спесь;
мол, слаб ты пока, Семерьянов,
но что-то в тебе есть...*

После чего он *«приводил в чувство бесчувственные стихи...»*:

*Хорошее от плохого
Научат здесь отличать... –*

это тоже об институте.

Трагически завершилась жизнь однокашника по литинституту, большого русского поэта Николая Рубцова. Роднило их общее флотское прошлое. Рубцов писал о себе: «Я в мазуте, я в тавоте, но зато служу в тралфлоте!» То же самое мог написать о себе Семерьянов, хоть и служил в речном флоте. И он посвящает собрату-поэту прощальные строки:

*Нету маленького Коли –
есть большой поэт Рубцов!
Но жалеть его не смейте,
Не об этом он мечтал...
Жизнь поэтов после смерти
расставляет по местам.*

Можно ли сказать лучше, чем сказал поэт о поэте?

«Тебя любить я буду нежно, пока живу я на земле»

Это к ней, жене и другу, матери двоих их сыновей, обращены эти трогательные строки. Алла Ивановна была ещё и его ангелом-хранителем, продлевала, сколько могла, и, наверное, даже более того, его жизнь. А он всю жизнь посвящал ей стихи, начиная с тех пор, как они связали свои судьбы:

*Мы с тобой в этом доме жили,
а верней, начинали жить...*

Что было в нём, в их первом общем доме?

*Стол да койка – уже немало,
да гитара моя на стене.
А ещё – что всегда сияло,
ликовало в тебе и во мне.*

*Мы хозяйке платили прилежно,
оставалось чуть на еду...
Знал: с тобою, любимой, нежной –
никогда я не пропаду.*

И как же им было тогда хорошо в этой съёмной халупе:

*Развалюшка, сарайчик, времянка:
Ах, какой замечательный дом!*

Алле Ивановне подарен и венок сонетов «Зимняя радуга»:

*Лишь ты нужна мне, и никто другой,
никто другой не будет мне дорожке.*

Он часто обращался к ней в стихах и даже попросил прощения.

За что же просит прощения поэт у любимой в своих провидческих строках? Он сам отвечает на этот вопрос:

*И если я когда-нибудь умру,
тебя одну оставив на планете,
прости меня, любимая, за это...*

К счастью, она остаётся не одна: рядом сыновья, внуки. И память о муже, отце, деде.

«Эту землю давно полюбил я навеки»

Наверное, эти строки могли стать эпиграфом ко всему поэтическому творчеству Виктора Семерьянова, как и всей его жизни. Правильно написала в трогательных, посвящённых ему строках Людмила Гришина, с которой они не один десяток лет дружили: нет таких тем, которые не звучали бы в его поэзии – она всеохватна, как сама жизнь. Она – гимн жизни во всех её проявлениях.

Поэт – истинный патриот Казахстана, но никогда не забывал и о своей родине – России:

*Казахстан и Россия –
два заветных огня,
вы в душе негасимы
до последнего дня.*

Как истинный русский поэт, Семерьянов переводил стихи своих со-
братьев по перу – Абая Кунанбаева, Куланбая Копишева, Армана Кани,
Марзию Аяганову, других казахских поэтов, а также стихи Розы Пфлюг
и Нелли Ваккер. Есть у него переводы с польского.

Вот из Куланбая Копишева:

Кумыс, кумыс, ты греешь, как любовь...

Один глоток, и на щеках румянец...

Или у него же:

Далёкие, седые времена.

Домбры моей я слышу мерный рокот.

Так может слышать и чувствовать только поэт поэта.

А это из переводов «Орнаментов мыслей» Оралбека Кожанова:

Как мудро жизнь устроена природы –

Всё связано навечно, не на годы...

...У нас огромная страна,

Душа такой же быть должна

Отдал Виктор Гаврилович дань в своём творчестве казахской исто-
рии, культуре, её выдающимся именам. Это поэмы о батыре Жасыбае,
«Вершина Машхура». «Вершина» была переведена на казахский язык
и опубликована в газете «Егемен Казахстан» тиражом больше ста ты-
сяч экземпляров. Не многие русские поэты, особенно сегодня, доста-
иваются такой чести.

* * *

Мой рассказ о Викторе Гавриловиче Семерьянове – поэте и челове-
ке – конечно, не полон. Мне хочется и дальше цитировать и цитировать
особенно мне близкое и родное. «Сенокос», например:

На зелёной на излучке

отдыхают мужики...

Я лежу, раскинув руки,

и ромашка у щёки...

Это же мой сенокос, мой луг – я ещё мальчишка, лежу на чуть при-
вядшей скошенной траве...

Но, написал Семерьянов:

Вот и лето за лесок улеглось...

Наше время, как песок, пролилось...

Пролилось, но не бесследно, потому что живы и будут жить семерь-
яновские строки. А значит, и он сам.

СЕКРЕТНЫЙ ДИРЕКТОР

Рождённый в пути

У него, как это часто бывает у казахов, говорящее имя. Родители назвали сына Сапарбеком, потому что он родился при переезде семьи на джайляу. Сапарбек в переводе на русский означает «Рождённый в пути». И было это в Алма-Атинской области. Теперь малая родина Беркетова на дне Капчагайского моря.

Потом семья переехала в Петропавловск. С началом Великой Отечественной войны глава семьи ушёл на фронт. Перед этим напутствовал сына: «В этом году ты пойдёшь учиться, Сапар. Хорошо учись. Не огорчай маму. Ей и без того будет тяжело». Но учиться ему не пришлось. В 1943 году на отца пришла похоронка. Мать работала, а Сапарбеку нужно было нанять младшую сестрёнку. Затем мать с детьми переехала к своим родителям в Челябинскую область. Её отец, дед Сапарбека, жил на золотоносном прииске и был старателем-золотодобытчиком. Работали всей семьёй: дед добывал в забое золотоносный песок, дядя Сапарбека поднимал наверх бадью с ним на ворота, ссыпал в телегу или на сани. Сапарбек вёз ценный груз к речке, где его мать с другими женщинами промывали песок в лотках. А золото потом выпаривали при помощи ртути – этот способ известен давно и называется амальгированием.

На прииске Сапарбек проработал до 1947 года, до демобилизации брата отца Аубакира Ертаева, который решил, что племянник должен учиться. Сапарбек окончил среднюю школу с серебряной медалью и поступил в Казахский горно-металлургический институт по специаль-

ности металлургия цветных, редких и благородных металлов со специализацией автоматизация производственных процессов в цветной металлургии.

По распределению был направлен на комбинат «Майкаинзолото». Работал инженером-исследователем, старшим мастером на обогатительной фабрике. А потом в его трудовой биографии был Павлодарский алюминиевый завод – яркая, счастливая страница жизни.

На алюминиевом заводе

На алюминиевом заводе он проработал без малого двадцать лет, пройдя по всем ступеням служебной лестницы: старший аппаратчик, мастер опытного цеха, старший мастер цеха мокрой обработки сырья, начальник участка этого цеха, заместитель начальника гидрометаллургического цеха, заместитель директора завода. Ещё и поэтому прикипел к предприятию всей душой.

«Алюминиевый начинался с опытного цеха, где испытывалась и отработывалась в миниатюре вся технология будущего предприятия», – вспоминал позже Сапарбек Султанович. Работая здесь, он одновременно переучивался. Его специализацией до этого была металлургия тяжёлых цветных металлов, а здесь производили глинозём, из которого на других предприятиях СССР выпускали «крылатый металл» – алюминий.

Поскольку производство было новым, технологически не освоенным, специалистов и рабочих отправляли стажироваться на уже действующие заводы. Сапарбека послали старшим группы на Богословский алюминиевый завод в Заполярье.

Там, по его собственному признанию, он изучил весь технологический процесс от начала до конца. И когда дома запустили в работу оборудование, он стал незаменимым специалистом, ещё и поэтому в Павлодаре процесс проходил без особых сложностей.

Хотя трудностей при освоении технологии получения глинозёма из бокситов по так называемой схеме Байера хватало на всех этапах. Однажды зимой, когда завод практически остановился из-за того, что во время сильных морозов смёрзлась руда в вагонах и добыть её оттуда не было никакой возможности, освободили от работы всё руководство предприятия. И выводили его из кризиса уже три новых руководителя: директор Евгений Беспалов, главный инженер Игорь Прокопов и вновь назначенный заместитель директора Сапарбек Беркетов.

Во многом благодаря их трудам Павлодарский алюминиевый завод стал одним из лучших предприятий цветной металлургии СССР. И всё тут у самого Беркетова складывалось очень хорошо: работал азартно, с большим желанием, внедрил немало новшеств, включая два с лишним десятка рационализаторских предложений. Начал работать над кандидатской диссертацией, связанной с совершенствованием технологии производства. Он даже и мысли не допускал, что ему когда-нибудь придётся уйти с завода... Но мы предполагаем, а судьба располагает...

Партийное поручение

Об истории назначения С.С. Беркетова директором Павлодарского химического завода мне рассказывал Б.В. Исаев. Он – в ту пору первый секретарь обкома партии – был озабочен нестабильной работой этого предприятия. Пригласил для беседы директора Павлодарского алюминиевого завода Игоря Прокопова и, объяснив ситуацию, попросил порекомендовать «на прорыв» кого-то из своих кадров.

– Я отдам лучшего, – ответил после недолгих раздумий Прокопов и назвал своего зама Беркетова.

Так Сапарбек Султанович стал директором суперсекретного химического завода, входившего в так называемый «список сто» – группу предприятий, имеющих стратегическое значение для СССР, работающих в том числе и на оборону.

Это особая большая тема – те десять лет работы на заводе, который Беркетов не только во многом изменил, но и сделал престижным предприятием в Павлодаре: здесь была хорошая зарплата, быстрее, чем на других предприятиях, продвигалась очередь на жильё, не было проблем с детскими садами.

Конечно же, всё это давалось с большим трудом. Временами, особенно в первое время, у директора на душе была такая смута, что он тайне от всех приезжал поздно вечером к проходной родного алюминиевого и подолгу стоял там, будто подзаряжаясь его незримой, но осязаемой им самой энергией.

О значении же во многом перерождённого его трудами химического завода для страны, её обороны, космической отрасли можно судить по перечню выпускаемой продукции, в том числе двойного назначения. Кроме каустической соды, хлора, без которых не может обходиться промышленность и коммунальное хозяйство, производили хлористый алюминий, трёххлористый фосфор, компоненты, входящие в топливо

для баллистических ракет стратегического назначения и для жаростойких плиток, которыми был облицован знаменитый советский космический челнок «Буран»... Это, наконец, широкий перечень другой продукции, включая товары народного потребления...

Когда на производстве возникали проблемы технологического порядка (а они не могли не возникать там, где люди на некоторых участках работали и в противогазах), Беркетов выносил их решение в цеха, а если требовалось, сам надевал рабочую спецовку и шёл туда, где было «узкое место». Так он работал, и заводчане до сих пор это помнят...

В советские времена Павлодар на многие годы стал закрытым городом, куда не было доступа иностранцам. Никто, кроме директора химического завода и узкого круга других лиц, не знал, что он выпускает. О нём нельзя было писать в газетах – только две областные государственные газеты могли его упоминать на своих страницах.

В те годы состоялось наше знакомство с Сапарбеком Султановичем. Мне, начавшему после окончания университета работать в «Звезде Прииртышья», нужно было хоть какое-то жильё, а у завода были свои общежития. Выбивать комнату в одном из них мы отправились с первым заместителем редактора Петром Арсентьевичем Побережниковым. Они были хорошо знакомы: наш зам тоже работал прежде на алюминиевом заводе – редактором многотиражной газеты.

Не могу сказать, что Беркетов встретил нас радушно. Нам долго оформляли пропуска в заводууправлении, прежде чем мы оказались в огромном, как ангар, кабинете директора. Мне, во всяком случае, в таких бывать ещё не приходилось. Сели у приставного столика, примыкавшего к большому директорскому, заставленному с левой стороны телефонами.

– Видишь, – показывая на один из них, с Гербом СССР, сказал Побережников, – это «ВЧ». Снимаешь трубку и сразу говоришь с Москвой. Таких в области только три: у первого секретаря обкома, председателя облисполкома и у Беркетова, – и, выдержав паузу: – А ты знаешь, как мы на алюминиевом вместе работали!

Рассчитывал, наверное, на встречную реакцию Беркетова. Но замысел не сработал. Директор, конечно, понимал, что пришли мы неспроста, а когда услышал про комнату в общежитии, сказал – как отрезал, что своим рабочим мест в них не хватает. И никакие последующие уговоры не помогали.

И вдруг Побережников вскипел:

– Вы что, не осознаёте, кто перед вами? – и показал на меня.

Тот не понял вопроса и ждал продолжения.

– Тогда я вам скажу, – пошёл в решительное наступление мой ходатай. – Круглый сирота. В университет поступил. С отличием окончил. К нам в газету пришёл. Жёну и ребёнка имеет...

И что, мол, ему пропадать теперь? – вытекало из сказанного. Я скромно помалкивал, хотя родители мои были, к счастью, живы. А на Беркетова речь бывшего сослуживца, кажется, произвела впечатление. Может, своё детство вспомнил: как сам учился и начинал работать... Комнату, правда, так и не пообещал, заметив в ответ неопределённо:

– Надо посмотреть...

Как бы там ни было, девятиметровую комнату в общежитии химзавода, кишашую клопами, моё семейство всё же получило. И пусть прожили мы там недолго, это был наш первый и очень дорогой семейный угол.

Годы и годы спустя я напомним Сапарбеку Султановичу, уже пенсионеру, о том случае, а он отмахнётся: не помню, мол... Я же буду просить его поделиться секретами химзавода, давно ушедшего в прошлое: что конкретно выпускали, для каких нужд, как работали на оборону? Он останется непреклонен: «Я давал подписку по высшей категории неразглашения на Лубянке. И она не имеет срока давности».

Рассказывал мне, как прилетал в те времена в Москву. В Домодедово его всегда встречала «Волга», куда он не имел права никого подсаживать, и везла в закрытую гостиницу. Однажды Беркетов летел в Москву с высоким обкомовским чином и буквально сбежал от него в аэропорту, хотя тот предлагал ехать в город вместе.

Рассказывал за дастарханом в узком кругу, как отчитывался на высочайшем уровне. Его неожиданно вызвали в Москву и повезли на этот раз из Домодедово не в гостиницу, а в аэропорт Внуково, где уже стоял готовый к вылету другой самолёт. Только когда были уже в воздухе, узнал, что летят на Камчатку. Там состоялось совместное заседание коллегии трёх министерств: химической промышленности, среднего машиностроения и обороны. Повод – неполадки в «изделиях», к которым эти три суперведомства имели отношение, – баллистических ракетах. Их запускали с Камчатки в отдалённые районы Тихого океана, а они не достигали точек назначения – падали раньше.

Спрос учиняли член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны Д.Ф. Устинов, министр химической промышленности Л.А. Костандов

и министр среднего машиностроения, трижды Герой Социалистического Труда Е.П. Славский. А Павлодарский химзавод поставлял некие компоненты для этих ракет, но не напрямую, а другому предприятию, в город Навои, которое использовало их в следующем цикле производства. А на том отчёте летели, конечно, головы руководителей... Дальше – рассказ С.С. Беркетова: «И вот стою я перед тремя союзными министрами, держу ответ. А по чьим-то докладам до этого выходило, что это наш завод напортачил. И обстановка в зале уже наэлектризована – я её всей кожей ощущаю... И молчу... Покрываюсь холодным потом...»

«Ты что молчишь, Беркетов?» – не выдерживает мой министр Костанов, который ко мне всегда хорошо относился и даже «сыном» называл, как самого молодого директора завода нашей отрасли. «Так я же нерусский», – отвечаю. «Ну и что? – он даже будто опешил. – Я тоже нерусский!»

«Я, – говорю, – казах, и мне надо время, чтобы перевести ваши вопросы на казахский, сообразить, что ответить – на казахском, опять перевести на русский и только потом...»

Министры рассмеялись, и обстановка в зале сразу разрядилась. А Беркетов стал спокойно объяснять, что продукция его завода полностью соответствует всем технологическим требованиям, есть все необходимые заключения, подтверждающие документы. Это может удостоверить и директор завода, который находится в зале. И тот тут же подтвердил, что претензий к Павлодарскому заводу нет. Отчёт был принят, но уходил С.С. Беркетов после него мокрый от пота.

Многое из того, о чём не захотел мне рассказать директор секретного завода, рассказала в своей книге, посвящённой этому предприятию, Г.В. Шарапова. Она проработала на нём большую часть трудовой жизни – лаборантом, инженером, начальником отдела, инспектором государственного технического надзора, поэтому знает обо всём не понаслышке.

Так, она прямо пишет о том, что выпускаемый заводом хлористый алюминий входил в перечень ста наименований продукции, определяющих экономическую мощь СССР. Использовался он в металлургической промышленности, но мог быть задействован, как и другая продукция завода, в производстве продукции военного назначения.

В 1977 году было введено в эксплуатацию производство ОСА – особо чистого алюминия, применяемого в процессах органического синтеза в качестве катализатора (ускорителя реакции). Он использовался,

в частности, в производстве топлива для межконтинентальных баллистических ракет и пластин терморегулирующего покрытия космического «челнока» «Буран». Да-да, того самого легендарного «Бурана» — беспилотного корабля, доставленного на Байконур на «спине» самого мощного в мире грузового самолёта «Мрия», выведенного в космос и благополучно приземлившегося в автоматическом режиме. При этом ни одна из покрывающих его сверхустойчивых к перегрузкам и перепадам температур плиток не была повреждена. В этом технологическом успехе и космическом достижении была доля труда и павлодарских заводчан. Остаётся лишь сожалеть, что канул в вечность блестящий проект советской поры, потрясший когда-то весь мир.

Перечислить же всё, что выпускалось Павлодарским химзаводом, преобразованным затем в АО «Химпром», просто нет возможности: только его так называемая первая площадка, имевшая в своём составе 30 цехов (вдумайтесь в эту цифру!), производила 60 наименований химической продукции. Кроме уже упомянутых её видов, это были семь марок моторных масел и семь наименований присадок к ним; поливинилхлоридный пластикат, применяемый для защиты проводов и кабелей, производства труб, плёнок, искусственных волокон и кожи, а также для изготовления подошв обуви; это жидкость против обледенения «Арктика», применяемая в авиации; это антифриз и тосол, разные виды красок; это шампуни на основе женьшеня и многое, многое другое. Даже хозяйственное мыло в пору его дефицита здесь производили.

В 1980 году началось интенсивное освоение второй промышленной площадки, будущие цеха которой получили общее условное название «8-е производство». На эту территорию в 550 гектаров допуск был с особым режимом секретности. И неудивительно: монтировалось уникальное, стойкое к коррозии оборудование, изготовленное из особых сплавов, превосходящих нержавеющие стали, и облицованное внутри серебром. Одних трубопроводов пара и горячей воды проложили почти 40 километров.

Основные пять корпусов включали главное химическое производство, а также лабораторные установки по испытанию боевых отравляющих веществ (именно их здесь планировали производить) на подопытных животных. Конструкция здания со спецоборудованием для заполнения будущих снарядов имела четырёхметровую толщину стен, усиленную колоннами. И всё это располагалось под земляным валом...

Помимо этого, на особый период (в случае специального постановления Верховного Совета СССР на этот счёт или при угрозе или нападении вероятного противника) Павлодарскому химзаводу предписывалось развернуть мощности по производству гексахлормеламина – дегазатора техники и людей – единственного в мире препарата, обеззараживавшего все существующие отравляющие вещества и бактериологические средства, в том числе самые современные. Тоже, конечно, не парфюмерия, но не одно и то же, что производство химического и бактериологического оружия.

В случае объявления «особого периода» предприятие также готово было начать производство зажигательных смесей и целеуказателей. Для этого была развёрнута вторая площадка, созданы мощности по переработке жёлтого фосфора – исходного сырья для получения смесей, которыми снаряжаются артиллерийские снаряды и авиационные бомбы.

К счастью, до этих производств дело так и не дошло: СССР присоединился к Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении. Большинство оборудования было демонтировано, часть просто не успели смонтировать, часть использовали под производство мирной продукции.

Можно теперь смело утверждать: нам, павлодарцам, очень повезло, что производство боевых отравляющих веществ нервно-паралитического действия на бывшем химзаводе не состоялось. В противном случае сам город превратился бы в одну большую химическую мину замедленного действия с непредсказуемыми последствиями. Ведь он наверняка бы стал (а может, уже и был) объектом особо пристального внимания для «вероятного противника», способного «достать» любую точку на планете.

С.С. Беркетов говорил мне: он знал, где находится каждая советская баллистическая ракета стратегического назначения; что на Павлодар была нацелена такая же ракета заокеанского вероятного противника, и её одной хватило бы, чтобы «накрыть» не только областной центр, но и его окрестности.

Химзавод в пору его директорства очень многое сделал для города. По титулу этого предприятия, то есть за счёт средств союзного министерства, в которое входил завод, были построены большая современная больница (тогда – «химовская», а теперь это больница скорой по-

мощи), трамвайные линии, плавательный бассейн, подземный переход в районе ЦУМа, много жилья (целый микрорайон с тех пор носит название Химгородки), восемь детских садов, профилакторий для заводчан и пионерский лагерь для их детей...

Когда была принята Продовольственная программа, предприятиям предписывалось создавать собственные подсобные сельские производства. И на химзаводе вдобавок к теплицам, где выращивали овощи и цветы, организовали двухэтажный свинарник. На первом свиней откармливали, а на втором содержали маточное поголовье. Связывал два этажа лифт, на котором поднимали наверх свиноматок и корма для них. Министр химической промышленности СССР Л.А. Костандов, побывавший тогда в Павлодаре, был настолько впечатлён этим техническим проектом, что даже обнял директора завода.

Пионерский лагерь, построенный по титулу химзавода в Чалдайском сосновом бору, тоже был двойного назначения. Использовался по прямому назначению для летнего отдыха детей заводчан и был прикрытием для запасного командного пункта, оборудованного здесь же, под землёй, в специально сооружённом убежище, обеспеченном всем необходимым, имевшем линию прямой связи с Москвой.

Отчасти благодаря С.С. Беркетову в Павлодаре даже новая тюрьма появилась. Старая, ещё дореволюционная, в которой побывали депутат дореволюционной Госдумы России, один из создателей Алаш Орды Алихан Букейханов, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе А.И. Солженицын, будущий лауреат Ленинской премии агроном Г.Г. Берестовский, педагог-филолог, музыковед, композитор, собравший уникальную коллекцию виниловых пластинок, Н.Г. Шафер, стояла на улице Ленина, и новый первый секретарь обкома партии Б.В. Исаев решил её снести. А бюджетных средств на новую не было. Однажды он позвонил С. Беркетову и сказал: «Готовься! Полетим с тобой в Москву...» – «А готовиться к чему?» – спросил Беркетов. «К твоему министру пойдём – деньги просить». – «На что?» – поинтересовался директор и услышал: «На новую тюрьму».

Пришли в Москве к министру химической промышленности Л.А. Костандову. Поговорили с ним о делах, сказали и про тюрьму. А Костандов говорит Беркетову: «Ты-то, сынок, особенно не беспокойся – для нас с тобой тюрьма давно построена». Сапарбек Султанович,

конечно, понял, что его «большой шеф» имел в виду: в интересах дела и руководителю крупного предприятия, и министру приходится идти на разного рода нарушения, так что всегда можно было и срок схлопотать. И больше Беркетов в разговор не встречал. Деньги министр за счёт средств своего могущественного ведомства выделил. Так в Павлодаре была поострена новая тюрьма. А старую снесли – там теперь жилой многоэтажный дом.

Ядовитое наследство и «стена в грунте»

В конце концов «грязное» производство на заводе было остановлено, в том числе под давлением местных экологов-общественников, на сторону которых встали и некоторые специалисты природоохранных ведомств. Речь в данном случае идёт не о секретной продукции (в отношении неё действовали другие рычаги и механизмы), а о ртутной технологии, используемой при выпуске того же хлора... Но в то время С.С. Беркетов на этом предприятии уже не работал.

Завод лихорадило, хотя он продолжал ещё выпускать разного рода другую мирную продукцию, о которой уже упоминалось. А в Павлодар наведывались даже американские эксперты, дабы удостовериться в том, что военной продукции он не производит.

Тем временем развернулась нешуточная борьба за право обладания остатками некогда стратегического предприятия, на площадях которого планировалось, помимо прочего, создать щелочное производство уже по другой, прогрессивной мембранной технологии. Борьба эта велась не на жизнь, а на смерть.

В публичной и подковёрной борьбе за химзавод участвовали власть имущие, депутаты Мажилиса... Одного из бизнесменов, оказавшегося на этом пути, расстрелял наёмный киллер...

Завод переходил из республиканской в областную собственность... И тут опять стали бить тревогу экологи, потому что дало о себе знать ядовитое наследство предприятия. Поскольку технология производства на нём была несовершенной, ртутью оказались пропитаны полы и стены одного из цехов. Разлитую по ним ртуть (её островки) было видно невооружённым глазом. При наступлении тепла ртуть испарялась, концентрации её паров во много раз превышали предельно допустимый уровень...

На демеркуризацию (обеззараживание территории) требовались большие деньги, притом срочно. А поскольку взять их было негде, го-

родские власти объявили на этой территории чрезвычайную ситуацию, позволяющую использовать средства, предусмотренные на этот случай. Здание цеха демонтировали, заражённые остатки бетона прожаривали в специально изготовленных печах, выпаривали ртуть и хоронили в специальном могильнике-саркофаге.

Но ещё не успели покончить с одной заразой, как обнаружилась другая: часть ртути, этого тяжёлого жидкого металла, просочилась в землю под цехом и медленно, но неуклонно продвигалась с грунтовыми водами в сторону Иртыша. Специалисты определяли объём подземного «ртутного потока» в 900 тонн.

Казалось, что в ту пору чуть ли не весь мир озаботился этой проблемой и был готов помогать нам: депутаты Российской Госдумы провели слушания и дали соответствующие поручения правительству, Япония готова была предоставить кредит, Франция профинансировала исследовательские работы, Украина брала на себя проектирование будущих строительных работ... Великобритания и Нидерланды с участием казахстанцев и россиян инициировали международный проект, предусматривающий двухгодичные полевые исследования и разработку математической модели ртутного загрязнения.

Три совместных экспедиции четырёх научно-исследовательских институтов пробурили, в дополнение к уже сделанным до них, 200 новых скважин, взяли свыше двух тысяч проб почв, грунтов, шламов, 325 проб воды и даже пробы молока коров, пасущихся в окрестностях, образцы плоти рыб и т. д. В общей сложности была обследована территория в 200 квадратных километров и сделан вывод: промплощадка бывшего завода и спецнакопители отходов, подпирающие озеро Былкылдак, по-прежнему представляют опасность, поскольку питают и подземные воды.

Загрязнённые ртутью подземные воды «фронтом» в 250 метров двигались в сторону Иртыша и прошли от промплощадки к 2003 году уже 2500 метров. Поэтому на их пути было решено возвести влагонепроницаемую преграду – так называемую стену в грунте из глины. Технология – глубокий разрез в земле и закачка в него глиняного раствора, который, затвердев, становится монолитом. И такая стена общей протяжённостью 216 метров была выстроена в форме параллелепипеда, наглухо закрыв со всех сторон участок с грунтовыми водами, заражёнными ртутью. Опасности попадания их в Иртыш больше нет. Но нужен постоянный мониторинг, чтобы избежать её и в будущем.

Остаётся, правда, проблема озера Былкылдак, но это тема для особого разговора.

А новое предприятие, созданное на части площадей бывшего химзавода, работает и даёт нашей стране нужную её экономике продукцию.

Новые большие заботы

Из директоров С.С. Беркетов ушёл сам, столкнувшись с несправедливым к себе отношением одного из чиновников союзного ведомства, к которому относился Павлодарский химзавод.

Затем активно работал в областном комитете народного контроля, основательно всё там перестроив. Новые подходы к роли этой контролирующей структуры, которая благодаря его усилиям стала содействовать решению проблем местных предприятий – на республиканском и союзном уровнях, благотворно сказались на работе многих предприятий.

Когда начались рыночные преобразования, С.С. Беркетову было предложено организовать товарно-сырьевую биржу в Павлодаре, и он создал в городе универсальный биржевой центр «Орлан». Уже в качестве его руководителя снова, в шестьдесят с лишним лет, учился и практиковался на лондонских биржах: товарной, нефтяной и металла. Словом, биржевое дело он начинал одним из первых в Казахстане.

Ему всё и всегда удавалось в жизни. Потому что он всю жизнь учился, даже тогда, когда уже сам мог учить других. Ещё он всегда много и упорно трудился, считая любое порученное ему дело главным на этом этапе жизни. Такая вот собственным опытом выстраданная философия жизненного успеха. Отсюда и результаты: С.С. Беркетов – лауреат Государственной премии СССР, кандидат технических наук, заслуженный рационализатор СССР, действительный член Международной Академии информатизации, кавалер орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почёта», почётный гражданин Павлодара.

Он был человеком с характером, всегда говорил – что думал. Нередко критиковал городское и областное начальство за упущения. Многие годы оставался преданным болельщиком футбольного клуба «Иртыш».

Он был одним из тех, кто многие годы создавал индустриальную мощь региона, республики и Советского Союза, всегда оставаясь тружеником из тружеников, человеком дела и руководителем, каких поискать. Сделанное им и сегодня служит людям. А значит, Сапарбек Султанович остаётся с нами.

ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС ЕВГЕНИЯ АЗАРОВА

Таким для него стало десятилетие работы на сооружении Ермаковской ГРЭС.

На этой директивной, как она тогда ранжировалась, стройке Евгений Григорьевич проработал с 1965 по 1975 год – вначале главным инженером, а затем начальником строительства. Обеспечивал пуск всех энергоблоков тогда крупнейшей не только в Казахстане, но и в СССР восточнее Урала тепловой станции – от первого до восьмого – мощностью 300 мегаватт каждый.

Эту страницу своей биографии Е.Г. Азаров считает знаковой и судьбоносной. Но и до этого он успел пройти настоящую профессиональную школу.

Послушаем самого Евгения Григорьевича. Вчитаемся в его книгу «Эскизы характеров, ушедших в историю».

* * *

«Я себя считаю хорошим строителем. И вот почему. Мне очень повезло в самом начале: я окончил одно из лучших тогдашних средних специальных технических учебных заведений – Рязанский железнодорожный техникум. Он вёл свою историю ещё с дореволюционных времён, когда был реальным училищем. Здесь готовили технических специалистов для железнодорожной отрасли Российской Империи.

Нам в техникуме, кроме общеобразовательных и других специальных дисциплин, преподавали также сопромат, геодезию, строительную механику с расчётами различных конструкций и сооружений, применяемых в строительстве, – колонн, балок, ферм, прогонов и так далее. Это

я к тому, что из нас уже тогда (а техникум я окончил в 1951 году) готовили специалистов-строителей широкого профиля. Потом всё то же, с приличным «довеском», мне пришлось изучать на вузовском уровне, в Новосибирском инженерно-строительном институте (его окончил в 1959 году).

Но вернусь к Рязанскому железнодорожному техникуму, о котором до сих пор храню самые дорогие воспоминания, хотя быт наш был ещё тот: в комнате общежития, в полуподвальном помещении со сводчатым потолком (чем-то оно напоминало монастырь), кроме меня, обитали 13 человек. Никогда не забывал и не забуду преподавателя русского языка и литературы Николая Михайловича Юрьева, работавшего прежде в реальном училище. Как он приучал нас к чтению! Читал наизусть Евгения Онегина, любил Некрасова, Лермонтова, Есенина, бывшего тогда под запретом, и тоже нам его читал – вне программы. Приглашал в техникум поэтов и писателей Л. Лёвушкина, А. Рыбакова, П. Вершигору. С пристрастием допрашивал – что мы прочитали за лето. Имел прекрасную библиотеку и нас заставлял покупать книги.

Не любил, правда, Маяковского, который в программе был. Издательски-театрально, но и очень впечатляюще читал его «Стихи о советском паспорте» – по книге, надевая перед этим перчатки:

На польский глядит, как в афишу коза:

Откуда, мол, и что это за...

Так рифмовал, издеваясь над Маяковским.

Мы с моим товарищем Маяковского, напротив, любили, спорили с Николаем Михайловичем, что ему нравилось, и он нас выделял из общей массы. С тех самых пор чтение для меня – не просто потребность, но и любимейшее занятие.

Рязанский техникум был во всех смыслах замечательным учебным заведением, выпускающим не только хороших специалистов, но и образованных людей. Все его преподаватели имели воинские железнодорожные звания. Был среди них серб по фамилии Мерчетич, который вёл архитектурное дело. На занятиях не терял ни минуты и начинал с ходу: на прошлом занятии мы остановились на... И дальше – будто только прервался. Давал нам с товарищем фотоаппарат – большую редкость по тем временам, чтобы мы фотографировали старинные здания Рязани, другие оригинальные уголки. Так сохранял их, хотя бы на снимках, для потомков.

Так что техникум для меня – начало всех начал.

* * *

— Когда мы окончили техникум, нас, человек двенадцать, собрал полковник МВД и стал агитировать: «Ребята, хотите в Сибирь поехать, там такое строительство разворачивается, там вы нужны, там такие перспективы!» Человек восемь, и я в том числе, согласились. И он тут же продиктовал нам текст: «Начальнику управления железных рудников МВД СССР, генерал-майору Царевскому. Заявление. Прошу принять меня мастером-десятником в ваше управление. Дата, подпись».

На следующий день нам выдали в местном управлении МВД железнодорожные билеты до Москвы. Там поселили в гостиницу, потом нас принял высокий чин МВД, и мы поехали в Красноярск. Ехали пять суток, и я впервые попробовал в вагоне-ресторане шесть сортов пива. Нам выдали проездные деньги, и когда я за них потом отчитывался, остался должен.

Поселили нас в Базаихе, бывшей, по сути, большим лагерем. Оттуда водили колоннами по пять человек в шеренге 1500 эков на строительство КрасГЭС, огороженную рядами колючей проволоки, с часовыми на вышках, конвоирами с собаками. А всего в КрасЛаге насчитывалось 300 тысяч эков. Да и все железные рудники нашего управления тоже были лагерями. Так что практически все великие стройки предыдущей и нашей поры были по преимуществу делом рук эков, то есть заключённых.

Потом нас разбросали по стройкам: я попал на так называемую КрасТЭЦ, а ребята — в «почтовый ящик-9» — в будущем секретный «атомный» город «Красноярск-26» — позднее Железногорск, размещённый так, что его и атомной бомбой не взять.

Я же строил эту самую КрасТЭЦ, довольно крупную, вместе с эками. Сидим на планёрке — шум, гам, в дверь всовывается чья-то голова и, не обращая внимания ни на кого, хриплым басом говорит: «Начальник!». Тот, не поворачивая к нему головы: «Чего тебе?» — «Аванец бы, начальник!» — «Давай!» — отвечает начальник, всё так же не оборачиваясь. Тот протягивает бумажку, начальник расписывается на ней, проситель исчезает, планёрка продолжается. Обычные рабочие будни...

В 1952 году на стройку приехал с проверкой Л.П. Берия, курировавший многие важнейшие стройки страны. В сопровождении начальника железных рудников МВД (так сказать, нашего шефа) Царевского и прочей свиты ходил среди эков без всякой охраны. Я видел его очень близко, буквально в шаге: шляпа, плащ, пенсне поблёскивает... Наш Царевский рядом с ним на голову выше.

Ходом строительства Лаврентий Павлович остался недоволен, прежнего начальника стройки снял и поставил нового – полковника Баранова Сергея Николаевича. Человек был хороший, но проработал на этом посту недолго, к чему и я оказался причастен. Я со своими зэками строил разгрузоустройство – длинное здание с глубоким подвалом. Ходить приходилось по доскам, проложенным наверху. И одна из них оказалась короче, чем надо, не доставала до опоры. Баранов пришёл на наш объект, встал как раз на эту доску и провалился вниз, удерживаясь на локтях. Мы с зэками его вытащили. Он обругал нас и уехал. А через два дня умер. И потом на стройке ядовито шутили: мол, Берия Баранова поставил, а Азаров снял.

Запомнил один случай – как Баранов вопросы решал. Привезли кирпич – миллион штук – для стометровой дымовой трубы, и он оказался не той, более низкой, марки. Баранов не стал его возвращать, разбираться, почему это произошло, а приказал бульдозером разровнять всю партию под угольное поле. Тоже, знаете ли, воспитывает...

Помню ещё прораба Дудина – фронтовика, который, когда сердился сильно на кого-то за плохую работу, говорил: «Я таких на пушке вешал!» Он был артиллерист. И, оказывается, на орудиях с длинными стволами такое возможно: у них есть механизм, поднимающий ствол, даже с грузом...

Когда умер Сталин, зэки, обрадовавшись, бросили работу. И Дудин, хоть и сердился, ничего сделать не мог. Я нарисовал карикатуру на него со словами:

*Во всём разгрузочном один
Сидит на пне прораб Дудин.*

Переиначил ударение, за что он на меня обиделся.

Вообще же говоря, я на этой первой своей стройке прошёл хорошую школу, которая пригодилась в жизни.

А с Царевским у меня тоже случилась в будущем встреча, притом совершенно неожиданная. Я был на трёхмесячных курсах в Москве и решил пойти на Новодевичье кладбище, где похоронены все «самые-самые». И там, бродя меж великих могил, наткнулся на надгробье, извещавшее о том, что под ним покоится мой первый работодатель. Быть похороненным на этом кладбище всегда считалось особой честью. Значит, нашего тогдашнего начальника высоко ценили на самом верху.

* * *

– После института меня направили в трест «Сибэнергострой», который сооружал крупную Назаровскую ГРЭС в Красноярском крае. Там,

кстати, впервые опробовали энергоблок мощностью 500 мегаватт – их потом монтировали и на наших Экибастузских ГРЭС-1 и ГРЭС-2.

Назаровская ГРЭС, где я строил всю подземную часть главного корпуса – топливоподачу, гидросооружения и прочее, тоже стала для меня прекрасной школой. И, забегаая вперёд, скажу: когда я годы спустя оказался на строительстве Ермаковской ГРЭС, мне уже ничего было не страшно – я до этого прошёл все главные ступени и этапы строительства тепловых станций.

Из Назарова меня послали на трёхмесячные курсы в Москву. Это был в прямом смысле штучный набор – всего 23 человека с предприятий Минэнерго СССР. Лекции и занятия у нас вели как строительные «зубры», так и светила науки – академики Аганбегян, Абалкин, другие умнейшие люди.

Потом я был назначен главным инженером строительства Ачинской ТЭЦ при местном глинозёмном заводе. Эта теплоэнергоцентрально – практически точная копия нашей Павлодарской ТЭЦ-3.

Однажды, когда начальник стройки был в отъезде, а я на хозяйстве, вдруг звонит первый секретарь крайкома Кокарев, с которым мне до этого общаться не приходилось, – не тот был ещё уровень у меня, и говорит: завтра летишь в Москву, там совещание в Кремле Тихонов (заместитель Председателя Совета Министров СССР!) проводит. Я что-то пытался говорить, мол, я же не начальник стройки, но он не стал слушать: «Срочно выезжай – полетишь! Билет тебе уже взяли!»

Вышло так, что к началу совещания я опоздал. Пришёл в бюро пропусков, что слева от Спасской башни, получил пропуск; при входе в башню два военных-кагэбэшника проверили документы, пустили... Иду по длинным коридорам, читаю таблички с надписями хозяев кабинетов – чем дальше, тем круче. Дошёл до нужного, представился в приёмной, мне говорят: уже, мол, идёт совещание, заходите – и чуть не втолкнули в кабинет. Я, испуганный, оказался на стуле как раз напротив министра цветной металлургии СССР Ломако.

Я думал у них там, в Совмине, всё чинно-благородно, а на этом совещании – шум, гам, ругань, как у нас на рабочей планёрке. Я так удивился... А тут ещё и Ломако на меня обратил внимание и, выступая, меня чуть ли не в свидетели взял, когда ругал кого-то: да вот, мол, этот молодой человек – показал пальцем – знает. Я ему нашу ТЭЦ показывал, и он меня приметил и узнал.

Отчитываться, правда, мне тогда не пришлось, но атмосферу запомнил.

* * *

– В 1965 году меня вызвали в министерство, где состоялся такой примерно разговор: вам оказана большая честь – поработать главным инженером на директивной стройке. Приказ подписал министр энергетики СССР. Отказываться в таких случаях было не принято, да и незачем: крупная стройка, масштабная работа. Так я на десять лет связал свою жизнь с этой станцией в Ермаке.

Дела там к тому времени шли не очень хорошо: затягивалось строительство, отодвигались сроки сдачи в эксплуатацию первого энергоблока. Надо его пускать, а у нас на саму станцию напряжение не подано. На стройплощадке оно есть – по действующим электросетям. Но нужно ещё надёжное энергоснабжение для самой станции, чтобы в нормальном режиме вести пусконаладочные работы. Поступил уже и трансформатор для этой цели, но не было нужной марки масла, без которого он не может работать.

За помощью мы решили обратиться к Г.М. Маленкову, тогдашнему директору Экибастузской ТЭЦ. Да-да, к тому самому Георгию Максимовичу, одному из ближайших сподвижников Сталина, бывшему Предсовмина СССР, сосланному прежним его соратником Н.С. Хрущёвым сначала в Усть-Каменогорск, а затем в Экибастуз. Кстати говоря, ТЭЦ, которой он руководил, впоследствии стала известной ещё и тем, что строил её зэк Солженицын, отбывавший часть срока в Экибастузском лагере и запечатлевший его быт в повести «Один день Ивана Денисовича». Когда-то Маленков и ему подобные сажали таких как Солженицын, а затем он сам оказался в тех местах, правда, не в лагере уже, а в руководящем кресле, пусть и несопоставимом с прежним... Говорят, что директором Маленков был неплохим и немало сделал для того, чтобы ТЭЦ стала нормально работать.

Меня же тогда поразили там две вещи. Здание станции из красного кирпича было буквально запорошено мелкой угольной пылью – ужасающее зрелище. А в вытянутом, длинном кабинете Маленкова панели на стенах были сделаны из линолеума ядовито-зелёного цвета.

Встретил он нас хорошо, сказал, что просьбу нашу выполнит (и выполнил), даже коньяк предложил, но мы посчитали, что это будет совсем уж чересчур – пить коньяк бывшего Предсовмина. А он рассказал нам историю, с коньяком связанную. О том, как один на один вёл переговоры с английским премьером Черчиллем. О предмете их не говорил, а только об атмосфере – очень жёсткой, напряжённой, с глазу на глаз, в присутствии

лишь двух переводчиков – Черчилля и Маленкова. Черчилль уже тогда имел репутацию прожжённого политика, умеющего в любых условиях отстаивать интересы своей страны. Но и Маленков представлял великую страну, победившую Германию и прибравшую к рукам пол-Европы.

Договориться сторонам никак не удавалось. В Кремле уже знали, что Черчилль неравнодушен к армянскому коньяку (ему его и Сталин посылал в подарок), и поэтому выставили на столик сбоку от него бутылку и фужер, шоколад, фрукты. И такой же набор на столике у Маленкова с той лишь разницей, что у него в бутылке был чай цвета коньяка (он страдал печенью, и его постоянно мучила жажда).

Как только возникла очередная пауза, Маленков налил полный фужер из своей бутылки и махом выпил. То же самое сделал и Черчилль, бросив сигару. Но нисколько не подобрел и не размяк. А по мере того, как они опорожняли бутылки, каждый свою, становился всё более самоуверенным и агрессивным. «Куда было мне, пившему чай, выстоять против этого английского бульдога, пившего коньяк», – примерно так завершил свой рассказ Маленков, добавивший в конце, что те переговоры он проиграл, не добившись намеченной цели. Однако мы в данном конкретном случае остались всё же в выигрыше – масло получили. Теперь только жалею, что отказались от маленковского коньяка – было бы потом о чём рассказывать. Но факт остаётся фактом: в пуске первого энергоблока Ермаковской ГРЭС в 1968 году есть и его, пусть косвенное, участие. Хотя сам Маленков к тому времени уже вернулся в Москву, где и пребывал до самой смерти в забвении. А в Экибастузе, уже в постеперестроечные времена, приезжал его сын Андрей, презентовал книгу об отце. И на стене Экибастузской ТЭЦ есть мемориальная доска, повествующая о том, что здесь работал Г.М. Маленков.

* * *

– Начальником строительства Ермаковской ГРЭС меня назначили в 1971 году, когда руководившего стройкой М.А. Мотлохова направили управлять крупным трестом «Энергострой» в Кемерово. Рассказ о Мотлохове впереди, а пока о том, как меня назначили. Происходило это на коллегии Минэнерго СССР. Накануне меня принял замминистра П.П. Фалалеев. До этого он распекал кого-то по телефону, да так, что в приёмной было слышно. И когда я зашёл, он, видимо, ещё не остыл.

– Шесть лет главным инженером? – спросил то ли меня, то ли себя самого. И тут же сам себе ответил: – Тут одно из двух – или снимать пора, или повышать надо, – и смотрит строго.

– Да я, в общем, не просился, – отвечаю, отчасти обиженный.

На том, собственно, собеседование и закончилось. А на следующий день – уже само утверждение на коллегии. Втолкнули меня в зал, где она заседала, и прямо передо мной Фалалеев.

– Что? – спрашивает негромко, чтобы другие не слышали, – поддал вчера?

Я опять его не понял: внешний вид мой у него вызвал сомнение или ещё что?

Утвердили меня, Фалалеев знал нашу стройку, бывал на ней, любил распекать всех. И министр Непорожний тоже меня запомнил. Приехал однажды в область, увидел меня в обкоме партии, где я к тому времени заведовал отделом строительства, протянул руку, здороваясь, и сказал:

– Ну что, предатель?

Это он имел в виду мой уход из энергостроителей на партийную работу, на которой я, кстати, долго не задержался.

Подробный мой рассказ о том, как мы строили Ермаковскую ГРЭС, опубликован в книге «Становление и развитие энергетики Павлодарской области».

А теперь – о моих соратниках, товарищах по стройке и других людях, которые имели к ней отношение. О них я рассказал в своей книге «Эскизы характеров, ушедших в историю», изданной в Павлодаре.

* * *

– Наше знакомство с Геннадием Алексеевичем Никифоровым – первым секретарём Ермаковского райкома партии – произошло в студеный декабрь 1966 года, когда сорокаградусные морозы в течение 15 дней практически уничтожили почти трёхлетние труды по созданию процветающего города Ермака. Единственная и сверхперегруженная котельная встала из-за того, что замерз питающий ее водопровод. В пятиэтажных и иных домах мороз разорвал чугунные батареи, жильцы в ворохах одежды и одеял сгрудились в кухнях у электроплит и самодельных электрических «козлов». Из больниц разобрали по домам почти всех пациентов, сверху и снизу укутали оставшихся матрацами, в коридорах установили электрические воздухоудовки, в палатах открыли двери. Кое-где начали из-за перегрузки выходить из строя электрические трансформаторы на подстанциях.

В этом критическом положении и проявилась незаурядная воля первого секретаря горкома – тридцатисемилетнего Г.А. Никифорова. Партийное бюро заседало круглосуточно, на нём решались все вопросы: и технические, и политические, и материальные.

Восстановили котельную, приняли решение увеличить диаметр труб, по которым поступало тепло к пятиэтажным домам. Причём выполнить это надо было в кратчайший срок.

Много полезного для города Ермака сделано не только при непосредственном участии Г.А. Никифорова, но и по его идеям и мыслям. Вот, например, социальную сферу города проектировали и строили два могущественных союзных министерства – энергетики и черной металлургии. Для подготовки кадров каждое ведомство строило профтехучилище, с обязательным спортивным залом.

Геннадий Алексеевич объединил (а в то время это было финансово очень трудное дело) средства на спорт и построил с помощью всех участников строек городской стадион. Много сил положил он на развитие коммунального хозяйства, базы ОРСов (отделов рабочего снабжения, а по-простому – торговли), спорта и культуры – этим может гордиться бывший Ермак. Недаром у Г.А. Никифорова прозвище было – «старший прораб».

Однажды стройку Ермаковской ГРЭС осматривал с точки зрения наглядной агитации секретарь обкома по идеологии Бариков. Вечером состоялось подведение итогов в отдельном зале кафе. Секретарь обкома очень красноречиво, очень остро, очень живо критиковал нашу наглядную агитацию.

– Особенно хочу подчеркнуть, Геннадий Алексеевич, и обратить ваше внимание на отсутствие монументальной пропаганды! – заключил секретарь обкома.

Я не мог тогда предположить, во что выльются эти слова. Через несколько дней, вечером, Г.А. Никифоров приехал на стройку и сказал: «Я высчитал: смотри на первую 180-метровую дымовую трубу со стороны Ермака! Сверху до первой от низа площадки – девять белых поясов; если на каждом написать по букве, то получится по вертикали «СЛАВА КПСС». Вот и будет монументальная пропаганда».

Что поделаешь, желание первого секретаря горкома КПСС – закон. Наняли мы верхолазов-скалолазов – молодых ребят, и за две недели, покачавшись на веревках и досках, красной кремнеорганической краской они написали два слова, сложенных из восьмиметровых букв: «СЛАВА КПСС». Они, эти буквы, будут красоваться на трубе много лет, даже когда и партия, и Союз уйдут в прошлое, пока новые собственники станции не наймут новых верхолазов, чтобы закрасить монументальную коммунистическую пропаганду.

В 1967 году страна праздновала пятидесятилетний юбилей революции, строились юбилейные объекты. В августе Никифоров вызвал меня, главного инженера строительства ГРЭС, и сказал, что к ноябрьским праздникам необходимо построить широкоформатный кинотеатр – он будет юбилейный. Я осмотрел начатое строительство здания. Был заложен фундамент, часть стен до уровня второго этажа кто-то делал хозспособом, брак страшный – всё вкривь и вкось.

Первое, что пришлось сделать, так это с помощью тросов и бульдозера развалить стены, из-за чего я имел неприятный разговор с председателем Комитета народного контроля (была такая узаконенная организация, могущая штрафовать и снимать руководителей), и только с помощью Никифорова удалось отвязаться от прилипчивого госконтролера. Потом дело по юбилейному кинотеатру пошло как по маслу – ежедневно, включая воскресенья, оперативки с обязательным присутствием первого секретаря и всех первых руководителей города. Моё генподрядное руководство при молчаливой твёрдой поддержке «старшего прораба» Геннадия Алексеевича совершило чудо: кинотеатр при нормативном сроке строительства один год в течение трёх месяцев был сдан в эксплуатацию.

Никифоров очень чутко относился к товарищам по работе, был близок к руководителям производств и строек. И если сказать, что при его участии создавались в полном смысле мировые гиганты – Ермаковская ГРЭС, канал «Иртыш-Караганда», Ермаковский ферросплавный завод – значит сказать весьма мало.

Ещё один случай произошёл 19 декабря 1968 года. Эта дата запомнилась тем, что именно тогда был пущен первый из восьми энергоблоков Ермаковской ГРЭС. Сутками работал почти пяти тысячный коллектив строителей, монтажников-эксплуатационников и наладчиков. Крупные руководители СССР были частыми гостями стройки. Министры, их заместители, начальники главков, управляющие трестами, секретари ЦК, обкомов и т. д. Стройку посещал и первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Динмухамед Ахмедович Кунаев.

Едва ли кто помнит такую деталь, с ним связанную. Накануне его визита директор ГРЭС В.М. Новик, тщательно осмотрев маршрут посещения, приказал выкрасить перила лестницы ярко-красной краской. Я ему сказал, что Д.А. Кунаев обязательно о них запачкается, на что директор ответил, что будет охранять его от этого поручня. Но всё происходило, как всегда: В.М. Новик забыл о свежеевыкрашенном поручне, и Д.А. Кунаев, конечно же, выпачкал правую руку.

Так вот, в том декабре, в ночь с 18 на 19, заработал первый блок, и всю ночь на блочном щите были Г.А. Никифоров, начальник стройки М.А. Мотлохов, директор ГРЭС В.М. Новик, министр энергетики Казахстана Т.И. Батуров и другие руководители.

* * *

– Мой рассказ о том, как и кто создавал крупнейший энергетический объект не только КазССР, но всего в те годы могучего СССР. Все великие стройки тогда утверждались решениями ЦК КПСС и Советом Министров СССР, но до принятия таких решений долгие годы трудились многие тысячи специалистов, ученых, экономистов, экологов и т. д.

Вопрос о строительстве Ермаковской ГРЭС витал в умах еще с довоенной поры, об этом вспоминал академик Ш. Шокин и он же возмущался: почему не в одном месте «посадили» ГРЭС и головную насосную станцию великого канала «Иртыш-Караганда»? Он считал, что расходов на строительство обоих объектов было бы меньше, тем более что их возводило одно ведомство – Минэнерго СССР. Строительство ГРЭС начали в 1962 году, так сказать, с подходов к стройке: это дороги, электроэнергия, бетонно-растворное хозяйство, временный поселок и т. д. Так прошло три года. Но жизнь и экономика настойчиво требовали электроэнергию для Сибири, Алтая, Центрального Казахстана.

В 1965 году Минэнерго СССР назначает Мотлохова Михаила Александровича начальником строительства. Надо пояснить, что Минэнерго СССР, кроме эксплуатации тепловых, атомных и гидроэлектростанций, в основе своей имело мощнейший строительный комплекс, который возводил эти станции, а также прокладывал каналы («Иртыш-Караганда», «Волга-Дон»), строил крупнейшие автозаводы (ВАЗ, КамАЗ), предприятия, производящие оборудование для атомных электростанций. Минэнерго возводило тепловые и гидроэнергетические объекты на Ближнем Востоке (Ирак и Иран), в Африке (Асуанская ГЭС в Египте) и в других странах. По объему освоения капитальных вложений энергостроители были в первой тройке министерств СССР.

М.А. Мотлохов, по образованию инженер-механик, прошёл хорошую школу по руководству монтажными работами на тепловых станциях Дальнего Востока, но впервые возглавил такой крупный коллектив строителей и монтажников. Нужного опыта пока ещё не было, зато была молодость – 36 лет, здоровье, желание сделать дело и соответствующую карьеру.

В Минэнерго СССР существовал негласный обычай: всякое дело нужно, как почву, удобрить – тогда она будет рожать. То есть чтобы стройка шла, надо пару начальников снять – «отправить на удобрение». Перед приходом Михаила Александровича «удобрение» было сделано не только двумя начальниками, но и парой главных инженеров.

В это же время появился на стройке и я, в качестве главного инженера. На великой стройке социализма царили бардак и неразбериха: огромными кучами, «костром», лежали тысячи кубометров железобетонных и тысячи тонн стальных конструкций, дорогостоящее оборудование на временных складах и открытых площадках. Приходилось искать нужные детали, конструкции с помощью подъёмных кранов и знающих стропальщиков-рабочих на складах. Многое было поломано, испорчено, безвозвратно потеряно. Такой же беспорядок был в монтажной зоне главного корпуса ГРЭС и на вспомогательных объектах.

Обозрев и глубоко изучив создавшееся положение, мы с Михаилом Александровичем, стоя на морозе в монтажной зоне, сделали уговор и дали себе клятву (как когда-то в Москве, на Воробьёвых горах, Герцен с Огаревым) в течение года привести стройку в порядок. Нам это удалось – конечно, с большой помощью заказчика, финансирующего затраты на временные и складские сооружения.

Мотлохов был человеком умным, активным, требовательным, но и тактичным (что на стройке встречается нечасто – там бывает не до сантиментов). На ГРЭС мы пришли примерно в одно время, быстро нашли общий язык, не только вместе работали, но и отдыхали. Мне он доверял абсолютно, взяв на себя, если можно так сказать, внешние сношения – с горкомом и обкомом партии, облисполкомом, министерством. Он также планом занимался. А на мне были «внутренние» строительные дела, всю политику на стройке определял я.

Выдвижение его на более высокую должность было вполне закономерным. Мотлохов даже тепловую электростанцию в Ираке строил, где встречался со знаменитым путешественником Туром Хейердалом – помог ему чем-то недостающим для оборудования его ставшего известным на весь мир плота из тростника.

Со временем М.А. Мотлохов возглавил в Минэнерго СССР специализированное управление «Союзэнергозащита», подразделения которого работали на всех тепловых станциях СССР, занимаясь на них обмуровкой и изоляцией оборудования.

Мы с Михаилом Александровичем и после его ухода с нашей стройки многие годы общались.

* * *

Главным заказчиком стройки был директор Ермаковской ГРЭС – Новик Владимир Михайлович. Он родился в 1921 году в городе Армавире. И в этом же голодном году семья переехала в Белоруссию, осев близ Барановичей, где Новик окончил в 1941 году педагогический техникум, вернулся в свою деревню Огородники и до середины 1944 года, как он пишет в автобиографии, занимался сельским хозяйством. Потом ушел в партизаны и в сентябре был мобилизован в Красную Армию. Воевал почти целый год, участвовал в освобождении Будапешта, был трижды ранен.

В 1950 году окончил Минский политехнический институт по специальности инженер-теплоэнергетик. На тепловых электростанциях Украины (Кураховская, Старо-Бешевская ГРЭС) прошёл все производственные ступени – от начальника смены котельного цеха до начальника цеха и начальника производственного отдела ГРЭС.

В ноябре 1965 года В.М. Новик был назначен директором Ермаковской ГРЭС. Летом 1968 года на стройку зачастили эмиссары разного ранга из Москвы – от начальников главных управлений до замов министра энергетики и электрификации СССР. В это же время строился канал «Иртыш-Караганда». И вот из Караганды по трассе канала по пыльной насыпи движется вереница машин – во главе первый замминистра грозный П.П. Фалалеев, известный своей грубостью, матерщиной, которой он владел в совершенстве. Голодный и злой с утра, он прибыл к вечеру на ГРЭС, осмотрел бегло стройку и собрал большое совещание.

Докладывал на совещании начальник стройки Мотлохов, он обстоятельно, водя указкой по длинному полотну, где был изображен очень модный в то время сетевой график, доложил, как идут работы. Замминистра СССР, перебивая, сердито спрашивал: «Нет, ты скажи, где критический путь? Где критический путь?»

Начальник показывал, доказывал, что лежит он, этот критический путь, на монтажных работах, что нужно увеличивать численность тепло- и электромонтажников.

Замминистра строго спрашивал сопровождающих его москвичей – начальников главных управлений. Те возражали, ссылаясь на отсутствие фронта работ и мест в общежитии. Обычная, в общем, для большой стройки история...

Бог знает сколько трудностей приходилось преодолевать – не только организационных на производстве, но и чисто бытовых, жилищных, проблем обеспечения пятитысячного коллектива продуктами питания, промышленными товарами и прочими. Нужно было создавать инфраструктуру: жилье, школы, детские сады, больницы, дороги, связь, линии электропередач (ЛЭП-500), объекты стройиндустрии. Всей этой премудрости постигнуть в короткое время невозможно, но с годами научиться необходимо, чтобы быть настоящим директором теплоэлектроцентрали.

Позднее, когда шел митинг по случаю пуска в декабре 1968 года первого электроблока Ермаковской ГРЭС и из первой дымовой трубы густо валил белый дым, никто из посторонних не знал, что в котле свищ (дыра), оттуда с огромной силой (давление 220 атмосфер) вырывается пар и, смешиваясь с дымом, выходит высоким белым столбом в морозное небо. На трубе огромными красными буквами в белых поясах было сверху вниз написано: «СЛАВА КПСС». Директор ГРЭС В.М. Новик мучительно переживал, мысленно торопя время митинга: ведь при свище надо немедленно гасить котел, чтобы избежать дальнейших разрушений соседних труб: вылетающий с огромной скоростью пар, увлекая золу, как автогенном, резал соседние цельные трубы – получалось что-то вроде цепной реакции. Хорошо, что было холодно, что митинг на площади был коротким, хорошо, что поссорились из-за полномочий по организации митинга местный секретарь обкома и министр энергетики республики и поехали разбираться в Павлодар... Это позволило остановить работу котла и устранить аварию.

Владимир Михайлович был человек компанейский, очень тонко чувствующий юморные интонации и положения, склонный к афористичности. Как-то шёл разговор о прорыве в трубопроводе, по которому водой транспортируется зола на шлакоотвал. На совещании кто-то сказал, что, возможно, отверстие заткнется, забьется со временем.

– Ни одна дыра со временем уже не становится, – заявил директор.

О работе с колючей шлаковатой, когда она попадает на голое тело, – он же:

– Чешется, и чем больше чешешь, тем больше хочется чесаться.

Ермаковская ГРЭС – электрическая станция, состоящая из восьми энергоблоков; и каждый из них вводился в эксплуатацию обычно в конце года, как правило, ко Дню энергетика, к 22 декабря.

Директору ГРЭС очень трудно давалась организация работы станции на начальном периоде. Тепловая электрическая станция считается

нормальной, когда в наличии три энергоблока. Один блок – это не станция, два – это полстанции, потому что идет отбраковка оборудования в работе, особенно в котельном отделении. И это понятно: достаточно сказать, что основные агрегаты – котёл и турбина – работают на критических параметрах: давление до 250 атмосфер, а температура пара этого рабочего тела – 560 градусов по Цельсию. Трубы, в которых движется такой пар, накаляются докрасна, поэтому и изготовлены они из специальных сталей, и толщина стенок таких труб, чтобы выдержать критическое давление, достигает высоты спичечного коробка. Грамотно управлять этим процессом и оборудованием может только коллектив профессионалов-энергетиков, а их надо обучить, наладить быт и условия для их семей. И в довершение ко всему нужно заниматься вопросами строительства.

Была однажды авария, особо крупная, пожар на первом энергоблоке, когда выгорели десятки километров электрокабеля, а газы от полихлорвиниловой оболочки кабеля заполнили огромные помещения главного корпуса ГРЭС. Турбогенератор был угроблен, миллионы рублей убытков.

Все власти ополчились на директора станции: партийные, министерские, прокурорские чины рвали на части Новика – вызывали, стращали, грозили и т. д.

В то время он вспомнил штурм Будапешта. Надо было решиться проскочить кинжально простреливаемый переулок, чтоб обойти и подавить пулеметы фашистов. Двоих его сослуживцев уже убило. Он – третий – проскочил переулок и обошёл злосчастные развалины, откуда вёлся кинжальный огонь, забросал их гранатами. Когда утихла стрельба в переулке, остатки взвода опрометью перебежали к развалинам. Он спас этих людей. Тогда Новик понял, что будет жить.

Вот и сейчас его выручила смелость главного конструктора Харьковского турбинного завода, признавшего, что авария и пожар произошли по вине завода. Владимир Михайлович остался директором, но его ждали новые испытания. Для улучшения золоулавливания из ГДР поставляли новые электрофилльтры – приборы, улавливающие наэлектризованные частицы газа и золы. Дело было новое, и из Германии (ГДР) прибыл шеф-инженер Иоганн Бехер. Всем он рекомендовался как Иван Иванович и был всегда в паре с переводчицей. Поставка оборудования по филльтрам затянулась: энергоблок в схеме котел-турбина-трансформатор готов на 100 процентов, а электрофилльтры, через

которые пойдут газы (дым), не готовы. Конец года, ввод энергоблока №3 срывается. Скандал в министерствах, в Госплане, в республике, на стройке... Круглосуточно, без выходных, трудятся монтажники, заседания пускового штаба проводятся утром, вечером и за полночь. Вот на таком позднем заседании монтажники задали вопрос:

– Какой прокладочный материал уплотняет крышу со стеной электрофилтра? В немецких чертежах нет ни спецификации, ни указания на материал.

Ночью вызвали шеф-инженера Бехера без переводчицы.

– Иван Иванович, – спрашивал Новик, тыкая авторучкой в узел чертежа, где нарисована прокладка, – что это за хреновина?

– Хреновина? Вас? Варум? – Иван Иванович не понимал, что от него хотят. Ведь на чертеже всё было ясно.

Переговоры с непонятием сторон шли минут двадцать. Когда раздосадованный директор для усиления понимания назвал эту прокладку «ху...а», Иван Иванович понял, что от него хотят.

– Кувина! Коллосаль! – и пояснил на листке бумаги.

Потом на ночном ужине с водкой, в задней комнате директора, в узком кругу, разговор с немецким шеф-инженером продолжился, причем с помощью жестов и отдельно знакомых нам немецких слов. Мы понимали друг друга на все сто процентов.

– Слушай, Иван Иванович, ты, я слышал, воевал с нами? Стрелял в нас? Шиссен? – спрашивал немца Новик.

– Я, я, – отвечал Бехер, – шиссен, шиссен.

– А где закончил войну? Капут криг?

– Будапешт. Ратуша.

Он показал на плечо, и мы поняли, что он был ранен в Будапеште.

– Где, где? Ратуша, говоришь?! – воскликнул Новик. – Так это ты с пулеметом полвзвода наших положил?

– Я, я, – машингевер.

– Так это я вас вашей фау (немецкая граната с длинной деревянной ручкой) успокоил.

– Я, я, – соглашался Иван Иванович, – фау, фау.

Вот такой случай. Все очень поразились совпадению. Выпили тогда за эту встречу крепко. Четверть века прошло, и тогдашние враги – пятидесятилетние мужчины, опаленные войной, – теперь с горящими глазами, как друзья-единомышленники, вспоминали давние события за стаканом доброй водки: как будто не было многомиллионных чело-

веческих потерь. Какие повороты подбрасывает нам жизнь! Поистине пути Господни неисповедимы!

...Кончался год. Время, партия и правительство требовали ввода в эксплуатацию энергоблока №3. И тогда, поскольку стоял в ремонте соседний второй блок, через временную перемышку к его электрофильтрам провели комплексное опробование энергоблока №3. Подписали акт, отпраповали телеграммой в Москву и Алма-Ату. Но фактически хвостовая часть энергоблока была не готова, и тогда «умные» люди, чтобы обвинить Новика в приписке к отчетности и снять его с должности, тиснули письмо в Комитет народного контроля СССР. Приехал из Москвы комиссар-инспектор, всё выяснил, взял объяснительные, документы и другие бумаги. Сказал на прощание:

– Мы вас вызовем, – и отъехал в столицу.

Над головой нашего героя снова собирались чёрные тучи.

И вот заседание Комитета народного контроля. Новик, идя в Москву на это заседание как на заклание (в проекте было: снять с работы и отдать под суд), загадал, как когда-то в голодном разрушенном Минске в 1946 году. Тогда, идя на толкучку продавать американские солдатские ботинки, причем были они на одну ногу, он задумал, что если встретится у входа мужчина с добрым лицом, то удастся продать товар с прибылью, и добрый месяц он будет сыт. Так и случилось. Он перевесил на шнурках ботинки через плечо, и покупатели не могли сообразить, что обувь у него на одну ногу. «Вот бы сейчас попался добрый человек навстречу!» – думал в Москве. Но не было такой встречи. Все шли какие-то хмурые и злые.

Однако повезло на заседании. Новика громили, грозили всякими карами, тюрьмой и т. д. Но среди членов комитета был один человек с добрым лицом и ясными глазами, из бывших производственников и партийных функционеров. Он выступил кратко и емко: «Мы должны наказать директора за приписку, но мы должны и наградить его за то, что он использовал оборудование ремонтируемого блока №2 и выработал неготовым, я подчеркиваю, неготовым блоком №3 миллионы киловатт, столь нужных востоку страны. Тем более в срыве поставки оборудования на блок №3 виноваты МИД и Внешторг страны. При чем тут Новик?» Наказали Новика штрафом, опять остался он директором Ермаковской ГРЭС.

Станция строилась конвейерно – каждый год вводится в эксплуатацию один энергоблок мощностью 300 000 киловатт. В 1974 году вво-

дятся в эксплуатацию сразу два энергоблока. Растут кадры энергетиков, набираются опыта, знаний. Много сил отдает станции, развитию и инфраструктуре Владимир Михайлович. Его учениками были А.П. Мокшин, Я.З. Чепелюк, А.В. Панасенко (сменил Новика и более 15 лет был директором ГРЭС), В.М. Кукса, А.С. Сергеев, А.М. Сафарбаков и многие другие энергетики, ставшие крупными руководителями, чья судьба разбросала по всем странам СНГ.

Сыновья Владимира Михайловича выросли, выучились и тоже стали руководителями на тепловых электростанциях. Словом, он воспитал целую плеяду известных, достойных энергетиков. 13 лет, как говорят, «с первого колышка» до ввода крупнейшей ГРЭС в эксплуатацию на полную мощность, он был её директором. Начиная с 1973 года, Ермаковская ГРЭС почти ежегодно награждалась знаменами и дипломами руководящих органов СССР и КазССР.

Эта станция – труженица, работающая на тяжелых, высокозольных экибастузских углях, остаётся лучшей тепловой станцией Казахстана, в этом есть огромная заслуга коллектива, созданного ещё В.М. Новиком. И сегодня возглавляется она умными, волевыми руководителями, поддерживающими высокий имидж энергетиков-профессионалов.

В.М. Новик в 1978 году был переведен управляющим Павлодарской энергосистемой, в которую тогда, кроме Ермаковской ГРЭС, входили три павлодарские тепловые электростанции, а также все электросети области и строящиеся Экибастузские ГРЭС.

Назначение его главным энергетиком области было драматичным: дошлым обкомовским кадровикам в биографии Новика показались подозрительными годы оккупации 1941-1944 годов в Белоруссии. Чем в эти годы занимался 20-23-летний Новик там, в деревне, близ Барановичей? На чьей стороне он был? Больше двух месяцев продолжались мучения, его не утверждали. Он написал запрос в Белоруссию. Слава Богу, оставался еще живым командир партизанского отряда, подтвердивший участие Новика в партизанском движении.

Любил Владимир Михайлович слушать Высоцкого, но почему-то никогда не пел его песен, исполнял же он старые романсы.

Многие помнят Владимира Михайловича как заядлого шахматиста. Когда он садился за партию, объявлял: «Никаких переходов!» Но через некоторое время, попадая в неприятное положение, сам же делал переход, приговаривая: «Зачем мы так ходим, мы так ходить не будем!»

Или, сделав серьезную угрозу каким-либо ходом, говаривал противнику:

– Сейчас ты у меня подобреешь!

Невозможно без доброй улыбки вспоминать его шахматные баталии.

* * *

– С Тимофеем Ивановичем Батуровым я познакомился в 1967 году, когда был главным инженером строительства Ермаковской ГРЭС.

Он – министр энергетики и электрификации Казахской ССР – очень подвижный пятидесятивосьмилетний мужчина среднего роста.

Слушал всегда, внимательно всматриваясь в собеседника. Отлично понимал шутку, но в оценке недостатков был резок и справедлив.

Собрал большое совещание и, выслушав представителей всех организаций, участвующих в строительстве ГРЭС, категорично заявил: «При таких темпах, Михаил Александрович (начальник стройки), Евгений Григорьевич (это мне), первого энергоблока в 1968 году не будет! Куда это годится: не готовы гидросооружения, топливоподача в зачаточном состоянии, химводоочистка – там конь не валялся! Эксплуатационники не укомплектовали оборудование, не готовятся кадры машинистов котла и турбин! Куда смотришь, дорогой директор? В общем, всем надо браться за дело серьезно, на узких местах организовать работу в три смены без выходных!»

В его словах звучала глубокая государственная озабоченность за развитие электрификации: главным энергетиком республики он стал пять лет назад. Он хорошо знал дело, и специалисты за глаза его звали «пускачом».

Помню, как тяжело проходил пуск первого энергоблока Ермаковской ГРЭС. При всех строительно-монтажных недостатках и недоделках было определенное сопротивление эксплуатационников, которые привыкли критиковать строителей, но сами ничего не предпринимали для ускорения работ.

– Подождите, завтра прилетит из Алма-Аты Тимофей Иванович, он всех заставит заниматься пуском блока! – в сердцах произнес на одном из штабов управляющий трестом «Средазтепломонтаж» Эдуард Аркадьевич Акопян.

Т.И. Батуров прилетел, и действительно дело сдвинулось: тайное и тягучее сопротивление приемщиков было быстро сломлено. Заседание пусковых штабов пошло эффективнее, и отдача от этих совещаний удвоилась: все устремились к одной цели – пуску первого энергоблока.

Работа кипела днем и ночью – более чем четырехтысячный коллектив трудился на благо народа.

В разных жизненных ситуациях Тимофей Иванович оставался человечным, ему были присущи внимание к собеседнику, быстрая реакция на события.

Министр реально знал нужды нашей стройки, помогал ей, и его частые посещения двигали дело в нужном направлении.

Т.И. Батуров участвовал на заключительных этапах пуска всех восьми энергоблоков Ермаковской ГРЭС. Последний раз мы встречались в Экибастузе по случаю пуска второго энергоблока на Экибастузской ГРЭС-2.

Тимофей Иванович подходил к восьмидесяти пяти годам, но был бодр и улыбчив.

– Ну что, Евгений, теперь одни мы с тобой остались здесь из старейших энергетиков?

– Верно, Тимофей Иванович, одни.

Мы обнялись сердечно, выпили по коньяку, вспомнили давно ушедшее героическое прошлое.

* * *

– В 1971 году было закончено строительство первой очереди Ермаковской ГРЭС, которая состояла из четырёх энергоблоков мощностью по 300 000 киловатт каждый.

Вторая очередь была такой же мощности, но подключались четыре энергоблока (их котлоагрегаты) к дымовой трубе в 250 метров, а первые две были высотой 180 метров.

Возведение новой трубы определяло пуск в эксплуатацию очередных (пятого и последующих) энергоблоков. Как говорят строители, работы по дымовой трубе стояли на критическом пути сетевого графика.

Об этом знали все – от руководителей партийно-советских органов в Ермаке до Минэнерго СССР во главе с министром П.С. Непорожним.

В те годы Минэнерго вводило в эксплуатацию в год мощности до 12 миллионов киловатт, это 40 таких энергоблоков, как на Ермаковской ГРЭС, и таких темпов строительства, видимо, уже не достичь никогда. Ажиотаж вокруг возведения высотной дымовой трубы был необычен. Были приняты экстренные меры по форсированию работ: мы с руководителем подразделения «Спецжелезобетонстрой» Н.А. Ермаковым, директором ЖБК А.М. Лимом, снабженцами рассмотрели все вопросы

и обеспечили материалами, механизмами, автотранспортом объект на все сто процентов. Работы велись круглосуточно, ствол трубы рос буквально на глазах со скоростью в среднем один метр в день.

Тогдашний первый секретарь Ермаковского горкома партии А.С. Малышкин заявил:

– Как только закончите бетонировать, звони в любое время суток – обязательно заберемся на трубу.

Сентябрьским хмурым утром часов в шесть я позвонил ему:

– Закончили. Ну как, Аркадий Степанович, полезем?

Он помолчал, видимо, вспоминая свой рабочий график.

– Во второй половине дня.

– Проверь всё досконально, – приказал я Ермакову, – повезёшь же не просто начальника, а первого секретаря Ермаковского горкома партии! На такую высоту никто из партлидеров ещё не лазил!

– Проверял сегодня уже дважды, еще раз посмотрю, – обещал Ермаков.

Около пяти часов дня мы с Малышкиным в сопровождении Ермакова вошли через проём внутрь трубы. Зрелище было обычным: круглое бетонное помещение диаметром около 25 метров, где-то там, на высоте трехэтажного дома, перекрытое мощным двухслойным деревянным настилом, а в центре этого круга множество стоек из обычных трубчатых лесов для каменной кладки. Внизу приемное устройство, куда самосвалами выгружался бетон, далее вертикальное пространство, по нему бадьями подавался бетон вверх. С задней стороны в сумраке виднелась кабина обычного, всем знакомого лифта, за нею – зигзаги лестниц-стремян. Изредка слышался тихий шум вибраторов да удары падающего щебня по настилу над головами.

– Пожалуйста! – пригласил Ермаков, нажатием кнопки открывая кабину.

Мы вошли, Малышкин, поглядев на часы, спросил:

– Сколько времени будем ехать?

– Минут десять, – ответил я.

Кабина, скрипя, тронулась, через минуту её вместе с нами стало раскачивать и бросать из стороны в сторону (трубчатая система направляющих была очень гибкой)... Потом тусклая лампочка на потолке, поморгав, погасла, сделалось абсолютно темно. Ермаков включил фонарик и пояснил, что там, в лампе патрона, плохой контакт. Мы напряженно молчали. Наконец появился просвет – приехали вверх.

– А ехали только восемь с половиной минут, – заметил Аркадий Степанович.

Мы поздоровались с рабочими, поздравили их с окончанием важнейшей для всей стройки работы, пожелали всяческих добрых свершений в будущем. Можете представить себе место, откуда мы любовались окрестностями? Ствол трубы был в диаметре уже не 25 метров – как внизу, а всего лишь восемь, и центр этого пространства занимали трубчатые конструкции, шахта лифта и грузоподъемная шахта. До кромки сгонного верха трубы оставалось не более метра деревянного кругового настила. Вид был великолепный: Иртыш со старицами, тёмным пойменным лесом, белостенный Павлодар со звеньями теплоцентральной и заводов... Почти рядом, через синь дыма ферросплавного завода, Ермак с чёткими игрушечными кварталами домов... Степь, сливающаяся с горизонтом... Блестящая, узкая, удивительно прямая линия канала «Иртыш-Караганда»... И буквально под ногами поселок ГРЭС, а еще ближе, совсем под нами, мощно дымят две 180-метровые трубы ГРЭС.

Такой ясной, близкой круговой панорамы вы не увидите ниоткуда. Из иллюминатора самолёта взгляд ограничен рамкой, размерами окна.

Полюбовавшись ближними и дальними поселениями (были видны Калкаман, цепочка центральных усадеб совхозов по левому и правому берегам Иртыша, а также на север и на юг), около 30 минут побыв наверху, мы благополучно вернулись на землю.

Отработав 13 лет в Ермаке и очень много сделав там для его всестороннего развития, А.С. Малышкин вернулся в Павлодар, где короткое время в обкоме партии заведовал отделом. Затем был избран председателем областного совета профсоюзов, который и возглавлял 16 лет, больше, чем кто-либо из его предшественников.

А я выполнил своё обещание и подарил ему книгу с шаржем на него, сидящего на дымовой трубе Ермаковской ГРЭС.

* * *

– Борис Петрович Иванов, закончив Куйбышевский индустриальный институт как молодой специалист был направлен в производственное объединение «Алтайэнерго» на Усть-Каменогорскую ТЭЦ, где быстро вырос от рядового энергетика до начальника котельного цеха. Руководство энергосистемы, видя его трудолюбие, активность и инициативность, назначает его директором небольшой по мощности, но значительной по обеспечению работ на рудниках и заводах Согренской ТЭЦ. Его энергия и работоспособность были замечены Минэнерго ре-

спублики, и в возрасте 42 лет он становится главным инженером «Зап-КазЭнерго», где проработал всего два года. В 1970 году приказом министра энергетики Казахстана Т.И. Батунова он переводится управлять мощнейшей энергосистемой республики – «Павлодарэнерго».

Невысокий, сдержанный, внимательный к окружающим, чем-то по походке и своей стати напоминающий известного в своё время артиста Бориса Чиркова, он, когда надевал круглые очки, становился серьёзным, бесстрастным учителем средней школы. Позже мы узнали его как главного докладчика на декабрьских собраниях, посвященных Дню энергетика.

В роли ведущего энергетика области он проведёт восемь лет, чрезвычайно насыщенных для развития экономики нашего края и всей республики. В эти годы произойдут важнейшие перемены в промышленности, в сельском хозяйстве не только нашей области, но и всей страны. Будет завершено строительство Ермаковской ГРЭС, удвоятся мощности угольных разрезов Экибастуза, ферросплавного и тракторного заводов, будут сданы в эксплуатацию нефтеперерабатывающий, картонно-рубероидный заводы, ТЭЦ-3 и другие крупные предприятия, которыми руководили квалифицированнейшие кадры. Огромная мощность индустрии области, созданная такими блестящими специалистами-строителями, как А.В. Ломов, Б.А. Веселов, В.А. Абрамович, М.А. Мотлохов, И.Г. Кочериди, И.М. Пасько, Б.Р. Рамазанов, Н.М. Гречка и другие, позволила наряду с промышленными гигантами возводить до 10-12 тысяч квартир, десятки школ и детских садов и иных объектов соцкультбыта в год.

Славное это было время. Время всеобщего созидającego энтузиазма. И со всеми перечисленными предприятиями и их руководителями Борис Петрович отлично ладил, был настоящим соратником и помощником, поставляя им электроэнергию и тепло.

Мы (я в то время был главным инженером строительства) заканчивали первую очередь Ермаковской ГРЭС, вводя по одному энергоблоку в год.

Борис Петрович, на правах заказчика, возглавил и практически ежедневно проводил заседания пускового штаба. Он сначала был очень тактичен, вежливо требователен, но со временем, набираясь опыта и перенимая строительные методы и привычки руководства, стал более жёстким и хлёстким в выражениях. Чем дальше, тем больше.

Строительство – процесс сложный, он чем-то напоминает поле боя: не укомплектуешь объект техникой, материалом, рабочей силой,

оборудованием, наконец, не обеспечишь фронтом работ или техдокументацией – успеха не жди. Здесь названо лишь пять-шесть факторов, влияющих на строительство, а их фактически намного больше. Такая, в общих чертах, невидимая внешнему взору картина крупного строительства. Наши остроусловы говорили: «Ежели дело не сделано, значит, время не подошло».

Составлялись графики работ, в том числе и сетевые (по такому сетевому графику американцы в течение девяти лет от нуля создали и осуществили проект посещения человеком Луны).

Я, будучи членом пускового штаба, отвечал за состояние строительных работ, самых тяжелых и самых необходимых. И, конечно, мне было непросто объяснять причину срыва тех или иных сроков, а такое случалось нередко; было тяжело и досадно, но на штабе не принимались оправдания: хочешь сделать дело – ищи способ, а не ищи причину срыва.

Борис Петрович возглавлял мощное энергетическое предприятие, в которое вошли Ермаковская ГРЭС, три ТЭЦ города Павлодара, ТЭЦ Экибастуза, высоковольтные линии (ЛЭП-500) на Омск, Барнаул. Все линии ЛЭП-110 и ЛЭП-220 – межреспубликанского и областного значения.

Начиналось строительство Экибастузской ГРЭС-1, где заказчиком выступило РЭУ «Павлодарэнерго». Б.П. Иванов стал тогда высшим региональным лидером энергетики, и с его благословения в области активно велась сплошная электрификация не только малых сёл и аулов, но и отгонов, степных колодцев, удаленных кошар.

Вспоминается несколько эпизодов, связанных с участием в них Бориса Петровича...

Когда третий энергоблок Ермаковской ГРЭС проходил комплексное опробование (говорил уже: как правило, сдача в эксплуатацию всех энергоблоков происходила в декабре, ко Дню энергетика), актив энергосистемы был собран по случаю праздника в драмтеатре им. А.П. Чехова. Иванов делал там краткий доклад, вручал грамоты и премии, а я был оставлен на блочном щите, поскольку шли третьи сутки непрерывной работы нового агрегата. Вдруг вбегает шеф-инженер харьковской турбины, бледный и взволнованный:

– Всё, останавливаю машину: стук в цилиндре низкого давления.

Все побежали слушать: действительно, что-то внутри вибрировало. Я категорически возразил против остановки, срочно связался с театром, к телефону подозвали Бориса Петровича, он буквально несколько минут переговорил с шеф-инженером, убедил его, и испытания про-

должились, чем был обеспечен акт ввода энергоблока в эксплуатацию. После вскрытия цилиндра низкого давления нашли причину стука и устранили её, это не повлияло на работу турбины.

Были, конечно, и серьёзные испытания для руководства «Павлодарэнерго». В первую очередь это крупнейшая авария на Ермаковской ГРЭС. Если без технических подробностей, то в результате цепи обстоятельств ночью с 4 на 5 декабря 1972 года турбина первого энергоблока пошла вразнос, что привело к взрыву водорода, поломке ротора весом 56 тонн, пожару на турбине, который более пяти часов тушили десятки пожарных машин. Первый энергоблок был полностью демонтирован и повторно введён 25 мая 1973 года. Госкомиссия причиной аварии признала недоработки завода-изготовителя оборудования. Нашей вины в ней не было.

На базе электрических сетей «Павлодарэнерго» была создана Северная объединённая энергосистема, в которую вошли Запад, Север, Центр Казахстана, Алтай, Сибирь. Время работы Бориса Петровича управляющим «Павлодарэнерго» стало его звёздным часом. Помимо прочего, он, как никто до него, объединял своих соратников, умело используя свою квалификацию, огромное трудолюбие. У него были замечательные помощники: А.А. Якубенко – главный инженер системы, В.М. Новик – директор ГРЭС, крупнейшие руководители: А.В. Панасенко, А.Г. Кравец, А.С. Кирилов, А.Е. Губанов, А.М. Сафарбаков, В.Г. Колесников, А.П. Мокшин, В.С. Кукса, Ю.В. Косталев, В.Г. Тен, Г.В. Власов, Г.И. Рехиашвилли, А.Н. Шпаков, Ф.Г. Сагитдинов, П.А. Бульба и другие. Каждый из них был профессионалом высокой пробы и личностью.

А Борис Петрович сам признавался позже, что лучшие годы его жизненного труда были, конечно, в Павлодаре.

В 1978 году он уезжает в Алма-Ату заместителем министра, а когда Т.И. Батуров уходит на пенсию, Б.П. Иванов становится министром.

* * *

– Коллегией Минэнерго Казахской ССР в 1965 году утверждается главным инженером Павлодарского районного управления энергетического хозяйства А.А. Якубенко.

Вот как характеризуются его деловые качества руководителя: «С 1965 года по настоящее время Якубенко работает главным инженером районного энергетического управления «Павлодарэнерго». При его руководстве и самом активном участии проходило освоение головных котлов Барнаульского котельного завода, работающих на экибастузском

дешёвом угле. В 1968 году пущен головной блок Ермаковской ГРЭС мощностью 300 000 КВт на экибастузском угле, который является первым блоком такой мощности в Казахстане.

С 1965 года А.А. Якубенко является председателем правления Павлодарского научно-технического общества энергетической промышленности. В 1966 году награждён знаком «Отличник энергетики и электрификации СССР». Имеет правительственные награды: ордена Красной Звезды, Отечественной войны, «Знак Почёта».

Вот тогда-то мы с ним и познакомились, а через два с небольшим года начались пусковые операции на первом энергоблоке Ермаковской ГРЭС.

Алексей Алексеевич нередко вёл, в отсутствие управляющего, заседания пусковых штабов, хотя на них постоянно присутствовал уполномоченный Минэнерго СССР Н.Я. Турчин – весьма компетентный, опытейший «пускач», учёный, профессор, автор двух десятков учебников для энергетиков. Он же был назначен председателем государственной приёмочной комиссии.

Якубенко, будучи грамотным и опытным инженером-теплотехником, вёл совещания очень твёрдо, тактично и практически никогда не повышал голоса.

Чтобы «толкнуть» (прокрутить) ротор турбины, требовался пар высокого давления от пусковой котельной. Закончив монтаж оборудования этой котельной, мы требовали от Якубенко начинать наладочные работы, а он в ответ:

– Смонтируйте трубу – тогда и приступим!

Возмущённый управляющий монтажным трестом – ему:

– Но ведь можно делать наладку оборудования, насосов, дымососов, вентиляторов и другого оборудования!

– Смонтируйте трубу – тогда и приступим, – отвечает Алексей Алексеевич.

Поднялся спор, управляющий выбежал, в сердцах хлопнув дверью, чтобы ускорить монтаж этой пресловутой трубы. А вечером эту несчастную дымовую трубу уронили и повредили стрелу тяжёлого крана. И смех и грех, но как прав оказался Якубенко!

Для охлаждения конденсаторов турбины требовалась целая река проточной воды. Водозаборное сооружение, так называемый ковш насосных, снизу доверху облицовывался железобетонными плитами, чтобы ил не попадал в насосы. Вода была подведена от Иртыша к ГРЭС

двумя каналами, подпертыми земляными перемычками у самого ковша насосных. По проекту требовалось перекачать воду через перемычки насосами, чтобы сравнять уровни, и затем спокойно разобрать плотины. Но подсчитали, что если это проделать имеющимися у нас в наличии насосами, потребуется от 12 до 14 суток, а времени уже для этого не было. Уполномоченный министра М.Я. Турчин приказал:

– Записать в протокол, чтобы главный инженер стройки в течение суток дал предложения по срочному решению этого вопроса.

Два дня прошло, а я, думая о злосчастной проблеме день и ночь, не мог найти решение. Пришло оно совершенно неожиданно: после очередных упрёков М.Я. Турчина в мой адрес я тут же нарисовал на клочке бумаги схему затопления. Она представлялась в виде прямой курительной трубки, только изготавливалась из трубы диаметром почти 1,5 метра. Вкопав это устройство наклонно в тело перемычки и открыв в верхней части доступ воды из Иртыша, мы буквально в течение двух суток заполним «ковш» насосных. Я тут же показал эскиз А.А. Якубенко.

– Добре! – согласился он. – А эту штуку не вынесет водой?

– Мы её заякорим тросами, – ответил я.

Так в течение суток были выполнены подготовительные работы, и представитель Минэнерго СССР М.Я. Турчин пригласил на начало затопления, как на первое важное предпусковое мероприятие, первого секретаря обкома партии И.М. Бурова. Правда, начали мы это действие до приезда высоких гостей: опасаясь, что может произойти конфуз в их присутствии. Пустили воду на час раньше, за что я получил нагоняй от Турчина.

Алексей Алексеевич Якубенко остался в памяти как сильнейший организатор и создатель энергетики нашей страны, под его руководством вырос десяток крупнейших руководителей-энергетиков».

* * *

После того как вступили в строй все восемь энергоблоков Ермаковской ГРЭС (ныне Аксуская тепловая электростанция – ТЭС) и она вышла на проектную мощность, став самой крупной не только в Казахстане, но и в СССР на территории восточнее Урала, Евгений Григорьевич недолгое время заведовал строительным отделом обкома партии. А затем был назначен председателем горисполкома. И очень многое сделал на этом посту для превращения Павлодара в современный благоустроенный город. Часто действовал нестандартно и решительно, не оглядываясь на вышестоящие инстанции. В том числе и потому, что за плечами была большая школа строительства Ермаковской ГРЭС.

Был выдвинут на новую высокую должность – первого заместителя председателя Павлодарского облисполкома. Под его началом оказались, так или иначе, строительный комплекс региона – самый мощный в республике, быстро развивающаяся индустрия, сложное коммунальное хозяйство. В те годы область развивалась невиданными темпами, и двигали вперёд Павлодар-Экибастузский ТПК – территориально-производственный комплекс – такие люди, как Е.Г. Азаров и его сподвижники в Павлодаре, Экибастузе, Аксу. Городские предприятия активно помогали в развитии села, где строились очень нужные ему и всей области производственные и социальные объекты.

Е.Г. Азаров и здесь был вполне на своём месте, но его «потеснили», чтобы трудоустроить бывшего партийного чиновника, ставшего ярким демократом на излёте перестройки.

На пенсию он уходил с должности директора проектного института. Но без дела и потом ни дня не сидел. Помогал создавать новую структуру – палату предпринимателей, не один год возглавлял фонд «Павлодар – наш общий дом», общественную организацию, много сделавшую в городе уже в новые времена. А когда в Павлодаре началось, а затем застопорилось сооружение нового православного храма Архангела Михаила, согласился возглавить попечительский совет по его строительству. И вполне заслуженной наградой ему за эти благородные труды стал обряд крещения, который он прошёл в день открытия храма.

Будучи почётным гражданином города и области, никогда не оставлял и не оставляет в покое их руководителей, особенно если дело касается градостроительной политики, состояния коммуникаций, благоустройства. Сам в ранге председателя горисполкома начинавший обустройство набережной Иртыша, не раз предлагал, когда она уже обрела современный вид, обустроить её дальше, до железнодорожного моста. И сегодня наша набережная, вне всякого сомнения, лучшая в Казахстане и России на всём протяжении Иртыша.

Выйдя на пенсию, Евгений Григорьевич сохранил контакты с руководителями крупнейших павлодарских предприятий и время от времени организовывал выезды к ним своих коллег – промышленных и строительных «генералов» былой поры. Мне посчастливилось не раз участвовать в таких поездках и наблюдать этих легендарных людей вблизи: строителей Б.А. Веселова, В.А. Абрамовича, А.Б. Аубакирова, В.В. Троицкого, Н.М. Гречку, почётного железнодорожника СССР А.С. Саркыншакова, директора бывшего суперсекретного химического

завода С.С. Беркетова и других. Случалось, выезжал с нами и бывший первый секретарь обкома партии Б.В. Исаев. Казалось, я неплохо их всех знал и до этого, но в таких поездках они открывались мне заново. Это была настоящая роскошь человеческого общения, за что я всегда буду благодарен Евгению Григорьевичу и каждому из них.

Я стал свидетелем того, как рождалась книга «Эскизы характеров, ушедших в историю», в которой Азаров обессмертил тех, с кем когда-то работал и дружил. Некоторые очерки из неё, когда книга ещё только готовилась, он предлагал в «Звезду Прииртышья», и газета их печатала.

Более чем полувековая дружба связывает Е.Г. Азарова с Л.К. Полежаевым: с тех самых пор, когда один строил Ермаковскую ГРЭС, а другой – канал «Иртыш-Караганда» и до наших дней. Л.К. Полежаев много лет возглавлял Омскую область и всегда помнил, что свой трудовой путь начинал в Павлодарской. Они с Е.Г. Азаровым не раз встречались и в Омске, и в Павлодаре по разного рода торжественным поводам. И мне тоже довелось побывать в их дружеском кругу.

Л.К. Полежаев приезжал к нам на 90-летие Е.Г. Азарова, который не раз бывал на юбилейных датах давнего товарища в Омске. И на своё 90-летие Леонид Константинович получил от Азарова чеканку с собственным портретом в форме медали, изготовленную павлодарскими умельцами по рисунку Евгения Григорьевича. Такой трогательной дружбе можно только позавидовать.

Евгений Григорьевич хорошо рисует, чувствует слово. Он – автор сотен дружеских шаржей и эпиграмм, вошедших в другую его книгу – «Знаменитые павлодарцы», выдержавшую множество изданий. Увлекается многие годы живописью: его квартира напоминает картинную галерею. Была даже выставка его работ в областном художественном музее.

У него, познавшего профессиональные взлёты, пережившего и удары судьбы, и невосполнимые утраты близких, кроме всех его талантов, есть ещё один – может быть, самый главный – умение ощущать жизнь во всех её ароматах и красках, во всей полноте. Он всегда остаётся самим собой: открытым для общения, готовым делать дело, у него по любому поводу всегда есть в запасе «пара слов», он ценит хорошую шутку, даже над собой, и может пошутить сам. С ним не бывает скучно, и свои юбилеи (недавно был девяностолетний) он старается превратить в праздники общения. Наверное, и в этом ещё один из секретов его долголетия.

ИСКУССТВО БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ

«Я – счастливый человек!» – скажет мне Валентина Васильевна Шершнева накануне своего восьмидесятилетия. И даст почитать воспоминания о собственной жизни, написанные уже позже, как она вышла на пенсию. Писала их для себя и для внуков. В них – её детство, важные события, люди, которым она благодарна за поддержку и науку, жизненные правила, которым она следовала. Это ещё и своего рода исповедь, если хотите.

Задумав очерк о Валентине Васильевне, я подумал, что лучше всего о ней расскажут эти её воспоминания. А я добавлю к ним послесловие.

«Родилась я 22 декабря 1941 года в семье потомственных крестьян в селе Бражкино Рыбновского района Рязанской области. Мои родители – Шершнев Василий Павлович и Миронова Татьяна Матвеевна. Отца я практически не знаю, родилась в первый год войны. Папа видел меня трехмесячной, ему удалось упросить командира, чтобы сойти с эшелона и увидеть меня. Дома даже не поверили его приходу. Он ночевал одну ночь и утром уехал – догонять свой эшелон. Это была его последняя встреча с родными. Затем пришла похоронка: погиб в Смоленской области в марте 1943 года.

Воспитывала меня мама, затем появился отчим. В семье родились другие дети, я стала для них нянькой. Отчим воспитания детей не касался, у него была работа. Хозяйкой в доме была мама, на ней лежало хозяйство, она нам была и за отца, и за мать. Меня держала в строгости.

Учиться я начала в 1949 году в начальной школе нашего села. Первой моей учительницей была Надежда Андреевна Полякова. Нам она очень нравилась, я помню, что по тем временам она модно одевалась, нам хотелось подражать ей. Класс у нас был смешанным, первый и третий классы учились вместе. Мои подруги с той поры Людмила и Валентина, мы дружим и по настоящее время.

Детство, проведенное в деревне, – самое замечательное время, хотя жили в послевоенные годы трудно. Помню те времена, когда не было электричества, дом освещали керосиновые лампы или с вечера заготовленные лучины. Помню радость после проведенного в дом света.

Семья наша жила в среднем достатке, отчим работал на железной дороге обходчиком путей, но затем местной властью был поставлен вопрос о возврате его в колхоз. В противном случае семья лишалась всего, даже света и выгона семейного скота на колхозные луга. Отчиму пришлось вернуться в колхоз разнорабочим. И до выхода на пенсию они с мамой проработали в колхозе.

Паспортов колхозники не имели, и когда я окончила школу и собралась уехать в Казахстан, в Караганду, родителям пришлось немало походить, чтобы местные власти дали согласие на получение мною паспорта. В своём селе я была первая из моих сверстников, кто получил паспорт, это было в августе 1959 года.

В сентябре я уже была в Караганде, с этого города началась моя трудовая биография. Жила я у двоюродной сестры, которая после окончания Ленинградского планово-экономического института по распределению стала работать в областном статистическом управлении, вышла замуж и с семьей проживала в Караганде.

* * *

Непросто было уехать из родного дома да еще на такое расстояние (себя я даже сравнивала с чеховским Ванькой Жуковым). Поступать в какое-либо учебное заведение опоздала, на работу после окончания школы выпускников не принимали, все мои хождения по предприятиям оканчивались отказом. Несколько месяцев пришлось нанять четырехмесячную племянницу, что было нелегко. Тосковала по родителям, и многое пришлось испытать.

Жили мы в двухкомнатной квартире на две семьи с общей кухней. Соседями нашими была интересная семья немцев. Жили мы дружно, и многому, особенно по кухне, я научилась у нашего зятя, который мастерски готовил вареники и пельмени, и у соседки. Она вначале меня

угощала, а затем рассказывала, как сделать то или иное блюдо. Так я познавала премудрости быта.

Через соседку я познакомилась с их племянницей, которая помогла мне устроиться на ликероводочный завод. Она уговорила начальника цеха принять меня, вместе со мной ходила на собеседование к нему. Но женщины, работавшие в этом цехе, были недовольны: я была худенькая, а работа требовала физических сил. Мы работали в цехе по приёму пустой посуды, и часто, когда отключали свет, машины, привозившие посуду, приходилось разгружать вручную. Но первый же мой такой день увенчался успехом: сноровка сельской девушки доказала мою не внешнюю, а внутреннюю силу. И отношение ко мне стало другим, женщины приняли меня. И так как я была самая юная, для них стала как дочь: они меня оберегали и, если что-то не получалось, помогали. Проработала я здесь без малого год, вступила в комсомол.

В сентябре 1960 года я поступила в профессионально-техническое училище №35 – на специальность швеи массового пошива. Много воспоминаний связано с училищем, в котором нас учили не только профессии, но и активной жизненной позиции. Меня избрали в комитет комсомола училища, где я имела конкретное поручение – вести учебный сектор. Мы подводили итоги учёбы за неделю по всем группам, заносили их в пятницу, после занятий, на установленную в фойе училища доску успеваемости и посещаемости. В понедельник мимо этого экрана никто не проходил, каждый останавливался, видел свою группу в числе отстающих или впереди идущих. Реакция была разная, но главное – всех задевало, и был результат.

В училище у ученического коллектива и преподавателей сложилась атмосфера взаимопонимания. Директор училища работал со старостами групп, секретарь партийной организации – с комсоргами, заместитель директора по воспитательной работе – с членами комитета комсомола. Так закладывалась основа большой совместной общественной работы.

Группа, в которой оказалась я, была разновозрастная, но интересная, а в ней всего двое мальчиков. Я подружилась с Любашей Порошиной. Я очень уважала её родителей, а они любили меня – называли «щебетуньей». С Любашей мы могли проговорить всю ночь, если оставались ночевать друг у друга.

Незабываемыми стали поездки нашей группы на уборку хлеба в Осакаровский район Карагандинской области и на уборку хлопка в

Пахтаральский район Чимкентской области. На уборке хлеба я впервые встала за штурвал комбайна. И гордость за себя, за то, что мне доверено такое дело, была неопишима. Вначале – растерянность и боязнь: местность неровная, и если чуть ниже опускаешь подборщик, то сразу слетает цепь, а это простой и отставание. Комбайнер – молодой парень из Брянска – нараспев (такой у него был говор) призывал к порядку, просил внимательнее следить за полем. Несколько дней – и сноровка пришла. Нравилось нам обедать на стане, где великолепные обеды готовил нам дядя Миша (в прошлом военный повар). Откуда он только брал укроп, петрушку, зеленый лук, у него всё было всегда вкусно и опрятно, чего не скажешь о совхозной столовой, грязной и с мухами.

На уборке хлопка было тяжелей. Особенно нам не нравилось проходить поле повторно, половинные коробочки не позволяли собирать норму – 65 килограммов в день. Поражал труд местных женщин, они делали тройную норму и тяжеленные, туго набитые мешки несли на себе до весовой, где восседали мужчины. Местность там красивая, жили мы в сельской школе, спали на полу. Молодость не давала чувствовать неудобств. Нам было хорошо, каждый день съедали по килограмму сладкого винограда, а иногда и больше.

Удалось с одной из сокурсниц побывать в Ташкенте, где у неё кто-то жил из родственников. Ташкент поразил своим великолепием, красивыми улицами, уютными двориками под лозами винограда. А ещё было вкусное домашнее вино, которым нас угощали родственники. Целый месяц мы пробыли на уборке хлопка. Нам сообщили, что ещё на полмесяца задержат, но пришло сообщение о приезде Л.И. Брежнева в Узбекистан, и нас за одни сутки отправили домой. Эта весть стала приятной: надоел рис, которым нас кормили; хотелось картошки, но с этим там был дефицит.

Учёба в училище – это добрая память о коллективе преподавателей и мастеров, которые по-настоящему становились нам наставниками и друзьями. В нашей группе мастером производственного обучения был Владимир Иванович Артамонов – молодой человек, но хорошо разбирался в пошиве. Он позднее окончил Карагандинский медицинский институт.

* * *

После окончания училища я была направлена на Карагандинскую фабрику по пошиву одежды, в цех №2, выпускавший зимние мужские драповые пальто с каракулевыми воротниками, пользующиеся боль-

шим спросом. Коллектив состоял из четырех бригад и работал в две смены, а у каждой из нас была определенная операция на поточной линии. Я разутюживала локтевые и плечевые швы будущих пальто. Если где-то работница не успевала, образовывался завал. Я этого страшно не любила и сама стремилась подобного не допускать.

Работать было интересно: дружная бригада, многие девчонки жили в общежитии. Здесь я подружилась с Валентиной Завалиной. Наши рабочие места были рядом, и мы старались друг другу помогать. По итогам года моя фотография уже висела на Доске почета цеха.

Здесь меня вновь избрали в комитет комсомола, я отвечала за производственный сектор. Скучать не приходилось, жизнь кипела, и это мне очень нравилось. Наверное, заметив мою активность, секретарь партийной организации фабрики предложила мне вступить в партию. Для меня эта была полнейшая неожиданность: во-первых, и в мыслях не возникало, что мне надо быть в партии, во-вторых, ещё не было жизненного опыта. Но когда я пришла домой и поделилась с сестрой, она свое мнение выразила словами «мала ещё». После этого я решила для себя: буду просить у нашего секретаря её рекомендацию для вступления в партию. Так и сделала, в июле на общем партийном собрании фабрики меня приняли кандидатом в члены партии. Но решение должны были утвердить в райкоме партии.

В это время мы случайно разговорились с одной девушкой по имени Любаша, и она мне предложила вместе сходить в гостиницу к женщине-преподавателю Павлодарского педагогического института, которая приехала в Караганду агитировать молодежь для поступления в этот вуз. Мы побывали у неё и дали согласие приехать на сдачу экзаменов.

В Павлодар летели на самолёте (я – впервые), с посадкой в Балхаше. Для меня это была такая экзотика: с высоты птичьего полета я так радовалась увиденному сверху пейзажу земли, что не давала покоя рядом летевшим девчатам, которые позже станут моими сокурсницами.

На экзамены шла практически без подготовки, переживала – четыре года минуло после школы. Но желание учиться было большое, и оно победило, нас зачислили на первый курс. Я выбрала специальность физика и электротехника, Любаша записалась на математику.

Когда вернулась на фабрику, начальник цеха очень сожалел, что я ухожу, и даже рекомендовал перейти на заочное обучение в Карагандинский политехнический институт, но романтика победила. Получая расчет на фабрике, я осталась должна 10 рублей, так как перед этим схо-

дила в отпуск, и мне не отдали трудовую книжку. И моя милая подружка Любаша пришла мне на помощь. Так я осталась с тех пор её должницей: связь наша прекратилась, и её дальнейшая судьба мне неизвестна.

Уезжали поездом, в моем кармане – всего пять рублей, и мне было горько от мысли, что нет рядом родителей, я плакала. Так я второй раз уходила в люди. И я благодарна судьбе и своему ангелу-хранителю за поддержку.

* * *

Институт размещался в только что построенной школе по улице Куйбышева (ныне Торайгырова), здесь мы жили и учились в течение двух лет. Мы были вторым выпуском этого вуза. Знание общественной работы пригодилось в институте, здесь вновь меня избрали в факультетский комитет комсомола, заместителем секретаря.

Студенческая жизнь была интересной: уже на второй месяц учёбы нас всех отправили работать на мясокомбинат. На селе было тяжело с кормами (в 1963 году), скот везли на убой, и коллектив комбината не справлялся с возросшим объёмом работ. Нас определили в птицеводство на поточную линию, действующую в две смены. Возвращаясь в общежитие, в любое время суток ставили кастрюлю, в неё кипятильник и варили пупки. Аромат разносился на всё общежитие.

На ноябрьские праздники я отпросилась у декана факультета и уехала в Караганду – решить свои партийные дела. Я благодарна секретарю партийной организации за её понимание и поддержку: она разыскала в Ленинском райкоме партии мои документы, убедив секретаря райкома партии, чтобы он утвердил решение партсобрания о моём приёме.

Так что в институт я вернулась с кандидатским партийным билетом. Зимнюю сессию сдала на стипендию – без троек. А секретарь комсомольской организации завалил её, и я автоматически стала секретарем факультетской организации. Впервые растерялась, но одна реплика моей сокурсницы: «Нужно больше полагаться на действия членов комитета комсомола, и дела пойдут», – помогла. Я так и поступила. Наш факультет отличался своей активностью: разнообразие вечеров, конференций, участие в строительных отрядах и многое другое.

В институте был создан один стройотряд, и, конечно, всех желающих он вместить не смог. Поэтому областным штабом было принято решение: по пять-шесть человек из нашего института включить в отряды Индустриального института. Отряд, в который я попала, работал в совхозе «Весёлая роща». Вначале трудились на демонтаже зданий,

затем – на кошаре, месили глину, под уздечку водили лошадь. Здесь я впервые села верхом на лошадь и тут же оказалась у неё под животом... Естественно, страшно перепугалась.

После работы занималась с деревенскими детишками, они меня всегда ждали, и если один увидит, что мы возвращаемся с работы, кричит: «Наша тётя Валя идет!» В районной газете появилась потом заметка с заголовком «Наша тётя Валя».

На втором курсе члены областного штаба студотряда уговорили ректора института, чтобы меня отправили комиссаром отряда – вместо прохождения летней практики в пионерском лагере. Согласие было получено, и на этот раз мы работали в совхозе «Мирный», отделение «Буденовка». Проводили активную работу с населением, отмыли клуб и организовали в нём всю работу. Геннадий Маркин был художественным руководителем, создал из подростков села отличную агитбригаду, для них мы организовали поездку в соседний отряд. При поддержке директора совхоза создали пионерский лагерь. Лагерь разместили в палатках, в хорошем месте, дети сельчан были очень рады. Начальником и воспитателями стали наши сокурсники. Геннадий постоянно шутил, что комиссар нам продыху не даёт, а спать-то хочется. Наши отчеты в областной штаб были самыми интересными. Отличной школой мужания стали для нас студенческие строительные отряды.

Время учебы в институте было интересным, получали стипендию на первых курсах 16 рублей, затем 25 и на третьем курсе 35. Это уже были большие деньги, и нам их хватало на всё. У меня поддержки материальной практически никакой не было, кроме заработков в стройотрядах. Мои школьные друзья удивлялись студенческому минимуму проживания.

На третьем курсе, в декабре 1965 года, меня пригласили работать в областной комитет комсомола – инструктором. Для меня это стало неожиданностью, я всегда считала, что в этих органах работает какая-то особенная молодежь. Рекомендовал меня Виктор Мозуляк, мой сокурсник с биологического факультета; моя кандидатура уже была на слуху у секретаря обкома комсомола Алмы Ажибаевой. Она заинтересовалась и пригласила меня на собеседование. По её словам, я ей понравилась, и она с согласия первого секретаря обкома комсомола Сергея Литвиненко пригласила меня на работу в школьный отдел.

Через неделю Алма уезжает в командировку в Москву, и я остаюсь одна в отделе, не понимая что к чему. В это время шла подготовка к от-

четно-выборной комсомольской конференции, и раздел в докладе, который оставила Алма, раскритиковали, а мне дали срок на переработку. Моё состояние было паническим, я стала консультироваться у Ольги Коноваловой, и сообща мы доработали текст к сроку. Так я приобретала практику большой комсомольской работы.

Алма Ажибаева, несмотря на молодой возраст, пользовалась уважением, могла отстоять свою позицию. С ней было интересно работать, и у неё было чему поучиться. Ей удалось договориться с ректором, чтобы мне разрешили свободное посещение занятий в институте. Работая в обкоме комсомола, вовремя сдавая зачеты и экзамены, в 1967 году я окончила институт.

Всегда с благодарностью вспоминаю институтские годы. Моими наставниками тогда были ректор Анатолий Семёнович Катеринин – авторитетный, грамотный, эрудированный, интеллигентный руководитель. Деканы физико-математического факультета А.Е. Сергеев, Г.М. Муканов, филологического – Г.И. Кириш, преподаватели В.В. Кириллов, Т.Х. Шаяхметов, Е.Е. Солтан, Ф.К. Бойко (куратор группы), К.К. Каирбаев, К.Р. Рахимбердинов, С.А. Кузьменко, М.М. Абдрахманов и другие. Они, не считаясь с личным временем, передавали нам свой жизненный опыт в решении тех или иных проблем, закладывая основы для нашей самостоятельной трудовой деятельности, направляя наше участие на общественную работу в институте и городе.

Комсомольская организация вуза была инициатором многих полезных дел: проводились интересные студенческие вечера, наланилось сотрудничество с коллективом областного драматического театра имени А.П. Чехова в проведении студенческих КВН, было организовано шефство над детским приёмником-распределителем. Мы активно участвовали в работе городского комсомольского оперативного отряда. Комсомольские друзья радовались моим успехам. Взаимная поддержка давала энергию и желание творить интересные дела. Туристские школьные слёты, пионерские линейки, слёты пионерских вожатых, учёба комсомольского актива, командировки в районы, встреча с активом, новые знакомства – всё это лишь часть того, чем приходилось тогда заниматься.

* * *

Первая моя командировка в Баянаульский район осталась в памяти на всю жизнь. Красота пути, степи, чередующиеся с сопками, два озера – Сабындыколь и Жасыбай. В те годы автобусы ходили проселочными дорогами, заезжая во все населённые пункты. За время дороги узна-

ешь много интересного. И я тогда познакомилась с девушкой, которая по приезде в Баянаул пригласила меня к себе. Их домик стоял на берегу озера Сабындыколь, мы с ней искупались, я поразились мягкости воды, а она мне рассказала притчу про это озеро.

Затем она проводила меня в гостиницу, комнаты которой вмещали по 15 человек. И вновь общение с незнакомыми людьми разных национальностей, меня поражала в этом общении открытость, доброжелательность. Женщина-казашка, угощая нас куртом, сразу делилась тем, как она его готовит. Я пробыла в районе две недели, знакомясь с работой пионерских лагерей и студенческих строительных отрядов из алма-атинских вузов. В то время первым секретарем райкома комсомола был Майдан Каббасов, он только приступил к работе, и мы вместе с ним объехали практически все совхозы.

Степные дороги были дальними, но по пути можно было остановиться и набрать земляники, порой целые полянки краснели от изобилия её.

Были встречи на чабанских отгонах. На одну пригласил встретившийся на нашем пути аксакал. Уютная обстановка, прохлада земляники, пол, покрытый кошмой, и симпатичная пожилая женщина-казашка. Она вынесла деревянную чашу с большой деревянной ложкой и, помешивая, стала разливать прохладный напиток с необычным вкусом. Это был впервые попробованный мною кумыс.

За эту поездку узнала много интересного, а самое главное – гостеприимство казахского народа. Моим впечатлениям не было конца, особенно от удивительной природы. В Баянауле красивые и своеобразные горы. Каменные глыбы, как блины, пластами выходят из-под земли, наслаиваясь друг на друга, и на них вырастают причудливые деревья.

Работая в обкоме комсомола, я побывала на семинаре по летнему отдыху детей, проходившем в «Артеке». Это была моя первая поездка на Черное море, мы здесь находились десять дней и жили по распорядку Всесоюзного лагеря. Многие формы работы, полученные на этом семинаре, я использовала в работе с комсомольско-пионерским активом.

Особенно опыт пригодился, когда мне пришлось возглавить выездной двухнедельный семинар секретарей школьных комсомольских организаций области на базе пионерского лагеря «Заря». С утра – занятия по теории, после обеда – практические занятия. Ребятам очень всё нравилось, и уезжали они с грустью расставания. В последующем они применяли знания и практические навыки в своей работе.

Помню письмо секретаря комсомольской организации Береговой средней школы с просьбой приехать к ним и разрешить ситуацию, которая у них сложилась. Секретарь предложила провести акцию по сбору шиповника, по примеру, который она получила в лагере, а учителя её не только не поддержали, но даже посмеялись. А в том нашем лагере действительно очень интересно прошел трудовой десант по сбору шиповника. Мы заранее отыскиали место, где он обильно произрастал, разделили на четыре участка – по количеству отрядов. Здесь же был организован приёмный пункт, записывали и количество собранных ягод. В завершение подвели итоги: шиповника было собрано 75 килограммов. Для победителей здесь же был дан концерт агитбригады. А затем с песней отправились в лагерь. И всем была дана рекомендация по проведению этой акции в школах. В случае же, о котором пишу, мне пришлось выехать в школу и объяснить учительскому коллективу, что инициативу ребят необходимо поддерживать и поощрять.

Работая в обкоме комсомола, мы многому учились сами и учили других, нашей активности не было предела. Областные туристские слеты, акции «Дорогами славы отцов», слёты ученических производственных бригад, выездные семинары, встречи пионерских вожатых области и многие другие интересные формы работы – всё это было и приносило свои плоды.

* * *

В 1969 году меня пригласил заведующий организационным отделом обкома партии Владимир Филиппович Герасименко и повёл разговор на предмет моей работы секретарем горкома комсомола. Я возражала, меня пугал город, но мои доводы не имели успеха, мне было заявлено в качестве «аргумента», что я могу лишиться партийного билета. Вот так состоялся мой переход в горком комсомола.

Беседа с первым секретарем горкома партии М.М. Макеевым мне тоже помнилась, и где бы я ни работала, всегда помнила его слова о том, что плох тот руководитель, который не знает жизни в учебных заведениях и не имеет навыков общественной комсомольской работы.

Я была утверждена заведующей школьным отделом горкома комсомола. Вскоре состоялась отчетно-выборная городская комсомольская конференция. Конференция получилась жаркой, самая крупная делегация – комсомольской организации тракторного завода – была против выдвижения Геннадия Зайченко на пост первого секретаря горкома комсомола. Но после долгих дискуссий большинство высказалось за

его кандидатуру, меня избрали вторым секретарем, Максата Алинова – секретарём.

Наш состав работал слаженно и интересно, но Геннадия вскоре избрали первым секретарём обкома комсомола, а в городе первым стал Василий Мороз. Обстановка в горкоме всегда была деловой и полной идей. В Павлодаре сложился хороший коллектив молодых учителей, его возглавила Валентина Зыкина, секретарь учительской комсомольской организации школы №15. Родилось много интересных форм работы, были возрождены КВН, вечера встреч с интересными людьми, походы в театр. Большая работа проводилась с вожатыми школ, провели слёт учащихся вечерних школ.

Впервые при поддержке заведующего городским отделом образования Алексея Карповича Новокшанова мы организовали палаточный лагерь пионерско-комсомольского актива, который разместился на территории стационарного лагеря «Красная гвоздика».

Насыщенная работа в течение двух недель обогатила ребят. Особенно запомнился им день самоуправления, открытие второго сезона в пионерском лагере «Красная гвоздика». Всю подготовку наш актив взял на себя, и открытие мы провели на второй день заезда детей. Начальник лагеря Иван Иванович Мартыненко никак не хотел соглашаться с этим, не верил, что всё можно провести так оперативно, ведь по сложившейся традиции каждый сезон пионерского лагеря открывали через неделю после заезда детей. Открытие удалось на славу, пример «Артека» пригодился и здесь. Воспитатель одного из отрядов Марат Григорьевич Динерштейн исполнил попури на мотивы песен художественным свистом. Для мальчишек это было что-то их невероятно вдохновившее, на второй день в лагере свист не прекращался, и консультантом становился Марат. Это был удивительный, разносторонний педагог и друг комсомола. С ним никогда не было скучно.

Комсомольские годы... Жаль, что подобной организации не стало у нынешней молодежи, учившей нас многому: ценить дружбу, уметь находить выход из любого сложного положения, претворять идеи в жизнь, уметь работать с документами, а самое главное – видеть перспективу.

* * *

В 1971 году мне предложили поехать на учебу в Алма-Атинскую Высшую партийную школу на два года, я согласилась. Прошла собеседование и была зачислена на первый курс. В конце августа мои друзья по комсомолу, отпраздновав мой отъезд, проводили меня на самолёт.

Алма-Ата своей красотой, вечнозелеными деревьями, журчащими арыками производила на меня сильное впечатление. Своей сокурснице и коллеге по работе в комсомоле я говорила, что у меня восприятие этого города ассоциируется с курортом, а надо ведь настраиваться на учёбу.

В нашей группе под номером два преобладали мужчины, практически у всех были семьи. Условия для учебы – отличные, всё – на одной территории. В общежитии мы проживали по два человека, все два года я жила с Сарой Мухамедьяровой из Караганды. Девушка младше меня, мы отлично ладили и хорошо общались. В столовую ходили редко, готовили по очереди сами. Первая половина учебного года была тягостной, но все мы быстро сдружились. В октябре у нашего сокурсника Бориса Хвана был день рождения, и он всю группу пригласил домой, к своему отцу. Здесь я впервые отведала корейские блюда.

Природа тогдашней столицы Казахстана располагала к занятию туризмом, у нас сложилась неплохая группа с разных курсов. По воскресеньям мы уходили в горы, возвращались к вечеру, полные энергии и хорошего настроения. Туристической группой из семи человек Новый, 1973 год встречали на лыжной базе «Чимбулак». Это был незабываемый Новый год: под высокой елью в горах ровно в полночь была открыта бутылка шампанского, помню этот незабываемый звук. Затем наше веселье продолжилось в туристском домике. Наш студенческий стол был великолепен. Рано утром спустились с гор, потому что на следующий день у нас был экзамен по политэкономии. Накануне мы налепили пельменей и вечером продлили празднование Нового года. Наша туристская группа была дружной, со своими традициями, у нас были свои причуды... Праздновали дни рождения без особых застолий, но весело.

На втором курсе осенью совхоз «Горный гигант» приглашал всех желающих на сбор яблок, и я предложила своим сокурсникам Анне Отт и Анатолию Даниленко после занятий походить на сбор яблок – для разнообразия. Уговаривать их не пришлось. Нам разъяснили условия и отправили к женщине-бригадиру, которая объяснила, как нужно собирать яблоки, чтобы на них не оставалось пятен. Яблоко нужно было брать двумя пальцами – большим и указательным – у основания и соцветия – и вращать против часовой стрелки. Затем завернуть его в бумагу и уложить в ящик. И так в течение месяца изо дня в день в свое удовольствие мы ходили на сбор яблок и груш. Всем было интересно знать, куда мы уходим, но это стало нашей тайной.

В эту же осень по радио я услышала, что открылась новая турбаза, и в одну из суббот мы отправились в поход. Красивое место, новые двухэтажные корпуса... Переночевав, выбрали поход на пик Пионерский. Группа успешно достигла вершины 4500 метров.

* * *

Хорошее быстро кончается, последний год учебы пролетел незаметно. В апреле я была приглашена на беседу в ЦК Компартии Казахстана, где мне было сообщено, что меня рекомендуют на должность секретаря райкома партии вновь созданного района Павлодара.

После организационного пленума был избран состав райкома партии нашего Ильичевского района. Моим наставником на партийной работе стал первый секретарь райкома партии Владимир Алексеевич Аллейнов, изумительной души человек. Аппарат райкома партии был подобран грамотный и профессиональный.

Наш район стал инициатором работы с населением по месту жительства. Мне пришлось вместе с архитектором района изучить всю его территорию и разбить на микрорайоны, примерно с равным количеством населения. Их получилось семь: Прибрежный, Береговой, Центральный, Тракторозаводской, Строительный, Железнодорожный и Восточный. За работу с населением в микрорайоне отвечала головная партийная организация. Нами был изучен подобный опыт работы в городе Калининграде.

В районе работали отличные кадры руководителей предприятий, секретарей партийных организаций, директоров школ. В летнее время по нашей инициативе на базе совхоза «Черноярский» (директор М.А. Дацевич) был организован лагерь труда и отдыха. Начинался он с небольшого отряда старшеклассников школы №12, затем при поддержке нашего райкома партии и особого отношения директора совхоза лагерь был оборудован сначала на 500 человек, а в последующем расширен. Любая идея по его обустройству быстро решалась. Этот совхоз был главным поставщиком овощей в Павлодар, поэтому заинтересованность стала взаимной, но самое главное – школьники и учащиеся профтехшкол были заняты делом.

Или такой пример: в районе автодорожного моста, у берега, стояла заброшенная баржа, и педагог-организатор обратилась с просьбой передать её для работы с детьми дворовому клубу в Береговом микрорайоне. Я начала разыскивать хозяина, им оказался совхоз. Поговорила с директором М.А. Дацевичем, он быстро среагировал и сделал встреч-

ное предложение: баржу переделать под столовую для лагеря труда и отдыха. Быстро началась работа по её оборудованию: райком помогал необходимыми материалами, а совхоз рабочей силой.

Так появилась романтическая столовая, но директор на этом не остановился, он решил сделать подземный переход через автотрассу для безопасности детей. А потом говорил, как быстро он это сделал, а вы, мол, горожане, не можете сделать подземный переход. Тогда он планировался в районе Дома культуры железнодорожников, но затратность оказалась очень высока, и переход был построен в районе ЦУМа.

* * *

В районе я проработала два года, затем меня рекомендовали на пост секретаря горкома партии, и опять возникали сомнения и даже боязнь – смогу ли я оправдать доверие, которое на меня возлагается? Быть идеологом областного центра – ноша тяжелая и ответственная. И опять напутствие при собеседовании в ЦК Компартии Казахстана. Секретарь ЦК Валентин Карпович Месяц (впоследствии министр сельского хозяйства СССР), заканчивая разговор, сказал: «Вы идёте на большую партийную работу, работа с людьми требует большой выдержки, и самое главное – из ваших уст не должно быть ненужных суждений о кадрах». Я это наставление всегда помнила, по всей вероятности, это мне помогало в работе. Я не слушала шептунов и сама не обсуждала ни с кем людей, с которыми работала. Всегда имела собственное мнение и у многих из них училась. Работа захватывала меня с головой, много предстояло сделать и многое делалось.

Впервые совместно с художниками города на бюро горкома партии был утвержден комплексный план оформления центральных улиц наглядной агитацией. Пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться должного масштаба этой важной работы. В городе была введена должность главного художника, им стал художник из Москвы И.А. Виноградов. Все вопросы решались благодаря участию руководителей предприятий, так как средства на оформительские работы никаким бюджетом не предусматривались.

Мною художникам было предложено разработать макет детского новогоднего городка. Презентация его состоялась на партийной городской конференции, идея всем понравилась, Так впервые на центральной площади разместился новогодний городок. Павлодарцы, а особенно дети, были довольны. Затем из года в год этот городок совершенствовались.

Долго меня мучил вопрос – как сдвинуть с мертвой точки развитие дворовых клубов в городе. При ежегодном рассмотрении генеральной застройки я старалась обратить на это внимание, но результата не было никакого. Первый секретарь горкома партии Г.И. Пирожников в ответ на моё возмущение отвечал: «Решение данного вопроса зависит от тебя». И тогда я решила по уже действующим дворовым клубам, размещенным в квартирах жилых домов на первых этажах, провести директора проектного института Г.В. Гальченко. И оказалось – попала в точку разрешения данной проблемы. После совместной поездки он быстро отреагировал на постановку вопроса, и его коллективом была разработана схема развития дворовых клубов и библиотек. Оказалось, что при проектировании и строительстве жилых домов предусматривалось финансирование и на встроенные помещения – за счёт отчислений на эти цели. И потом при проектировании новых домов стали проектироваться пристройки для дворовых клубов. В результате были построены шахматный клуб, а также клубы юных железнодорожников, фотолюбителей «Жигер».

Многое приходилось мне, как идеологу, отстаивать в пользу социальной сферы. Так появился шахматный клуб, первое его помещение было на углу улиц Лермонтова и 1 Мая. Первая художественная школа, когда с миру по нитке, с помощью руководителей предприятий, мы устраивали её. Разместили в средней школе №10. Изготовление мольбертов было поручено рембытмебели (директор Л.Д. Киняев), подставки для скульптур изготовил Г.А. Сысолятин. И за всё это им спасибо. Жива память об их добрых делах.

Работа идеологов – многогранная, требующая выдержки, оптимизма и, конечно, знаний. Решили мы провести научно-практическую конференцию по здравоохранению – в рамках Международного года матери и ребенка. Меня определили основным докладчиком. Подготовку материалов для него поручили городскому отделу здравоохранения. Когда я получила их, пришла в недоумение от логики изложения. Мне пришлось самой строить свое видение проблемы, а для этого нужно было знать основы здравоохранения. И, как говорится в пословице, нет худа без добра. Был бы изначально хороший текст, я не познала бы структуру здравоохранения и его основные составляющие. После конференции, а она прошла удачно, заведующий областным отделом здравоохранения М.К. Каирбеков подчеркнул мою смелость, отметил содержательность доклада, а главное – отношение партийных органов к проблемам здравоохранения.

Калейдоскоп чередующихся вопросов и проблем не давал ни минуты покоя. Что мы только не проводили: демонстрации, торжественные собрания к каждому празднику, общественно-политические чтения, организовывали работу политинформаторов, агитаторов, лекторских групп, регулярную учёбу секретарей партийных организаций.

Однажды в голову пришла идея организовать пропагандистский поезд по городам Казахстана, и мы её реализовали. Это стало ещё и поощрением партийному активу. По нашему примеру был организован областной поезд по ленинским местам: мне было поручено возглавить его.

В городе работал грамотный отряд руководителей предприятий и организаций: это Ю.А. Лузянин, Г.И. Рехвиашвили, Н.С. Ланковский, И.В. Прокопов, В.И. Брендес, А.Н. Зырянов, Б.А. Веселов, А.С. Саркыншаков, Новиков, Кириллов (не помню, к сожалению, их имён-отчеств). Мы находили у них понимание в решении многих вопросов, связанных с ремонтом учебных заведений, приобретением оборудования и учебных наглядных пособий.

Чтобы привлечь внимание промышленных и строительных генералов города к профессиональным учебным заведениям, предложила им посетить училища, готовящие рабочие кадры для соответствующих отраслей. Сами они никогда не успевали там побывать. А здесь, на стыке двух пятилеток, десятой и одиннадцатой, убедила руководителей предприятий встретиться с педагогическими кадрами училищ, рассказать об итогах работы и задачах на будущее, сказать, в чём они видят роль училищ по подготовке кадров. Идея ими была принята, и такие встречи состоялись. Оговаривая время на такую встречу, один из руководителей заявил, что понадобится 30 минут, а больше там ему делать нечего. Но пробыл в училище больше трех часов, а при встрече со мной высказал свое удовлетворение и даже удивление: он не предполагал, насколько качественно работает коллектив. И в последующем училище он считал цехом №1, а директору училища дал «зеленую улицу» для решения возникающих проблем. Не зря говорится: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Эти посещения сыграли положительную роль в укреплении материальной базы училищ.

* * *

С 1975 по 1981 год я проработала в городе, затем – перевод в аппарат областного комитета партии в качестве заведующей отделом науки и учебных заведений. Переход был болезненным: в течение месяца я

металась между двумя коллективами. После активной, всегда напряженной работы в городе мне не по нраву была «штабная» работа в обкоме партии. И моя активность иногда вызывала ненужную реакцию у коллег, которые по многу лет работали в этих стенах. Но жизнь учит, и я училась, если так можно сказать, более степенным формам работы. Главные мои усилия были сосредоточены на учебных заведениях области и здравоохранении. Уровень работы, особенно с аналитической точки зрения, был во многом другой. Частые командировки по районам области обогащали мои познания в работе с людьми. Бывая в учебных заведениях, я не старалась искать плохое или, как говорят, недостатки в работе, их и так видно. Меня больше всего интересовали положительные моменты, неординарные подходы в решении тех или иных проблем. Увиденное я передавала другим.

В Железинском районе, в Михайловской средней школе, меня поразила инициатива преподавателя физкультуры. Он вместе с ребятами сделал пристройку к спортзалу из шлака, который оставался после отопительного сезона. И школа получила спортзал для занятий в зимнее время.

В Ермаковском районе, в Путильичевской школе, я увидела активное сотрудничество школы (директор Ержанов) с руководством совхоза, где директором был Владимир Иванович Левченко. Здесь всем детям, согласно их возрасту, находилось дело, а их работа оплачивалась.

Меня всегда поражали своей творческой работой экибастузские педагогические коллективы. С них началось внедрение нестандартного оборудования в спортзалы (опыт Алёхина). Очень важно и значимо умение педагогов-руководителей сотрудничать с производственными коллективами, это и есть истинный патриотизм.

Работать стало интересно, это была новая большая школа ответственности и познания особенностей человеческого общения.

* * *

В 1986 году меня рекомендовали на новую работу в облисполком – заместителем председателя. И опять сомнений, страха, раздумий о предстоящей работе было много, ведь нужно было решать хозяйственные вопросы социальной сферы. Но накопленный опыт позволял адаптироваться быстрее, да и работа в партийных органах помогала сотрудничеству с руководителями крупных предприятий в решении тех или иных проблем.

Хозяйственная деятельность на новом посту началась с затянувшегося ремонта областного драматического театра им. Чехова. Посещая

регулярно оперативки, слышала постоянные обещания строителей по выполнению объёмов работ, которые, однако, не выполнялись. Ремонт вёл трест «Жилстрой», и он один явно не справлялся. Предложила председателю облисполкома закрепить строительные объёмы за несколькими ремонтными организациями, оставив только зрительный зал за трестом, а остальные – за другими организациями. Идея была поддержана и оказалась верной, ремонт стал форсированно продвигаться вперед, и таким образом был решен вопрос долгостроя. И то, что мы сегодня видим, это творение наших ремонтных организаций. В то время на должность директора театра пришла активная женщина Ольга Александровна Киржнер, с её приходом много было сделано по привлечению зрителей в театр, сложились взаимоотношения с крупными руководителями предприятий. Так, для театра ферросплавным заводом, где работал директором С.А. Донской, была приобретена лазерная световая установка.

Вторым испытанием на выдержку стала подготовка базы школ области к обучению детей с шести лет. Нужно было в короткий срок провести в них реконструкцию, приблизив условия к детсаду. Не успела ещё войти в курс всех предстоящих дел, пришло сообщение: наша область отчитывается по данному вопросу на заседании кабинета министров, приехала бригада готовить материалы к нему. Мы постарались показать всё, что умели сделать, бригада уезжала, отметив наши усилия.

Делала для себя первые выводы, отмечала слабые места, обратила внимание на то, что ежегодно не исполняется ассигнование по капитальному ремонту школ. Причиной оказалось отсутствие проектно-сметной документации на ремонтные работы. Выход нашла, собрав на совещание руководителей проектных учреждений. От директора ведущего проектного института области Г.В. Гальченко поступило предложение поделить школы, а их на то время было 48, между всеми и так решить проблему документации, чтобы заказать для ремонта необходимые строительные материалы. Так была решена перерезавшая проблема ремонта школ.

Начало моей новой работы происходило под руководством председателя облисполкома Ж.Г. Исакова, который очень внимательно воспринимал социальные проблемы. В то время было сделано немало по строительству музеев. В ходе подготовке к 90-летию академика К.И. Сатпаева была сделана по проекту главного архитектора области Ю.В. Наумова пристройка к существующему музею. Тогда же заплани-

ровали проектирование ещё двух музеев – С. Торайгырова и Машхура Жусупа Копеева. Мне не раз приходилось проводить заседание областного оргкомитета по празднованию юбилея К.И. Сатпаева в Баянауле, и я чувствовала благодарность и гордость баянаульцев за своих земляков.

При Ж.Г. Искакове большое внимание уделялось укреплению материально-технической базы казахской школы-интерната №3. С приходом туда директором деятельного, подготовленного профессионально М.Ж. Жилкибаева быстро решили вопрос строительства пристройки, были выделены деньги на капитальный ремонт. Для детей чабанов, живших в школе-интернате, говорил Жаксылык Габдуллинович, ничего жалеть не надо, и он был прав. В наших планах была мечта – построить современную школу-интернат для детей сельских тружеников, и даже было начато проектирование, отведено место, но «великая перестройка» не позволила это сделать.

Мне было легко работать с таким руководителем, как Ж.Г. Искаков: он понимал и поддерживал мои предложения. Завершалось строительство дома ребенка, и я внесла предложение закупить для детей цыгейковые шубки. Он согласился и дал поручение облпотребсоюзу закупить их, это был замечательный исполкомовский подарок к открытию дома ребенка – эти 120 шубок.

Ж.Г. Искаков поддержал идею выделить помещения под литературный музей, в котором он и сейчас находится.

При посещении дома престарелых в Павлодаре я увидела грудного ребенка. Вначале подумала, что кто-то из сотрудников пришёл с ним на работу, но оказалось, что это дитё родилось здесь, у поженившихся двух инвалидов. Председатель поддержал наше предложение выделить им квартиру в социальном доме с комплектом бытовых услуг, специально построенном для одиноких престарелых людей.

Жаксылык Габдуллинович находил время бывать в учреждениях социальной сферы и решать многие проблемы. Работая в исполкоме в то время, мы многое делали по укреплению материальной базы социальных объектов, и особое внимание было уделено селам. Здесь активно развивалась инфраструктура, жизненно необходимая для людей. В практику работы исполкома вошли выездные заседания в районах и городах, и всегда было заинтересованное деловое обсуждение проблем того или иного района. На таких встречах местные кадры учились новым подходам в работе. Мои коллеги Евгений Григорьевич Азаров, Анатолий Федорович Половников, Владимир Филиппович Герасимен-

ко, Мурат Рамазанович Таниев имели огромный практический опыт работы. Я у них многому училась, закалялся мой характер при решении многих хозяйственных вопросов.

Интересно проходили сессии областного Совета. Помню, при проведении сессии по здоровому образу жизни наш доклад сопровождался телевизионными съемками и вызвал особый интерес у депутатов и приглашенных на эту сессию. Отношение исполнительных органов к школьным интернатам на местах также было запечатлено телевизионными съемками, по которым состоялся предметный разговор с председателями горрайисполкомов. И в последующем был результат – улучшалось положение дел на местах. Общими усилиями удалось открыть в области казахский музыкально-драматический театр имени Аймаутова.

После ухода Ж.Г. Исакова я недолго работала под началом О.К. Кожанова. Затем главой областной администрации стал Асыгат Асиевич Жабагин, молодой, энергичный человек. Из состава моих коллег – заместителей председателя облисполкома – я осталась одна. Пришли А.С. Павлов, Ю.И. Лавриненко, А.Б. Аубакиров, Н.В. Сыздыков. Работать было так же интересно, инициатива поддерживалась.

Завершала я свою трудовую деятельность с акимом области Даниалом Кенжетаевичем Ахметовым. Молодой, импульсивный, напористый, динамичный человек. У нас случались разногласия, и чтобы решить вопрос, я выбирала время, когда шеф оставался один. Каждый раз меняла тактику. И это, как правило, давало результат. Так мне удалось убедить Д.К. Ахметова передать областной библиотеке освободившееся здание бывшего дома политпросвещения.

Последние годы моей деятельности в роли заместителя акима области были напряженными, совпали с «великой перестройкой», рухнула великая держава – Советский Союз. Но это уже другая история».

* * *

Так Валентина Васильевна закончила свои воспоминания.

Власть мало кого делает лучше. К чести В.В. Шершнёвой надо сказать, что власть её не испортила. Власть никогда не была для неё самоцелью, воспринималась ею не только как доверие, но и как дополнительная обязанность соответствовать должности и как можно лучше делать дело. Своей энергией она умела заряжать других.

Когда я сказал Валентине Васильевне, что готовлю о ней публикацию в этой книге, она настояла на том, что надо назвать и команду сподвижников, с которой она многие годы работала. Вот этот список:

Токен Каирбекович Каирбеков, Тажибай Рахметуллинович Шаймерденов, Балтабай Бекжанович Сейсембеков, Алтын Мухамедьяровна Имантаева, Раиса Игнатьевна Степаненко, Алла Николаевна Братоловцова, Галия Кайруллиновна Мусина, Гульбарам Ауэзхановна Науразбаева, Геннадий Николаевич Зайченко; заместители председателей исполнительных органов по специальным вопросам Лариса Гавриловна Орловская, Геннадий Владимирович Рубцов, Аркадий Мартынович Бауэр, Умыт Темержановна Кельдыбаева, Назира Асаиновна Жартаева, Тамара Александровна Пупкова, Аманбай Кульмурзиневич Шарипов, Тамара Кургаспаевна Батпаева, Василий Харитонович Федоненко, Бахытжамал Токмагамбетовна Мукашева, Мария Сагитовна Жунусова, Темирхан Шариденович Байгужинов.

* * *

Она, конечно, не была баловнем судьбы. По жизни её вели лучшие из человеческих качеств: совесть, трудолюбие и ответственность, доброта и желание помогать людям. Это отмечают все, кому посчастливилось знать Валентину Васильевну.

Самой ей тоже пришлось испытать и пережить тяжелейший удар судьбы. Муж Олег, защитивший кандидатскую диссертацию, поехал в Москву за дипломом, удостоверяющим это звание, и трагически погиб. А их дочь Татьяна только пошла в первый класс. Как жить дальше с такой бедой? Рядом, конечно, были люди, проявляли участие, была работа, которая отвлекала. Но осталась вместе с болью потери непреходящая растерянность... Шла однажды с работы и купила книжку Луизы Хей «Исцели свою душу, тело и себя», в которой нашла и ответы на мучившие вопросы, и даже опору в жизни. Да, так тоже бывает...

Вот они, эти в общем простые правила жизни (аффирмации), которым она следует: во вселенной я в безопасности – меня любят и поддерживают; из всех наших жизненных коллизий надо извлекать только хорошее; если тебя обидели, надо обидчика простить, благословить и отпустить.

Мой рассказ о Валентине Васильевне, конечно, не полон. А ведь она уже много лет работает в областном совете ветеранов, где очень многое на ней держится: и придуманный ею лекторий «Хотим знать», и областные смотры художественной самодеятельности, спартакиады среди ветеранов, проводимые вместе с неутомимыми её коллегами, и многое другое. Её в совете ценят и уважают, а председатель Р.Ш. Шокеев даже сказал мне, что без неё он как без рук.

Сама же Валентина Васильевна пять дней в неделю идёт сюда с большой охотой и говорит, что эта работа продлевает ей жизнь. И настаивает, чтобы были названы другие активисты этой самой массовой в области общественной организации, кого уже нет с нами и кто остаётся в рядах ветеранов: Амур Курмухамбетович Джазин, Валентина Фёдоровна Скворцова, Бикбулат Манняпович Хазыров, Василий Иванович Щербинко, Сату Мухаметжанович Баймагамбетов, Кабидула Нурсинович Шакиримов, Аби Саркыншакович Саркыншаков, Дмитрий Никифорович Фалеев, Михаил Павлович Юрьев, Клавдия Шаймардановна Арынгазина, Евгения Ивановна Засыпкина, Пётр Алексеевич Гарин и другие. Благодаря им и десяткам, сотням других активистов областной совет ветеранов по праву считается одним из самых деятельных и авторитетных в республике.

А ещё Валентина Васильевна – дачница с многолетним стажем, и они трудятся с весны до осени на двух своих участках вместе с Валентиной Фёдоровной Скворцовой, добиваясь отменных результатов.

Она – заботливая мать и бабушка. И накануне своего восьмидесятилетия сильно выросла в глазах десятилетнего внука, прокатившись на его велосипеде.

ХРАНИТЕЛИ ИСТОРИИ

Вера Дмитриевна Болтина и Людмила Васильевна Шевелёва... Дорогие моему сердцу люди, великие труженицы... Когда я о них думаю, становится тепло на душе. Мы познакомились больше тридцати лет назад и все эти годы дружим.

Свои жизни они посвятили однажды и навсегда избранному делу – архивному. Казалось бы, что может быть зауряднее и скучнее? Но они много лет доказывали и продолжают доказывать, что это не так, не только сохраняя, но и возвращая людям историю в её истинном свете.

А скольким людям они помогли! Мне – в том числе. И даже в работе над этой книгой – тоже, сами записав, пусть и далеко не полностью, истории своих судеб. Мне лишь остаётся дать слово им самим.

Вера Дмитриевна Болтина: «Отчее тепло»

Как самое светлое время моей жизни вспоминаются детские годы, когда ещё были живы старшие братья и сёстры, мама, отец – глава, стержень нашей большой, дружной семьи.

Именно образ отца – Дмитрия Владимировича Болтина – заполняет мою душу, когда вспоминаю о днях детства. Ему я обязана не только жизнью, но и всем тем, чего достигла на своём жизненном пути, какой стала. Отец был человеком редких нравственных достоинств, обладающим особым душевным складом, доброта его к людям и отзывчивость не имели границ, и в то же время он был строгим и требовательным. Он всегда служил для меня тем жизненным ориентиром, который по-

могал, да и сейчас помогает, принять правильное решение в сложных ситуациях.

Мои родители Дмитрий Владимирович и Елена Ефимовна – уроженцы Пензенской губернии. Всю жизнь отец проработал на строительстве железных дорог, поэтому семья постоянно переезжала: завершалось строительство, отец получал новое назначение, и мы перебирались на новое место жительства. Всегда очень занятый на работе, дома он бывал нечасто, каждый его приезд воспринимался нами, детьми, как долгожданный праздник. Отец был высокий – под два метра ростом, широкоплечий, сильный человек, настоящий богатырь. Он оставил неизгладимый след в моей памяти, наверное, ещё и потому, что я, самая младшая в семье, рано его лишилась: папа умер, когда мне было тринадцать лет. Я была рядом с ним до последней минуты его жизни.

Мама Елена Ефимовна прошла вместе с отцом через все жизненные испытания, разделяла его кочевую жизнь, следовала за ним. Перебираясь на место нового назначения отца, мама оставалась с детьми в каком-нибудь населённом пункте, где была школа и дети могли учиться, а отец со стройкой уходил дальше. По местам рождения нас, детей, можно воссоздать географию строительства железных дорог: Павлодар, Семипалатинск, Риддер, Аркадак, Саратов, Вологда, Архангельск, Орск... Что довелось испытать нашей маме в связи с частыми переездами, какие пережить тяготы и лишения, как она с ними справлялась, трудно представить. Думаю, это от неё нам передалось – трудолюбие, терпение, упорство...

Папа много читал, очень любил и ценил книги, он привозил их во множестве, любил читать вслух, когда вся семья собиралась. Потрескивали в печке дрова, невыразимое счастье охватывало меня. Мне сейчас кажется, что это были самые лучшие минуты и для всех нас. Мама обычно хлопотала у печки и тоже внимательно слушала, стараясь не стучать заслонкой. Ей не довелось учиться, несмотря на страстную тягу к учению. Она на слух запомнила и потом с удовольствием нам пересказывала «Барышню-крестьянку» А.С. Пушкина, «Джейн Эйр» Ш. Бронте, «Рай без Адама» Т. Драйзера...

По роду своей деятельности папа проехал, можно сказать, всю страну, много видел, много знал, рассказывал нам. Например, учил нас необычной азбуке, которую я помню до сих пор: «Ах, Бабушка, Ваш Григорий Дмитриевич Едет Жениться Зимой...».

Всякую работу папа выполнял с большой любовью и тщательностью – чистил ли снег в ограде у дома, укладывал ли поленницу дров, – залюбуешься, так красиво у него получалось. Никогда не выбрасывал ни одного гнutoго гвоздика: выпрямит на кувалде, и все гвозди по размеру разложит в ящики в кладовой.

Он нас специально ничему не учил и не поучал, мы учились у него сами: и любви к выполняемой работе, и аккуратности. Ведь известно, что научить нельзя, а научиться можно. Родители воспитывали нас не поучениями и речами, а действительно своим примером и трудом: мы, дети, никогда не болтались без дела, у каждого были свои обязанности.

Отец очень любил животных, особенно лошадей. Собственных лошадей у нас не было, а за служебной он ухаживал с трепетом, это был целый ритуал, священнодействие. Помню в доме внушительного размера в чёрном переплётe книгу о лошадях...

Однажды папа привёл домой огромного пса, овчарку. Пёс пристал к нему по дороге, когда папа направлялся в баню. Отец поговорил с собакой, чем-то угостил и пошёл дальше, овчарка всё не отставала от него, и тогда папа сказал: «Если дождёшься меня, я возьму тебя к себе, но знай, что я парюсь долго». Каково же было его изумление, когда он вышел из бани и увидел, что собака его ждёт. Папа сдержал слово – привёл овчарку домой. Назвали мы пса Амуром. Спустя какое-то время у Амура нашёлся хозяин, дважды уводил его от нас, но Амур через время возвращался. Когда в третий раз Амур прибежал к нам с обрывком цепи, бывший хозяин махнул рукой и отдал упрямца нам насовсем. Долгие годы Амур жил у нас, мы все очень любили его, но к отцу он по-особенному относился, предан ему был невероятно.

Все праздники, дни рождения и просто домашние обеды и ужины проходили при полном сборе всех членов семьи в нашем доме. Помню до сих пор тепло этих встреч, радость оттого, что мы все вместе. Самым чудесным, любимым праздником в семье был Новый год. Папа со старшими братьями отправлялись в лес за ёлкой, устанавливали, наряжали её игрушками, которые бережно в семье хранились. Совсем недавно я передала их нашему художественному музею. Папа писал разные записочки: «Счастье», «Несчастье», «Полсчастья» – кому что достанется в новом году. Мне всегда доставалось «Счастье», так как он вытягивал записочку за меня. Придумывал для нас разные развлечения, рассказывал о святках, гаданиях. Ёлка всегда стояла до Крещения.

Отцу посчастливилось побывать на концерте Ф.И. Шаляпина. Шаляпин потряс, порастил его. Папа часто вспоминал этот концерт, свои впечатления, чувства от соприкосновения с великим искусством. Отец сам обладал сильным голосом, в детстве пел в церковном хоре и порой, когда было у него настроение, мог весь вечер петь нам, когда мы собирались вокруг печки-голландки. И сейчас, когда я слышу песни, которые когда-то исполнял папа, оживают в душе воспоминания о тех прекрасных вечерах.

В нашей семье никогда не было скандалов, ругани, мы не слышали от родителей грубых, плохих слов, и я долго думала, что все так живут. Повзрослев, поняла, что это особое счастье нашей семьи, этот семейный мир держались на настоящих, глубоких и искренних чувствах наших родителей. Папа всю жизнь очень любил маму, их обвенчали, когда папе было 27 лет, а маме едва исполнилось 16. До этого священник дважды отказывался венчать их из-за юного возраста невесты. Помню, когда мама иногда сетовала на отца, он, посмеиваясь, говорил: «Любить не люби, а почаще взглядывай».

Лишь однажды я увидела, что папа рассержен на маму, и этот случай стал настоящим потрясением для меня. Было это в марте 1953-го, мне было тогда пять с половиной лет. Мама стояла у чёрной тарелки радиоприёмника и горько плакала. Вошёл отец и, оценив обстановку, в сердцах выпалил: «Дура!» – и, хлопнув дверью, ушёл. Я в ужасе смотрела на маму, такого раньше никогда не было, а она прижала меня к себе и только сказала: «Забудь, забудь...» Я не могла своим детским умом понять, что надо забыть.

Отца можно было понять и простить: были у него основания не плакать о Сталине, не сожалеть о кончине вождя. В тридцатые годы папа был командирован в скандинавские страны для закупа леса, предназначавшегося для строительства железных дорог. Спустя некоторое время после возвращения из командировки отец был арестован: факт даже непродолжительного пребывания человека за рубежом был тогда вполне достаточным поводом для репрессий. Всё это могло кончиться для нашей семьи так же печально, как и для сотен тысяч других советских семей в то страшное время, но нам посчастливилось.

Занимаясь впоследствии историей массовых политических репрессий в СССР в тридцатые годы, я поняла, что отцу повезло, он был освобождён в то время, когда Сталин поменял руководство НКВД СССР, Ежова сменил Берия. После декларативного осуждения допускаявшихся

при Ежове «перегибов» новый глава НКВД Берия своим распоряжением временно приостановил применение пыток, тогда же небольшая часть арестованных «врагов народа» была освобождена. Мама же считала, что об отце хлопотал начальник строительства. Возможно, действительно хлопотал, но мне кажется, в то время на такие ходатайства власти не реагировали.

Разговоры на эту тему в семье долго были под запретом. Став постарше, я однажды услышала из разговора домашних чудовищную вещь: наш отец сидел в тюрьме. Тут же кто-то показал на меня, дав знак остальным замолчать, боялись, что я могу где-нибудь проговориться. А я не то что проговориться, я была в ужасе и страхе, чтобы никто об этом не узнал. Я не могла поверить: как же так, мой отец – честный человек, и вдруг – тюрьма. Я считала, что такого не может быть, это какая-то ошибка. Много позже, уже после смерти отца, от родных я узнала подробности, детали. Сам отец никогда ничего о пережитом не рассказывал.

Много трудностей и испытаний выпало на долю моих родителей, много чего пришлось им пережить. Их рассказы помогли мне и в моей профессиональной деятельности. Изучая архивные документы по истории Павлодарского Прииртышья, Казахстана, я использовала и рассказы родителей о тех событиях, участниками или очевидцами которых они были, о людях, с которыми встречались или знали о них, – «живую» историю края. По рассказам родителей я знаю, например, о голоде в Павлодаре; о жизни горожан, их быте в 1920-30-е годы; о почётном гражданине города Павлодара Артемии Ивановиче Дерове, о том, как его уважали павлодарцы; о судебном процессе над белым атаманом Б.В. Анненковым, проходившем в Семипалатинске в 1927 году, на котором присутствовали мои родители. Мама рассказывала, как он держался на суде, как говорил, как выглядел.

Я благодарна отцу за всё добро, за всё хорошее, что дал он мне. Сохраняю высокое уважение к нему, к маме, к нашей семье. Именно в семье я поняла, как надо жить, старшие братья и сёстры помогли мне дополнить мои знания об отце, довели меня до ясного понимания жизни и её цели.

В.Д. Болтина: «Моя профессия»

Я родилась в городе Орске Оренбургской области, но совершенно не помню тех мест. Моё детство, школьные годы прошли в Павлодаре, здесь я окончила одиннадцатилетнюю школу №7.

Я люблю Павлодар, куда бы я ни уезжала, где бы ни была, с радостью возвращаюсь в родной город.

В 1965 году, после окончания школы, поступила в Павлодарский индустриальный институт на механико-технологический факультет, в 1966 году по болезни оставила институт, взяла академический отпуск.

На архивной работе оказалась случайно, 28 июня 1966 года поступила на работу архивариусом в Государственный архив Павлодарской области. Думала, ненадолго, а оказалось – на 42 года.

1 ноября 1966 года меня перевели на должность инспектора архивного отдела облисполкома. Вспоминаю свои страхи: ничего не знала, ничего не умела, но хорошо понимала, что от меня ждут результатов. Свой перевод тогда я расценила как огромный аванс, который должна была оправдать.

Возглавлял архивную службу области историк-архивист Юрий Александрович Юханов. Он и его жена Фаина Артемьевна, выпускники Московского государственного историко-архивного института 1955 года, стали первыми специалистами в архивной отрасли Павлодарской области.

Под руководством Юрия Александровича начался новый этап в истории архивного строительства нашей области. В 1964 году в Павлодаре построили типовое здание облгосархива на 240 тысяч единиц хранения. Строительство первого в истории Павлодара типового здания госархива выпало на долю Юрия Александровича. Воспользовавшись тем, что его отец работал лесником в Подмоскowie, Ю.А. Юханов привёз оттуда добротный лес для изготовления стеллажей и оборудования архивохранилищ – предмет зависти коллег-архивистов других областей Казахстана.

Во время проведения санитарных дней помытые деревянные стеллажи источали великолепный запах леса. Юрий Александрович привёз из лесничества саженцы лиственницы, эти деревья украшали архивный двор.

Поскольку в архиве полностью отсутствовали документы дореволюционной истории и первых лет Советской власти, организовывались командировки в архивы и библиотеки Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Омска, Семипалатинска. Велись поиски документов в облпартархиве.

В результате в областной газете стали регулярно публиковаться подборки документов, статьи, очерки по названной тематике, воспоминания участников событий и очевидцев, в госархиве области появились

архивные коллекции. Вышла в свет книга «Очерки по истории комсомола Павлодарщины», брошюра по истории Павлодара «Наш Павлодар» в честь его 250-летия.

Вот в это время я и пришла в архив, Юрий Александрович был первым моим учителем. Меня поразили чуткость и добрые товарищеские отношения в коллективе. Коллеги терпеливо учили работать с документами, любить их, помогали познать азы архивного дела. Во многом повлияла на мою последующую учёбу директор госархива области Мария Никифоровна Санко. Это она убедила меня забрать документы из индустриального института и поступить в историко-архивный. В сентябре 1966 года я была зачислена на первый курс Московского историко-архивного института.

Встреча с институтом меня потрясла, я ходила по нему, как по залам музея. Поражали эти своды, теремки, архитектурная красота. Однако больше поразили преподаватели. Всего лишь одну-единственную лекцию Сигурда Оттовича Шмидта посчастливилось мне послушать. Она проходила в аудитории №1, я не могу сказать, студенты каких курсов стали её слушателями, но аудитория была переполнена, в то же время стояла мёртвая тишина, поражало внимание, с которым ловилось каждое слово лектора.

Моими преподавателями стали Н.П. Ерошкин, О.М. Медушевская, Н.А. Орлова, Н.В. Бржостовская, Л.Г. Сырченко, М.Н. Черноморский, Г.С. Акимов. Некоторых из них мне хотелось бы вспомнить особо.

Валентин Иванович Вяликов. Он преподавал у нас историю и организацию архивного дела. Большой поклонник и знаток музыкальной культуры, Валентин Иванович приобщал и нас, своих студентов, к высокому искусству, доставал для нас контрамарки на музыкальные вечера, встречи с интересными людьми, концерты. Благодаря ему я смогла побывать на вечере в музее-квартире А.В. Неждановой, в Колонном зале Дома союзов на концерте Святослава Рихтера... Всё это осталось в памяти как незабываемый праздник. Великолепный преподаватель, Валентин Иванович хотел видеть нас образованными, гармоничными личностями. На выпускном вечере он подарил мне комплект пластинок «Искусство Л.В. Собинова» с надписью: «Вере Болтиной на добрую память об институте и Москве! Сердечно В. Вяликов 3/II-72 г.». Я бережно храню этот бесценный для меня подарок.

Владимир Александрович Кондратьев. Он преподавал у нас археографию. Владимир Александрович говорил нам, студентам, о том, что мы станем настоящими архивистами и поистине счастливыми лишь тогда, когда будем держать в руках подготовленный нами и изданный сборник архивных документов. Я всегда вспоминаю эти слова и действительно испытываю необыкновенное счастье, когда в моих руках оказывается мой очередной изданный сборник.

В моём личном архиве хранится открытка от Владимира Александровича: «Дорогая Вера! Поздравляю Вас со светлым праздником, и пусть сбудутся все мечты, всё самое лучшее, чего достоин человек в жизни, и особенно такой прекрасной, светлой души человек, как наша Вера Дмитриевна Болтина. Ваш В. Кондратьев. 5/III-72 г.».

Привожу текст этой открытки не потому, что хочу показать, какая я хорошая, а потому, что мне очень дороги строки моего любимого преподавателя. Жаль только, что изданные с моим участием сборники документов, мои книги появились в моих руках в то время, когда уже некому написать, порадовать, что ученики выполнили наказ своего наставника.

Не могу не назвать имя самого важного для меня, сыгравшего большую роль в моей жизни, моём профессиональном становлении преподавателя. Это Клавдия Ивановна Рудельсон. Она преподавала главный предмет в институте – теорию и практику архивного дела. Отвечать ей посредственно мне было очень стыдно, она ждала всегда анализа того, что в нашем архиве сделано и что необходимо сделать, что нужно изменить. Клавдия Ивановна стала моим научным руководителем курсовой и дипломной работ. Она учила меня видеть всё в архивном деле, вплоть до мелочей. Скажем, сообщала в письме приятную вещь: «Ваша работа на конкурсе студенческих работ, посвящённом XXIV съезду КПСС, отмечена благодарностью в приказе ректора по институту», – и дальше в пух и прах разбивала эту же работу так, что опускались руки. Вместе с тем, анализируя её замечания, я понимала их справедливость, понимала, как далека от совершенства эта работа и что нужно сделать, чтобы её улучшить.

Сохранилась моя с Клавдией Ивановной переписка, которая продолжалась на протяжении двадцати лет. Мы встречались с Клавдией Ивановной и тогда, когда она оставила преподавательскую работу и перешла работать во ВНИИДАД – Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела.

Перед тем как написать эти строки, перечитала письма, которые получала от Клавдии Ивановны. В одном из них она пишет: «...Вчера, 27 января, успешно защитила кандидатскую диссертацию Грибанова Елена Михайловна. Среди зачитываемых отзывов на автореферат Е.М. я услышала отзыв и за Вашей подписью. Мне это было очень приятно, когда ученики идут вперёд и поддерживают друг друга...» Поддержке и взаимопомощи учили нас наши уважаемые преподаватели.

Несколько лет назад воспоминания о Клавдии Ивановне всплыли при одном забавном стечении обстоятельств. Тогда один из наших с Людмилой Васильевной Шевелёвой друзей обратился с просьбой принять на некоторое время в доме его знакомую, москвичку. Женщина была уже в возрасте, и он не хотел определять её в гостиницу, справедливо полагая, что в домашней обстановке ей будет комфортнее. Так нашей гостьей оказалась Инна Ипполитовна Немировская-Кун, президент Общества делового и культурного сотрудничества с Казахстаном (г. Москва), внучка Николая Альбертовича Куна, автора знаменитого произведения «Легенды и мифы Древней Греции». Неожиданным оказалось то обстоятельство, что она окончила Московский историко-архивный институт, и уж совсем удивительным, что они были с Клавдией Ивановной подругами. После этого знакомства Инна Ипполитовна неоднократно бывала у нас...

20 сентября 1973 года меня назначили директором государственного областного архива. У меня к этому времени были лишь диплом в кармане да молодость. Надеяться на чью-то помощь мне не приходилось: Юхановы уже не работали, бывший директор М.Н. Санко ушла на пенсию.

В бытность мою в должности директора госархива я впервые переступила порог Главархива республики, и он стал для меня вторым домом. В Главке работали специалисты высокого класса, прекрасные наставники, душевные и тактичные люди. Я благодарна судьбе за столь щедрый дар. Это архивисты разных поколений – Вера Сергеевна Сафронова, Сергей Сергеевич Голубятников, Александр Григорьевич Коновалов, Казбулат Шайханович Кужамуратов, Омар Кумисбекович Джувандыков, Людмила Георгиевна Кушнарёва, Екатерина Георгиевна Гриненкова, Эльвира Николаевна Дьяченко, Флора Шайхиевна Давлетходжаева, Лия Семёновна Екимова, Чинар Мамаджановна Трефилова, Сапаргали Сальменович Бейсенов, Менгеш Хусаиновна Абилова, Марат Жаксыбаевич Хасанаев, Максот Каиргалиевич Каиргалиев, Евгения Васильевна Кошарная. Очень переживаю, что кого-то, возможно, не назвала.

За мою бытность руководителем нашу область курировали Александра Владимировна Морочковская, Галина Акаевна Даулбаева, Валентина Николаевна Плавейская. Знающие специалисты, опытные наставники, прекрасные люди, они переживали за нашу работу, помогали нам, советовали, наставляли.

Мне посчастливилось работать в то время, когда начальником Главного архивного управления при Совете Министров Казахской ССР была Бижамал Рамазановна Рамазанова. Она трижды посетила нашу область. Достоинны неподдельной гордости и глубокого уважения почести, с которыми встречало её областное руководство. Там, где двери для нас были закрыты, для Бижамал Рамазановны широко открывались, она помогала решать различные вопросы, столкнуть с мёртвой точки, казалось бы, никогда не решаемое. В период её руководства архивные учреждения республики получили небывалый расцвет и авторитет как научно-исследовательские центры по изучению истории республики на основе архивных документов и их пропаганде.

Мне запомнились молодые, напористые, грамотные, современные архивисты, которые уже в те годы не только подавали большие надежды, но и являлись незаурядными личностями, с которыми мы советовались, а главное, пожалуй, это были специалисты высокого класса – Алла Фёдоровна Сеитова, Елена Михайловна Грибанова, Николай Петрович Кропивницкий. Они достойно продолжили эстафету архивистов республиканского уровня.

Очень важным стало создание зональных научно-методических советов – вот где мы учились! От слабеньких работ, представленных на первые заседания, мы постепенно росли профессионально, научились готовить более серьёзные разработки, учились разбирать, давать оценку работам своих коллег. Главное – встречались, спорили, приходили к пониманию друг друга, учились, перенимали опыт и – дружили.

Из своих коллег-областников хочу вспомнить Станислава Евгеньевича Черныха, Фаину Александровну Сайкину, Николая Ивановича Байчикова, Менслу Мурзагалиевну Айтмухамбетову, Лидию Абрамовну Мандлер, Гульнар Толеуовну Касымову, Бибиталигу Оразовну Тусунбаеву.

* * *

29 марта 1976 года меня назначили заведующей архивным отделом Павлодарского облисполкома. Я согласилась на это назначение с одним условием, что директором госархива области будет назначена Людмила

Васильевна Шевелёва. Местные власти сразу согласились с моими доводами, а Бижамал Рамазановна не соглашалась, считая, что два руководителя-женщины – это плохо: будет делиться власть, в коллективе появятся склоки и т. д. Не знаю, я ли её убедила (заверением, что если это случится, я первая подам заявление на увольнение), она ли сама что-то для себя решила, но факт есть факт – нас назначили в один день. Мы с Людмилой Васильевной договорились, что уйдём из архива тоже в один день. И своё слово сдержали. Проработав с ней на этих уже руководящих должностях 32 года, мы ушли из архива в один день – 14 августа 2008 года.

Грамотный специалист, Людмила Васильевна стала мне надёжным тылом, верным помощником, прекрасным другом. Конечно, её назначение сыграло положительную роль в работе госархива и осуществлении задуманного.

Л.В. Шевелёва всегда находилась в первых рядах тех, кто решал сложные научно-методические и организационно-производственные задачи. Этому способствовали её незаурядные способности, эрудиция, высокая культура, профессионализм, трудолюбие, ответственность, преданность избранному делу, богатый опыт, которым она щедро делилась с молодыми коллегами, преподавала архивоведение и делопроизводство в региональной школе управления, в университете, на курсах повышения квалификации архивистов.

В Людмиле Васильевне органично сочетаются принципиальность и требовательность к себе и коллегам с душевностью, отзывчивостью, сердечным отношением к людям. Однажды в архив пришла женщина и сказала, что ей нужно встретиться с Людмилой Васильевной, которая всем помогает. Такая оценка твоего труда дорогого стоит!

Я благодарю судьбу за то, что мы встретились, что Людмила Васильевна так же, как и я, бесконечно любит архивное дело. Собственно, архив – это и есть наша жизнь: и радость, и боль, и победы, и неудачи... Всё, чего нам удалось достичь на архивном поприще, стало возможным потому лишь, что мы всё делали вместе, сообща и никто из нас не тянул одеяло на себя.

В госархиве области сложился стабильный, работоспособный коллектив квалифицированных сотрудников. Каждому из них нашёлся участок по душе. Создана атмосфера доброжелательности, взаимного уважения и поддержки, что сохраняется до сих пор, а расцвет сильного, слаженного коллектива – залог успешной работы архива. И в этом заслуга Людмилы Васильевны.

* * *

Главной опорой для меня и был этот коллектив Государственного архива Павлодарской области. Как я писала, специалисты Юхановы за время своей работы сделали упор на использование архивных документов, возможно, они были правы, нужно было поднять престиж архива, чтобы показать, что он хранит.

Я же решила взять другое направление. Разрабатывала начатую ещё в институте научную тему «Анализ структуры и взаимодействия различных видов справочников по содержанию документов Государственного архива Павлодарской области и пути их усовершенствования» (работа была завершена в 1981 году и отмечена благодарностью Коллегии Главного архивного управления при Совете Министров Казахской ССР).

В начале 1970-х годов из научно-справочного аппарата архив располагал лишь описями, к тому же порой ещё и рукописными, без исторических справок, предисловий. Провели анализ и стали работать. Описи всех фондов первой и второй категорий были подвергнуты усовершенствованию или переработке с составлением всего необходимого научно-справочного аппарата, издан путеводитель «Государственный архив Павлодарской области и его филиалы», появились тематические и фондовые обзоры, указатели, велась интенсивная работа по целевой тематической разработке документов, создали систематический каталог.

Работа в этом направлении продолжается и сейчас. Архивисты подготовили «Краткий справочник по истории колхозов и совхозов Павлодарской области (1929-1991 гг.)» в двух томах, «Краткий справочник по истории МТС Павлодарской области. 1928-1958», «Межфондовый тематический указатель документов о Павлодарской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)», справочники «Павлодарская область в цифрах и фактах прошлого» и «Павлодарская область: кто руководил нами», «Путеводитель по фондам личного происхождения, хранящимся в Государственном архиве Павлодарской области».

Затем проанализировали, почему в архиве мало исследователей, почему сами мало публикуемся. Документация поступала на хранение официальная и однообразная. Мы решили «пойти в народ», заняться сбором неофициальных документов. В 1985 году разработали анкету участника Великой Отечественной войны, используя все пути и способы, чтобы эти анкеты дошли до фронтовиков, а самое главное, чтобы они их заполнили и нам прислали свои воспоминания и документы.

Очень сокрушались, что опоздали, многих участников войны уже не было в живых. А сейчас думаю, как хорошо, что хоть сорок лет спустя собрали, описали и в итоге приняли на государственное хранение, создали в госархиве коллекцию дел, документов и воспоминаний участников Великой Отечественной войны – более тысячи единиц хранения. Таким же способом нами была создана Коллекция дел, документов и воспоминаний воинов-интернационалистов, служивших в подразделениях ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Позднее в облгосархиве была создана Коллекция дел и документов необоснованно репрессированных в 30-40-х и начале 50-х годов. Вообще же теперь подобных архивных коллекций в Павлодарском облгосархиве десятки.

Существенно дополняют сведения по истории нашего общества, содержащиеся в официальных документах, документы личного характера: дневники, воспоминания, переписка, фотографии, стихи и т. д. Помню, когда-то, слушая выступления на коллегиях, совещаниях С.Е. Черныха, я думала: почему все удивительно интересные люди, самородки жили и живут в Восточном Казахстане? Сейчас, когда мы сами окунулись в этот бездонный колодец, понимаю, что в любом даже отдалённом селе, ауле найдутся люди, чьи документы займут достойное место в архиве. Например, архивисты нашего Качирского райархива привлекли учителей-историков, старшеклассников, организовали в райцентре сбор документов и воспоминаний жителей, посетили каждый дом, в итоге получилась великолепная коллекция документов и воспоминаний о столыпинском переселении, о пережитом голоде, о том, как проходила коллективизация – в общем, обо всех этапах нашей истории. Эти документы использовались при написании книги «Нас породнила Качирская земля».

* * *

Госархив много работал по сбору и передаче на госхранение документов личного происхождения с писателями, журналистами, коллекционерами, заслуженными работниками, партийными деятелями и другими земляками. И люди откликались. В итоге в госархиве отложился значительный пласт личных архивов. Ведь личные архивы ошеловечивают историю, дают представление не только о её событийной стороне, но и о духовной жизни людей, окружающей их повседневности, показывают, как история страны преломлялась в судьбах людей. Документы личного происхождения позволяют приоткрыть завесу тайны над мрачными годами в истории нашей страны.

За счёт фондов личного происхождения учёных, краеведов, которые работали в центральных архивах и библиотеках Республики Казахстан и Российской Федерации, фонды архивных учреждений Павлодарской области пополняются документами XVIII – начала XX веков. Такого рода документы отложились, например, в фонде краеведа и коллекционера исторических документов и книг, журналиста Кузьмы Семёновича Тюрина и языковеда, доктора филологических наук, профессора Валентины Николаевны Поповой. В.Н. Попова много лет занималась вопросами ономастики, топонимики Казахстана, является автором двухтомного справочника «Словарь географических названий Казахстана. Павлодарская область». Профессор В.Н. Попова выразила павлодарским архивистам доверие, передав по собственной инициативе на постоянное хранение в госархив области ценные документы по истории населённых пунктов Павлодарского Прииртышья, собранные ею в результате многолетней научно-исследовательской деятельности, поисковой работы, тесного сотрудничества с краеведами и старожилами, учёными и жителями Павлодарской области.

Важным источником изучения истории казахского народа, национальной культуры, народных традиций и обычаев являются шежиры, интерес к которым особенно вырос в последние годы. Кандидатом технических наук Тлеукемом Ахметовичем Инсебаевым в Павлодарский облгосархив были переданы собранные и составленные им самим, а также Елеуке Калдановым, Ахметом Сагидоллаевым и Нажмиденом Кожажулом-Виляловым шежиры, которые легли в основу созданной в облгосархиве Коллекции дел и документов шежиры (родословных) племён и родов казахского народа.

Нам удалось добиться того, что люди, которые располагают ценными документами (или их собственные архивы представляют историческую ценность), сами были готовы сдать их на государственное хранение. Вот как выразил это писатель С.П. Шевченко в дарственной надписи на очередной своей книге: «Вере Дмитриевне с глубоким уважением к делу Вашей жизни – великому делу сбережения исторической памяти. Время безжалостно, подходит и мой срок «сдавать себя в архив». Но я знаю, что окажусь в добрых руках... С. Шевченко. 24.09.98 г., г. Павлодар».

Оказаться в добрых руках архивистов, как правило, должны все личные архивы замечательных людей региона. Эти документы обязательно сразу должны быть описаны. От архивиста требуется корректное и

деликатное отношение к работе с личными архивами. Существует понятие архивной этики, которую нужно свято соблюдать.

Ведь каждый личный архив – это история человеческой жизни. И немаловажно, насколько точно проведена атрибуция документов, их описание. Следует отметить, что у нашего госархива нет проблем с источниками комплектования документами личного происхождения, проблема в их описании – не хватает времени. Это кропотливое занятие – научное описание документов – является и самым увлекательным. Вспомним и подтвердим достоверность слов аббата Лероке: «Не вздумайте жалеть тех, кто составляет каталоги рукописей: это самые счастливые из смертных...»

* * *

Предметом постоянной заботы архивистов во все времена было и остаётся своевременное и качественное исполнение обращений организаций и граждан социально-правового характера в целях обеспечения их законных прав и интересов. Не стали исключением и павлодарские архивисты. Особое внимание при этом ими уделяется защите наиболее уязвимых слоёв населения (лиц, достигших пенсионного возраста; пострадавших вследствие испытаний на Семипалатинском ядерном полигоне; участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла; лиц, подвергшихся необоснованным репрессиям и депортации). Архивистов радует, когда удаётся помочь людям, конкретному человеку в получении необходимой информации. Приведу строки из письма, поступившего в управление архивов и документации области 14 марта 2006 года: «... Пишет Вам с Украины Васильев Игорь, которому Вы выслали архивную справку о Ясько Силе Алексеевиче и Книгу памяти Павлодара. Простые слова благодарности не могут выразить ту признательность, которую я и мои дети испытываем к Вам. Вы подарили нам надежду вернуть память о деде. Это самый бесценный подарок. В августе 2005 года я похоронил маму, самую младшую дочку Силы Алексеевича, Екатерину. Мама совсем немножко не дожила до известий о своём отце, которого искала всю жизнь. Ради светлой памяти мамы, деда, бабушки, ради того, чтобы мои дети знали историю своей семьи (это важно, особенно для современных детей и молодёжи, они этого воспитания лишены), я решил разыскивать информацию о деде. Вы даже не представляете, насколько дорога мне Ваша помощь, как я благодарен Вам!» Согласитесь, не так часто приходят архивистам слова благодарности, тем они для нас дороже.

Касаясь проблемы использования документов по личному составу как исторических источников, замечу, что эта проблема одновременно и нова, и стара. К ней периодически обращались учёные и специалисты в области истории, организации, теории и практики архивного дела. Большинство исследований относится к вопросу выработки критериев для определения сроков хранения документов по личному составу, их описания и систематизации.

Мы в своей публикационной деятельности используем документы по личному составу, особенно личные дела. Личное дело – массовый по происхождению, но индивидуальный по содержанию источник. С одной стороны, оно имеет общие, типичные и сопоставимые элементы, а с другой – содержит оригинальные, порой уникальные сведения. Так, работая над документальным сборником «Павлодарцы в годы Великой Отечественной. 1941-1945», мы просмотрели более пяти тысяч личных дел, выясняя, на каких фронтах воевал участник Великой Отечественной войны и есть ли его фотография. В результате был сформирован фотоблок и опубликован в сборнике.

В моей памяти сохранился особый случай с личным делом. Однажды в ходе проводимой мною научно-технической обработки архивных документов Баянаульского районного суда в моих руках оказалось личное дело выдающегося учёного, государственного и общественного деятеля, первого президента Академии наук Казахской ССР, академика Каныша Имантаевича Сатпаева в бытность его народным судьёй 10-го участка в Баянауле за 1920 год – документ начала его трудовой биографии. С непередаваемым трепетом я, тогда начинающий архивист, листала страницы этого уникального документа. Меня переполняло чувство радости, профессиональной гордости от этой неожиданной находки.

Конечно, когда ты обнаруживаешь уникальный документ, испытываешь непередаваемое состояние. Но находки – не главное в работе архивиста. Интересно, конечно, обрести какую-либо сенсационную рукопись, но и планомерное комплектование не менее интересно.

* * *

Безусловно, нет в архиве ничего второстепенного, все участки работы важны и взаимосвязаны. И всё-таки я бы выделила одно самое важное – это обеспечение сохранности документов. Вот здесь я и подошла к самым страшным периодам моей работы в архиве.

Говорят, что человек должен всё пройти: огонь, воду и медные трубы. В полной мере пришлось испытать эту горькую чашу и мне. 1995 год

был страшным для меня. Одна из сестёр попала в аварию, другая скоропостижно умерла, в субботу её хоронили, а в понедельник архивисты заходят ко мне в кабинет, по лицам читаю: что-то трагичное произошло, подумала, наверное, ещё кто-то умер. Оказалось, в воскресенье сгорел Майский райархив. Не знаю, где я сильнее плакала, — когда хоронила сестру или на пепелище архива.

Сразу же отправилась к курировавшему нас заместителю акима области, чтобы меня освободили от занимаемой должности. Сидим, разбираем, что делать, как организовать помощь, тут звонок из Главка. Я поняла, что речь идёт обо мне, знаком спросила: «Мне выйти?» Валентина Васильевна Шершнёва показала: «Останься». По её ответам я всё поняла. Я лишь недоумевала, почему из Главка мне не позвонили, у меня ничего не спросили?

И всё же нашлись в Главархиве люди, которые не оставили нас в беде, отнеслись к случившемуся с пониманием, а к нам — с человечностью и душевностью. Нам с Людмилой Васильевной позвонили Валентина Николаевна Плавейская и Эльвира Николаевна Дьяченко, они нашли слова, которые были нам необходимы в тяжелейший для нас момент, дали советы, которые служат и помогают нам до сих пор.

Судьбу мою решил не Главк, а местные власти, так что я осталась работать, и даже в прежней должности. Было возбуждено уголовное дело, суд и определил виновного.

А с Майским райархивом получилось, к счастью, так, что не все его документы сгорели, помог случай. Наверное, месяца за три-четыре до случившегося майские архивисты не могли справиться с потоком посетителей, с запросами о проживании в зоне Семипалатинского ядерного полигона, и мы решили все похозяйственные книги — а это больше половины хранившихся в райархиве документов — перевезти в Ермаковский филиал госархива, где и штат был больше, и архивисты более опытные, они и справлялись с этой лавиной запросов.

А обгоревшие документы, когда мы тронули их, рассыпались на наших глазах. Мы понимали, что неправильно их реставрируем. Обратились в Москву к своим друзьям-коллегам, они нам прислали методическую литературу, мы составили краткую памятку по реставрации, распределили, закрепили приказом за каждым архивным учреждением объёмы реставрируемых документов, чтобы оказать помощь майским коллегам.

Это я сейчас пишу, что вроде бы всё обошлось. Нет, это очень страшно, не дай бог ни одному архивному учреждению повторения этого ужаса.

Но ведь мы ещё не прошли воду и медные трубы! Ермаковский районный архив занимал помещение в здании районной администрации: кабинеты на первом этаже, а архивохранилище, как водится, в подвале. Произошла в городе Ермаке авария. Прорвались городские водопроводные сети, в районе аварии оказалось и здание районной администрации, вода пошла в архивохранилище. Воду откачали, и начались наши беды. Спасли нас коробки, они вобрали в себя влагу, а дела внутри остались сухими. Надо было срочно, не теряя времени, спасти, освободить их из намокших коробок. Нам очень помогло руководство города, дела мы отвозили на ферросплавный завод, где сушили в автоклавах, при этом нужно было знать, при какой температуре сушить, в течение какого времени. Мы справились и с этой бедой, казавшейся нам трагедией.

Остаются медные трубы. Случилось это в эпоху перестройки. В Павлодаре имелось здание, в котором проживали руководители области, в народе называемое «виллой». В период гласности, когда стало возможно говорить всё что кому захочется, в городе было много шума по поводу того, что руководство построило себе такой особняк. Высокопоставленных жильцов выселили, и это двухэтажное жилое здание выделили нам под архивохранилище. Здание это было окружено большой территорией зелёных насаждений, вход на территорию охранялся милицейским постом.

Однажды (это был воскресный вечер) нас с Людмилой Васильевной вызвали на «виллу». Приехав на место, мы увидели, что окна и двери все были открыты и подпёрты огнетушителями, связки дел развязаны, коробки открыты, дела в беспорядке. Казалось, что кто-то устроил в хранилище погром. Сотрудники милиции осматривали помещение, всё фотографировали... Нас с Людмилой Васильевной развели в разные комнаты и стали допрашивать. Я даже не сразу поняла, что подозревают нас, архивистов, в краже дел, пока допрашивавший меня милиционер не сказал: «А кто, кроме архивистов, может разобраться в этих цифрах?» – показав на ярлыки. Ставили вопрос: что пропало? И когда мы говорили, что потребуется время, и немалое, чтобы провести проверку наличия, криво улыбались. И только одна женщина-эксперт утверждала, что, по её мнению, это дело рук сумасшедшего. Не знаю, чем

бы дело закончилось, но через три дня милиция задержала мужчину, который действительно оказался сбежавшим пациентом психбольницы. Ему, наверное, понравилось хозяйничать у нас, и он вновь пришёл на «виллу», где его и поймали.

Много можно вспомнить тёмных полос архивной жизни, особенно в командировках по области – замерзали, попадали в аварии, встречались с уголовниками там, куда нас определяли на постой вместо гостиниц...

Всё прошло, пережито, ушло в невозвратную даль... Нам очень много помогали коллеги, коллектив наш был небольшой, но очень дружный, спаянный. Был костяк преданных архивному делу сотрудников, на которых мы и опирались.

Мои коллеги старались встретить и обслужить исследователей, заявителей, посетителей так, чтобы они уходили из архива, снабжённые полной информацией, довольные. Ведь архивное дело не такое простое, как это может показаться на первый взгляд. Специальность архивиста требует многих качеств. От чувства истории специалиста архива, от его профессиональной компетентности, научного кругозора зависит, с какой полнотой будут собраны документы и насколько адекватно они будут описаны.

Видный государственный деятель, крупный историк, архивист, академик Михаил Николаевич Покровский говорил: «...Всякий архивист должен быть историком. Архивист, ничего не смыслящий в истории, может быть только сторожем архива, но работы архивной он производить не может».

Всё, чего удалось достичь в развитии архивного дела области, сделано трудом тех архивистов, для которых честь дороже выгоды, настоящих радетелей государственного дела, для которых важен принцип «жить и работать не по понятиям, а по совести». Конечно, вклад каждого сотрудника свой, но для всех архивный труд нелёгок. Чаще всего он незаметен, но очень важен.

К сожалению, уже нет с нами замечательных людей, хороших специалистов – Р.Е. Брага, Е.К. Афанасьевой, А.К. Кукушкиной, Л.И. Сагайдачной.

Много лет отработали, а некоторые и сейчас продолжают работать – К.Г. Макажанова, С.Б. Сулейменова, Б.М. Карабаева, Н.Г. Данчук, Т.Р. Стрелецкая, О.В. Бобрешова, Н.В. Маркунене, Т.Е. Покидаева, В.А. Белова, А.Б. Тлеубердинова, А.Ш. Сарсенгалиева, Т.В. Гусарова,

Н.А. Кубик, Ж.О. Бердиева, Т.И. Власова, О.В. Франц, А.А. Нечаева, Г.Н. Храмова, О.С. Бурмистрова, И.А. Калюжная, Н.В. Гумарова, Г.Н. Караганова.

Профессионализм, широкая эрудиция, порядочность, ответственность, пытливость, терпение, усидчивость, упорство – вот качества, необходимые архивистам. И ещё любовь к архивному делу и преданность профессии историка-архивиста. Чем дольше работает архивист, тем лучше он знает состав и содержание хранящихся в архиве документов, историю региона.

Смею сказать, с конца 1990-х годов мы активно занимались публикационной деятельностью. Подготовлены и изданы сборники документов «Из истории Русской Православной Церкви в Павлодарском Прииртышье. 1919-1990» (1999), «Из истории ислама в Павлодарском Прииртышье. 1919-1999» (2001, на казахском и русском языках), «Здравоохранение Павлодарского Прииртышья в документах. 1892-2002» (2002), «Павлодарская область: страницы истории. 1938-2003 годы» (2003), «Павлодарцы в годы Великой Отечественной. 1941-1945» (2005), «Экибастуз в документах. 1957-2006 годы» (2007), «Комсомол: документы, цифры, факты» (2008); книги «Забвению не подлежит» (1997), «Книга скорби. Расстрельные списки» (1999, на казахском и русском языках), «Хроника целины: Павлодарская область. 1953-1964 годы» (2004), «Земля Успенская» (2005), «Нас породнила Качирская земля» (2008).

Документы из личного архивного фонда Героя Социалистического Труда, кандидата сельскохозяйственных наук, председателя ордена «Знак Почёта» колхоза-племзавода «30 лет Казахской ССР» Успенского района Павлодарской области Я.Г. Геринга легли в основу изданной в 2007 году книги «Яков Геринг: «Вся моя жизнь для людей». Данное издание открыло посвящённую выдающимся людям Павлодарского Прииртышья серию «Имена, вошедшие в историю».

* * *

В 2008 году мы с Л.В. Шевелёвой вышли на пенсию. Завершающим аккордом, если так можно выразиться, нашей архивной деятельности явилось воплощение моей многолетней мечты – подготовка и издание книги «Хронограф Павлодарской области. 1938-2008», посвящённой 70-летию Павлодарской области. В этом фундаментальном, богато иллюстрированном издании в хронологической последовательности изложены события и факты из истории Павлодарской области за 1938-2008 годы на казахском и русском языках. Издание подготовлено на ос-

нове документов, хранящихся в Государственном архиве Павлодарской области, материалов периодической печати и краеведческой литературы.

«Казахстанская правда» так отозвалась о выходе этой книги: «К 70-летию Павлодарской области выпущены книги об истории края, лучших людях Прииртышья. Лидером в этом ряду по праву считается «Хронограф Павлодарской области. 1938-2008» – фолиант, содержащий около 20 тысяч фактов, выдержек из документов, а также 1747 иллюстраций. В нём работники областного архива Вера Болтина, Людмила Шевелёва и другие систематизировали всё важное и значимое, что произошло в регионе за 70 лет. Эту книгу уже называют энциклопедией края».

Став «свободными художниками», мы с Л.В. Шевелёвой с головой окунулись в работу, чтобы продолжить издание книг серии «Имена, вошедшие в историю».

Вторая изданная нами книга этой серии повествует о жизни и деятельности замечательного человека, незаурядного специалиста и организатора сельскохозяйственного производства, участника Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. И.И. Ноздрина. Книга «Илья Ноздрин: труженик и хозяин» была издана в 2009 году.

Третья книга из этой серии «Георгий Берестовский: учёный с мировым именем» вышла в свет в 2011 году. Вот как написал в своей статье «Труды Берестовского написаны на полях» журналист Ю. Поминов: «У этой книги – непростая, но всё равно счастливая судьба. Может быть, потому, что такой же непростой, но всё же счастливой была жизнь её героя – земледельца божьей милостью, учёного с мировым именем Георгия Григорьевича Берестовского.

Новое 700-страничное издание также обещает стать библиографической редкостью. Тем дороже сделанное В.Д. Болтиной и Л.В. Шевелёвой, которые всё же смогли издать эту замечательную книгу, пусть и мизерным тиражом. Они свой долг выполнили с лихвой. И я верю, что этой книге уготована долгая жизнь».

По заказу региональных акимов нами были подготовлены и изданы к 75-летию Железинского района книга «Край Железинский» (2010) и к 50-летию города Аксу документальный сборник «Аксу в документах и материалах. 1961-2011 годы» (2011).

Как одержимые мы корпели над каждой строчкой. Старались расширить возможности для исследователей исторической науки, которая

в свою очередь в какой-то мере повысила бы, как мы полагали, благодаря нашим публикациям, историческое, а с ним и политическое сознание нашего общества.

Правильно говорят: «Воспитай учеников, чтобы было у кого учиться». Мы с Людмилой Васильевной рады, что такие ученики у нас есть. Наши ученицы Каншайым Галимжановна Макажанова и Салтанат Бесжановна Сулейменова выросли профессионально.

Салтанат Бесжановна оказала нам неоценимую помощь в работе над сборником «Аксу в документах и материалах. 1961-2011 годы», в котором опубликованы документы и на русском, и на казахском языках. Написанные Людмилой Васильевной заголовки на казахском языке нуждались в корректировке специалиста, хорошо владеющего и казахским языком, и археографией. И таким консультантом стала Салтанат Бесжановна.

А к нашей ученице, молодой коллеге – археографу Госархива Павлодарской области Татьяне Евгеньевне Покидаевой, выступившей соавтором ряда изданных нами сборников документов и книг, мы постоянно обращаемся с просьбой проанализировать наш очередной проект, высказывать своё мнение. Её суждения для нас всегда ценны, свежи, грамотны.

Нас с Людмилой Васильевной всегда привлекала тема Великой Отечественной войны. Когда мы ещё работали в архиве, часто встречались с ветеранами, убеждая их сдать на государственное хранение свои документы и воспоминания, описывали эти документы, которые составили Коллекцию дел, документов и воспоминаний участников Великой Отечественной войны. И вот, когда времени стало больше, мы подготовили издание «Поклонимся великим тем годам». Всё, что могли, мы вложили в эту книгу. В письме директора Центрального музея Великой Отечественной войны В.И. Забаровского, адресованного нам, говорится о названной книге и сборнике документов «Павлодарцы в годы Великой Отечественной. 1941-1945»: «...Эти издания, повествующие о фронтовой жизни и подвигах павлодарцев, а также о самоотверженном труде работников тыла, раскрывают одну из страниц героической истории нашей Родины в годы военного лихолетья.

В книгах собран интересный, ранее не известный нам материал, который, бесспорно, послужит дополнительным источником изучения подробной истории Великой Отечественной войны, а также будет использован сотрудниками нашего музея при подготовке тематических выставок и конференций».

Изданы мои авторские книги «Немыслима без архива жизнь» (2004) и «Строкой архивного документа» (2012).

В 2015 году изданы книги «Из истории немцев Павлодарского Прииртышья» и «Сергей Шевченко: редкой породы человек».

Наши книги «Дмитрий Багаев: летописец Павлодарского Прииртышья» (2017), «Запечатлённое время. Книга-альбом» (на казахском, русском и английском языках) (2018), «Войной опалённые строки» (2020) и «Павлодарская область в годы Великой Отечественной войны» (2022) увидели свет благодаря всесторонней поддержке и неоценимой благотворительной финансовой помощи предпринимателя Сергея Петровича Гарина, истинного патриота, человека, исполненного благородства, осознающего необходимость сохранения исторической памяти.

В настоящее время продолжаем работать. Не скрою, у нас немало идей, задумок, только бы хватило сил и отпущенного нам времени, чтобы воплотить их в жизнь.

Как несказанное счастье воспринимаю дарованную мне судьбой профессию историка-архивиста, ставшую для меня единственной, любимой, собственно – моей судьбой.

Незабываемым событием стало для меня участие в проведённой Первым Президентом Республики Казахстан Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым встрече с женщинами страны по случаю Международного женского дня, проходившей 4-6 марта 1994 г. в Алматы. Делегацию от нашей области представляли всего три женщины, одной из них стала я – простой архивист.

Как подарок судьбы я воспринимаю участие в XXXV Международной Конференции круглого стола архивов в столице Исландии Рейкьявике (2001) и XV Международном конгрессе архивов в столице Австрии Вене (2004).

Горда, что награждена необычной для светского человека наградой Русской Православной Церкви – орденом святой Равноапостольной великой княгини Ольги третьей степени. С этой наградой меня поздравил посол России в Казахстане В. Николаенко: «Награждение Вас в связи с возведением Благовещенского собора отражает большое значение, которое имеет работа не только по созданию самих стен храма, но и становлению его как очага духовности. Деятельность же эта неотделима от разыскания соответствующих исторических корней, которые благодаря и Вашим усилиям становятся общественным достоянием. А это очень важно в крае, где издавна совместно проживают представители

разных народов, нуждающихся в познании исторической истины в её полном, неискажённом виде...»

Архивы, являясь одним из символов государственности, одновременно олицетворяют стабильность государства. Могу утверждать, что осознание своей ответственности за сохранение не только для государства, не только для граждан Республики Казахстан, но и для всего человечества документальной памяти о многовековом феномене казахстанской истории и её продолжении в третьем тысячелетии всегда было ведущим мотивом моей деятельности и как историка-архивиста, и как руководителя областной государственной архивной службы.

Л.В. Шевелёва:
«Это всё – моё родное...»

Родилась я в селе Елизаветинка Черлакского района Омской области 12 марта 1945 года. Детство же и отрочество мои прошли в селе Добровольск Русско-Полянского района Омской области, куда из Елизаветинки наша небольшая тогда семья: родители и мы с младшей сестрой 1946 года рождения – приехали на нашей корове Белке.

Село Добровольск переселенческое, родина моей мамы Надежды Кузьминичны, в девичестве Рыбалко. Сюда в 1909 году из Екатеринославской губернии переселился мой прадед Конон Кулиш с прабабушкой Анной и большим семейством – детьми преимущественно женского пола, поэтому на них земельных наделов на берегах Днепра не полагалось. Моей бабушке, маме моей мамы Елене Кононевне Кулиш, в то время было всего пять лет.

Прадедушку я никогда не видела, даже фотографии не было. По рассказам бабушки Лены, это был добрый человек, мастер на все руки. Прабабушку застала, хорошо помню. В Добровольске напротив бабушкиной хаты жила её сестра, моя баба Маруся Карпенко. Дед Андрей Карпенко, её муж, которого я хорошо помню, происходил из чумаков. Это люди, возившие соль в Крым. Их и звали – Карпенки-чумаками, Маруся-чумачка. Их сын Иван Андреевич Карпенко был художественно одарённым, очень хорошо рисовал, окончил сначала в Омске политехнический техникум, затем – архитектурный факультет Свердловского политехнического института. После девятого класса меня тётя Павлина, мамина младшая сестра, с её мужем дядей Васей Стороженко взяли с собой в поездку на Урал, затем в Сочи, на море. Так вот, дядя

Вася водил меня в свой институт и предлагал-советовал поступить туда учиться. Он в то время уже был главным архитектором, я только не помню – города или области.

В Добровольске жила самая младшая бабы Лены сестра – баба Улита, 1914 года рождения. Её муж Андрей Жмуденко погиб на фронте в Великую Отечественную войну. Баба Улита осталась с двумя малолетними дочками – Зоей и Валею, моими тётями. Тётя Зоя потом жила в Омске, стала мастером-портнихой, даже в моём студенчестве сшила мне пальто. Тётя Валя окончила Томский политехнический институт, работала и всю жизнь прожила в Томске.

Удивительно, что в семье Кулишей было две дочери с одинаковым именем Мария. Так, видимо, нарёк священник при крещении. Марию Карпенко называли Марусей, а Марию Жмуденко – Маней.

Маня вышла замуж за Илью Жмуденко, а младшая Улита – за Андрея Жмуденко (он называл её Лыней), младшего брата Ильи. Баба Маня и дед Илько жили в Омске, в рыбацком посёлке, на левом берегу Иртыша. Когда сестра моей мамы тётя Павлина нас с сестрой Ниной в младшем школьном и дошкольном возрасте возила в Омск, дед Илько на правый берег Иртыша доставлял нас на лодке.

В Добровольске жил брат бабы Лены дед Борис Кулиш с семьёй. Я его тоже знала.

Вот такая большая родня по маминной линии окружала меня в детстве. Все представители этой родни были люди добрые, трудолюбивые, жили дружно, уважительно друг к другу относились. Пока прабабушка Кулишка (Анна) была жива, под Рождество вечерю (праздничное угощение, – **Ю.П.**) её дочери со своими детьми и внуками носили к ней. Когда же её не стало, мама с папой и с нами, детьми, продолжили эту традицию – приходили с вечерей к бабушке Лене.

Бабушка Лена вышла замуж за Кузьму Михайловича Рыбалко, моего деда. Сначала жили в доме свёкра, а свекровь была Кузьме мачехой, женщиной недоброй. Бабушка от неё натерпелась. До замужества бабушка батрачила, служила в няньках. Трудно жилось семье Кулишей. Вместо землянки прадед Конон построил саманную хату, покрытую соломенной крышей, как на родном Днепре. В ней и дожила век прабабушка Кулишка, твёрдо усвоившая его наказ: «Ты из своей хаты никуда не уходи».

Вернусь к семье Кузьмы и Елены Рыбалко. Они отделились, построили свою хату саманную, где до конца 1950-х годов вместе с бабой Ле-

ной жили семьи Шевелёвых и Стороженко с детьми, до того времени, когда наша семья (мы с сестрой Ниной уже были подростками, сестра Вера маленькая, а братьев Андрея и Саши ещё не было) построила рядом свою глинобитную хату. А мы, внуки, на землю падали, рёвом ревели, не хотели от любимой бабушки уходить, хотя наша хата была рядом.

Дед Кузьма и баба Елена были колхозниками колхоза «Красный Октябрь» села Добровольск. Дед работал животноводом. Я его не видела, не привелось. По рассказам родных, он был красив, с волнистым светлым чубом (бабушка – с роскошной чёрной косой), весёлый, общительный. Хорошо пел. Его любимыми были песни «Дивлюсь я на небо...» и «Взяв бы я бандуру...».

В 1935 году деда Кузьму репрессировали, он оказался на Колыме, откуда не вернулся. Смутно помню: мне было лет пять, бабушка Лена, мама и тётя Павлина читали письмо и плакали. Я позже поняла, что в нём говорилось об участии деда Кузьмы. Ведь о таких вещах не принято было в семье говорить в то время.

В том же 1935-м или 1937-м году прямо из ямы, в которой месила глину работавшая на ферме сестра деда Кузьмы Фёкла Михайловна Коломак, её забрали без суда и следствия только за то, что стала невольной очевидицей любовной сцены зоотехника колхоза с одной из доярок. Остались дети, выросшие сиротами. Их отец, муж Фёклы Михайловны, погиб на фронте империалистической войны (так тогда называли Первую мировую войну). Детей поддерживали-подкармливали бабушка Лена и наша семья.

В тридцать лет бабушка Лена осталась без мужа, замуж больше не выходила, хотя находились достойные предложения. Маме было 11 лет, тётке Саше – 10, тётке Павлине – 5 лет. Рядовая колхозница Елена Рыбалко уходила на работу, когда дети ещё спали, возвращалась, когда они уже спали. Чтобы не разбудить их, выходила и заходила в хату через окно.

Нетрудно представить, как семья бедствовала. Дети рано приобщились к труду, они никогда не видели маму празднично сидевшей. Всегда были огород, нехитрое домашнее хозяйство. Случалось, что мама моя годами не могла ходить в школу – не в чем было.

Подросших дочерей «врага народа» в колхоз не принимали. Мама пошла работать в одну из районных организаций, кажется, страховым агентом. Как-то рассказала, что работа была связана с командировка-

ми по району на лошади, а у валенок был только верх, подошва была худая. С тех пор, да со времени строительства собственной хаты, она застудила ноги и страдала полиартритом всю жизнь. Тётя Саша тоже в подобной организации работала, простудилась и рано умерла. Тётя Павлина устроилась в местное сельпо бухгалтером, где всю жизнь до пенсии и проработала.

Поскольку маме пришлось пропустить школу, она училась позже, математику преподавал молодой учитель Василий Александрович Шевелёв, мой будущий папа.

Мои школьные годы выпали на время освоения целины в нашем степном краю. Учителя у нас были замечательные. Моей первой учительницей, в первом классе, была Зоя Иосифовна Завизион, приезжая. Во втором-четвёртом классах – местная Александра Фёдоровна Брус. Без ложной скромности скажу, что до поступления в школу я уже умела хорошо читать, говорили: надо меня определить сразу во второй класс. Когда училась в пятом классе, в нашу школу приехала работать Тамара Константиновна Скворцова из Рязани, и в нашей Добровольской неполной средней школе стал благодаря ей преподаваться английский язык, до этого был немецкий. Она же вела этот предмет у тех, кто раньше изучал немецкий. Как мы её любили! Мы не только читали и разговаривали на английском языке, но и пели песни, играли спектакли.

Целина преобразовала нашу школу в среднюю. Учителя приезжали из Москвы, Горького, Перми, Тамбова, Полтавы... В десятом классе нас осталось лишь восемь человек. Отстояли, не закрыли наш десятый в Добровольской школе. Нас на уроках спрашивали, можно сказать, каждый день: пять девочек было и три мальчика.

Мне одинаково хорошо давались все предметы: любила квантовую физику, неорганическую химию, английский язык... Мы с подружкой Ниной Крупко окончили школу с отличными оценками в аттестатах, но медалей не получили. В Омский пединститут имени А.М. Горького поступили с хорошими оценками: она на филолога, а я – на историка. Хотели работать потом в одной школе. А факультет был один: историко-филологический.

Но ещё о школе. Надежда Геннадьевна Зябкина преподавала у нас историю, а её муж был парторгом «Добровольского» совхоза. В десятом классе мы изучали по инициативе Надежды Геннадьевны материалы XXII съезда КПСС, состоявшегося в 1961 году. Она учила нас рабо-

тать с первоисточником (мы купили все изданные съездовские материалы, конспектировали), нам это очень пригодилось в учёбе в институте.

Почему я выбрала профессию педагога?

Живым примером тому служил папа. Интеллигент, грамотный, начитанный. У нас в доме всегда были книги, выписывались журналы, газеты. Он играл на баяне, мандолине, балалайке. Любил юмор, пел. Его любимой песней была «Среди долины ровныя». Он был строгим, аккуратным, требовательным.

Сохранились письма моей маме от его ученицы Илги Дзерве. Они были подругами с 1951 года, а переписка их продолжалась вплоть до кончины мамы в 2014 году. Семья Илги в числе других латышей была депортирована из Латвии, из города Добеле. И в своих письмах Илга часто с благодарностью вспоминала Василия Александровича Шевелёва, моего отца.

Скажу ещё раз, ориентиром в выборе моей профессии стал собственный отец, а также любимые школьные учителя.

В семнадцать лет я покинула отчий дом, отправилась в самостоятельную жизнь. Какое счастье довелось мне испытать, когда на вступительном экзамене в институт я получила отличную оценку! Преподаватель, принимавшая экзамен, удивилась, что я окончила отдалённую Добровольскую среднюю школу. Позже я узнала, что она сама преподавала в одной из омских школ. Темой сочинения по литературе я выбрала (или одна была тема, теперь не помню) следующую: «Всем хорошим во мне я обязана книгам» (А.М. Горький).

Окончила институт в 21 год. Мой папа в этом возрасте стал бойцом Красной Армии на Волховском фронте, а я встала за учительский стол в средней школе села Звонарёв Кут Таврического района Омской области. У этого села, где жили депортированные немцы и казахи, было два названия: Звонарёв Кут и казахское – Шармантай.

Школа находилась в первом отделении передового «Сосновского» совхоза, которым руководил настоящий хозяин Григорий Яковлевич Вирич. Коллектив учителей – молодой.

Мне достался девятый «А» класс, его учениками были дети из соседних аулов и хуторов: Тарбак, Сеногуз, Круч, Гауф-хутор. Все дети жили в интернате. Внеклассную работу с ними было проводить сложно. Но я ходила к ребятам в интернат, посещала их семьи. Заниматься с ними было интересно, ребята были очень хорошие, как из моего класса, так и из параллельного.

Историю я преподавала ученикам с пятого до десятого класса. Мне казалось моё преподавание не работой, а очень интересным занятием. Приобретала дополнительную литературу по предмету, старалась учить ребят не просто рассказывать от сих до сих, но думать, устанавливать причинно-следственные связи, конспектировать. Ребята были замечательные, в основном немцы и казахи, а русских всего трое – из русского соседнего села.

Четыре года пролетели быстро. Но начались проблемы с сердцем, мучили ангины. Так я оказалась в Павлодаре, где обрела архивную работу, ставшую любимой, и замечательную, дорогую, верную подругу и коллегу Веру Дмитриевну Болтину. При первом же знакомстве меня поразили в ней самоотверженность, готовность помочь, порядочность, но в то же время требовательность и строгость во всём, что касается её любимого архивного дела. Одним словом, это всё – мое родное: счастлива, что иду по профессии и жизни рядом с таким историком-архивистом и Человеком с большой буквы, как Вера Дмитриевна. А теперь мы с ней и без должностей остаёмся в профессии.

Символично: в Павлодар я приехала 12 августа 1970 года, в канун дня рождения Веры Дмитриевны. Я говорю с тех пор, что это не случайно, я приехала именно к ней.

Л.В. Шевелёва: «Об отце и о работе»

Мой отец Василий Александрович – уроженец села Черёмуховского Омского района Омской области. Воевал. После тяжёлого ранения был демобилизован по инвалидности. О войне вспоминать не любил, воспоминания были слишком тяжёлыми. Когда-то, уступив нашим просьбам, сделал коротенькие записи. Ими я и хочу поделиться.

Отец родился 12 февраля 1921 года в семье Шевелёва Александра Ивановича, выходца из донского казачества. В семье было четверо детей.

В начале 1938 года семью постигло глубокое горе. 17 февраля 1938 года его отца арестовали, 10 марта 1938 года тройкой УНКВД по Омской области осудили, а 11 марта 1938 года расстреляли. Об этом оставшиеся в живых трое его детей узнали из свидетельства о смерти отца, выданного Советским райЗАГСом города Омска от 14 июля 1994 года, где в графе «Причина смерти» указано: «расстрел». Тогда же узнали, что постановлением Президиума Омского областного суда от 10 декабря 1956 года В.И. Шевелёв был реабилитирован посмертно.

Жене не довелось узнать о судьбе мужа, 7 апреля 1943 года она умерла. А младшие сёстры отца во время войны были высланы.

Ему тоже выпало сполна испытать горькую чашу участи сына «врага народа», на советско-финскую войну призван не был, да и на Великую Отечественную был мобилизован не сразу.

Отец работал учителем математики в Добровольской неполной средней школе Русско-Полянского района Омской области. В степное село Добровольск, что близ границы с Казахстаном, в двухстах километрах от Омска, приехал летом 1940 года после окончания учительских курсов в Омске.

20 июня 1942 года был призван в РККА. Провожали на фронт его, молодого учителя, всем селом. Его поразило тогда столь доброе отношение сельчан к нему.

На фронт попал в июле 1942 года, на формирование 2-й Ударной армии под Малой Вишерой, после её выхода из боёв в Любанской операции. В боях участвовал в составе 1100-го стрелкового полка 327-й стрелковой дивизии на Волховском фронте в звании сержанта. В сентябре 1942 года участвовал в Синявинской операции.

После ранения с конца сентября 1942 года находился на излечении в госпитале, состоял в батальоне выздоравливающих, в запасном полку (на курсах младших командиров). С апреля 1943 года вновь участвовал в боевых действиях в составе взвода разведки первого отдельного стрелкового батальона 73-й морской стрелковой бригады. Воевал разведчиком, помощником командира взвода.

3 июня 1943 года был тяжело ранен в бою под деревней Синявино, потерял полстопы. Рана оказалась незаживающей. Это ранение видел накануне во сне, даже физически ощутил боль и тяжесть грунта, которым засыпало потом наяву раненую ногу.

В госпиталях находился на излечении в Ленинграде, городе Котельниче Кировской области, в посёлке Черновские Копи под Читой. В эвакогоспитале 26 июня 1943 года ему вручили медаль «За оборону Ленинграда». В декабре 1943 года был демобилизован по инвалидности.

Отец вернулся домой, как ему и предсказал на фронте казавшийся тогда стариком (а ему было лет сорок) солдат-помор с Белого моря: «Ты будешь дома!» Он ещё что-то отцу говорил о его будущем, но именно эти слова врезались в память, хотя отец всерьёз их тогда и не воспринял. Война есть война, как знать... Бои шли ожесточённые и кровопролитные. К тому же воевали в сложнейших и тяжелейших условиях,

можно сказать, гибельных: леса, болота, залитые водой торфяные поля, вырыть траншеи или выкопать окопы на болотных топях было невозможно, дорог не было. Простые солдаты попросту становились пушечным мясом... Но они ни о чём другом не думали: надо было идти в бой, защищать Родину.

О войне отцу было тяжело вспоминать. Приводил нам лишь некоторые моменты.

Что значили для солдата письма от родных и близких, равно как и солдатские треугольники для них, говорить не надо: их ждали с нетерпением. Но как солдату сообщить, где он воюет? Не напишешь ведь: «Привет с Волховского фронта!» Это не допускалось. И вот отец решил о своём местонахождении сообщить жене таким образом: написал ей письмо на чистом обороте листовки-обращения к солдатам Волховского фронта.

С одним боевым товарищем они сошлись на том, что были заядлыми грибниками. И вот решили: в одном котелке засолили грузди (а места, где воевали, были болотистые, грибные), а из другого котелка оба ели. Так и носились с этими котелками.

День Победы отец встретил в селе Елизаветинка Черлакского района Омской области, где преподавал математику в Елизаветинской неполной средней школе.

В.Д. Болтина – о Людмиле Васильевне Шевелёвой

12 марта 1945 года родилась известный архивист, директор Государственного архива Павлодарской области Людмила Васильевна Шевелёва. Её успешная трудовая деятельность на архивном поприще началась 25 августа 1970 года научным сотрудником, затем директором Павлодарского филиала Государственного архива Павлодарской области, старшим научным сотрудником, а с 29 марта 1976 года – директором Государственного архива Павлодарской области.

За эти годы госархив области стал не только хранилищем исторических документов, но и научным учреждением с современным научно-справочным аппаратом, активной публикационной деятельностью. Людмила Васильевна инициативно работает на самых важных направлениях, определяющих развитие архивного дела в госархиве области, ведёт научную работу, является одним из составителей сборников документов «Из истории Русской Православной Церкви в Павлодарском Прииртышье. 1919-1990» (1999 г.), «Из истории ислама в Павлодар-

ском Прииртышье. 1919-1999» (2001 г.), «Здравоохранение Павлодарского Прииртышья в документах. 1892-2002» (2002 г.), «Павлодарская область: страницы истории. 1938-2003» (2003 г.), «Павлодарцы в годы Великой Отечественной. 1941-1945» (2005 г.), «Экибастуз в документах. 1957-2006 годы» (2007 г.), «Комсомол: документы, цифры, факты» (2008 г.), «Аксу в документах и материалах. 1961-2011 годы» (2011 г.), «1924-1937 гг. в истории Павлодара» (2014 г.); книг «Забвению не подлежит» (1997 г.), «Книга скорби. Расстрельные списки» (1999 г.), «Хроника целины. Павлодарская область. 1953-1964 годы» (2004 г.), «Земля Успенская» (2005 г.), «Яков Геринг: «Вся моя жизнь для людей» (2007 г.), «Нас породнила Качирская земля» (2008 г.), «Павлодар облысының хронографы. 1938-2008. Хронограф Павлодарской области. 1938-2008» (2008 г.), «Илья Ноздрин: труженик и хозяин» (2009 г.), «Поклонимся великим тем годам. 1941-1945» (2010 г.), «Край Железинский» (2010 г.), «Георгий Берестовский: учёный с мировым именем» (2011 г.), «Из истории немцев Павлодарского Прииртышья» (2015 г.), «Сергей Шевченко: редкой породы человек» (2015 г.), «Дмитрий Багаев: летописец Павлодарского Прииртышья» (2017 г.), «Уақытты кестелеген суреттер. Кітап-альбом – Запечатлённое время. Книга-альбом – Imprintedtime» (2018 г.), «Войной опалённые строки» (2020 г.), «Павлодарская область в годы Великой Отечественной войны» (2022 г.); брошюры «Павлодар Ертiс өңірінің мемлекеттік мұрағат қызметіне 80 жыл – 80 лет Государственной архивной службе Павлодарского Прииртышья» (2005 г.); путеводителя «Государственный архив Павлодарской области и его филиалы» (1991 г.); автор ряда статей, опубликованных в журнале «Отечественные архивы» («Советские архивы»), бюллетене «Қазақстан мұрағаттары», областных и районных газетах; научных работ «Экспертиза ценности и отбор на госхранение изыскательской документации лесоустроительных, землеустроительных и водно-мелиоративных организаций» (на примере Павлодарского филиала ГПИ «Целингипрозем» (1978 г.), «Изучение повторяемости документной информации при отборе на госхранение документов предприятий цветной металлургии» (на примере Павлодарского алюминиевого завода) (1984 г.), «Отбор на государственное хранение документов, образующихся в деятельности государственных структур нового типа» («Перечень документов, образующихся в деятельности местных исполнительных органов с указанием сроков хранения») (1996 г.), тематических обзоров документов «Участие представителей рабочего класса в управ-

лении производством» (1986 г.) и «Из истории развития народного образования в Павлодарской области» (1988 г.), ряда методических пособий по архивоведению и документоведению.

В госархиве области сложился стабильный, работоспособный коллектив квалифицированных сотрудников. Каждый из них находит участок работы по душе. Создана атмосфера доброжелательности, взаимного уважения и поддержки, что способствует расцвету сильного, слаженного коллектива. И в этом большая заслуга Людмилы Васильевны.

Л.В. Шевелёва всегда находится в первых рядах тех, кто решает сложные научно-методические и организационно-производственные задачи. Этому способствуют её незаурядные способности, эрудиция, высокая культура, профессионализм, трудолюбие, ответственность, преданность избранному делу, богатый опыт, которым она щедро делится с молодыми коллегами, преподаёт делопроизводство в региональной школе управления, организует архивную практику в госархиве для студентов-историков и архивистов-организаторов делопроизводства.

В Людмиле Васильевне органично сочетаются принципиальность и требовательность к себе и коллегам с душевностью, отзывчивостью, сердечным отношением к людям, за что её и уважают.

Л.В. Шевелёва отмечена Благодарностью Первого Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева (2001 г.), орденом Русской Православной Церкви святой равноапостольной великой княгини Ольги III степени (2002 г.), медалью «Ветеран труда» (1986 г.), нагрудным знаком «Отличник архивного дела» (1987 г.), Почётной грамотой Министерства культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан (2002 г.), дипломом Комитета по управлению архивами и документации Министерства культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан и Республиканского общественного объединения «Общество архивистов Республики Казахстан» за первое место в Республиканском конкурсе на лучшую работу в области документоведения и архивного дела в номинации «Публикация архивных документов» (2001 г.).

О Людмиле Васильевне можно сказать, что архив – это её жизнь.

* * *

После того, что Вера Дмитриевна и Людмила Васильевна рассказали о своих корнях, детских годах, сделанном ими на их благородном

поприще, мне остаётся добавить немного. Встреча с ними, как и с другими героями этой книги, для меня – подарок судьбы. Оказавшись рядом с такими людьми, и сам всякий раз подрастаешь.

Вера Дмитриевна и Людмила Васильевна – подвижники в полном смысле этого слова. Сделанное ими невозможно переоценить. Они десятилетия возвращали нам историю, которую мы не знали и никогда бы не узнали, и продолжают это делать. Они превратили, казалось бы, заурядное, скучное, пыльное учреждение в живой источник информации, без которого наше прошлое осталось бы неполным. Такое служение однажды и навсегда избранному делу заслуживает величайшего уважения и благодарности.

Кроме ежедневной рутинной работы, они становились инициаторами издания одних книг, вышедших из стен областного архива, и других, подготовленных ими и увидевших свет. Всего таких изданий не один десяток (они все названы в их собственных воспоминаниях), и в большинстве своём никто не поручал Вере Дмитриевне и Людмиле Васильевне их писать. Это стало потребностью их благородных душ. Не единожды они издавали эти труды, которым уготована долгая жизнь, за счёт собственных совсем невеликих зарплат и более чем скромных пенсий.

Благодаря их неустанным трудам появился уже упомянутый «Хронограф Павлодарской области», запечатлевший историю её создания в 1938 году и развитие до 2008 года. Это уникальное издание, в котором тысячи и тысячи фактов, сведений, фотоснимков, – своего рода энциклопедия региона за семьдесят лет. Они же подготовили при поддержке известного павлодарского строителя и мецената Сергея Петровича Гарина уникальные издания о жизни и творчестве своего великого предшественника, организатора областного историко-краеведческого музея, автора уникальной фотолетописи двадцатого века Дмитрия Поликарповича Багаева, а также об участии павлодарцев в Великой Отечественной войне и тружениках тыла, обессмертив то время и тех людей. А сотни и сотни бесценных фотографий Д.П. Багаева благодаря им теперь сохранены для потомков. Эта книга-фотоальбом издана на русском, казахском и английском языках.

В 2024 году издана подготовленная ими книга о жизни И.В. Лагутина, оставившего большой след в истории области.

И это лишь малая часть всего ими сделанного на поприще книгоиздания.

Они щедро и бескорыстно дарили мне темы и героев для моих журналистских работ. Я несколько дней провёл вместе с ними в их крохотном служебном кабинете, когда готовил материал о строительстве железнодорожного моста через Иртыш в Павлодаре. Документами снабдили меня они.

Десятилетиями они были и остаются верными и преданными друзьями и авторами «Звезды Прииртышья» – в областной газете опубликованы сотни их материалов, открывших читателям новые страницы истории. Мне посчастливилось стать автором предисловий к их нескольким книгам – очень тронут этим оказанным доверием.

Один их героев писателя Андрея Платонова говорит, что без него народ неполный. Это и про дорогих моему сердцу Веру Дмитриевну Болтину и Людмилу Васильевну Шевелёву.

НАРОДНЫЙ ДИПЛОМАТ

Его жизнь оказалась поделённой поровну. Половину её – 45 лет – он жил и работал в Алтайском крае, а вторую – на родине предков, в Павлодарской области. И каждая ему равно дорога в его нынешние 90 лет. Поэтому Моилжан Сулейменович Канаев так и назвал свою книгу – «Две родины и одна судьба». Вчитаемся и мы в её страницы.

Его отец Сулеймен, суженой которого стала только что родившаяся девочка, должен был прежде выплатить калым: около полусотни разного вида скота – от верблюдов и лошадей до коров и овец. Но своего скота у него не было – семья, так уж сложилось, жила очень бедно. И он отправился зарабатывать калым в соседнюю Сибирь. Нанимался у русских пасти их скот с весны до осени и получал в качестве оплаты животных.

Так было не один год, пока не выплатил калым и наконец смог жениться, в 38 лет, на 18-летней Жамиле. Пошли дети – три сына и дочь. А свидетельства о рождении все они получили годы спустя в России. Там семья оказалась после начала коллективизации, вызвавшей чудовищный голод в Казахстане, когда вымирали целые аулы. Казахи гибли не тысячами даже, а сотнями тысяч. А те, кто мог, бежали в разные страны – в Китай, Монголию и дальше, и очень многие в Сибирь.

Семье Сулеймена переезд дался проще, чем многим. У него к тому времени было четыре лошади, две одноконные брички. Сыновья уже подросли, дочери – пять лет.

Обосновались они в селе Подгорном, неподалёку от города Каменьна-Оби Алтайского края, где оказались единственной казахской семьёй.

ёй. Сыновей определили учиться, отец на своих лошадях занялся извозом (выполнял заказы по доставке товаров в магазины), мать вела домашнее хозяйство. Кроме того, она выделяла кожи крупного рогатого скота в так называемую сыромять – сырьё для сельхозинвентаря, конной сбруи и других бытовых крестьянских нужд. Работа тяжёлая, грязная, никто из местных никогда её не делал.

В Подгорном они со временем обжились, наладили отношения с односельчанами. Русские хорошо им помогали, особенно в первые годы. Председатель местного сельсовета помог освободить большую семью от налога. Там они прожили до 1938 года. В 1934 родился последний Моилжан.

Казахов в Сибири оказалось много, далеко не все смогли адаптироваться к местным условиям. И тогда власти решили создавать для них национальные колхозы. Так было в Омской, Новосибирской областях и на Алтае. В Панкрушихинском районе Алтайского края родились два колхоза – «Нацмен» (национальное меньшинство) и «Кызыл ту» («Красное знамя»). В первом обосновалась и семья Сулеймена.

Обживать пришлось заново: рыли землянки, невысокие стены наращивали из земляного пласта, который нарезали кирпичами. Им же накрывали крышу поверх нетолстых берёзовых стволов, которые заготавливали в окрестных лесах. Всё это делали сообща: то одной, то другой, то третьей семье. Так и обосновались в двух аулах около 70 казахских семей, объединившихся по родовому признаку: в «Кызыл ту» – козыбаки, в «Нацмене» – уаки.

Скота у всех было совсем мало, учились выращивать картошку, разжившись семенами у русских из соседних сёл. Картошка тогда заменила многим и мясо, и хлеб.

Канаевых ждало ещё одно испытание: в 1940 году умер глава семьи, оставив жену с пятью детьми. А вскоре пришла и общая большая беда – война. Мужчин призывного возраста стали мобилизовывать в армию. Ушли защищать страну сначала два старших сына, а за ними, через два года, и третий.

Как они жили, вернее, выживали тогда, помнит и Моилжан, оставшийся единственным мужчиной в семье. Когда началась война, ему было семь лет. И до сих пор перед его глазами стоит картина, как женщины запрягают своих коров, чтобы пахать землю однолемешными плугами. Каждый тащила пара коров – одна направляющая, вторая – коренная, её и припрягали к плугу. Направляющей мог управлять мальчик, что

Моилжану и приходилось делать, а плугом правили старики или опытные женщины. Коровы не были приучены к этой работе, не слушались, оттаптывали ноги детям и женщинам, ложились в борозду и не хотели вставать... Мучение и слёзы, а не работа... Но пахали... Сеяли вручную, становясь по несколько человек в ряд, из вёдер, висевших на шеях.

Убирали выращенный хлеб тоже вручную – косили серпами, связывали в снопы, свозили в одно место, где затем молотили цепами, а потом провеивали деревянными лопатами.

Первый трактор появился в колхозе примерно в середине войны. Но толку от него было мало. На железных колёсах с треугольными шпорами он часто застревал в сырой земле, и чтобы облегчить ему ход, в колёса сверху забивали дополнительно берёзовые клинья. Трактора (позднее пришёл второй) всё время ломались, на них надо было делать так называемые перетяжки (быстро расшатывался кривошинно-шатунный механизм), что требовало сил, времени и сноровки. Так что пользы от них было немного.

Но хлеб растили и, просевая-просевая на земляном току, отделяли чистое зерно, которое отвозили на бричках, запряжённых быками, в село Романово за 18 километров. День туда – день обратно. Возглавлял хлебный обоз из нескольких бричек кто-то из стариков, а быков понужали, то есть подгоняли, мальчишки возраста Моилжана и постарше.

Трудились в каждой семье все. У Канаевых главные заботы ложились на плечи снохи Кульпан – жены старшего брата Жунуса. Моилжан стал её первым помощником. Что бы ни делали – всё вдвоём. Картошки садили чуть не гектар, а её и прополоть надо не один раз, и выкопать – тяжкий труд. Дров в лесу заготовить на зиму и доставить домой тоже надо. Топили и кизяком. Сено заготавливали: она косит косой-литовкой, он сгребает из валков в копёшки, которые ещё надо было с помощью кого-то из старших в скирду свезти. Доставить всё заготовленное к жилищу вовремя не удавалось, ближе к весне приходилось откапывать оставшееся из-под глубокого снега.

Жили на картошке, которую варили, жарили, пекли, тёрли, получая затем крахмал. Но и скот кое-какой в каждой семье был. Коровы телят приносили, их выращивали, но себе на мясо не оставляли, а стали отправлять зимой мясные обозы на базар в Новосибирск. Лошади мало у кого были, и в сани запрягали быков. Не у всех мяса хватало на целые сани, поэтому везли его и в складчину: две или три семьи снаряжали одни сани на всех.

Путь предстоял неблизкий – 200 километров. Зима, морозы и бураны, больше 10-12 километров за короткий световой день быкам не одолеть. Значит, путь занимал до двух недель. И надо было сделать столько же или больше ночёвок: найти пристанище, где можно переночевать, накормить и напоить быков, поесть самим.

В дорогу отправлялись обычно старики и кто-то из мужчин, по разным причинам не призванных в армию. И только единственная женщина – мать Моилжана Жамиля. Именно её заботой было размещение сородичей по домам в русских деревнях. Она уже знала русский язык, имела прежний опыт общения с русскими, умела находить с ними общий язык.

Как бы там ни было, все такие поездки оказывались успешными. Благодаря им семьи получали возможность не только приобрести нужные товары: чай, соль, сахар, одежду, – но и заполучить хоть какие-то деньги, без которых тоже было не прожить. И ребятишкам привозили немудрёные гостинцы.

Предприимчивая мать Моилжана на вырученные деньги покупала в Новосибирске прочную материю, вату, нитки и шила из этого подручного материала фуфайки. Откуда-то оказалась у них в землянке старая машинка «Зингер». Фуфайки же – лёгкая, прочная, недорогая и удобная одежда – стали незаменимы в годы войны и после неё долго такими оставались. Никогда не считалось зазорным прийти в чистой фуфайке на праздник или на семейное торжество к соседям. Расчёт за ценное приобретение был по тем временам обычным – баш на баш. За готовую фуфайку рассчитывались сразу двух-трёхмесячным телёнком или брали в долг – до скорого отёла. Сшив и удачно сбыв таким образом несколько фуфаяк, мать получала другой ценный товар для будущего мясного обоза. А фуфайки её, кстати, находили спрос и в окрестных русских деревнях.

И ещё памятное из той поры. В аул стали приходить похоронки на мужчин, сложивших свои головы на войне. Моилжан даже по именам помнит, как их оплакивали... Мать его, не знаяшая покоя ни днём ни ночью в заботах о детях, по-своему молила Аллаха, чтобы он вернул троих её сыновей живыми. Каждый день, в любое время года, в любую погоду, перед закатом солнца уходила в лес, находившийся недалеко от аула, и громким плачущим голосом просила о возвращении детей домой целыми и невредимыми, оставляя там же садака – пожертвование Всевышнему. Он услышит её молитвы – сыновья вернуться.

Весть о победе принесёт в аул русская женщина из соседнего села. Пришла оттуда пешком. И за суюнши – добрую весть – казахи одарили её кто чем мог: кто сливочным маслом, кто яйцами, кто мясом. Мать Моилжана вручила ей самый дорогой подарок – только что сшитую фуфайку. И домой назад её отвезли на лошади.

* * *

Однажды мать позвала на семейный совет троих старших сыновей и сказал им: «Пришло время учить Молкежана, – так ласково она его называла, – отвезите его в Романово, определите на квартиру и в школу. Обеспечьте продуктами».

Будущему первокласснику, ни слова не знавшему по-русски, было уже десять лет. Другие сородичи не особенно стремились дать своим детям русское образование. «Зачем, – говорили, – если они даже не смогут прочитать Коран на могиле отца или матери?»

Моилжана сноха ещё раньше пыталась учить буквам, складывать их в слова. Он умел считать до ста. А мать знала наизусть одну из основополагающих сур Корана, читала ему и настаивала, чтобы запомнил. Он помнит её до сих пор и при необходимости, в соответствующих случаях, произносил и продолжает произносить принародно. Хотя в прежние времена на его руководящих должностях это не только не поощрялось, но и было чревато неприятностями. Но, видимо, Аллах миловал.

В Романово его поселили сначала в семью вдовы фронтовика с тремя дочерьми. Жили они бедно, питались по большей части картошкой, соленьями с огорода, грибами. Мяса и хлеба почти не было. Договорились, что за квартиру братья будут расплачиваться мясом, а хозяйева – кормить квартиранта всем, что едят сами. Он же ещё приносил из дома две булки хлеба на неделю, которых на всех, конечно, не хватало.

Жили без электричества, освещались самодельными свечами, редко кто мог позволить себе керосиновые лампы. С наступлением морозов в комнату, где обитал Моилжан, переместили и кур (в дырявом сарае, где не было скота, им было холодно). Для кур соорудили что-то вроде клетки, накрыли сверху досками; получилась лежанка, на которую стелил свою постель десятилетний жилец.

В школе его приняли в третий класс: всё же знал буквы и даже чуть-чуть читал, умел считать. Но учёба давалась нелегко: русский язык не понимал, был на голову выше всех одноклассников, которые его не жаловали, как чужака-иностранца. Бывало, хотелось всё бросить и бежать домой, учиться в аульной школе, где брат преподавал. Но мать далеко

вперёд смотрела и, видя его настроение (притом что он не жаловался), говорила: «Моилжан, ты теперь должен учиться и учиться!»

Домой ходил почти всегда пешком, однажды зимой чуть не замёрз по пути в аул, когда навстречу дул сильный ветер.

Через какое-то время братья переселили его в другую семью, к двум старикам Михайловым. У них было и теплее, и уютнее. В сарае – корова и тёлка, бычок на убой, свиньи, гуси, куры. Хозяева относились к жильцу, как к родному внуку. Сам он охотно помогал деду по хозяйству, учился у него основам плотницкого дела – пилить, строгать, заделывать мохом щели между брёвнами. Любил крутиться рядом с бабой Аней, когда она кашеварила и угощала его. Особенно по душе пришлась пареная тыква – вкусная, сладкая и есть можно – сколько хочешь. Можно сказать, баба Аня ему мать заменяла.

И всё бы ничего, но учение в школе ему никак не давалось. Первую четверть закончил с двумя двойками – по грамматике и родной речи. Но уже к Новому году удалось исправить их на тройки и худо-бедно одолеть программу третьего класса. Это было самое трудное время его учёбы.

В четвёртом классе событием стал приход новой учительницы, которая оказалась всего на несколько лет старше таких, как Моилжан, четырнадцатилетних переростков. И они на неё, чего греха таить, даже засматривались. Жаль, проработала недолго, выйдя замуж и переехав в другое село. Но свою глубокую привязанность к ней Моилжан Сулейменович пронёс через всю свою жизнь, и общались они до самой её кончины. Она, кстати, стала первой учительницей и одной из его дочерей – Айман.

В школе дела у него, ставшего для одноклассников и учителей Ваней, пошли лучше. По окончании четвёртого класса предстояли экзамены, после которых выдавалось свидетельство о получении начального образования. К ним, особенно по русскому языку, он готовился всю последнюю четверть. И успешно их сдал.

Время тяжёлое, ему четырнадцать лет, мог стать ещё одним работником в семье, но мать стояла на своём: «Учиться и учиться!» Пошёл в пятый класс под опекой брата Шаймардана, у которого уже была семья и мать на его попечении. А надо обеспечить пропитанием, одеждой ещё и Моилжана. Но слово матери, когда не стало отца, было для сыновей законом, и Шаймардан принял на себя и эту ношу.

Пятый класс – это уже предметное обучение, в которое охотно втянулся Ваня Канаев. В этом классе их – четырёх переростков – приняли

в комсомол. В шестом классе его – уже образцового ученика – избрали секретарём комсомольской организации школы, чем он очень гордился и делами старался соответствовать своему новому статусу.

В 1952 году окончил Романовскую семилетку с отличием: в свидетельстве – все пятёрки и только по немецкому языку – четвёрка.

Дальше – опять непростой выбор: продолжить учёбу в школе, идти работать или поступить в техникум, где будет и среднее образование, и профессия. Никто из близких не мог ему ничего посоветовать, как и перечить матери, решившей, что сын должен и дальше учиться.

Выбор он сделал сам, случайно обнаружив в краевой газете объявление о наборе в Семипалатинский геолого-разведочный техникум по двум специальностям – геологов и буровых мастеров. При этом абитуриентов, закончивших семилетку на отлично, принимали без экзаменов. И потом, что-то новое предстояло освоить, совершенно неведомое.

Провожали его в дальнюю дорогу всем аулом. Организатор колхоза Елемес Исекеев произнёс напутственную речь, дал по казахскому обычаю бата – благословение на удачу. А у матери, которую никто и никогда не видел плачущей после давних уже похорон мужа, на глазах выступили слёзы.

Сопроводить младшего брата вызвался Шаймардан. На телеге с запряжённой в неё серой лошадью (Моилжан это помнит и теперь) доехали до райцентра Панкрушиха. Оттуда – в кузове попутного грузовика – до Камня-на-Оби. Там он впервые увидел могучую Обь и пароход, на котором двое суток добирались до Барнаула. Моилжан по пути весь его облазил, забравшись даже в машинное отделение, где неустанно трудились кочегары, забрасывая в топку котла уголь.

Потрясли столпотворения людей на пристани и на железнодорожном вокзале Барнаула. Билетов в Семипалатинск не было, сутки провели на лужайке перед вокзалом, пока не повезло сесть на грузотакси. Через двое суток на третьи добрались до места назначения.

Техникум, расположенный в добротном двухэтажном здании, Моилжану сразу понравился. И ещё то, что в нём была самая высокая стипендия среди вузов и техникумов города – 35 рублей. А кроме того – форменная одежда. Жить предстояло в общежитии, в комнате на десять человек, к чему парню из деревни было очень трудно привыкнуть.

И учиться было очень нелегко: математика, физика, химия и другие сложные предметы. Зато по казахскому языку (его тоже изучали) он мог дать фору другим, разве что с его грамматикой были проблемы.

Уже за первый курс предстояло пройти все предметы общеобразовательной средней школы. Сразу стали также изучать геологию и геофизику, полезные ископаемые, оборудование для их анализа.

Учёба давалась трудно, тем более условий в комнате – никаких, не раз вспомнил он светлую горницу у стариков Михайловых, которая была в его полном распоряжении. Но – учился без двоек, стипендию получал и как мог экономил на всём. Первый курс закончил, в отличие от земляка-казаха, который, оставив учёбу, вернулся домой. Затем Моилжан ещё прошёл месячную практику по геодезии и картографии в палаточном городке с кухней, расположенном в окрестном ленточном бору.

Но вот эта непростая часть учёбы позади, а впереди самое приятное – летние каникулы дома. И перед самым отъездом ему вручают повестку из городского военкомата о призыве на службу в армии.

* * *

Служить новобранцу пришлось три года. Сначала в Фергане, в годичной школе авиамехаников, а затем в литовском Шяуляе, где дислоцировался полк истребителей-перехватчиков ЯК-25. Обслуживал в качестве авиационного механика самолёт командира эскадрильи. В последний год службы, написав рапорт, смог также закончить десятый класс вечерней школы и получить аттестат о среднем образовании.

После армии женился, и вместе с молодой женой Кулятай (в русском кругу её называли Клавой) они стали работать в Нацменовской начальной школе: он – заведующим, она, имевшая семиклассное образование, учительницей.

Учительствовали вместе пять лет. Ученики – из казахских семей односельчан, и никто из 25 ни слова не понимал по-русски. А преподавали им на русском. Учителям приходилось тратить на каждый урок вдвое больше времени: сначала всё объясняли на казахском, а потом переводили на русский. И мало-помалу помогали осваивать параллельно со школьной программой ещё и русский язык. Забегая вперёд, скажем, что многим это очень помогло в будущем, когда они продолжили учёбу, как когда-то Моилжан, в Романовской средней школе, а кто-то потом окончил техникум и даже институт.

Моилжан работу в школе совмещал с заочной учёбой на агрономическом факультете Алтайского сельскохозяйственного института. Что опять же было «не по правилам»: потомок степняков-скотоводов выбрал профессию, сородичам неведомую.

После третьего курса жизнь вновь поставила его перед судьбоносным выбором. С одной стороны – предложение стать директором уже восьмилетней школы, на новой железнодорожной станции, для чего надо было перевестись на такую же заочную учёбу в Барнаульский пединститут. При этом – престижная должность, более высокая зарплата, рядом райцентр. А с другой – новая работа в одном из самых отстающих в районе по части земледелия отделении не только в совхозе имени Крупской, но и во всём Панкрушихинском районе. Отделение состояло из двух аулов, в которых было тогда более 50 казахских семей.

Моилжан выбрал эту должность. Директор совхоза Н.Ф. Крысанов, представляя его аульчанам, сказал: «У вас теперь свой агроном, хватит всё время быть в отстающих и тянуть весь район назад». «Угодья» новому агроному достались обширные: аул Кызыл ту – в семи километрах от центральной усадьбы, от первого аула до второго – Нацмен – ещё десять, а его поля – на расстоянии восьми километров, до самой границы с Новосибирской областью. Рабочий транспорт – лошадка: хочешь верхом, хочешь – на бичке.

Начал с того, что и должен был делать учитель, – с учёбы, агрономической. Занятия проводили по субботам, в обоих аулах: Моилжан по этой части, а механик Кобай Булатов – по механизации. Времени не жалели, механизаторов мотивировали рублём: сдавшим обязательные экзамены по агротехнике и технической части присваивали второй или первый класс, и это давало 10-20-процентную добавку к зарплате.

Но теория теорией, а надо было на деле доказать, чего он стоит – новоиспечённый агроном. Прежде всего – победить главного врага здешних полей – злостные сорняки: пашня была забита овсягом, пыреем, осотом... Лучшим способом могла стать паровая обработка засоренных участков в течение всего лета.

Агроном пришёл к управляющему отделением – родному брату Шаймардану – обрисовал ситуацию. И услышал в ответ: знаешь ведь, что часть механизаторов уволилась – уехали в Казахстан, остальные заняты на сенокосе, а ещё надо кого-то отправить в центральную мастерскую для ремонта комбайнов к уборке. И животноводческие помещения надо к зиме готовить. То есть нет людей на обработку полей...

И всё же удалось заполучить одного на всё лето – Айтказы Ибраева, который неустанно трудился, избавляя несколькими обработками поля от сорняков. И результат осенью следующего года превзошёл все ожидания: паровые поля дали по 25 центнеров с гектара зерна при средней

урожайности по отделению в десять центнеров. А те участки, которые когда-то обрабатывал Айтказы Ибраев, ещё много лет называли здесь айтказинским паром.

Потом стали переходить на более поздние сроки сева – опять же в целях уничтожения уже появившихся весной сорняков. Внедряли другие агротехнические приёмы. Сумели быстрее проводить посевную и организовывать уборку. Пришлось и сахарную свёклу сеять, а также заняться коренным улучшением сенокосов пастбищ – отделение специализировалось на выращивании мясного скота, который шёл отсюда шахтёрам Кузбасса.

Стали понемногу выбиваться из вечно отстающих в полеводстве. Но по-настоящему труды молодого агронома проявятся годы спустя, когда это отделение получит самый высокий урожай в районе – по 25 центнеров с гектара.

Но его заметили уже несколько лет спустя и назначили главным агрономом совхоза «Подойниковский», где он стал показывать характер, и дело пошло. Но в полную силу развернуться не успел, зато сбылась его давняя мечта – поучиться очно. И по рекомендации первого секретаря И.Е. Лудцева Моилжан, а по-местному Иван, был зачислен слушателем Новосибирской Высшей партийной школы.

Мать была очень недовольна: «У тебя трое детей, хороший дом, хорошая работа у обоих с женой... Что ещё надо?» Но переезжали всей семьёй, продав живность и часть имущества. В Новосибирске нашли небольшой частный домик – в овраге, зато недалеко от партийной школы.

Учиться предстояло два года. И впервые с детства «переросток» оказался в свои 35 лет одним из самых молодых слушателей партийного вуза, в котором учились выдвиженцы от Урала до Дальнего Востока.

Учился с охотой, было интересно. Предметы: от основ марксизма-ленинизма до основ лекторского мастерства. Конечно, философия и политэкономия, научный коммунизм, международное рабочее движение, экономика промышленности и сельского хозяйства, партийная работа в её разных аспектах. Канаев сумел так себя поставить, что был избран секретарём партийного бюро факультета.

Мать захотела посмотреть, как живёт в большом городе семья её любимца-последыша. И самое главное – на какие средства, на одну стипендию, что ли? Увидела, как они запасались там на зиму капустой и сами её квасили, сказала: «Тогда побыстрее делайте это, лучше но-

чью, а то сородичи увидят, скажут: «В городе семья Моилжана перешла на капусту». А когда узнала, что стипендия у сына выше, чем прежняя зарплата в деревне – 150 рублей, и питается семья очень неплохо, успокоилась. Её переодели в подходящую одежду, она перезнакомилась с соседями, нашла с ними общий язык.

В 1971 году в семье родился сын Тулеутай, а вскоре умерла его бабушка Жамиля. Так близко сошлись эти два события.

* * *

Вернувшись в Панкрушиху после окончания Высшей партийной школы, М.С. Канаев стал быстро расти по служебной лестнице: главный агроном райсельхозуправления, секретарь парткома совхоза «Подойниковский» (где его уже знали), затем секретарь райкома партии и, наконец, начальник Панкрушихинского райсельхозуправления. Когда приходилось объезжать район вместе с первым секретарём райкома Иваном Егоровичем Лудцевым, иногда про них говорили: «Едут два Ивана». Теперь в районе его уважительно называли Иван Сулейменович.

На должности начальника райсельхозуправления работал с охотой. Это было живое, конкретное дело, которое он хорошо знал и успел полюбить. Знал и людей, с кем надо было работать, сумел выстроить с ними деловые отношения. Одной из главных задач поставил себе знакомство со всеми 25 отделениями совхозов района, а управляющих отделениями постепенно сделал союзниками, когда внедряли сплавную систему навозоудаления на фермах. Где-то она и потом работала десятилетия.

Начальник райсельхозуправления в ту пору – одна из главных фигур в районе. В его подчинении не десятки даже, а сотни людей, от него зависят многие судьбы и, конечно, положение дел во всех отраслях сельской экономики. Земляки видели, как работает их начальник, как вникает в дела, как добивается поставленных целей, и заряжались его энергией сами. Знали, что и поддержит, если надо, и спрос учинит, если есть повод.

В 1980 году Панкрушихинский район по итогам уборки вошёл в десятку лучших среди 65 районов Алтайского края. А в самом районе, повторим, самый высокий урожай собрало Кызлтовское отделение совхоза имени Крупской – в среднем по 25 центнеров с гектара.

Решением бюро крайкома партии были премированы личными автомобилями «ГАЗ-24» директор совхоза имени Крупской В.А. Глазунов

за урожай в 20,7 центнера с гектара и начальник райсельхозуправления М.С. Канаев. Награды эти им достались не бесплатно, а за полную стоимость машин. Но таких в ту пору не было почти ни у кого, тем более в сёлах.

М.С. Канаеву подарок крайкома ещё аукнется, когда на бюро райкома будет рассматриваться вопрос о его отъезде на родину предков. Один из членов бюро предложит: мол, раз уезжает, то пусть и машину оставит. И пока другие раздумывали, другой член бюро – директор совхоза В.Х. Траутвейн сказал: «Я ему недавно рубашку подарил. Если так вопрос ставить, то пусть и рубашку вернёт!» И больше эта тема не обсуждалась. А Траутвейн по собственной инициативе устроил проводы коллеги и товарищу, пригласив руководителей совхозов.

Окончательное же решение о судьбе М.С. Канаева принималось уже на бюро крайкома, которое вёл первый секретарь Н.Ф. Аксёнов. Его просьбу удовлетворили: сняли с партийного учёта и освободили от должности начальника Панкрушихинского райсельхозуправления.

* * *

Почему он, уже достигнув значительных высот, всё же решил уехать? Тут было несколько причин. Конечно, желание вернуться на родину предков, но не только. Думал о судьбе детей, их будущем. И решил написать письмо председателю Павлодарского облисполкома М.С. Каирбаеву с просьбой принять на равноценную должность, приложив личный листок с перечислением прежних должностей.

Ответа долго ждать не пришлось. Как он позднее узнал, М.К. Каирбаев посоветовался с первым секретарём обкома партии Б.В. Исаевым, и в Панкрушиху был направлен посланник – председатель Щербактинского райисполкома К.К. Ашимбетов – с предложением Канаеву занять пост начальника Щербактинского райсельхозуправления. Моилжан Сулейменович не ожидал столь быстрого развития событий и попросил день-два на обдумывание, на разговор с братьями и сестрой. Те его поддержали.

На следующий день он был в Щербактах, в кабинете у К.К. Ашимбетова, они вместе зашли к первому секретарю райкома партии Н.Ф. Геру. Тот позвонил М.К. Каирбаеву, передал трубку М.С. Канаеву. И он услышал: вопрос о его новой работе во всех инстанциях согласован, надо быстрее приступить к обязанностям. И уже после этого начались переговоры в Панкрушихе – бюро райкома и крайкома партии, о чём уже было рассказано. В районе, кстати, решительно воспротивились

его переезду. Помог бывший первый секретарь И.Е. Лудцев, работавший теперь в другом районе, у которого были хорошие отношения с первым секретарём крайкома Н.Ф. Аксёновым, – замолвил словечко.

В Казахстане приказ о назначении М.С. Канаева подписал министр сельского хозяйства после звонка ему М.К. Каирбаева. И теперь новосёлу, вполне доказавшему на Алтае свою состоятельность, пришлось заново доказывать, что и здесь он на своём месте. Забегая вперёд, скажем: годы спустя первый секретарь Щербактинского района Н.Ф. Гергер заметит: «Моилжан, ты как будто здесь родился, вырос и работаешь всю жизнь!»

Но своим было стать непросто: в районе шесть совхозов и девять колхозов. Район куда больше, чем его прежний Панкрушихинский; новые люди, погодные условия сложнее, чем на Алтае, почвы беднее. Да ещё три засушливых года подряд. Урожай в десять центнеров зерна с гектара считался большим успехом. Не хватало кормов, даже солому ездили заготавливать в Кустанайскую область. Занялись дрожжеванием низкопитательных кормов, что давало хороший эффект. Даже делегацию одного из районов Алтая приняли, чтобы поделиться опытом. И по казахской традиции М.С. Канаев принял алтайских земляков дома за дастарханом.

И всё же временами было так трудно, что хотелось бежать назад, в родную Панкрушиху. Даже план возвращения обдумывал, когда проблемы наслаивались одна на другую: неурожай за неурожаем, бескормица, непонимание коллег, когда взялся за наведение порядка на полях – соблюдение севооборотов, отстаивание необходимой нормы паров, на которых иногда даже корма заготавливали, вместо того, чтобы их обрабатывать. Старался терпеть, находить доводы и новых союзников. И проблемы понемногу решались – и в полеводстве, и в животноводстве. Наладили надёжную связь по рации со всеми хозяйствами.

В земледелии новый начальник райсельхозуправления взял решительный курс на более поздние сроки сева, когда уже появляются сорняки, которые можно уничтожить предпосевной обработкой в ходе сева. Но и семена, убеждал, надо заделывать глубже, во влажный слой почвы, чтобы всходы попадали под дожди в середине июля и давали лучший урожай. Далеко не все воспринимали его доводы. К тому же были жёсткие рекомендации сверху по срокам сева.

М.С. Канаев решил выступить со своими обоснованными предложениями на областном предпосевном агросоветовании. И получил

очень важную публичную поддержку от председателя облисполкома Р.М. Мырзашева, пришедшего на смену М.К. Каирбаеву. В противном случае начальник райсельхозуправления, пошедший «не в ногу» со всеми, мог и должности лишиться.

Наградой за труды стал 1984 год – четвёртый, как и в Панкрушихе, год работы начальником райсельхозуправления. Район выполнил план по поставкам всех видов сельхозпродукции – зерна, молока, мяса, шерсти – и по итогам уборки завоевал второе место в области, уступив первое району, где почвы несопоставимо плодороднее, а средняя урожайность оказалась всего на полцентнера выше. И тут М.С. Канаев совершенно для себя неожиданно в 50 лет стал городским жителем, получив назначение на должность начальника областного плодоовощного объединения.

«Удружил» ему при этом Р.М. Мырзашев. Должность вроде престижная – областной уровень. Но хозяйство обширное, совсем новое и не очень благодарное: начальники здесь долго не держались. Если выращивать картошку и овощи на поливе худо-бедно научились, то с сохранностью этой продукции были большие проблемы – прежде всего из-за нехватки хороших хранилищ. И вот М.С. Канаеву предстояло с головой окунуться в эту сферу.

Аппарат управления был небольшой, но люди опытные, своё дело знающие. Под их началом шесть совхозов: самый крупный – «Черноярский», а также имени Гагарина, «Пригородный», имени Камзина, имени 60-летия Октября и плодово-ягодный – имени Мичурина. Ещё крупные плодоовощные базы в Павлодаре, а также сеть плодоовощных магазинов. Картофелем и овощами объединение снабжало все города и райцентры области. И контролёров – сверх меры: обком и горком партии, облисполком и горисполком, комитет народного контроля, газеты и, наконец, покупатели. Первый вопрос у всех в конце лета – начале осени: почему у дачников на улицах города всё есть, а в ваших магазинах нет, почему картошка зимой в магазинах грязная и подгнившая? Однажды после частной проблемы – торговли луком – горком партии даже предложил освободить от должности начальника управления, отказавшего по предписанию горкома снять с должности двух его подчинённых.

Неожиданный выход из положения предложил председатель облисполкома Р.М. Мырзашев: заслушать вопрос о работе плодоовощного объединения на заседании исполкома облсовета. М.С. Канаев хорошо

подготовился, рассказал о том, что делается, и о проблемах, в решении которых требуется помощь. В принятом постановлении наметили меры, расписали ответственных. Так, в Ермаке (ныне Аксу) организовали пункт для отправки овощей вагонами по разным адресам. Раньше их возили автомашинами в Павлодар и грузили в вагоны там. Сэкономили средства и ушли от ненужной перевалки с потерей качества продукции. Проложили асфальтовую дорогу до совхоза «Пригородный», что дало возможность вывозить овощную продукцию оттуда в любую погоду. Там же построили склад для хранения семенного картофеля, много которого пропадало из-за плохого хранения. Наладили на местных предприятиях выпуск приспособлений для эффективной обработки междурядий, чему очень рады были руководители хозяйств.

М.С. Канаеву довелось на этом своём посту принимать союзного министра плодоовощного хозяйства и показывать ему хозяйства, овощные базы и магазины. Высокий гость в целом остался доволен увиденным. В качестве поощрения М.С. Канаев был направлен руководителем туристической группы работников сельского хозяйства, поехавшей в Румынию и Венгрию. Впервые он оказался за границей, да ещё в таком качестве. Удалось включить в эту группу и супругу Кулятай – труженицу из тружениц, немало поколесившую с мужем и детьми во время его служебных перемещений.

* * *

1986 год. Горбачёвские реформы, большие структурные изменения в сельском хозяйстве, создание Госагропрома СССР и аналогичных комитетов на местах. Таким образом предлагалось наладить комплексное управление сельским хозяйством. Не вполне ожидаемым стало назначение М.С. Канаева начальником управления земледелия – самого крупного из шести, вошедших в новую структуру. Ему – чужаку-казаху было отдано предпочтение из четырёх других кандидатур на эту должность. Что не всем понравилось: всего пять лет проработал в области, в том числе год на областном уровне, неужели успел созреть для такой высокой должности?

Сам Моилжан Сулейменович старался найти возможности для совместной работы с каждым из семи отделов управления – зерновых, овощных, кормовых культур, семеноводства, землеустройства, орошения, агрохимии. Стал знакомиться с положением дел в районах, начав с Иртышского – самого плодородного, хлебной житницы области, в котором было 15 совхозов. Нашёл там, как и в ряде других районов, немало

упущений в агротехнике. После чего выстроил программу действий в зерновом хозяйстве, где предусматривалось строгое соблюдение четырёхполосных севооборотов с обязательной нормой паров; содержание паров в чистоте, внесение органики и минеральных удобрений, размещение на парах горчичных кулис. Планировалось также внедрить позднее посева, особенно на засорённых полях; улучшить работу в семеноводстве и другие меры. Чаще стали проводить целевые семинары с практическим показом опыта лучших. Более успешно стали работать овощеводы. Организованно провели уборку урожая, по итогам которой победителем был признан Щербактинский район, где давали отдачу новые подходы к работе с землёй самого М.С. Канаева.

Он был полон энтузиазма, настроен на большую работу в будущем, и претензий к нему не было со стороны руководства области. Однако должность пришлось оставить – надо было «пристроить» нектоштрафившегося руководителя одного из районов.

Новое назначение – главный государственный инспектор по закупкам и качеству – тоже, по сути, начальник областного управления, но всё же не прежний статус. Эта структура должна была контролировать объёмы и качество зерна, молока и мяса, плодоовощной продукции и картофеля, шерсти и кожсырья, поставляемых 156 совхозами и колхозами области государству, а в его лице многочисленным переработчиками. На этой работе своей основной задачей главный инспектор считал защиту интересов хлеборобов и животноводов. Его представители контролировали приёмку зерна на элеваторах. Те же заботы были у инспекторов по качеству молока и мяса, овощеводческой продукции. В области возникающие вопросы между производителями и переработчиками решать было проще, а в Семипалатинске, куда и наша область отправляла мясной скот на крупнейший мясокомбинат, возникали зазоры, из-за чего животные в ожидании забоя теряли упитанность. Но удалось найти решение и этой проблемы, помогли уже личные связи главного инспектора.

Область производила много шерсти, инспекторы выезжали в Семипалатинск, на фабрику по её первичной переработке, чтобы отстоять интересы наших овцеводческих хозяйств. А чтобы стимулировать собственных поставщиков шерсти и кожсырья, добились выделения целевого приза для лучшего хозяйства – им стал полугрузовой «ИЖ-27», так называемый пирожковоз. Начали ежеквартально выпускать «экраны качества», на которых броско представлялись десять лучших и де-

сять худших хозяйств по показателям качества продукции. Сделано это было впервые, и эти стенды не только размещались в фойе облсельхозуправления, но и в копиях рассылались в районы. Эффект такой наглядной агитации превзошёл ожидания: отстающих становилось меньше, а в передовики пробивались новые хозяйства.

* * *

Село нуждалось, конечно, в переменах, но не таких, которые пришли с распадом СССР. Сельская экономика была просто обрушена неумелыми и скороспелыми реформами. Не у дел оказались и многие руководители разного уровня. Ненужной оказалась инспекция, которой руководил М.С. Канаев. Чем было заняться ещё полному сил и опыта человеку?

Попытка организовать фермерское хозяйство по выращиванию зерновых культур оказалась неудачной. Чтобы обработать тысячу гектаров земель, взятых в аренду под Павлодаром, пришлось оформить кредит, заложив квартиру и премиальную «Волгу». Купил новый «ЗИЛ-130», гусеничный трактор на тракторном заводе и зерноуборочный комбайн. А на что покупать горючее, семена и прочее, если сбережения семьи, накопленные за многие годы, уже обесценились? Это всё пришлось взять в долг под честное слово и обещание рассчитаться урожаем.

Пшеница уродилась неважная. Ещё, к несчастью, однажды трактор прямо с поля украли: погрузили подъёмным краном на машину и увезли неизвестно куда. Чтобы не потерять оставшееся, крестьянское хозяйство продали и кое-как погасили кредит.

Надо было жить дальше... А как жить, когда оба пенсионеры, дети учатся, за исключением старшей дочери Рысты; денег нет, пенсии задерживают?

Сын-студент стал заниматься торговым бизнесом, попросил у отца главный актив семьи – ту самую именную «Волгу», привезённую с Алтая. Она ему нужна была для большей мобильности. И отец отдал, решив, что Тулеутаю она нужнее, и дела у сына пошли успешнее. Сами же с супругой решили вернуться к сельской жизни и завести скот. Сын купил им хороший дом в Красноармейке (они тогда стоили недорого) с двумя коровами и всеми необходимыми хозяйственными постройками.

Дело – знакомое, отвыкнуть ещё не успели, и здоровье позволяло. Стали сажать огород. По случаю завели ещё одну корову, трёх овец, прикупили цыплят-бройлеров и кур-несушек. В доме появились свои продукты с огорода и подворья – овощи и картошка, молоко и сметана.

Приезжавших детей потчевали подросшими бройлерами. Другого мяса не было, и сын однажды пошутил: «Мы скоро все закукарекаем!»

Чтобы не платить пастуху с весны до осени за выпас скота, объединились с соседями. Пасли сначала вместе, а по мере привыкания животных друг к другу – по двое, а потом и в одиночку, по очереди. Старшим односельчане-партнёры сразу признали М.С. Канаева. Поголовье скота у него прирастало. Доить коров стала помогать соседка, оставшаяся без дела. Сын нашёл человека, который помогал Моилжану Сулейменовичу ухаживать за скотом.

Появились излишки молока, которое можно было реализовать. Но и с этим возникли проблемы: его не брали молокозаводы. Реализаторов нашли в городе – женщин, торгующих разлитым молоком во дворах многоквартирных домов. Им и сбывал аксакал свою продукцию в течение двадцати лет. Товар был отличного качества, утром его ждали и говорили, завидев: «А вот и наш дед приехал!»

Самое непростое время было летом. Коровы круглые сутки на пастбище, и чтобы вовремя подоить их и затарить в ёмкости скоропортящийся продукт для транспортировки в город, вставать приходилось в пять часов утра. Помогать взялись старший внук Дарын и племянник Канат, ещё не достигшие совершеннолетия. Внук, закончивший позднее престижный вуз в Англии, скажет через годы: «Магистратуру я прошёл у аташки!»

Младший внук Нияз с трёх лет любил смотреть, как соседка доит их коров, называя всех по именам – Беляну, Марту, Татарку, Красулю. Очень любил ездить с дедом на пастбище.

Так они наладили жизнь по-новому, и она им, несмотря на заботы, была вполне по душе. И вдруг – неожиданный звонок из Панкрушихи. Глава районной администрации В.Г. Шолох (они до этого не были знакомы) общается: в районе идёт приватизация хозяйств. И предлагает М.С. Канаеву возглавить его родное Кызылтовское отделение, за коллективом которого будет сохранена вся его собственность – скот, техника и прочее.

Предложение было более чем заманчивым: приглашали на малую родину, где он состоялся и вырос, оставил о себе добрую память. Всё там знакомо до мелочей: люди, условия работы, куда более благоприятные, чем здесь. Да и силы ещё оставались. Начались бурные обсуждения с родными, друзьями, коллегами. Но после долгих раздумий решил отказаться: здесь были дети со своими семьями и внуки, устоявшаяся жизнь на родине предков.

Со временем, учитывая возраст, скотом больше не занимался, но без дела не сидел. Взялись с супругой выращивать кур-несушек и занялись огородом, на котором выращивали разные виды овощей, картошку. Супруга готовила и продолжает готовить на зиму соленья-маринады из собственной огородной продукции. В свои уже далеко немолодые годы (ему 90 лет, ей 85) они бодры, подтянуты и полны жизненных сил. Не сломила их тяжёлая утрата: единственный сын Тулеутай, создавший успешный бизнес, погиб в автомобильной аварии. И его супруга, сноха Анара, тогда сказала им: «Воспитайте его сыновей – как вы сына воспитали!» Они делали это вместе: Анара, взявшая в свои руки бизнес мужа, и дедушка с бабушкой – апашка и аташка, приобщавшие внуков к труду и вековым традициям.

Старший Дарын теперь сам занимается бизнесом вместе с другом его отца. Младший Нияз завершает учёбу в Англии и уже стал лауреатом престижного конкурса фонда «Инженеры в бизнесе» при Королевской инженерной академии. В нём ежегодно участвуют со своими проектами выпускники университетов Великобритании. В 2024 году второе место в этом конкурсе занял проект Нияза и его партнёра, представивших университет БАТ, который решает актуальную экологическую проблему – проникновение микропластика в воду и почву. Их уже запатентованное решение направлено на удаление микропластика в процессе очистки сточных вод и превращение его в биоуголь, который может служить для улучшения почвы. Дед когда-то улучшал почву, освобождая её от сорняков, внедряя чистые пары. А внук его пошёл ещё дальше, используя высокие биотехнологии. Достойное продолжение семейного дела!

Моилжан Сулейменович ведёт активную общественную жизнь. Ему по-прежнему есть дело до проблем сельского хозяйства, которому он посвятил свои лучшие годы. С группой таких же, как он, неравнодушных ветеранов добивается внимания госорганов к нуждам и заботам сельских подворий. Они и сегодня остаются важными источниками производства качественных продуктов животноводства. А поэтому нуждаются в поддержке госорганов, и прежде всего в том, чтобы молоко и мясо закупалось у них по справедливым ценам и без всяких проблем. Ветераны убеждены, что и село в целом требует большей заботы государства – и в налаживании условий жизни, и в повышении статуса сельских тружеников в обществе. В обращениях ветеранов, адресован-

ных правительству и Мажилису, есть и другие важные предложения, направленные на сохранение плодородия почв, улучшение кормопроизводства. Одним из главных инициаторов этих общественных инициатив был и остаётся М.С. Канаев.

Он всегда помнил о сибирской земле, которая спасала казахов в годы голода и на которой он сам родился, стал уважаемым человеком. Свою книгу он назвал «Две родины и одна судьба», выразив в ней сыновью признательность родной Панкрушихе и всему Алтайскому краю, людям, с которыми его сводила судьба. Он стал одним из инициаторов создания алтайского землячества в Павлодаре, сумел связать родину предков со своей сибирской родиной.

Мы не раз вместе бывали на Алтае, в его родном ауле Кызыл ту, объехали большую часть Панкрушихинского района, где его хорошо помнят, по-прежнему именуют Иваном Сулейменовичем и называют русским казахом. Благодаря ему подружились Щербактинский район и его Панкрушихинский, куда не раз выезжали щербактинцы, и не только они. Везли с собой юрты, коллективы художественной самодеятельности, угощали сибиряков национальными блюдами. Был переполнен Дом культуры в Панкрушихе, где земляки с почётом принимали ставшего им родным человека и тех, кто приезжал с ним. Вполне по заслугам на сибирской родине и родине своих предков он стал почётным гражданином – Щербактинского и Панкрушихинского районов.

Точнее и лучше, чем кто-либо, оценил его заслуги на этом общественном поприще коллега, прошедший большой трудовой путь в Алтайском крае, – от директора совхоза до председателя краевого собрания депутатов – Иван Иванович Лоор, ныне депутат Государственной Думы России. Когда отмечалось 80-летие создания казахского аула Кызыл ту, прошедшее в Панкрушихинском районе с участием делегации Щербактинского района, он прислал приветственную телеграмму, в которой говорилось: «В непростые 30-е годы здесь, на гостеприимной алтайской земле, нашли свой новый дом семьи казахов, спасавшихся от голода в Казахстане. Благодаря своему трудолюбию и помощи местного населения они смогли освоить новые для себя виды хозяйствования, создать национальные колхозы «Кызыл ту» и «Нацмен».

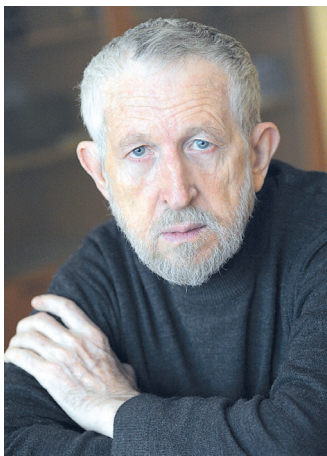
Уникальный для этого края посёлок Кызыл ту и сегодня отличается своими бережно хранимыми национальными традициями.

Отрадно отметить, что бывшие жители Кызыл ту помнят о своей малой родине. Хочется назвать ветерана агропромышленного комплек-

са Моилжана Сулейменовича Канаева, много сделавшего для развития Панкрушихинского района, настоящего народного дипломата, связывающего Павлодарскую область с Алтайским краем...»

Уже не один год И.И. Лоор сердечно поздравляет М.С. Канаева с праздниками и днями рождения. Это и есть братство, дороже которого ничего не бывает.

А книга М.С. Канаева, послужившая основой этого очерка (как и наше многолетнее общение с Моилжаном Сулейменовичем), – ещё и особая дань памяти его сыну Тулеутаю, который очень хотел, чтобы отец написал её – в память о своих предках, прошлом пути, сородичах, сибиряках и других дорогих людях, обретённых на родине предков. Презентация её состоялась одновременно в Алтайской краевой и Павлодарской областной библиотеках. Хочется верить, что ей уготована долгая жизнь.

МИР ВИКТОРА ПОЛИКАРПОВА

Рассказывать о художнике, а тем более о его творчестве, – задача, как мне кажется, не только сложная, но вообще трудновыполнимая. Ведь далеко не всегда можно передать словами то, что видят глаза, и то, какие при этом возникают чувства... Художника надо смотреть...

А Виктора Поликарпова можно ещё и слушать. Думаю, его монологи, которые я записывал во время наших встреч с ним, помогут лучше понять художника, его творчество всем, кто с ним знаком, и, может, заинтересует тех, кто его ещё не знает.

– Рассказывают, что когда я появился на свет, отец сказал: «Художник родился!» Сам он всегда мыслил себя художником и во мне, наверное, увидел свою осуществленную мечту...

Мои предки – крестьяне-переселенцы из Самарской губернии. Как и многие другие, они перебрались под Павлодар в 90-х годах девятнадцатого века. Мне потом духовнические мужики рассказывали, что слава рисовальщиков за нашей семьей велась давно: село небольшое, и все знали, что, скажем, Реснянские в нём издавна считались музыкантами, а Поликарповы – художниками.

Отец вспоминал: одно из самых сильных потрясений в детстве он испытал, когда ему, мальчишке, старший брат привёз в подарок из Павлодара цветные карандаши. Отец их прежде никогда не видел и никак не мог поверить чуду, когда красная заостренная палочка давала на бумаге красный цвет, а синяя – синий...

Отец очень любил художников-передвижников, копировал их. Он делал это не по обязанности – по движению души. Рисование не было его основной профессией, но случались дни, когда он бросал всё и только рисовал...

А вообще его детство было очень тяжёлым: деда Ивана раскулачили и вместе с бабкой и детьми выслали на станцию Любино. Поразительно, но, может быть, благодаря этой ссылке семья смогла уцелеть: в Казахстане в 30-х годах был такой голод, что многие села и аулы вымерли поголовно.

...Я помню, как отец уходил на фронт (мне было три года). Поставил меня на стол и смотрел, смотрел... Потом, уже после войны, наша семья жила в Вильнюсе – отец был связист, работы везде хватало, жильём обеспечивали. Можно было остаться там, но он рвался на родину: «Хочу в Павлодар, мне там полгорода говорит: «Здравствуй, Шодор» (так казахи переименовывали его имя Федор). И мы вернулись в Павлодар, я помню себя сидящим в кузове полуторки, пыльные улицы, редкие бревенчатые дома, а всё больше «глинобитки» да мазанки...

* * *

– У меня не было прямого пути к моему главному занятию, хотя, помнится, выделяли меня по рисованию уже в детском саду. Учился в школе, потом окончил музыкальное училище по классу альты. Поработал монтером телефонной станции, художником в областном краеведческом музее, потом – педагогом в музыкальной школе.

Я и сейчас помню ту радость, которую получал от занятий на инструменте, ни с чем не сравнимое наслаждение от игры в симфоническом оркестре, от пения в хоре. Мне пришлось изучать, анализировать музыкальные формы, их возникновение, развитие. Чайковский, Моцарт, Брамс... Великая тайна жизни – форма, которую имеет всё сущее. Вне формы всё растворяется, исчезает. Вечное имеет совершенную форму.

Я занимался музыкой, но в душе жила уверенность в том, что я художник. Рисованием заполнялись все паузы в музыкальных занятиях, всё свободное время... Нужно было возвращаться к самому себе. Я поступил в художественное училище в Алма-Ате, выдержав тяжелейший конкурс. Учился сначала на педагогическом, потом на оформительском отделении.

* * *

– Как-то в разговоре с друзьями-художниками мы размышляли о том, как люди приходят в изобразительное искусство, об этапах становления творческой личности художника. Таких этапов четыре.

Первый: надо прийти и стать рядом с тем, у кого хочешь учиться; второй: надо стать ему необходимым (этому человеку или занятию); третий: стать таким же, как все, кто занимается этим ремеслом; и, наконец, четвертый – подняться выше других по своему профессиональному уровню, осуществить свою жизненную программу.

Вот такая модель. Наверное, как любая модель, она отчасти условна. Но вот как всё происходило у меня. Учителей было много, я вообще учился очень долго и продолжаю это делать. Но свою роль на первом этапе, конечно же, сыграли увлечение отца, его преклонение перед школой художников-передвижников, репродукции, которые он собирал. Сам я стал коллекционировать открытки по изобразительному искусству. Я их покупал, где только мог, раскладывал по временам, художникам, направлениям, открывал для себя новые и новые имена. У меня этих открыток накопилось тысяч пять. Я также собирал книги о мастерах живописи, их жизни и творчестве. Так я «становился рядом» – рядом с ремеслом, которому намеревался служить. Когда в Алма-Атинском художественном училище мы изучали историю изобразительного искусства, у меня с преподавателем сложились особые отношения – благодаря всем этим ранее полученным знаниям.

В училище занялся графикой. Это было прекрасное время. Я думаю, можно понять счастье увлеченного человека, каждый день по несколько часов рисующего натуру, пишущего маслом, размышляющего над композицией, наблюдающего, как рядом работают товарищи.

А ещё – выставки, театры, книги, общение. Однажды я увидел слайды работ Павла Николаевича Филонова с выставки в Новосибирском Академгородке. Устроители выставки пострадали за её организацию. Прекрасная и драматическая судьба Филонова принадлежит истории русского искусства, а в те времена он был запрещён, считался опасным, но позволял идущим за ним художникам раскрепощаться, расти, реализовываться.

Нетворческого ничего не бывает. Жизнь – это творчество. Мыслить поэтически, воспринимать поэзию – естественное состояние художника. В мире поэзии есть творцы, которые очень сильно на меня повлияли. У нас в стране в 1967 году вышла небольшая книжка француза Жака Превра в переводе Михаила Кудинова. Часто случай в искусстве значит больше, чем закономерность. До сих пор меня потрясают стихи Превра «Как нарисовать птицу?», «Я пошел на базар, где птиц продают», в которых поразительным образом уместился целый мир. Я не удержался и стал рисовать. Так родился один из циклов моих работ...

Последние два года в училище под началом художника Виталия Абрамовича Векслера мы пытались почувствовать, что такое книга. Вообще, оформление книги, ее дизайн, иллюстрирование – потрясающе интересный жанр, открывающий бесконечные возможности для художника. Мне очень нравилось работать с книгой, удалось даже оформить в конце учёбы сборники двух алма-атинских авторов. У меня до сих пор особое отношение к книге как к предмету творчества. Но это разговор особый...

* * *

– Окончив училище, я вернулся в Павлодар. Можно сказать, я прошёл первые два этапа становления, теперь надо было «быть как все», а ещё содержать семью...

Много всякого происходило в последующие годы, но я хочу рассказать об отрезке моей жизни, связанном с художественным проектированием. В художественно-производственных мастерских я брался за пластику, резьбу по дереву, чеканку по металлу, монументальные работы. Большинство этих работ существовали многие годы: это светильники в интерьере для одного из профтехучилищ, резьба по дереву («Человек летящий») в агентстве Аэрофлота, деревянные резные панно в профилакториях нефтеперерабатывающего и химического заводов. А еще были мозаичные панно в домостроительном комбинате, панно для детсада «Буратино», композиция в технике макраме... (к сожалению, в новые времена почти все эти работы были безвозвратно утрачены, – Ю.П.).

Так я приобрёл новый творческий опыт, и это хорошо: художник – как дерево: просто обязан расти в разные стороны.

Оформительским работам я обязан удивительному событию в моей жизни. Мои работы увидел на выставке Виктор Иванович Крылов – большой художник, прекрасный организатор, член правления Союза художников Казахстана – и решил направить меня на курсы художественного проектирования при Союзе художников СССР в Москве.

* * *

– Праздником для меня всегда были и остаются «сенежские семинары» (они проходили в доме отдыха художников на озере Сенеж). Я ездил на них в течение пяти лет – каждый год на два месяца, возвращаясь домой другим человеком. На эти семинары собирались любопытнейшие люди – философы, художники, проектировщики-оформители, архитекторы. Это был такой культурный котёл, повариться в котором мне было совершенно необходимо.

Поразительно эффективной была методика этих семинаров: прежде всего нас освобождали от стереотипов, наслоений всей прежней жизни, давали мощный заряд разнообразной информации. Руководил семинаром Марк Александрович Коник – человек удивительный, лидер формальный и неформальный. Нам читали лекции философы Георгий Петрович Щедровицкий, Вячеслав Глазычев, Олег Генисаретский, Карл Кантор.

Психология творчества, философия и социология дизайна, новости в современном искусстве, архитектуре, литературе... И просто всякая творческая игра – всё это там было. Но мы не только общались. Каждый раз мы брались за осуществление конкретного художественного проекта: например, культурного центра для Москвы и Минска, исторического мемориального центра Магнитогорска к 50-летию Магнитки, разработали дизайн одного из заводов Баку (я проектировал дизайн проходной и зоны отдыха – они были опубликованы в журналах). Мы проектировали дизайн города на воде, салон одного из туполевских самолётов и многое другое.

Хотел бы подчеркнуть, что это не прожекты, а оригинальные проекты, кое-какие из которых оказались реализованными. Но не у нас, а за границей – в Японии, во Франции. Я готовил себя для осуществления инициативного проекта в нашем городе – набережной Иртыша, оформления центра города, улицы Кутузова. По моему замыслу набережная должна была стать местом общения человека с природой – водой и ветром, светом и цветом, запахами растений. Каждая улица, выходящая к набережной, должна была иметь свою особую встречу с Иртышом. Тем более у нас – на Гусином перелёте. Но проект этот до сих пор существует только в воображении. Время его и многих других, к сожалению, ещё не пришло. Очень жаль, конечно, но меня успокаивает то, что блестящие сенежские проекты остаются достоянием культуры – хотя бы на слайдах, в журналах; они влияют на реальное проектирование так, например, как литература на обычную жизнь.

Я немало поколесил по свету и, можно сказать, утолил жажду путешествий. При этом мне одинаково дороги как мои поездки по нашей тогдашней большой стране – в европейскую её часть и на мудрый тысячелетний Восток... Хива, Бухара, Самарканд... Дважды я был в экспедиции археологов на раскопках древнейшего Отрара, в древнем Фарабе, откуда, говорят, пешком ушёл в Багдад великий Мухаммад аль-Фараби.

Чайковский как-то заметил, что в нём есть некий механизм, который пишет музыку, и он подчиняет себе всю жизнь самого композитора. Нечто подобное происходит и с художниками. Хочется видеть, чувствовать, знать, понимать, оценивать. Я как будто в ответе за всё, что вижу: вся эта сложная гамма чувств рождает образы, которые я пытаюсь перенести на чистый лист...

Я много думал о Павлодаре. Как жители города влияют на его развитие, и как он сам на них влияет? Нет одинаковых городов, у каждого свой характер. Павлодар, в сущности, зарождался и очень долгое время существовал как большая деревня, в которой люди жили дворами, хозяйством, выездами... Захолустье, затхлый мещанский быт, застой мысли... Что могла родить эта далеко не плодородная духовная нива? И вдруг – Павел Васильев, который сам превращает всё это провинциальное затишье в предмет высокого искусства! Как, почему, откуда? Я этого не знаю. Поэзия вообще необъяснима – в ней всегда есть великая тайна.

Чем значительнее поэт – тем шире диапазон восприятия его творчества. Поэзия Павла Васильева – огромное явление. Я старался понять его как можно глубже, пытался выразить своё отношение к его образу. Я занимался изучением истории нашего края, казачества, традиций и быта кочевников. «История как таковая не существует – есть лишь то, что мы о ней знаем...» Мне очень дорога эта мысль философа Щедровицкого. Мы всегда воссоздаем историю для себя и для других заново.

Я много размышлял обо всём этом, когда работал над «павловасильевским» циклом. Пока в нём 16 графических листов (теперь их гораздо больше, – Ю.П.). Не все они меня полностью устраивают, что-то я хотел бы изменить, дополнить. Мне иногда говорят, что хорошо бы, мол, проиллюстрировать этим циклом сборник поэта. Но это не иллюстрации к книге поэзии. Это скорее импровизация, навеянная стихами Васильева, моими собственными представлениями о природе и истории этого края, о людях, здесь некогда живших... Нужен альбом... (и он тоже теперь есть, – Ю.П.)

* * *

– Чем я живу сейчас? У меня такой период, когда я говорю себе: дай мне Бог сделать то, что я должен сделать. Есть такая обязанность, хотя я и не знаю, перед кем.

* * *

Это уже давние монологи Виктора Фёдоровича, родившиеся в наших беседах. Но они кажутся мне вполне современными. Мне остаётся лишь добавить, что было потом...

Его мастерская находится в подвале жилого дома. «Я чувствую себя внутри Павлодара», – шутит по этому поводу Виктор Федорович.

Гремят неподалеку трамваи, потряхивая подвал и напоминая о бренности бытия. В этом подвале побывали за годы и годы многие приезжавшие к нам зарубежные знаменитости: французские фотомастера, австрийские музыканты, немецкие и американские деловые люди, канадец арабского происхождения, известные казахстанцы и россияне. Почти все увозят на память его картины. Эти картины странствуют по свету и сами – они есть в Израиле, во Франции, в ФРГ, Канаде, конечно, в России, не говоря уже о городах Казахстана... Да и мало ли где ещё? Виктор Федорович считает такую «культурную экспансию» делом, скорее, благим: пусть себе путешествуют и несут всюду его дух и дух его предков.

А он в свои далеко не молодые лета продолжает делать главное дело жизни. Его подвал-мастерская давно перестал быть лишь местом его работы, сюда постоянно идут люди.

– Мастерская художника, по моему мнению, должна быть его клубом, – говорит Виктор Федорович, – куда приходят поговорить, рассказать, посмотреть... Это постоянная выставка художника. В мастерской есть стена, где расписались многие известные люди. Сюда может прийти каждый, я готов встретить в мастерской всех...

Виктор Поликарпов давно завершил одну из очень важных жизненных программ – «павловасильевскую серию» из 24 графических листов. Он работал над ней больше двадцати лет и представил её в полном объеме павлодарцам на персональной выставке. На той выставке были и другие его работы, в которых творческая мысль художника замешана так круто, закручена в такую тугую спираль, что трудно отделить, где тут реальность, а где фантазия, где сон, а где явь.

Многие картины Поликарпова – вневременны, в них спрессованы тысячелетия, перепутаны географические ориентиры, смешаны временные пласты. Эта блестящая импровизация не оставляет равнодушным никого, кто способен видеть и чувствовать.

И всё же рисунки, навеянные поэзией Павла Николаевича, всегда будут занимать особое место в творчестве Поликарпова. Поликарповские образы сродни васьковским – летящая по заснеженной степи тройка, оскаленная волчья пасть, хмельная казачья свадьба, нахохлившийся беркут, караваны кочевников, идущие из вечности в вечность...

Графические работы художника по мотивам поэзии Павла Васильева были представлены в ЦДЛ – Центральном Доме литераторов и

Московском художественном театре (МХАТе), других российских городах и многократно – в Казахстане: в Астане и Алматы и не только в них. Это были и другие самые разные его рисунки. А картины после упоминавшейся выставки в ЦДЛ были переданы Российскому Фонду культуры, на что отозвался благодарственным письмом его председатель – академик Д.С. Лихачёв.

Виктор Поликарпов работает и в живописи. Его баянаульские пейзажи с тщательно выписанными деталями отличаются особым, лишь ему присущим почерком.

Возвращаясь к «павловасильевской» теме, нельзя не сказать, что Виктор Фёдорович не только хорошо её знает, но и произносит – как никто другой. На областном радио звучал цикл стихов поэта в великолепном исполнении художника.

А ещё есть у него давняя мечта: превратить нынешний Дом-музей Павла Васильева в оригинальный музейный комплекс – с современным выставочным павильоном и усадьбой, представляющей традиционную усадьбу васильевской поры, со всем ей присущим инвентарём, включая казахскую юрту. И он сам готов включиться в проектирование этого замысла. Но нужны и союзники.

Судьбы поэта и художника, как оказалось, связаны и вовсе поразительным образом. Павел Васильев погиб в 1937 году, а в следующем родился Виктор Поликарпов. Теперь, по прошествии лет, мне кажется, что это не просто совпадение. Поэта и художника роднят вековые традиции евразийства – для них обоих естественно ощущать себя сыновьями древней Великой степи и – одновременно – всего мира.

* * *

Мне общение с Виктором дорого и памятно и нашими совместными выездами на рыбалку. Он учил меня удить язя на хлебную корочку. Мы приезжали утром в село под Павлодаром, спускались через сумрачный – ещё с росой – приречный лес к протоке. Переправлялись на крохотной надувной лодке (а бывало – вплавь или вброд) на противоположную сторону и попадали в другой мир. Мы шли по скошенному пойменному лугу с заново зеленеющей отавой, мимо аккуратных стожков сена, которые сметали на своих покосах местные жители, мимо крохотного озера в низине с неподвижной темной водой... Мы любовались нежно-голубыми с белым отливом цветками цветущего подорожника... (Вы хотя бы раз в жизни видели, как цветет подорожник?) Мы заворачивали к калине – как к его давней знакомой, а от неё

уже было рукой подать до заветного поликарповского «язёвого» места, где с нашей стороны реки почти трехметровый яр и «крутяки» на воде (примета из примет!), а на противоположной – пологая песчаная отмель. Дикие некошенные травы у берега скрывали нас с головой, мы продирались сквозь них, ощущая себя первопроходцами. И вот она – излучина реки, как бок большой и сильной рыбы – с чешуей-рябью из солнечных бликов...

– Ну здравствуй, дядя Иртыш, – говорил Поликарпов и снимал кепку.

...Сколько их было с той поры, этих выездов, не похожих один на другой, когда Виктор Фёдорович сам обустраивал мне рыбацкое местечко, выделял снаряжённую удочку, баночку с червями, прикормку. И приговаривал присказку неизвестного мне знатока рыбной ловли – немца: «Рыпа есть! Пофадку (то есть повадку) знать надо!» А если мы на язя шли, замечал: «За язем поохотиться надо!» И устремлялся туда-сюда с удочкой, возвращаясь с добычей. Случалось, и не было нам рыбацкой удачи. Но как же дороги мне те встречи с Иртышом и его красавицей-поймой, когда она благоухает травами в середине лета или умиротворённо готовится осенью к зиме. Какие это были подарки судьбы!

* * *

Поликарпов из той породы людей, о ком, наверное, почти никто не сможет сказать: я его хорошо знаю. Я тоже не могу этого сказать. Потому что он и правда растёт во все стороны. И он всё время – другой. Как-то зимой я неожиданно получил от него письмо. Оно, на мой взгляд, лучше любых других слов объясняет, где истоки творчества и что есть душа художника...

«...Я знаю, Вам, как и мне, интересны мельчайшие детали происходящего действия, законченное в бесконечном, сегодняшний цвет утра в четверг или в понедельник под звуки любующейся собой степи, неслышного хлопка раскинувшихся облаков, относимых ветром, пахнущим корнями полыни. Жара. Нам можно на минуту стать опять ленивыми, остановиться, расстегнуть ворот и, наклонившись, милостиво позволить муравьям бежать дальше, тащить свою песчинку, суетливо выполнять вечный приказ Прекрасной Заказчицы.

...Слава Богу, можно почувствовать себя великим, помыслить о своей бесконечной значительности, о том, что мы с Вами причастны к созданию этой травы, нежно-желтого аромата болотной ряски, чавканью щекочущей глины, потому что мы были всегда.

Укусим-ка себя, чтобы очнуться, вкрадчиво недоступным паутом!
Ну пусть себе жужжит. Красив, гад!

Полезимся еще, иначе пропустим запах зарывшегося в бурые листья валуя в прохладной тени, окруженного мелкими нарождающимися планетами радости. Выроем пальцами черную землю, там белая крыша груздя. Мы всегда любим этот нежный, почти яблочный аромат гриба.

Это вечно наше.

Не умываем рук, а просто опустим ладони в мелкую рыбёшку, пусть поклюют беззащитные, но доверчивые мальки.

Потрудитесь ещё полениться! Взгляните на недоступно-близкие ягоды шиповника, придумавшие вместе с Вами простой способ защиты: возьми, но уколись; поспешай не спеша; радуйся, пока кружит коршун, благословляя защитную усталость, люби всех богов, которых можешь помыслить...

Грешный, как горсть земли, наивный и скрывающийся, как червь под пальцами, я с радостью иду за Вами вдохнуть зимой морозный воздух сквозь зубы, поскрипеть, провалиться с восторгом, почти по пояс, добираясь до куста по сухому зернистому снегу, чтобы заглянуть в подснежную вселенную, где все мудро, как и везде в Космосе.

Прекрасная Природа, едва взглянув на нас, продолжает мечтательно фантазировать или, чуть прикрывшись, опять просияет лицом от выпроставшегося из-за туч солнца.

Прикроем глаза, поприветствуем благо...

Я любил раньше, нашедши скалу, сидеть, слившись с ней, ощущая воздушные потоки, возносящиеся рядом с ней к небу, и испытывая своей равнинной душой смену совершенно необычных состояний, счастье свободных ассоциаций, разглядывая мир, как лицо любимого человека...»

После этого письма мне стал роднее и ближе мир художника Виктора Поликарпова. Он и пишет так же талантливо, как и рисует, потому что у его таланта один источник – Душа.

* * *

В свои 85 лет Виктор Фёдорович подарил нам ещё один подарок – книгу «Идущему на Восток». У неё своя история. Более полувека назад счастливый случай привёл его в состав экспедиции археологов под руководством академика К.А. Акишева, отправлявшейся на раскопки древнего городища Отрар. Студентами Алма-Атинского худо-

жественного училища Поликарпов был принят в её состав художником. И навсегда «заболел» древней историей степи, совершив тогда же путешествие по древним городам Средней Азии. Остались дневники – летописи живых впечатлений о той поездке. Они и составили эту книгу.

В ней перед нами ещё один – как будто знакомый нам, но и новый Поликарпов – неутомимый исследователь жизни, путешественник. Не созерцатель, а будущий художник, впитывающий в себя неповторимые образы, запахи и краски тысячелетнего Востока.

Никто не посылал его в это путешествие – была такая потребность души. И теперь страницы дневника, который он вёл более чем полвека назад, оживают заново и, как тогда, дышат не только ароматами столетий, но и неубывающей свежестью Востока. И мы вместе с ним открываем для себя древний Отрар; пустыню, через которую вели на Бухару сорокатысячное войско сыновья Чингисхана; Куня-Ургенч с его мавзолеем и Хиву; благородную Бухару...

Там его ждала встреча с удивительным человеком – непревзойдённым знатоком древнего Востока Сергеем Николаевичем Юреневым, жившим на территории действующего медресе в крохотной келье. В книге – подробное описание её, их разговоры, бесценный подарок от Юренева – черепки древней фарфоровой вазы в китайском стиле, из которых Поликарпов позднее воссоздал сосуд заново.

Ещё одна поразительная встреча там же, когда С.Н. Юренева навестили приехавшие в Бухару два профессора Ленинградского университета – Толстой (сын писателя Алексея Толстого) и Калитинский. Помимо прочего, Юренев и Толстой взялись выяснять, какой род древнее, и оказалось – Юреневых. Виктор, которого Юренев представил гостям как своего молодого коллегу, ходил за керосином для Юренева (электричества в его келье не было) и, заплатив 20 копеек за бидончик, вернул десять копеек сдачи... Потом экскурсия, которую провёл для гостей Юренев...

Был ещё Самарканд – город великого Тимура, который подробно описывает путешественник, и возникает ощущение, будто мы ходим по его древним достопримечательностям вместе с ним.

Древний Восток никогда не отпускал художника Поликарпова, как и древняя история степи, тюрков, нашей родины. Виктор Фёдорович – знаток литературы разных времён и народов. Художник тонко чувствует слово. Это ещё один его дар – дар поэта.

* * *

Его мастерская напоминает одновременно небольшую картинную галерею графики и живописи, экспозицию музея старины и уголок производственного цеха с рабочими инструментами и большим копировальным станком. Такие изготавливали когда-то на одном из московских предприятий и отправляли в художественные мастерские. А теперь этот агрегат с внушительным колесом не просто украшает мастерскую, но и регулярно используется художником Поликарповым.

Однако для того, чтобы получить копию готового карандашного рисунка, прежде надо его выгравировать на специальной металлической пластине. Это невероятно кропотливая, филигранная работа. Я, к сожалению, не видел, как она выполняется, зато однажды стал свидетелем изготовления единственной копии. Сначала Виктор Фёдорович колдовал над этим выгравированным листом, добываясь идеальной чистоты поверхности, и только затем наносил на него краску, причём делал и первое, и второе столь тщательно, что мне стало надоедать. А когда он, наконец, прокатал на станке бумажный лист, чтобы получить желанную копию, остался ею недоволен. Я хотел заполучить этот рисунок, но не успел – художник порвал его на моих глазах.

Не менее полутора часов продолжалась эта работа, и вот – всё впустую. Очень нелёгко и непросто труд художника-графика.

* * *

Виктор Фёдорович открывал мне не только древних западно-европейских путешественников, оставивших интересные записки об их походах в Центральную Азию, но и Константина Паустовского, казалось бы, хорошо мне знакомого. А его «Повесть о жизни» стала для меня открытием. Как и письма, статьи, размышления нобелевского лауреата Петра Леонидовича Капицы о науке, образовании, творчестве. Некоторые из них были написаны едва ли не век назад, но они очень современны. Он открывал мне заново поэзию Павла Васильева, Ивана Бунина и Льва Гумилёва. Он как будто дарил их всех мне.

Бывало, мы круто расходились в наших разговорах и оценках (скажем, о советском прошлом) и расставались очень недовольные друг другом, что не мешало и не мешает нам дружить многие годы. А с наступлением лета я с нетерпением жду: ну когда же, наконец, на рыбалку!

Не могу не сказать и о том, что Поликарпов не стал бы тем, кем стал, если бы ему не встретилась такая женщина, как его жена Вера

Ивановна. Она прекрасный музыкальный педагог, талантливая пианистка, первый критик и ценитель всего, что создаёт художник Поликарпов, – безусловный для него авторитет.

Без этой пары вот уже многие десятилетия невозможно представить себе культурное пространство Павлодара. Теперь уже их ученики прокладывают свои пути в творчество, радуя воспитателей.

А Виктор Фёдорович по-прежнему в трудах. Недавно делился со мной своим новым замыслом.

КАЗАХСТАНСКАЯ ШКОЛА

Леонид Константинович Полежаев в особых рекомендациях не нуждается. И не только в России, где он с 1991 по 2012 год возглавлял Омскую область, но и в Казахстане, где начиналась его трудовая биография и где он отмечен высокими государственными и общественными наградами. Более двадцати лет жизни Л.К. Полежаева неразрывно связаны с Павлодарской областью, где он удостоен звания почётного гражданина.

Именно в Казахстане он прошёл такую профессиональную школу, такие университеты, с какими мало что может сравниться. Этим годам жизни и её бесценным урокам Леонид Константинович отдал должное в книге воспоминаний «Путь к себе». Он посвятил её строителям канала «Иртыш-Караганда», который и сам строил, за десять с небольшим лет пройдя в Павлодарской области путь от выпускника гидротехнического факультета Омского сельхозинститута – прораба строительно-монтажного управления треста «Целинградводстрой» – до руководителя крупнейшей стройки не республиканского и даже не всесоюзного, а международного масштаба. В эти годы он во многом сформировался не только как профессиональный строитель-управленец, но и как личность большого масштаба.

Начинал в Баянауле, куда добрался на попутном цементовозе и получил назначение на запущенный строительный участок совхоза «40 лет Октября». Сумел там показать себя и был перенаправлен на такой же участок в совхоз «Жосалинский». Не раз оказывался в непростых

ситуациях, ведь его и там и там бросали на прорыв, но не паниковал – работал, находил общий язык с людьми, добивался результатов.

Однажды зимой, возвращаясь в Баянаул из Павлодара, куда ездил по служебным делам, чуть не замёрз вместе с попутчиками, попав в сильный буран и едва добравшись пешком до Майкаина. Но как бы там ни было, Баянаул остался в его памяти как подарок судьбы.

Из книги Л.К. Полежаева «Путь к себе»: «Каждый, кто хоть раз побывал в этих местах, не может не сохранить навсегда в сердце и в уголке души неизъяснимую прелесть Баянаула... Странное чувство иногда посещает меня: место, куда привела меня судьба, кажется мне гораздо значительней в моей жизни, чем просто строительная площадка. Это словно прародина, своей первозданной красотой учившая меня беречь и воссоздавать для людей неповторимую прелесть, созданную природой».

Недолго, год с небольшим, проработал в Баянауле Леонид и неожиданно для себя был назначен (в 26 лет!) главным инженером областного управления водного хозяйства. Значит, так смог проявить себя, работая в далеко не комфортных условиях, если именно на нём был остановлен выбор.

Из книги Л. Полежаева «Путь к себе»: «С любовью и волнением вспоминаю я Павлодар 60-х, ставший родным, потому что встретил там много интересных людей, нашёл любимую работу. Если бы моя жизнь замыкалась в ограниченном круге коллег-профессионалов, насколько бы беднее она была той, которой я жил. Это была напряжённая духовная жизнь, ибо по счастливому стечению обстоятельств город на Иртыше стал центром притяжения талантливых людей культуры и науки...»

Дальше – строки, посвящённые гремевшему в ту пору Павлодарскому драмтеатру, спектакли которого не пропускали они с женой, актёрам и другим знаковым для области и республики людям... Среди них и Юрий Плотников, работавший тогда в «Звезде Прииртышья» и ставший ему близким товарищем на многие годы.

А из производственников близким человеком стал уже признанный в ту пору председатель колхоза имени 30-летия Казахской ССР Яков Германович Геринг, нашедший в лице молодого гидротехника сторонника и соратника в казавшемся многим прожектёрским проекте орошения тамошних солончаковых засушливых земель подземными водами. И в том, что с годами этот колхоз стал высокоразвитым, процветаю-

щим, известным на всю страну, благодаря тому что здесь орошалось подземными водами из артезианских скважин пять тысяч гектаров земель, есть, безусловно, заслуга и Л.К. Полежаева. Леонид Константинович помогал Я.Г. Герингу чем мог, и они не только сотрудничали, но и дружили до безвременной кончины прославленного председателя колхоза, которому в упоминавшейся книге отведены целые страницы.

То были годы огромного разворота работ в Павлодарском Прииртышье: бурно развивались, становясь индустриальными центрами, Павлодар, Экибастуз, Ермак (ныне Аксу), строился канал «Иртыш-Караганда», крепло технически и организационно сельское хозяйство, обустроивались целинные совхозы, закладывались новые хозяйства в зоне строящегося канала...

Орошению в развитии аграрной отрасли отводилась особая роль, потому что оно уменьшало зависимость земледелия от традиционных летних засух, позволяло устойчиво наращивать кормовую базу для подъёма животноводства. Именно Павлодарская область со временем выдвинется в лидеры орошаемого земледелия благодаря удобному рельефу местности и наличию водных источников – Иртыша, канала «Иртыш-Караганда», подземных вод. Управление водного хозяйства было координатором и двигателем этих масштабных преобразований, и главный инженер облводхоза Л.К. Полежаев набирался на этой должности бесценного опыта, пригодившегося позднее.

Генеральная схема водоснабжения Павлодарской области, которую запоем изучал главный инженер облводхоза, предусматривала расширение орошаемых земель до 300 тысяч гектаров, строительство крупных групповых водопроводов, обеспечивающих иртышской водой самые отдалённые посёлки. Ленинградский институт «Гипроводхоз» и казахстанский его филиал «Гидропроект» вели все работы по научному обоснованию и проектированию новых строек. Ленинградцы даже открыли в Павлодаре свою экспедицию.

Забегая вперёд, скажем, что многое из намеченного было воплощено в жизнь. Можно вспомнить хотя бы групповой водопровод, снабжавший иртышской водой многие сёла Иртышского района, который был доведён до Северо-Казахстанской области. И остаётся лишь сожалеть, что он был бездарно разрушен в постперестроечные годы, и позднее его, притом в куда меньших масштабах, пришлось, по сути, создавать заново.

Л.К. Полежаев на своей новой должности захватил окончание строительства Черноярской оросительной системы, которую позднее на-

зовут «главным огородом» Павлодара. На этом крупном оросительном массиве тогда много чего ошибочно наворотили, что аукнулось в будущем. Но это, впрочем, особая тема.

Очень непростым испытанием для главного инженера стало внедрение непродуманного проекта по строительству в пойме Иртыша искусственных сооружений, которые должны были обеспечить полноценный залив поймы. После того как построили Бухтарминскую ГЭС в верховьях Иртыша, нарушился естественный весенне-летний ход воды, питавшей долину Иртыша. Эти сооружения стали препятствием во время схода льда, образовался громадный ледяной затор. Его взорвали, предотвратив катастрофу с непредсказуемыми последствиями. А Полежаева ожидал жёсткий разбор полётов в обкоме партии, на котором он выступал с отчётом. Обошлось, к счастью, без оргвыводов.

* * *

Главным инженером треста «Целиноградводстрой» Леонид Константинович работал с 1966 по 1972 год.

Дальше – вызов в обком партии и предложение возглавить трест «Иртышсовхозстрой». Полежаев даже не знал, что такой существует в области. И не удивительно: новую строительную организацию ещё только предстояло создать.

Приказ о назначении подписал начальник республиканского главка «Главриссовхозстрой» Э.Х. Гукасов, бывший против: в республиканском ведомстве он получил нелестные отзывы о молодом инженере. Но первый секретарь обкома партии И.М. Буров сказал Гукасову, что в Павлодаре лучше знают кадры и рекомендуют именно его. Пройдёт какое-то время, и Эрик Христофорович Гукасов признает в Полежаеве не только строителя-профессионала, но и соратника – человека, которому будет безоговорочно доверять.

А тогда, на следующий день после назначения, они вылетели с начальником главка, у которого был свой служебный самолёт, в Караганду, где он в обкоме партии представил назначенца, трест которого должен был работать и в этой области. Когда они вернулись в Павлодар, Гукасов подписал приказы об организации четырёх механизированных колонн, автобазы и управления производственной комплектации. Вот как динамично действовал Гукасов, как решал неотложные вопросы. А Полежаев в своей книге напишет: «В течение дня он стал обладателем шести несуществующих производственных структур. Вскоре трест, избежавший болезней роста, заработал в полную силу

и даже завоевал Красное знамя Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР.

На этот трест Л.К. Полежаев был поставлен в 32 года, а уже в 33 ему поручили ещё более крупный – трест «Павлодарводстрой». Наверное, может сложиться впечатление, что всё и всегда шло у него – этого счастливчика судьбы – как по маслу: дела везде и всюду спорились, и должности приходили сами собой – каждая последующая значительнее предыдущей. Хотя это совсем не так. Строительное дело, тем более новое и нестандартное, каким приходилось заниматься Леониду Константиновичу и его коллегам, таило в себе массу неожиданностей, а подчас и крупных неприятностей, о чём ещё будет сказано.

Когда новый управляющий трестом ознакомился с его производственным и финансовым состоянием, он даже пожалел, что принял предложение обкома партии и Гукасова. Но отступить было поздно, и приходилось на первых порах действовать как самому строгому ревизору, многое менять, в том числе и людей в аппарате управления, наводить порядок на объектах. Мало-помалу положение стало меняться, и впервые за шесть лет «Павлодарводстрой» выполнил производственную программу.

Но случались, как это бывает в большом деле, и драматические ситуации. В книге «Путь к себе» есть эпизод, когда её автор, уже известный не только в области, но и в республике строитель, возвращаясь из отпуска домой, с удивлением увидел, что его встречает в аэропорту жена с двумя их маленькими сыновьями. У них в семье подобное не было заведено, и жена со слезами на глазах объяснила: не надеясь его больше увидеть, приехала сама и привезла детей, чтобы попрощаться, потому что главу семейства должны посадить в тюрьму.

Оказалось, размыло плотину речки Ащису, которая пересекает канал «Иртыш-Караганда». Плотину же строители треста построили как раз для того, чтобы непредсказуемая во время паводков речка не размывала русло канала. Но строители тут были ни при чём, и это удалось доказать в ходе дальнейших разборок, хотя разного рода коллизии и неприятности будут возникать в жизни Л.К. Полежаева ещё не раз.

Объекты «Павлодарводстроя» находились подчас за сотни километров друг от друга. Это были орошаемые массивы и другие стройки, подводящие каналы и разводящие оросительные сети, в том числе в зоне канала «Иртыш-Караганда», по которому уже пошла вода. Там были построены новые совхозы: имени Гагарина, «Пригородный»,

«60 лет Октября» – в Павлодарской, а также «Казахстан», «Мирный», «Звезда» – в Карагандинской областях.

Первый опыт использования подземных вод для орошения, уже отлично зарекомендовавший себя в колхозе имени 30-летия Казахской ССР, Л.К. Полежаев перенёс в хозяйства Качирского и Павлодарского районов. Подземные воды использовали для разных нужд более десятка совхозов.

Большим и очень важным делом стал проект создания Шидертинской системы лиманного орошения. Её особенностью было то, что она имела самотечный канал протяжённостью более семидесяти километров, отходящий от магистрального «Иртыш-Караганда». Проект был очень интересен самому Полежаеву, потому что канал пролегал большей частью в скальных грунтах, с чем он до этого практически не сталкивался. Местами трасса пролежала через солончаки, что создавало дополнительные сложности. Леонид Константинович этим проектом настолько увлёкся, что лично занялся его конструкцией и на три долгих года связал себя с необычной стройкой. Не раз встречался с проектировщиками, другими специалистами, директором «Ленгипроводхоза» Н.И. Воробьёвым.

И как раз в это время получил неожиданное предложение в Министерстве мелиорации и водного хозяйства СССР – поучаствовать в освоении Нечернозёмной зоны Российской Федерации. Его уже неплохо знали в этом союзном ведомстве и предложили возглавить в Москве крупное, только что организованное с этой целью подразделение. Леонид Константинович решил посоветоваться с людьми, которым очень доверял, – Я.Г. Герингом (они стали по-настоящему близки) и Э.Х. Гукасовым. Первый дал понять, что не одобряет переход на новую работу, а второй – «большой шеф» – возмутился, сказал – ни за что не отпустит, тем более что у него на Полежаева другие планы. И сомнения отпали сами собой.

Э.Х. Гукасов решил, что пора Леониду (так он его называл в знак особого расположения) выходить на всесоюзную арену – предложил должность начальника строительства канала «Иртыш-Караганда». Он же себя в этой должности не видел, особенно в сравнении с бывшим главным строителем канала И.Н. Зборовским. И потом, «прыжок» от треста с 12-13 миллионами рублей освоения (что, конечно, немало) до программы под 50 миллионов – это огромная дистанция. И ещё не был закончен Шидертинский канал – его любимое детище. Гукасов согла-

сился, что «канал надо добить», добавив, что потом – уже никаких отказов.

1976 год в «Павлодарводстрое» объявили годом Шидертинского канала. Работали ударными темпами, стройку завершили, хотя опять возникла нестыковка в работе двух проектных организаций, что сказалось на практике. Но это, опять же, особая история, подробности которой мы опускаем. Как бы там ни было, в середине июня был подписан акт о вводе канала в эксплуатацию.

Было трогательное прощание со ставшим Леониду родным коллективом треста, а провожать теперь уже бывшего управляющего в Караганду отправилась до Калкамана целая кавалькада машин. Впереди его ждали новые трудные испытания.

* * *

К этому времени первую очередь канала «Иртыш-Караганда» уже приняла в эксплуатацию госкомиссия Госстроя СССР, а затем это решение было утверждено постановлением Совета Министров СССР. Рукотворная река действовала, давала воду городам и сёлам, но стройка продолжалась. Предстояло проложить канал дальше – для водообеспечения Джезказганской области. И опять это была задача со многими неизвестными, в ходе которой предстояло подать иртышскую воду по руслу реки Нуры до села Самарского, где создать водозаборный гидрозел. Дальше – открытый канал в речку Актесты, правый приток реки Сарысу. Здесь предстояло построить пять насосных станций, поднимающих воду на высоту 120 метров, создать регулирующее водохранилище объёмом 70 миллионов кубометров и ряд других сооружений. Дальнейший транспорт воды должен был осуществляться системой водоводов разных видов. Срок строительства был определён в семь лет.

Не удовлетворившись докладами подчинённых о положении дел на стройке, Л.К. Полежаев проехал по всей трёхсоткилометровой трассе будущего канала и только потом понял смысл напутственных слов Э.Х. Гукасова: «Ну, теперь держись, Леонид!» Держаться было не за что – повсюду царили развал и хаос: остановившиеся экскаваторы, разбросанные стройматериалы, затопленные котлованы. В разговорах со строителями Леонид Константинович явно чувствовал неприкрытую неприязнь к начальству.

Сложность была и в том, что вторая очередь Канала (отдавая значимость ему и дань уважения тем, кто его создал, Полежаев пишет его в книге с большой буквы) таила в себе даже бóльшую сложность, чем

первая. Его трасса уходила от обжитых мест, городов и посёлков в безлюдные просторы Сары-Арки, где не было дорог, линий электропередач, воды. Добавьте сюда неустроенный быт, плохое снабжение.

Стройку предстояло заново возвращать к жизни, что тоже оказалось очень непросто. Новый начальник встретил явное и скрытое сопротивление значительной части руководящего состава «Иртышканалстроя». Не было нормального учёта поступающих на стройку товарно-материальных ценностей, контроля за расходованием огромных средств, выделяемых «Иртышканалстрою». Стройка, пишет в своей книге Л.К. Полежаев, была окутана десятками невидимых махинаторских связей, действовал некий закулисный дьявольский механизм её использования в корыстных целях. Решивший пресечь злоупотребления начальник стройки сталкивался с противодействием. На него косяком пошли анонимки – в Алма-Ату и Москву, в самые высокие инстанции – в ЦК Компартии Казахстана, ЦК КПСС, Комитет партийного контроля, прокуратуру. В них начальника стройки обвиняли в разбазаривании материальных ресурсов, присвоении средств, злоупотреблении властью. К нему зачастили проверяющие – не успевал отписываться. Ему вlepили строгий выговор по партийной линии за неправильную кадровую политику.

Спасала, как уже не раз бывало до этого, работа по 18-20 часов в сутки, благо, сил хватало. Мотался по трассе, люди это видели, менялось и их отношение к делу. Стал избавляться от руководящего балласта. Подтягивал к себе союзников – прежних и новых. Стройка наконец задышала, выросли объёмы работ. Но чего же всё это стоило!

Недавно в Павлодаре, в узком кругу за дастарханом, Леонид Константинович рассказывал, как стройку пополняли рабочей силой. В Шидерты прибыл специальный эшелон с Севера с расконвоированными заключёнными. Дело шло к ночи, их надо было накормить. Едва завели «этап» в столовую, погас свет. Как потом оказалось, совсем не случайно. Потому что сразу после его включения в столовой обнаружилось несколько трупов. Кто-то с кем-то сводил давние счёты. Из песни слов не выкинешь: на великих стройках, и не только в сталинские времена, работал «спецконтингент». Леонид Константинович вспоминает теперь тот случай как казусный, а тогда получил взыскание за неудовлетворительную воспитательную работу с кадрами.

«Большой шеф» Э.Х. Гукасов помогал стройке чем мог: стройматериалами, финансированием, по-своему опекал, и основная строитель-

ная база стала укрепляться. Но возникали и непредвиденные масштабные проблемы: так, Минздрав СССР дал резко отрицательное заключение проекту второй очереди канала в связи с тем, что на его пути, в Темиртау, располагался большой завод по производству азота и карбида, который не имел очистных сооружений и сбрасывал отходы в реку Нуру. Она же должна была стать частью нового канала. После долгих переговоров Минздрав дал разрешение на продолжение работ, но использовать канал только для промышленного водоснабжения. Вникнув сам в ситуацию, Л.К. Полежаев нашёл своё решение этой многослойной проблемы, связанной также с освоением бассейна Нуры для орошаемого земледелия, предложив быстрое строительство гидроузла в створе между двумя уже построенными. Так родилась идея возведения Интумакского водохранилища, разом снимавшего, по глубокому убеждению Л.К. Полежаева, все экологические проблемы. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается: понадобилось долгих четыре года, чтобы убедить проектировщиков и водохозяйственные ведомства в насущной необходимости этого объекта.

Тем временем руководство Карагандинской области, которая уже получила воду из Иртыша, волновало не столько строительство второй очереди канала, сколько завершение строительства совхозов, возникших на трассе первой очереди. А для их обустройства тоже нужно было очень многое сделать. Полежаева не раз заслушивали по этому поводу на бюро обкома, и раз за разом тон обсуждения становился жёстче. И как ни сложно приходилось, забегая вперёд, скажем: всё это также было сделано, и Карагандинская область стала, наконец, не только полностью себя обеспечивать картофелем и овощами, выращиваемыми на поливе, но и поставлять картошку в другие регионы.

* * *

Проблемы на одной из главных строек республики возникали очень часто. И, как правило, одна тянула за собой другую. Так, пока улаживали очень и очень непростую ситуацию с Минздравом СССР, о чём уже шла речь, возникла вполне реальная опасность законсервирования на неопределённый срок строительства второй очереди канала. Сократили финансирование стройки Министерства чёрной и цветной металлургии СССР. И никакие письма в Москву, инициированные Полежаевым – от обкома партии, «Главрессовхозстроя», как и его собственные обращения в ЦК Компартии Казахстана, не помогали. И тогда он стал действовать, как это уже не раз бывало, на свой страх и риск: добился

встречи с союзными министрами, смог их убедить, и деньги на стройку пошли, но не хватало материалов. Начальник стройки снова обивал пороги, чем-то помогал «Главриссовхозстрой». Стройка продвигалась, но темпы работ Полежаева не устраивали.

И тут, если так можно сказать, помощь пришла, откуда не ждали – от собственного корреспондента «Правды» М.Н. Полторанина. Историю первой очереди канала он хорошо знал, и когда они впервые встретились, уже на джезказганском склоне, Леониду Константиновичу было очень легко разговаривать с журналистом: он был настолько «в теме», что казалось, не меньше начальника стройки болел её проблемами. И когда в главной газете страны появился цикл публикаций под заголовком «Голубая трасса», многие ведомства волей-неволей стали поворачиваться лицом к «Иртышканалстрою». Со временем М.Н. Полторанина переведут в аппарат «Правды» в Москву, затем он станет соратником первого российского президента Б.Н. Ельцина, министром и даже вице-премьером его первого правительства. Но, не сойдясь с командой Ельцина во многих подходах, её оставит и годы спустя напишет зубодробительную книгу о Ельцине и его окружении под названием «Власть в тротиловом эквиваленте». Но это уже другая история.

А на стройке дело пошло быстрее после того, как Полежаев, ломая традиционные подходы, когда пусковые комплексы вводятся в строй поочерёдно, предложил первым готовить к сдаче пусковой комплекс в средней части канала, в двухстах километрах от головных сооружений. Многим идея показалась ненормальной и дикой, но у начальника стройки были свои убедительные резоны, его в очередной раз поддержал Гукасов, включил свои рычаги, и работа пошла полным ходом.

В конце 1981 года рабочая, а затем и государственная комиссия подписали акт о приёме первого пускового комплекса, что позволяло форсировать дальнейшее строительство трассы. Но до цели оставалось ещё сто километров, и канал на этом отрезке должен был проходить не в открытом грунте, а по трубам большого диаметра. И с ними тоже пришлось помучиться.

Напряжение нескольких лет, и особенно предпусковых дней и ночей, не могло не сказаться даже на его, казалось бы, не знавшем усталости и сбоев организме – Полежаев попал в больницу. После лечения взял отпуск.

До этого ему не раз предлагали перебраться в Москву, затем в Брянск, соблазняли проектом переброски части стока сибирских рек на юг. Он обещал подумать, а вернувшись в Караганду, начисто забывал об этом, настолько его затягивала в свою орбиту стройка.

Вот строки из его книги «Путь к себе»: «Стройка была для меня живым организмом, неким многообразным живым существом, управление которым с помощью всевозможных рычагов требовало гибкости, мобилизации всех сил, напряжения... Включаясь в жизнь стройки, я забывал о нездоровье, она рождала во мне какой-то повышенный тонус, увеличивая градус душевного здоровья, устранившего все хвори и ненастья...» И дальше – о тех, с кем работал: «Мы были первопроходцами, за нами шли тысячи людей, обновляющих этот пустой край, и что могло быть прекраснее, чем оставить после себя для этих людей красивые посёлки, водоёмы с пресной водой, полные рыбы, хорошие дороги... Я с благодарностью вспоминаю сотни людей, труд которых навечно воплощён в сооружениях Большого Канала. Придёт время, и история востребует имена первопроходцев, усилиями которых создавался этот уникальный объект».

Добавлю от себя: канал, который носит теперь имя академика К.И. Сатпаева, эта уникальная гидротехническая жемчужина, преобразившая Центральный Казахстан, – и сегодня, более полувека спустя, продолжает служить миллионам людей. Это ещё и величественный рукотворный памятник, который оставили после себя его строители, и среди них особое место занимает Леонид Константинович Полежаев.

* * *

Но тогда, в начале 80-х годов прошлого века, работы на второй очереди канала продолжались. А в Министерстве мелиорации и водного хозяйства СССР продолжали настаивать на его новой работе, в «Главчерноземстрое». Речь шла о необходимости форсирования проекта по переброске части стока сибирских рек в бассейн Волги. И он согласился. Но об этом стало известно в ЦК Компартии Казахстана, куда срочно вызвали Полежаева. Ему была предложена должность первого заместителя председателя Карагандинского облисполкома. После хождения по другим кабинетам его принял Первый секретарь ЦК, член Политбюро ЦК КПСС Д.А. Кунаев (ему Леонид Константинович не единожды показывал до этого свои объекты), сказавший: «В России Полежаевых много, а в Казахстане вы такой один, и мы хотели бы, чтобы вы продолжили работу в Караганде».

Из «Иртышканалостроя» Л.К. Полежаев уходил с предчувствием большой потери, и прощание со ставшим родным коллективом далось нелегко. К новой должности долго не мог привыкнуть – чувствовал себя, как говорят, не в своей тарелке. Почти все решения приходилось согласовывать если не с председателем облисполкома, то с первым секретарём обкома. Но втягивался в проблемы – областные, городские. Взялся за перезревшую проблему горячего водоснабжения Караганды. По просьбе первого секретаря обкома А.Г. Коркина завершал непрофильный «долгострой» – и карагандинцы получили новое оригинальное здание цирка, после чего нагрянула московская комиссия проверять затраты на это строительство. Хорошо ещё, возглавлял её вменяемый человек, и обошлось без последствий.

Дальше перестройка с шараханиями её лидера М.С. Горбачёва. Его величественная программа жилищного строительства, обещавшая до 2000 года каждой семье благоустроенную квартиру или дом. В Карагандинской области претворять её в жизнь должен был первый зампред облисполкома, курировавший строительство. Ему, как никому другому, прошедшему огонь и воды в строительном деле, было очевидно: ни мощностей стройиндустрии, ни мощностей подрядных организаций, ни средств на осуществление этой очередной горбачёвской утопии не хватит. И он прямо сказал первому секретарю обкома А.Г. Коркину, что всё это смахивает на авантюру. Но тому было деваться некуда, и он сказал – готовить программу для утверждения на бюро обкома, раз есть такая установка ЦК КПСС.

Много чего ещё происходило в те несколько лет, не добавлявшего оптимизма, пока он в феврале 1987 года не обратился к руководству Омской области с просьбой дать ему там любую работу, учитывая прежний опыт инженера-гидростроителя. Поехал на переговоры – предложили принять участие в разработке и осуществлении проекта Южно-Омской оросительной системы, где предстояло строительство множества водохозяйственных объектов. Он дал согласие, не зная, что его ждёт в Казахстане. А там, учитывая прежние заслуги, ему предложили должность секретаря обкома партии. Полежаев отказался, в Караганде написал заявление об освобождении от должности и просьбу о снятии с партийного учёта. В облисполкоме, где он проработал пять лет, устроили скромное прощание, а в аэропорт, откуда улетал, проводить его, кроме сослуживцев, никто из областного руководства не приехал... Начиналась другая и совсем новая полоса жизни...

* * *

Не стану подробно описывать российский период жизни Л.К. Полежаева, который оказался вполне успешным, но отнюдь не был усыян розами, а нередко, скорее, – шипами. Когда его утверждали на сессии областного Совета депутатов в должности начальника областного управления водного хозяйства, кто-то из зала выкрикнул: «Утвердить только после того, как зароет канал обратно!» В Омске к тому времени сложилось и до сих пор бытует предубеждение о том, что канал «Иртыш-Караганда» частично обезводил Иртыш, из-за чего страдает и Омская область. Хотя на самом деле это не так. А тогда реплика вызвала смех в зале, обстановка разрядилась, и назначение состоялось. В Омской области долгое время дебатировалась идея создания огромной Южно-Омской оросительной системы для развития кормопроизводства и выращивания зерновых на поливе. Предлагалось даже перекрыть с этой целью Иртыш, создать водохранилища, откуда орошать 300 тысяч гектаров земель. Опять же забегая вперёд, скажем, что орошение в области успешно развивается (чему немало поспособствовал и Л.К. Полежаев), но не через этот мегапроект.

А тогда с присущей ему энергией включился в работу. В мою задачу не входит описание дальнейшей карьеры Леонида Константиновича. Скажу лишь о главном. В 1989 году он – начальник главного планово-экономического управления – заместитель председателя облисполкома; в 1990 – председатель облисполкома; в 1991 – глава Омской областной администрации; затем – до 2012 года – губернатор Омской области. Избирался депутатом Совета Федерации парламента России; с 1995 по 2012 год – сопредседатель Совета администрации (губернаторов и акимов областей) приграничных территорий России и Казахстана.

Награждён государственными наградами СССР, Российской Федерации, Республики Казахстан.

После завершения срока полномочий губернатора Л.К. Полежаев возглавил созданный им фонд «Культурное наследие», который проводит большую общественно-просветительскую работу.

* * *

И в советские времена, и в новые первые лица регионов (те же первые секретари обкомов и крайкомов партии, губернаторы) редко оставались и остаются в родных пенатах, уходя со своих постов. Была такая возможность и у Л.К. Полежаева – перебраться в ближнее Подмосковье, да и в Москву, если бы захотел. Но он не захотел и остался

в Омске, что тоже не худшим образом его характеризует. Как и то, что, вернувшись в Россию, никогда не порывал своих связей с Казахстаном, и особенно с Павлодарской областью, где начинал свой трудовой путь.

В тяжёлые девяностые годы, когда могли остаться без угля тепловые станции и энергоцентраль Омска, приезжал в Экибастуз и договаривался о поставках. Нечем было платить, заключали бартерные сделки – всегда находили общий язык.

А когда останавливался наш нефтеперерабатывающий завод в те же годы из-за прекращения поставок тюменской нефти, павлодарцы поехали за помощью к Полежаеву. Он не только их принял радушно, но и полетел вместе с ними в Тюмень, чтобы решить проблему на месте с тамошним губернатором. И вопрос был снят – нефть на павлодарский завод пошла.

В середине девяностых годов соседние области были охвачены «серым пожаром» – нашествием саранчи. С ней, объединив усилия, боролись вместе на приграничных территориях.

Можно приводить и другие примеры. Многие павлодарцы в те же девяностые годы и позже проторили дорожку в Омск, где Л.К. Полежаев помогал им обустроиться, найти работу. Не все из них оказались впоследствии благодарными, но пусть это останется на их совести.

Казахстан не забыл о заслугах Полежаева-строителя: он награждён Государственной премией мира и согласия, учреждённой Н.А. Назарбаевым, и орденом «Достык». Почётный гражданин Павлодарской области. В своей книге он приводит десятки имён павлодарцев, оставшихся в его благодарной памяти. Это и первый секретарь обкома И.М. Буров, и другие руководители, его коллега Ж.Р. Рамазанов, с которыми они поддерживали контакты и учредили ассоциацию «Ұлы Ертіс» – «Великий Иртыш», чтобы сохранить эту трансграничную реку. Годы дружбы связывают Леонида Константиновича с Евгением Григорьевичем Азаровым. Оба они – строители с большой буквы.

Недавно мы с Е.Г. Азаровым получили от фонда Л.К. Полежаева бесценный подарок – уникальное издание книги, приуроченной к 150-летию Омского драматического театра. Такая же вручена директору Павлодарского драмтеатра имени А.П. Чехова В.А. Аввакумову – в знак благодарной памяти государственного и общественного деятеля России о спектаклях театра, завсегдаем которого он был в середине 60-х годов. Благодарная память – это то, что во все времена делало и делает нас людьми.

ХЛЕБОРОБ НОМЕР ОДИН

Самая земная из всех земных картин – пшеничные поля от горизонта до горизонта. Во все стороны, куда хватает взгляда, – хлеб, хлеб, хлеб. Это самая что ни на есть казахстанская глубинка, север Павлодарской области на границе с Россией. И самое крупное в области зерновое хозяйство – ТОО имени Абая. Его руководитель Николай Александрович Миллер работает на здешней земле более полувека. А общий стаж хлеборобской династии Миллеров значительно превышает сто лет.

– У нас же фамилия хлебная, – говорит Николай Александрович, – «миллер» в переводе с немецкого мельник.

Эти прииртышские просторы начали массово осваивать для земледелия российские переселенцы в начале прошлого века. Были среди них и предки Н.А. Миллера по материнской линии Журавлёвы. А другие, по линии отца, оказались здесь не по доброй воле – были депортированы из республики немцев Поволжья в начале Великой Отечественной войны. Познали холод и голод, могли и не пережить выпавших на их долю лишений, если бы будущий отец Николая Александр Александрович Миллер не смог, освободившись из, как её тогда называли, трудармии, вернуться к своим и, по сути, спас их от голодной смерти.

Он был уже по тем временам высококласным трактористом и комбайнёром, мастером на все руки, получал за свои труды в машинно-тракторной станции (МТС) натуроплату, помогал односельчанам ремонтировать домашнюю утварь – лудил и паял, став своим среди них

и, конечно, главной опорой для своего семейства и другой родни. Так Миллеры благодаря ему выжили в годы войны.

Со временем его назначили бригадиром крупной тракторно-полеводческой бригады, которая засеивала до десяти тысяч гектаров зерновых культур, заготавливала в степи сено для совхозного скота, выполняла другие работы. Эта бригада была одной из лучших в здешнем хлебоборбском краю – подразделением высокой культуры земледелия, получала в благоприятные по погодным условиям годы на паровых полях, засеянных элитными семенами, до 40 центнеров отборного зерна с гектара. Миллера-старшего даже к званию Героя Социалистического Труда представляли, но не утвердили в высших инстанциях по двум мотивам: во-первых, он был из депортированных немцев, а во-вторых, имел всего четыре класса образования...

В селе Артёмовка, отделении совхоза имени Пушкина, связали свои судьбы Александр Миллер и Надежда Журавлёва. Он, уже было сказано, бригадир тракторной бригады, она – овощеводческой. Здесь родились у них четверо детей: три сына и дочь.

Старший, Александр, и второй, Николай, пошли по стопам отца. Первый выбрал профессию агронома – закончил Омский сельскохозяйственный институт. Второй после окончания восьмилетки пошёл в Щербактинский техникум механизации и электрификации. Оба, как и другие дети, были с детства приучены к труду, чтити отца с матерью – уважаемых на селе людей, дорожили авторитетом семьи. И доказывали это делом. Александр стал главным агрономом крупного зернового совхоза. Николай, пройдя выучку в отцовской бригаде на производственной практике, поработав трактористом и комбайнёром, после окончания техникума (ему он также остался благодарен на всю жизнь) доказал свою состоятельность на должностях инженера по технике безопасности, заведующего МТМ – машинно-тракторной мастерской, инженера по эксплуатации техники, инженера-контролёра. Всё это – в совхозе имени Пушкина. Вполне заслуженным стало назначение его главным инженером другого крупного хозяйства – совхоза имени Абая, с которым так или иначе отныне будет связана вся его дальнейшая судьба.

Но прежде о ещё одной важнейшей странице биографии Н.А. Миллера, без которой он бы не стал тем, кем стал, – о службе в армии.

* * *

Его определили в подводники, чему способствовали два главных обстоятельства: хорошая техническая подготовка (техникум закончил)

и подходящие «габариты» – оптимальное сочетание роста и веса, что было очень немаловажно для пребывания в подводной лодке и передвижения по ней. Служить довелось на Северном флоте. Но прежде опять была учёба со сдачей экзаменов государственной комиссии и строгая медицинская комиссия. А дальше – служба на атомной подводной лодке (АПЛ). Это была элитная, секретная воинская часть. Подводники не имели права никому говорить, кто они, просто моряки Северного флота.

После учебного отряда на суше и экзаменов – новая учёба, уже на самой АПЛ: изучение боевого поста, самоуправление им. Атомная подлодка, на которой служил матрос Северного флота Миллер, считалась самой современной. Её ядерным реактором – главной энергетической установкой – управляли только офицеры, а он служил дежурным электриком-оператором. Дежурства – непрерывные, круглосуточные, три вахты. На троих электриков полагалось два спальных места – подвесные топчаны. Один человек на вахте, двое отдыхают. Такой же распорядок и у других «срочников». Весь экипаж вместе в походе никогда не собирается.

Николаю Александровичу за свою службу дважды довелось участвовать в «автономках» – дальних походах. Один был через Атлантический океан в Средиземное море. Сложность его была ещё и в том, что и советским, и НАТОвским подлодкам международными договорами запрещалось появляться в Средиземном море. Но проскальзывали! Там советская подлодка выполняла боевую задачу – скрытое преследование авианосца США. И она была выполнена.

После «автономки» полагался отпуск. И во время него Николай познакомился со своей будущей женой Тamarой, приехавшей из Иртышска и работавшей в сельской школе учительницей. Был потом и второй отпуск, когда они поженились. Он привёл молодую жену в родительский дом жить, а сам уехал дослуживать. И вышло так, что как только вернулся из отпуска, снова ушли в длительное автономное плавание.

Было у подводников правило: перед таким походом писали письма родным, предупреждая о том, что какое-то время от них не будет известий. Николай же в этот раз не успел – очень быстро всё произошло, и родные его потеряли на несколько месяцев.

Их АПЛ отправилась к берегам США, в Саргассово море, известное по приключенческим книгам тем, что оно буквально кишит водорослями и рыбой. А это акустикам подлодки доставляло дополнительные

трудности. Боевое дежурство несли и у побережья Майами. И – так уж вышло – старший матрос Миллер однажды ночью будет проходить через центральный пост. Командир боевого корабля, поднявшегося на перископную глубину, капитан первого ранга А.М. Евдокименко оторвался от перископа, предложил посмотреть и ему, заметив, что такого он больше не увидит.

Была ночь, а Николай увидел очертания большого города, залитого огнями. И был потрясён этой картиной. В Америке он окажется десятилетия спустя и совсем по другому поводу – уже как руководитель крупного многоотраслевого хозяйства, но до Майами, который он той ночью наблюдал, они, правда, не доедут.

На память о том сверхдальнем многодневном и многотрудном походе сохранились у него три реликвии. Первая – благодарственное письмо: «Старшему матросу Миллеру Н.А. – за бдительное несение ходовой вахты и высокие показатели в социалистическом соревновании между боевыми сменами. 22 августа 1971 года. Атлантический океан, глубина 110 метров. А. Евдокименко, командир войсковой части (корабля), капитан первого ранга».

Вторая реликвия дорога тем, что получил в том походе первое в своей жизни удостоверение о рационализаторском предложении: «Старший матрос Миллер Н.А., в/ч 69090. «Изменение конструкции крепления крышек маслоохладителя».

Участникам того самого длительного на то время автономного плавания полагался специальный значок, который сберёг Николай Александрович и до сих пор носит на парадном пиджаке по особо торжественным случаям, отдавая предпочтение ему, а не другим наградам, которых он удостоен за свой труд.

И ещё та «автономка» запомнилась ему тем, что на подлодке был выпущен специальный номер стенгазеты под названием «Миллер против Миллера». А суть в том, что одним был старший матрос Миллер, а другим – вице-адмирал США Миллер, командовавший Вторым Атлантическим флотом США и ударными силами НАТО в Атлантике. Вот какой чести был удостоен парень из казахстанской глубинки!

И вот, наконец, возвращение домой, на базу. Почтальон тащит две сумки с письмами: одну большую – для всего экипажа и другую, поменьше, лично для Миллера. Это жена старалась – часто писала. Там сначала – ласковые, нежные слова, а потом – обиды и недоумение. И её можно было понять: женился – и как в воду канул. Хотя в этом случае

так и было: ушёл под воду, и надолго. Он, прочитав часть их, взялся за отцовские. Отец ему вообще-то никогда не писал, а тут со своим четырёхклассным образованием прислал сразу несколько писем и, конечно, с упрёками: зачем женился, Тамару в дом привёл, если жить с ней не собирался?

Николай по своей наивности понадеялся на то, что командование каким-то образом сообщит родне – мол, не будет от него какое-то время вестей, находится на задании и т. д. Пошёл к замполиту: вы мне, выходит, семью разрушили, объясняйтесь теперь с моими как хотите... И домой тут же ушло письмо с благодарностью родителям за воспитание сына, который образцово несёт службу и не виноват в том, что не подавал о себе вестей. Но, конечно, без упоминания об автономном походе.

В той «автономке» экипаж находился под водой без всплытия 68 суток. Позднее были проведены специальные медицинские исследования другого экипажа после трёхмесячного автономного похода, которые установили у 80 процентов подводников серьёзные функциональные отклонения. И даже после лечения в специализированном санатории у половины экипажа эти отклонения не исчезли, а приобрели необратимый характер.

Вывод медиков: организм не выдерживает столь длительного состояния изоляции – без контакта с окружающей средой. Экипаж ограничен пространством: койка-боевой пост-столовая-койка. Отсюда и необратимые отклонения в живом организме. Даже космонавтам в длительном полёте легче – они могут Землю и окружающее её пространство в иллюминаторе видеть, чего лишены подводники.

Была и драматическая страница во время службы Николая. Их подлодка после напряжённых учений в Баренцевом море, возвращаясь на базу, столкнулась с другой, которой никак не должно было быть в том районе. В результате у их лодки снесло половину ограждения рубки. Верхний люк рубки был сдвинут набок, и её заполнила вода. Но, судя по всему, досталось и (тогда ещё неизвестной) виновнице столкновения: она оказалась частично пропорота. И хотя главнокомандующий Военно-Морского Флота адмирал С.К. Горшков, выслушав доклад командира подлодки, решил, что он в случившемся не виноват, командование Северным флотом «на всякий случай» позже объявило А.М. Евдокименко о неполном служебном соответствии.

Правду узнали годы спустя: с советской столкнулась американская АПЛ, которая получила тяжёлые повреждения и потом никак не могла

всплыть. При столкновении погиб один американский подводник. А на восстановление подлодки были потрачены большие деньги. Американцы же считали, что экипаж советской АПЛ погиб.

Об этом, как и об автономных плаваниях, написал в своей книге «Дифферент на корму, или Как это было» контр-адмирал Александр Маркович Евдокименко, под началом которого довелось служить Николаю Миллеру и с которым он мечтал встретиться. Готов был принять его в своём хозяйстве или, учитывая возраст командира, поехать к нему в Белоруссию. Но некоторое время назад командира не стало. Зато стоит в рабочем кабинете бывшего старшего матроса Северного флота Николая Миллера макет атомной подводной лодки – уменьшенная копия той, на которой они вместе служили. Те три года приучили парня к дисциплине и ответственности, готовности бороться за живучесть всего, за что он должен отвечать. И это очень пригодилось ему в дальнейшей жизни.

* * *

После службы Николай склонялся к мысли перебраться в Набережные Челны: там как раз создавался автомобильный завод (КамАЗ), и работа бы нашлась. Но когда сказал об этом отцу, тот с явной обидой ответил: «Если не можешь устроить жизнь здесь – езжай». Не хотел, конечно, его отъезда – видел в сыне своё продолжение. А дальше был уже приведённый список должностей, которые прошёл новоиспечённый главный инженер совхоза имени Абая.

Приказ о назначении Н.А. Миллера на должность подписал начальник облсельхозуправления К.А. Жумабеков. Представительный, седой, наставлял по-отечески, доброжелательно:

– Получаешь с этим назначением ключи от всей своей дальнейшей жизни. Дальше всё от тебя зависит: работай, находи общий язык с людьми, учись... И всё тогда получится.

И вот первый рабочий день, который он хорошо запомнил, – 13 сентября 1976 года. Разгар уборки, а на ходу всего 23 комбайна из 105 числившихся. Дела в этом дальнем крупном степном хозяйстве были сильно запущены. Посевные площади – под 30 тысяч гектаров, техники – тракторов, зерновых комбайнов, грузовых автомобилей – за три сотни единиц. Но если с посевной и заготовкой кормов справлялись сами, то на уборку всякий раз, а в урожайные годы особенно, помощь присылали со стороны: комбайнёров, студентов для работы на току. За тысячи километров гнали в хлебные районы целые автомобильные роты и батальоны для перевозки зерна от комбайнов. Казалось бы,

огромная сила. Но те же военные бортовые машины брали по полторы тонны зерна, а плечо перевозки достигало десяти-пятнадцати километров, и разгружать их надо было вручную. Совхоз в пору жатвы напоминал растревоженный муравейник. Наладить чёткую работу этой разношёрстной «армии», эффективно управлять ею было очень сложно.

Но многое руководителю технической службы Н.А. Миллеру удавалось сделать – на пару с тогдашним директором совхоза Николаем Терентьевичем Руденко. Был и надёжный костяк механизаторов во главе с опытными бригадирами тракторных бригад, толковые специалисты среднего звена. Стали создавать комплексные механизированные отряды со специализированными звеньями – основными и вспомогательными. Не всё и всегда шло гладко, но меньше становилось штурмовщины и неразберихи в страдное время.

Отладили ремонтную службу, у которой были специализированные автомобили со сваркой. Мелкий и даже средний ремонт проводили прямо в поле, а для более серьёзного создали при совхозной мастерской специальный обменный фонд – запасных двигателей для тракторов и комбайнов, а также коробок перемены передач, других основных узлов и агрегатов, которые чаще всего выходили из строя. Всё это было не новое, а реставрированное, но рабочее. За одни сутки могли заменить застучавший двигатель трактора.

Сложнее было решить проблему нехватки комбайнёров. У них сезонная работа, и сельский механизатор поневоле становился «много-станочником»: он и тракторист, и комбайнёр, и ремонтник, а кто-то и водитель грузовой машины по совместительству. Ещё и поэтому во время уборки многие комбайны оказывались на приколе, приходилось звать на помощь комбайнёров отовсюду. И люди ехали – подчас не за сотни даже, а за тысячи километров. Технику не особенно жалели, ведь приезжали чаще всего лишь на один сезон.

И тогда в Иртышском районе попытались решить проблему кардинально – готовить собственный резерв кадров из местных, кто мог оставить основную работу на время уборки и встать за штурвал комбайна. Таких оказалось не так уж мало, и комбайны за ними закреплялись на постоянной основе: это были школьные преподаватели, конторские служащие и работники культуры. Они же после уборки сами готовили комбайны к будущей жатве.

В корне это проблемы не решило, но явный сдвиг наметился. Как и в работе с зерном на току – с разгрузкой машин, устройством меха-

низированных токов, строительством новых капитальных складов, асфальтированных площадок для временного хранения зерна.

Многое удалось сделать и для механизации трудоёмких процессов в животноводстве. Те тринадцать лет в совхозе имени Абая Николай Александрович считает счастливыми годами жизни. Помнит очень многих из тех, с кем его свела судьба: руководителей и специалистов, бригадиров, механизаторов, других односельчан. Здесь появились у них с супругой Тамарой Яковлевной, уже имевших сына Александра, ещё трое – Николай и близнецы Володя и Женья.

Когда это хозяйство, как и большинство других в ту пору – годы разора села середины 90-х годов теперь уже прошлого века, окажется в бедственном положении, Н.А. Миллеру придётся его в прямом смысле спасать. Но это произойдёт годы спустя, а до этого в его судьбе будет Павлодарская областная сельскохозяйственная опытная станция.

* * *

Это было особое, уникальное хозяйство, созданное для изучения особенностей ведения полеводства в зоне рискованного земледелия, выработки оптимальных технологий выращивания зерновых культур, испытания перспективных сортов пшеницы, ячменя, овса и дальнейшего их районирования и распространения. В то же время Опытная станция оставалась крупным производителем товарного зерна и животноводческой продукции – молока и мяса. И ещё она была настоящей кузницей кадров, где профессиональную выучку проходили специалисты: полеводы, молодые учёные, будущие руководители сельскохозяйственной отрасли.

На Н.А. Миллера «положил глаз» директор Опытной станции Анатолий Никитович Золотарёв, защитивший кандидатскую диссертацию по применению минеральных удобрений на здешних чернозёмах. И руководителем хозяйства был он знающим, толковым.

Николай Александрович стал его заместителем по производственной части. Круг обязанностей – очень широкий. Наука и производство были здесь тесно связаны и тем доказывали их общую эффективность.

Высокого профессионализма и технического сопровождения требовало семеноводство. Опытная станция ежегодно поставляла семеноводческим хозяйствам элитные и даже суперэлитные семена районированных сортов зерновых культур, а те размножали их на своих полях и реализовывали рядовым хозяйствам для производства товарного зерна. Ежегодно Опытная станция производила до двух тысяч тонн семян вы-

соких репродукций – это было поистине золотое зерно, которое давало начало большому хлебу в других хозяйствах.

Именно на Опытной станции инженер Миллер стал познавать основы семеноводства, его тонкости, что очень поможет ему в будущем. Заместителю директора здесь приходилось постоянно иметь дело с тремя кандидатами сельскохозяйственных наук, и он быстро понял – надо учиться. Заочно окончил Павлодарский индустриальный институт по инженерной специальности. Учился «на марше» у специалистов хозяйства, участвовал в научно-практических конференциях и семинарах.

Это была интересная, азартная работа и новый бесценный опыт. Без Опытной станции, скажет мне годы спустя Николай Александрович, он бы никогда не стал тем, кем стал. И через несколько лет он сторицей оплатит ей за эту науку и практику.

* * *

В бывший совхоз имени Абая, который стал именоваться коллективным сельхозпредприятием (КСП) имени Абая, Н.А. Миллер вернулся 21 сентября 1994 года. На этот раз его «сосватали» глава районной администрации Т.В. Сыздыков и начальник райсельхозуправления Н.Т. Руденко, бывший директор этого хозяйства, в котором они с Миллером вместе не один год проработали и немало сделали.

Николай Александрович знал, что дела там теперь далеко не блестящи, но реальность оказалась куда более неприглядной. И были тому причины, включая главную, – то, как «реформировали» сельское хозяйство тогдашние «рыночники».

Целина, о которой сейчас не принято вспоминать добрым словом, при всех своих перекосах, вызванных методом штурма при её освоении, буквально преобразила не только Павлодарскую область, но и весь северо-восток Казахстана и другие его регионы. Тот же Иртышский район стал настоящей хлебной житницей, с выверенной целинной системой земледелия. И не только целинные, но и другие совхозы, а также колхозы всей области стали, как правило, крупными высокомеханизированными и социально обустроенными хозяйствами. По большей части они крепко стояли на ногах: развивали полеводство и животноводство, имели хорошие кадры земледельцев и скотоводов, строителей.

В том же Иртышском районе укоренились десятки хлеборобских и животноводческих династий, когда вслед за отцами вставали в рабочий строй сыновья. Люди на селе, особенно механизаторы и животноводы, неплохо зарабатывали. Их дети учились в современных школах,

младшие ходили в детские сады. Работали фельдшерско-акушерские пункты, а где-то и сельские больницы. Везде были Дома культуры или клубы, во многих сёлах – детские музыкальные школы. Жизнь на селе была, без преувеличения, ключом.

Казахстан стал одной из главных хлебных житниц Советского Союза. В лучшие годы он давал стране миллиард пудов зерна (так тогда для красивой цифры считали) – 16 миллионов тонн. И это был не просто хлеб, а зерно сильных и твёрдых сортов пшеницы, которые становились улучшителями при получении муки из зерна пшениц мягких – Кубани, Ставрополя и других регионов. Но, надо сказать, и тогдашняя страна ничего не жалела для хлебной республики – техники, удобрений, всего, что требовалось для социального обустройства сёл.

Были, конечно, и проблемы. В производстве главенствовал вал – показатели производства зерна, молока и мяса, а эффективность работы, прибыль не были на первом месте. Но при этом добрая половина совхозов, если не больше, имела прибыль. А прибыльных колхозов и вовсе было большинство. При всём при том реформы на селе тоже назрели. Но уж точно не такие, которые железным катком прошли по всему сельскому хозяйству. Вернее было бы назвать их антиреформами – спешными, непродуманными шараханиями. Всё делалось так, будто главной целью перехода к рынку было разорение совхозов и колхозов. Экономика трещала по швам, отпускались цены на промышленную продукцию, в том числе поставляемую селу. А цены на зерно, молоко, мясо продолжали держать. Именно с этого чудовищно несправедливого диспаритета цен начинался развал аграрной отрасли. Даже получив хороший урожай, совхозы и колхозы выручали в итоге смешные деньги, не покрывавшие затрат. Многотысячные стада скота становились разменной монетой при оплате горюче-смазочных материалов по новым рыночным ценам.

Потом решили, что совхозы и колхозы – негодная система хозяйствования. Вместо них стали возникать коллективные сельхозпредприятия (хотя колхозы и до того ими были), уже до того значительно обескровленные, которые превращались в вотчины бывших директоров-председателей. Разбазаривалась техника, людям перестали платить зарплату. Дальше были производственные кооперативы, которые тоже почти нигде не состоялись. Потом – банкротство, в результате чего большинство прежде вполне дееспособных хозяйств прекратили своё существование как единые комплексы по производству зерна, молока и

мяса. А люди, создававшие их десятилетиями, остались ни с чем. Вряд ли «реформаторы» ставили своей целью разорить село, но именно это они и сделали.

Яркий пример тому – родная Н.А. Миллеру Артёмовка, в которой десятилетия работал бригадиром тракторной бригады его отец, а мать – в огородной бригаде. Это было одно из самых благополучных малых сёл Иртышского района – крупное отделение совхоза имени Пушкина. Здесь жили и работали больше тридцати семей опытных механизаторов, обеспеченных десятками тракторов и комбайнов, набором других сельскохозяйственных орудий. А всего насчитывалось около сотни дворов. Было также развитое животноводство – мясное и молочное. Хлеба в округе выращивали столько, что даже построили здесь глубинное хлебоприёмное предприятие, со складами, сушильной и зерноочистительной техникой, которое было способно принять на хранение 25 тысяч тонн зерна. поголовье крупного рогатого скота доходило до четырёх тысяч голов, молока летом сдавали до двух тонн в сутки. Пришлось даже маслозавод поставить, куда везли молоко и окрестные хозяйства. Тут делали не только масло, сыр, творог, но и мороженое – большую редкость для села той поры.

Были в Артёмовке почтовое отделение, сберкасса, два магазина, радиозел, хороший клуб, школа (одно время даже девятилетка). Водопровод местный провели. Автобусы ходили – в Иртышск, Павлодар, в Омск и оттуда. На 94 артёмовских двора приходилось 36 личных легковых автомобилей (у Миллеров тоже «Москвич» был), не считая мотоциклов с колясками.

Всё это богатство было сметено с лица земли в годы рыночных «реформ», которые железным катком прокатились по сёлам и аулам. И самой Артёмовки нет теперь на карте района – только развалины, да ещё кладбище, на котором нашли последний приют отец с матерью Николая Александровича и их многочисленная родня – всего более полутора десятков человек.

Забегая вперёд, скажем: Голубовка, в которую он вернулся и где работает уже три десятка лет, жива благодаря ему и его односельчанам, в отличие от многих других хозяйств района, утративших свой былой потенциал.

Но вернёмся в 1994 год. Бывший совхоз лишился более половины скота. Уборку урожая по всем статьям проваливали, в настроениях бывших земляков сквозила безнадёга, а во взглядах читался один-един-

ственный вопрос: «Зачем приехал?» Видишь, мол, что тут у нас творится, зачем тебе всё это; или решишь какие-то свои проблемы – и до свидания?

А он и на встречах со специалистами в конторе, и на улицах с односельчанами, и на общем собрании, решавшем его судьбу, говорил одно: «Приехал жить и работать». Проголосовали за него единогласно. И только после этого он позвонил жене и сказал, что они переезжают. Она не поверила: из хорошего дома в Опытной станции – рядом Иртыш, недалеко райцентр, а тут за сто километров в степь... Но мосты уже были сожжены.

Миллер понимал: будет трудно, но не мог и предполагать – насколько. Пройдёт не один год, прежде чем хозяйство начнёт подниматься с колен. И первым своим тогдашним успехом Николай Александрович считает Новый год того же 1994 года. С горем пополам провели уборку, урожая не хватило даже на то, чтобы рассчитаться с долгами. Кое-как начали зимовку скота. А денег в кассе нет, как и зарплаты у людей... И что дальше – неизвестно.

Он тогда решил: людям нужен праздник – хоть какой-то. Сумел договориться с бывшими товарищами, подавшимися в бизнес и зарабатывавшими на торговле, чтобы привезти сюда, за триста километров от Павлодара, новогодние подарки семьям односельчан. Не знал – как рассчитываться будет и когда (просто поверили под его честное слово). И это было хоть что-то, чем он мог обрадовать сельчан. Пройдут годы, и подарки он сможет дарить такие, что и представить нельзя, а тогда и такие были очень дороги.

Это долгая история – о том, как шаг за шагом поднималось хозяйство, став самым крупным в области производителем товарного зерна, поставщиком семян высоких репродукций, продуктов животноводства. Наводили порядок на собственных полях, возвращали к жизни брошенные соседние земли, заросшие бурьяном в человеческий рост. Можно сказать, заново поднимали целину. Укрепляли материальную базу, приобретая новую высокопроизводительную технику лучших мировых фирм – посевные и уборочные комплексы с мощными тракторами, комбайнами и набором сельскохозяйственных орудий.

Сумели выкупить глубинный здешний хлебоприёмный пункт, который мог быть разграблен и пущен на металлолом, как и арёмовский. Переоснастили его новой техникой, надёжными складскими помещениями для хранения зерна, обновили новым оборудованием ток на цен-

тральной усадьбе. Наладили переработку зерна и животноводческой продукции. Сегодня это многоотраслевое хозяйство располагает посевными площадями, в разы превышающими прежние совхозные в 30 тысяч гектаров.

Подобных хозяйств, сохранивших и развивших прежний производственный потенциал, в области можно пересчитать по пальцам одной руки. Это бывший колхоз «Победа», а ныне ТОО в Щербактинском районе, ТОО «Галицкое» в Успенском, бывшие колхозы имени Кирова и Тельмана в Павлодарском районе и некоторые другие. Все они выстояли благодаря их тогдашним и нынешним руководителям. Но в них не было такого разора, который свалился на плечи Н.А. Миллера. Тем дороже сделанное им. И только он сам знает, чего это стоило.

* * *

Нас с Николаем Александровичем познакомил в 1996 году Николай Терентьевич Руденко – в ту пору первый заместитель акима Иртышского района. Стояла золотая осень, разгар уборки. Мы проехали по полям больше сотни километров, пока не оказались в хозяйстве Миллера. Он был в хорошем настроении, урожай радовал, работа в поле спорилась. Но и убирать ещё надо было едва ли не половину площадей. Погода стояла отличная, а буквально через несколько дней выпал снег. На некоторых полях, рассказывал мне потом Н.А. Миллер, только колосья торчали – выпала почти двухмесячная норма осадков. Тогда им ещё повезло – снег быстро растаял, но часть урожая всё равно потеряли. И такое случается нередко, потому и называют наш край зоной рискованного земледелия. Земли Иртышского района – лучшие в области, но каждый год есть риск попасть под осенние осадки и даже со снегом.

Хороший урожай становится наградой за труды здешних земледельцев. Такие годы бывают нечасто и долго помнятся, как 1972-й и 1979-й советской поры, когда оказались заполнены все ёмкости крупного Иртышского элеватора, глубинных хлебоприёмных пунктов и пришлось наводить с помощью военных понтонный мост через Иртыш для переправки зерна в два элеватора Железинского района.

Рекордным уже в новые времена стал 2001-й год. К этому времени навели порядок на полях, хозяйство получило статус элитно-семеноводческого. Сеяли апробированными, хорошо зарекомендовавшими себя семенами – элиту, первую репродукцию. Вовремя отсеялись, отличными удались всходы. Урожай уродился такой, что даже бывалые хлеборобы были озадачены. Пшеница с мощным налитым колосом

стояла стеной. У меня сохранился снимок Николая Александровича в поле, где пшеница ему, высокорослому, выше пояса. Самые лучшие участки давали по 30 и даже по 40 центнеров зерна с гектара. А засеяли 30 тысяч и убрали до зёрнышка. Чемпионом жатвы стал Василий Анатольевич Яковлев, намолотивший полторы тысячи тонн зерна, больше всех в области. А ТОО имени Абая, получившее на круг, то есть в среднем, по 17,9 центнера зерна с гектара, было признано лучшим сельхоз-предприятием в регионе.

Успех отмечали всем селом, Дом культуры был переполнен. Лучшие хлеборобы получили в награду за свой труд ключи от новых «Жигулей». Премияльные машины вручались особо отличившимся труженикам за счёт средств окрепшего хозяйства и в последующие годы.

Позднее, когда посевные площади были доведены до 60 тысяч гектаров, однажды довели валовой сбор зерна до ста тысяч тонн. Я видел эти горы зерна на хлебоприёмном пункте, которые уже не помещались в складские ёмкости. И тогда нашли такой выход: с помощью специального оборудования зерно закачивали в плотные пластиковые «рукава» — по двести тонн в каждый. И оно, надёжно укрытое от дождя, а потом и снега, отлично сохранилось.

Но так было не всегда. Здесь часты и неурожаи: из-за недостатка влаги, жёстких засух, когда по месяцу-полтора и больше не выпадает ни капли дождя. Это самый север области, сеют обычно позднее, чем в других районах, и хлеба поспевают позже. Всегда есть опасность попасть в уборку под сентябрьские и октябрьские дожди или даже снег.

Когда Николай Александрович с коллегами окажется в поездке по США, и они будут знакомиться с работой тамошних фермеров, те удивятся: у них считается нежелательным выращивать хлеб там, где выпадает в год меньше 400 миллиметров осадков, а в нашей области его растят и при 350, 300 и 250 миллиметрах. А ещё у тех же иртышан и вегетационный период значительно короче, чем у их американских коллег. Но и цена этому хлебу, выращенному в условиях недостатка влаги и под жарким солнцем, особая. У него отличные хлебопекарные качества — это так называемая сильная пшеница.

В самом конце 90-х годов прошлого века пришлось столкнуться с ещё одним серьёзным испытанием. Три года были отмечены небывалым нашествием саранчи, чего не случалось прежде. Хотя это мобильное легкокрылое насекомое обитало на большинстве территорий Казахстана и раньше, с ним научились в советские времена бороться.

Существовала разветвлённая служба защиты растений, регулярно проводились противосаранчовые обработки полей. Словом, ей воли не давали.

Вернулась она – как наказание за бесхозяйственность. Одним из основных мест её гнездования стали заброшенные поля. Таких после разорительных реформ на селе середины 90-х годов оказалось более чем достаточно. К тому же два лета подряд – 1998 и 1999 годов – выдались сухими и жаркими, что тоже содействовало размножению и активности саранчи.

В 1999 году саранчой были повреждены в области посевы на общей площади более 400 тысяч гектаров, а на площади сто тысяч гектаров уничтожены полностью. В Павлодаре саранча залетала в открытые окна квартир, расположенных на самых верхних этажах. От неё пострадало большинство дачных участков. Потребовались чрезвычайные усилия, чтобы справиться с этой заразой.

Одними из первых сразу оценили всю серьёзность ситуации в хозяйстве Н.А. Миллера, сумели наладить противосаранчовые обработки не только своих полей на десятках тысяч гектаров, но и сопредельных заброшенных сельхозугодий. И тем самым уберегли от «серого пожара», как ещё называли нашествие саранчи, себя и во многом соседей.

И сколько ещё всего было... Из года в год возвращались к жизни брошенные земли окрестных хозяйств, сеяли уже вдвое больше, чем в советские времена, – до 50-60 тысяч гектаров. Укрепляли материальную базу, развивали животноводство, наладили, как уже было сказано, переработку зерна и мяса. Но Миллер не был бы Миллером, если бы не решился на новый шаг.

Он знал, что далеко не лучшим образом идут дела на бывшей Опытной станции, во многом сдавшей свои прежние позиции. По сути, был утрачен её прежний высокий статус уникального научно-производственного хозяйства. Потом она и вовсе была передана в частные руки. Новые хозяева ума ей не дали, хозяйство продолжало разваливаться. Дальше слово самому Н.А. Миллеру.

«За два с лишним последних десятилетия я лишь дважды заезжал в Заречное – центральную усадьбу бывшей Опытной станции. И когда второй раз заехал, у меня сердце защемило: за всё это время здесь ничего не было построено, а то, что создавалось нами и нашими предшественниками, пришло в полный упадок. Встретил тех, с кем когда-то работал, видел их глаза, в которых, казалось, уже не оставалось ника-

кой надежды, слышал их горестные рассказы и жалобы на убогое житье-бытьё.

Мои бывшие земляки не просили меня ни о чём, и я ничего им не обещал.

Больше двух лет я носил в сердце эту тяжёлую ношу, зная, что упадок там продолжается, уменьшается посевная площадь, животноводство сошло на нет. Случайно узнал, что последние хозяева-учредители продают хозяйство, от которого мало что осталось. И я после разного рода сомнений вступил с ними в переговоры. Специально не поехал в само хозяйство, чтобы детально ознакомиться с его состоянием, потому что чувствовал: если увижу всё сам, то вряд ли решусь вернуться сюда».

Как бы там ни было, он вернулся. А когда воочию увидел, какого «кота в мешке» приобрёл, то лучше не вспоминать, что сам себе тогда говорил.

Но не зря говорят: глаза боятся, а руки делают. За последние несколько лет хозяйство преобразилось. Миллиарды тенге вложены в реконструкцию, строительство, укрепление материально-технической базы, приобретение новой техники, высокопродуктивного скота, в социальную сферу села.

Реконструировали – по сути, заново перестроили – животноводческий молочный комплекс на 1200 коров. Этих «симменталок» завезли из Чехии, они стали давать ежедневно до десяти тонн молока, принося ощутимый доход. В ближайших планах – создание нового молочного комплекса, где также будет 1200 высокоудойных коров.

Ввели в эксплуатацию орошаемый участок на 1200 гектаров. На поливе выращиваются кормовые культуры: кукуруза и высокобелковые травы, дающие за сезон по три укоса, а также овощи: картофель, морковь, кормовая и пищевая свёкла. Готовится ещё один орошаемый участок площадью 3,5 тысячи гектаров.

Площади посевных земель увеличились с 15 тысяч до 27 тысяч гектаров. Техническая мощность обновленного машинно-тракторного парка позволяет обработать всю эту площадь посевными комплексами весной и убрать высокопроизводительными комбайнами осенью.

Полностью реконструирован ток, оснащённый теперь мощными зерноочистительными и сушильными агрегатами. Построены склады ангарного типа, позволяющие хранить десятки тысяч тонн овощей.

Много лет в селе не было централизованного отопления. Построили новую котельную, котлы для которой привезли из Барнаула. И теперь все производственные объекты, включая реконструированное МТМ и гараж, отапливаются.

Стали строить собственное жильё. Появилась возможность подключить не меньше 60 домов к центральному отоплению.

Основательно занялись благоустройством. Используя собственные и бюджетные средства, наладили освещение, заасфальтировали восемь улиц, по которым в распутицу без сапог нельзя было пройти. Отремонтировали и переоборудовали бывшее здание, где размещалась научная часть Опытной станции, под сельский акимат, почту, библиотеку. Здесь же – участковая больница, в которой тепло и светло. Есть просторный зал, где можно провести собрание.

Наверное, перечислено не всё, что удалось сделать. Но главное – изменилось настроение людей, которые обрели уверенность в завтрашнем дне.

Но нельзя сказать, что всё у Миллера идёт как по маслу. В последние годы обострилась проблема кадров специалистов, механизаторов, водителей. Да и самому Николаю Александровичу годы дают о себе знать. Хорошо ещё рядом сыновья – главные помощники во всех его делах. Но ветераны уходят, а желающих выбрать профессии инженера, агронома, зоотехника или ветеринара, стать механизаторами всё меньше. И это не только его хозяйств проблема, а государственная.

* * *

Человеческая память прихотлива и избирательна. Иногда и сам не знаешь, почему одно помнится, а другое забывается. И степень важности фактов, событий здесь, кажется, совсем ни при чём...

За годы нашего знакомства с Николаем Александровичем мы встречались десятки раз: накоротке и основательно, работая и отдыхая, наедине и в компании... Каждая встреча оставляла зарубки в памяти, из которых годами складывались и эти заметки. Но мне самому почему-то больше других помнится встреча декабрьским днём 2000 года, когда Николай Александрович впервые повёз меня в его родную Артёмовку. Маршрут он выбрал очень своеобразный – без дороги, степью, по прямой...

Я – бывший сельский житель, да и вообще мне приходится немало ездить, так что зимним степным пейзажем меня не удивить... Но та поездка была, наверное, одной из самых невероятных, захватывающих в

моей жизни... Эта картина и теперь у меня перед глазами: во все стороны горизонта бескрайняя заснеженная степь. Сплошное белое безмолвие, нарушаемое лишь натужным рёвом нашего «УАЗа» с двумя включенными «мостами». Да ещё белые полярные совы взлетали время от времени. Машина вспарывала заснеженную степь, покачиваясь, как на волнах. Снег из-под передних колёс забрасывало на ветровое стекло и на крышу вездехода. И было в этом движении нечто азартное, захватывающее. Подумалось тогда: вот так же, наверное, идёт по жизни и сам Миллер – по бездорожью, преодолевая сопротивление, часто на пределе сил...

Красное, как будто настывшее за день, солнце уже зависло над горизонтом, когда мы подъехали к воротам занесённого снегом деревенского кладбища. Крепчал мороз, жёсткий встречный ветер перехватывал дыхание.

– Тут они все – мои родные... Шестнадцать могил, – негромко сказал Миллер и пошёл вперёд, глубоко проваливаясь в снег.

Останавливался у небогатых, неброских памятников, сметал голой рукой колючий снег, молча стоял, думая о чём-то своём...

Он помнит их всех и расскажет о них и многих других в книге «Родные мои», которую мы подготовили вместе. Там ветви по отцовской и материнской линиям, односельчане, школьные учителя и преподаватели техникума, друзья детства и сослуживцы-подводники, наставники, помогавшие его профессиональному становлению, и коллеги, другие люди, оставившие след в его жизни.

Он очень многим помог в разных житейски коллизиях и продолжает помогать. По сути, спас сельский Дом культуры в Голубовке, который строили когда-то всем селом и который мог быть продан и разрушен во времена безумно-бездумной приватизации социальных объектов, как это случилось с большинством клубов и Домов культуры в бывших совхозах и колхозах. А Миллер не отдал его – нашёл способ, перевёл туда ещё и сельскую библиотеку, которую также содержал за счёт средств хозяйства. А годы спустя после хорошего ремонта безвозмездно передал Дом культуры в ведение районного бюджета. Помогал во времена кризиса местной школе и всегда – ветеранам села.

Он же создал уникальный музей под открытым небом, установив на постаменты отработавшие своё тракторы, грузовые и легковые машины. И это теперь одна из визиток Голубовки – центральной усадьбы ТОО имени Абая.

Многое сделано по части благоустройства. Огорожены кладбища в Артёмовке и Голубовке. Высажены сотни деревьев и кустарников. В селе нет ни одного брошенного дома и ни одной семьи, получающей социальную помощь по бедности.

И ещё Николай Александрович подарил односельчанам два храма – православную часовню и мусульманскую мечеть. Я был на том сельском сходе, когда он обратился к землякам с призывом – всем миром взяться за возведение в Голубовке церкви и мечети. О том же самом говорил и на рабочих собраниях своего хозяйства. Сказал, что основные расходы по сооружению обоих храмов возьмёт на себя ТОО имени Абая, а свою меру участия в общем деле каждый должен определить сам – не обязательно деньгами, а реальной помощью. Изучил множество проектов, найдя в итоге подходящие: мечети – в Казани, церкви – в Волгограде. Прорабатывал и утверждал проектно-сметную документацию, находил и заказывал нужные строительные материалы, нанимал строителей.

Места для будущих знаковых сооружений определили на главной улице села, друг напротив друга. Не без проблем и трудностей шло строительство. И вот настал день, когда они – и мечеть, и церковь – были открыты для верующих. Оба культовых сооружения равны по высоте и размерам, оба украсили Голубовку. К ним люди с утра шли как на праздник.

На открытии церкви и мечети присутствовали и выступили архиепископ Павлодарский и Экибастузский Варнава, уполномоченный имам Духовного управления мусульман Казахстана по Павлодарской области, главный имам мечети Машхура Жусупа Жолдас кажы Бертымуратов, говорившие о важности веры в духовном совершенствовании людей, о том, что Казахстан сегодняшний являет миру пример толерантности, межэтнического согласия и дружбы людей.

Мероприятие завершилось общим дастарханом, устроенным для всех его участников. А какое-то время спустя трудами Н.А. Миллера был построен и освящён православный храм в селе Заречном – на центральной усадьбе бывшей Опытной станции. Мечеть здесь была построена раньше.

* * *

Почему Миллеру удалось сделать в своей жизни то, что мало кому удаётся? Очень многое значила семейная школа, где были твёрдые понятия о том, что хорошо и что плохо, поддерживались традиции трудо-

любия с ранних лет. Конечно, заражал энергией пример отца – одного из лучших иртышских хлеборобов. В его бригаде, под присмотром не столько отца, сколько других, он проходил первую профессиональную выучку механизатора. До этого – школа-интернат вдали от дома, где надо было поставить себя среди других и уметь за себя постоять. Потом – техникум, где давали хорошее образование и где проявились его лидерские качества. Безусловно, служба – строгая мужская школа, где экипаж – семья, и от тебя лично зависит судьба боевого корабля.

Конечно, важен был собственный опыт работы на разных должностях, где тоже приходилось учиться – и профессионально, и работе в коллективе, умению выстраивать отношения с людьми. Последнее – особый талант Николая Александровича. В первую нашу встречу мы провели вместе лишь несколько часов, а я уезжал с ощущением, будто знаю его очень давно. О том же самом говорили мне и другие близкие ему люди – из самых разных сфер, а не только коллеги.

Могут сказать, что подобный жизненный путь прошли очень многие его современники – сельчане, достигшие профессиональных и руководящих высот. Но Миллер, как сказал однажды первый секретарь Павлодарского обкома партии Б.В. Исаев, также общавшийся с ним и знавший толк в людях, – это штучный товар, таких много не бывает.

А я бы добавил ко всем перечисленным достоинствам Николая Александровича его собственные слова: «Я никогда не боялся жить!» Что означает, помимо прочего, способность принимать вызовы судьбы с её подчас непредсказуемыми поворотами. Держаться самому и вселять уверенность в тех, кто рядом с ним. Не опускать рук при неудачах.

Может, это и не все секреты успеха хлебороба номер один, и есть ещё один, самый главный, которым он обладает и который неведом никому... Как бы там ни было, он остаётся в строю и продолжает работать так, как удаётся немногим.

Как-то он подсчитал: только за годы его работы руководителем ТОО имени Абая хозяйство вырастило более миллиона тонн зерна. Этого достаточно, чтобы не один год кормить хлебом всю нашу область. Поэтому и неофициальный статус хлебороба номер один носителем «хлебной» фамилии Миллером вполне заслужен.

ГЛАВАЦКИЙ ИЗ РОДА ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

Он родился на Украине, в Одесской области, в семье долгожителей: бабушка по одной линии прожила 101 год, бабушка по другой – 98. Под присмотром второй, матери отца Юлии, прошли детство и юность Анатолия Филипповича Главацкого – в будущем одного из первых павлодарских бизнесменов.

Родившийся в 1939 году, он помнит войну, оккупацию. Отца, механизатора местной МТС, призвали прямо в поле, летом, сняв с комбайна, когда шла уборка. Он даже не успел попрощаться с семьёй. А вскоре их большое село Ясиново-2 заняли немецкие наступающие войска, и хозяйничать здесь потом стали румынские части.

Оккупацию Главацкие – бабушка, Анатолий и его старшая сестра Зиди – пережили во многом благодаря его матери Анне Ильиничне – великой труженице. Спасались во все времена огородом, с которого что-то и продать удавалось. Ещё мать научилась варить хозяйственное мыло, которое было и в годы войны, и позже на вес золота. Она его варила дома из подручного сырья и тоже продавала на местном базаре.

Был в первый год оккупации и тайный «стратегический ресурс». Мать выменяла за четверть самогона у наших солдат, гнавших в эвакуацию скот, большого барана и плащ-палатку. Из неё сшили Анатолию штаны на вырост – невероятной прочности. Это были несносимые штаны, и когда он подрастал, их, закатанные и подшитые снизу, отпускали и снова подшивали. И так не один раз.

Мясо барана мать с бабушкой пережарили в двух вместительных чугунных казанах, затарили в глиняные крынки с широкими горлами и залили курдючным жиром. Плотно закрыли их листами из школьных тетрадок дочери, также пропитав их бараньим салом, отчего они стали будто вощённые. А сверху упаковали крынки обрезками старой клеёнки. Закопали всё это богатство под кучей старого навоза. И в самое голодное время эти запасы семью спасали. Их, конечно, ели не в чистом виде, а добавляли в какую-нибудь затируху из муки, или в пустой картофельный суп, или в такой же овощной. Не досыта ели, но и не пухли с голода, как некоторые.

У матери вообще ничего не пропадало в хозяйстве – всему находилось применение. Так, в дело пошло не только мясо того барана – спасителя семьи, но и шерсть с его шкуры. Мать её состригла, рассортировала, постирала и высушила. Зимой они с бабушкой – её свекровью Юлией Фризантовной – эту шерсть пряли. Из самой лучшей мать вязала женские воздушные невесомые платки с вензелями. Отбеливала на солнце и продавала или обменивала на продукты. А из более грубой оставшейся шерсти или приобретённой по случаю вязала носки и рукавички.

Оккупацию они пережили, можно сказать, без больших лишений. Румыны-оккупанты хоть и досаждали временами, но не зверствовали. А от отца за всю войну не пришло ни одного письма. И победу без него встретили. Незнание мучило больше всего. Пока, наконец, не сообщил письмом: он жив и находится в Германии, в американской зоне оккупации.

Домой отец вернулся в последний день февраля 1946 года. И со временем сын узнал, какого ему удалось хлебнуть на войне лиха. В первый раз попал в плен, когда группировка наших войск попала в окружение, что происходило нередко в начале войны. И это были страшные дни и недели: немцы не были готовы к такому количеству пленных, по сути, не кормили, и раненые, слабые здоровьем и духом погибали в нечеловеческих условиях очень быстро.

Из уцелевших сформировали отдельную колонну и перегнали в концлагерь под литовским Шяуляем. Оттуда отцу с несколькими товарищами удалось сбежать, и они сумели добраться к своим под Ленинградом. Там их определили уже в советский лагерь, водили на допросы, часто по ночам, били. И никаких объяснений не принимали.

После нескольких месяцев такой проверки окруженцев собрали в «группу прорыва» для отвлекающего маневра, с целью прорыва бло-

кады, в которой уже находился Ленинград. Немцы встретили плохо вооружённых и плохо организованных наступающих кинжальным огнём. Отец был оглушён взрывом, потерял сознание и снова попал в плен.

Дальше – эшелон из таких, как он, в глубь Германии, работа в шахте, где вручную, кайлом, они добывали уголь. На такой работе люди выдерживали недолго. Отца спасло то, что назвался ещё и электриком, однажды сумел устранить аварию и уже больше не спускался в шахту. А из другого памятного рассказал сыну, как их однажды послали убирать морковку, как они её ели... И он тогда дал слово: вернётся – будет сажать морковку каждый год и раздавать всем, кто захочет попробовать, чтобы люди знали – какая она вкусная.

Сказать, что возвращение отца стало радостью для семьи, – ничего не сказать. Почти у всех тогдашних друзей Анатолия отцов забрала война. И на него ровесники смотрели с завистью, а кто-то и не скрывал её, прямо давая понять, как ему повезло – у него теперь отец есть.

А жизнь отца, который заново обрёл семью, не была безоблачной. Время от времени, обычно по ночам, за ним приезжали и увозили. На этот случай у него всегда был приготовлен узелок со всем необходимым: булка хлеба, несколько луковиц, кусочек жёлтого солёного свиного сала, какая-то одежка. К счастью, спустя несколько дней возвращался – с серым лицом, заросшим щетиной, и никому ничего не рассказывал. Только годы спустя признался сыну, как вели допросы: «Почему попал в плен первый раз? Почему во второй? Почему выжил? Сотрудничал с немцами? Почему оказался в американской зоне оккупации?» Плен ему не простят еще многие годы.

* * *

Как бы там ни было, с приходом отца жить семье стало полегче. Но и раньше, и после его возвращения все в ней много работали. Про родителей и говорить нечего, но и дети тоже: и дома по хозяйству, и в огороде, в поле, помогая отцу с матерью.

Анатолий Филиппович рассказывал мне, как в детстве «припасал корову». Тёлочку они смогли купить только после возвращения отца. Это было очень дорогое приобретение. А когда она отелилась, корову стали выгонять в стадо, но её надо было к этому ещё и приучить, для чего младший из Главацких отправлялся с ней рано утром с торбочкой немудрёной еды и целый день следил, чтобы она не отбивалась от стада. А вечером сопровождал домой, пока сама она не привыкла к ново-

му распорядку жизни. Дома её, конечно, ещё и прикармливали, и она потом едва ли не рысью бежала к знакомой усадьбе.

Отец вернулся к работе в МТС – машинно-тракторной станции. Мать, как и прежде, оставалась «нормовичкой» – обязана была вырабатывать годовую норму трудодней в поле. Работы бывали разные, но главная не один год была связана с выращиванием сахарной свёклы. Её сажали, потом прореживали и пололи, убирали. Всё – вручную. Пластались с весны до осени.

Особенно трудной становилась уборка. Эти большие корнеплоды надо было добыть из земли, очистить от неё, обрезать ботву и складировать в кучи. И часто не успевали до осенней распутицы загрузить в тележки или кузова машин, доставлявших свёклу на заготовительные пункты для дальнейшей переработки на сахарных заводах. Конечно же, «нормовички» прихватывали свёклу домой в своих кошёлках. Начальство тоже знало об этом незаконном промысле, но закрывало на него глаза – надо же было людям как-то жить, ведь зарплату им чаще всего не платили. Зато объездчики на лошадях могли огреть плетью и заставить отнести свёклу обратно, где она продолжала гнить.

А женщины дома «добычу» прятали до поры до времени в своих сараях, а зимой парили в больших чугунах, давили из неё сладкий сок. Для детей это было сладкое лакомство – макали в него хлеб и ели. И ещё этот густой сок становился незаменимым сырьём для изготовления всегда востребованного товара – самогона, который гнали едва ли не в каждом дворе. А если урожай был хороший и «нормовичка» перевыполнила задание, полагалась, хотя и не каждый год, натуроплата – сахар из этой свёклы. И однажды Главацким привезли целый мешок, что было неслыханной щедростью. Его поставили в центр комнаты, где обедали, и какое-то время любовались.

Повзрослев, Анатолий стал помогать матери в поле, а потом и отцу. После шестого класса отец стал брать его с собой в МТС, где готовил к уборке комбайн и давал сыну несложные задания – что-то снять, очистить, промыть.

Уборка в их краю начиналась в первой половине июля, и на семейном совете было решено и договорено с председателем колхоза, что у старшего комбайнёра будет два помощника – жена и сын. Первой при этом полагалось 70 процентов зарплаты от комбайнёра, а второму – 50. Второй был вроде лишний, но в округе уже знали, как работают Главацкие, потому и было принято условие старшего. К тому же работать

семья должна была на новом, самом совершенном на то время комбайне «Сталинец-6». Но и он был прицепным – его тянул трактор.

Тот 1952 год оказался первым по-настоящему урожайным послевоенным годом. И к нему оказался причастным тринадцатилетний Анатолий Главацкий, денег на нём не заработавший (вся семья получила натуроплату зерном), но зачисленный как помощник комбайнёра в список колхозников.

Работали обычно до двух часов ночи, пока не выпадала роса. Анатолий должен был ещё обиходить комбайн после этого: очистить от пожнивных остатков радиатор, обмести весь его от слоя пыли. Спали тут же, в соломе. Подъём в половине шестого, техуход комбайна под прищмотром отца – и вперёд.

Не сразу ему был доверен штурвал, и у самого поначалу руки тряслись. Но быстро освоился и уже мог без страха заменять на мостике отца и мать.

В тот год семейный экипаж побил все рекорды в округе и стал лучшим в МТС, работавшей на несколько окрестных колхозов. Отец был представлен к званию Героя Социалистического Труда, а мать – к медали «За доблестный труд». И она её получила, а главный герой жатвы – ни звания, ни даже медали: как можно было награждать человека, дважды побывавшего в плену...

В семейном экипаже Анатолий отработал ещё три сезона. По полтора с лишним месяца каждый. В школу своего помощника отец отпускал 30 августа, после обеда. И приходил сын на первый звонок с шеей и руками, загорелыми дочерна, и волосами на голове, выбеленными солнцем до желтизны.

Помнится ему из той поры, как он сам обустроил бункер для сбора соломы сверху комбайна для укрытия, прорубив в нём дверь, которую можно было открывать снаружи и закрывать изнутри. Там, подстелив соломы, можно было укрыться от непогоды и даже ночевать. Отец, вначале не принявший всерьёз эту его «рационализацию», потом не раз вспоминал добрым словом сына, ведь убирать приходилось и подсолнечник, уже по снегу. А сын всегда помнил работу в семейном экипаже – эти очень важные для него уроки взросления.

Благодарен он и своей Ясиновской школе, в которой было в то время более 900 учеников и хороший преподавательский состав. Обязательным тогда считалось лишь семилетнее образование, но они – сестра и Анатолий – закончили по десять классов, и сначала она, а потом он поступили в институты.

Как-то он скажет мне, что у него были три воспитателя в детстве и юности – семья, улица и школа. Потом добавит: «И ещё книги». Читал много, всё, что попадалось, и это было не увлечение даже, а страсть, сохранившаяся до зрелых лет. Собрал с годами обширную домашнюю библиотеку, где и первые прочитанные книги, и классика – русская, украинская и зарубежная, современная литература.

В школе проявились и его лидерские качества: был старостой, потом пионервожатым у октябрят, в восьмом классе, став комсомольцем, неожиданно для себя был избран секретарём комсомольской организации, в которой состояло более ста старшеклассников. И это также сослужило ему в дальнейшем хорошую службу.

* * *

Без преувеличения, судьбоносными стали годы учёбы в Одесском технологическом институте – знаменитой «мукомолке», как называли в советские времена этот уникальный в своём роде вуз, готовивший специалистов мукомольной промышленности. Выбор вуза был сделан по настоянию школьного учителя физики после провального поступления в Кишинёвский пединститут.

В Одессе к тому времени уже училась в медицинском институте старшая сестра Зиды и жила тётка, у которой можно было остановиться на время. Отправился в дорогу с фанерным чемоданчиком. Из семи рублей, которые ему дали на дорогу (больше не было), два рубля 92 копейки он заплатил за билет в общем вагоне и ещё полтора – тачечнику, который довёз до трамвайной остановки его поклажу – три канистры подсолнечного масла по двадцать литров каждая. Масло давили на маслобойке после уборки подсолнечника из полагающихся отцу по натуроплате семечек. В Одессе Анатолий доехал с ними до нужной остановки и дальше тащил по частям: одну с чемоданом оставлял, а две другие тащил вперёд, всё время оглядываясь, чтобы не утащили оставленное. Потом возвращался, забирал и такими короткими перебежками добрался до нужного дома. И уже оттуда отправился, прихватив одну канистру, на рынок, благо он был неподалёку.

Там обнаружил двух конкуренток, торговавших таким же маслом. Отдышавшись, пристроился за деревянный настил неподалёку от них, и к нему тут же потянулись первые покупательницы. У него была с собой «мерка» – пустая бутылка из-под «Столичной» водки. И торговля пошла очень бойко. Тем более что был опыт. Анатолий Филиппович рассказывал мне, как ему, семикласснику, пришлось вместо заболевше-

го отца отправиться зимой вместе с матерью в Днепропетровск – продавать солёное сало. Свиной родители купили, заняв крупную сумму денег, и, откормив, превратили в ходовой товар. В итоге получилось более полтонны сала и 250 килограммов ветчины и домашней колбасы. Сало было упаковано в фанерные ящики из-под спичек (по 100 килограммов в каждом) и густо пересыпано солью. А для ветчины и колбасы были приготовлены специальные вместительные кошёлки, сплетённые из лозы. Они весили по 60-70 килограммов. И весь этот неподъёмный груз надо было доставить на станцию, загрузить в багажный вагон, выгрузить в Днепропетровске, довезти до рынка, сдать на хранение и расторгнуть.

Опуская подробности, скажем только, что им с матерью очень повезло тогда: на складе при рынке, где было оставлено на хранение сало, им заинтересовался оптовый покупатель. И Анатолий сумел сторговать ему всю партию, сбавив по 30 копеек с килограмма, но в итоге несколько не проиграв, потому что в каждом ящике было ещё по 10-12 килограммов соли, которой пересыпали сало. К счастью, и покупатель не обманул – сразу рассчитался за всё. И расставались они, вполне довольные сделкой.

– Вы имеете пользу с нашего товара, – сказал четырнадцатилетний продавец, не раз слышавший подобную фразу на родном Ясиновском базаре.

– А вы с наших денег, – учтиво отвечал пятидесятилетний покупатель.

В два дня они расторговались другим товаром, вернулись домой с чувством исполненного долга, и отец вовремя вернул занятые деньги. Ещё и разжились пусть и небольшим, «свободным капиталом».

А в этот раз в Одессе Анатолий, быстро распродав первую канистру, метнулся за двумя другими, оставив на прилавке бутылку с остатками масла, чтобы очередь не рассосалась. И его ждали, масла хватило всем, а последняя покупательница, у которой не оказалось посуды, получила товар в таре продавца, за которую он даже платы не взял.

И в институт удалось поступить с первого захода. Жить после этого мог и у тётки, но предпочёл общежитие, оно было рядом с институтом. Комната – на шестерых, железные кровати с панцирными сетками. У каждого жильца рядом с кроватью небольшая тумбочка и один на всех – большой деревянный трёхстворчатый шкаф. Жили дружно, питались как в столовой, так и у себя, в складчину. Любимым блюдом стал фирменный борщ «по-Главацки», который он иногда готовил.

Учиться было нелегко, особенно сначала. Лекции, семинары, практические занятия. Едва ли не каждый второй из поступивших вместе с ним не выдерживал нагрузок и отсеивался. Так было и в группе инженеров-технологов, будущих специалистов по хранению и переработке зерна, в которой учился Анатолий Главацкий. А вот перечень дисциплин, которые он изучал: органическая, неорганическая и ещё два или три вида химии, две или три физики, высшая математика, начертательная геометрия, сопротивление материалов, электротехника, гидравлика, вентиляция промышленных предприятий, теория машин и механизмов, разливка чугуна и стали, детали машин, виды крупяного зерна и зернопереработки, элеваторы и мелькомбинаты... И это только технические дисциплины, да и то не все. А были ещё и обязательные гуманитарные: история КПСС, политическая экономия, научный коммунизм, философия, английский язык. Плюс военная кафедра со своими дисциплинами.

Можно без преувеличения утверждать: Одесская «мукомолка» выпускала специалистов широкого профиля (в том числе ещё механиков и экономистов), которые работали в самых разных уголках тогдашней большой страны.

На студента Главацкого обратили внимание на кафедре физвоспитания: он хорошо бегал на короткие и средние дистанции, участвовал в соревнованиях, за что полагались дополнительные талоны на питание в институтской столовой. Занялся, уже сам для себя, борьбой. Спорт очень помог ему и в институте, и в будущем – выдерживать большие физические нагрузки, закалил его характер.

И Одессу он полюбил всей душой. Её нельзя было не полюбить – этот удивительный город с его неповторимой атмосферой, одесситами, которых ни с кем не спутаешь. Иногда по воскресеньям устраивал себе праздник: надевал выходной костюм, ходил в кино, позволял себе недорогой обед в ресторане или чашечку настоящего кофе в полюбившемся кафе. Словом, не только учился, но и жил, как подобает студенту, радуясь и наслаждаясь молодостью и полнотой чувств.

После первого курса, который он закончил, имея средние успехи в учёбе, по институту разнёсся слух, что наиболее крепких, хорошо подготовленных студентов набирают для работы на целине. Это был 1958 год, когда в Казахстане уродился небывалый урожай и нужна была помощь в его уборке. Претендентов оказалось в несколько раз больше, чем требовалось, и отбор был строгий.

Студента Главацкого взяли ещё и потому, что у него за плечами было три сезона работы помощником комбайнёра, репутация спортсмена, защищавшего честь университета на городских соревнованиях.

Всего одесские вузы командировали на целину 90 человек, в том числе 30 – Одесский технологический институт. Добровольцев погрузили в вагоны-теплушки с двухъярусными нарами и специальным эшелонотом отправили в Павлодар. Взятые с собой немудрёные запасы быстро закончились, кормёжка на крупных станциях по пути тоже была не очень, так что пока прибыли на седьмые сутки в Павлодар, изрядно отошали. Зато встречали их с оркестром и пламенными приветственными речами.

После чего одесситов снова погрузили в три вагона и повезли обратно, на станцию Жолкудук. И уже там их ждали бортовые грузовики «ГАЗ-51», на которых их доставили в совхоз «Агрономия» Краснокутского (ныне Актогайского) района. Часть оставили на центральной усадьбе, а оставшихся определили на отделение, в село Разумовку. Туда попал и Анатолий Главацкий.

Из студентов сформировали бригаду строителей, которым предстояло построить кошару для овец из самана, клуб из кирпича и весовую для грузовых машин. Анатолий решил сначала попробовать свои силы на уборке, но потом работать ему пришлось на току, куда уже начал поступать хлеб нового урожая. И дело он с двумя парнями на разгрузке зерна сумел организовать так, что они заменили девятерых прежних. Смены у них бывали и по 12, и по 14 часов, возвращались ночью чуть живые и засыпали мёртвым сном. Зато заслужили похвалу от первого секретаря райкома партии, побывавшего в Разумовке, и в итоге хорошо заработали. Анатолий привёз родителям пять тысяч рублей, в разы больше, чем зарабатывал на уборке.

Казахстан в том году впервые собрал миллиард пудов зерна (так тогда стали считать, чтобы цифра была позначительнее), или 16 миллионов тонн. Павлодарская область была награждена орденом Ленина. Но весь выращенный хлеб сохранить не удалось: не была готова к такому объёму перевозок железная дорога, не было ещё экскаваторов и хлебоприёмных пунктов. И значительная часть первого большого целинного урожая, оставшаяся на открытых площадках, попросту испортилась. Были наказаны руководители области, Иртышского района, а кого-то и осудили, хотя виновата была и Москва, по воле которой целину осваивали методом штурма и натиска. Но это особая история, и рассказывать

о ней надо отдельно. А та рабочая поездка на целину помогла Анатолию Главацкому выбрать жизненный путь после окончания института.

* * *

Его профессиональному становлению очень помогали и обязательные производственные практики. После второго курса студентов «мукомолки» отправляли на крупные элеваторы, где ожидалось большое поступление зерна. Таким для Анатолия и трёх его однокурсников стал Кулундинский элеватор. Во время уборки он работал круглосуточно, принимая в сутки до пяти тысяч тонн зерна. Это были все виды выращиваемых в Алтайском крае культур: пшеница, рожь, ячмень, овёс, гречиха, просо. Всё это зерно необходимо было довести до нужных кондиций, если нужно – просушить, разложить по хранилищам, не смешивая культур. И затем по нарядам отправить по железной дороге в Москву, Ленинград, Ташкент и другие крупные города. Много высококачественного зерна шло отсюда на экспорт – в Польшу, Чехословакию, Болгарию, Венгрию, Германию, а также в Китай.

Студенты-практиканты работали транспортёщиками, сушильными мастерами, машинистами зернопогрузчиков – на деле осваивали все технологические процессы. Работа на Кулундинском элеваторе была чётко отлажена, что очень пригодилось Анатолию Главацкому в его собственных делах, о чём ещё будет рассказано.

Второй стала практика в грузинском городе Поти, на мельничном комбинате, где студенты отрабатывали восьмичасовые смены на вальцевых станках, перерабатывающих зерно в муку. Мельница была семиэтажная, станков – до полусотни, шум стоял невероятный и ещё туман от мучной пыли. Так они на деле осваивали процесс производства муки трёх сортов, а также манной крупы, отрубей и других продуктов. Мелькомбинат работал в три смены, им приходилось выходить и в третью, ночную. И это тоже была хорошая школа.

И вот – преддипломная практика. Местом дипломного проектирования выпускника Анатолия Главацкого стал мощный Кировск – Омский элеватор ёмкостью более ста тысяч тонн. Зерно сюда доставлялось как по железной дороге, так и баржами с Иртыша. И одновременно шла отгрузка его в вагоны для отправки по заявленным адресам.

Главацкому было предложено спроектировать семяочистительную станцию с привязкой к действующим складам Марьяновского хлебоприёмного предприятия, находившегося примерно в сотне километров от Омска. Была зима, и дипломник прибыл туда экипированным, как по-

лярник, даже толстые валенки прикупил. С заданием успешно справился, собрав достаточно материала для институтского дипломного проекта. Он состоял из шести сложных чертежей большого формата и почти полутора сотен страниц пояснительной записки. Полную схему семяочистительной станции с размещением зерноочистительных машин Анатолий вычертил ещё в Омске. Всё остальное было делом техники.

И вот – в кармане диплом, а дальше – распределение. Была возможность и в институте остаться – предлагали. Но ему хотелось попробовать свои силы на самостоятельной работе. И он выбрал Казахстан, Павлодарскую область, откуда была заявка на специалиста его профиля и даже с заявленной должностью – заместителя директора хлебоприёмного пункта.

* * *

В Павлодаре новоиспечённого «мукомола широкого профиля» ждал сюрприз: Приозёрного хлебоприёмного предприятия (ХПП), заместителем директора которого ему надлежало стать, попросту не существовало – его только предполагалось построить. Предложили равноценную должность на Шадринском ХПП в Баянаульском районе, за три с лишним сотни километров от областного центра. Начальство боялось – откажется, он же сразу согласился.

На будущее место работы вылетел на самолёте, они тогда летали из Павлодара не только в этот район, но и в Качирский, Железинский, в Чалдай. Не только летом, но и зимой. Только вместо колёс у АН-2 – «кукурузника» были лыжи.

Самолёт сел в ровной просторной степи, неподалёку от нового места работы назначенца, куда тот и отправился. Предприятие, прямо скажем, не впечатляло: два склада и ещё один строящийся, что-то вроде слесарной мастерской, сбитый из горбыля склад для хранения «материальных ценностей», маломощная сушилка зерна и 25-тонные весы. За забором, частично отлитым из шлакобетона, частично невысоким деревянным, притулилась контора, поделённая на две части: одна для бухгалтерии, другая для руководства. Перед въездом на территорию находилась лаборатория, которая определяла качество поступающего с полей на ХПП зерна. Поневоле подумаешь: стоило ли выпускнику престижного вуза тащиться сюда из Одессы, с берега Чёрного моря, за пять тысяч километров?

Между тем и эта местность была знаковой – родиной академика К.И. Сатпаева, о чём позднее узнает А.Ф. Главацкий. А тогда всё здесь

для него было впервые: первые знакомства, рабочие будни, первый бешбармак – по казахскому обычаю вновь прибывшего (какого-никакого начальника) следовало достойно принять, доказав, что ему здесь рады.

В первую свою самостоятельную хлебозаготовку заместитель директора принял на хранение семь тысяч тонн пшеницы. И погода благоприятствовала, сушить зерно почти не приходилось. Главной заботой было выбить в областном управлении хлебопродуктов как можно больше грузовых машин для отгрузки зерна на линейные элеваторы, расположенные на железной дороге. Ещё надо было выбить запасные части для предприятия – и для текущего ремонта, и про запас. Во всё быстро вникал, и многое поэтому удавалось.

Пережил первую строгую комплексную проверку предприятия комиссией областного управления хлебопродуктов... Однажды едва не замёрз вместе с водителем, когда угодили зимой в сильнейший буран...

Проявив чудеса изобретательности и дипломатии, сумел доставить на предприятие дизель-электростанцию «Революция», несколько лет пылившуюся без дела на подъездных путях в Жолкудуке. Веса она 25 тонн, да ещё шесть – генератор. Разгрузил их 45-тонный железнодорожный кран, а дальше – ни тпру ни ну. Это была целая эпопея: найти нужных людей – тех, кто погрузит нестандартный груз на нестандартный грузовик (который также нужно было найти и договориться о транспортировке). И ещё доставить к месту назначения, а это 320 километров и по большей части степной дороге. Даже теперь, годы спустя, Анатолий Филиппович сам себе удивляется – как ему всё это удалось сделать: погрузки-перегрузки, преодоление разлившихся по весне речушек, крутые подъёмы и спуски... По пути на ХПП даже пришлось заночевать в одиноком жилище у чабана на отгоне. Но дело было сделано. Хлебоприёмный пункт получил гарантированный источник надёжного энергообеспечения. А заместитель директора заслужил репутацию грамотного специалиста и человека, способного делать дела, которые другим были не по силам.

Он получил новое назначение, став заместителем директора Зерноградского (Рождественского) элеватора – первой, то есть высшей, категории хлебоприёмных предприятий. Для сравнения: Шадринский ХПП относился к низшей, пятой категории. Его грузооборот не превышал десяти тысяч тонн, а мощность Рождественского, как его стали позже называть, превышала сто тысяч тонн. Должность была вроде та же, но

по статусу неизмеримо выше. И, конечно, обязанностей несравнимо больше, как и ответственности.

Серьёзную проверку на прочность пришлось пройти уже через несколько месяцев, во время жатвы. Тот 1964 год выдался урожайным, предстояла большая нагрузка. Чтобы прикинуть примерный объём зерна, который предстояло принять, заместитель директора объехал со специалистами Павлодарского и Успенского райсельхозуправлений поля хозяйств их районов. Техническая база предприятия также была готова – как к приёму зерна, так и к работе с ним: разгрузке, перевалке, сушке влажных партий. Но – так уж получилось – молодой специалист остался один на один со всем коллективом: главный инженер, наконец, согласовал отпуск, в котором не был два года, а директор ушёл на больничный.

На эlevator пошёл хлеб – тысячи тонн в сутки. Бывало, принимали за 24 часа почти столько же зерна, сколько за весь сезон на Шадринском хлебоприёмном пункте. Но особых проблем не возникало, пока кроме сухого зерна из совхозов Успенского и Павлодарского районов не пошло влажное по железной дороге из Калкамана и Бозшаколя. В том краю прошли сильные дожди, и на тамошних двух хлебоприёмных предприятиях не успевали сушить зерно. А самые мощные сушилки были как раз на Рождественском элеваторе. Иногда приходило два-три состава с влажным зерном по 16 вагонов в каждом, причём едва ли не одновременно, к чему не был готов эlevator – ни технически, ни организационно.

В пожарном порядке сами приняли какие-то технические меры. Помог Павлодар – прислали на разгрузку по разрядке городских и областных властей студентов вузов, рабочих тракторного завода и завода «Октябрь», других предприятий. Всего на территории элеватора зерном занимались до 400 человек. Но составы шли и шли, и неизбежно возникали задержки с их разгрузкой. Стали бить тревогу железнодорожники: в пору, когда каждый вагон на учёте, Рождественский эlevator превращает их в склады на колёсах.

Оборудовали четыре новые точки для разгрузки вагонов. И какой-никакой прогресс на этом участке «зернового фронта» обозначился. Круглые сутки работали сушилки, доводившие влажное зерно до нужных нормативов. И самому заместителю директора приходилось днём и ночевать на предприятии. Случалось, ночевать домой не уходил, а спал по несколько часов, прикорнув в укромном уголке. Люди это видели и сами подтягивались, трудились на совесть.

Но были приняты «меры» по сигналу железнодорожников – прибыл проверяющий из областной прокуратуры, стал требовать письменных объяснений. А.Ф. Главацкий сказал, что приготовят все документы – быстро, как только смогут, а сам он должен заниматься другими неотложными делами. Тот настаивал на объяснительной, и Главацкий вспылил:

– А то что – задержите и в КПЗ посадите? Так я вам ещё спасибо скажу – хоть выплусь там как человек.

Обошлись в конце концов справкой главного экономиста о поступлении и разгрузке вагонов. А к концу уборки не только все ёмкости элеватора, но и все асфальтовые площади были заполнены зерном базисных кондиций. И надо было заниматься уже его отгрузкой на переработку в другие регионы страны.

Та уборка преподнесла А.Ф. Главацкому очень важный урок: испытания и трудности, которые подбрасывает жизнь, надо принимать по-мужски, не паникуя и никогда не сдаваясь. Именно так он и будет действовать всегда, невзирая на обстоятельства. И ещё работа на этом элеваторе утвердила его в правильности выбора пути после окончания института: здесь было где развернуться молодому специалисту с профессиональными амбициями. Он также останется благодарен директору элеватора Владимиру Григорьевичу Бердову, в прошлом лётчику-истребителю, человеку многих достоинств. У него учился житейской мудрости: выстраивать отношения с людьми; решать проблемы без суеты и спешки, как бы между прочим; правильно воспринимать жизнь в её разных проявлениях, включая и неприятные.

Время от времени молодого специалиста посылали на учёбу – в Москву, Алма-Ату, поскольку видели в нём не только растущего профессионала, но и потенциального руководителя. И в 27 лет он был назначен директором Ямышевского хлебоприёмного пункта – самым, кстати, молодым руководителем такого уровня в системе хлебозаготовок республики.

Хозяйство ему досталось порядком запущенное. Уже началась уборка, а на хлебоприёмном предприятии, казалось, и не собирались принимать зерно нового урожая. На открытой площадке лежала партия ячменя в 500 тонн, завезённая несколько дней назад, и это влажное зерно, оставленное без движения, могло вот-вот испортиться.

Техническая база – несколько сушилок, которые ещё только предстояло запустить в дело; энергетическая часть – дизель-электростан-

ция, два других дизеля и четыре танковых дизеля мощностью 60-80 киловатт. С последними новому директору пришлось иметь дело и на Шадринском ХПП.

Это долгая история – о том, как удалось справиться с приёмом зерна в ту уборку и чего это стоило. Как наводили порядок, превращая предприятие в надёжное и стабильно работающее. Как директор уговаривал домохозяек села помочь на разгрузке зерна. Как строили сообща тёплый бокс для двух грузовых машин хозспособом, организовав воскресник; а также удобную бытовку для всех. Даже баню собственную построили здесь же... И по инициативе директора, решая проблему надёжного водоснабжения ХПП, заодно провели летний водопровод в Ямышеве...

Очень многое было там сделано. И хотя бы коротко нельзя не сказать о проекте особой важности, задуманном новым директором и кардинально решившем многолетнюю проблему устройства сезонной эстакады – конструкции для отгрузки зерна с ХПП на баржи. Строили её каждый год, деревянную, вбивая в речное дно заострённые внизу брёвна-опоры, что было сопряжено с риском для жизни это делавших. Затем к ним пристраивали настил и уже по нему, проложив движущуюся транспортёрную ленту, отгружали зерно в трюмы барж. Каждый год эту конструкцию сметало ледоходом, и её приходилось создавать заново.

Идея директора ХПП состояла в следующем: устроить эстакаду из металла, без свай, только верхнюю часть, над рекой. Держать её должны металлические тросы. И тогда её не будет сносить по весне ледоходом. Но когда рационализатор поделился своим прорывным, как сейчас бы сказали, проектом в техническом отделе управления хлебопродуктов, тут же получил от ворот поворот: начальник отдела сказал, что овчинка не стоит выделки. Предлагаемая конструкция может стоить в разы дороже, чем весь Ямышевский хлебоприёмный пункт, и к тому же не факт, что она окажется по-настоящему работоспособной.

Другой бы, скорее всего, отступил, а молодой директор решил действовать на свой страх и риск. Была создана специальная бригада из шести надёжных рабочих, мастеров на все руки. Всё, что было нужно для будущей конструкции, добывал, используя уже налаженные связи и заводя новые, директор: что-то на тракторном и судоремонтном заводах, что-то в речном порту. Это были, конечно, дополнительные расходы, но тут помогли личные контакты с начальником планово-финансового отдела управления хлебопродуктов.

К началу зимы были во всеоружии. Директор подробно объяснил будущим исполнителям задачу и читал в их глазах сомнение. Как-то не очень им во всё это верилось: металлическая галерея – по типу стрелы подъёмного крана – крепится на оси в том месте берега, куда лёд не достанет, а саму конструкцию во время ледохода можно поднимать вверх и даже поворачивать...

Не верили сначала в успех этого безнадёжного, как им казалось, дела, надёжные в деле мужики. Зато автор проекта испытывал настоящий азарт творца и увлекал людей за собой. Оставим за скобками повествование обо всех трудностях, которые им пришлось преодолеть. Однажды уже практически готовая галерея даже обрушилась в воду. Но и с этой нештатной ситуацией справились. И вскоре отгрузили по «новой технологии» на баржу первую партию зерна. Директору же начальство устроило выволочку за самоуправство и сверхнормативный расход средств на капитальный ремонт (по этой статье он провёл расходы на строительство галереи, сэкономив расходы на создание ежегодных сезонных). Правда, и уже заготовленный приказ о наказании «за самоуправство» издан не был. А его галерея будет ещё не один год надёжно служить предприятию.

Как бы там ни было, годы работы на Ямышевском ХПП навсегда остались в памяти А.Ф. Главацкого как светлые и радостные. И не только потому, что работал с азартом и почти всё удавалось. В эти годы он создал семью, у них с супругой Галиной родилась дочь Яна, и с коллективом предприятия сроднился. И всё же начинал тяготиться рутинной дел, которые стали привычными. Можно сказать, что ему уже тесно было в более чем скромных для его кипучей натуры масштабах предприятия. Подумывал о смене места работы. И, казалось бы, вполне подходящие варианты подворачивались.

Съездил на родину, где в Николаеве начиналось строительство крупнейшего в СССР алюминиевого завода и где ему предлагали должность начальника отдела снабжения с окладом втрое больше его директорского. И другие варианты были – в системе хлебопродуктов Николаева. Но, поразмыслив и всё взвесив, решил не торопиться. Вернулся в Ямышево, не зная, что его ждёт новое назначение – директором Павлодарской реалбазы хлебопродуктов.

* * *

С той поры – лета 1970 года – более полувека жизни А.Ф. Главацкого будет связано с этим предприятием. В советские времена оно было,

без преувеличения, предприятием стратегического значения. Сюда поступали из разных регионов СССР крупы всех видов для их хранения и дальнейшего распределения по городам и сёлам (туда – через систему облпотребсоюза). Кроме того, на реалбазе хранилась мука местного производства, которую также отправляли потом по области и в другие регионы страны.

Крупы шли в основном по железной дороге в мешках, но без всякой системы. В день мог поступить один вагон, а то и три, и четыре. Разгружать их надо было вручную – пятидесяти-, а также 70-килограммовые. Грузчиков не хватало, а если сходились сразу все работы – разгрузка из одних вагонов, загрузка в другие, в тех же мешках, для отправки, доставки автотранспортом продукции по торговым точкам, – пиши пропало. Случалось, и сам директор становился рядом с грузчиками, надев рабочую робу, на разгрузку-погрузку, пока со временем не упорядочили эту работу, внедрили малую механизацию, сумели материально заинтересовать грузчиков.

Ко всему прочему реалбазе передали под управление Ямышевский и Экибастузский хлебоприёмные пункты, Красноармейскую хлебную базу, сделав их подсобными предприятиями головного павлодарского. Ежегодный грузооборот реалбазы, которая и зерно принимала, сушила и хранила, достигал 100-120 тысяч тонн, что относилось её к высококатегорийной первой группе предприятий системы хлебопродуктов СССР. И она вышла в передовые, становилась победителем в республиканском социалистическом соревновании, завоёвывала переходящее Красное знамя Министерства хлебопродуктов СССР. Тогда это имело большое значение.

* * *

1972 год. На целине выращен небывалый урожай – самый большой после первого целинного – 1958 года, в уборке которого принимал участие студент Одесской «мукомолки» Анатолий Главацкий. А теперь судьба посылала ему новое испытание.

В тот год северные хлебоприёмные пункты области очень быстро оказались заполнены зерном. Не успевали его отгрузить в другие регионы страны и по железной дороге. И большой целинный хлеб пошёл на реалбазу. Причём зерно шло «тяжёлое» – сырое, с влажностью до 20 и даже 28 процентов. Складские ёмкости были готовы, но такое зерно требовало сушки. И это круглые сутки делалось на двух сушильно-очистительных башнях (так они назывались). Но влажного зерна поступи-

ло очень много, и его стали разгружать на асфальтплощадки. И как-то худо-бедно справлялись. Пока не возник форс-мажор.

Из Иртышска прибыл автомобильный батальон – 120 грузовых автомашин с зерном (транспортные воинские части всегда помогали перевозить его в урожайные годы). К приёму, в общем, были готовы, но командир подразделения, полковник, поднял большой шум, приехал первый зампред облисполкома и дал команду разгрузить часть этого транспорта на бетонную трассу, ведущую в сторону химического завода. Между тем накрапывал дождь, и возникала реальная опасность потерять значительную часть этого зерна: его же надо было потом собрать, привезти, разгрузить... Всё это А.Ф. Главацкий попытался объяснить, но его не слушали. Хорошо ещё, в разговор включился начальник облуправления хлебопродуктов Н.Л. Шварц. Когда страсти утихли, директор предложил пройти на территорию и посмотреть, что и как делается там. А там шла разгрузка: машина за машиной заезжает на подъёмник, зерно высыпется – и дальше на сушку.

– Видите – всё налажено, – сказал директор, – к утру закончим.

– Под твою ответственность, – уточнил зампред облисполкома.

– Под мою ответственность, – подтвердил Главацкий.

С автобатальоном разобрались... Но и потом легче не стало: были заполнены сухим зерном склады, и свободных асфальтплощадок не оставалось. А А.Ф. Главацкий настоял на немедленной отправке кондиционного зерна по железной дороге в другие регионы, что и было сделано: уже в сентябре и октябре его вывозили по 20-25 тысяч тонн. И внедрили ноу-хау: с помощью технических приспособлений стали поднимать бурты зерна на высоту до пяти и даже шести метров – вровень с крышами складов. И спасли, сумели сохранить весь поступивший на реалбазу большой хлеб того года.

А.Ф. Главацкому та уборка аукнется ещё дважды: орденом «Знак Почёта» – первой и вполне заслуженной государственной наградой, и сахарным диабетом. Утром, поднимаясь в половине шестого, обычно не завтракал, обходясь «глюкозой» – стаканом воды, в которой размешивал две столовые ложки сахара. Обедал, так уж получалось, часов в шесть-семь и опять работал – когда до полуночи, а когда и сверх того. С тех пор вынужден колотиться инсулином.

* * *

Его работу на этом предприятии можно разделить на два этапа – советский и постсоветский. В первом много чего происходило: его уз-

нали в городе, стал своим в кругу директоров предприятий, особенно Ильичёвского района, к которому все они относились; избрали депутатом райсовета...

Потом ему предстояло пережить тяжелейший кризис 90-х годов, выстоять, помочь предприятию обрести второе дыхание. И об этом тоже стоит рассказать.

Удача чаще улыбается тому, кто сам стремится ей навстречу. Так было и у него. В конце восьмидесятых годов оказался на занятиях в Московской школе менеджмента, организованной департаментом экономики Министерства хлебопродуктов СССР. Откровенно скучал, пока не услышал, уже под занавес надоевшей учёбы, что московские мельницы уже полгода работают по новой системе хозяйствования. Сразу заинтересовался этим, его свели с нужными людьми из Московского института экономики, которые взялись подготовить нужный пакет документов для перевода его предприятия на новые методы хозяйствования. Предстояла многомесячная подготовительная работа с трудно предсказуемым результатом, но он отчётливо понял: судьба даёт ему шанс, который он не имеет права упустить.

Пытался агитировать начальника управления хлебопродуктов, предлагал перевести на новую систему хозяйствования все его предприятия. В качестве аргумента приводил московских коллег, уже работавших по-новому, говорил о своих контактах с нужными столичными специалистами. Даже самостоятельный банк предлагал создать для кредитования местной системы хлебопродуктов. «Большой шеф» на подобное решиться не мог: то Москва, а это далёкая провинция, да и степени ответственности у них с Главацким были несопоставимы. Однако согласился на эксперимент – отпустить в «свободное плавание» реалбазу хлебопродуктов.

Дальше – поездки в Москву, бумажная круговерть, и, наконец, есть устав малого государственного предприятия «Павлодарская реалбаза хлебопродуктов». Согласно этому уставу сохраняется профиль основной деятельности предприятия: приём, сушка, хранение зерна, снабжение прежних заказчиков всем перечнем продовольственных продуктов. Это – ответственность, притом большая, но и свобода действий тоже, без постоянной мелочной опеки, отчётов, согласований, но с правом самостоятельно распоряжаться заработанными средствами. Теперь директор мог многое решать сам, но и рисковал многим, если хотите, собственным будущим и будущим всей семьи, в которой было уже трое детей.

Не всё и не сразу получалось: одни реорганизации чего стоили – из государственного в просто малое предприятие, потом в командитное товарищество, пока не родилось, без преувеличения, в муках (все превращения и переходы становились настоящей головной болью) ТОО «НОКО» – товарищество с ограниченной ответственностью. Аббревиатура расшифровывается так: «Надёжность. Оперативность. Качество. Обязательность». С этим названием фирма работает более четверти века, доказывая, что эти принципы для коллектива – не просто слова.

Новые формы хозяйствования наполнялись и новым реальным содержанием. Когда стали сокращаться до этого обязательные поставки круп и муки на базу (а со временем вовсе прекратились), стали сами налаживать их производство.

Так, например, реалбаза поставляла большие объёмы ржаной муки для технологических нужд Павлодарского алюминиевого завода – сотни тонн ежегодно. А сама получала её из-за пределов области. И вот такие поставки прекратились, а выгодного покупателя потерять никак было нельзя. При этом у самих находился свободный запас ржи. Сумели купить в Новосибирске простенькую мельницу, быстро доставили, смонтировали и полностью закрыли потребности завода в этом сырье. И оставались его надёжным поставщиком многие годы.

Эту мельницу потом модернизировали и стали выпускать на ней и другой сорт ржаной муки, уже на продовольственные нужды. Из Украины завезли ещё две мельнички трёхсортного помола – высшего, первого и второго. В Башкирии добыли установку для выработки гречневой крупы, в Усть-Каменогорске – для производства перловки. Сами сконструировали агрегат для переработки проса в пшено. Привезли с Украины установку по выпуску круп – ячневой и перловой, гороха. Установили жаровни для производства подсолнечного масла, стали и его выпускать. А ведь всё это многообразное оборудование надо было ещё найти, оплатить в условиях, когда платежи не проходили, и доставить.

Вот один из ярких примеров того, как тогда действовал директор. Узнал, что на одном из секретных оборонных заводов на Урале выпускают ещё и станки для производства макарон. Договориться о поставке их обычной перепиской или телефонными переговорами было невозможно. Снарядили туда бортовой «ЗИЛ-130» с пятью тоннами муки собственного производства. И А.Ф. Главацкий с товарищем (тот тоже хотел иметь такой станок) на свой страх и риск отправились в прежде неведомый им Миасс на двух «Москвичах»-пикапах.

Чтобы просто попасть на территорию этого предприятия, нужны были не дни, а недели согласований. Но на нём уже несколько месяцев не платили зарплату. И когда «ходоки» объявили охране, какой у них груз, всё сразу пришло в движение: охрана доложила по команде, куда и кому следует, и бартер быстро состоялся – пять тонн муки за четыре установки, по две в будку каждого «Москвича». Станки эти с разными насадками – для выпуска разных видов макарон из муки собственного производства – прослужили предприятию лет десять и были потом выгодно проданы другой фирме.

Пробовали заниматься всем, что пользовалось спросом и сулило хоть какую-то выгоду. Одновременно с переработкой зерна взялись и за животноводство. Построили небольшую ферму на двенадцать дойных коров и 30 голов молодняка крупного рогатого скота. Собственную свиноферму на 500-600 голов с маточным поголовьем организовали. Лошадей тоже держали. Даже гусей взялись выращивать. Штатную должность зоотехника ввели, благо уже не надо было ни с кем согласовывать. Мясо реализовывали своим работникам по умеренным ценам и на сторону. А к Новому году каждый получал в качестве подарка по реалбазовскому гусю.

Чем они тогда только не занимались! Сами стали выращивать пшеницу, просо, рожь, ячмень. Не всегда им за их продукцию платили деньгами – они тогда были не у всех. Брали и бартер – те же нефтепродукты, а потом уже их продавали. А ещё торговали бартерными велосипедами и мотоциклами «Урал». Когда-то у отца Анатолия Филипповича была мечта, так и не осуществившаяся, – занять личный мотоцикл с коляской, тогда это был «М-72». А сын даже большие автобусы заимел и сдавал их в аренду «челнокам», ездившим на них за товарами в Алма-Ату и Китай.

Даже случавшиеся чрезвычайные происшествия удавалось обратить в развитие. В начале «нулевых» годов на территории фирмы случился большой пожар – сгорели два старых склада с деревянными стропилами и крышами. Остались только корявые стены, сложенные много десятилетий назад из камня.

Правильно говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. Утрата двух давно своё отслуживших складов стала поводом к масштабному переустройству всего складского хозяйства. Со временем снесли четыре оставшихся деревянных склада, на одном из которых обнаружили и дату его постройки – 1929 год. На месте сгоревших и этих выстроили

новые – со стенами из керамзитобетона, с железобетонными перекрытиями, оцинкованными крышами, двухстворчатыми металлическими воротами.

Обустроили и преобразили всю территорию предприятия: поставили удобные офисные здания, бытовые помещения, провели водопровод и, построив свою котельную, запустили центральное отопление всюду, где оно было необходимо.

Всё это и многое другое первым задумывал и продвигал, увлекая остальных, Анатолий Филиппович Главацкий – своим умом, упорством, неустанным трудом. К этому был приучен с детства родителями, постигая науку жизни; потом в институте и на всех своих последующих постах.

Об этом он хорошо рассказал в трёх своих книгах, которые я помогал ему готовить. В них все его университеты: детства, семьи и школы, института, дальнейшей работы. В них люди – десятки и сотни, так или иначе повлиявшие на его судьбу, которых он своей памятью обессмертил.

Он сделал в жизни всё, что предназначено мужчине: строил здания и сажал деревья, был хорошим сыном, стал хорошим мужем и отцом трёх достойных детей, любимым дедом для внуков, а теперь и прадедом; был и остаётся надёжным другом, равнодушным человеком, готовым прийти на помощь. Анатолий Филиппович жил, дышал полной грудью, и остаётся пожелать ему в полном здравии достичь возраста своих предков-долгожителей.

«НЕРЕШАЕМЫХ ПРОБЛЕМ НЕ БЫВАЕТ!»

Хозяйство это по-своему уникально. В здешнем краю, который впопру называть зоной не рискованного даже, а отчаянного земледелия, давно научились выращивать хлеб и применяют самые современные технологии.

Успешно развивают животноводство, где организация дела также продумана до мелочей.

Здесь, на самом «краю» области, у людей есть всё, чтобы жить и работать и не чувствовать себя оторванными от большого мира и благ цивилизации.

Это – ТОО «Галицкое» Успенского района. С его руководителем Александром Анатольевичем Касицыным, который начинал здесь когда-то карьеру зоотехником молочно-товарной фермы, мы знакомы не один десяток лет: много раз встречались по разным поводам, о многом откровенно говорили. Так родился этот мой рассказ о нём и его уникальном хозяйстве.

– Александр Анатольевич! Вы уже в детстве знали, чем будете заниматься в жизни?

– Пожалуй что да. Родители мои были животноводы: мать – доярка, отец – табунщик. Я из шестерых детей старший, помогал управляться родителям со скотом на работе и дома. Так что мой путь в профессию был, наверное, предопределён.

– Кто больше занимался вашим воспитанием в детстве – отец или мать? Самые яркие воспоминания из вашего детства?

– Сказать, что нас с утра до вечера воспитывали, было бы неправдой. Но в семье существовали строгие правила, у каждого из детей

были свои обязанности: привести в порядок комнату до ухода в школу, управиться с домашним скотом к тому времени, когда вернутся с работы родители... Плюс, само собой, с весны до осени огород, уход за ним – это тоже была наша забота. И не было хуже наказания, чем укор отца за несделанную или плохо сделанную работу.

Уже с восьмого-девятого класса я летом работал в колхозе – пас скот, скирдовал сено, был «подсобником» на заготовке силоса...

Самое яркое, светлое воспоминание из поры детства – это когда отец брал меня с собой в степь. Он пас колхозный табун лошадей, смена длилась двое суток. И когда, уступая моим просьбам, он говорил: «Ладно, собирайся!» – не было для меня большей радости. Тогда я узнавал и начинал любить лошадей, которых люблю до сих пор. Научился ездить верхом – без седла и в седле. Кстати, я единственный из «младших» зоотехников хозяйства имел персонального коня Цыгана, ездил на нём верхом, а зимой в кошеве. Даже председатель колхоза Глазырин любил иногда проехаться со мной.

– А когда вы по-настоящему определились с профессией?

– После школы мы – трое одноклассников – поехали поступать в Семипалатинский зооветеринарный институт. Но они двое передумали, и я тоже забрал документы – за компанию... Поступил в Павлодарский совхоз-техникум, в 1984 году окончил его с отличием и даже уже получил предварительное распределение – в известный тогда передовой совхоз «Бобровка» Качирского района. А на вручении дипломов перед нами выступил Виктор Дмитриевич Глазырин – председатель колхоза имени Карла Маркса моего родного Успенского района. И так меня его выступление зацепило, что я подошёл и представился. Наверное, чем-то ему приглянулся, потому что он тут же меня «перераспределил» к себе в колхоз – зоотехником фермы. Было это 23 марта... С тех пор март для меня – счастливый месяц... Через три года, опять в марте, Глазырин назначил меня главным зоотехником, а в марте 1993 года, уже будучи главой Успенской районной администрации, рекомендовал правлению колхоза избрать меня председателем. Его слово оказалось решающим.

– Он нас с вами, кстати, и познакомил... А вы сами видели себя на этом посту, предполагали, что его предложат?

– Не видел, не предполагал, не мечтал... Просто утром Глазырин мне сказал, что он всю сегодняшнюю ночь думал, принял очень непростое решение и уже распорядился созвать правление колхоза. Я же был совершенно не готов к этому разговору... Сразу сказал ему о своих со-

мнениях относительно его выбора... Но Глазырин уже всё решил, и, конечно, правление его поддержало.

– **А он говорил, почему выбор пал именно на вас?**

– Специального разговора на эту тему не было. Но Виктор Дмитриевич ко мне очень хорошо относился, можно сказать, любил, и некоторые в колхозе даже думали, что мы родня, чего на самом деле не было. Да и любовь его была, если можно так выразиться, своеобразной, принимавшей временами деспотические формы. Вероятно, он считал, что если имеет на меня определённые виды, продвигает по службе, то «доставать» меня имеет право больше, чем других. Иногда наши с ним отношения доходили до полного разрыва. И тем не менее работа с ним – это была отличная школа хозяйствования. Он был жёстким руководителем, во всё вникал сам, всё контролировал, никогда ничего не забывал. И при всей своей «колхозности» был хорошим психологом, чувствовал людей, знал – как с кем себя вести. И всё это шло колхозу на пользу.

– **Наверное, ему жаль было оставлять налаженное хозяйство, его любимое детище, в которое он вложил столько труда...**

– Ещё как жаль! Если бы только можно было, то, наверное, он бы тогда занял сразу два кресла – и председательское, и главы района... Но, увы...

– **Как раз в те годы я впервые побывал вместе с Виктором Дмитриевичем в Галицком и видел, что он по-прежнему остаётся сторонником колхозной формы хозяйствования...**

– Я вам больше скажу... Став главой районной администрации, он едва ли не на первой встрече с председателями колхозов заявил: «Забудьте, что это районная администрация, – это одна большая колхозная контора, и я её председатель...» Такой это был человек – хозяин-самородок, преданный крестьянскому делу. До своей преждевременной кончины всеми силами оберегал район от разора...

– **Можно ли сказать, что вам повезло: в 31 год стать председателем такого колхоза?**

– Это как посмотреть... Большой вопрос – что лучше: принять слабое хозяйство и навести в нём порядок или получить такое, каким был колхоз имени Карла Маркса, и удержать его, когда всё вокруг уже валится...

– **Трудно было?**

– Трудные времена начались для меня сразу же: то были годы массовой эмиграции немцев в Германию, а они у нас составляли до 80

процентов. И это были лучшие работники. А мы, как ни тяжело приходилось, покупали у них дома и завозили других немцев – из южных областей Казахстана. Именно завозили – посылали туда агитаторов, которые расписывали, как им будет у нас хорошо; помогали переезжать, посылали за ними транспорт. И уже тут давали им те самые выкупленные нами дома – в качестве ссуды. Потом пошла вторая волна эмиграции, когда уезжали уже те, кого мы сагитировали на переезд к нам. И мы опять выкупали у них дома, которые к тому времени подорожали в три раза... А потом, когда повсюду стали разваливаться бывшие колхозы, совхозы, люди к нам потянулись сами, потому что видели: мы всё сохранили и всё у нас работает...

– Как вам удалось сохранить хозяйство в пору безумно-бездумных «реформ» на селе, приватизации совхозов и колхозов?

– Держались мы до последнего... Когда колхозы были объявлены пережитком прошлого и поставлены вне закона, сменили вывеску на производственный кооператив. Политика тогдашних реформаторов по отношению к селу была убийственной: из-за диспаритета цен, отпущенных на промышленную продукцию, нужные нам ресурсы, но замороженных на продукцию села, «экономического раскулачивания» и прочих псевдорыночных шараханий хозяйства, даже вполне дееспособные, погружались в долговую яму, выбраться из которой не мог практически никто.

Пришла следующая волна реформирования – банкротств, дележа прежнего общего совхозно-колхозного имущества, появления конкурсных управляющих... Как раз в ту пору у меня состоялась памятная встреча с акимом нашей области – рыночником Г.Б. Жакияновым. Увидел наш детсад и спрашивает: «А это что?» – «Детский сад», – отвечаю. «Работает?» – «Нет, временно пустует...» – «Почему не продаёте?» – «Так нужен же будет!» – «А вам до этого какое дело?». Словом, ясно дал понять, что надо немедленно покончить с «проклятым советским мышлением», что никакого производственного кооператива быть не должно, собственность должна быть персонифицирована...

А я всё сомневаюсь, думаю... Как можно было чуть не задаром раздать объекты, которые новые «хозяева» никогда не сохранят... Мы ведь их большей частью на свои деньги строили, да и как без них потом обойтись? Хотя мне за тот наш детский сад предлагали особняк в Павлодаре.

Я всё выжидаю... И тут, несколько месяцев спустя, опять приезжает Г.Б. Жакиянов. И когда ему доложили, что перед ним председатель ко-

оператива Касицын, он, переспросив: «Председатель кооператива?» – вообще не стал со мной разговаривать... Сел в машину и уехал. Надо отдать ему должное, спустя какое-то время он, опять приехав к нам, публично извинился передо мной, сказав, что был в предыдущий приезд не прав. Редкий, если не единственный случай для сильных мира сего.

А ещё у нас в те трудные времена побывал тогдашний министр сельского хозяйства Кулагин – позднее аким Костанайской области. Я ему показывал хозяйство – производственный кооператив, по сути всё тот же колхоз. И чем больше он видел (всё разумно организовано, всё работает, есть результаты), тем сильнее мрачнел. Напоследок сказал: «Ну зачем ты мне попался? Я-то был уверен, что мы всё правильно делаем на селе, а это, оказывается, далеко не так...» – «А мне что делать?» – спрашиваю его, когда он уже уезжать собрался. «Работай!» – отвечает.

– Что же вы всё-таки сделали?

– Мы создали новое ТОО «Галицкое» и передали ему в аренду все имущественные пай, которые числились в производственном кооперативе, с правом последующего выкупа. За исключением суммы долгов – в виде имущества она по-прежнему оставалась за кооперативом. Это были не самые нужные хозяйству объекты, оборудование и прочее. Забегая вперёд, скажу: мы потом это имущество на аукционе сами и выкупили, чтобы «чужие» у нас не путались под ногами.

И только мы зарегистрировали ТОО, как к нам явились конкурсные управляющие – некие молодые люди, которым, по сути, после нашего решения уже нечего было тут делать... То есть протяни мы ещё несколько дней, – и хозяйства в его нынешнем виде точно бы не было...

Тут надо, наверное, ещё сказать, что у нас в ту пору были очень большие долги. Но создавая ТОО, я не стал изымать их сумму (солидарно) из имущественных паёв. Мы возвращали эти долги уже из вновь наработанного – это также была очень непростая работа, о чём иногда забывали те, у кого мы пай выкупали. Теперь всё, что мы имеем, – собственность ТОО.

– Вам важно, что о вас думают люди?

– Очень важно. Почти вся моя самостоятельная жизнь прошла здесь, и я, конечно, дорожу мнением односельчан обо мне.

– Вы устаёте на работе?

– Устаю. Но когда я вижу, чем мы располагаем, что нами создано, это придаёт мне сил. Мы очень много вкладываем в будущее села – новые технологии, социальную сферу, в детей. Многие меня в этом не

понимали и не поддерживали. Теперь это называют социальной ответственностью бизнеса, чем мы, собственно, много лет занимаемся. И, убеждён, правильно делаем. Такого набора социальных объектов, как у нас, нет, наверное, больше нигде в сёлах. И жильё мы строим... То есть инвестируем в будущее... Что может быть важнее этого?

– **Что вы говорите себе в трудные моменты жизни?**

– Нерешаемых проблем не бывает. Всё дело в степени потерь, затрат – душевных и физических. Когда мне бывает трудно, я говорю себе: надо жить...

– **Вам предлагали другие руководящие должности?**

– Да, неоднократно... В том числе и в России. Но я всегда отказывался и не жалею об этом.

– **Ваши любимые мгновения в работе и в жизни?**

– Больше всего я люблю пору зрелой осени. Позади уборка, и весь хлеб уже в складах, а сено – на сеновалах, и я знаю, что его хватит на зиму. Уголь тоже завезли, и уже работает котельная... Выпал первый снежок, в селе – спокойствие и умиротворение. Я выезжаю утром, на рассвете, и испытываю огромное удовольствие от всего этого. А если к тому же ещё и воскресенье, то это особая радость: ты заслужил право на отдых.

* * *

Это часть уже давнего нашего разговора с Александром Анатольевичем Касицыным. Теперь более подробно о том, что собой представляет ТОО «Галицкое» сегодня. Тут много такого, что можно охарактеризовать словом впервые – как в производстве, так и в социальной сфере.

Начнём с первого. Галицкое – на самом краешке области, в нескольких километрах от него Алтайский край. Но если за границей не увидишь обрабатываемых полей – российские соседи не считают их пригодными для земледелия, то здешние – сплошь засеиваются. В колхозные времена таких было 13 тысяч гектаров, теперь – втрое больше. И эти земли с очень невысоким бонитетом могут давать в здешнем засушливом краю круговую до 18 центнеров с гектара, а валовой сбор зерна – свыше 27 тысяч тонн, как это было в 2021 году. И хотя обычно урожаи значительно скромнее, Александр Анатольевич говорил мне, что даже при средних семи центнерах с гектара производство зерна прибыльно.

Животновод по своей первой специальности, Касицын может сегодня дать фору любому учёному-агроному. В хозяйстве сложилась выверенная, учитывая особенности местности, система земледелия, где всё

имеет значение: и опыт предшественников, и новые технологии, и семеноводство, и высокая техническая вооружённость.

Как-то мы оказались в Галицком вместе с патриархом целинного земледелия Василием Степановичем Петрушкиным, которого коллеги удостоили звания «агроном агрономов». Увидев идеально возделанное паровое поле с ровными рядами зеленеющих горчичных кулис, которые теперь едва ли где встретишь, он чуть не прослезился и даже чуть приобнял Касицына: «Ну и порадовал ты меня, Саша. Теперь и уходить не страшно...»

Здесь практикуют разные сроки сева, вплоть до сверхранних, экспериментируют с озимыми культурами. Всё это позволяет раньше начинать уборку и управляться с ней до осеннего ненастья.

Семена – только апробированные, районированные, самого высокого качества. Галицкое – ещё и испытательный полигон для селекции семян Павлодарского НИИ сельского хозяйства, Института зернового хозяйства в Шортандах, Омского НИИСХоза. Здесь размножают полученную от них суперэлиту и элиту, превращая в товарное зерно высокого качества.

Кроме пшеницы и фуражных культур, однолетних трав и кукурузы, сеют подсолнечник и гречиху, подсолнечник перерабатывают на собственном заводе, построенном в райцентре. Подсолнечное масло «Галицкое» пользуется большим спросом.

Практически полностью обновлён технический парк хозяйства, состоящий теперь из высокопроизводительных посевных комплексов и комбайнов нового поколения. Разговаривал с потомственным механизатором Василием Осиповым, убравшим хлеб на комбайне «Вектор», который мне сказал, что о лучшей машине и мечтать не приходится. Отец его Геннадий Алексеевич, работавший в своё время на «Ниве» и «Енисее», побывав в кабине «Вектора», поражался не только возможностям комбайна, но и условиям, в которых работает сын.

* * *

Солнечных дней здесь с весны до осени всегда хватает, а вот осадков почти всегда недостаёт. Работать земледельцам, как правило, приходится в условиях засухи. Но и к этому, можно сказать, приспособились. Однако по-настоящему развивать животноводство, особенно молочное, без полноценных кормов было невозможно.

При этом вода и здесь была, но глубоко под землёй. Её и стали добывать, едва ли не как нефть, с глубины 750-800 метров. Такой опыт уже

был в советские времена – в известном на весь Советский Союз колхозе имени 30-летия Казахской ССР. Его председатель, талантливейший организатор Яков Германович Геринг, установив тесные отношения с учёными и практиками-гидрогеологами, сумел наладить орошение земель подземными водами. Дождевальные машины подключали здесь прямо к пробуренным артезианским скважинам. И поливали таким способом пять тысяч гектаров пашни, выращивали кормовые культуры и тем самым обеспечивали качественными кормами многотысячное стадо крупного рогатого скота, большое поголовье свиней, другие потребности хозяйства. Подобного опыта не было во всём СССР. Колхоз стал своего рода полигоном для испытания новых технологий полива. Однако умер Я.Г. Геринг, а достойной замены ему не нашлось. Немцы, составлявшие в этом колхозе основу трудового коллектива, массово устремились на историческую родину. Дальше – общий кризис, обрушивший село, как стихийное бедствие, и от уникального хозяйства почти ничего не осталось.

Зато сегодня Павлодарская область стала одной из самых орошаемых. Крупные орошаемые массивы работают по обе стороны Иртыша, в десятках хозяйств. Используются для полива и воды канала имени К.И. Сатпаева. Однако опыт Галицкого и на этом фоне уникален. Воду для полива здесь получают из двадцати артезианских скважин с глубины, как уже было сказано, 750-800 метров. Её закачивают в два водохранилища и подают из них на поля.

Александр Анатольевич показывал их мне, когда первое уже использовалось, а второе только обустроивалось. На первом поливном участке кукурузу на силос сначала выращивали с помощью капельного орошения. Для этого в рядках укладывали пластиковые трубки. Система действовала: я видел эти «кукурузные заросли» в два человеческих роста. Убирали кукурузу, когда початки достигали нужной степени созревания, и получали сочный корм отменного качества.

Однако трубки для полива были одноразового использования – рассчитаны на один сезон. То есть их надо было по весне «расстелить» на участке, осенью собрать, а на следующий сезон сделать то же самое, используя уже новую партию трубок. А это – 700 километров каждый раз. И от капельного орошения отказались – в пользу дождевальных машин нового поколения. На поливе сегодня 1600 гектаров, а скоро будет 2100.

Кормопроизводство здесь сегодня – целая отрасль. Выращивают корма и на богаре: фуражные культуры, однолетние и многолетние тра-

вы, заготавливают сено и солому. Кроме силоса, закладывают на зиму сенаж. И всё это задаётся скоту в приготовленном виде (об этом чуть позже).

Казалось бы, теперь, когда растущее животноводство обеспечено полноценными кормами, в том числе на перспективу, можно было бы и передохнуть, пусть и относительно, потому что забот у главы хозяйства не убывает круглый год. Но Касицын не был бы Касицыным, если бы, как он однажды мне скажет, не создавал проблемы сам себе. Он взялся и овощи выращивать на поливе – картошку и морковь. Но их же хранить где-то надо. И он всё точно рассчитал. Очень быстро поставил эти хранилища-модули на краю села, прямо у дороги, ведущей в Алтайский край. Граница буквально рядом, в Россию и обратно регулярно идут большегрузы, нередко пустые, а попутный, к тому же востребованный, груз им всегда пригодится. Хранилища рассчитаны на шесть тысяч тонн, большая часть картошки и моркови уходит в Россию, а часть – в Астану, Семей и даже в Узбекистан. И хозяйству выгодно – дополнительные доходы на растущие нужды и развитие.

* * *

Теперь о животноводстве... Рассказывая о нём, опять уместно раз за разом приводить слово впервые. Оно и в советские времена было в колхозе на достойном тогдашнем уровне. Но он, конечно, несопоставим с прорывом, сделанным в отрасли уже в новые времена, – как в молочном, так и в мясном животноводстве.

Не раз приходилось быть вместе с А.А. Касицыным на фермах животноводческого городка, где не перестаёшь удивляться: тут не только высокие технологии на каждом шагу, но и цветники не редкость.

ТОО «Галицкое» входит в первую десятку крупнейших производителей молока в Казахстане. Объём его производства составил в 2023 году без малого девять тысяч тонн и каждый год увеличивается.

Наверное, уместным будет такое сравнение: каждая здешняя корова – это, по сути, мини-фабрика по производству молока. Средний надой здесь приближается к девяти тысячам килограммов молока. А когда Касицын начинал, то лишь самые лучшие давали по три тысячи килограммов, а средний надой по хозяйству до этого уровня, конечно, недотягивал. В колхозе было 800 коров, которых обслуживали 32 доярки и с десятков, если не больше, скотников. Теперь на первом молочном комплексе с 500 коровами управляются три доярки и два скотника. То же самое – и на двух других комплексах.

Главные составляющие у нынешних достижений «Галицкого» – высокопродуктивное дойное стадо и высокоразвитое кормопроизводство и кормоприготовление. Кормов всех видов заготавливается, как уже говорилось, в достатке и даже с избытком, а приготавливаются они на собственном мини-заводе, оснащённом самым современным оборудованием. В питании, которое получают коровы, предусмотрены все необходимые компоненты: и концентрированные корма, и силос, и бобово-злаковые корма, и сенаж, и суданка, и степные травы. Всё – собственного производства и пропускается через миксер перед тем, как поступит на молочные комплексы.

Коровы – на круглогодичном стойловом содержании. Весь технологический процесс контролируется и управляется компьютерами, в которых каждая корова – на персональном учёте. Всё делается для того, чтобы уменьшить влияние человеческого фактора, который, по глубокому убеждению А.А. Касицына, чреват нежелательными последствиями. Такой вот неожиданный поворот в отношениях человека и животного, казавшихся очень важными в прежней работе доярки, которая знала каждую свою корову, её норы и учитывала это в своей работе.

Дойное стадо «Галицкого» – 1100 коров симментальской породы, но к ней также приливают кровь голштинофризов. Высокопродуктивных животных закупают за границей: последнюю партию – 408 симменталок – в Чехии. Стадо формируется и за счёт собственного воспроизводства.

Молочные комплексы, покупка высокопородного скота, развитие орошения – это, конечно, затраты, миллиарды и миллиарды тенге. Средства – кредитные и собственные, какие-то проекты частично субсидируются государством. Используются все возможности для развития.

ТОО «Галицкое» – акционер перерабатывающих предприятий, и его молочная продукция пользуется устойчивым спросом в Павлодаре.

В мясном скотоводстве предпочтение отдаётся казахской белоголовой породе скота, хорошо приспособленной к местным условиям. Эти животные могут пастись круглый год, но на пастбищах содержат только маточное поголовье, а бычков – на откормплощадках. Мясо их – отменного качества. Выращивают также племенных быков, на чём неплохо зарабатывают. Здешний бык Ак бас (Белая голова) занял одно из первых мест на ежегодной республиканской выставке.

Кроме того, в хозяйстве более чем полуторатысячное поголовье лошадей. Налажен выпуск мясных консервов и полуфабрикатов из говядины и конины.

* * *

А.А. Касицын не просто сохранил в Галицком всё, что было создано его предшественниками, но и каждый год добавляет нового. При нём хозяйство обрело второе дыхание. Приметы этого замечаешь при каждом приезде сюда. В подтверждение – ещё один фирменный знак, видимый за много километров от Галицкого: два высоченных ветрогенератора с вращающимися лопастями. Александр Анатольевич сумел добыть их в Германии. Тоже недешёвое приобретение – сотни миллионов тенге. Чтобы смонтировать их и установить, пришлось заказывать подъёмный кран особой конструкции в Новосибирске, что тоже стоило немалых средств. А когда работы были завершены, оказалось, что лопасти на одном из «ветряков» плохо закрепили, и они обвалились на землю. Подрядчикам пришлось поднимать их наверх и закреплять заново.

Но проблемы на этом не закончились: энергетики, пользуясь своим монопольным правом и не желая терять деньги за поставляемую электроэнергию, не пускали «зелёную продукцию» в действующую систему электроснабжения. Пришлось директору и мандат депутата областного маслихата включать, и дипломатию, и личные связи, чтобы преодолеть ведомственное сопротивление.

Теперь ветрогенераторы работают как часы, используя энергию ветра. Это умные агрегаты: при сильном ветре они останавливаются. Но это частности. Главное же – ветрогенераторы не только полностью окупили затраты на их приобретение и монтаж, но и теперь полностью обеспечивают производственные и социальные потребности Галицкого.

* * *

Пора сказать и об условиях жизни сельчан. Здесь, как и в городе, в каждом доме вода и тепло по вполне доступным ценам. Для детей – детский сад с бассейном – тот самый, что сумел сохранить в пору разрухи на селе и «прихватизации» директор «Галицкого», содержал за счёт хозяйства. А потом в лучшем виде безвозмездно передал на попечение местного бюджета. Ученики трёх школ – на центральной усадьбе, в отделенческом селе и ещё в одном – обеспечиваются за счёт хозяйства бесплатным питанием. «Галицкое» содержит досуговый центр с кружками для детей для внешкольных занятий.

Круглый год действует современный спортивный комплекс со всеми условиями, где работает и сельская детско-юношеская спортивная школа. Комплекс был построен при долевым участии «Галицкого». Оборудован ипподром, а скаковые лошади хозяйства занимают призовые места на скачках разного уровня.

Всё, что здесь делается, – для людей, и средств на это не жалеют. Жильё строят собственными силами, его получают нуждающиеся. Был в селе запущенный угол с ветхими ненужными строениями. Их убрали и построили жилые дома с усадьбами, где и гаражи, и летние кухни. Проложили асфальт, облагородили. Построили таким образом целую улицу и назвали её улицей Независимости. А всего за последние годы поставили полсотни домов для работников хозяйства.

Своими силами реконструировали теплотрассу, провели освещение на центральной усадьбе. Проложили асфальтированную дорогу к отделенческому селу Новопокровка, взятому под опеку «Галицкого». Бывший здешний колхоз приходил в полное запустение. А теперь это село живёт: налажено производство, есть у людей работа, улучшена социальная сфера.

И это далеко не всё, что сделано и делается. Ежегодно хозяйство выделяет на социальные нужды десятки миллионов тенге собственных средств. Александр Анатольевич называет эти траты инвестициями в будущее.

* * *

Может показаться, что и живётся Касицыну без особых проблем. Но это, конечно, не так. Казалось бы, чего не жить и не работать в таких условиях? Тем же выпускникам здешней школы, в которой отличникам даже небольшие стипендии платят. Бывает в школе и директор хозяйства, рассказывает о нём, агитирует поступать в вузы: хозяйство не только учёбу оплатит, но и на работу потом примет, в зарубежные стажировки отправит. От хозяйства – жильё, которое через какое-то время станет твоим. Но желающих не много, как и среди отслуживших в армии парней, получающих по возвращении домой подъёмные. Поэтому проблема кадров остаётся.

Раньше уезжали немцы первой и второй волны, а теперь молодёжь, окончившая школу. Время изменилось, как и приоритеты у молодых. Утрачен был авторитет в обществе сельского труженика: механизатора, животновода. И это – общегосударственная проблема, которую не решить в одном отдельно взятом хозяйстве, даже таком, как «Галиц-

кое». Но решать надо, ведь село – наш кормилец, без которого не прожить, и необходимо поднимать престиж сельского труженика всеми возможными способами.

О нуждах села, требующих заботы государства, внимания общества, А.А. Касицын говорил и говорит на всех уровнях – и когда был депутатом областного маслихата нескольких созывов, и на совещаниях разного масштаба. Но его и таких, как он, не всегда слышат, и очень жаль, что так. Иногда ему говорят: мол, и сам ты тоже отсюда уедешь. Раньше он обижался, а потом нашёл весомый ответ: «Если даже уеду, это всё с собой не увезу!» «Это всё» он создавал и создаёт уже сорок лет и, кажется мне, никогда не устаёт.

Есть у него традиция – приглашать в хозяйство ветеранов, много лет отдавших селу. Они – человек пятнадцать – приезжают из Павлодара. Сначала – обстоятельная экскурсия по хозяйству: поля и фермы, социальные объекты – своего рода отчёт о том, что сделано и делается. Затем – дастархан: душевное общение, воспоминания, взаимные пожелания. Бывает, и до песен доходит.

Мне тоже приходилось бывать на таких встречах, и каждая оставляет самые добрые чувства. Александру Анатольевичу они тоже нужны, как возможность показать, что труды предшественников не были напрасными, сказать доброе слово живым, вспомнить об ушедших. И пока жива эта связь времён, будет жить село, которому посвятил жизнь Александр Анатольевич Касицын. А что касается проблем, то он давно руководствуется принципом, который сам выстрадал: «Нерешаемых проблем не бывает!»

«ЭТОТ ПУТЬ Я ПРОШЁЛ БЫ СНОВА»

Сергей Горбунов – коренной павлодарец. Его журналистский стаж составляет более полувека. За свои журналистские работы он отмечен грантом Президента РК Н.А. Назарбаева, другими профессиональными наградами Казахстана и России, а также правительственными наградами, включая орден «Құрмет».

Он почётный журналист Казахстана, почётный гражданин Павлодара. Член Союза писателей России, автор ряда книг и журнальных публикаций.

Мы общаемся с ним с середины 70-х годов прошлого века и много лет дружим. Этот наш разговор состоялся накануне 70-летия Сергея.

– Помнишь ли ты свою первую публикацию? Почему вообще выбрал журналистику?

– Мне всегда хотелось (это желание сохранилось до сих пор) узнать или увидеть что-то новое и рассказать об этом другим. Это можно было сделать, как я тогда думал, только через газету (телевидения в Павлодаре тогда ещё не было). А ещё я был противником всяческих недостатков в нашей повседневной жизни (бытовых, производственных, нравственных), и мне хотелось об этом говорить вслух, борясь с несправедливостью во всех её формах. Этого, по моим понятиям, можно было достичь публикациями в газетах. А они в те времена нередко выдавали критические материалы. Поэтому журналистика и газеты, по моим убеждениям, были той сферой, где я мог реализовать все свои желания и, скажу так, душевные порывы и убеждения. Моим первым печатным материалом стала заметка «Торчат только пеньки», опубли-

кованная летом 1968 года в «Звезде Прииртышья». Других газет (не считая «Ниву» Павлодарского района) в областном центре не было, и я написал в «ЗП», выразил своё возмущение по поводу того, как павлодарцы, отдыхающие на другой стороне Иртыша, оставляют после себя пеньки срубленных деревьев. Эту заметку, кстати, я увидел в газете позже, так как поехал в Алма-Ату поступать в КазГУ на факультет журналистики. До экзаменов меня не допустили, так как у меня не было опубликованных материалов (я не знал, что они обязательны), и я вернулся домой. Сразу же пошёл работать учеником токаря, а осенью этого же года был призван в армию.

Попал в учебный отряд морской авиации, где осваивал специальность механика самолётного радиолокационного оборудования. В свободное время писал заметки о своих товарищах и флотских буднях в военные газеты Балтийского флота, а позже, когда был направлен в боевую часть Северного флота, в его окружную газету «На страже Заполярья».

После увольнения в запас и возвращения домой я твёрдо решил, что буду пытаться устроиться на работу в газету. Помог мне журналист и поэт Виктор Семерьянов, которого я знал по литературному объединению имени Павла Васильева. Он тогда работал на появившемся в Павлодаре телевидении и посоветовал мне попробовать себя в многотиражной газете «Строитель».

– Расскажи о работе в «Строителе», её редакторе, которого и я знал. Чему он тебя учил, кого из журналистов и своих героев тех времён помнишь?

– Многотиражка «Строитель» была органом «Главпавлодарстроя» – крупнейшей строительной структуры Казахстана. В него входили тресты «Жилстрой» и «Промстрой», домостроительный комбинат, заводы железобетонных изделий, автобазы, многочисленные специализированные крупные управления и другие подразделения. Были даже свои общежития и детские сады. Павлодар, Ермак (ныне Аксу) и Экибастуз стали в те времена огромной строительной площадкой, где возводились корпуса алюминиевого и тракторного заводов, позже химического и нефтеперерабатывающего, а в Ермаке – ферросплавного. Плюс ещё десятки производств, а также жильё и объекты соцкультбыта. Редактировал газету фронтовик, бывший летчик, а затем десантник Андрей Васильевич Портной. Этот добрейший человек был педагогом по призванию. Хотя я в школьные летние каникулы работал на стройке, помогая родителям кормить нашу семью, многое для меня в этой сфере было

незнакомо. И Андрей Васильевич мягко вводил меня в строительную терминологию, специфику тех или иных работ, прививал умение видеть главное. А ещё он требовал, чтобы я и фотокор Толя Небогин постоянно бывали на объектах и дотошно беседовали с людьми, причём с рядовыми строителями, узнавая из первых уст, как идут дела. За это я признателен Андрею Васильевичу, благодаря ему за год хорошо узнал многие стройки, ситуацию на них и людей, о которых писал. К сожалению, время стёрло в моей памяти немалое число фамилий бригадиров, слава о коллективах которых гремела по «Главпавлодарстрою», но многих помню: Демидов, Гуш, Рейхарт, Меньшиков, Садвокасов, Шахметов, Хомула, Рябушкина, Кукушкин, Андронов...

А ещё Андрей Васильевич учил меня макетировать газету, то есть где и как размещать на полосах материалы и фото, графики: как это всё, «играя» шрифтами и размерами литер (букв), уместить на газетной странице, чтобы удобно читалось и смотрелось. И это мне затем очень пригодилось в работе.

Через полтора года после моего прихода в редакцию в неё пришёл поэт Жанаталап Нуркенов, который стал редактором радиогазеты. Мы на закреплённом за ним автобусе с радиоаппаратурой мотались по объектам, собирая материалы, а позже озвучивали информационные блоки. Это была молодость – стремление везде успеть и всё сделать.

– В 1970-80-х годах ты работал в «Звезде Прииртышья». Какой была тогдашняя атмосфера в редакции, чем жила газета, что дала тебе «Звезда»? Назови журналистов, определявших её лицо, кто из них был тебе наиболее близок и почему? Вспомни свои интересные публикации.

– В 1973 году меня пригласили на работу в «Звезду Прииртышья». Строительным отделом тогда руководил Виталий Данилович Ступак (позже он станет собкором «Казахстанской правды» по Павлодарской области). Это был вдумчивый журналист, с широким кругозором мышления. Когда я возвращался с задания, он просил меня, чтобы я детально рассказал ему всё, что узнал, и как мысль изложить. Попутно обращал моё внимание на те или иные моменты моего рассказа. Отписавшись, я приносил ему свою корреспонденцию или статью, и он советовал что-то расширить и углубить, а что-то сжать, убрав «воду». В итоге получался, по признанию коллег, добротный материал.

Ещё в редакции я учился на творчестве заведующего промышленным отделом Юрия Аркадьевича Ковхаева. Он был боец по натуре, с

острым пером и «железной» логикой. Поэтому с его критическими материалами трудно было спорить тем, кто в них фигурировал. А другие публикации Ковхаева выделялись лаконизмом и убедительностью.

А как не вспомнить о Владимире Митрофановиче Воронове. В отличие от большинства газетчиков, он не имел не только журналистского, но и высшего образования. Но это был самородок, тонко чувствующий слово! Уже прошло почти полвека, но я до сих пор помню его материал «Куры в «Океане» о том, как в этом магазине его нагло обвесили, когда он покупал курицу. Ситуация – банальная, многие покупатели в торговых точках испытывали не единожды подобное, но Митрофанович написал так, что возмущённые люди завалили редакцию и соответствующие органы гневными письмами на ту же тему.

У Владимира Митрофановича был свой прием изложения материала. Он вроде «косил» под простака, оперировал простыми, чуть ли не народными фразами эдакого сельчанина, но в итоге получалось и доходчиво, и хлёстко, и грамотно, и литературно.

В те годы в редакции работал сильный коллектив, где каждый имел свои сильные профессиональные стороны, и мне было у кого учиться.

Наша область в те годы, повторяю, была большой стройплощадкой. Поэтому мне приходилось много ездить по объектам, встречаться с замечательными людьми. И эти годы я считаю одними из лучших в своей жизни, и я бы их охарактеризовал как время романтики.

Тогда я написал своя яркий очерк о знатном строителе ГРЭС-1 Василии Сизинцове, который потом вошёл в сборник очерков «Экибастуз – моя биография». Была шумная публикация о строительстве в Павлодаре экологически опасного завода белково-витаминных концентратов (БВК). Тему подхватил тогда ты, развил её и не дал стройке развернуться. Это была общая наша победа. Были у меня и другие добротные материалы. Но я всегда помнил слова Владимира Маяковского:

Мне наплевать на бронзы многопудье.

Мне наплевать на мраморную слизь.

Пусть нам общим памятником будет

Построенный в боях социализм.

Таков был тогда мой принцип.

– Половина, если не больше, твоей журналистской биографии – это работа собкором. Вспомни, хотя бы кратко, КазТАГ, ну и, конечно, «Казахстанскую правду». Что было самым сложным, самым интересным? Бытовала когда-то шутка про собкоровскую жизнь:

утром проснулся, сел на кровать, надел тапочки – и ты на работе. То есть собкор сам себе хозяин, живёт вольно. А как на самом деле? Как удавалось сочетать эти вольность и самодисциплину?

– Вначале меня пригласили в Казахское отделение телеграфного агентства ТАСС – собкором по Павлодарской области. Там я проработал два месяца и даже начал выходить на всесоюзную арену, но тут меня пригласили собкором по нашей области в «Казахстанскую правду» вместо умершего Виталия Даниловича Ступака. Я пошёл не раздумывая и в «Казправде» проработал 25 лет.

Что мне дали «Казправда» и собкорство? Во-первых, самодисциплину. В этой должности не прикроешься товарищем по редакции, который напишет вместо тебя. Тебе дали задание – и ты кровь из носу должен его выполнить! А лучше, для пользы дела и собственного самодлюбия, – перевыполнить. Тем более что между собкорами и областями всегда есть негласное соревнование.

Во-вторых, собкор – это многостаночник. Сегодня пишешь о культуре, завтра о медицине, затем о проблемах экологии региона, крупной стройке или заводе, новациях в образовании и так далее. И во всех этих сферах надо хотя бы что-то знать и понимать. Поэтому постоянно пополняешь багаж знаний. Я это делаю до сих пор и не стесняюсь спрашивать в беседах о том, что мне непонятно, что я потом не смогу правильно изложить на бумаге.

Собкор, при кажущейся его независимости от начальства, должен всегда быть начеку и всегда в форме. Так как из редакции могут позвонить, скажем, в десять вечера и сказать, что к утру надо подготовить материал на такую-то тему, потому что в правительстве будет совещание по этому вопросу. Всё – время пошло!

И всё-таки это прекрасная профессия, так как ты – в гуще событий, и ты их должен подать так, чтобы была польза и людям было интересно читать. При этом есть свои сложности. Когда ты пишешь, скажем, критический материал в местной газете – это внутренние дела и «разборки» в рамках твоего региона. А когда критический материал о делах того или иного ведомства твоей области озвучивается на республиканском уровне, то ты, вроде, уже «предатель», не дорожишь честью региона. Но работа есть работа. И мне не стыдно ни перед «Казахстанской правдой» за свои материалы, ни перед областью, которая не сходилась со страниц газеты. И без ложной скромности скажу: меня в «Казправде» называли «бульдозер» или «экскаватор» – за количество и глубину ма-

териалов, среди которых немало было проблемных, имеющих республиканское значение. И все 25 лет со «скорострельным» собкором по Южному Казахстану Любой Добротой мы негласно соревновались, кто из нас по итогам месяца первый, а кто второй.

– Вся твоя жизнь связана с журналистикой. Какая тебе больше по душе: та, что была, или та, что теперь? Почему?

– С высоты своих лет я сравниваю прежнюю журналистику и нынешнюю. И та мне больше по душе. И не потому, что я был её частью. Просто она была душевней, ближе к интересам людей и к ним самим. А главное, хотя и говорили про застойный период тех же восьмидесятых годов прошлого века, замечу: если в газете критиковали кого-то или что-то аргументированно и за дело, то принимались меры после публикации. Сейчас хоть запишись, реакция нередко – нулевая. А те, кого критикуют, стараются через суд взыскать с журналиста и газеты заоблачные суммы через иски о защите чести и достоинства.

Вдобавок в прессе исчезли материалы под рубриками «фельетон», «репортаж», «письмо проверяет журналист» и другими. Даже очерки стали литературным оформлением биографий героев.

– Главные качества, которыми должен обладать журналист? Что ты посоветуешь тем, кто собирается ступить на эту стезю?

– Я считаю, что главные качества журналиста – это честность, отсутствие равнодушия, мужество отстаивать свои убеждения и точку зрения. Ну и, само собой, надо иметь Божий дар и трудолюбие, чтобы отшлифовать свои способности. При этом хочу сказать молодым коллегам: вряд ли кто из них станет журналистом-миллионером.

– Ты не только журналист, но и писатель, член Союза писателей России, автор ряда книг, лауреат конкурса Российского Союза писателей «Георгиевская лента», номинант нескольких литературных конкурсов «Писатель года» в России. Как и почему рождались твои книги? Твои главные литературные темы и герои?

– Мои характер и профессия, а также житейские ситуации сталкивали меня со множеством людей. Я узнавал истории их жизни, слушая рассказы о каких-то ситуациях, в которых они оказывались. Не последнюю роль играл мой собственный житейский опыт, через который я прокручивал те или иные сюжеты, рождённые у меня в голове. Всё это рождалось в виде рассказов. При этом, с уважением относясь ко всем своим героям, я ставлю себя на их место и «прикидываю», как бы поступил я. А за всем этим также стоит моё желание расска-

зять людям о том, что я знаю, и поделиться с ними моими мыслями и чувствами.

– **Чем живёт ветеран журналистики, писатель Горбунов сегодня? Расскажи про вашу с Татьяной Алексеевной дачу – этот райский уголок, где и мне посчастливилось бывать.**

– Я – городской житель. Но с возрастом меня потянуло к земле. Видимо, прорезались какие-то крестьянские корни. На моё счастье (а может, и беду), такое желание владеет и моей супругой Татьяной Алексеевной. И теперь я чаще, чем ходил на работу, ежедневно чуть ли не с марта по ноябрь пропадаю на даче, обустроивая её и периодически меняя с Татьяной цветы, кусты и деревья на более плодовые и экзотичные. Я даже выучил у жены десятка два названий «заморских» цветов и узнаю их в лицо. Чем очень горжусь. А ещё, если бы жил постоянно на даче, то завёл бы себе красивого, горластого петуха. А пока у нас есть маленький прудик, где летом цветут (скажу по-простому) кувшинки. Раньше были и рыбки.

А когда вечером доберусь до компьютера, то или пишу материал в газету, или формирую в голове очередной рассказ. Это уже не просто многолетняя привычка. Скорее – образ жизни.

– **Возможно, я не спросил тебя о чём-то важном. Спроси себя сам и ответь...**

– Так случается, что человек, прожив немало лет, оглядывается назад, оценивая пройденный им путь. Это порою делаю и я. Не всем я доволен, о чём-то сожалею, так как мог сделать по-иному и лучше, как мне кажется сейчас. Чем-то горжусь, а о чём-то стараюсь не вспоминать. Но об одном я не жалею, и это говорю не ради красного словца. Речь – о выборе моей профессии. В детстве я мечтал быть геологом, астрономом, географом и биологом, ходить по морям-океанам. Даже егерем хотел быть, жить в лесу среди зверей и изучать их. Были и другие намерения. В старших классах меня потянуло к литературному творчеству (стихи – не в счёт, в юности их многие пишут). А уже во флотском учебном отряде я понял, что мечтаю работать в газете. И я осуществил эту мечту и не жалею, так как находился в гуще событий, был свидетелем многих славных дел моих земляков и храню о них добрую память. И этот путь я бы прошёл снова.

* * *

Сергей Александрович, как мне кажется, искренне и всесторонне рассказал о своём пути в профессию и о том, что она значит. Когда-то

говорили, что журналистика – не профессия, а образ жизни. Это как раз про таких, как Горбунов, по-настоящему ей преданных. Я бы сказал о нём ещё и так: у него журналистская душа – чистая, беспокойная, отзывчивая на людские беды.

В свои уже немолодые годы он, несмотря на недомогания, остаётся в отменной профессиональной форме. Редкий номер «Звезды Прииртышья» обходится без его публикаций. При этом он остаётся по-соборовски всеяден: сегодня пишет о проблемах коммунальной сферы, завтра борется за судьбу бродячих собак в Павлодаре, потом о проблемах дачников и о том, как мошенники «разводят» нас на деньги... Его равнодушное сердце отзывается на всё, чем живёт и болеет его родной город.

А ещё в нашей домашней библиотеке есть все написанные Сергеем Александровичем книги: «Красно-белый дед» (одно название чего стоит!), «Поезд дальнего следования», «Не поле перейти», «Жизнь продолжается», «Память сердца». Они находят своих читателей.

Мне лёг на душу его рассказ – о том, как ведёт себя хозяин небольшого подворья, у которого жена и ребёнок, получивший повестку об отправке на фронт после начала Великой Отечественной войны. Он ничего не говорит жене и за два оставшихся ему дня старается привести в порядок дом, обиходить подворье, чтобы избавить жену от несвойственных ей дел. Финал рассказа остался открытым: неизвестно, останется ли он жив, вернётся ли... И весь рассказ – как щемящая, волнующая душу нота – очень трогает.

А вот – совсем иное: героиня другого рассказа – обыкновенная муха. Для нас – вредное, надоедливое насекомое, а у него – живое существо, оказавшееся в непростой ситуации. Этот рассказ, кстати, отметил в своём отзыве на книгу Наум Григорьевич Шафер – тонкий знаток и ценитель литературы.

В книгах Сергея Горбунова – живая жизнь в её разных проявлениях, живые люди. Автор их не судит, а пристально в них вглядывается и показывает нам – очень разных, чаще ничем не знаменитых, хороших и не очень. Всё – как в жизни.

Мы с Сергеем работали в одной газете, а когда он ушёл в соборы, продолжали общаться и дружить. Объехали вместе большую часть Казахстана, когда участвовали в разного рода журналистских мероприятиях. Не раз бывали с дружескими визитами в Новосибирской области по приглашению нашего сибирского друга, председателя Союза жур-

налистов этого региона Андрея Челнокова. Горбунова хорошо знают, уважают и ценят в наших профессиональных кругах, с ним считаются власти. Он верен в дружбе. Однажды ему предложили должность редактора в одной из местных газет, где и статус, и зарплата побольше соборовской, и персональная машина. А он отказался и объяснил, почему: «Во-первых, редактор мой друг, а во-вторых, он на своём месте». И вопрос был закрыт.

Мы с Сергеем теперь – одни из самых «ветеранистых» ветеранов «Звезды Прииртышья», в которой начинали полвека назад (он даже чуть раньше). И он единственный, кто называет меня «братка» – очень дорогим для меня словом. В жизни ему пришлось перенести тяжёлые удары судьбы, но он выстоял. Держись и дальше, братка! У нас с тобой ещё есть о чём думать и писать.

МОЙ ПОБРАТИМ АНДРЕЙ ЧЕЛНОКОВ

Говорят, что настоящие друзья – только из детства и юности. Это и так, и не так. Мне, во всяком случае, посчастливилось завести истинных друзей и после сорока, и даже после пятидесяти...

Володя Голубев – журналист и редактор из Омска...

Владимир Романович Гундарев – поэт, журналист, редактор журнала «Нива» из Астаны, автор знаменитой песни «Деревенька», ставшей, по сути, народной. Его уже нет с нами, но не бывает, наверное, и дня, чтобы я не вспоминал о нём...

Сергей Петрович Гарин – павлодарский строитель и меценат, издатель серии уникальных книг о Павлодарском Прииртышье и его знаковых личностях.

Андрей Челноков – журналист и редактор, председатель Союза журналистов Новосибирской области – одной из самых крупных региональных журналистских организаций России.

За плечами у них – уникальные проекты новых газет и журналов, грандиозные стройки, работа не за страх, а за совесть, высокое служение избранному делу. Я мог не видеться с ними целые месяцы, а иногда и годы, но мы всегда чувствовали друг друга – даже на расстоянии.

Бывало так, что едва мы расставались с Андреем Челноковым, как я уже начинал скучать по нему. Хочу рассказать о нём всем, кто захочет прочитать эти строки. Я не знаю ещё, что у меня получится. Знаю лишь, что это не будет очерк в его общепринятом виде, а скорее «лепотись впечатлений» и размышлений, навеянных нашими встречами и его нечастыми рассказами о прожитом и пережитом.

Я узнавал его постепенно и быстро почувствовал в нём родственную душу. Чем больше узнавал, тем ближе он мне становился. И теперь я точно знаю, насколько обеднённой была бы моя жизнь, не случись в ней Челнокова.

Андрей – из семьи офицера Советской Армии. Детство провёл в Киргизии, где служил отец. А предыдущее его поколение было раскулачено, и Андрей помнит, как бабушка, выходявшая каждый вечер после многотрудных дневных забот посидеть под южным серебристым тополем и послушать, как лопочет листва, охлаждаемая прохладным ветром, льющимся с гор, однажды сказала ему – так, будто разговаривала сама с собой: «Он всё правильно сделал – мы бы сами хлеб ни за что не отдали...» Лишь годы спустя Андрей поймёт, о чём говорила его мудрая, всё повидавшая в жизни бабушка – о Сталине, коллективизации и искоренении кулачества как класса... Семья бабушки вполне подходила для категории «классово чуждых...».

Пройдёт много лет, и однажды мы круто разойдёмся с Андреем в вопросе о роли «отца народов» в нашей общей истории... Но речь об этом впереди. А начал я свой рассказ с этого воспоминания лишь потому, что – так уж вышло – судьба его ближайших предков и его собственная судьба были полны драматических поворотов.

* * *

Мы учились в одном вузе, на одном факультете – журналистики КазГУ – Казахского государственного университета имени Кирова. Правда, в разные годы: я – в семидесятых, а он в восьмидесятых годах теперь уже прошлого века. Андрей наш университет не окончил: по молодецкой глупости попал в нехорошую историю, им занялись «компетентные органы», его прорабатывали на комсомольском собрании и едва не исключили из вуза. А суть нехорошей истории была в том, что они, несколько студентов, сделали вид, будто создали некую подпольную группу, и «случайно» проговорились сокурснику, проверяя того «на вшивость». А тот донёс – куда следует...

Дело могло и вовсе принять печальный оборот, если бы матери Андрея не удалось передать письмо-обращение Первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаеву. Исключение из комсомола было заменено строгим выговором. Потом он перевёлся на тот же факультет Уральского университета в Свердловске, его и окончил.

Но журфак КазГУ всё равно был и остаётся судьбоносным в жизни Андрея – здесь он встретил свою будущую жену Ларису, однокурсни-

цу-журфаковку. Её тоже воспитывали, прорабатывали, прямо предлагали отказаться от «нехорошего Андрея».

– Ты декабристку-то из себя не строй! Неужели не видишь, что тебя может ждать рядом с таким человеком в будущем? – втолковывала ей молоденькая преподавательница, едва сама сошедшая со студенческой скамьи...

Лариса ни советам, ни увещаниям, ни угрозам не вняла, едва ли не единственная голосовала на собрании против исключения его из комсомола, и в Свердловск они уехали вместе благодаря ей, ещё раньше туда перебрались её родители, которые помогли там обустроиться и молодым. В Свердловске они доучивались, а Андрей ещё и работал, устроившись по протекции тестя в одну из пожарных частей. И до сих пор, по его собственному признанию, весь подбирается при звуке пожарной сирены – как гусарский конь на призывной клич боевой трубы...

А журфак КазГУ напомнит о себе Андрею много лет спустя, на международной журналистской конференции в Павлодаре, где Челноков будет представлять Союз журналистов Новосибирской области, а его бывший журфак КазГУ – уже «остепенённая» преподавательница факультета, та самая, что когда-то прорабатывала на комсомольском собрании его и воспитывала Ларису... Челнокова на этот раз она будет именовать исключительно Андрюшей, всем видом демонстрируя – как они близки... А он и виду не подаст, что ничего не забыл, что всё помнит...

Мне не раз и до того, и после придётся наблюдать в нём эту черту – никак не проявлять внешне свой негатив к людям – даже к тем, кто был по отношению к нему не только недоброжелателен, но и подл. И никакое это не всепрощение, а одно из удивительных свойств его характера – душевной щедрости. И, конечно же, эти качества проявляются в его отношении к людям вообще и к друзьям в особенности. И мы об этом ещё поговорим.

* * *

После окончания университета Челноков работал в Киргизии – родном для него крае. И те годы навсегда остались светлыми страницами в его благодарной памяти. Молодёжная газета «Комсомолец Киргизии», одним из ведущих журналистов которой он быстро стал, была в ту пору едва ли не самой популярной в республике – оперативной, зубастой, интересной.

Немало способствовала этому и политика перестройки и гласности, объявленная Генсеком ЦК КПСС М.С. Горбачёвым.

Однажды Челнокова вызвала редактор газеты (это была женщина) и сказала, что ЦК комсомола республики рекомендует своему печатному органу усилить плюралистические начала на его страницах... И Челноков создал при газете политический дискуссионный клуб, отголоски бурных заседаний которого стал публиковать на специальных страницах. Кого только не было на тех заседаниях: журналисты, разного рода активисты и общественники с неутолёнными амбициями, люди со сдвинутой психикой и просто невменяемые. Все были опьянены «свежими ветрами свободы»... Так что чего-чего, а плюрализма в стенах клуба хватало...

Челноков становился популярен в республике, и неудивительно, что на него обратил внимание тогдашний редактор «Комсомольской правды», которого Андрей сопровождал во время его визита в республику и вместе с ним в составе партийно-комсомольской свиты был удостоен ужина в белой юрте...

Андрей прошёл все круги согласования в редакции «Комсомолки» и был утверждён собственным корреспондентом газеты в Таджикистане, где уже вовсю шла гражданская война. А в ЦК комсомола республики руководителям «Комсомолки», известившим коллег о новом назначении, без всяких недомолвок сказали:

– Отправляйте, если хотите получить его обратно в гробу!

Челнокова, уже получившего заветное собкоровское удостоверение и, конечно же, готового лезть в таджикское пекло, тормознули, пообещав переназначить – как только откроется вакансия. Так он какое-то время спустя оказался собкором «Комсомольской правды» в Новосибирске.

* * *

То было время, когда наша бывшая большая страна под названием СССР уже вовсю шла вразнос. И хотя Советский Союз был ещё жив, разброд и шатания – идейные, политические, экономические – нарастали день ото дня...

Эту полосу жизни моего будущего друга можно было бы озаглавить так: «Как Челноков из очень бедного стал богатым, потом разорился и едва не угодил в тюрьму». Всё было именно так...

Обычная, в общем, для тогдашней поры история. Бизнесом Андрей заниматься не собирался. Но одолела не бедность даже, а нищета.

Жизнь стремительно дорожала, а он, собкор самой тиражной в мире ежедневной газеты (тираж «Комсомолки» доходил тогда до 15 миллионов экземпляров, а бывало раньше и более 20 миллионов), получал в ней 400 рублей в месяц, на которые нельзя было купить даже пары приличных туфель. Для сравнения: жена Лариса, устроившаяся стенографисткой в одно из частных информационных агентств, зарабатывала в два с половиной раза больше.

И Челноков решился... Редакционное начальство, само кинувшееся осваивать омуты нарождающегося в стране дикого рынка, не препятствовало, а статус собкора авторитетнейшей центральной газеты позволял без особого труда открывать едва ли не любые двери.

Челноковский бизнес был весьма и весьма разнонаправленным. Не знаю, правда, откуда у него взялся стартовый капитал, но скоро в Новосибирск пошли вагоны с яблоками и дешёвым вином из Киргизии, покатали по разным адресам железнодорожные цистерны с нефтепродуктами, поставлялись оптом в сибирские города другие товары и продукты.

Вскоре Челноков смог позволить себе солидный офис, приобрёл навороченный джип, стал покупать родне квартиры. И в одну из деловых поездок в Москву он однажды отправился не как обычно – на самолёте, а на джипе, с двумя водителями, которые домчали туда шефа за 37 часов – быстрее, чем если бы он ехал на поезде. По «Комсомолке» разнёсся слух: «Приехал разбогатевший Челноков!»

Всё это мне рассказывал сам Андрей Геннадьевич, с которым мы как-то мотались из конца в конец Новосибирска по его неотложным делам. Рулил он при этом старенькой иномаркой-развалюхой, которая без конца перегревалась. И тогда мы останавливались, чтобы дать ей остыть. А Челноков продолжал рассказ о бизнес-этапе своей недавней жизни. Полоса его предпринимательских неудач началась с организованной и уже оплаченной им поставки в один из северных городов крупной партии сливочного масла из бывших стратегических продовольственных резервов США. На этой сделке Челноков рассчитывал хорошо заработать (ещё и приятель попросил взять его в долю), но масло оказалось то ли с истекшим сроком хранения, то ли не соответствовало каким-то другим стандартам. Вполне возможно, что Челнокова просто подставили... Потом его ещё раз «кинули» – уже с поставкой нефтепродуктов. Было возбуждено уголовное дело, по которому Андрею светил реальный срок...

Суд проходил в одном из городов Заполярья, и, отправляясь на него, Челноков даже попрощался с близкими, не очень рассчитывая на то, что вернётся домой. Но ему повезло (а может, Бог решил дать ещё один шанс в жизни): женщина-судья не только по-настоящему вникла в суть дела, но и нашла для Андрея некие смягчающие обстоятельства... И он вернулся домой, отягощённый всего лишь судебным решением гасить часть долгов, предъявленных ему истцами...

* * *

Он снова был на распутье – уже без джипа, офиса, денег... Даже квартиру хорошую купить себе не удосужился...

Надо было жить дальше и содержать семью, в которой подрастали два сына. Какое-то время он возглавлял пресс-службу одной из влиятельных правоохранительных структур Сибирского федерального округа, но быстро понял, что служба, даже такая для Новосибирска престижная, не для него. Но она помогла ему расширить круг знакомств в этой сфере, и он, сумев использовать эти связи, зарегистрировал новую региональную правовую газету «Сибирь: момент истины». Стал её директором и главным редактором одновременно.

Эта газета стала одной из самых авторитетных и влиятельных в Сибирском федеральном округе, потому что давала материалы, каких нельзя было найти ни в одной газете Сибири. «Момент истины» регулярно публиковала настоящие, а не показушные журналистские расследования, в том числе о зарвавшихся чиновниках, коррупционерах, хитроумных схемах увода бюджетных средств. Публиковала она и оппозиционных политиков всероссийского масштаба. Челнокова побаивались и даже ненавидели люди из власти, вставляли палки в колёса, разными способами пытались на него давить, запугивать. А он не поддавался, что ему вскоре аукнулось.

Но «Момент истины» не только разоблачал и бичевал, газета постоянно защищала угнетаемых и обездоленных, тех, кто попадал в беду. Люди часто шли к Челнокову как в последнюю инстанцию. И это придавало ему сил и уверенности в собственной правоте. Он часто бросал все свои дела и отправлялся туда, где ждали его помощи...

У «Момента истины» не было стабильных источников финансирования, рекламной финансовой подпитки, а реализация покрывала лишь малую часть издательских расходов. Нередко выход очередного номера задерживался из-за нехватки средств. Но когда, казалось бы, уже не на что надеяться, возникали люди, подчас совершенно незнакомые, и

предлагали помощь – чаще всего бескорыстно, спасая благое дело, которому он служит.

* * *

Председателем Союза журналистов Новосибирской области Челноков стал, можно сказать, случайно. Жизнь в организации мало-помалу замирала... И когда на очередной отчётно-выборной журналистской конференции стали выдвигать кандидатуры на пост председателя, кто-то вдруг назвал и его. Сразу нашлись возражающие:

– Мы его мало знаем! Да и не сибиряк он, а пришлый...

Но были голоса и в его поддержку:

– Хотя и молодой, а жизнь знает! Газету хорошую делает... Мы – за Челнокова!

Для самого Андрея всё это стало полной неожиданностью. Он лихорадочно соображал – что сказать коллегам, как поступить? И вдруг подумал: «А может, это судьба даёт мне шанс ответить добром за чудом обрётённую свободу? Может, это Бог посылает это испытание?»

Он ответил согласием, и его избрали...

Случилось это два с лишним десятка лет назад. И председательство его было усыпано далеко не одними розами, разочарований и шишек хватало тоже. Случалось, и отчаяние подступало: «Да что я, приговорён к этой должности, что ли? За что мне всё это? Может, давно уже уйти надо было?»

И это никакая не поза, а мучительные размышления совестливого, искреннего человека, всё время стоящего перед трудным выбором. Таким, например, как взаимоотношения с губернаторской властью. В своё время они были вполне цивилизованными, корректными, можно сказать, партнёрскими. Пока Челноков не начал публиковать журналистские расследования о деяниях главы одного из сельских районов, удельного князька, превратившего район в свою вотчину. Областной исполнительной власти, где у «героя» публикаций нашлись покровители, это не понравилось, что Челнокову прямо давали понять. А он не унимался: приводил факты, публиковал документы, свидетельства людей о том, что глава не только недостоин занимать нынешний пост, но и позорит всю систему исполнительной власти.

Челноков ждал если не адекватных мер со стороны областной власти, то хотя бы серьёзного разговора о положении дел в том районе. А ему в ответ говорили: «Уймись!» И поскольку он продолжал гнуть свою линию, его высокопоставленные противники развернули против

него позиционную войну по всем правилам чиновничьего искусства. Сначала запретили редакторам государственных районных и других газет участвовать в проводимых им журналистских мероприятиях... Дошло до того, что их не пустили в Павлодар на очередную нашу с новосибирцами международную встречу, хотя мы загодя обращались по этому поводу с официальным письмом к губернатору.

Потом в ход были пущены новые средства воздействия: власти решили выселить Союз журналистов из Дома журналистов – небольшого, но очень удобного особнячка в центре города, десятилетиями занимаемого этой общественной организацией. Причём делалось всё под благовидным предлогом – планировалось отдать здание под библиотеку. И хотя библиотекари сразу заявили, что оно не решает их проблем и не годится под библиотеку, «наезды» продолжались уже с помощью судебных инстанций. Состоялось несколько судов, которые Челноков, конечно же, проиграл... И Дом журналистов у его организации отняли.

То есть его уже не один год брали измором... А он не сдавался, хотя и переживал из-за того, что рикошетом власти били не только по нему, но и по всему Союзу журналистов области.

По натуре Андрей человек добрый, вполне толерантный и даже отчасти сентиментальный, способный воспринять иную точку зрения... Но при всём при том он привык называть вещи своими именами. И в этом смысле бескомпромиссен...

Что помогает Челнокову в этом его мужественном, достойном восхищения самостоянии? Во многом, конечно же, вера (он человек православный, истинно верующий), воспитание – семейное, да ещё советское – в его лучших образцах; а в годы председательства в Союзе журналистов, наверное, не последнюю роль играет личная ответственность перед профессиональным сообществом – людьми, ему когда-то поверившими и доверяющими сегодня. Говорю об этом доверии потому, что два с лишним десятка лет его неизменно избирают председателем Союза журналистов области. И он, столько раз думавший о том, чтобы оставить этот пост добровольно, снова соглашается остаться... В каком-то смысле он человек старомодный, и доверие людей для него выше собственных интересов и переживаний.

* * *

Что сегодня представляет собой Союз журналистов Новосибирской области? Это, пожалуй, самая крупная в России региональная журналистская организация после городских – Московской и Питер-

ской. В ней состоят более 1200 журналистов. Хотя, кроме «челноковского», в Новосибирске есть ещё один Союз журналистов – издательских структур. Он и создавался отчасти в пику бывшему «советскому» Союзу журналистов, но уровня его ни по каким параметрам так и не достиг.

Мне приходилось видеть делегации Союза журналистов Новосибирской области на разного рода общероссийских и международных журналистских форумах и могу лично свидетельствовать – они всегда были одними из самых сплочённых, активных, динамичных. И это притом что Челнокова слегка недолюбливают начальники по Союзу журналистов в Москве: им, скажем так, не вполне понятна его журналистская и человеческая неуступчивость во взаимоотношениях с местными властями (руководство СЖ России предпочитает дружить с региональными властными элитами, считая, что это идёт на пользу журналистскому сообществу), а также его позиция по некоторым другим общецовым проблемам, если хотите, его самостояние, которое так не по душе многим власть имущим. Но Андрея Геннадьевича вынуждены терпеть – он признанный лидер крупнейшей региональной журналистской организации, и этим всё сказано.

Челнокова можно по праву назвать главным собирателем журналистских сил в Новосибирской области. Но он подтягивает к себе всех неравнодушных людей – бизнесменов, учёных, разного рода общественников, да и некоторых представителей власти тоже, принимает их в Союз журналистов, делает своими союзниками. Он терпит многочасовые монологи и сетования ветеранов журналистики, для которых новосибирский «Домжур» давно стал родным, поздравляет их с праздниками, берёт с собой в поездки. Он поддерживает любые инициативы в пользу свободного, честного слова в СМИ – от кого бы они ни исходили. Так было, например, с проектом молодого бизнесмена, создавшего в городе Куйбышеве (есть такой в Новосибирской области) интернет-ресурс. Этот человек был и учредителем его, и редактором, и репортёром – в единственном лице, честно сообщал обо всём, что в городке происходит, давал возможность высказываться горожанам, задавать неудобные вопросы, адресованные властям. Последним это, само собой, не понравилось, и «интернет-выскачке» стали разными способами перекрывать кислород. Тот обратился за помощью к Челнокову, который сам отправился в Куйбышев, поддержал парня в «Моменте истины», принял его в Союз журналистов.

Он вообще всегда готов мчаться по любому зову туда, где люди сталкиваются с несправедливостью и произволом – властей ли, бессовестных работодателей или бесчестных правоохранителей – и где ждут его помощи.

Он не только сам старается жить по законам совести и чести, но и ведёт по этому пути коллег. Именно Челноков придумал главную журналистскую премию, которая называется «За честь и журналистское достоинство» и вручается раз в год одному человеку – по итогам персонального голосования работников всех здешних средств массовой информации.

Первым обладателем этой премии стал редактор Каргатской районной газеты Александр Сергеевич Сергиенко, защитивший в ней серией принципиальных публикаций руководителя местного крестьянского хозяйства, вынужденного с ружьём в руках защищать свой дом и близких от нападения бандитов. Если бы не газета и не мужество её редактора, человек мог лишиться свободы.

Эту премию получали и другие новосибирские журналисты, на деле доказавшие, что они не только профессионалы, но и люди высокого долга и чести. А некоторое время назад премия «За честь и журналистское достоинство» была вручена главному редактору газеты «Сибирь: момент истины» Андрею Челнокову, опубликовавшему в ней серию собственных журналистских расследований, получивших большой общественный резонанс. Что может быть дороже такой оценки твоего труда твоими же коллегами?

Челноков инициировал издание фундаментальной энциклопедии «Журналистика Новосибирской области», куда вошли сведения о тысячах журналистов, в разные годы работавших в средствах массовой информации региона; «Библиотеки Союза журналистов Новосибирской области», в которую вошло около десятка книг талантливых новосибирских авторов; альманаха «Сибирская книжная серия «Жизнь замечательных сибиряков».

Издали ксерокопию первого номера первой новосибирской газеты, пытались издавать собственную газету «Журналист», но прекратили из-за нехватки средств. И это лишь часть больших и малых дел Союза журналистов области.

* * *

Есть люди, которым всегда мало того, что они сделали. Таков и Андрей Челноков. Когда-то он задумал провести международную кон-

ференцию под названием «Журналистика – категория нравственная». Идея, конечно, была безумная. И многие ему прямо говорили: «Во-первых, зачем тебе это, у тебя что, других дел нет? И, во-вторых, какая может быть нравственность у сегодняшней насквозь продажной журналистики? Тебя, если даже соберёшь кого-то, на смех поднимут...»

Но, видно, и вправду лишь безумные идеи в конечном счёте часто оказываются самыми продуктивными. Так случилось и с челноковской конференцией... Попав почти случайно на первую, я потом старался не пропустить ни одной. На седьмой по счету наша павлодарская делегация по уже сложившейся за последние годы традиции была самой представительной (почему – я ещё расскажу). А кроме казахстанцев, были ещё москвичи, гости из Латвии, Приднестровья, Киргизии, Таджикистана, Азербайджана и, конечно, сибиряки.

Я был свидетелем того, как раз от раза рос на конференциях уровень дискуссий, как расширялась тематика выступлений, как конференция из по сути региональной вырастала в действительно международную, становилась настоящим событием в общественной жизни, площадкой для обсуждения не только внутрицеховых тем, но и важнейших проблем современной общественной мысли.

Челноков приглашает на конференцию не только «своих», то есть людей, близких ему по духу, но и других, думающих иначе. Ему важно, чтобы сталкивались мнения, высекались искры от споров, чтобы это был не хор, а разногласица в хорошем смысле этого слова. И это ему всегда удаётся.

Помню, как ровное течение первой конференции буквально взорвало выступление известного московского журналиста и редактора Александра Куприянова. От него досталось прежде всего новосибирским журналистам:

– Вы что, и вправду не видите, что у вас под носом творится? – стыдил коллег журналист «Комсомолки» её лучших времён, создавший затем одну из самых популярных в России – намеренно жёлтую газету, доказав, что и «мы тоже можем».

А говорил Куприянов о том, что в гостинице «Новосибирск», где мы жили, практически открыто торгуют проститутками. Это была чистая правда: едва я успел заселиться и зайти в душ, услышал телефонный звонок. Чертыхаясь, мокрый побежал к телефону, оставляя за собой следы на рассохшемся, истёртом паркетном полу. Думал – организаторы конференции меня ищут... И услышал в трубке приятный женский

голос: «С девочками отдохнуть не желаете? Подходите – мы тут на первом этаже в баре...» На часах было что-то около одиннадцати ночи... Не пошёл – постеснялся, о чём до сих пор жалею. Не потому, что не отдохнул с девочками, а потому, что сам не увидел картину, которую следующим утром живописал на конференции Куприянов. Что «девочки» и впрямь предлагаются на любой вкус – в образах старшеклассницы, медсестры, учительницы, молодой «оторвы» и т. д. Выбирай не хочешь! Само собой, во вторую ночь «девиц на выбор» в баре уже не было...

А новосибирским журналистам досталось от Куприянова и за угодливое описание неустанных трудов местной исполнительной власти, провинциализм и прочие прегрешения... Сибиряки, впрочем, тоже в долгу не остались – резали в ответ правду-матку: это, мол, от вас, из Москвы, пришла к нам эта зараза – и проституция, и продажность СМИ, и прочие мерзости. Очиститесь от всего этого сами, а потом укоряйте нас! А потом пошёл нормальный, взыскательный разговор об общих бедах прессы и о том, как и чем их лечить...

В другой раз изюминкой конференции стали бывшие коллеги Андрея по «Комсомолке» Анатолий Строев – президент международного клуба её бывших собкоров и Павел Гутионтов – бывший капитан «Алого паруса» этой газеты (популярнейшей рубрики для школьников), секретарь правления Союза журналистов России. Их мастер-классы произвели настоящий фурор среди местных журналистов и других участников конференции.

В третий раз Челноков сумел заманить в Новосибирск легендарного Василия Михайловича Пескова, полвека с лишним ведущего в «Комсомолке» персональную рубрику «Окно в природу» и, наверное, единственного из журналистов (хотя он, конечно же, и писатель талантливый), кто был удостоен Ленинской премии. Василий Михайлович был одним из немногих, кто не поддавался искушениям новых российских времён, вернее, безвременью и торжеству бессовестности... Уже и родная его «Комсомолка» из любимой миллионами газеты стала «удачным бизнес-проектом», ушли в мир иной или не вписались в новую концепцию «Комсомолки» её золотые перья, а Песков – в прямом смысле последний из могикан – по-прежнему еженедельно выдавал в «толстушке» свою фирменную страницу «Окно в природу». Блестящий пример высочайшего нравственного служения профессии, которая, оказывается, может быть не только второй древнейшей. Василий Михайлович щедро делился с участниками конференции своим журналистским

опытом. Признавался, что не было у него телевизора даже тогда, когда он вёл телевизионную передачу о жизни животных.

Помимо прочего, Челноков уговорил Пескова издать за счёт средств Союза журналистов области одну из самых популярных его книг – «Та-ёжный тупик». В ней описана невероятная история семьи староверов Лыковых, ушедших в глухую сибирскую тайгу и проживших в ней тридцать лет без контакта с другими людьми. Когда Песков начал публиковать материалы о Лыковых в «Комсомольской правде», её тираж подскочил до 21 миллиона экземпляров.

Василий Михайлович в течение нескольких часов стойчески подписывал эту книгу, адресуя неведомому «другу-читателю сибиряку»... Горжусь тем, что и у меня теперь есть она с таким автографом. А первую – «Птицы на проводах» – Василий Михайлович подписал мне после встречи в редакции «Звезды Прииртышья»: он приезжал к нам в Павлодар в начале восьмидесятых годов прошлого века, во время акции «Комсомольская правда» – на Экибастузском топливно-энергетическом комплексе».

Мне не удалось почему-то побывать на той конференции, но мне, благодаря Андрею Челнокову, кроме книги, достался также диплом имени В.М. Пескова «За верность профессии». Надо ли говорить о том, что это одна из самых дорогих для меня журналистских наград. Выходит, что я тоже оказался причастен к той конференции.

* * *

Не могу не сказать о невероятно добром и трепетном, без преувеличения братском отношении Андрея к нам, казахстанским журналистам. Как-то судьба в очередной раз свела нас с ним в Турции, на международном журналистском форуме, организованном Союзом журналистов России. В один из дней мы вместе с турецкими коллегами поднялись на высшую точку Анталы, где договорились установить памятник погибшим журналистам. Наверху было прохладно, ветрено... «Да что мы – не русские люди?» – с некоторым вызовом сказал Андрей. И мы с ним выпили водки – за помин души собратьев по профессии и «для сугреву». А на обратном пути, сидя в автобусе, заговорили о том, что мы уже вроде побратались, пора брататься и нашим журналистским организациям. Говорили громко, и весь автобус, в котором было, наверное, человек сорок, затих, прислушиваясь к нашим прожекткам, – как мы подключим к своим инициативам власти, будем ездить делегациями в

гости друг к другу, рассказывать в газетах, на радио и телевидении о жизни казахстанцев и сибиряков.

Самое удивительное – всё это состоялось. Уже на следующий год мы отправились на челноковскую конференцию целой делегацией и на ней подписали декларацию о сотрудничестве и братских отношениях Союза журналистов Новосибирской области России и Павлодарской областной организации Союза журналистов Казахстана. Кажется, это было первое подобное соглашение на просторах СНГ, которое мы год от года наполняли реальным содержанием. Мы не раз бывали в Сибири, а сибиряки у нас – не только в Павлодаре, но и в Аксу, Экибастузе, Баянауле, Железинке... Мы лучше узнавали друг друга и становились по-настоящему близкими.

Когда мы едем в Новосибирск, Андрей всегда нас встречает на въезде в город и с первых минут окружает такой заботой и таким вниманием, которые трогают до слёз. А мне он не раз говорил, что, приезжая к нам, обычно испытывает ощущение – будто вернулся домой.

Конференция конференцией (о ней ещё будет речь), но для нас Челноков всегда готовит особую программу – можно сказать, всякий раз дарит нам свою Сибирь. Благодаря ему мы побывали в настоящей сибирской тайге, где были и настоящие таёжные комары, и купание в ледяной речке после жаркой бани... И не забыть того удивительного ощущения, когда наши распаренные тела щекотали рыбёшки, обитавшие в речке.

А разве забудешь барана, которого перед тем как предложить нам, несколько часов томили в огромном казане над костром челноковские друзья, уверявшие, что это и есть бешбармак по-сибирски...

Челноков подарил нам в разные годы незабываемые встречи в одном из лучших не только в Сибири, но и в России сельских хозяйств ЗАО «Ирмень», в Колывани, в Бийске и Белокурихе... Мы провели несколько незабываемых часов на высоком берегу, там, где сливаются реки Бия и Катунь, рождая великую Обь, которую ниже по течению подпитывает уже наш Иртыш. Вместе с ним были в шукшинских Сростках, поклонились родным местам Василия Макаровича, поднялись на гору Пикет, где он так любил бывать...

Челноков подарил нам столько интересного, значительного, неповторимого, что навсегда останется в нашей памяти эта небывалая роскошь человеческого общения. Не только и не столько на конференциях, что тоже очень важно, но главным образом в кулуарах, совместных поезд-

ках, шумных, часто неуправляемых застольях. А сколько новых знакомств мы завели, когда его друзья становились и нашими друзьями!

Пётр Фёдорович Никифоров – редактор Черепановской районной газеты – одной из лучших в области, бывалый таёжник, блестящий рассказчик, автор отличной книжки «про жизнь» «Мы бывалыча лавливали...», изданной Челноковым и подаренной нам...

Людмила Ивановна Породзинская, моя однокурсница, близкий мне человек, редактор Кочковской районной газеты, также имевшей в ту пору добрую славу в регионе, встречала нашу делегацию у стен редакции хлебом-солью и угощала сибирскими деликатесами домашнего приготовления. Обижалась, если мы по пути в Новосибирск или обратно не заворачивали в её Кочки...

Ветеран сибирской журналистики, автор ряда книг о знаменитых сибиряках (среди которых, кстати, и наши Павел Васильев, Григорий Потанин) Вадим Семёнович Михановский, бывший суворовец, юный участник знаменитого Парада Победы 1945 года в Москве, член Союза журналистов с 1958 года, сохранивший такую жизненную энергию, которой и молодым можно позавидовать. Его неспешные рассказы о прожитом и пережитом и выдающаяся самогонка, с которой не сравнятся лучшие заморские коньяки и виски...

Нашим другом стал уже упоминавшийся Анатолий Фёдорович Стровев. Мы познакомились в Новосибирске и пригласили его в Павлодар, где он побывал дважды, успел полюбить наш край, а мы – его самого.

Однажды, как обычно, выгрузились из микроавтобуса на въезде в Новосибирск, ожидая Челнокова, только что встретившего в аэропорту московских гостей. Он вскоре подъехал, как всегда, сам за рулём, и из машины вслед за ним вышел человек, чьё лицо было знакомо большинству людей старшего поколения на просторах бывшего СССР. И пока мы вспоминали его имя, он спросил:

– Казахстанцы? А из Железинки есть кто-нибудь?

– Ещё как есть! – отвечал я. – Нас даже двое! – и тут же представил ему редактора Железинской районной газеты «Родные просторы» Мухамади Хамитова.

– А я – Кипрас Мажейка, – отвечал человек, которого мы сразу узнали, но не могли поверить, что это именно он.

– Я в Железинской районной газете проходил первую практику после первого курса журфака МГУ, – продолжал Кипрас, – она тогда называлась «Ленинское знамя».

– А я начинал в ней работать, – сказал я, – выходит, мы с вами почти родня...

Тем же вечером, когда Челноков угощал нас в каком-то винном ресторане экзотической (чёрной!), кажется, чилийской водкой, Кипрас сказал, что вновь хотел бы побывать в Железинке. А Мухамади Хамитов тут же ответил, что приглашает его... И все они – Андрей Челноков, легендарный советский тележурналист Кипрас Мажейка (для которого когда-то пела сама Лолита Торес – он не раз это подчёркивал), Анатолий Фёдорович Строев – приехали на следующий год в Павлодар и были по высшему разряду приняты в Железинке – в белой юрте на берегу Иртыша. Фирменным угощением стали, само собой, бешбармак и сыроежка из только что выловленной стерлядки, вкус которой Челноков помнит до сих пор и мечтает попробовать это экзотическое блюдо хотя бы ещё раз. Мне же самому та поездка будет помниться и тем, что пришлось лезть вслед за Кипрасом и Андреем в холодный Иртыш (была уже осень), когда им вздумалось искупаться. Не мог же я их пустить в мутные иртышские воды (был ещё ветер) одних...

* * *

Кого только не было на челноковских конференциях! Как можно забыть милую, обаятельную, какую-то очень домашнюю Светлану Пасти из Финляндии, которая своим обликом и поведением никак не вписывалась в нашу общую шумную, часто безалаберную компанию, однако стоически переносила все наши «художества».

На прощальном ужине Светлана рассказывала, что матери в их стране иногда страшат непослушных детей так: «Вот не будешь слушаться – отправлю тебя в Сибирь – тогда узнаешь». А тут, мол, оказывается, всё иначе – так интересно и люди такие замечательные!

Я в своём слове заметил Светлане, что у нас в Павлодаре я, наоборот, говорю коллегам: «А тех, кто будет неправильно себя вести, мы с собой в Сибирь не возьмём...» И действует, как правило, безотказно.

Дважды приезжал в Новосибирск Григорий Зубарев из Латвии – «угнетённый латыш», как мы его окрестили после сочувственных слов одного из ораторов, решившего польстить Зубареву сентенциями о том, как тяжело живётся в Латвии «инородцам». Хотя Зубареву, гражданину этой страны, жить там оказалось вполне комфортно.

У эрудированного язвительного Зубарева, как у того героя из бабелевских «Одесских рассказов», всегда находилась в запасе пара слов. Он – блестящий полемист и поднаторевший в публичных выступлениях

ях оратор. А Челноков «нашёл» его в Узбекистане, куда они оба попали на организованную властями своего рода пиар-акцию, призванную продемонстрировать гостям из разных стран достижения Узбекистана. Когда Зубарев стал на той встрече резать правду-матку о ситуации со свободой слова в этой стране, его чуть не унесли с трибуны. А Челноков решил тут же позвать его на свою конференцию.

Зубарев, отнюдь не страдающий синдромом благодарности, приехал и с первых слов своей речи начал «крыть» уже самого Челнокова, доказывая, что нравственность – категория не правовая, её нельзя пощупать и измерить, и что сам Челноков в данном конкретном случае – прекраснотушный идеалист, который сам не знает чего хочет. Челноков сидел рядом с оратором – не только вполне довольный, но и, похоже, отчасти счастливый тем, как его ругают. И взгляд его, обращённый к залу, как будто говорил: «Ну что, хороший я всем вам сюрприз приготовил?»

Но – удивительное дело: пока Челнокова то одни, то другие критиковали за идеализм, конференция его набирала силу, становилась известной не только в Сибири. И в уже седьмой захотел поучаствовать Александр Проханов – писатель и журналист, общественный деятель, главный редактор газеты «Завтра». Человек-легенда, самый последовательный и непримиримый обличитель Горбачёва и Ельцина, либеральной идеологии и модели экономики, патриот и «империалист», жаждущий возрождения «Пятой империи» на просторах нынешней России.

Александр Андреевич отметил тогда своё 75-летие, с которым его поздравил президент Путин, несмотря на то, что ему от Проханова часто доставалось на страницах «Завтра».

Блестящий публицист и полемист, Проханов по своему гражданскому темпераменту, всегдашней готовности к идеологическим сшибкам кому угодно может дать фору. И он ярко продемонстрировал это на конференции, заявив, что сегодня, когда на планете идёт бескомпромиссная и беспощадная борьба за мировое господство в идеологии, за глобальное влияние в мире, по сути война между светом и тьмой, для него самого победа в этой схватке важнее правды.

Каково это было слышать журналистам, да ещё на конференции под девизом «Журналистика – категория нравственная»? А Проханов с неменьшей страстностью продолжал: он и его сторонники всеми силами борются и будут бороться за возрождение великой Российской Империи, но уже в новом её качестве и новыми методами – без войн и захватов; империи, несущей свет, добро и благоденствие всем народам, живущим в России.

В сподвижниках у А.А. Проханова на этой конференции был другой российский патриот – политолог Сергей Кургиян, подчёркивавший выдающуюся роль Проханова в современной российской истории, называвший его своим другом, но тем не менее ставивший во главу угла нравственной журналистики именно правду и на блестящих примерах доказывавший, что он имеет в виду.

Конечно же, этот тандем «красных империалистов» не мог не схлестнуться с тандемом либералов-«западников», поборников демократии из Латвии – Григория Зубарева и Регины Ломеле-Лунёвой. Пересказывать их спор – занятие неблагодарное. Замечу лишь, что Регина отстаивала общепринятую на Западе точку зрения «Журналистика – цепной пёс демократии» и делала это, кстати, весьма корректно. А Григорий, которому, конечно же, пришлась явно не по вкусу идея возрождения новой «красно-белой» Российской Империи, с присущим ему темпераментом понёс было по кочкам её идейных вдохновителей, но получил от них столь жёсткий отпор, что понял – «бодаться» с такими поднаторевшими в политбоях ораторами ему одному не по силам... Рикошетом в этой сшибке, причём во многом ни за что, досталось от «патриотов» и Регине, которая, впрочем, держалась молодцом.

Казалось бы – всё: отношения испорчены окончательно... Но тем же вечером спорщики как ни в чём не бывало вместе пили водку за дружеским столом. И это также одна из прекрасных традиций, рождённых на челноковских конференциях, – никогда не переносить идейные, творческие и прочие разногласия на человеческие отношения...

Наверное, никогда ещё я не видел Челнокова таким счастливым... И по накалу, глубине и размаху дискуссий, и по уровню представительства эта конференция затмила собой все предыдущие. Кроме сибиряков, москвичей, латышей и нас, казахстанцев, на неё приехали представители Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Приднестровской Молдавской Республики. И каждый говорил о своём видении нравственных начал в нашей профессии, её проблемах и бедах, разности менталитетов и мировоззрений. Это было настоящее созвездие личностей, пиршество общения.

Потому-то и был так счастлив Челноков, измочаленный заботами, выжатый как лимон, спавший в эти дни лишь по несколько часов в сутки. Это был и его личный триумф, его победа!

* * *

Мало кто знает, какими трудами, потом и кровью даётся ему каждая конференция. Проблемой из проблем всегда остаются финансы, ведь

постоянного спонсора у этих больших журналистских сборов не было и нет. А местные власти, как уже говорил, Андрею не только не помогают, а наоборот, часто вставляют палки в колёса, запрещая редакторам государственных районных и городских газет участвовать в его мероприятиях. Некоторые коллеги, правда, проявляют непослушание и всё же приезжают – по сути нелегально...

Наверное, можно было поставить дело так, чтобы некоторые участники платили за гостиницу, питание и т. д. сами. Но Челноков с самого начала взял за правило все эти расходы принимать на себя, а большинству ещё и дорогу оплачивает. Можно было бы обойтись и без части застолий, но Челноков считает их очень важным атрибутом конференций – скажем так, неофициальной составляющей, или продолжением дискуссий.

Он не раз признавался мне в том, что уже готов был отменить очередной сбор – именно из-за нехватки средств. Но в самый последний момент всё каким-то чудесным образом устраивалось, находились какие-то деньги... Или ему верили под честное слово... Или приходилось залезать в долги... Наверное, ему благоволили при этом и какие-то высшие неведомые силы – в ответ на его бескорыстие и высокое служение идеям журналистского братства.

Чаще всего получается так: едва рассчитавшись с долгами за конференцию предыдущую, он начинает подготовку к следующей, как правило, ещё не зная, где будет брать на неё деньги...

Проводив последних гостей, Челноков впадает в жестокую депрессию. Ему кажется, что всё лучшее и самое главное в его жизни уже случилось, а впереди – лишь рутина и серость... Но жизнь, к счастью, мудрее наших душевных кризисов и быстро возвращает к обычным заботам. И Андрей также начинает понемногу впрягаться в привычную лямку – в заботы по Союзу журналистов, по подготовке очередного номера «Моменты истины» (на который ещё надо где-то найти деньги)... Да и семьёй надо заниматься – он ведь теперь отец троих детей.

* * *

Мне не хотелось бы вылепить из Челнокова образ идеального, во всех смыслах замечательного человека. Он, как и все мы, всякий, и недостатки у него, конечно же, есть. О некоторых и я знаю, но писать о них не буду. Потому что он мой друг, а я по отношению к друзьям пристрастен. Один на один я могу сказать и неприятные для него вещи, но публично всегда и всюду буду его защищать. Ведь ругать его и отравлять ему жизнь и без меня есть кому...

Однажды мы с ним круто разошлись во мнениях, можно сказать, схлестнулись... Наверное, перегрелись на жарком турецком солнце... Спорить лучше было наедине, спокойно и по-тихому, а мы раздухарились, перешли на повышенные тона в присутствии других, большей частью чужих людей...

Спорили, смешно сказать, из-за Сталина. Андрей заговорил о его выдающейся роли полководца и государственного деятеля в Великой Отечественной войне. А я отвечал: ну да, победили, но какой ценой? Почему людей при этом положили вдвое больше, чем поверженная Германия?

– Да там же и мирное население! – возражал Андрей.

– А это что, не люди, не потери? – горячился я. – Немецкие генералы и своих солдат, как правило, берегли... А наши?

И я приводил в пример Кутузова: ну и что – что Москву сдал, зато сберёг армию и в итоге победил...

– Да он ни одного сражения у Наполеона не выиграл, всё время уклонялся, отступал, – возмутился Андрей, употребив нелестный эпитет в адрес Кутузова. – Наполеона погубила русская зима, да ещё народные мстители!

– Если ты выдающийся полководец и идёшь покорять страну с такой территорией и климатом, должен знать – куда прёшь! – отвечал я. – Для меня главное – что русские войска оказались в Париже. И вели себя совсем-совсем не так, как «цивилизованные» французы в Москве. А «плохой» полководец Кутузов положил в той войне своих соотечественников меньше, чем Наполеон своих солдат...

Андрей стал закусывать удила, я – тоже... Дело могло и вовсе принять нехороший оборот, но у нас обоих хватило ума остановиться. Хотя я ещё долго не мог успокоиться и тем же вечером в гостинице письменно набросал свои аргументы насчёт Сталина и Кутузова с Наполеоном, чтобы уже в спокойной обстановке изложить их Андрею. Но продолжение разговора как-то не случилось, и может, хорошо, что не случилось... А во время следующей нашей встречи он мне с некоторой иронией, но вполне дружелюбно напомнил о том споре. А я признался, что даже письменный «отлуп» ему сочинил.

– Вот бы и прислал, – заметил Андрей, – я бы ответил... Интересная могла бы получиться дискуссия...

Ещё через какое-то время я купил и переслал ему несколько книг о Сталине, чем, оказалось, его очень растрогал.

* * *

Мы знаем друг друга уже больше двадцати лет, пытались перейти на ты, даже на брудершафт пили – в той же Турции, в шикарнейшем внекатегорийном суперотеле (выше всех звёзд!) Тельмана Исмаилова, бывшего владельца скандально известного «Черкизона» – Черкизовского рынка в центре Москвы, закрытого вскоре Путиным... Но перейти на ты нам так и не удалось. Я готов и даже иногда сбиваюсь на такое обращение, он же – никогда...

Мне кажется – я хорошо его знаю, а он не перестаёт меня удивлять.

Как-то, уже давненько, я приехал с коллегами из Павлодара на очередную его конференцию не в лучшем виде – твёрдо решил уйти с редакторского поста, а будущее было туманно... Он сказал какие-то ободряющие слова, пообещав некий сюрприз. И когда мы уже расставались, вручил сертификат, удостоверяющий, что моим именем названа некая безымянная звезда. Тем самым давал понять: что, мол, значит какая-то должность, с которой ты расстанешься, ведь у тебя будет своя звезда!

Или вот ещё... Приближался мой юбилей, на который Андрея я решил не звать, боясь, что в суматохе торжеств не смогу уделить ему должного внимания. Но попросил прислать приветствие, пообещав его публично огласить. Шли дни, подошло время праздновать, а поздравления от Андрея всё не было. «Забыл, наверное, – думал я с некоторой обидой, – а ещё друг называется!»

И вдруг одним из первых, кого я встретил в фойе павлодарского Дома дружбы, где должны были меня поздравлять, оказался Андрей! «Взялся, – говорит, – вчера сочинять поздравление, в голову ничего не лезет, и решил – что я буду мучиться, лучше сам приеду и всё скажу». И как сказал! Да ещё спел свою фирменную «От Москвы до Бреста»... Зал взревел от восторга... «Ради таких минут, – сказал я тогда ему, – и стоит жить...» Андрей же сел в машину и уехал, даже обедать не остался – в тот день, оказывается, был день рождения у его матери. Итого меньше чем за сутки он проехал за рулем по маршруту Новосибирск – Павлодар – Новосибирск без малого полторы тысячи километров.

* * *

Некоторое время назад мне пришлось столкнуться с серьёзной проблемой по части здоровья: в моём левом глазу обнаружили базалиому – злокачественную опухоль, которую надо было удалять. И началась бес-

конечная карусель с хождением по врачебным кабинетам в Павлодаре, затем в Алматы – и нигде не было ясности с предстоящей нестандартной операцией.

Обратился к Андрею: в Новосибирске ещё с советских времён работала по методу офтальмолога Фёдорова известная глазная клиника. Андрей договорился с её руководством, чтобы меня обследовали в ней, и целый день провёл вместе с нами – мною и женой – в её стенах. Вывод был неутешителен: такую операцию в этой клинике сделать не могут и рекомендуют обратиться в Томск, в специализированную клинику при НИИ онкологии.

До Томска – 250 километров, и ещё неизвестно, как там встретят...

Туда, оставив все дела, нас повёз на своей машине Андрей. В клинике, похоже, нужный человек был уже предупреждён новосибирцами о нашем приезде – на приём мы пошли с Челноковым вдвоём. «А вы кто?» – спросили у него. – «Брат!» – ни на секунду не замешкавшись, ответил мой сибирский побратим. Сказали, что операцию сделают через несколько дней, если сможем за этот срок пройти все необходимые обследования. И мы трое суток ездили по медучреждениям Томска и Новосибирска, чтобы успеть... Вернее, Андрей всё это организовывал, подключив коллег, включая собственную супругу. И опять повёз нас в Томск, дождавшись, пока меня не положат в клинику. Каждый день звонил до операции и после. А когда я стал извиняться за то, что на несколько дней вывел его из рабочей колеи, он даже обиделся: мы же, мол, братья – как же иначе? Такой вот подарок судьбы выпал на мою долю.

* * *

Теперь Андрей не только мой сибирский побратим, но и мой крёстный. Он не раз говорил, что хотел меня покрестить, но всё как-то не получалось. Наконец они с моим сыном Димой договорились и меня к этому сумели подготовить. И вот как всё происходило.

Андрей сначала представил меня благочинному одного из православных округов Новосибирска. Отец Константин – невысокий, светловолосый, доброжелательный – обедал. Азартно хлебал пустые щи, забрасывая время от времени в рот сухарики. И нам предложил чаю.

Андрей стал представлять меня ему, перечисляя регалии, не забыв даже про трамвай, который ходит по Павлодару под моим именем. Отец Константин спросил: знаю ли я что-то о православии и о крещении? И, похоже, удовлетворившись моими не очень пространными ответами (а может, будучи впечатлён предварительной речью Андрея),

назначил обряд на семь часов, после вечерней службы. И мы отклонялись до вечера.

Куда мы могли пойти потом? Конечно, в баню. И с чистыми помыслами и телами предстали перед благочинным, отстояв перед этим вечернюю службу в его храме.

– Будете сегодня у нас Юрием Гагариным, – сказал отец Константин.

– В каком смысле? – не понял я.

– В прямом. Он был первым в космосе, а вы в нашей купели. Мы в ней ещё никого не крестили.

Я уже знал, что в советские времена этот храм превратили в кинотеатр, а после возвращения его церкви трудами благочинного здание приобрело надлежащий вид со всеми необходимыми атрибутами.

– По православным канонам, – продолжал тем временем отец Константин, – того, кто проходит обряд, нужно окунуть с головой.

Купель представляла собой вместительный чан со ступеньками снаружи и внутри. Теперь предстояло заполнить её водой. Но тут возникла загвоздка: оказалось, вентиль-затычка внизу не держит воду. Благочинный попросил принести отвёртку, что-то ею подкручивал, но без особого результата.

Андрей предложил сделать тряпичную затычку, но вместо неё принесли резиновую перчатку, пристроили и опять включили воду.

Отец Константин объяснил, как следует себя вести во время крещения, показал, как правильно креститься, и начал читать молитвы. Я стоял сзади, неумело крестился и кланялся вслед за ним. Когда пришла пора заходить мне в купель для обряда, воды в ней было лишь примерно по щиколотку. Оказалось, нет нужного напора в системе, питающей купель.

Крестить меня по упрощённой схеме (есть и такая, когда в Храме нет купели) отец Константин не захотел и дал команду использовать для наполнения её пожарные шланги. Их подтащили к купели, включили оба, и вскоре нужный уровень воды был обеспечен.

Мне было велено раздеться, заходить голому, встать на колени, чтобы воды было по грудь.

– Холодноватая, – озабоченно сказал перед этим отец Константин, потрогав священную влагу.

– Да он на днях в Байкале купался, – успокоил благочинного Андрей.

Отец Константин, положив руку мне на голову, бестрепетно трижды погрузил меня вместе с ней в действительно холодную воду. Меня при этом пробрало до озноба, и я начал неприлично дрожать крупной дрожью (может, еще и от волнения), больше всего боясь, как бы они двое этого не заметили.

Отец Константин прикрепил к цепочке крестик и надел мне её на шею. После чего я вытерся полотенцем, которое вместе с цепочкой и крестиком было приобретено крестным – Андреем. И обряд продолжился – с молитвами, крестным ходом вокруг купели, миропомазанием, воцерковлением – с вхождением за царские врата, троекратным коленопреклонением и другими действиями.

При первом знакомстве отец Константин пояснил, что крещенская вода смывает все грехи человека, душа его рождается заново, исчезает стена между человеком и Богом, и человек обретает бессмертную душу. Завершив эксклюзивный обряд, отец Константин и сам как будто просветлел лицом, торжественно провозгласив: «Вы теперь столь чисты и безгрешны, что мне на вас смотреть и боязно, и благостно – глаза слепит!»

И если я при этом ещё не вполне осознавал важности произошедшего, Андрей радовался как ребёнок.

* * *

Я начинаю скучать по нему, едва мы успеваем расстаться. И потом живу ожиданием новой встречи, которая может случиться где угодно. Например, в Дагомысе, на Всероссийском фестивале прессы. Я заплываю в Чёрное море на рассвете и вместе с поднимающимся навстречу дневным светилом неожиданно встречаю... Челнокова, плывущего обратно. Или в Турции, куда он позвал меня «за компанию» на международную конференцию, организованную Союзом журналистов России, да ещё «подарил» нам с коллегой ловлю форели в горной речке...

Как-то он позвонил и деловито, как бы между прочим, спросил:

– А вы в Марокко когда-нибудь бывали?

– Н-нет, – растерянно отвечал я, – а при чём здесь Марокко?

– Да тут Союз журналистов России и одна туристическая фирма из Марокко пресс-тур готовят. Я вас уже записал. У нас зима, а у них лето. В океане покупаемся...

С Марокко не получилось – ни у меня, ни у него. Хотя с ним я готов ехать, лететь, плыть куда угодно.

**«ВСЁ, ЧТО БЫЛО, – МОЁ,
НИ О ЧЁМ НЕ ЖАЛЕЮ!»**

Нынешняя пресса не очень-то жалуется (и не без основания) госслужащих, а слово чиновник нередко и вовсе имеет в обиходе пренебрежительный оттенок. Между тем без армии чиновников всех уровней – от начинающих специалистов низшего звена до членов правительства – не способна жить ни одна цивилизованная страна.

Что представляет собой человек из власти? Как люди в неё попадают? Как работают и живут вне службы? Об этом и не только об этом наш разговор с Даулетом Кокановичем Закарьяновым – руководителем управления по делам религий Павлодарской области.

Баянаульская школа

– Даулет Коканович, мы с вами знакомы почти 30 лет, а ведь я мало что знаю о вас. Даже то, что вы, как и я, деревенский, узнал не так давно...

– Да, я родился в 1959 году в селе Корниловка, бывшем колхозе имени Калинина, ставшем затем четвёртым отделением совхоза «Панфиловский» Иртышского района. Село знаменито тем, что здесь родились два Героя Советского Союза – Иван Кутурга и Алексей Горобец. Ныне Корниловки нет на карте области, в 2004 году село было ликвидировано, так как к тому времени в нем практически не осталось жителей.

В 1964 году наша семья переехала в Баянаульский район, куда моего отца направили главным агрономом в совхоз «Алексеевский» (ныне село Кундыколь).

Здесь прошла большая часть моего детства, в Алексеевской средней школе я проучился с первого по седьмой класс.

– Помните, как заработали свои первые деньги?

– В селе во время летних каникул многие школьники работали. Вот и я после пятого класса впервые был официально трудоустроен, правда, временно, на один месяц. Моя должность называлась сигнальщик. Я должен был стоять на засеянном поле и флагом подавать сигнал для самолёта, опрыскивающего посевы раствором для потравы вредителей. Рабочий день – с шести утра и до позднего вечера. Всё время на солнцепёке, охота пить, а стоишь в респираторе, который хоть как-то защищал от химического раствора, которым поля опрыскивали. Мне же всего одиннадцать лет. Зато как горд был, получив первую зарплату, как сейчас помню – 76 рублей, немалые деньги по тем временам, а для мальчишки – просто невероятные.

Сигнальщиком я потом работал ещё два лета. А после восьмого класса летом – в стройцехе. Свои последние каникулы провёл в сенокосной бригаде прицепщиком. Вот так мы, деревенские мальчишки, отдыхали тогда летом.

В 1976 году я окончил Жанажольскую среднюю школу (в совхоз «Жанажол» перевели отца его директором).

– Потом, конечно, институт?

– Попытка поступить после школы на юридический факультет Карагандинского государственного университета оказалась неудачной. И отец отправил меня в отдаленную бригаду косить сено. Так 1 сентября 1976 года началась моя трудовая биография в качестве тракториста совхоза «Жанажол». Мне тогда еще и 17 лет не исполнилось.

–Что же отец, директор совхоза, не мог пристроить сына на какую-нибудь непильную должность?

– Наверное, мог, но он принял именно такое решение, и я только благодарен ему за эту школу. Затем отца перевели на должность главного агронома совхоза «Жосалинский», и мы вновь были вынуждены переехать. Там я был принят на работу трактористом полеводческой бригады №4. Хорошо помню свою первую посевную кампанию. Пахать довелось на стареньком гусеничном тракторе ДТ-75 Волгоградского завода.

– Больше в институт не стал поступать?

– Через год весной был призван в армию. В День Победы, ранним утром 9 мая, я уехал из дома, чтобы исполнить свой воинский долг. Попал в учебное подразделение в городе Чебаркуль Челябинской области, где нас полгода готовили механиками-водителями БМП – боевой машины пехоты. Затем направили служить в регулярную воинскую часть, дислоцированную в небольшом городке Гота, на самом юго-западе бывшей ГДР.

Демобилизовался я весной 1980 года и переступил порог родного дома 9 мая, ровно через два года после того, как его покинул.

– У отслуживших срочную службу и к тому же имевших трудовой стаж были льготы при поступлении в вузы – их принимали почти без конкурса...

– А я, немного отдохнув, вернулся в свою бригаду в разгар сенокоса, сев за баранку старенького колесного трактора «Беларусь». Окончив краткосрочные курсы трактористов К-700 в Баянаульском СПТУ-159, весной 1981 года пересел на мощный «Кировец».

– И вам эта работа нравилась?

– Те, кто жил в деревне того времени, знают, что такое будни механизатора. Большую часть года он проводит вдали от дома на полевом стане, практически без выходных, с ранней весны и до глубокой осени. В апреле начинается посевная кампания, потом – сенокос. В августе подходит уборка урожая, и мы пересаживаемся на комбайны. Затем с поздней осени и до самой весны мы заняты на подвозе кормов, доставке грузов – угля для населения и учреждений, скота на мясокомбинаты, металлолома в Темиртау на «Карметкомбинат», сена, соломы, силоса из других районов области. А еще это время ремонта техники и подготовки к весенне-полевым работам.

– Что запомнилось из той поры?

– Памятным был для меня 1982 год. Весной мне доверили новенький К-701, в июне меня избрали депутатом районного Совета народных депутатов, а в августе я стал кандидатом в члены КПСС.

Значимым стал для меня и 1987 год. Урожай в тот год выдался отменный – в среднем с гектара собирали по 13-15 центнеров зерна, на отдельных участках брали от 20 до 26 центнеров. Я на своем СК-5 намолотил в тот сезон более тысячи тонн зерна, показав лучший результат в хозяйстве да и, наверное, в районе. После завершения уборочной меня направили в Павлодар для участия в слете передовых комбайнеров, где вручили памятную ленту «Чемпион жатвы-87».

Партийная школа

– Ну, а во власть-то вы как попали?

– Осенью того же 1987 года в моей судьбе произошла крутая перемена. В октябре на отчетно-выборном профсоюзном собрании меня избрали председателем профсоюзного комитета совхоза, что стало для меня совершенно неожиданным. Но это было в духе той перестроечной эпохи.

Хотя мне и было уже 28 лет, но образование только среднее, ни в чём, кроме техники, я особо не разбирался. Потому приходилось очень просто.

Именно тогда я понял, что мне нужно учиться. В 1989 году решил подать документы в Алма-Атинскую Высшую партийную школу, в то время едва ли не самое элитное высшее учебное заведение республики. Сдав на отлично вступительные экзамены, я был зачислен в вуз и на четыре года стал студентом. Через некоторое время вуз был переименован в Алма-Атинский институт политологии и управления, а чуть позже в Казахстанский институт менеджмента экономики и прогнозирования, ректором которого стал небезызвестный доктор Чай Ыан Бэнг.

– Да, весёлые были времена...

– Учиться было непросто, особенно в последние два года. Бешеная инфляция, пустые полки магазинов, мизерная стипендия – это далеко не все проблемы, с которыми мы столкнулись – студенты того периода. Хорошо хоть за семью особо беспокоиться не пришлось, жена с ребенком остались жить в селе у моих родителей и были под их надежной опекой.

Многим моим сокурсникам, и мне в том числе, приходилось искать подработку, чтобы элементарно как-то прокормиться. Нередко подражались ночами разгружать вагоны с картошкой, углем. А еще я устроился на постоянную работу дворником. При этом об учёбе не забывал, преподаватели никому никаких поблажек не делали. Поэтому красный диплом мне достался честным трудом.

– И вы, наконец, попали во власть?

– Получив диплом социолога в июле 1993 года, приехал в Павлодар искать работу по специальности. Только через два месяца безуспешных хождений по разным учреждениям я был, наконец, принят на работу в Павлодарскую городскую администрацию на должность главного специалиста отдела внутренней политики.

Важнейшую роль в этом да и в последующем моем становлении как специалиста сферы идеологии и государственного служащего сыграл

мой первый руководитель и наставник Шугабаев Еrsaин Каирбаевич, возглавлявший тогда отдел внутренней политики областного центра.

– Как складывалась ваша дальнейшая карьера?

– Можно сказать, она шла по нарастающей. В феврале 1998 года стал начальником отдела областного управления информации и общественного согласия, через три года – заведующим отделом областного акимата, с января 2003 года – заместителем директора департамента внутренней политики. В 2010 был назначен директором вновь созданного департамента по делам религий области, преобразованного позднее в управление. На этой должности уже более 10 лет, правда, с двумя перерывами.

Имам, епископ, пастор, раввин...

– Ваше управление наверняка одно из самых, если можно так выразиться, «непонятных» для населения. Объясните доступно, чем оно занимается?

– В мире не так много стран с таким конфессиональным многообразием, как наш Казахстан. Поэтому одной из важнейших задач общества и государства является сохранение стабильности в сфере религии. Это и определяет основную функцию нашего управления – обеспечивать бесконфликтное, гармоничное сосуществование разных религий в нашем регионе. Также приоритетными в нашей деятельности являются обеспечение прав граждан на свободу совести, укрепление светских основ государства (всё это определено Конституцией), а также противодействие распространению радикальной религиозной идеологии. К сожалению, в последние годы эта проблема стала актуальной для многих государств, в том числе и Казахстана.

– Поддерживаете ли вы личные контакты с главами конфессий? С какими вопросами или просьбами они обращаются к вам, а вы к ним?

– Налаживать взаимодействие с религиозными объединениями невозможно без личных контактов. Одним из важных достижений в своей работе считаю сложившиеся личные доверительные отношения с лидерами всех 13 конфессий, действующих в нашем регионе. Они выстраивались не один год, потому я очень дорожу их уважительным отношением как ко мне лично, так и в целом к нашему управлению. Все они мне интересны как личности с богатым внутренним миром, разнообразными увлечениями. К примеру, с пастором методистской

церкви Ким Сонг Су периодически встречаемся на мини-футбольном поле, с имамом областной мечети Жолдасом кажы вместе играем в волейбол, много лет общаюсь с православным епископом Варнавой, он интереснейший собеседник. Когда бываю в синагоге, раввин Шимон Аш любезно угощает меня чаем. С настоятелем католической церкви отцом Яном Радонем – он большой любитель спорта и активного отдыха – уже сейчас обговариваем маршруты предстоящих совместных велопробегов и туристических походов.

Летом 2018 года мы организовали экспедицию по историческим и природным достопримечательностям Баянаульского района с участием священнослужителей разных конфессий. Это был потрясающий опыт тесного и непринужденного общения людей с разным религиозным мировоззрением, который, конечно же, способствовал сближению и укреплению доверия друг к другу.

Представьте, ночью у костра под звездным небом ведут философские беседы о сущности бытия имам мечети, православный священник, пастор протестантской общины и священнослужитель общества Сознания Кришны. И ложатся спать только под утро, укрывшись одним одеялом, с укрепившимся убеждением, что у них, представляющих разные религии, гораздо больше общего, нежели различий.

Священнослужители часто обращаются к нам с различными просьбами, на которые мы стараемся откликнуться. В частности, в период действия чрезвычайного положения (была эпидемия коронавируса, – **Ю.П.**) мы постарались всем оформить пропуска на автотранспорт, так как они должны посещать своих прихожан почтенного возраста на дому, оказывать им необходимую помощь. Часто приходится оказывать помощь в получении или оформлении необходимых документов либо юридической консультации.

В свою очередь руководители конфессий, как правило, охотно откликаются на наши просьбы об участии в благотворительных акциях в помощь нуждающимся. Всегда активно участвуют в обсуждениях и вносят свои конкретные предложения по актуальным проблемам нашего общества, таким как борьба с коррупцией, наркомания среди молодежи и другим.

– **Вы ведь тоже верующий человек и, я знаю, совершили хадж в Мекку. Расскажите хотя бы коротко об этом, о ваших впечатлениях.**

– Вы затронули тему, которую я стараюсь ни с кем не обсуждать. Отношение человека к религии – вопрос сугубо личный, я бы сказал,

интимный. Согласно этике государственному служащему не следует публично высказываться о своих религиозных предпочтениях. К тому же по долгу службы мне надлежит соблюдать нейтральность по отношению ко всем религиям. Я прошу понять меня правильно. Более откровенно об этом я могу говорить, когда уже не буду связанным служебными обязательствами.

О правилах жизни и о счастье

– Что вы говорите себе в трудные моменты жизни?

– Поверьте, я не фаталист. Но трудности в жизни я воспринимаю как некие испытания, причем обязательные, через которые должен пройти. Главное здесь – не отчаиваться, не утратить веру в то, что всё преодолимо. В самые сложные моменты я думаю о том, а каково было моим родителям, старшему поколению. Да наши трудности – это, можно сказать, мелкие неприятности по сравнению с тем, что выпало на их долю – голод, репрессии, война и еще много чего.

Главное, ни при каких обстоятельствах не потерять себя.

– Ваше представление о счастье...

– Когда мне в 13 лет купили велосипед «Урал», не было никого на свете счастливее меня. В 1998 году после многих лет мыкания по чужим углам мы, наконец, получили квартиру, для нас это было настоящим счастьем. С некоторых пор меня всё чаще посещает мысль, какое это счастье – не стыдиться за поступки своих детей.

Или когда маленький внук, завидев тебя, бросает свои игрушки и с радостным визгом раскинув ручонки бежит навстречу, разве это не счастье?

Жива моя мама, ей 85 лет, и это тоже огромное счастье.

Всё же, как мне представляется, человек по-настоящему может быть счастлив, когда его жизнь, каждый прожитый день наполнены смыслом. Пустота разрушает. Человек обретает счастье тогда, когда поймет, что ему для этого в действительности нужно. Не богатство, роскошь и комфорт, не статус и положение, а умение дорожить тем, что имеешь, что ценишь больше всего – здоровье, семья, работа, приносящая удовлетворение, верные друзья, уважение окружающих, многообразие и красота природы, хобби, наконец.

– Я знаю, что вы приверженец здорового образа жизни – бегаєте по утрам, совершаете с весны до осени по выходным дальние велосипедные прогулки. Расскажите об этом.

– Спорт всегда занимал особое место в моей жизни. Ещё в школе любимым уроком была физкультура.

В старших классах увлекся боксом, в студенческие годы вполне серьёзно занимался каратэ, школа шито-рю. Но больше всего люблю волейбол, играю всю жизнь и до сих пор регулярно хожу в спортзал.

А бегаю я каждое утро уже 41 год, с той поры, как вернулся из армии. С первых погожих дней по воскресеньям, как правило, совершаю многокилометровые велопробеги, чаще всего до Аксу и обратно.

Спорт здорово помогает мне в жизни, дисциплинирует, позволяет выдерживать нагрузки в работе, как физические, так и психологические.

– **Какие ещё у вас увлечения?**

– Люблю путешествовать. Мне довелось поехать по миру, побывать во многих странах, посетить красивейшие города и места бывшего Советского Союза и нашей республики. Но сколько еще мест у нас в области, где я не был и которые хочу посетить! Вот выйду на пенсию и буду воплощать свои мечты в реальность.

А еще люблю хорошую музыку. У меня большая коллекция музыкальных композиций многообразных стилей разных лет: классическая, рок, диско, легкая инструментальная музыка. Металл, рэп – не моё. Песен «Ласкового мая» и им подобных в моей коллекции точно нет. Стараюсь следить за музыкальными новинками, но записываю и слушаю только то, что мне нравится.

«Всё, что было, – моё, ни о чём не жалею!»

– **Наслышан о вашей пунктуальности. Откуда это и почему для вас это так важно?**

– Наверное, это передалось мне от отца, который слыл педантом. Армейская дисциплина тоже наложила свой отпечаток, к тому же полтора года воинской службы я провел в Германии, где пунктуальность ценится превыше всего.

Я вспоминаю стажировку в США в 2004 году в рамках программы «Религия в Америке». Мы за 15 дней объездили шесть штатов в разных частях страны, участвовали в большом количестве ознакомительных мероприятий и дискуссионных встреч, от администрации Белого дома до мормонской общины в Солт-Лейк-Сити – столице штата Юта, от поселения амишей в Пенсильвании до прихожан баптистской церкви в Джексоне, что на самом юге США. С маршрутом поездки, программой стажировки и графиком мероприятий мы были ознакомлены ещё

будучи дома. И знаете, за всё время стажировки ни одна встреча или экскурсия не только не была отменена или перенесена – всё проходило без малейших задержек, строго в указанное время. Нам, конечно, есть в этом чему поучиться у американцев.

Уметь рассчитывать свои возможности, ресурсы и время – думаю, это немаловажные элементы в жизни каждого человека, по крайней мере так оно должно быть, в особенности для государственного служащего.

Терпеть не могу безалаберности, необязательности, недисциплинированности и стараюсь это привить своим сотрудникам. Умение ценить своё, а тем более чужое время, держать слово и выполнять обещанное считаю не просто проявлением уважения, это человеческая культура.

– Судя по биографии, вы достаточно поздно пришли на государственную службу, когда вам было больше 30 лет. Сейчас многие к этому возрасту уже занимают высокие ответственные должности. Нет ли у вас сожалений по этому поводу, и вообще, есть ли в жизни то, что вы считаете упущенным шансом, или что хотелось бы изменить?

– Думаю, что на госслужбу я пришел как раз вовремя, вполне созревшим, так сказать. Абсолютно не жалею, что больше десяти лет отдал работе на производстве. Наоборот, набрался жизненного опыта, закалил характер, что мне всегда помогало и продолжает помогать в работе в госорганах.

Я стихи писать не мастак, но недавно, в размышлениях о жизни, родились эти строки:

*Всё, что было, – моё,
Ни о чём не жалею.
Лишь порой, оглянувшись назад, я вздохну:
Я исправить ошибок своих уже не сумею,
Горьких лет не забуду,
Светлых дней не верну.*

Конечно, есть в прошлой жизни то, что хотелось бы повернуть по-другому. Но мы же понимаем, что это невозможно.

Что касается шансов, то здесь нет никаких сожалений. Меня судьба и без того одарила столь многим, что грешно об этом даже думать.

Наверное, чего-то в этой жизни я добился, хотя доставалось мне всё большим трудом, потому и ценно. Семейная жизнь сложилась счастливо, мои дети выросли достойными людьми, мы с супругой ими гордимся.

Скажу откровенно, Всевышний или судьба ко мне благосклонны. Я чудом уцелел в двух страшных авариях, мог замерзнуть в степи в бурю зимой 84-го, в январе 95-го меня врачи второй горбольницы буквально вытащили с того света. Так о чём же я могу сожалеть?

– **И в завершение разговора, что бы вы пожелали своим молодым коллегам, связавшим свою судьбу с государственной службой?**

– Терпения и трудолюбия. Говорю без какого-либо пафоса: это достойная и очень ответственная стезя – служить народу, государству и обществу. Но всегда надо помнить, что во все времена источником всех благ на земле был и остается труд. Можно изворотливостью, обманом, везением, наконец, достичь благосостояния. Но уважение, почет, истинное душевное удовлетворение даются только честным и неустанным трудом.

Жизнь – штука длинная, всё можно в ней успеть и многого добиться, не теряя лица и не перешагивая через головы других. Вместе с тем жизнь человеческая так коротка, чтобы прожигать её ради сомнительных удовольствий, тратить впустую в погоне за призрачным успехом и материальной выгодой, в угоду неумным амбициям.

У человека можно всё отобрать. Но никто не может лишить его чести и достоинства, утратить их может только он сам, причем безвозвратно.

Надо жить и трудиться честно, а всё остальное, я думаю, приложится.

* * *

Эта наша беседа состоялась несколько лет назад. Теперь Даулет Коканович уже пенсионер, но продолжает жить активной и содержательной жизнью. И мы продолжаем дружить: общаемся, летом ездим за берёзовыми вениками в мои родные места в Железинском районе за двести километров, нечасто, но ходим вместе в баню – оба любим париться.

Даулет Коканович подарил мне дорогой его сердцу уголок в родном ему Баянауле. Мне думалось, я хорошо знаю этот край, который проехал вдоль и поперёк в пору моей журналистской молодости, но оказалось, нет. Это он открыл мне глубинное озеро Биржанколь, ещё почти не освоенное любителями летнего отдыха в Баянауле. Когда-то здесь, на небольшом отделении совхоза, студенты строительного отряда, возводившие кошару и другие объекты, организовали пионерский лагерь для совхозной ребятни. В нём оказался и Даулет, тогда ещё не ставший

пионером, и считает тот месяц с небольшим счастливейшей порой детства.

Он не был в тех местах с той самой поры, ровно полвека, когда пригласил меня с собой. И мы, добравшись до Торайгыра, двинулись дальше степной дорогой на Биржанколь. Баянаульская степь с невысокими сопками после недавних дождей благоухала, даря нам незабываемые запахи и краски. Был солнечный день, и озеро, обрамлённое с дальней стороны горной грядой, открылось нам сверху во всём своём великолепии.

Мы расположились на ближнем песчаном берегу под прикрытием плоского, будто выросшего в землю большого камня. Я, белокожий, прятался в нём от солнца, а Даулет Коканович, и без того загоревший чуть не до черноты, весь оставшийся день купался не только в озере, но и в его лучах. Песок оказался такой горячий, что по нему было непросто ступать, а нагретая щедрым баянаульским солнцем вода Биржанколя ласкала и охлаждала тела. Наверное, таким и должен быть рай земной... Почти никого нет рядом, а к ночи – мы одни на берегу. Вечный покой под полнозвёздным небом... Как можно такое забыть!

В сумерках на берегу возникла ондатра и деловито шарилась по его кромке в поисках чего-то только ей ведомого. А к утру мы обнаружили, что нашими запасами, легкомысленно оставленными на ночь рядом с палаткой, полакомились чайки, оставив нам лишь растрёпанный целлофановый пакет.

Впереди нас ждала ещё и удачная грибная охота – в небольшом лесочке с целыми россыпями подберёзовиков и даже осанистых белых, которые в наших краях не каждый год бывают.

С тех пор мы побывали на Биржанколе четыре раза: у нас есть теперь и свои ритуалы – с готовкой ужина на костре и чаепитием из тульского самовара. Я его привёз Даулету Кокановичу из поездки по России, и самовар стал нашим неизменным спутником в таких вылазках. А мой близкий товарищ отдался роскошной ковбойской шляпой, привезённой из их с супругой путешествия по Соединённым Штатам. Жалко, мне носить её некуда.

Рядом с Даулетом Кокановичем всегда не только уютно, но и надёжно. С ним хорошо разговаривать и можно помолчать. Он верен в дружбе, в чём я не раз убеждался лично. Твёрд в убеждениях и при всей воспитанности и деликатности способен проявить свою позицию в отношении кого бы то ни было, независимо от должности и статуса. Хорошо, когда у тебя есть такой товарищ и друг.

ОТВАГА МУЖЧИН ПАШИНЦЕВЫХ

Представители трёх поколений этой семьи удостоены одной из самых главных солдатских наград – медали «За отвагу». Вот их истории...

Михаил Иванович Пашинцев был старшим из девяти братьев многочисленного семейства, чьи предки обосновались в селе Большая Владимировка на тракте между Павлодаром и Семипалатинском, ближе к последнему. Родился он в 1901 году, в 1919 был призван в Красную Армию и воевал пулемётчиком в Средней Азии, в Туркмении, где красноармейские части гонялись за вооружёнными противниками советской власти, которых тогда называли басмачами.

Домой вернулся в 1924 году, работал коневодом, заведовал конефермой в колхозе. А в августе 1941 года одним из первых из мужчин Большой Владимировки ушёл уже на Великую Отечественную. Но долго ему воевать не пришлось – их воинский эшелон попал под обстрел немецких войск. Оставшиеся в живых всё же сумели развернуть оборону. Михаил Иванович получил в том бою тяжёлое ранение: ему одним осколком от взрыва буквально вывернуло руку, а другой угодил под сердце, и с ним он жил до конца своих дней.

Этот первый бой стал для солдата и последним: затем были в течение полугода несколько госпиталей, где руку ему отчасти поправили, но из действующей армии списали по инвалидности.

В 1942 году М.И. Пашинцев вернулся домой, а какое-то время спустя его нашла награда – за тот самый единственный бой – медаль «За

отвагу». Надевал он её позднее всего раз в году, в День Победы, и даже отчасти стеснялся, считая, что почти не воевал и что у многих других фронтовиков заслуг куда больше.

Михаил Иванович был из поколения великих тружеников, которому довелось пережить величайшие потрясения и немыслимые потери: четверо его братьев не вернулись с войны – погибли, пропали без вести... Люди этого поколения всё выдержали, перемогли и всегда оставались людьми. Так и старший из Пашинцевых ещё много лет трудился на сельской ниве, заведовал мельницей, за трудовые достижения был послан на Выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ) в Москву и даже удостоился чести увидеть живого И.В. Сталина.

Продолжал работать и уже выйдя на пенсию – руководил бригадой косарей, заготавливавшей сено. Был человеком отзывчивым, справедливым, всегда готовым прийти на помощь, и когда в 1978 году в возрасте 77 лет окончился его земной путь, на кладбище участника двух войн, труженика из тружеников провожало всё село.

Его внук Юра учился тогда в девятом классе. Деда помнит всегда спокойным, очень немногословным, выдержанным. От него исходили душевное тепло и уют, внуку давал рубль на конфеты или сам их покупал.

* * *

Пётр Михайлович Пашинцев родился в 1929 году, на Великую Отечественную не успел, был призван на службу в 1947 году. Служил три года на Дальнем Востоке, в войсках ВВС (военно-воздушных сил) – в частях инженерно-охранной службы военных аэродромов.

Уже разгромлена была считавшаяся непобедимой японская квантунская армия, и, казалось, наступил мир. Но шла для многих незримая, а для тех, кто служил в этих и некоторых других местах, вполне осязаемая, провозглашённая Западом холодная война. На Дальнем Востоке в ней соперничали США и Советский Союз, случались провокации, диверсионные вылазки на сопредельных территориях, которые японцы считали своими.

Однажды во время несения службы по охране аэродрома на острове Кунашир Петру Пашинцеву с товарищами удалось задержать японского диверсанта. Их группу, участвовавшую в захвате, представили к боевым наградам. Отслужив, Пётр вернулся на родину с медалью «За отвагу», которую, как и Пашинцев-старший, почти не носил. И эти две «Отваги» покоились с другими немудреными реликвиями в старом ба-

бушкином сундуке. О своей службе Пётр вспоминать не любил и если рассказывал иногда, выпивая с мужиками-односельчанами, то очень скупо.

Он окончил зооветеринарный институт в Семипалатинске, работал главным зоотехником совхоза, а затем заведовал отделом закупок сельхозпродукции райсельхозуправления. Жил и трудился честно, был уважаем людьми, на пенсии с охотой занимался внуками...

Пока работал, дети его мало видели. И даже если был дома, всё время чем-то занимался. И двоих сыновей с детства приучал трудиться: следили за порядком на подворье, обихаживали скотину и огород.

Одно из самых ярких впечатлений его сына Юрия – как ездили с отцом в сосновый бор за новогодней ёлкой. Зима, мороз, конь Алтай ходко тащит за собой сани, а за ними бежит вприпрыжку Юра, чтобы согреться. Нашли стройную зелёную красавицу, спилили, привезли домой, поставили в сугроб, а через какое-то время уже в доме наряжали игрушками. Целая жизнь прошла, а помнится – будто вчера было.

Школа отца – отношение сына к труду и людям, чувство отчего дома как родины и главной ценности в жизни на все времена. И осталось у сына ощущение, что недоговорили они с отцом о чём-то важном.

Умер Пётр Михайлович Пашинцев, когда ему было 84 года, ровно через 35 лет, день в день, после смерти отца. И свой последний приют обрёл на сельском кладбище рядом с отцом...

Мать Зинаида Петровна была из большой семьи. Дитя войны – таких будут потом называть. Отец ушёл воевать, мать с темна до темна – на работе, на ней, десятилетней, брат и сестра, пяти и семи лет. Время голодное, и время от времени её мать отправлялась в Ташкент – «город хлебный», где было посытнее, за продуктами. А старшая дочь оставалась на хозяйстве с двумя младшими.

Отец, воевавший в артиллерии, по тяжёлому ранению вернулся домой в 1944 году, но прожил недолго – умер молодым от сердечного приступа. Поднимались дальше уже без него.

О матери у сына – тоже самые тёплые воспоминания. На ней их дом держался. Была очень добрая, хлебосольная. Сама пекла хлеб в русской печи и вкуснейшие шаньги. А пельмени лепили на зиму всей семьёй. Готовыми, конечно, сразу угощались, а большую часть морозили впрок. С той поры они – любимое блюдо Юрия Петровича, он и теперь иногда их сам лепит.

* * *

Юрий Пашинцев родился в 1963 году. Рос, учился в школе, занимался спортом, и небезуспешно, особенно в лёгкой атлетике. Лучшими примерами в жизни для него были Пашинцевы-старшие – дед и отец. Закончил школу там же, в Большой Владимировке, и решил поступать на спортфак Семипалатинского пединститута. Но попытка не удалась, и, обиженный, по его собственному признанию, на весь белый свет, сказал себе: «Раз так – пойду в армию». Впрочем, это был и вполне осознанный выбор: в ту пору считалось правильным парням отслужить, а не служившие, особенно на селе, считались как бы не совсем мужчинами, на них даже девушки меньше обращали внимания.

Юрий для армии был вполне подходящим призывником: хороший аттестат, спортивная подготовка, внешние данные. Райвоенком сказал ему: «В ГСВГ пойдёшь (это была Группа советских войск в Германии), в Европе служить будешь – в Германии или Венгрии». Однако всё вышло иначе...

В апреле 1981 года из призывников отобрали группу парней и обучили обращению со стрелковым и другим оружием (автомат Калашникова, пистолет, гранатомёт «Муха», метание гранат), устраивали маршброски, в ходе которых Пашинцев, имевший права на вождение, сидел за рулём армейского вездехода, перевозившего новобранцев. Дальше – аэропорт в Усть-Каменогорске, впервые увиденный четырёхмоторный самолёт ИЛ-62, сухой паёк на три дня... И часов через семь полёта приземление в... Кабуле, где им объявили: вы в Демократической Республике Афганистан для оказания интернациональной помощи братскому афганскому народу.

– Конечно, это был шок, – вспоминает Юрий Петрович, – мы ведь были уверены, что летим на Запад... А тут попадаем из спокойной мирной жизни в чужую страну, какой совсем не знаем, где в столичном аэропорту «работают» «Шилки» (зенитные установки), самолёты отстреливают тепловые ракеты, чтобы уберечься от «Стингеров», взлетают боевые вертолёты, бегают вооружённые люди... Было от чего впасть в ступор...

Это был первый массовый заброс казахстанцев в Афганистан. Новобранцев пересчитали, сделали всем прививки, накормили, разместили в палатках, а на следующей неделе за ними приехали «покупатели» – представители частей, в которых парням предстояло оказывать «интернациональную помощь», а по сути воевать. Юрий Пашинцев попал в

181-й полк, который дислоцировался в «Тёплом стане», – видимо, москвичи из этого района Москвы ещё раньше окрестили этим именем местечко Суруби на так называемом Баграмском направлении, километрах в 120 от Кабула. И уже по пути к месту службы они, ещё необстрелянные, столкнулись со смертью... В районе «Чёртова моста» колонну стали обстреливать моджахеды, последовала команда покинуть бронетранспортёры и укрыться за ними... А парень из Семипалатинска из их призыва побежал и тут же был убит... Остальные уцелели.

Пашинцев служил в батальоне горной пехоты, охранявшей водохранилище и ГРЭС на нём – единственный источник энергоснабжения Кабула. О том, что представляла собой служба, рассказывает сегодня скупое и сдержанное: это были выносные посты, короткие рейды на сутки-двое по наводкам разведки, зачистки кишлаков – по её же данным... Были неоднократные попытки взорвать водохранилище, и была, по определению Юрия Петровича, «активная охрана режимного объекта», потеря которого парализовала бы жизнь столицы Афганистана.

Пашинцев говорил ещё, что это были не самые тяжёлые времена Афганистана, когда боевые действия против «ограниченного контингента советских войск» вели главным образом диверсионные группы боевиков из Пакистана и наиболее активные противники «режима Наджибуллы» из Афганистана. С местными велись прямые и закулисные переговоры, шёл постоянный торг, нередко удавалось договориться... И всё же война уже шла...

В 1982 году 181-й полк в составе 108-й дивизии и других подразделений 40-й армии участвовал в крупной операции по захвату стратегического Панджшерского ущелья. Закрепившись выносными постами по 10-15 человек на главенствующих высотах – этих ключевых позициях, подразделения полка охраняли дорогу от Таджихана до Рухи, по которой двигались колонны наших войск. Велись при этом активные боевые действия. Однажды ночью, перед рассветом, во время рейда в Панджшерском ущелье угодили в хорошо подготовленную засаду: их группу из 12 человек буквально расстреливали со всех сторон. Автоматные очереди, взрывы гранат, крики... Парни сумели организовать оборону и отбивались около получаса до подхода своих. Могли в этом бою погибнуть все, но потеряли четверых и прикрыли собой центральный пост. Погибшие были представлены к орденам Красной Звезды, а уцелевшие – к медали «За отвагу».

Юрий Пашинцев был в этом бою ранен – ему осколком от взрыва гранаты посекло ноги, и он их не чувствовал, когда ребята его вытаски-

вали. Думал – останется без ног, но хирург в Баграме, в центральном госпитале, успокоил: «Повезло тебе, парень, ерунда...» Повыковыривал осколки, промыл раны, сказал, что надо лежать... Пашинцев же решил: что тут лежать, когда ноги целы, и с попутной колонной, направлявшейся в Панджшер, вернулся к себе в батальон.

В конце декабря 1982 года их батальон заменили «свежим» – московским. Они охраняли потом фабрику, проводили зачистки кишлаков... Затем вернулись в Кабул, месяц отдыхали и были направлены на охрану Баграмской дороги, где делали всё то же, что и прежде: несли службу на выносных постах, проводили рейды по данным разведки. Отсюда Пашинцев был уволен в запас и 23 мая 1983 года вернулся домой.

* * *

Он не писал родителям, что попал в Афганистан. Писал, что служит на границе, что всё там спокойно и беспокоиться за него не надо. Если ему и верили, то недолго, до тех пор, пока в их Большую Владимировку не повезли первых «двухсотых» – цинковые гробы с солдатами, погибшими на той войне... Калел Калтаев – из одного с Пашинцевым призыва, Юра Белов из соседнего села... Вернулся без ноги (наступил на мину) Коля Круглов и сказал родителям Пашинцева, что случайно «там» с ним встретился...

Отец с матерью, конечно, очень переживали за сына. Отец даже как-то враз постарел за эти годы.

Оказалось, что и сыну будет непросто вернуться к мирной жизни.

– Было ощущение пустоты, ненужности, «ненастоящести», – объяснял мне позже Юрий Петрович, – и даже хотелось временами вернуться туда обратно. Может, в это трудно поверить, но это так... Там очень быстро взрослеешь и начинаешь жить по очень простым и важным правилам. Там в цене настоящие мужские качества: надёжность, взаимовыручка, если хотите – братство. Мы и были все в Афганистане – как братья, невзирая на наши разные национальности. Ещё там в цене воля и сила, умение поставить себя. И большинство из нас были такими. Встречались, конечно, и разного рода слабаки, были мародёры, мелкие люди, но они там не приживались, их сама среда отторгала. Нам очень повезло с отцами-командирами, которые нас учили, воспитывали, в том числе личным примером. Я им на всю жизнь благодарен за эту жизненную науку – капитану Боровскому, нашему комбату; капитану Шарковскому, начальнику штаба; лейтенанту Селезнёву, взвод-

ному, который, по сути, жил вместе с нами и ел общий сухой паёк. Они были людьми долга и чести и передавали эти качества нам... Мы жили там опасной и строгой – настоящей – мужской жизнью 762 дня... И вдруг попадаешь на гражданку, где всё иначе, где всё как будто размыто, и не всегда поймёшь – кто есть кто и что есть что... Ещё и от этой резкой смены многие «афганцы» долго не могли «вернуться с войны», приспособиться к обычной жизни. А если ты ещё и был ранен... Именно поэтому некоторые спивались, становились наркоманами...

* * *

У самого Пашинцева было после службы довольно широкое поле выбора: москвичи-однополчане звали с собой в МГИМО (Институт международных отношений). И шансы были – хороший аттестат, социальное происхождение, боевой путь, но запротестовали родители – мы, мол, и так два года без тебя чуть с ума не сошли. Не пустили и в Алтайский университет, который уже закончил старший брат, – посчитали, что тоже далеко... Можно было «подписаться» на службу в «горячих точках», но сам не захотел... Отец предлагал поступить в технологический институт и получить всегда востребованную профессию по производству мясных и молочных продуктов, и Юрий даже согласился. А потом приехали на каникулы одноклассницы-студентки Семипалатинского мединститута и сагитировали. Тем более что с биологией и химией у Пашинцева всё было в порядке.

В учёбу окупился с головой, она помогала забыть недавнее прошлое, «вернуться с войны». Правда, из института чуть не вылетел – за драку в общежитии, когда вдвоём с другим «афганцем» встал на защиту первокурсников, которых пришли «воспитывать» общежитские «авторитеты»... Ввязался в драку потому, что не терпит несправедливости, хамства и особенно, когда обижают слабых...

Дело о драке можно было повернуть и так, и этак... Но тут его нашла боевая награда – медаль «За отвагу» – за тот самый ночной бой в ущелье, в котором он был ранен. Сначала она пришла в часть, где его уже не оказалось, затем – в район и только потом – в Семипалатинск. И облвоенком, узнав о тучах, сгущавшихся над Пашинцевым, сказал: «Этот парень будет учиться!» Медаль ему вручил лично на общем собрании студентов и преподавателей института.

И Пашинцев стал хирургом Божьей милостью – продлевает жизнь людям, а бывает, и от смерти их спасает. Он заведует урологическим отделением первой городской больницы, где лучшее в регионе обо-

рудование и где делают операции на самом высоком уровне – малоинвазивные, то есть щадящие, после которых пациенты очень быстро восстанавливаются и возвращаются к обычной жизни. В этом отделении работают настоящие профессионалы-хирурги, отлично подготовленный средний медицинский персонал, здесь нет текучести кадров. Впрочем, об отделении надо рассказывать особо, здесь же замечу лишь, что Ю.П. Пашинцев и его коллеги достойно представляют наш регион и Казахстан на различного рода международных симпозиумах, конгрессах, съездах...

Юрий Петрович, которому, по его собственному убеждению, всегда везло в жизни на хороших людей, просил назвать тех павлодарских врачей, которые помогли ему состояться в профессии, – Игоря Александровича Орехова, Кобланды Кожембаевича Оспанова, Сагита Баймухановича Имангазинова, Роберта Яковлевича Фелькера, Виктора Зигмундовича Бека, Григория Николаевича Цоя, Табылды Мукановича Асылханова.

А сам он, перешагнув шестой десяток, по-прежнему оперирует. Пытались вместе подсчитывать, сколько прооперированных пациентов прошло через его руки. В месяц – десять плюс-минус в ту или другую сторону; в год, стало быть, не менее ста, а за тридцать два года постоянной хирургической практики – около трёх с половиной тысяч. Он никогда их не считал и даже сам удивился этой цифре. Речь в данном случае только о прооперированных, а ведь много делается более простых, но тоже важных хирургических вмешательств.

У него был даже девяностолетний пациент, которого он сперва избавил от камней в почках, а затем от аденомы простаты. Тот – художник – отдался своими картинами, которыми много лет дорожит хирург. А его пациент ещё не один год жил активной жизнью.

Однажды Юрий Петрович «злоупотребил» служебным положением. К нему в отделение попал один из руководителей области. Когда Пашинцев его прооперировал и поставил на ноги, тот сказал: «Проси, что хочешь! Особняк, джип? Не стесняйся!» И Пашинцев сказал, что отделению позарез нужен современный аппарат для эндовидеохирургии. Тот удивился, пообещал и слово сдержал. Тем самым помог не только хирургу, его прооперировавшему, но и сотням других людей.

Пашинцеву не раз предлагали хорошие должности в России, рисовали вполне реальные перспективы. Но он настолько сросся со своим отделением, в которое вложил не только все свои знания, опыт, профес-

сиональные силы, но и душу, и которое давно стало даже не вторым, а первым его домом, что всегда отказывался. И никогда об этом не пожалел, как и о выборе профессии.

– Меня судьба к ней и по ней вела, – скажет мне Юрий Петрович, – я ведь не собирался быть врачом, и уж, конечно, урологом, хотя хотел быть хирургом, но другого профиля. Но судьба, если хотите, провидение, так и решили.

И хорошо, что так, уже от себя добавлю. А теперь уже династия врачей выросла. Дочь Юля – специалист по лучевой диагностике. Роман Высоцкий, зять Пашинцева, вырос в настоящего профессионала под его жёсткой опекой и заведует теперь отделением экстренной урологии в Тюменской областной больнице.

Сын Константин успешно работает в нефтяном бизнесе. Младшие Пашинцевы подарили отцу трёх внучек и внука. С ними дед расслабляется – приходит в себя после во всех смыслах напряжённых трудовых будней. Путешествовать любит по уникальным природным уголкам – в родном ему Восточном Казахстане, нашем Баянауле. Мечтает «освоить» Балхаш. Иногда любит готовить: любимые с детства пельмени, таджикский плов по рецепту однополчанина из Горного Бадахшана Асхобердина Алиева. С ним и другими «афганцами», живущими теперь в разных государствах, – от Центральной Азии до Европы – никогда не прерывал и не прерывает связей.

* * *

Иногда ему снится война – почти всегда одинаково: они с ребятами едут на бронетранспортёре. И он не может понять – куда и зачем едут, подкоркой даже во сне осознавая: ведь всё уже закончилось... Он помнит этот путь от Кабула до афганского Тёплого стана в мельчайших подробностях и физически ощущает звуки и краски боя – взрывы, стрельбу, крики... И когда просыпается, не сразу понимает: к счастью, это всего лишь сон...

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА: «ЖИЗНЬ МНОГОГРАННА И ПРЕЛЕСТНА...»

– **Вопрос для поэта: как пишутся стихи?**

– Хочется ответить библейской строкой: «Тайна сия велика есть...» Если подробней – конечно, каждый поэт пишет по-своему. Кто-то садится за письменный стол и действительно пишет – на бумаге или сразу в компьютере. Я из тех, у кого стихи пишутся «в голове», а потом я их только записываю. От какого-то впечатления, чувства, события появляется строка или даже одно слово, образ, сравнение, рождаются музыка стиха, ритм. Потом к этой первооснове «примагничиваются» другие слова, появляются новые мысли, стихотворение приобретает форму, смысл, завершённость. Подключается соавтор (это у тех поэтов, кто пишет классическим стилем, с рифмами и ритмом) – сам язык. Да-да, у стихотворения два автора – поэт и язык, на котором он пишет. Ведь зачастую именно язык диктует и «выруливает» стихотворение туда, куда автор и не предполагал... Вот, если коротко, у меня пишется так.

Когда я работала в редакции «Звезды Прииртышья», коллеги подшучивали – как же легко и быстро ты пишешь! Зачастую, забегаю в кабинет, я брала лист бумаги и записывала готовое стихотворение. Да, на это уходила одна минута. Но до того строчки могли крутиться в голове и день, и два. Подбирались рифмы, изменялись концовки... А бывало и такое, что стихотворение рождалось сразу, целиком. На всё воля Божья. В одном из стихотворений я попыталась это передать: «Гул небесный, шёпот Божий – / Родилось стихотворенье. / Буду этому подарку / Удивляться без конца...»

– **Поэтами рождаются или становятся?**

– Рождаются, несомненно. Другое дело, что не все родившиеся поэтами, художниками или композиторами реализуют свой дар. А научиться составлять слова в столбик и хорошо рифмовать, конечно, можно.

– **Кто твои поэтические учителя?**

– В детстве, вернее, в отрочестве, большое влияние оказал на меня Роберт Рождественский. Причём я открыла его поэзию сама. Старшая сестра Лена выписывала и читала журнал «Юность». И как-то я залезла в её книжный шкаф и стала читать номер за номером. Наткнулась на имя Рождественского – «Поэма о разных точках зрения», подборки его стихов. Они поразили, захлестнули и, думаю, сыграли большую роль в моём мировоззрении и творческом становлении. Если говорить о поэтах, томики стихов которых сегодня постоянно перечитываю, – это Цветаева, Бродский, Кушнер.

– **А не мешала работа в газете поэтическому творчеству?**

– И мешала, и помогала. Поэту нужно уединение, время для раздумий... А какое уединение в газетной гонке, суете, постоянном общении? С другой стороны, если бы не газета, разве были бы у меня такие знакомства – Евтушенко, Ахмадулина, многие известные актёры, режиссёры, художники, музыканты, о которых я писала очерки для газеты, но и в поэтическую копилку они добавляли впечатлений. После встреч со многими писались стихи. В общем, так сложилось в моей жизни, что газета и поэзия стали для меня как две стороны одной медали – они очень разные, но неразрывные, и каждая мне дорога. Наверное, из минусов – то, что зачастую на работу над стихами времени как раз и не хватало. Редакционные нагрузки, командировки, домашние дела, дети – и потом просто валишься от усталости... Есть у меня стихотворение под названием «Третья смена»:

Я работаю в три смены.

Впрочем, с первой

всё понятно:

Я работаю, «как люди» –

С девяти и до шести.

А потом вторая смена.

С этой тоже всё понятно:

Мыть детей, готовить ужин,

Стряпать, гладить и мести.

Наконец, и третья смена.

*Дай же силы мне, о Боже,
Отыскать тугую рифму,
Не свалиться над листом!
Канет эта ночь, а завтра,
Знаю, повторится то же...
Что окажется важнее –
То рассудится потом.*

– Почему ты выбрала журфак? Самое важное об университете...

– Факультет журналистики я выбрала благодаря своей учительнице русского языка и литературы Кларе Эдмундовне Гарвардт. Она была молодым педагогом первой Каргалинской средней школы (Алма-Атинская область, Джембульский район), все ученики были влюблены в неё, так талантливо, увлечённо преподавала она свой предмет. После того как я в восьмом классе вместо сочинения о Лермонтове написала стихотворение, Клара Эдмундовна стала относиться ко мне с особым вниманием, даже составила для меня список книг, которые я должна прочесть. Этот список включал не только классику, но и произведения современных прозаиков и поэтов из всех союзных республик. И я эти книги добросовестно прочла... Так вот, от кого-то я случайно узнала, что мой любимый педагог заочно учится на факультете журналистики Казахского государственного университета им. Кирова в Алма-Ате. И я, конечно, сразу решила – поступлю туда же! Школу я окончила с золотой медалью, написала вступительное сочинение на пятёрку и была зачислена. И вот на крыльях лечу домой, прибегаю в школу и сообщаю Кларе Эдмундовне о своём поступлении на журфак: «Будем с Вами учиться на одном факультете!» Она тепло меня поздравила, а потом говорит: «Но учусь я, Оля, на филфаке...» Впрочем, я никогда не пожалела, что поступила на журналистику. Какие замечательные были у нас педагоги, какой круг общения, каких друзей и подруг я нашла здесь, ну и мужа, в конце концов...

– А семья для поэта – это плюс или минус? Или так – в чём плюс, а в чём минус? «Широковетвистая мелочь быта» давила, как на Марину Цветаеву, или всё же не так? Ведь написала же ты когда-то: «Жизнь многогранна и прелестна, / И то понять помогут вдруг / Тягучая упругость теста / И горький луковичный дух...»

– Насчёт того, как «давил» быт, думаю, на всех творческих людей давит он одинаково, но у кого-то обстоятельства это давление усиливают... У Марины Ивановны в те годы, когда она записала в дневник эту

строчку, была еще и нищета, и заботы о хлебе насущном в буквальном смысле, это были страшные годы гражданской войны. Нас чаша сия, к счастью, миновала. Тем не менее первые семейные годы были очень трудными. Но у меня есть одна короткая новелла в книге «Зелёная чашка, красные ботинки», которая, наверное, многое объясняет:

О природе творчества

На день рождения сотрудница подарила мне пять больших луковиц гладиолусов, наказав, чтобы при посадке я не забыла одно правило: садить глубоко, на расстояние, равное примерно пяти диаметрам луковицы. Тогда, мол, и стебель будет крепкий, и цветок сильный. Следуя совету, выкопав лунку нужной глубины, я засомневалась: пробьёт ли росток такой толстый слой земли?

Цветы не всходили долго, и я уж думала – не взойдут совсем, очень глубоко посадила. Но вот пробился один зелёный росток, за ним ещё и ещё. Выросли все пять. Сказочные получились цветы.

Так и стихи. Боже мой, сколько преград надо пробить строчке, чтобы выбраться на белый свет! Каким огромным толстым слоем навален сверху быт, заботы о хлебе насущном, о семье, о детях, сколько сил и времени отнимает работа... Очень глубоко запрятан он, этот росточек поэзии. Но если уж пробивается – значит, будет жить! По крайней мере, хочется верить в это...

В общем-то давно доказано, что всё достойное рождается «вопреки», а в тепличных условиях произрастают растения хилые и слабые. Возьмите кинематограф – какие прекрасные фильмы снимались в застойные времена, пробиваясь через мощные слои запретов, ограничений, идеологических табу!

Впрочем, если слой земли будет уж слишком толстым, цветок может и не взойти совсем...

Так что не будь этих трудностей, неизвестно, прорастали ли бы сквозь толщу быта стихи...

Семья для поэта дорога, как для любого нормального человека. Это опора, пристань, самые близкие в жизни люди... Сыновьям посвящено немало строк:

*Болит душа за сыновей,
Хотя благополучен вид.
Чем старше, тем болит сильнее.
Чем дальше, тем сильнее болит.*

*Зигзагом, молнией, стрелой
Летела жизнь – то мрак, то свет.
Но сыновья мои – со мной,
Роднее их сердечек нет.
Век всё безумней и странней,
Как перед гибелью, затих...
Болит душа за сыновей –
И за своих, и за чужих.*

– А ведь рождение каждого из них отмечалось выходом какой-то детской книги. Напомни о них.

– Да, мальчишки давали богатую пищу для сюжетов. Но если быть точным, отмечалось книжками не их рождение, а просто уже спустя несколько лет детская книжка посвящалась Данилу, Дмитрию или Павлу.

Старшему посвящена книжка «Данилкин кораблик», среднему – «Прогулка на Иртыш», а младшему – сказка в стихах «Приключения Бузика». Было это в советские времена, книги выходили в государственном издательстве, в хорошем оформлении, большим тиражом. К примеру, тираж «Данилкиного кораблика» был 100 тысяч экземпляров. Ещё и гонорар платили.

– Ещё был интересный проект с «азбуками»...

– Первой из этой серии стала «Павлодарская азбука». Это ещё была и своеобразная игра с маленьким читателем. То есть в ней были четверостишия на каждую букву алфавита (стихи на разные темы, посвящённые и Павлодару, и окружающим малыша предметам, животным). И я постаралась в каждое стихотворение включить как можно больше той буквы, на которое оно написано. А потом юный читатель должен был найти эту цифру в рисунке, где её спрятал художник. К примеру, на букву «К»:

*Котик Кузя ест колбаску,
Любит он катать клубки.
Круглые у Кузи глазки
И кривые коготки.*

Прочитал малыш, потом «закрепил» букву, посчитав её в тексте, потом нашёл на рисунке число 14...

Или вот ещё, внуки любят это четверостишье:

*Одинокий одуванчик
Сел с ромашкой на диванчик.
Он похож на букву О,
А подуешь – нет его!*

Я с удовольствием работала над этой книжкой. Да и над другими «азбуками» тоже. «Азбука Астаны» в своё время заняла первое место в республиканском конкурсе произведений для детей.

И, конечно, особый проект – «Забавный самоучитель казахского языка для малышей». Он выходил в нескольких вариантах и нескольких издательствах. Начала я его писать, когда младший сын Павел пошёл в школу, начал учить казахский язык. И я стала придумывать для него короткие стихи, в которые включала для запоминания казахские слова. Например, «Вежливый ребёнок» (этот заголовок послужил и названием книжки):

*Слова вежливее нет,
Чем короткое РАХМЕТ.
Всем СПАСИБО я кричу,
Весело и звонко,
Потому что стать хочу
Вежливым ребёнком!*

Вот так в стихотворении выделялись слова – на русском, потом оно же на казахском, художник также обыгрывал их в рисунке.

Сыну Паше особенно нравилось стихотворение про зайца:

*Пробежал немало стран
Путешественник-КОЯН.
Но не видел их красоты:
ЗАЯЦ бегал от лисы...*

– **Сколько у тебя книг?**

– Детских – двенадцать. Поэтических сборников – 21, шесть книг очерков. Кроме того, я составитель, редактор, автор предисловий шестнадцати книг, эта работа тоже занимает много времени...

– **А сколько публикаций в журналах?**

– Ой, не считала. Могу вспомнить, в каких печатались мои стихи и очерки. Конечно, в казахстанских «Просторе» и «Ниве». Из российских – в журналах «Юность», «Знамя», «Наш современник», «Дом Ростовых», «Братина», «Студенческий меридиан», «Миша» (Москва), «Складчина», «Тарские ворота», «Иртышъ-Омь», «Омская муза», «Омск театральный», «Менестрель», «Точка зрения» (Омск), «День и ночь» (Красноярск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «После 12» (Кемерово), «Под часами» (Смоленск), «Аргамак» (Казань), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Сихотэ-Алинь» (Владивосток), «Подъём» (Воронеж); в альманахах «Южная звезда» и «Ковчег» (Ростов-на-Дону).

Наверняка что-то ещё забыла... Статьи есть в сборнике материалов Международного конгресса «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, Фонд Достоевского, 2004), других научных сборниках. Стихи вошли в антологии, изданные в Москве и Омске. Дорога мне публикация в трёхтомнике «Независимый Казахстан: антология современной литературы».

– **Твои стихи переводил на казахский язык известный павлодарский поэт Сулеймен Баязитов. Ещё на какие языки есть переводы?**

– Ещё на казахский переводил Куаныш Шайзадинов, стихотворения из Цветаевского цикла. На итальянский несколько стихов перевела Татьяна Алексенко, на болгарский – Дафинка Станева. Очень признательна поэту Юрию Бунчику (Нью-Йорк), который переводит мои стихи на английский. Одно из них очень дорого:

Спасибо Тебе

*Падал снежок, были леса раздеты,
Но на пригорках апрель рисовал траву...
Господи, спасибо Тебе за это –
Что родилась я и до сих пор живу.
Дом деревянный. Детство в солнечном свете.
Первые сказки. Первых стихов тетрадь...
Господи, спасибо Тебе за это –
Что у меня такие отец и мать.
И приходила любовь, и рождались дети.
Счастье: была любима, была – одна...
Господи, спасибо Тебе за это –
Ты в моей жизни всего отпустил сполна.
Знаю, когда-нибудь, в середине лета
Вдруг остановится вечное колесо.
Господи, спасибо Тебе за это.
Господи, спасибо Тебе за всё.*

– **У тебя много стихов, посвящённых Павлодару. Что значит для тебя этот город?**

– Я родилась в Новосибирске, юность прошла в Алма-Ате, но в Павлодаре живу уже почти 50 лет, и он стал для меня по-настоящему родным городом, люблю его нежно! Здесь, на берегу Иртыша, лучше всего пишутся стихи. Конечно, впечатления для них могут собираться и в путешествиях, но пишу потом именно здесь. Павлодару и его людям посвящены две моих книги: «Зимняя птица-синица на павлодарской

сосне» и «Мой любимый Павлодар». Если в первой мои фотографии города лишь дополняют текст, то вторая называется «Поэтическая фотоазбука» – это, скорее, фотоальбом, дополненный стихами...

*Влюбившись в этот город маленький –
Как оказалось, навсегда,
Люблю смотреть, как вечным странником
Течёт иртышская вода.
Люблю бродить по старым улицам,
Где снова осень правит бал,
И верить – всё на свете сбудется,
Коль в Павлодаре загадал!*

Это книга и для взрослых, и для детей. Часто покупают её те, кто уехал из Павлодара, но неизбежно скучают по нему...

– **У тебя выходила книга «Фотостихи». Ты много фотографируешь, считаешь ли себя фотохудожником?**

– Нет, что ты. Я, конечно, любитель. Но, наверное, есть какой-то свой взгляд, если людям нравятся мои снимки. Для меня фотография – возможность сказать то, что я не могу передать словом, возможность остановить и сохранить мгновения быстротекущего бытия. Разумеется, я рада была выставкам, хочу даже сделать ещё одну – с новыми стихами и фотографиями. Выставка «Фотостихи» демонстрировалась в 2006 году в областном художественном музее Павлодара, в Российском центре науки и культуры при Посольстве России в Казахстане (Астана), в 2008 году – в галерее «Айна» Павлодарской областной библиотеки и на 27-м Цветаевском фестивале музыки и поэзии (г. Александров Владимирской области). Публиковались фотографии в журналах, в других сборниках.

– **Говорят, чтобы писать для детей, надо в душе оставаться ребёнком. А какое твоё первое воспоминание из детства?**

– Я родилась и до 14 лет росла в Новосибирске, потом родители переехали в Казахстан, под Алма-Ату, в посёлок Фабричный. Первые новосибирские воспоминания я описала в одном из эссе под названием «Апрель»:

Роюсь в глубинах памяти, всматриваюсь в этот бездонный колодец. Что там блеснёт? Какое оно, самое первое воспоминание моей жизни, самый первый осознанный миг бытия?

Сколько мне лет – три, четыре, пять? Я в детстве часто болела. И вот после очередной болезни меня посадили на стульчике на солнечную

сторону улицы, противоположную от нашего дома. Весна, видимо, конец апреля. На улице ещё грязь, а здесь, возле какого-то столба, небольшое возвышение и сухая земля. Я не помню, чтобы я шла пешком. Собственно, я и не могла идти, потому что сижу я в валенках, тёплой шапке и зимнем пальто. Видимо, через дорогу меня перенёс отец. Я не помню в этот миг ни отца, ни маму. Помню, как приятно грело солнце, всё вокруг было ярким, слепящим после болезненного забытья. По улице в высоких резиновых сапогах носились мальчишки. Может, они меня и дразнили, а может, и нет – слишком «мелкой» я ещё была для их внимания...

Солнце, брызги, наш дом с ярко-синими ставнями... Тогда пришло это ощущение, не слово, а именно ощущение: живу!

– А первое стихотворение когда написала?

– Какие-то строчки появлялись и в раннем детстве, а вот прям «стихотворение» написала в классе третьем или четвёртом. Первая учительница, видимо, заметив во мне какие-то способности, просто поручила написать стихотворение к какому-то пионерскому сбору. Наверное, он посвящался 23 февраля, точно не помню, но стихотворение было о том, как один мальчик мечтал стать героем, и вот он – лётчик, воюет с фашистами, геройски подбивает самолёты врага... Стихотворение не сохранилось, а две последние строчки помню: «Упал он с самолёта, / С кровати – наяву...» То есть приснилось всё это мальчику. Не знаю, как с точки зрения идеологии, но в целом стихотворение и учительнице, и одноклассникам понравилось. А я поняла, что в стихах мне даже легче, чем в прозе (а тем более – устно) передать свои мысли, чувства и впечатления...

– Какое из первых стихотворений сохранилось?

– Наверное, сохранила одним из первых вот это, написанное в десятом классе. Помню, что было «толчком» для написания. Мы учились во вторую смену, сидели на последнем уроке, а за окном было такое освещение необычное после заката – действительно, всё было фиолетового цвета...

*Мир за окном был фиолетов,
И не кончалось наше лето,
Хотя была уже зима...
Лениво занималось утро,
И сквозь туман виднелись смутно
Река, деревья и дома.*

*И прошлое – светло, печально,
Виделось платьищем венчальным
И дымкой нежно-голубой.
Звучанием мелодий Брамса,
Замедленным круженьем вальса
И поцелуем – не с тобой.
Но чувство потерялось где-то...
Мир за окном был фиолетов,
А горести, и боль, и смерть –
Так далеко, туманно, зыбко...
Вам о несделанной ошибке
Не приходилось ли жалеть?*

Сейчас рассказала и сама удивилась, ведь всё ещё было впереди...
А вот как-то написалось, как будто из сегодняшнего дня.

Если говорить о первых стихах, ещё раз подчеркну, как много в судьбе могут решить педагоги, бережное внимание к способному ребёнку, поддержка и понимание родных.

– Тебя поддерживали родители в твоём творчестве?

– Скажу так – они очень радовались моим успехам, собирали все мои публикации, упоминания обо мне в прессе. Такого не было – к примеру, чтобы мы в семье слушали мои стихи, или я бы советовалась с ними, родители уважали мой суверенитет, но для учёбы и творчества создавали все условия. И их незримую поддержку (и материальную, конечно) я чувствовала всегда. Они были простыми рабочими людьми, отец работал в Новосибирске на знаменитом авиационном заводе им. Чкалова, мама на заводе точного машиностроения. Но в семье всегда был культ книги, я выросла на сказках Пушкина и стихах Лермонтова, которые перед сном наизусть читала мама. Отца навсегда запомнила с книгой. Вот одно из стихотворений о нём, «За этими окнами»:

*Дождь по лицу наловчился хлестать
Плётками мокрыми.
Здесь они жили, отец мой и мать,
За этими окнами.
Как бы сейчас забежала я к ним –
С воплями, каплями,
Самым непонятым, самым родным,
Самым оплаканным.
В пышную, стройную, строгую ель*

*Выросло деревце.
Люди чужие живут здесь теперь,
Только не верится.
Глянуть ли в прошлое? Стёкла чисты.
Вот они, рядышком.
Мать молодая стоит у плиты,
Жарит оладушки.
Молча носивший терновый венец
Времени жуткого,
Сидя у печки, читает отец
Маршала Жукова.*

Отец был фронтовиком и большим романтиком. В 1970 году, весной, он съездил в гости к своему фронтовому другу, который жил тогда под Алма-Атой. И до того отца впечатлили горы, цветение садов, прекрасная Алма-Ата, что он решил переехать из Новосибирска в посёлок Фабричный Алма-Атинской области. Так летом 1971 года мы оказались в Казахстане. И, может быть, это его решение стало судьбоносным и в моей поэтической судьбе, ведь то потрясение, которое я испытала при виде белоснежных вершин, бурных арыков, изобильных садов (раньше никогда на юге не была), стало толчком для написания многих стихов...

Всегда помню о родителях, они живут в моём сердце. Отец ушёл из жизни рано, в 62 года, мама прожила 86.

*Разнотравье луга летнего,
Речки тихая вода.
Мама не увидит этого,
Не увидит никогда.
Было солнечно и ветрено,
Ливень вдруг пошёл стеной.
Мама не увидит этого.
Не увидит... Боже мой!
Будут будни, будут праздники,
Боль и смех, любовь и страх.
Мама не увидит правнуков,
Не поддержит на руках.
Но такое ощущение –
Парой милых добрых глаз
Смерти вопреки и времени
Наши мамы видят нас.*

– Наверное, потому, всегда помня о своих наставниках и родителях, столько сил и времени ты отдавала юным поэтам, когда работала в редакции. Давай вспомним, как ты была «Кузькиной матерью».

– Да, детская страничка «Домовёнок Кузя» – целая эпопея в моей жизни... Это как раз и к вопросу про семью, про детей. Конечно, свои дети подталкивали к каким-то творческим проектам. Мы в семье всегда читали «Звезду Прииртышья», и я подумала, почему бы не сделать так, чтобы её читали и дети, выделить одну страничку для детей. Я придумала вступление, как ко мне в кабинет вошло такое небольшое лохматое существо, назвавшееся домовёнком Кузей, и предложило выпускать в газете страничку под его именем. А он, мол, будет помогать, читать детские письма, отвечать на них и готовить самые интересные к печати. Проект оказался очень успешным. Надо сказать, мы были одними из первых в Казахстане, кто начал во «взрослой» газете выпускать детскую страничку. Это потом уже их стало много и никого они не удивляли... Мы сделали упор именно на письма самих детей, их творчество, публиковали их рисунки, проводили многочисленные конкурсы. Юные поэты присылали свои стихи, и я брала шефство над каждым... Забот, конечно, мне очень прибавилось, но любовь юных читателей (и поднявшийся тираж) всё окупали.

А когда кто-то из коллег назвал меня «Кузькиной матерью», я сначала не поняла, а он объяснил – ты ж его породила, ты и есть Кузькина мать! Посмеялись...

– Даже книжки выпускались по публикациям в «Домовёнке»...

– Да, как-то мы провели конкурс детских рассказов «на одну букву», то есть все слова в рассказе должны были начинаться на одну букву. Какие замечательные рассказы написали дети, причём некоторые довольно длинные! И вот по итогам конкурса редакция издала книжку «Добрый друг Домовёнок». Даже отправляли её в региональное представительство Книги рекордов Гиннеса. Правда, не знаю, чем дело кончилось, как-то не до того было... А второй издательский проект был по итогам конкурса «Село моё родное». Тоже совершенно замечательные рассказы написали дети о своей малой родине, с большой любовью, знанием истории села. Победители конкурсов, разумеется, получали подарки, а все участники – книгу со своими рассказами.

– В «Звезде Прииртышья» ты прошла через несколько отделов. Где было интересней всего?

– Конечно, отдел культуры. Сколько интересных встреч, сколько удивительных творческих людей (уже упоминала их), о которых я с удовольствием писала! Павлодар, я считаю, уникальный город, очень богатый на таланты. Многие из очерков, написанных в то время, потом вошли в мои книги «Вы – история, не поколение», «Золотой песок бытия», «Цветаевский теплоход», «Юноша с серебряной трубой» (о Павле Васильеве).

– Собственно, и Цветаевская тема в Павлодаре началась с публикации в «Звезде Прииртышья»...

– Именно так. С юности я любила стихи Марины Цветаевой, читала «Воспоминания» Анастасии Ивановны, собирала материалы, публикации о них... Когда приехала в Павлодар, с восторгом и удивлением узнала, что с этим городом много лет была связана судьба младшей сестры Марины Цветаевой! Я кинулась в архивы, музеи – никаких материалов нет. Да к тому же в литературном объединении мне сказали, что один журналист давно занимается этой темой, пишет книгу... В общем, я отошла в сторону, по-прежнему занималась Цветаевыми для себя, делая всё новые открытия об этой уникальной творческой семье. А когда в 90-х стало ясно, что этот журналист ничего так и не напишет, решила всё-таки сделать публикацию для газеты. Помог случай. Редакция отправила меня на открытие выставки во вторую Детскую художественную школу. И вот стоим мы, взрослые – педагоги, журналисты, родители, восхищаемся рисунками детей, и вдруг рядом стоящая женщина так задумчиво говорит: «А мне первые краски подарила Анастасия Цветаева...» Я чуть не схватила её в объятия! Это была замечательная павлодарская художница Галина Яковлевна Беспалова. Она, конечно, удивилась моей восторженной реакции и рассказу о том, что я не могу найти следов пребывания Цветаевой в Павлодаре. «Здесь до сих пор её внук живёт, – сказала Галина Яковлевна. – Хотите, телефон его дам?» Ещё бы! Так я познакомилась с Геннадием Васильевичем Зелениным и его женой Раисой Иосифовной. Они и стали основным источником информации для написания статьи «Анастасия Цветаева в Павлодаре». Этот материал, опубликованный в 1997 году, занял две больших полосы в газете, стал для многих открытием. Действительно, можно сказать, что с него и началась Цветаевская тема в Павлодаре. Потом стали находиться люди, с которыми писательница общалась в нашем городе. Вместе с Татьяной Сергеевной Корешковой (она тогда работала хранителем фондов Музея литературы и искусства им. Бухар жырау) мы издали сборничек

воспоминаний павлодарцев «Мы Вас помним, Анастасия Ивановна!», стали проводить литературные Цветаевские встречи, в 2005 году зажгли первый павлодарский Цветаевский костёр (в 2024 году он был уже двадцатым!), а 4 января 2013 года при поддержке Татьяны Ивановны Кузиной открыли в Славянском центре общественный музей Анастасии Цветаевой. И сейчас в нём уже 4600 единиц хранения. Ценен наш фонд подлинниками – рукописями, фотографиями, личными вещами писательницы. Очерки о некоторых экспонатах музея вошли в мою книгу «Зовут её Ася...» (2018), где опубликован и одноименный большой очерк о жизни и творчестве Анастасии Цветаевой.

– Горожане знают музей по большим мероприятиям, которые уже стали традиционными...

– Да, это прежде всего Цветаевский костёр, он всегда проходит в сентябре, в воскресенье, которое выпадает перед днём рождения А. Цветаевой. А ещё павлодарская поэтесса Елена Игнатовская предложила проводить «Цветаевский каток» – культурно-спортивный праздник в память о том, как Анастасия Ивановна до самых поздних лет каталась на коньках. И многие павлодарцы-старожилы вспоминают, как она «нарезала круги» на катке стадиона «Трактор» вместе с внучками Ольгой и Ритой... Каток теперь тоже пользуется популярностью, на него приходят семьями, всегда много молодёжи. Ещё одна традиция родилась в музее – в День Славянской письменности и культуры, 24 мая, проводить большие читательские конференции по творчеству А.И. Цветаевой. Активное участие принимают в них студенты Павлодарского педагогического колледжа и Павлодарского педагогического университета. 1 июня, в День защиты детей, музей проводит выездное мероприятие «Уголок детства» в Ленпарке, где так любила гулять с внучками А.И. Цветаева. Ребята узнают о жизни и творчестве «бабушки Аси» и о семье Трухачёвых, и, конечно, так же, как Рита и Ольга в детстве, любят ползать по фигурам львов, медведей и слона, сохранившихся в парке с 50-х годов прошлого века.

Если уж речь зашла о музее, не могу не похвастаться нашей издательской деятельностью. Мы выпустили 18 книг, брошюр, сборников стихов и нотных сборников, памятных календарей. Сборник стихотворений «Связующая век и миг», посвящённых А.И. Цветаевой, вышел тремя изданиями – в Павлодаре, Барнауле и Москве. В него вошли стихи Марины Цветаевой, посвящённые младшей сестре, и стихотворения наших современников – 36 авторов. Ещё был интересный про-

ект – сборник детских сказок «Три воздушных шарика» (к 120-летию А. Цветаевой), дети писали продолжение цветаевской сказки, которая была утрачена при её аресте в 1937 году. Много работы было над книгой биографов писательницы Глеба Васильева и Галины Никитиной «Встречи-свидания с А.И. Цветаевой», которые передали из Москвы рукопись и более 150 уникальных фотографий в Павлодар. Книга была выпущена в 2017 году. Большую популярность снискал «Цветаевский календарь», выпущенный музеем на 2018 год, фотографии в него были взяты из фондов музея и сопровождалась отрывками из произведений А.И. Цветаевой. А в 2019 году вышел в свет сборник стихотворений «Две сестры, две слезы, две дороги», посвящённый Марине и Анастасии Цветаевым, цветаевским музеям и Цветаевским кострам. Его авторы – 29 павлодарских поэтов и бардов! В этом же году музей выпустил к 125-летию А. Цветаевой «Календарь для записи памятных дат» с фотографиями из фондов музея.

В 2021 году вышла уникальная книга-альбом «Цветаевские кошки». В 2022 были опубликованы материалы 9-й Цветаевской читательской конференции «Поэт, связавший времена». В начале 2023 закончилась большая работа сотрудников музея по подготовке к печати переписки А.И. Цветаевой с её многолетним другом В.Я. Ионасом. Эта солидная книга (424 страницы) вышла в свет, была презентована в областной библиотеке им. Торайгырова и уже поступила во все цветаевские музеи и ведущие библиотеки Казахстана и России. К 130-летию писательницы мы выпустили каталог её автографов и рукописей, которые хранятся в фонде музея (более 500 единиц хранения!), под названием «Зеркало времени», а также сборник рассказов А. Цветаевой «Три рассказа». Действие их происходит в Павлодаре.

О музее могу рассказывать долго...

– **Огромный объём работы. А ведь музей ваш – общественный.**

– Да, мы волонтеры, за работу денег не получаем. Тем дороже мне помощь людей, без которых музей наш не состоялся бы: Татьяна Ивановна Кузина, Татьяна Сергеевна Корешкова, Геннадий Васильевич Зеленин, Гуляра Шамилевна Чистякова, Лариса Ивановна Деркунская, Лидия Семёновна Прохорова, Галина Васильевна Рудишева и многие другие. А сколько цветаеведов со всех уголков мира помогали и помогают нам в пополнении фондов! Сколько бесценных экспонатов подарила Ольга Андреевна Трухачёва! Сколько находилось меценатов, чтобы издать наши книги! Низкий поклон всем.

– Недавно, как говорится, «награда нашла героя»: Указом от 10 февраля 2025 года Президент РФ наградил тебя медалью Пушкина. Поздравляю!

– Спасибо. К наградам отношусь спокойно, но эта – имени Пушкина! – конечно, дорога. Во-первых, как поэту. Во-вторых, дорога тем, что благодаря этому факту столько людей узнало, что в Павлодаре есть музей Анастасии Цветаевой! И, возможно, кто-то заинтересуется судьбой этой удивительной женщины, «последнего луча Серебряного века», как писали о ней. Кто-то прочтёт её талантливые книги. А кто-то и приедет в наш музей.

– Ты лауреат международной литературной премии имени Марины Цветаевой, республиканской премии имени Павла Васильева, других наград. А какая для тебя самая значимая?

– Если брать в широком смысле – самая дорогая награда – это минуты, когда пишется стихи. Это счастье.

– А из своих стихотворений выделяешь ли какое-то по-особому дорогое?

– Пожалуй, это стихотворение «Переводчик», которое я прочла в Доме-музее Марины Цветаевой в Москве при вручении мне Цветаевской премии:

*С головой накрывает невидимая волна,
И не важен убогий быт или свет тусклый,
Ведь поэзия – перевод с Божественного на
Русский.
Кто впервые сказал об этом – Бог весть.
Может, это умная мысль, может – ересь.
Но пока хоть один переводчик на свете есть –
Человечество не погибнет,
Надеюсь.
Слушай Голос и не придумывай ничего.
Подбирай слова, учись, доходи до сути.
И не мни себя автором. Все мы только Его
Слуги.
Но когда однажды, рассекая веслом волну,
Увозя меня в никуда, седой перевозчик
Будет требовать плату, я ему протяну
Пару строчек.*

МОЙ СТАРШИЙ БРАТ

Мой старший брат Александр Поминов умер 15 мая 2013 года. Умирал он в холодной запущенной квартире на втором этаже старого неблагоустроенного двухэтажного дома. Он был один, всеми забытый и ненужный никому, кроме разве что матери, которая, находясь за тысячами километров, изо дня в день вызванивала его по сотовому телефону, специально ему купленному и давно не отвечавшему. Хоронили его на собственные средства бывшие коллеги-журналисты... Мы, его братья и мать, были далеко и на похороны не успевали...

Бугорок земли с деревянным крестом в дальнем пустом углу деревенского кладбища – вот и всё, что осталось на земле от моего старшего брата – такого когда-то красивого, умного, талантливого. Или не всё?

Кем он был для меня в жизни, почему его собственная жизнь сложилась так, а не иначе, что было первопричиной его бед – «сложная штука жизнь», неблагоприятные гены или он сам – его безоглядный романтизм, замешанный на инфантилизме, разгильдяйстве, безответственности и эгоизме? Куда подевались его лучшие человеческие качества, на что были потрачены душевные силы? Зачем, наконец, я ищу ответы на эти вопросы – ответы, казалось бы, вполне очевидные. Или вопросы эти, наоборот, вообще не имеют ответов?

Почему, наконец, горький опыт жизни старшего брата не стал уроком для брата младшего? Что это – печать проклятия, доставшаяся нам почему-то в наследство? Или всё-таки мы сами повинны в том, что живём так, как живём?

Но хватит, пожалуй, вопросов, тем более что большинство из них отчасти риторические. Лучше о том, что я помню...

* * *

Мы жили в целинном совхозе, затерявшемся на самом краешке Казахстана, на его границе с российской Сибирью. И, как понял много позже, я рос с ощущением, что наш совхоз и есть пуп земли, центр мироздания, что земля вращается не вокруг своей оси, а вокруг нашего дома, нашей улицы, нашего совхоза. Это чувство родины и до сих пор живёт во мне, хотя и не так остро ощущается. С чего всё началось, я и сам не знаю. Мог бы попытаться объяснить, но не буду – боюсь показаться неубедительным. Главное, что оно было – это чувство. И хорошей прививкой для его зарождения стали книги. Тогда ещё жила в некоторых семьях традиция читать их вслух. В нашей её не было, но и у нас дома старший брат с друзьями читали вслух Гайдара – «РВС». А я, затаив дыхание, слушал. Позднее уже сам читал «Дальние страны», «Голубую чашку», слушал по радио инсценировку «Чука и Гека» и с какой-то необыкновенной ясностью и даже гордостью понимал: как нам повезло – жить в такой замечательной стране. Конечно же, не только мой старший брат и его друзья прививали мне это высокое чувство маленького гражданина великой родины, но и они тоже.

* * *

Купаться мы в детстве летом ездили на велосипедах или ходили пешком за восемь-десять километров в Жанатан, на Красный кордон или на железнодорожный разъезд Осенний. Это были котлованы, оставшиеся после выемки грунта при строительстве автомобильной и железной дорог, заполненные талыми водами. Сколь же я наглотался в них воды, прежде чем научился плавать!

Помню жаркий летний день. Старший брат везёт на велосипеде нас с моим одноклассником и другом Толькой Пучелевым в Жанатан. Толька сидит сзади, а я впереди на раме. Просёлок, по которому мы едем, покрыт пылью, и я физически ощущаю, как трудно брату везти по нему нас двоих: он тяжело и горячо дышит мне в затылок, иногда роняя на мои голые плечи капли пота. Мне так жалко брата, что я хочу сказать: «Ладно, хватит ехать, уже близко, мы сами пешком дойдём». Но я молчу, а он с трудом крутит педали.

Почему-то эту давнюю поездку буду вспоминать многие годы спустя, когда наши отношения с братом уже расстроятся, когда накопятся

обида из-за его беспутной, безалаберной жизни... Не то, как мы купались, а то, как ехали, и это его тяжёлое дыхание...

* * *

Я заканчивал седьмой класс, когда у нас дома появился мотоцикл – одноцилиндровый «ИЖ-Планета», купленный наполовину в долг. И хотя мотоцикл был простенький, это свидетельствовало об определённом социальном статусе нашего семейства, особым достатком среди других не выделявшегося, но и не бедствующего.

Старший брат почти сразу стал пользоваться мотоциклом практически на равных с отцом. Мне же был обещан первый урок вождения по окончании седьмого класса, если все оценки будут отличными...

И вот уже лето, мы с братом за совхозом в поле, на просёлочной дороге. Он уступает мне водительское место, садится сзади, делает последние наставления: «Чуть-чуть добавляешь газа, плавно, плавно отпускаешь муфту. Понял? Пла...» – брат не успел закончить слово, как я уже газанул, отпустил муфту, мотоцикл рванул с места как боевой конь, а я, не удержав руль, с него свалился. Брат, кстати, тоже. Мотоцикл лежал на боку, вращая заднее колесо и мирно постреливая дымом.

И хоть первый урок оказался неудачным, ездить я вскоре научился и с той поры ещё больше полюбил просёлочные дороги, которые так ладно, по-домашнему уютно ложились под колёса мотоцикла...

В старших классах брат начал писать стихи. Правда, насколько знаю, никому не показывал, но однажды осмелился послать их в редакцию сверхпопулярной тогда «Юности», молодёжного журнала, у истоков которого стоял ещё Валентин Катаев, а потом этот журнал многие годы редактировал Борис Полевой.

Каким-то чудом в бумагах брата, оставшихся после его смерти, сохранился ответ – на фирменном бланке «Юности» за подписью поэта Юрия Ряшенцева: «Ваши стихи написаны поэтически грамотно, но в них, к сожалению, отсутствует особый поэтический характер...» Ответ этот если слегка и отрезвил творческий пыл начинающего поэта, его тягу к стихотворчеству всё же не убил. И поэтом брат стал.

* * *

И брат, и многие его сверстники, вступавшие в жизнь на излёте хрущёвской волны, вырастали отчаянными романтиками. Причинами тому становились и само то время больших перемен, целина с её ещё не выветрившимся романтическим духом, книги и, конечно же, не в последнюю очередь идеология. «Не важно – кем ты станешь, важно –

каким будешь!», «Раньше думай о Родине, а потом о себе!» – такие тогда были в ходу лозунги, становившиеся жизненными установками для тех, кто вступал в самостоятельную жизнь.

Высокие устремления требовали высоких поступков. Брату и его ровесникам было недостаточно идти навстречу трудностям – им надо было ехать, бежать, плыть к ним, постоянно что-то доказывать себе и другим. А где это лучше всего сделать, если не на великих стройках коммунизма! И, едва закончив школу, они впятером – три парня и две девушки – отправились на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку – Саяно-Шушенскую ГЭС на Енисее. Мой брат наверняка стал одним из главных вдохновителей этого патриотического порыва – ему и пришлось очень скоро разгрести последствия.

Дело в том, что на главной стройке страны конца 60-х годов никто молодых энтузиастов не ждал. Прежде всего потому, что ни у кого из них не было строительных специальностей, а ученики и разнорабочие там не требовались. Они же, не удосужившиеся даже письмо написать руководству стройки и сообщить о своих намерениях, получив от ворот поворот вместо распростёртых объятий, были не просто обескуражены – убиты этим отказом. Им казалось немыслимым вернуться с позором домой, выслушивать усмешки и упрёки: «Вам же говорили, вас же предупреждали...» И правда, говорили и предупреждали.

Выход нашёлся совершенно неожиданно, притом под боком: в нескольких десятках километров, ниже по течению Енисея, тоже была Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Не такая, конечно, масштабная, как крупнейшая в СССР и одна из крупнейших в мире гидроэлектростанция, но тоже почётная: было объявлено, что в Шушенском – месте сибирской ссылки вождя мирового пролетариата В.И. Ленина – строится посвящённый ему город-памятник. И там посланцев казахстанской целины приняли разнорабочими.

Никто из них не сбежал домой от трудностей самостоятельной общежитской жизни – далеко не безоблачной. Случались конфликты, один из которых пошёл им на пользу – они решили получить строительные специальности: парни – каменщиков, девчонки – отделочниц. О них заговорили в Шушенском – после статьи в районной газете. Её потом перепечатала с собственными добавлениями популярная казахстанская молодёжка «Ленинская смена», выходявшая тиражом в двести тысяч экземпляров. И даже последователи у них появились – из следующего выпуска нашей школы.

Брат однажды прислал домой вместе с письмом районную газету «Ленинская искра», в которой был опубликован его первый материал «Рабочий день нашей бригады». Он так мне понравился, что я тоже стал писать заметки в нашу районную газету, а после школы стал штатным её корреспондентом. Выходит, именно брату я обязан выбором профессии. А Шушенское определило всю его дальнейшую судьбу. Отсюда он уходил в армию, сюда же потом вернулся.

Я хорошо помню свой первый приезд к нему в 1973 году – уже студентом второго курса факультета журналистики КазГУ – и нашу с ним незабываемую поездку к месту строительства Саяно-Шушенской гидроэлектростанции. Прямой дороги туда ещё не было, и добирались мы на перекладных: сперва ехали на раздолбанном автобусе по разбитой дороге, потом на полугрузовой лодке переправились на другую сторону Енисея, притом с нами переправлялся ещё один путник, вместе с мотоциклом, хорошо ещё, что без коляски... Потом мы пешком шли по отбитой у горного склона дороге, попутно любуясь дикими красотами Саян, пока нас не подобрал попутный «МАЗ». Был выходной день, а потому стройка казалась безлюдной. Никем она не охранялась, и мы спокойно по ней бродили. Не было ещё плотины, и Енисей не был перекрыт, лишь велась отсыпка грунта с левого берега, и река шумела у наших ног, вспенивая буруны.

Обратно мы также добирались на перекладных: сначала на рабочем автобусе, который вёз со смены дежурную бригаду, потом опять пешком, после чего снова переправлялись на лодке, выполняющей роль парома, и дальше опять на автобусе.

Та поездка к брату оставила во мне самые светлые воспоминания – и от всего увиденного (а мы были и в Шушенском бору, и в воссозданной сибирской деревне-мемориале, устроенной на месте ссылки В.И. Ленина, и даже пообедали в здешнем ресторане); и от того, что я видел и чувствовал, как относятся здесь к моему старшему брату, как любят его. Мне даже удалось поработать с ним в редакции, когда он засадил меня за свободный стол готовить материалы для специальной стройотрядовской полосы.

Я видел – брат здесь не просто дома, но ещё и в семье – кому-то друг, кому-то младший брат, а кому-то почти сын... Один из опекавших брата ветеранов газеты называл его журналёнком. Я так гордился братом! Когда девчонки-однокурсницы позднее начнут отмечать и какие-то мои качества (по большей части, к сожалению, платонически), я буду им отвечать: «Это вы потому так считаете, что моего старшего брата не знаете!»

* * *

Брат открывал новые для меня имена в литературе и новый взгляд – на имена мне хорошо известные.

Мы встретились в родительском доме, приехав на свадьбу нашей единственной сестры, и брат привёз с собой из Шушенского книжку рассказов Бабеля, с восторгом цитировал Беню Крика: «Папаша, выпивайте и закусывайте, и пусть вас не волнует этих глупостей!» И сам наслаждался произведённым эффектом.

А в ту ночь перед свадьбой мать постелила нам, троим братьям, в зале на полу. И мы так старательно укутывали младшего Петю, что он нам утром выговаривал: «Совсем вы меня упарили!»

...Однажды, в другой раз, мать отправила нас троих из дома проводить деда, её отца, в Купино. До Купино мы добрались на автобусе вечером, а до нужной нам деревни Чубаровки было ещё километров с десятков, и рассчитывать оставалось лишь на попутку. Но началась сильнейшая гроза с ливнем. Мы промокли до нитки и пришли в деревню, переполошив родню, уже за полночь, к тому же грязные, как черти.

Строговатый, не очень ласковый дед был на этот раз как-то особенно к нам расположен (наверное, чувствовал – вряд ли нам всем ещё удастся свидеться). Желая обратиться к одному из нас, он сбивался, называя другого, третьего, и получалось наше общее имя «Шурк-Юрк-Петьк», которое, похоже, ему нравилось. Он смеялся: «Совсем я с вами запутался!» Хоронить же деда довелось единственному из нас брату – младшему.

* * *

Жизнь у старшего брата до поры до времени складывалась вполне благополучно. Быстро получил квартиру, однокомнатную, правда, но свою, в благоустроенном доме. И на работе дела ладились: назначили заведом. Писал и печатал стихи.

И женихом, можно сказать, был завидным: хорош собой, умён, начитан и к тому же поэт. Однако та, на которой он остановил свой выбор (из-за неё он, может быть, и затеял поездку на ударную стройку – хотел что-то и ей, и самому себе доказать), взаимностью ему не отвечала, и тянулась эта неопределённость в их отношениях многие годы... На него, конечно, обращали внимание другие представительницы противоположного пола, иные даже признавались в своих чувствах, но в итоге брат женился на женщине с двумя детьми. Может быть, его подвигнул к этому высокий человеческий порыв; может, родство душ (оба

они были поэты); может быть, она вообще была первой женщиной в его жизни...

Брат окончил Высшую партийную школу в Хабаровске, был назначен заместителем редактора Шушенской районной газеты.

Наша мудрая мать сказала брату, когда он привёз своё тогдашнее семейство ей на показ: «Я-то твоим приёмным детям бабушкой стану, а вот сможешь ли ты им стать отцом?»

Хорошим отцом брат не стал – ни им, ни двум общим, родившимся позднее. Первопричина, скорее всего, – пагубная российская беда, именуемая пьянством.

В один из наших с матерью приездов к брату я пытался говорить с ним об этом, приводил, казалось мне, неопровержимые доводы, даже грозился, что не приеду к нему больше. Брат же, с чем-то нехотя согласившись, на угрозу хладнокровно ответил, что шибко переживать по этому поводу не собирается. И я решил у него больше не бывать. Но никогда не говори никогда...

* * *

Брата пытались лечить в закрытом лечебном учреждении. Первое, что он сделал, вернувшись домой, – напился и устроил скандал: вот, мол, вам ваше лечение.

Вскоре семья брата распалась. Работать после этого с бывшей женой в одной редакции да и просто жить в Шушенском было невозможно, и брат переехал в другой, дальний, район, где были вакансии в редакции и где он пытался начать жить заново. И это ему, кажется, даже отчасти удавалось.

* * *

Его новую избранницу звали Аня. Я не помню её лица и голоса. Мне она запомнилась лишь тем, что когда они приехали к нам домой, Аня всё время переписывала в толстую общую тетрадь братовы стихи. А он, когда мы с ним гуляли, говорил: как это, оказывается, здорово – жить здоровой мужской жизнью... Почему она в конце концов ушла от него, он мне толком так и не объяснил. Во всяком случае, не пьянство было тому виной, а, насколько я понял из его путаных реплик, несовпадение жизненных приоритетов.

Нашлась и третья женщина, которая, имея дочь-подростка, была готова не только связать с ним жизнь уже на новом, третьем месте его работы, но и принять двоих его детей от первого брака. И, может быть, у них что-то могло срастись, но...

* * *

Есть такое выражение: мёртвый хватает живых. Это метафора, конечно, хотя в судьбе брата она стала, если можно так выразиться, формулой прямого действия...

Брат позвонил нам, что вообще-то делал очень редко, и сказал, что умерла его первая жена, попросил приехать. И мы с матерью поехали...

Поезд приходил в Абакан рано утром, брат, ожидая нас, всю ночь просидел на вокзале, сказал, что много передумал за эти часы.

Он приехал ещё до этого в Шушенское, когда бывшая жена была ещё жива, но даже не дни её, а уже и часы были сочтены. Брат хотел проститься с ней и, наверное, повиниться, но она не захотела. Может, не простила былых обид, может, не хотела, чтобы он её видел такой...

То были тягостные дни для всех нас: предстояло решать вопрос с детьми, которые от отца отвыкли... Старшая приёмная дочь к тому времени уехала в Израиль с мужем-евреем, младшая приёмная сразу сказала нам с матерью, что им такие отцы не нужны – ни мой брат, ни новый муж матери. Родная дочь брата – подросток Тоня – жила уже своей, далёкой от семьи жизнью с, похоже, устоявшимся комплексом: раз я вам не нужна, то и вы все мне тоже, буду жить как хочу... И только младший сын Ваня, молчаливый, услужливый, с постоянно заложенным носом, был ещё как воск – лепи из него что хочешь...

О переезде родных детей к брату, в его планируемую новую семью, в другой райцентр, и речи быть не могло – как и о дележе их... Насколько я теперь понимаю, лучше всего в той ситуации было бы оставить их самих, помогать деньгами, наезжать к ним и приглашать в гости к себе. Но родственникам умершей жены хотелось определённости, а брат, конечно же, чувствовал свою вину, и сошлись на том, что он переберётся жить к детям. А пока что с ними останется бабушка, наша мать, чтобы навести хоть какие-то мосты...

Как ей там жилось целый месяц, пока брат утрясал дела с работой и переездом (здесь его опять взяли в редакцию), мать вспоминать не любила. Её в доме внуков в лучшем случае терпели.

Мы с братом съездили к нему в Идринское, были вместе в редакции, у его друзей. Я видел – к нему там хорошо относятся. Так, собственно, всегда было – и в Шушенском, и в Новобирилюссах, где он жил и работал после развода. У брата вообще отношения с чужими людьми складывались гораздо лучше, чем с самыми близкими. Такой вот парадокс.

Я тогда говорил брату:

– Если ты думаешь, что, вернувшись к детям, будешь жить, как жил, – лучше откажись. Не переменишь жизнь – всё окончательно испортишь – и себе, и, что ещё хуже, детям. Я даже не знаю, что ты должен сделать, чтобы они тебя приняли и поверили тебе снова...

– Да всё я понимаю, – отвечал брат, всем видом давая понять, насколько ему неприятен этот разговор.

Может, и понимал, может, и хотел наладить отношения. Но – не получилось. Тут нужны были невероятные такт и терпение. Терпение и такт. А ими брат то ли не обладал, то ли обстоятельства оказались выше... Шансы, думаю, всё же были, особенно когда уехала в США приёмная дочь Таня, почти не переносившая брата, и они остались втроём. Но стойкая неприязнь к отцу уже сформировалась у родной дочери... Дело доходило до того, что она вызывала милицию, и их семейные ссоры разбирал суд. Брат уходил из дома и жил где придётся. Дочь связалась с отпетой компанией и задолжала ей столько, что брата её дружки «поставили на счётчик»... Так они и жили, если это можно назвать жизнью...

* * *

Слова поэтов часто становятся пророческими, предсказывая их собственную судьбу. Так и брат мой в один из приездов к нам, когда мы, выпив дома водки, пошли прогуляться по набережной Иртыша, как-то очень беспечно и даже, показалось мне, бахвальясь, заявил:

– А я для себя так решил: до пятидесяти лет буду жить как хочу, а после пятидесяти – как получится!

Наверное, ему казалось тогда, что жизнь всё ещё не так плоха и рано печалиться о будущем. А оно наступило быстрее, чем думалось. Если вообще об этом думалось...

Последней надеждой оставался сын Ваня, студент техникума, без пяти минут специалист-землеустроитель: с ним у брата как будто и контакт был, и какое-то будущее просматривалось. Но случилось непоправимое...

У сына была девушка – выпускница средней школы. Он посвящал ей стихи, она отвечала ему взаимностью... Считалась членом семьи, оставалась ночевать в их доме. И однажды после глупой ссоры ушла с одноклассниками ночью после выпускного вечера, чего он почему-то очень не хотел, прибежала и сгоряча ткнула его, спящего, ножом. Попала в крупный кровеносный сосуд, и сын чуть ли не мгновенно умер от кровопотери. Она разбудила брата:

– Дядя Саша, я Ваню зарезала...

После этого жизнь брата совсем пошла под откос – потеряла смысл (не знаю, впрочем, был ли он у него и до этого, но сын всё же держал брата на плаву). Пил... Уволили с работы... Навалились болезни – глаз, ног... Жалостливые звонки и телеграммы от него нам... На посланные мной деньги выкупал паспорт, отнятый «приятелями» дочери за её долги... Из Шушенского опять переехал в Идринское.

Приезжал, подолгу жил у нас – от нескольких месяцев до полугода. Лечили, откармливали... Он же всё больше опускался, перебивался случайными заработками в газете, где его изредка печатали... Подрабатывал сторожем в магазине – за дешёвые продукты.

Это была такая парализация воли, что даже когда пришла пора оформлять пенсию, не смог документы собрать, и мне пришлось не раз звонить туда – просить районный отдел соцзащиты, редакцию, чтобы помогли... Пенсию всё же назначили – семь тысяч рублей...

Была ещё попытка – связать жизнь с женщиной схожей судьбы. Она написала нам письмо – очень красивым, чётким, каллиграфическим почерком бывшей учительницы: «Живём... Понемногу делаем ремонт в квартире...»

Но последней опорой в жизни друг другу они стать не смогли... Остались кривые, корявые строки брата в блокноте про то, как она лежит пьяная... Не думаю, что и он тогда вёл жизнь трезвенника...

* * *

На могилу брата мы с сыном Димкой приехали два года спустя после его смерти. Поставили скромный памятник на старом сельском кладбище. Мне отдали бумаги брата, уместившиеся в нескольких толстых папках. Я их просмотрел на обратном пути в поезде – ничего особенного: стихи, блокнот, в котором они с последней «подругой жизни» пытались вести учёт расходам, газетные вырезки... И несколько старых писем – от матери и моих...

Женщина-редактор местной районной газеты, первым журналистским наставником которой был брат, собрала нескольких человек, его знавших, и мы помянули брата. Все они хорошо, тепло о нём говорили, и, думаю, отнюдь не «по законам жанра»: с чужими, повторяю, у него всегда получалось ладить лучше, чем с близкими.

Редактор ещё рассказала, что приезжали две женщины, одна из которых была дочерью брата. Посмотрели крайне запущенную квартиру, которая всё время оставалась пустой, и уехали, не сказав – будут ли заниматься её наследованием. На кладбище не заезжали, квартирой больше не интересовались, решив, вероятно, что не стоит она хлопот...

Я тоже вряд ли ещё когда-нибудь окажусь там, где нашёл последний приют мой старший брат.

* * *

Я и теперь не могу точно сказать – где и когда начался тот слом в его судьбе, который привёл к столь печальному итогу. Может быть, все его шараханья по жизни – от первой не сложившейся, ещё юношеской, но не изжитой до зрелых лет любви. Избранница его отвергла (и сама, кстати, осталась на всю жизнь одинокой), но, поступи она иначе, семьи у них, учитывая их характеры и натуры, всё равно бы, наверное, не получилось. Может, всё усугубила первая его женитьба (не мне судить – насколько она была оправданной).

Может, он был не от мира сего: один в быту – «Неудельное дерево, прожил, прости Господи, как за пнём высрался!» – грубо, но очень точно говорила про него мать; и совсем другой – в своих стихах, что тоже правда. Но кто теперь это разберёт?

Где-то я прочитал фразу, приписываемую Анне Ахматовой: «Каждый талантливый человек должен быть эгоистом – талант должен как-то ограждать себя». В том, что брат талантлив как поэт, я несколько не сомневаюсь: он сам чувствовал божественную музыку стиха и умел её воспроизвести в своих лучших строках. Что же касается эгоизма, то раньше я об этом как-то не задумывался, вернее, не считал его основополагающей чертой братовой натуры, будучи уверенным в том, что основные причины всех его бед прежде всего в пьянстве. Теперь же думаю, что две эти напасти, дополняя одна другую, и вели брата по жизни к печальному итогу.

Помню, как я был неприятно поражён и даже обескуражен, обратившись к нему за советом в щекотливой житейской ситуации. Мне было 19 лет, и я сам был виноват в случившемся, но посоветоваться ни с кем больше не мог. А брат уже отслужил в армии, кое-чего повидал в жизни, и мне казалось, поможет как-то выпутаться. Он отчасти удивился, засмеялся: шустрый, мол, у меня какой братан, оказывается – и... предложил переложить решение проблемы на плечи матери, что было совсем уж для меня неприемлемо... И то, что он больше никогда не вспоминал о том нашем разговоре, меня даже устроило – мне тоже не хотелось о нём вспоминать. Но я бы на его месте вспомнил обязательно: ну и как же там у тебя потом всё разрулилось?

Много позже, уже за несколько лет до кончины, брат в очередной раз жил у нас дома: я его в последние приезды всякий раз подлечивал,

устраивая в больницу, а мать откармливала. И вдруг позвонила его дочь от родственников из Абакана. Поговорила с матерью, и та ей сказала, что и отец у нас. Или дочь сама спросила – деталей не помню. Не помню также, дочь сама захотела с ним поговорить или мать ей предложила. Но брат отказался говорить, а на мой вопрос почему ответил, что она для него больше не существует...

Я и позже пытался ему втолковать: ну были у вас разногласия, остались старые обиды, оба вы не подарок... Но теперь-то чего шарахаться друг от друга – помиритесь. Не знаю, простила бы она его за все свои житейские беды, среди которых был и тюремный срок (кажется, за наркотики), и в которых она наверняка и его винила, только сам он примирения не хотел. И, думаю, совсем не потому, что уж так её не любил, а тем более ненавидел или был злым, непримиримым человеком. Дело, скорей, в другом: значит, надо было напрягаться, брать на себя какую-то ответственность, заново выстраивать отношения. Он же на это уже не был способен, потому что давно жил не так, как надо, а как сам себе когда-то напорочил – вот и плыл по течению.

Кто-то может сказать: ну вот, по двум всего лишь примерам (один к тому же личностный) судить о человеке как об эгоисте... Нет, этих примеров много, а это лишь два полюса между ними.

Ну, вот ещё... Когда разлад во взаимоотношениях наших отца с матерью достиг совсем уж неприличия (чему виной, конечно же, стал больше отец), я «включиться» никак не мог – был на учёбе и попросил в письме его, как старшего, подействовать на них обоих. Он же, приехав в очередной раз в отпуск домой, вместо разговора по-мужски с отцом и – душевного – с матерью просто заявил им: мол, будете ругаться – я уеду. Напугал...

Он, насколько понимаю теперь, и вообще-то не любил напрягаться, особенно душой... Приехали мы с ним в наш совхоз – два уже взрослых мужика – мне, наверное, под пятьдесят, он на три года старше. И брат даже не захотел навестить одноклассницу, у которой недавно умер муж. Между прочим, они когда-то вместе после десятого класса строили в Шушенском город-памятник Ленину. Едем обратно, говорю: «И что же ты, брат, за человек такой?» Он в ответ: «А что бы я ей сказал?»

И сколько подобного эгоизма было в его собственной семье, когда ни жена, ни приёмные, ни появившиеся собственные дети не останавливали его чванливого себялюбия, замешенного ещё и на пьянстве. Одна идиотская формула «Я сам себе Поминов!» чего стоит. Откуда

это бахвальство, эта глупая, ничем не оправданная бравада? Или это форма самозащиты на все случаи жизни?

С большим трудом удалось вызвать его однажды на разговор, или, вернее сказать, заставить меня выслушать. Прямо говорил о его пьянстве, потере самоконтроля и самооценки, потере лица... Он меня не услышал... Или не захотел услышать... «Зато я работаю в лучшей районной газете Советского Союза, и её страницы для моих стихов меня вполне устраивают». Понимал ли, что на самом деле происходит, или нет?

Истоки его пьянства, к сожалению, в наследственной предрасположенности. Но и в распушенности, а это тоже одна из форм эгоизма. Потому что мог и не пить.

Уже всё в жизни потеряв, гостил у нас три месяца, не выпив ни рюмки. Даже на Новый год, когда я сам ему предлагал. Видел – как не просто ему это давалось в те часы за столом, какие внутренние борения отражались на его лице... Но выдержал характер! Значит, всё же была воля... Но по жизни его, некогда романтика из романтиков, вели, к сожалению, вопиющий инфантилизм и выраставшие из него себялюбие, эгоизм и пьянство.

В последние наши встречи у нас дома я мало переносил брата – опустившегося, неопрятного, согнувшегося за обеденным столом, постоянно подшмыгивающего носом и с шумом хлебавшего из ложки. Мало разговаривал с ним... Он наверняка всё чувствовал и тоже больше молчал. Мать как-то наедине стала выговаривать ему:

– Ты что всё молчишь, поговорил бы с братом.

– Зачем, – отвечал брат, – как он живёт, я вижу. Мне о своей жизни сказать вам нечего.

Всё понимал мой брат, но он уже привык жить как жил, как сам себе когда-то напроорочил – «как получится», вернее, как позволяли обстоятельства. Он, как та личинка, окуклился, сведя свою жизнь до элементарных физиологических потребностей. Правда, ещё читал. Но, я думаю, просто чтение, без работы души, без какого-то бы то ни было вытекающего из чтения действия – одна из форм сибаритства, безделья, если хотите, тунеядства.^[P]Но, может, я и не прав в этих своих предположениях, больше смахивающих на утверждения, потому что стихи брат продолжал писать и тогда – кажется, до самой смерти...

* * *

Нарисованный мною портрет брата столь безотраден, что я сам себе всё время задаю вопрос – зачем? Зачем я это пишу? Для кого? Честно

признаться – не знаю. Хотел, наверное, разобраться в том, в чём и разобратся нельзя. И ещё затем, что никогда не забывал о том, как брат открывал мне новые имена в русской литературе, учил слушать и слышать музыку слов. Прежде всего – в поэзии, но и в прозе тоже.

Он открывал мне Михаила Светлова – героическую «Гренаду» и ироническое «Товарищи классики, бросьте чудить!», Твардовского – «Тёркина», «Я знаю – никакой моей вины» и «Дробится рваный цоколь монумента»... «Другого», неизвестного мне Блока:

*Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!*

А последнее четверостишие этого блоковского стиха:

*Пусть я умру под забором, как пёс,
Пусть жизнь меня в землю втоптала –
Я верю: то Бог меня снегом занёс,
То вьюга меня целовала! –*

отзовётся позднее – опять же пророчески – в собственных стихах брата.

Он открыл мне поэзию Николая Рубцова. Это была наша последняя встреча в совхозе, ещё в материнском доме, я перевозил её в Павлодар. Была поздняя осень, мы вышли на улицу, и вдруг повалил снег, подгоняемый ветром.

– Снег летит по всей России – будто радостная весть, – сказал брат.

– Кто это? – удивился я.

– Николай Рубцов – знать надо, – наставительно сказал брат, а потом уже дома читал наизусть про воробья, который «не становится вредным оттого, что так трудно ему», «про деревенского простачка Филю»...

«Сапоги мои – скрип да скрип под березою, сапоги мои – скрип да скрип под осиною, и под каждой березой – гриб, подберезовик, и под каждой осиною – гриб, подосиновик!» Как ложились мне, грибнику, эти строки на душу! Или иронические «Стукну по карману – не звенит...», «Моё слово верное прозвенит...» А его «Разлад» я даже выучил наизусть и эксплуатирую иногда на дружеских застольях.

Бывало, брат произносил одну-единственную строку, и мне сразу хотелось узнать этого поэта ближе. Например, Велимира Хлебникова – после «Русь, ты вся поцелуй на морозе...» или Дмитрия Кедрина – после «У поэтов есть такой обычай – в круг сойдясь, оплевывать друг друга...»

Он открыл мне «Одесские рассказы» Бабеля и – первым – рассказы Шукшина. И всё как-то запросто, легко, мимоходом...

Я, собственно, и выбором профессии во многом ему обязан – его первым бесхитростным, но полным жизни репортажам со стройки в Шушенской районной газете. Говорят, что газета – кладбище для литератора, но ему поразительным образом удавалось в одну повозку впрячь коня и трепетную лань – чёрный хлеб «районщика» с высоким поэтическим словом.

* * *

Однажды он был у нас дома, и я предложил записать его на диктофон. Он начитал десятка три стихотворений, прошёл не один год, и мы со старшим сыном Данилом в дороге (ехали на машине из Омска в Павлодар) решили сделать брату сюрприз – издать маленькую книжечку его стихов.

Я расшифровал диктофонную запись, Даня набрал и сверстал, в выходных данных для хохмы, кроме нас с ним, указали как консультантов и трёх других Поминовых – младшего брата Петра и младших моих сыновей – Димку и Пашку.

Книжка, которой мы дали название одного из стихотворений – «Мои подорожники», получилась очень симпатичная, карманного формата. Отправил бандеролью, вскрыли её в редакции без брата (его не было в тот момент), а он, увидев наш сюрприз, конечно, приодурел...

Прошло ещё какое-то время, и я подумал, что было бы хорошо издать настоящий сборник братовых стихов – всех, какие он сам отберёт. И название тоже пусть даст сам.

Эту книжку, названную им «За сорок лет», к которой написал хорошее предисловие (вписал брата в литературу, как я говорю и в шутку и всерьёз в таких случаях) наш младший брат Пётр – кандидат филологических наук, мы также издали в Павлодаре тиражом в сто экземпляров. А обложку оформила младшая сноха Катя. О выходе этой книжки даже в «Литературной газете» была заметка.

Взявшись со второго или третьего захода писать о брате (начинал и бросал), а потом заканчивая эти сумбурные заметки, стал листать этот сборник и подумал, что всё же хорошее мы сделали дело: и «сам себе Поминов» (хотя меня всегда раздражала эта его самохарактеристика) как поэт виден, и по стихам вся жизнь брата прочитывается. Правда, в стихах он совсем другой, чем в жизни, – в них живёт, открывает красоту мира, страдает от его несовершенства и мерзостей, а также от

собственных глупостей, переживает и кается, надеясь и не надеясь на прощение, его живая душа. В этих стихах, пусть и не во всех, но таких строк немало, звучит волшебная музыка слов. Жаль, что их почти никто не прочитает. Я хочу привести здесь хотя бы некоторые.

Вот четверостишие, лучше всего, наверное, раскрывающее его человеческую и поэтическую натуру:

*О проклятый, о сладостный миг!
Всё, чем жил до него, – позабыто.
Вновь вулканом взрывается стих,
Лишь ему моё сердце открыто.*

И хоть мне не совсем по душе здесь «вулканом взрывается» – суть вдохновения, творческого озарения передана точно. Или вот ещё – о том же:

*Поэзия! Защита и опора.
Великая волшебница моя.
В житейских бурях и бесплодных спорах
Лишь ты осталась смыслом бытия.*

Первые стихи в книжке датированы концом 60-х годов прошлого века, последние – 2007 годом. В первых бьёт через край романтизм:

*И в печку подбросив поленьев,
Под блики огня на стене
Уснуть у мечты на коленях
И лето увидеть во сне.*

«Уснуть у мечты на коленях» – как вам это!

Прошли годы... И вот уже житейская драма, уход от семьи, и такие пронзительные строки:

*«Ношу в кармане дочкино письмо...
И от него мне радостно и грустно...*

А дальше:

*И кажется, что детская рука
К щеке прижалась тёплой ладошкой...*

Так и хочется спросить: «Брат, ну куда же эти искренние отцовские чувства потом подевались?» Хотя будет, будет оно звучать, это чувство вины перед детьми, и в более поздних стихах.

Немало пронзительных строк о любви посвящено той, которая ушла от него сама...

*И на свете нет
Нас счастливей двух...*

*И летит, как снег,
Тополиный пух.*

Или вот:

*Твои руки, как белые лебеди,
Распахнули два тёплых крыла.
Мы так долго счастливыми не были,
Но и наша пора пришла.*

Или:

*В зареве заката золотело,
Прелестью и свежестью дыша,
Налитое, молодое тело,
Чистая, открытая душа.*

И, наконец:

*Лягушки на болоте квакали –
Как будто пели соловьи!*

Ну разве не прелесть! Женщина, какую он, похоже, успел полюбить, ушла, а стихи остались. Как и горькие строки, навеянные разлукой с любимой:

*А что душа обуглилась во мне –
Не видно, и кому какое дело.*

Хотя надежда на новую любовь ещё жива:

*Люби меня, люби меня,
И я весь мир тебе открою.*

О смысле собственного бытия и сути творчества:

*Каждый день для меня – первый,
Каждый день для меня – новый.
Каждый день, обнажив нервы,
Одеваю я мысль в слово.*

А вот так – по сути, о том же:

*Не могу не писать,
Не могу.
Ненавижу перо и бумагу...
Снова слово срывается с губ,
Наполняется сердце отвагой.*

О традиционно российской мужской беде – пьянстве:

*Сгорают наши души в адовых кострах.
И рвутся наши судьбы страшно, с треском...*

«Наши» – это и его собственная судьба. Кается:

Я пил жестоко, заглушая совесть.

А на поверку пропивал её... –

но выводов, вернее, шагов к другой жизни, увы, не делает...

А поэтическая натура, что бы ни происходило, всё же берёт верх:

...Как воробьи из-под стрехи,

Сумбурно, радостно и лихо

С пера срываются стихи.

Хотя ирония не изменяет автору тоже:

Нам, гениям районного масштаба,

Бессмертия, увы, не обрести.

А вот ещё жизненный принцип:

Презрев и славу, и карьеру,

Живу от первого лица.

Как истину приняв на веру

Простую песенку скворца.

Мне дороги и близки стихи брата о природе, и особенно о нашей общей целинной родине, которую он очень любил и оттаивал здесь душой. Вот строки, родившиеся после нашей поездки втроём – с ним и младшим братом – в совхоз, на могилу отца:

Милые просёлочки

Босиком исхожены.

Светлые околки

В наши души вложены.

А эти строки он посвятил нам же и сестре, передав настроение от ночлега на улице, под соснами, у дома сестры и зятя:

Плывут в ночи мгновенья

Под звёздною рекой,

Даруя час блаженный –

Целительный покой.

Да, к нам он многие годы приезжал зализывать раны...

Горбачёвскую перестройку и дальнейшую российскую действительность брат решительно не принял, о чём определённо не раз высказывался и в стихах:

Посадили на царство Ивана –

Ликовала и пела страна...

Чем же всё закончилось:

Только ветер гуляет в карманах.

Воцарился на родине мрак.

*Посадили на царство Ивана,
А Иван оказался дурак.*

На ту же тему:

*Пророка нет открыть глаза народу.
Пророка нет. Есть только визг и вой.
И я в стихи, как в ледяную воду,
Бросаюсь ошалевшей головой.*

Мой брат-поэт, мечтавший когда-то «видеть землю в стихах и садах» и назвавший своё поколение «растерянным», даже смерть свою прозорливо-поэтически предсказал, едва ли не в точности:

*Я одинокий старый волк –
Облезлый, некрасивый.
Который год живу я в долг,
И нету перспективы...
...Но всё же перед тем, как пасть
В морозном чистом поле,
Ещё я разеваю пасть,
Пока живу на воле!
Хоть, чую, близок мой конец,
Но не предам породу.
Замёрзну в поле я во сне
И обрету... свободу.*

Почти так оно и было, разве что не в поле... Обрёл ли брат, наконец, свободу? Кто знает...

* * *

Смолоду брат был очень красив – правильные черты лица, чистые глаза, слегка выующиеся, как у отца, волосы. Чем-то он был похож на актёра Олега Даля. Потом – побитый жизнью – походил на мученический профиль Бориса Пастернака. А на склоне лет – больной, согнувшийся, чуть-чуть суетливый – очень напоминал персонаж Сергея Юрского из популярного фильма «Любовь и голуби».

В разные периоды его жизни я относился к нему по-разному. Но я, наверное, и теперь в сущности не знаю – какой он был настоящий, всамделишный, как мы говорили в детстве, и как соединить его реальную жизнь с его поэзией. Но он был, мой брат, и я, так часто бывавший недовольным сваливавшимися на мою голову бесконечными заботами о нём, всё чаще ловлю себя на мысли, что мне его недостаёт.

Сведения об авторе:

Юрий Поминов – автор книг «Крупяной клин» (1990 г.), «Помню и люблю» (1993 г.), «Характеры» (1997 г.), «Живу» (1998 г.), «Мои современники» (1999 г.), «Между прошлым и будущим» (2002 г.), «Блёстки» (2003 г.), «Хроника смутного времени» (книга первая – 2007 г.), «Хроника смутного времени» (книга вторая – 2009 г.), «Хроника смутного времени» (книга третья – 2010 г.), «Избранное» (2011 г.), «Свет отчего дома» (2011 г.), «Просто жизнь... Записки редактора» (2013 г.), «Друзей моих прекрасные черты» (2013 г.), «Блёстки» (издание 2-е, дополненное – 2014 г.), «Что пройдёт, то будет мило». Очерки и рассказы (2014 г.), «Просто жизнь... Записки редактора» (2015 г.), «Просто жизнь... Записки редактора» (2017 г.), «Как я был...» (2018 г.), «Просто жизнь... Записки редактора» (2019 г.), «Просто жизнь... Записки редактора» (2020 г.), «Просто жизнь... Записки редактора» (2022 г.), «Просто жизнь... Записки редактора» (2023 г.), «Просто жизнь... Записки редактора» (2024 г.), «Блёстки» (издание 3-е, дополненное – 2020 г.). Печатался в казахстанских и российских журналах «Простор», «Нива», «Аманат», «Журналист», «Огонёк», в альманахе Ростовской писательской организации «Южная звезда», литературном альманахе «Казахстан – Россия», коллективных сборниках «Лик земли», «Талант владеть землёй», «Отцовское поле», «Книга надежд» («Новая проза Казахстана»), «Был случай».

Оглавление

Герои этой книги	3
Возвращаю долги	5
«Жить стоит!».....	7
Высоты Махмета Каирбаева	33
Соппротивление материала.....	49
Достойная биография	60
Дом Шафера	74
«Жизнь моя – железная дорога».....	115
Строитель союзного значения	130
Однажды и на всю жизнь	145
Век Ивана Лагутина.....	155
«Всё, что могу, я на себя беру!».....	175
«Пока любовь живёт во мне...».....	212
Секретный директор	221
Звёздный час Евгения Азарова	233
Искусство быть счастливой	262
Хранители истории	284
Народный дипломат	319
Мир Виктора Поликарпова	340
Казахстанская школа.....	353
Хлебобоб номер один	367
Главацкий из рода долгожителей.....	387
«Нерешаемых проблем не бывает!».....	409
«Этот путь я прошёл бы снова».....	422
Мой побратим Андрей Челноков.....	431
«Всё, что было – моё, ни о чём не жалею!»	455
Отвага мужчин Пашинцевых.....	466
«Жизнь многогранна и прелестна...»	475
Мой старший брат.....	491

Юрий Дмитриевич ПОМИНОВ

НЕЗАМЕНИМЫЕ

Книга о людях XX и XXI веков
(очерки и интервью)

Автор с благодарностью примет отзывы
по адресу: rominov@inbox.ru

Набор *О.В. Шоканова*
Корректоры *Г.В. Марченко, Т.Д. Сартакова*
Верстка *Н.Л. Яницкая*
Редактор *Т. Хольм (Конобейцева)*

Сдано в набор: 01.03.2025 г. Подписано в печать: 01.06.2025 г.
Формат: 60х84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32
Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в ТОО «Дом печати»
140000, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Астаны, 143